Национальный исследовательский
Саратовский государственный университет
имени Н.Г.Чернышевского
Экономический факультет
Философский факультет
Институт истории и международных отношений,
Институт рисков
Институт филологии и журналистики
Институт искусств
Юридический факультет
Факультет психолого-педагогического и специального образования
Социологический факультет
Факультет психологии
Факультет иностранных языков и лингводидактики
Институт физической культуры и спорта

Сборник материалов

III Международной научной конференции

«Современное общество: человек, власть, экономика»

(4 апреля 2014 г.)

Разделы 6-9

Саратов
ИЦ «НАУКА»
2014

УДК 316.334 (082)
ББК 60.56 я43
С56

С56 Современное общество: человек, власть, экономика: Материалы III Международной научной конференции (4 апреля 2014, г.Саратов). Разделы 6-9: Сб. науч. статей. Саратов: ИЦ «Наука», 2014. – 553 с.

ISBN 978-5-9999-2207-6

Сборник статей подготовлен по итогам международной научной конференции «Современное общество: человек, власть, экономика», проведенной гуманитарными факультетами Саратовского государственного университета 4 апреля 2014г.

В предлагаемых статьях сборника исследуются вопросы развития современного общества с позиций различных гуманитарных наук.

Сборник предназначен для студентов, аспирантов, преподавателей, научных и практических работников.

Редакционная коллегия:
Челнокова О.Ю., доцент, к.э.н. (ответственный редактор)
Голубниченко М.В., доцент, к.э.н.
Сенокосова О.В., доцент, к.э.н.

Рецензенты:

д.э.н., профессор кафедры прикладной экономики и управления инновациями Саратовского государственного технического университета им. Ю.А. Гагарина
И.Н. Пчелинцева

д.ф.н., профессор кафедры философии и политологии Саратовского социально-экономического института (филиала) Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
С.П. Гурин

Статьи издаются в авторской редакции

ISBN 978-5-9999-2207-6

©Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 2014

Раздел 6

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 1:316

ИНТЕРСУБЪЕКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

А.А. Алебастрова
Саратовский филиал Международной академии бизнеса и управления, Россия
E-mail: Alebastrova_70@mail.ru

В XXI веке постмодерн рядом исследователей, воспринимается как новое интеллектуальное течение, призванное осмыслить круг научных проблем, очерченных социальной философией. Предназначение человека эпохи постмодерна видится не только в акте разрушения личности, но и в обращении к экзистенциалам человеческого существования – духовности, свободе и ответственности, предполагающих присутствие субъекта. В поле взаимодействия субъектов происходит процесс экстериоризации личностных установок, создающих новые контуры понимания интерсубъективности личности.

Ключевые слова: личность, интерсубъективность, «Другой», духовность, инаковость, любовь, самость.

Intersubjektivnost of the personality during the postmodern era

A.A. Alebastrova

In the XXI century the postmodern a number of researchers, is perceived as the new intellectual current, urged to comprehend a circle of the scientific problems outlined by social philosophy. The mission of the person of an era of a postmodern seems not only in the act of destruction of the personality, but also in the address human existence – spirituality, freedom and the responsibility assuming presence of the subject. In the field of interaction of subjects there is a process of an eksteriorization of the personal installations creating new contours of understanding of an intersubjektivnost of the personality.

Key words: personality, intersubjektivnost, "The Other", spirituality, inakovost, love, egoism

Каждая новая эпоха порождает определенный набор жизненных ценностей, которые воспринимаются современниками как норма, как общепринятый стиль и образ жизни, формируя новые мировоззренческие ориентиры. Современная эпоха со всеми ее заблуждениями и

величайшими открытиями в известной мере определила особый характер жизненных ценностей, во многом сформировавшихся под влиянием мировоззрения культуры постмодерна.

На сегодняшний день постмодерн остается в философии ареной столкновения конкурирующих научных позиций. Демон модернизации требует от нового, рискующего стать старым, усиления нового. При этом общество ожидает от постмодерна решения проблемы обретения человечеством утраченного общего духовного состояния. «Новизна нашего времени состоит в том, что периоды сжатых и ускоренных перемен, именуемых «революциями», больше не являются «прерыванием рутины». Они больше не являются краткими интервалами, отделяющими друг от друга «обустроенные эпохи», эпохи относительно стабильных, повторяющихся форм жизни, которые делают возможными долгосрочные предсказания, планирование и построение сартровских «жизненных проектов». Мы живем сегодня в состоянии перманентной революции. Революция – это форма жизни сегодняшнего общества. Она стала нормальным состоянием» [1,с.24].

В этом состоянии ожидания, общество пытается разрешить парадоксы развития будущего человечества: превратится ли человеческое поселение в духовную пустыню или предпочтет ей духовный первозданный девственный лес?

В новом тысячелетии постмодерн обретает шанс в социальной философии «на основе аристотелевско-томистской традиции естественного права и традиций конституционного и личностного либерализма достичь неоаристотелевского синтеза учения о естественном праве и либерализме» [2, с.39]. Основу постмодернистского эссенциализма составляет антропологическая метафизика, позволяющая достигать всеобщей единой действительности через человека, а не через мир. Лишь человек, а не природа без человека, должны составлять источник аналогий в мышлении, предполагая объяснение предметов идущих от человека, а не наоборот.

Постмодерн, прежде всего, возникает как новое интеллектуальное течение, призванное осмыслить в большей степени социологические проблемы, нежели экономические или культурологические. Концепция постмодерна была призвана отразить ранее неизвестные типы отношений, возникающих между человеком и обществом, в которых личностные черты приобретают характер доминанты социального прогресса. Именно поэтому постмодернизм претендует на статус социологической теории[3].

Переступив порог тысячелетия, человечество вынуждено расставаться как с ментальными навыками прошлого, так и с куда более долгосрочными парадигмами, формировавшимися в социуме со времен Просвещения. В XXI веке человек, после всех своих святотатств, больше не являлся «союзником богов и мятежником против чудовищ хаоса, а, напротив, сам стал гигантом и врагом богов» [4, с.11-12].

Развитие технико–экономических производительных сил определило

состояние производственных отношений, а уровень потребления – пространство свободы развития общества. Указанные преобразования не наделяют экономику индульгенцией от морали. Экономика регулируется и управляется не только экономическими законами. Ее характер определяется деятельностью людей, обладающих определенным комплексом ожиданий, норм, установок, культурных и моральных представлений. Доминировавший со времени Великой Реформации пуританский этос, сосредоточенный на имманентном внутреннем мире аскезы, накоплении и вложении капитала, выходит из употребления в постиндустриальном обществе.

Постиндустриальная экономика требует обращения к человеческому фактору, предлагая обществу концепцию «корпоративной идентичности» (Corporate Identity). Корпоративная идентичность указывает на отсутствие потребности общества в культивировании внутрипроизводственной жизни за рамками чисто производственной функции. Общество возлагает на бизнес не только обязанность создавать новые рабочие места, но также играть свою роль в создании культуры производства и человеческом общении. Экономика и культура больше не образуют конфронтации, занимая «примирительные» позиции по отношению друг к другу. Тем не менее, ситуация, в которой находится современное общество, показывает, что лидирующее место занимает экономика.

Но если вдуматься в сложившуюся ситуацию, то признание лидерства экономики ставит под сомнение перенос центра тяжести от производства материальных благ к производству нематериальных благ. Данный тезис, на наш взгляд, разрушает любую возможность вторжения в сердце общества с целью преобразования экономических ценностей, в духовные.

Постиндустриальное общество, законнорожденное дитя эпохи постмодерна, предложило человечеству лишь один главный закон – закон потребления, данный обществу как единственно возможная форма деятельности человека. Потребляй, диктует человеку общество, ибо потребление является главной ценностью, смыслом жизни. Ирония постмодерна сокрушила привычные представления человека о потреблении: потребляя, человек перестал испытывать удовлетворение от насыщения, тем самым ставя под сомнение допустимость культурной переориентации общества. По мере насыщения материальных благ удовлетворяющих самые изысканные потребности социума, происходит сдвиг от потребления товаров массового производства к потреблению благ культурного характера. Человек в богатом обществе уже не может мыслить и вести себя так, он делал это в бедном обществе, в котором он мыслил в категориях индустриального уровня массового производства. Он обнаруживает в себе потребность в изменении спроса: от благ неполноценных к благам полноценным.

Новое отношение к потреблению определяется поиском социальной идентичности. Идентичность рассматривается как изначально социальное образование, поскольку человек не только видит себя таким, каков он есть,

но еще и формирует себя таким, каким его хотят видеть «Другие». В этой связи образуется концепт «зеркальной самости» - the looking-glass Self – в которой «Я-идентичность» и «Другой» оказываются неотделимыми друг от друга.

Однако умножение объектов, товаров, услуг, обнаруживающих, по мнению Ж. Бодрийяра, свой общий эквивалент полезности в системе потребностей одновременно подвергло абстрагированию символические и предметные отношения. В этих новых предметных отношения вещи, потребляясь как знаки, приобрели новые смыслы в абстрактно-систематической соотнесенности с подобными себе вещами-знаками. Допустив преображение вещи в вещь-знак, общество вытеснило из человеческого общения переживания, заменив его описанием пустоты того места, где раньше существовали человеческие отношения. Все существующие в настоящее время установки современного общества, связаны с его переходом к «кибернетическому неокапитализму» (Ж.Бодрийяр) ориентированному на абсолютный контроль над обществом, более не нуждающемся в акте переживания.

Эпоха постмодерна представляет время, которое дается человечеству лишь с одной целью – разрушить себя самого, и в этом разрушении заключено предназначение человека эпохи постмодерна. Мысль о том, что «переживая агонию, человек хочет знать, кто он, откуда идет и к чему предназначен» [5, с.21] заставляет обратиться к трем экзистенциалам человеческого существования – духовности, свободе и ответственности. При этом они не просто характеризуют человеческое существование как бытие, а скорее всего, констатируют его в этом качестве. «В этом смысле духовность человека – это не просто его характеристика, а конституирующая особенность: духовное не просто присуще человеку наряду с телесным и психическим, которые свойственны и животным. Духовное – это то, что отличает человека, что присуще только ему, и ему одному» [6, с. 93].

В то же время, понятие «духовность» в постиндустриальном обществе используется как средство для информационной манипуляции личностью. Духовность трансформируется в знаково-брендовые или товарно - инструментальные предметы, служащие лишь для утилитарных целей. Не желая затрачивать личностные усилия, человек скрывается за придуманными общество моральными догмами, ролевыми установками, замыкаясь в границах порочного круга, созданного из желаний, защищенных законом. Отказавшись от собственной самоидентификации, человек утрачивает нравственный потенциал духовного самовозрождения. Парадокс времени, в котором мы существуем, заключен в возможности для индивида высвободиться от нравственной энергии, погружая себя в атмосферу самоуспокоения, отрицающей не только духовное взросление, но и значение для личности восприятие «Другого».

Духовное сущее личности может создавать соприсутствие равного себе «Другого», так же духовно сущего, образуя с ним со-бытие. Романо

Гвардини принадлежит меткое описание человеческой личности: «Личность означает, что я в своей самости, в конечном итоге, не могу быть управляемым никакой другой инстанцией, но принадлежу только самому себе». К этому высказыванию можно добавить, что мы, люди, можем отдавать себя другому человеку, тому или иному; но то, что при этом не устраняемся как личности, не утрачиваем себя, но именно и осуществляем свое самобытие, есть, с одной стороны, глубочайшее содержание заповеди Христа о любви к ближнему, но, с другой стороны, мы можем испытать это только в любви, если она есть нечто большее, чем просто влюбленность.

Лишь только в безудержном акте любови, в котором личность отдает себя другой личности, позволяет понять и подчеркнуть ценность «Другого» когда она еще не является действительность, возникая как возможное. Через любовь открывается не то, что должно быть, а то еще не существующее, но то, что могло бы быть. Любовь позволяет увидеть и подчеркнуть ценность «Другого» человека как такового, обнаруживая в нем инаковость по отношению к иным людям. И эту инаковость соприсутствие воспринимает с любовью, поскольку любовь представляет личный, индивидуальный способ существования, обнаруживая в сфере человеческой духовности о слой подсознательной духовности.

«Сущность человека включает в себя его направленность вовне, на что-то или на кого-то, на дело или на человека, на идею или личность ! И лишь поскольку мы интенциональны, поскольку мы и экзистенциальны; лишь в той мере, в какой человек духовно соприсутствует чему-то или кому-то, духовной или иной сущности, лишь в меру такого соприсутствия человек соприсутствует себя. Человек не для того здесь, что-бы наблюдать и отражать самого себя; он здесь для того, чтобы предоставлять себя, поступать собой, чтобы, познавать и любя, отдавать себя» [6,с.100].

Именно в поле взаимодействия субъектов происходит процесс экстериоризации личностных установок, убеждений, предпочтений, желаний, создающий новый статус достижения консенсуса между участниками диалога. И вырвать из этого поля взаимодействия интерсубъективность невозможно, поскольку в возникающей ситуации общения и взаимной коммуникации происходит передача духовного личностного опыта субъектов.

В этом процессе передачи опыта нам видятся контуры личностного основания интерсубъективности, которую было бы ошибочно привязывать лишь к феноменологическому проекту Э. Гуссерля. Как правильно отмечает в своем исследовании А.П. Огурцов «и это понятие, и круг проблем, связанных с ним, возникли до Гуссерля, в рамках имманентной философии, не допускавшей чего-либо трансцендентного и стремившей вывести из моего, личного сознания, из Я чужое сознание и чужую телесность. Это и был тот первый круг проблем, в котором находился вплоть до конца 20-х гг. и сам Гуссерль» [7, с.64].

А.П. Огурцов делая шаг в сторону от феноменологии Э.Гуссерля,

предлагает рассматривать интерсубъективность как феномен социальной психологии, позволяющий фиксировать межличностные феномены образующиеся в процессе коммуникации. По его мнению, интерсубъективность выступает основой для социальности, из которой она вырастает, черпает свои ресурсы, обнаруживает перспективы своего развития. Интерсубъективность личности, в ярких, запоминающихся образах, проиллюстрирована произведениями мастера короткого рассказа, японского писателя, Хоси Синъити. Герои коротких рассказов писателя представляют личности, в которых самым неожиданным образом срабатывает механизм самоуничтожения. Все действия человека неизбежно приводят прижизненному наказанию за порочные помыслы, корыстолюбие, зависть. Выступая в роли собственного врага, человек оказывается слабым и беззащитным перед миром, требующим от него совершенства.

Герой короткого рассказа «Тоскливая работа» каждый день, возвращаясь с работы, заглядывает в бар, чтобы «пропустить стаканчик». Так продолжается день за днем, год за годом. Приходя в бар, герой обязательно ищет «Другого», что бы «излить ему душу» на неинтересную и скучную работу. Только по выходным герой не заходит в бар. Он остается дома, но в положенный час достает заранее купленную бутылку и пропускает стаканчик. «А ведь было время, когда после работы я не направлялся прямиком в бар. Вначале гулял по парку, бывал на стадионах и только после этого шел пропустить стаканчик. Потом я начал устремляться туда тотчас после работы, потому что неизвестно откуда появлялся розовый слоник и тащил меня»[8]. Чтобы избавиться от розового слоника, герою нужно бросить пить, но он не делает этого. Зачем? Ведь лучше ощущать рядом розового слоника, чем окончательно свихнуться после работы, когда нечего делать. Так протекает жизнь героя Хоси Синъити.

Отсюда мы выводим новое понимание личности, предложенное Сервером Эспинозой: «Итак, личность – это не чистое проявление универсального, а всегда нечто незавершенное, то, что невозможно вывести из силлогизма, в главную посылку которого входит понятие «человек». Говорить о личности – значит говорить о самосознании, о существе-для-себя, о существе некоммуникабельном. Любое действие личности несет на себе отпечаток тождественности самому себе, в которой человек себя определяет и утверждает, обнаруживая свою уникальность и незаменимость». [9, с.87-88]. Интерсубъективность выявляет новые качества личности, определяет собственные пределы возможного личности предполагающие выход к «Другому», необходимого личности для преодоления своих пределов. Этот символический предел служит горизонтом открывающегося поля самоосмысления. В индивидуалистическом обществе постмодерна даже selfmade man (человек, сделавший себя сам) становится лишь «иллюзией индивидуальности». При этом посмодернистские признаки утраты идентичности личности не

исключают невозможности самоидентификации личности. Человек, самоидентифицирующий себя и осознающий свою уникальность, подобно герою рассказа Хоси Синъити, обрекает себя на добровольное одиночество, дающее возможность не только осознать свою неповторимость, но и определить собственные пределы в обществе.

Именно в этом парадоксе эпохи нам видится новое понимание круга проблем, обращение к которым позволит по-новому осознать понимание «пределов человека» в соотношении одиночества личности и ее духовного становления, как единственно возможных путей ведущих к раскрытию оснований интерсубъективности личности в эпоху постмодерна.

Список литературы

1. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. - № 3. С. 24-53.

2. Козловски П. Культура постмодерна. М.: Изд-во «Республика», 1997.

3. Иноземцев В.Л. Современный постмодернизм: конец социального или вырождение социологии // Вопросы философии. 1998. № 9.

4. Козловски П. Миф о модерне. М.: Изд-во «Республика», 2002.

5. Бердяев Н.А. О человеке, его свободе и духовности: Избр. труды. Новикова Л.И., Сиземская И.Н. (ред.-сост.) – М., 1999.

6. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.

7. Огурцов А.П. Интерсубъективность как поле философских исследований // Личность. Культура. Общество. 2007. Вып.1 (34)

8. Хоси Синъити Тоскливая работа //Небесный полководец. – СПб., Акация, 1992.

9. Сервера Эспиноза А. Кто есть человек? Философская антропология // Это человек. Антология. М.: Высшая школа. 1995.

УДК 316

ПРОИЗВОДСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В СОВРЕМЕННОМ СОЦИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

М.Б. Аракчеева, А.И. Завгородный

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: theory-hist.dept@yandex.ru

В статье анализируется процесс производства человеческого капитала в условиях социального пространства современной России. Объективно сложившаяся система распределения основных видов капитала детерминирует социальную деформацию производств человеческого капитала. Это исключает большие социальные группы из «игры» в основных полях социального пространства современной России. В результате блокируется возможность развития российского общества.

Ключевые слова: виды капитала, человеческий капитал, социальное пространство, поля социального пространства.

Production of human capital in contemporary social space

M.B. Arakcheeva, A.I. Zavgorodny

In article process of production of the human capital in the conditions of social space of modern Russia is analyzed. Objectively developed system of distribution of main types of the capital determines social deformation of productions of the human capital. It excludes big social groups of "game" in the main fields of social space of modern Russia. As a result, the possibility of the Russian society development is blocked.

Key words: types of capital, human capital, social space, the field of social space.

Формирование современной, эффективной системы развития человеческого потенциала актуальная проблема для всех стран. Современные постиндустриальные общества столкнулись с необходимостью поиска инновационного фундамента развития, относительно тех, которые были актуальны для индустриальных обществ. Если еще не так давно предметом дискуссии относительно национальных приоритетов были в основном традиционные сюжеты прошлого века: авиастроение, машиностроение, судостроение, электроника, сельское хозяйство и другие отрасли, выступавшие приоритетами бюджетных расходов, то к началу 2000-х годов внимание сместилось на проблемы человеческого капитала. Прежде всего, речь шла об образовании и здравоохранении, к которым позднее добавилась пенсионная система. Сегодня, становится ясно, что только общество, которое сможет сформировать современную эффективную модель развития человеческого капитала, получит огромное преимущество в постиндустриальном мире.

Процессы формирования человеческого капитала анализируются, традиционно, с точки зрения инвестиций в соответствующих направлениях, которые рассматриваются как основа его формирования. Необходимо отметить, что понятие «человеческий капитал», представленное первоначально в достаточно узкой редакции, постоянно расширяется. Изначально большинство теоретиков придерживались узкой трактовки этого понятия: относили к нему лишь знания, навыки и компетенции, приобретённые в системе формального образования и непосредственно используемые в целях получения дохода в сфере оплачиваемой занятости. Так, Г. Беккер считал, что человеческий капитал «формируется за счёт инвестиций в человека, среди которых можно назвать обучение, подготовку на производстве, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах» [1, с. 39].

Сегодня более популярны расширительные трактовки человеческого капитала: в его состав включается широкая совокупность

личностных качеств, мировоззренческих установок, ценностных ориентаций, которые могут оказывать косвенное влияние на результаты производительной деятельности [2, с. 53]. Некоторые авторы включают в состав человеческого капитала не только личностные свойства человека, но и социальный капитал, воплощённый в отношениях между людьми.

В экономической литературе часто между понятиями "человеческий капитал" и "человеческий потенциал" ставится знак равенства [3]. На наш взгляд, эти два понятия хотя и похожие, но не идентичные. Понятие человеческого потенциала близко к понятию человеческий капитал, поскольку в обоих случаях рассматривается человек с определенным образованием, здоровьем, воспитанием, мотивационными преимуществами, с одной стороны, но понятие человеческого капитала относится, в первую очередь, к экономической деятельности, тогда как человеческий потенциал это больше социологическое и психологическое понятие. Кроме того, любые инвестиции в человека связаны не столько с формированием человеческого капитала, сколько изменяют человеческий потенциал. Потенциал может капитализироваться, а может и не получать такого развертывания. Человеческий капитал, рассмотренный в качестве капитала, в определении должен отвечать требованиям понятия капитала как самовозрастающей стоимости. С этих позиций, человек выступает только как объект, который в результате инвестиций в него становится экономическим объектом с определенной стоимостью. Но на этапе инвестирования человек не является капиталом и является пока только определенным потенциалом. В этой связи человеческий потенциал можно трактовать как набор инвестиций (образовательных, здравоохранения и воспитательных) в человека.

Капиталом человек становится только тогда, когда выступает субъектом экономической деятельности, то есть когда инвестиции начинают работать и приносить прибыль. Таким образом, инвестиции инвестициям рознь. Одни, являясь инвестициями в человеческий потенциал и, неважно кто их осуществляет, капитализуют только средства инвесторов и не более того. Другие, обеспечивающие использование потенциала для получения прибыли и выступают по существу инвестициями в человеческий капитал. Не случайно, некоторые специалисты считают, что человеческий потенциал - это человеческий капитал (в его реальном значении) плюс социально-экономические условия его формирования, развития и использования, пытаясь учитывать не только экономический аспект инвестиций в человека, но и характеристики социальной среды. Капитализация человеческого потенциала в различных средах и социальных пространствах может раскрываться, реализовываться в разной степени [4, с. 186-197]. Но в любом случае, она предполагает активность самого

человека по капитализации своего потенциала. Для того чтобы человеческий потенциал мог реализоваться в человеческий капитал предприятия или общества в целом необходимы соответствующие предпосылки. Важнейшим фактором, в этой связи, который является основой превращения человеческого потенциала в человеческий капитал, в современной экономике, выступает мотивация. Она может быть внешней и внутренней. В качестве другого весомого фактора выступает качество потенциала, носителем которого является индивид. Применительно к современной России, начнем со второго.

О характере, роли рыночных и нерыночных инвестиций в человеческий потенциал можно судить по степени социализации экономики. В соответствии со статьей 7 Конституции РФ «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [5]. Реальность доказывает прямо противоположный этой конституционной норме вектор экономической политики и экономического реформирования в России. Степень социализации экономики свидетельствует о том, насколько государство заинтересовано в развитии человеческого потенциала, какова доля инвестиций в человеческий потенциал со стороны государства, то есть о роли нерыночных инвестиций, в последний. По мере перехода к рыночной экономике на первое место выдвигаются рыночные (частные) инвестиции в человеческий потенциал. Но роль нерыночных (государственных) инвестиций не должна недооцениваться, так как именно они обеспечивают поддержку отдельным социальным группам, не имеющим возможности позаботиться о себе (пенсионерам, инвалидам, безработным и др.); именно они помогают регулировать на должном уровне инвестиции в человеческий потенциал всех остальных групп населения. Основные социальные индикаторы регулирует и устанавливает государство, как бы развита не была экономика. Ведь именно потому, что государство социально ориентирует экономику и наблюдается высокий уровень её развития и обеспечивается стабильность экономического роста.

Свидетельством выступает расчёт сопоставимых индексных показателей, характеризующих различные стороны экономической и социальной жизни стран мира за ряд лет, и определение интегрального «индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП)». Его значение варьируется от 0 до 1. Значение ИРЧП отражает степень развития человеческого потенциала и чем ближе оно к 1, тем выше развитие. Рейтинг стран по уровню развития человеческого потенциала меняется по годам, однако, высокоразвитые страны «семёрки» закономерно находятся в первой «двадцатке». Лидирующее положение в этом рейтинге занимала в 2011 году Норвегия (0,943). Россия же (в 2011 г.)

занимала 66 место в списке с ИРЧП=0,755 [6]. Индекс стал падать с началом 90-х из-за сокращения ВВП и повышения смертности. В 1992 Россия занимала 52 место, в 1995 – 114, в 2004 – 57, в 2005 – 62 с индексом 0,795, в 2006 – 65 с индексом 0,797, в 2007 – 71 место с индексом 0,817 [7]. Конечно индекс растёт, в 2013г. - 55 место, но темпы роста индекса в других развитых странах опережают российские.

Невысокий индекс человеческого потенциала серьезно затрудняет возможности его капитализации самим человеком и обществом. Дополнительно к этому обстоятельству негативно сказываются на параметрах капитализации человеческого потенциала и характеристики социального пространства современной России. П. Бурдье, отмечая многомерность социального пространства, писал: «можно изобразить социальный мир в форме многомерного пространства, построенного по принципам дифференциации и распределения, сформированным совокупностью действующих свойств в рассматриваемом социальном универсуме»[8, с. 120].

Конечно, дифференциация социального пространства современной России просто колоссальна. Специалисты фиксируют не только дифференцированность, но и мощную поляризацию этого пространства в различных измерениях. Это обстоятельство закрывает возможность капитализации даже имеющегося человеческого потенциала в отдельных локусах этого пространства, особенно, таких как малые города и села. Спецификой современного российского общества является то, что существующая среда не способствует интенсивному формированию и использованию совокупного человеческого капитала, который отражается на его накоплении и предопределяет его недостаточную часть в национальном богатстве.

Список литературы

1. Беккер Г.С. Человеческое поведение: экономический подход: избранные труды по экономической теории. – М.: ГУ-ВШЭ, 2003.С.39.
2. Соболева И. Парадоксы измерения человеческого капитала // Вопросы экономики. – 2009. – № 9. .С.53.
3. См.: Як Фитценц. Рентабельность инвестиций в персонал: измерение экономической ценности персонала; [пер. с англ. Меньшикова М.С., Леонова Ю.П.; под. общ. ред. В.И. Ярных] / Фитценц Як. – М.: Вершина, – 2006. – 320 с.
4. Мухамеджанова А.Г. Человек – исходная категория экономической теории // Поиск. - 2002, с.186-197.
5. Конституция Российской Федерации. – М., 1995. – 64 с.
6. URL: http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info (дата обращения: 12.03.2014).
7. URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_RU_Complete.pdf (дата обращения: 13.03.2014).
8. Бурдье П. Начала = Choses dites: пер. с фр. – М.: Socio-Logos, 1994. – С. 120.

УДК 35.08

ГОСУДАРСТВЕННАЯ КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И МЕХАНИЗМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

С.В. Везиницына
Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского,
Россия
E-mail: wezsweta@rambler.ru

Статья посвящена исследованию сущности, ключевых направлений, субъектов и объектов государственной кадровой политики Российской Федерации. Отсутствие единой модели и Концепции государственной кадровой политики в России порождает совокупность теоретических и практических проблем, требующих незамедлительного решения. В статье также рассматриваются основные задачи, пути и механизмы совершенствования государственной кадровой политики как в сфере государственной службы, так и в негосударственном секторе.

Ключевые слова: кадровая политика, государственная кадровая политика, концепция государственной кадровой политики.

State personnel policy in modern Russia: peculiarities of the implementation and improvement mechanisms

S.V. Vezinitsyna

The article investigates the essence of key areas, subjects and objects of state personnel policy of the Russian Federation. Lack of a single model and the Concept of personnel policy in Russia generates set of theoretical and practical problems that require immediate solutions. The article also discusses the main objectives and the ways and mechanisms to improve the state personnel in the civil service and in the private sector.

Keywords: personnel policies, state personnel policy, the concept of personnel policy.

Одной из важнейших функций любого современного государства является формирование и реализация соответствующей политики в различных сферах деятельности общества. Суть государственной кадровой политики заключается в формировании стратегии кадровой работы на общегосударственном уровне, целями которой выступают формирование, развитие и эффективное использование трудового потенциала нашей страны.

Одной из важнейших управленческих задач в настоящее время является разработка и реализация государственной кадровой политики, призванной стать одним из мощнейших инструментов деятельности в

области государственных преобразований, эффективным средством построения вертикали власти, значимым фактором наращивания кадрового потенциала муниципального образования, региона, государства в целом. Особенно важной становится данная деятельность в период общественных и государственных трансформаций, наблюдающихся в современной России. Современный этап развития нашего общества, продолжающийся мировой финансово-экономический кризис ставит перед организациями всех типов ряд актуальных задач, важнейшей из которых является повышение эффективности использования потенциала сотрудников организации. Для реализации данной задачи необходимо формирование и внедрение продуманной и последовательной кадровой политики государства. На настоящий момент в нашей стране отсутствует официально признанная и нормативно узаконенная на высшем государственном уровне Концепция государственной кадровой политики. На уровне ряда субъектов РФ подобная концепция была принята, однако процесс нормативного оформления государственной кадровой политики в РФ еще весьма далек до завершения.

Государственная кадровая политика является неоднозначным явлением, что находит свое отражение в существовании нескольких определений данного термина. Чаще всего отмечается, что государственная кадровая политика должна рассматриваться в широком и в узком значениях. В первом случае под государственной кадровой политикой понимается «система официально признанных целей, задач, приоритетов и принципов деятельности государства по регулированию всех кадровых процессов и отношений в стране»[1, С. 20]. В узком смысле под государственная кадровая политика трактуется как выражение государственной стратегии, направленной на формирование, профессиональное развитии и востребование кадрового потенциала государства, наука и искусство регулирования кадровых процессов и отношений в обществе.

Часто термин «государственная кадровая политика» используется как синоним выражения «кадровая политики в системе государственной службы», т. е. кадровая политика в органах государственного управления. Это широко распространенная точка зрения, имеющая право на существование, однако с научной точки зрения это не совсем верно. Ключевым для нашего исследования будет первое значение рассматриваемой категории.

Выделить единого субъекта ГКП в России на сегодняшний день не представляется возможным. К числу субъектов ГКП причисляются носители установленных законом прав, компетенции и ответственности в сфере разработки и реализации государственной кадровой политики, активные участники кадровых процессов и отношений. У каждого субъекта ГКП имеется собственный круг полномочий, которые определяются его должностным и правовым статусом. Следовательно, каждый субъект имеет четко очерченные рамки воздействия на объект

управления. В годы советской власти кадровая политика рассматривалась как однонаправленный процесс, спускающийся сверху вниз по иерархической цепочке. В настоящее время государство не является единственным субъектом, занимающимся решением всех кадровых вопросов. Существует большое количество и иных, негосударственных субъектов политики в области управления персоналом. Именно в связи с вышесказанным современная государственная кадровая политика характеризуется как многосубъектная и разнообъектная.

В зависимости от уровня кадровой политики выделяются такие ее субъекты как государство в целом и его различные органы, политические партии и общественные организации, субъекты предпринимательской деятельности, а также органы муниципального управления. Формально, согласно ст. 3 Конституции в этом ряду должен находиться и многонациональный народ РФ как единственный источник власти [2]. Однако это утверждение во многом является декларативным и на практике его реализация весьма затруднена и народ, как и во многих других сферах общественной жизни, делегирует свои полномочия государству, являющемуся в этой связи главным, основным субъектом государственной кадровой политики.

Объектом государственной кадровой политики Российской Федерации является «народ, трудовые ресурсы, кадровый потенциал, кадры, т.е. те социальные группы, на которые направлена практическая деятельность субъектов ГКП. Также к объектам государственной кадровой политики относятся кадровые процессы, отношения, механизмы реализации кадровой политики»[3, с. 215-219].

Обязанность формирования государственной кадровой политики возложена на законодательные и исполнительные органы государственной власти. В ст. 80 Конституции РФ сказано, что определять основные направления внутренней и внешней политики государства, а следовательно, и государственной кадровой политики правомочен Президент Российской Федерации[2]. Формирование государственной кадровой политики предполагает определение ее целей, задач, приоритетных направлений. На начальном этапе формирования государственной кадровой политики осуществляется теоретическое обоснование и разработка концепции кадровой политики. Под концепцией государственной кадровой политики понимается система основных положений и ключевых идей, устанавливающих основы научного подхода государства к решению кадровых задач [1, с. 36]. В концепции кадровой политики должны быть обозначены основные задачи и приоритетные направления формирования, развития и рационального использования кадрового потенциала и кадрового состава страны. В концепции государственной кадровой политики должен содержаться теоретический, научный базис, должна отображаться стратегии государства в этой сфере деятельности. Концепция должна представлять собой программную позицию государственных органов в области кадровой деятельности. Она

призвана стать научной основой кадровой деятельности государственных органов. К сожалению, на настоящий момент в нашей стране отсутствует официально признанная и нормативно узаконенная на высшем государственном уровне Концепция государственной кадровой политики, несмотря на то, что проект данной концепции был разработан учеными Российской академии государственной службы при президенте РФ (ныне Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ) еще в начале 2000-х гг. На уровне ряда субъектов РФ подобная концепция была принята, однако процесс нормативного оформления государственной кадровой политики в РФ еще весьма далек до завершения.

Данная ситуация является недопустимой, поскольку не имея четкой концепции государственной кадровой политики государство встает на путь пассивной или реактивной кадровой политики, решая лишь текущие кадровые проблемы. В данном случае велика опасность реализации ненаучной, непрогнозируемой кадровой политики, а кадровая деятельность становится закрытой и коррупционной, что нам регулярно демонстрирует современная российская действительность. Концепция кадровой политики и сама кадровая политика в основном совпадают по содержанию, но все же они не идентичны. Концепция государственной кадровой политики является научным выражением данной политики.

Необходимость официального оформления концепции государственной кадровой политики обусловлена еще и тем, что только в этом случае идеи и положения, содержащиеся в концепции, становятся официальной стратегией и руководством для практической работы государства с трудовыми ресурсами страны. Пока у нас в России это не так. Однако концептуальные основы реализуемой на настоящий момент государственной кадровой политики все же существуют и применяются в практической кадровой деятельности на государственном и муниципальном уровнях.

Для того, чтобы государственная кадровая политика стала эффективным механизмом наращивания кадрового потенциала страны, субъектам кадровой политики необходимо выработать и последовательно реализовывать на практике кадровую доктрину государства. Она тесно связана с концепцией кадровой политики, однако имеет собственную специфику. Доктрина трактуется как ключевой постулат, базовая идея, в которой содержится суть кадровой политики.

В отличии от советской кадровой доктрины, «прикрепляющее» все трудовые ресурсы к государству, современная российская кадровая доктрина основывается на принципах демократии и гуманизма. Детализируя государственную кадровую доктрину, выделим ее основные требования: в основе подбора, расстановки и продвижения кадров должны находиться установленные законом требования, а не субъективная точка зрения руководства; базой для взаимодействия личности и государства в процессе трудовой деятельности должны стать партнерские отношения,

взаимная зависимость и взаимная ответственность; необходимо стремиться к обеспечению гармоничного сочетания государственных и частных интересов. Человек, занимаясь определенным видом трудовой деятельности, должен приносить пользу как себе, так и обществу, государству в целом.

Нами уже отмечалось, что в сфере государственной кадровой политики Российской Федерации имеется множество проблем. Можно разделить их на две группы, выделяя теоретические и практические проблемы. Основной теоретической проблемой является отсутствие общепризнанной модели кадровой политики. Всего существует три варианта данной модели: централизованная, децентрализованная и частично централизованная. Первая модель отличается авторитарной направленностью и была характерна для советской плановой экономики. Она предполагает государственный диктат над кадровой политикой. Вторая модель также может быть названа либеральной и характеризуется практическим отсутствием вмешательства государства в кадровую политику. И, наконец, третья, частично децентрализованная модель, наиболее подходящая на наш взгляд для России характеризуется не административным командованием, а косвенным и правовым регулированием кадровых процессов и отношений как в государственном так и в негосударственном секторе экономики.

К теоретическим проблемам ГКП России относится необходимость ее законодательного регулирования и выработки соответствующих адекватных механизмов ее реализации. Также является очевидной необходимость единства и согласования кадровой политики на всех ее уровнях: государственном, региональном и муниципальном.

Практическая реализация государственной политики в РФ на сегодняшний день направлена на последовательное правоприменение норм трудового законодательства РФ, установление и предоставление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание безопасных условий труда, защиты прав и интересов работников и работодателей. Однако, регулируя социально-трудовые отношения в целом, Трудовой кодекс РФ не является отражением государственной кадровой политики. Федеральные законы о государственной службе в определенной степени регламентируют вопросы кадровой работы и формирования кадрового состава государственной службы. Но на сегодняшний день отсутствует нормативно-правовой акт федерального уровня, регулирующий вопросы государственной кадровой политики и кадровой деятельности всех категорий работников в масштабе всей страны. Одной из серьезных проблем государственной кадровой политики является довольно частое несоответствие и нестыковка теории, концепции ГКП и практики кадровой работы. Особенность сегодняшней ситуации состоит в том, что при большом динамизме кадровых процессов решение важных кадровых задач идет по двум направлениям: по пути быстрого практического решения неотложных кадровых вопросов и по пути

разработки в научных центрах концептуальных основ новой ГКП. Причем оба эти пути развиваются изолированно друг от друга – практики не слушают ученых, ученые не знают, что делают практики в сфере кадровых отношений. Данное непонимание и даже противостояние науки и практики необходимо преодолевать.

Также большое внимание сегодня следует уделять процессу формирования свободного и цивилизованного федерального и регионального рынка труда

Для того, чтобы государственная кадровая политика РФ стала отвечать запросам и потребностям современного общества, она должна отвечать целому ряду требований. Прежде всего, она должна стать научно обоснованной, грамотной и взвешенной с теоретической и концептуальной точки зрения. Иными словами, необходимо формирование общегосударственной концепции кадровой политики, отражающей принципы, цели и задачи ГКП. При этом необходимо четкое закрепление положений данной концепции соответствующих нормативно-правовых документах и строгий государственный контроль за их исполнением. Учитывая многосубеъктность и разноуровневость ГКП, необходимо создание общероссийской, целостной, единой системы ее формирования и реализации, и, в то же время, необходимо предоставить регионам и муниципальным образованиям РФ возможность ее корректировки для максимально полного учета национальной, культурной, территориальной специфики.

Создание единой концепции государственной кадровой политики будет максимально эффективным только в том случае, если она будет упреждающей, ориентированной на перспективу, учитывающий новые вызовы времени. Кроме того, она должна базироваться на демократических, гуманистических принципах, всецело соблюдать права человека, быть ориентированной на концепцию социальной справедливости. В ряду требований к государственной кадровой политике РФ можно выделить также открытость и прозрачность для всех ее субъектов и объектов, соответствие интересам государства и общества, а не чьим-либо частным интересам.

Нами были перечислены основные концептуальные направления совершенствования государственной кадровой политики РФ. Однако есть и ряд практических областей и вопросов, требующих неотложного решения. Прежде всего, государство отвечает за обеспечение квалифицированными, профессионально подготовленными кадрами органов государственной и муниципальной службы. На государственной гражданской и воинской службе государство - единственный работодатель и, следовательно, процесс управления кадровыми процессами в ней всецело находится в рамках компетенции указанного субъекта. Есть и еще один аспект, подчеркивающий важность государственной кадровой политики в сфере государственной службы. Он связан с тем, что от качества работы государственных служащих зависит эффективность

государственного управления в целом. В этой связи особо значимо кадровое обеспечение и развитие федеральной государственной службы.

Однако деятельность государства важна не только в указанной сфере, но и в сфере кадрового обеспечения и развития рыночных экономических объектов. Здесь российскому государству необходимо последовательно руководствоваться следующим принципом: необходимо прямыми и косвенными методами воздействовать на кадровые процессы в рыночном секторе экономики, однако не командовать ими. Основными направлениями этого воздействия являются: нормативно-правовое регулирование социально-трудовых отношений на основе соблюдения Трудового кодекса и других федеральных нормативно-правовых актов; государственный контроль за соблюдением предпринимателями трудового законодательства.

Связь между государством и негосударственными объектами кадровой политики прослеживается также через систему государственных образовательных учреждений, где готовятся соответствующие специалисты. Следовательно, приоритетной задачей государства является создание такой системы подготовки специалистов, которая бы максимально полно соответствовала запросам и требованиям современного рынка труда.

Не менее важной задачей государства в области ГКП является создание и совершенствование комплекса квалифицированных кадров в силовых государственных структурах (армия, правоохранительные органы, органы государственной безопасности), сохранение и укрепление кадрового потенциала военно-промышленного комплекса РФ, социокультурной сферы (медицинские работники, педагоги, работники культуры и т.д.).

Итак, на сегодняшний день государственная кадровая политика Российской Федерации находится в стадии формирования и разработки ее концепции. Этот процесс, стартовавший в начале XXI века, еще весьма далек до своего логического завершения. Проблема формирования Концепции ГКП является ключевой, однако сопровождается целым рядом как теоретических, так и практических вопросов. Формирование и реализация государственной кадровой политики в Российской Федерации выходит на новый качественный уровень, однако она еще весьма далека до совершенства.

Список литературы

1. Черепанов В.В. Государственная кадровая политика и кадровая деятельность в системе гражданской службы. М.: Финакадемия, 2009.Ч. 1. 144

2. Конституция Российской Федерации. М., «Юридическая литература». 2009.

3. Оболонский А. В. Государственная служба (комплексный подход) - политология, право, оплата труда, история, реформы, страноведение. М.: Издательство "Дело" АНХ, 2009. 512 С.

УДК 02.41.11

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ ДЕЛОВОЙ КУЛЬТУРЫ НЕОЛИБЕРАЛИЗМА

А.С. Гализдра
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: asgalizdra@rambler.ru

Статья посвящена анализу характеристик и противоречий ценностных параметров деловой культуры в условиях неолиберального общества. Рассмотрены доминирующие ценности современной деловой культуры на уровне национальной культуры, социальной группы, личности. Указаны основные критерии востребованности профессионала современного рынка труда как аксиологические параметры.

Ключевые слова: ценности, деловая культура, неолиберализм.

The Axiology of the Neoliberalism`s Business Culture

A.S. Galizdra

This article is devoted to analysis of descriptions and contradictions of valuable parameters of business culture in the conditions of neoliberal society. The dominating values of modern business culture at the level of the national culture, a social group, the personality are considered. The main criteria of the professional of the modern labor market as the axiological parameters are specified.

Key words: values, business culture, neoliberalism.

Масштабный, динамичный процесс интеграции культуры в сферу государственной, политической деятельности, международной деловой активности в XXI веке активизирует сотрудничество различных культурных групп в транснациональном пространстве современности. Революционные преобразования в сфере коммуникации создали и создают новые возможности для интернационализации и транснационализации деловых контактов как средства ускоренного фрмирования глобальной экономики. Сегодня трансформация многовековых традиций и ценностей привела к преобразованию социальных ролей и функций как отдельных индивидов, так и социальных общностей, групп. В роли этноидентифицирующих факторов выступают не только традиционные для каждой культуры символы и формы, но и их современные культурные модификации.

Организация труда и отношение к труду являются важнейшим маркером дифференциации различных культур. Следует отметить, что

принципиальное значение для формирования традиций культуры труда имеет аксиологический аспект. Приоритетные ценности, вплетенные в историческую канву той или иной культуры, на современном этапе активно включаются в идею корпоративной культуры и свидетельствуют о ее успешности. Известным примером является японская верность семье как фундаментальная ценность национальной культуры, легшая в основу отношения японца-работника к организации-работодателю и влияющее на качество его труда. Так, в религиозных культурах труд обретает измерение морального долга, а работа понимается как акт служения Богу.

Однако сегодня характерной особенностью современности является тот факт, что Запад утрачивает статус образца развития, происходит «разветвление» модернизаций, соответствующих локальным возможностям. По мнению Ш. Айзенштадта, практика реинтерпретации западного образца развития на основе местных культурных особенностей и идентичностей в условиях глобализации приобретает легитимность. [1, с. 42]

На фоне данных тенденций происходит своеобразный «ренессанс» осознания самобытности национальной культуры как ресурса деловой активности, ее успешность предполагает наличие достаточно зрелой традиционной культуры. Философ Г.Л. Тульчинский, признанный отечественный специалист в области менеджмента культуры, справедливо отмечает, что «незрелость таковой или сознательное пренебрежение обрекает реформаторов на провал, а общество ввергает в глубокий кризис и подвергает его серьезнейшим испытаниям». Именно традиционная культура и «самобытность», согласно мнению ученого, обеспечивают такие существеннейшие факторы успеха экономических реформ, реорганизаций и нововведений как:

- консолидацию общества, обеспечивающую его способность преодолеть временные трудности, пойти на временные жертвы;
- придание духовного начала и нравственное оправдание новым целям и средствам их достижения;
- ограничение потребительского индивидуализма;
- легитимность деятельности реформаторов;
- мотивация к активной трудовой и предпринимательской деятельности. [2]

Базовым элементом национальной деловой культуры является система ценностей и социальных нор, превалирующих в конкретном сообществе. Аксиологический срез выступает как культурный феномен, определяющий этику деловых отношений, который может передаваться как традиция. Данный срез представляет основу профессиональной деятельности и выступает в зависимости от культурных традиций конкретного этноса, нации как стереотип, как должностное поведение, как актуальные ценности и нормы практической деятельности. Социально

одобряемые либо порицаемые нормы поведения, морально-нравственные нормы также определяются системой культуры, сформировавшейся в процессе социально-исторического развития данного сообщества.

Ряд исследователей полагает, что уровень благосостояния, уровень развития экономических отношений в государстве определяют приоритетные потребности населения, что выражается в мировоззрении, уровне социокультурных притязаний личности, малых и больших социальных групп. Если следовать указанному утверждению, то весьма логично предположить, что в развивающихся странах к превалирующим социальным потребностям относятся базовые (в терминологии иерархии потребностей А. Маслоу) потребности в одежде, крове, еде. Страны «золотого миллиарда», продуцирующие транснациональные компании с филиалами по всему миру, демонстрируют ориентацию на материальные ценности, статусность, закон, порядок, ценности неолиберального порядка.

Американский социолог Р. Инглехарт, исследуя причины сдвига западного общества к постмодернистской культуре, также обращался к аксиологическому параметру и выделял следующие предпосылки указанных изменений:

1. Переход от «материалистических» ценностей, с упором на экономическую и физическую безопасность, к ценностям «постматериальным», с упором на проблемы индивидуального самовыражения и качества жизни;
2. Явно ощущаемые пределы функциональной эффективности и массового приятия бюрократических структур. [3, с. 28]

Также Р. Инглехарт в своей теории делает прогноз о развитии ценностей культуры в ближайшей перспективе. Он полагает, что «…ценности постмодерна получают наибольшее распространение в обществах, где уровень богатства и степень уверенности в будущем - наивысшие; для населения скудно живущих на первый план будут выдвигаться по преимуществу ценности выживания».[3, с. 32]

Особое значение в современной западной цивилизации имеют ценности, ориентирующие субъекта на достижение личного, профессионального успеха, механизм которых тесно взаимосвязан с концептом «деловой культуры», что выражается в потребности в признании успехов коллегами, в авторитете, в компетентности, в успешной карьере. Экономическая система западной цивилизации способствовала созданию культурных норм и формированию этики проведения на работе, принципов делового этикета и делового протокола, характерных для европейцев и американцев.

Масштаб вовлеченности трудоспособного населения в транснациональные компании, высокая мобильность их организации, а также полинациональная структура большинства транснациональных

компаний позволяет говорить о феномене складывающейся общемировой деловой культуры. К базовым ценностям общемировой деловой культуры относятся, по мнению Г.Л. Тульчинского, ответственный труд, успех (личностный, профессиональный, деловой), собственность, рациональность (в широком смысле – как практичность и эффективность), предприимчивость, профессионализм и качество [2].

Вместе с тем, идеология либеральных реформаторов современности определяет такие критерии востребованного профессионала, как гибкость, адаптивность к изменчивым социальным связям, мобильность. Отечественный автор Ю. Афанасьев пишет, что «возросшая скорость перемен сделала социально опасной неизменную личность с фиксированными обязанностями, которая в предшествующие времена была находкой для общества. Возникла потребность в иной, более массовой личности, с большей мыслительной универсальностью». [4, с. 17]

Э. Тоффлер отмечал принадлежность человека будущего к меритократии, к страте избранных понятием «новой темпоральности». Свобода от пространственно-временных границ, динамичность, способность и готовность к легкой смене любого места (будь то место жительство, профессиональная принадлежность или место работы), умение разорвать социальные связи без чувства дискомфорта, по мнению футуролога, станут характеристиками успешного человека будущего. [5, с. 144]

В результате, когда человек выходит на рынок труда в качестве «профессионала», рынок определяет стоимость и востребованность его профессионально-личностных качеств, включая умения, навыки, характерологические, поведенческие аспекты, и, несомненно, интеллект. Кроме того, рынок актуализирует само существование данных качеств. Конкурентоспособность, возведенная в ранг корпоративной этики идеологами либерального общества, обрела критерий нравственно-ценностного императива, определяющего «востребованные» знания от «ненужных», «актуальные» знания от «устаревших». «Торжество прагматизма, деидеологизированная рациональность, «эффективность», «профессионализм» как высшие добродетели (за которыми скрыта немудрящая погоня за материальными благами), ведут к заметному понижению нравственного уровня в обществе, особенно в его верхних эшелонах». [6, с. 18]

Если качества, которые может предложить человек, не пользуются спросом, то он оказывается совершенно лишним на рынке труда и само его существование как индивидуализированного субъекта ставится под вопрос; «точно также как товар, который нельзя продать, не представляет рыночной ценности, хотя и обладает потребительной стоимостью». [7, с. 13]

Сознание, миропредставление, ценности и идеалы индивида становятся интериоризацией внешних требований и запросов, тем самым задается императив институционального формирования человеческих биографий (в терминологии У. Бека), принудительно стандартизируется вариативность жизненных ситуаций. Человек адаптируется к среде и к ее условиям, никоим образом от него независящими. Как отметил У.Бек, «жизнь конкретного человека становится биографическим решением системных противоречий». [8, с. 190]

Резюмируя, следует отметить, что образование, знание, доступ и владение информационными ресурсами слагаются в составляющие интеллектуального капитала современного человечества. При этом глобальный мир демонстрирует следующую ситуацию: знания, идеи, мировоззренческие установки, приведших одни социальные группы к элитарному статусу, к лидирующим позициям в деловой культуре, транснациональной экономике и международной политике, стали для всех демонстративным достоянием, но всё же не смогли реализоваться в жизни других социальных групп, общностей таким образом, чтоб решить их социально-экономические, гуманитарные проблемы.

Таким образом, идея деловой культуры, актуально звучащая в современных условиях, обретает многомерность и проникает в различные сферы духовно-практического опыта человека, становясь приоритетной в дискурсивных практиках сферы межкультурного диалога. Управление человеческими ресурсами как ценностно-целевая среда менеджмента сегодня становится условием коллективного успеха и устойчивого развития организаций. Речь идет об исследовании воздействия культурных факторов не только на менеджмент, но и о сравнении культурных различий с позиций восприятия системы ценностей и норм представителями разных культур, включенных в различные типы социальных коммуникаций в деловой сфере.

Список литературы

1. Цит. по: Федотова В.Г. Когда нет протестантской этики…//Вопросы философии.2001. № 10. С.27-44.

2. Тульчинский Г.Л. Современные факторы культургенеза//www.antropology.ru (дата обращения 11.03. 2014)

3. Инглехарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества//Полис. 1997. № 4. С. 6-32.

4. Афанасьев Ю. А.Знать, чтобы стать силой//Новая газета. 2005.10-13 февраля.

5. Тоффлер А.Футуршок. СПб., «Лань», 1999. - 451 с.

6.Рашковский Е., Хорос В. Мировые цивилизации и современность: (к методологии анализа)//Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 1. С. 14-18.

7. См.: Джохадзе И. Homo Faber и будущее труда//Логос. 2004..№ 6. С.3-17.

8.Цит. по:Яницкий О.Н. Экологическая культура: очерки взаимодействия науки и практики. Ин-т социологии РАН. М., Наука, 2007. – 271 с.

УДК 316.4

ИНСТИТУТ ДОВЕРИЯ: ГОРИЗОНТЫ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

С.А. Данилов
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: danilovsa@info.sgu.ru

В статье анализируется институт доверия, его роль в воспроизводстве современного общества. Доверие выступает интегральной характеристикой, обеспечивающей стабильность, предсказуемость. Доверие выступает как человеческим, так и социальным капиталом, обеспечивающем развитие общества.

Ключевые слова: доверие, социальный порядок, институт

Institute of trust: horizons of conceptualization

S.A. Danilov

The article analyzes the institution of trust, its role in the reproduction of modern society. Trust serves an integral characteristic of providing stability and predictability. Trust acts as a human and social capital, providing society.

Key words: trust, social order, the institute.

Современный мир на современном этапе своего развития может быть определен через категорию социального многообразия. Это относится как глобальным, так и локальным уровням современного общества, к миру в целом и российскому обществу в частности. Политически, экономически, этнически разнородный мир нуждается в создании и реализации эффективных моделей взаимодействия, основой и мерилом которых выступает институт доверия.

Реформистские процессы и проекты с одной стороны определили новый путь государства российского, но с другой сформировали риски легитимности и потери доверия к существующим социальным, политическим, экономическим институтам. Для России тема доверия является не только перспективной в рамках социально-гуманитарных наук, но и жизненно востребованной в контексте модернизационных трансформаций и политических решений.

В середине XX века социально-гуманитарный дискурс формирует отдельные аспекты, связанные с социальным доверием в работах, где в работах Т. Парсонса, П. Штомпки с позиций структурного функционализма и неоэволюционизма доверие концептуализируется в контексте конструирования социального порядка, социальных институтов, социальных взаимодействий. Проблема порядка общества является, не «фоновой», «контекстной» для понимания сущности и существования социального доверия. Взаимосвязь и взаимовлияние порядка и доверия

общества проявляется в том, что социальное доверие оказывается тем фактором, который обеспечивает понятный, предсказуемый, характер окружающего мира. Доверие лежит в основе социального действия, скрепляющего социальные взаимодействия, формируя состояния стабильности и определенности. Порядок, как отмечает Д. Ронг, «состоит из предсказуемости человеческого поведения, основанной на общих и стабильных ожиданиях. Это связано с тем, что люди одинаково осмысливают реальность (shared meanings), что делает возможным стабильные, повторяющиеся и кооперативные социальные взаимодействия» [1, p. 5].

Институциональная природа доверия является ключевым профилем в ее исследовании. Мы исходим из того, что любой социальный порядок является институциональным, а сам социальный институт является механизмом структурирования окружающей реальности, ее упорядоченности. Согласно классикам институциональной теории Д. Норту, Дж. Ходжсону институт, будучи системой правил, социально укорененной, обеспечивает регулярность социальных взаимодействий. Именно регулярность воспроизводства определяет стабильность и упорядоченность социальных систем. Таким образом, институциональные образования в процессе деятельности человека производятся и воспроизводятся, оказываясь под воздействием различных факторов. Доверие как фундаментальный фактор социальных систем воспроизводится как совокупность ожиданий, носящих нормативный характер и основывающихся на стабильности и предсказуемости взаимодействий.

Важнейшим условием формирования и воспроизводства доверия является его ценностная природа как социального института. Взаимная корреляция ценностных и институциональных оснований доверия проявляется в феномене «ожиданий». Ценностная сторона вопроса проявляется в интегративной составляющей – доверие осложняется в условиях различий в ценностных позициях, и наоборот, возрастает, если имеются общие ценностные установки. Стабильность, упорядоченность, предсказуемость как императивы доверия возникают и утверждаются при совпадении ожиданий и действий.

Особый исследовательский интерес вызывает процесс институализации доверия как конвертации ценности в норму или правило поведения, закрепления действия в качестве устойчивой системы социального воспроизводства. Применяя эвристический потенциал концепции П. Бергера и Т. Лукмана, а именно один из локусов их институализации — легитимации, можно говорить о принятии/ непринятии порядка через ресурсы социального доверия.

Институализация доверия невозможна вне человека и индивидуально-личностный уровень проблемы выступает в качестве системообразующего фактора. Условием многоуровневой институализации выступает интерсубъективное взаимодействие заинтересованных сторон [2, с. 75]. Индивидуально-психологическое проекция свидетельствует: необходима

адаптация социального порядка к предпочтениям и ожиданиям человека. Согласно социально-конструктивистскому подходу, взаимные ожидания, коллективные смыслы, нормы поведения и т. д. — не некая объективная данность, а продукт социальных взаимодействий. Они возникают в процессе повторяющихся социальных интеракций, а постольку поскольку люди воспроизводят их снова и снова, происходит институционализация практик взаимодействия, т.е. они приобретают относительную устойчивость и предсказуемость. Такая устойчивость основывается на том, что институциональные практики объективированы, иначе говоря, они выходят за рамки персональных отношений и основываются на общем знании (common knowledge), как ведет себя любой член данного коллектива, оказавшись в соответствующей ситуации и занимающий соответствующую позицию [3, с. 90–113].

Публикация подготовлена при поддержке гранта Президента РФ № МК-84.2014.6.

Список литературы

1. Wrong D. The Problem of Order: What Unites and Divides Society. New York: The Free Press, 1994. 354 p.
2. Орлов М.О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / ГОУВПО "Саратовский государственный университет". Саратов, 2009 – 306 с.
3. Бергер П., Лукман Н. 1995. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум. 1995.

УДК 1:316

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ «НЕУВЕРЕННОСТЬ»: КОНКУРЕНЦИЯ И РИСКИ РЕЛИГИОЗНОГО ПОВЕДЕНИЯ

И.А. Дорошин
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: ivansar@mail.ru

Интегральная характеристика эскалации рискогенных процессов в глобализирующемся пространстве экономических отношений обусловлена взаимовлиянием разноуровневых процессов, важнейшим из которых является религия - политизация и одновременная «экономизация» религии, консьюмеризация религиозных общностей, что, в свою очередь меняет базовые характеристики религиозного поведения в глобальном социуме. Автор анализирует религиозные проекты, предполагающие экстремистские – в том числе и экономическую плоскость насилия, которые до времени существуют в качестве «допущения». Одним из

довольно простых решений, но часто игнорируемых исследователями – является значительное повышение потенциальных прямых расходов насилия, что делает экстремизм социально и экономически неконкурентноспособным.
Ключевые слова: религия, религиозное поведение, экономика, экстремизм, насилие.

Economic «uncertainty: competition and risks of religious behavior

I.A. Doroshin

The author analyzes the religious projects involving extremist - including the economic sphere of violence that exist before the time as «assumptions». There is one of a fairly simple solution, which is often ignored by researchers - is a significant increase in the potential of the direct costs of violence that makes extremism socially and economically uncompetitive.
Key words: religion, religious behavior, economics, extremism, violence.

Экономический кризис приводят нас «соскальзыванию» в довольно неприятную область – к «состоянию, свойственному социуму, переживающему культурную агрессию» [1, с. 98]. Причем это касается и интеллигенции, как бы нам не хотелось об этом забыть. Мы привыкли думать, что агрессивная масса – это молодежь, а максимальное обвинение себе интеллигенция предъявляет в терминах «пробелы педагогики», «культурный вакуум». То, что в различных культурных традициях у интеллектуалов принято поливать время от времени маслом свой «пулемет» предпочтительно забывается. Религиозные проекты, предполагающие экстремистские «экономические» решения до времени существуют в качестве «допущения». Но, как мы помним, если ружье висит в первом акте, то во втором оно обязательно выстрелит.

Опасность таит копирование «хороших образцов», ставшее в случае России практически болезненным: от технологических совершенств запада, до не менее технологических «духовных» поисков востока. Копии хороших образцов есть хорошие вещи. Но творчество предполагает риск. Самостоятельное хозяйствование, «хозяйское отношение» всегда предполагает риск. Частная собственность «зовет» человека к трудовому и созидающему «инвестированию». Подобные поиски не запрещены церковью, - она сохраняет веру, а не формы искусства [2]. «Зов» должен быть обставлен прочными и реальными гарантиями, так как настоящее «инвестирование» возможно только там, где трудящийся уверен в «огражденности» своего права, где к вечному риску, идущему от стихии и от природы, не присоединяется риск общественный и политический [3, Т. 1]. «Обобществление» парализует волю людей; они становятся экономически как бы кастрированными и не могут пойти на большой риск в хозяйственном созидании [3, Т. 7, с. 45].

Интегральная характеристика эскалации рискогенных процессов в глобализирующемся пространстве экономических отношений обусловлена

взаимовлиянием разноуровневых процессов, важнейшим из которых является религия - политизация и одновременная «экономизация» религии, консьюмеризация религиозных общностей, что, в свою очередь меняет базовые характеристики религиозного поведения в глобальном социуме. Невозможно однозначно согласиться с утверждением: «Люди спасаются от экономической неуверенности своего реального мира, - пишет Л. Туроу, – отступая в уверенность *какого-нибудь* религиозного мира, где им говорят, что если они будут повиноваться предписанным правилам, то будут спасены»[6, с. 278]. Спасаясь от экономической неуверенности субъект способен буквально раствориться в шизкультурном контексте, обретя таким образом фанатичную уверенность и стабильность в собственной смерти. Но, как мы помним социальная опасность – это двунаправленный вектор, там где человек стремится нанести удар по себе, следует ожидать угрозы вовне. Определенный интерес представляют явления «воинственного богословия», уходящего корнями в социально-экономические риски. Подобные «боевые» теологические изыскания или, по крайней мере, идеологемы принадлежат переходным периодам.

При этом социально-экономический анализ религиозного поведения практически исключен из современного религиоведческого дискурса. Экономические основания «боевых» проектов религиозного проведения в такой постановке не изучены. Рискология, изначально имеющая прикладное социально-экономическое значение, могла бы, пожалуй, многое прояснить. Для начала необходимо понять основание для этого.

Адам Смит заложил основу для экономического анализа религии в 1776 году. В работе «Исследовании о природе и причинах *богатства народов»* Смит утверждает, что личный интерес мотивирует духовенство так же, как и светских производителей; что рыночные силы сдерживают церкви так же, как они ограничивают светские предприятия, и что преимущества конкуренции, бремя монополии и опасностей государственного регулирования реальны для религии, как и для любого другого сектора экономики [5, с. 740-766]. Естественно, церковь – не фирма, но актуально и обязательно ведет экономическую жизнь, то же касается и вакуфного имущества. Новым религиозным организациям свойственна даже корпоративная этика и организация. Идеи Смита игнорировались на протяжении более двух столетий, как социологами, психологами, антропологами, - религия считалась явно нерациональным поведением, так и экономистами, которые проигнорировали религии в целом. Действительно**,** во многих социальных исследованиях XIX и XX-го века религиозные учреждения представлены в качестве умирающего следа нашего, но примитивного донаучного прошлого. Современные ученые, пожалуй, возвращаются к пониманию религиозного поведения Смитом, как продолжающегося рационального выбора. Хотя есть теоретическая проблема ограничения экономики религии как подхода от понимания экономики как рыночных стратегий, поскольку экономика не только не сводится к рыночным отношениям исторически – они особенно не свойственны дл религиозных институтов. В оппозицию экономике

рыночных отношений можно попробовать описать экономические отношения, основанные не на обмене, а на символическом «обмене» жертвы. Хотя некоторые религиозные институты знали и отношения обмена – классический пример – государственная религия древнего Рима, также и многие концепции пытаются представить религию и жертвоприношение как обмен.

Экономисты, как и социологи, проанализировали религиозное поведение на индивидуальном, групповом и национальном уровнях. Уже в 90-е гг. Р. Уорнер заявил о рациональном выборе и рыночных моделях, как «новой парадигме» для изучения религии [10]. Ныне спектр теорий колоссален до теории макдонализации [9] и «супермаркета религий». С другой стороны, рынок, выступающий сегодня единственным общим знаменателем на планетарном уровне, скрывает под термином «глобального управления» идеологию экономического неолиберализма. Острые социальные проблемы оказываются естественным и необходимым условием эффективного развития экономической системы, что в реальности минимизирует смысл человечности, гуманности [4]. Глобализация в современных трактовках оказывается не взаимообогащением культурных традиций как форм самореализации человека, а как стремление нивелировать своеобразие других социокультурных традиций, распространить идеи индивидуализма и конкуренции. Экстремистские группировки представляют собой лишь один сегмент религиозных организаций на «рынке» мультикультурализма. Этот сегмент не может быть понят в изоляции, необходимо начинать с изучения предложения в целом, а затем и спроса на сверхъестественное – как определяющую характеристику религии.

Существует большая сложность в трактовке действия религиозной организации в экономических терминах – слово «продажа» может оказаться кощунственным и резко неприемлемым, поскольку сильно упрощает явление. Церковная практика предполагает возможное, но не обязательное вознаграждение священника, которое можно учитывать как экономических процесс. Возможна также прямая продажа религиозной книги или получение издания, как и свечи за пожертвование. Пожертвование на храм после литургии никоим образом нельзя рассматривать как оплату. При этом предполагается, что труд служащих надо вознаграждать. Интересно, что самый мощный инструмент – сбор десятины – в современной России не применяется в заботе о состоянии жертвователей. Другими словами, церковная практика предпочитает в современных условиях не прямые варианты достижения материального благополучия.

Нет логического предела сферы надежды, которую люди будут искать через сверхъестественные представления. Рядовой верующий счастлив искать все мыслимые благословления. При этом рынок должен решать проблемы информации и неопределенности. Несмотря на то, что речь не идет о чисто рыночных отношениях, наличие и эффективность сверхъестественных технологий всегда остается именно вопросом веры.

Перспектива мира на земле и вечной жизни привязана к огромной неопределенности. На языке экономики это называется «товары доверия» [7], религия же предлагает окончательное в этой сфере.

Понятие неопределенности, как проявление риска, может помочь нам понять деятельность учреждений, которые возникают в ответ на эту дилемму крайней неопределенности и абсолютного предложения. Две разных стратегии по управлению рисками - диверсификация и специализация - возникают в как светских, так и религиозных секторах экономики. Различные стратегии приводят к различным формам религиозных организаций, специализирующихся в различных типах продукции и различных формах практики.

В религиозных рынках естественно возникают также различные ниши, не все из которых обеспечивают одинаково интенсивные переживания. Некоторые религиозные традиции, например, христианство, иудаизм и ислам имеют более сильные коммунальные ориентации, чем другие, такие как буддизм и индуизм. Кроме того, в каждой религиозной традиции существуют организации, которые поддерживают более строгую систему общих убеждений, нравственности и социализации, в то время как другие в этом мало заинтересованы. Именно гетерогенность социального пространства порождает риски неопределенности [11, с. 20-25].

Традиционные академические теории религии не имеют никакой возможности объяснить настойчивость экстремистских группировок, кроме как назвать их сплавом невежества, принуждения, обмана и психопатологии. Чтобы лучше понять «привлекательность» экстремизма, необходимо вернуться к проблеме религиозного риска. Дилемма, с которой сталкивается «потребитель» сверхъестественного, аналогична той, которая стоит перед покупателем. Качество продукции с трудом поддается оценке, даже после приобретения и использования. Всякий продавец склонен завышать стоимость своих товаров и утаивать недостатки. Не желая быть обманутыми, покупатели требуют гарантий, запрашивают информацию у третьих лиц или исследуют репутацию продавца. Таким же образом, можно предсказать институционализацию и в сфере религии, создание и отработку механизмов, направленных на снижение мошенничества и увеличения информации, что часто называют общим словом «традиция». Отзывы являются обычным явлением в религии. Интересно, что кажущаяся бесплотной религиозная институционализация, чаще делает упор именно на материальные благословения. Также интересно, что свидетельство рядового члена, возможно, оказывается более надежным, поскольку меньше стимулов переоценить преимущества религии в отличие от представителей духовенства, чьи средства к существованию зависят от постоянства экономического потока. В этом секрет колоссального влияния агиографической традиции и схожих явлений в нехристианских религиях. Дискурсы, разворачивающиеся вокруг религиозных текстов, в последствии порождают различные формы социальной динамики, в том числе и деструктивной [12].

Экстремистские «секты» также являются религиозными общинами,

посвященными производству коммунальных товаров и погоней за коммунальными целями. Упустить этот момент, как это делают многие ученые и большинство журналистов, означает не понять сущность сектантства. Опираясь в основном на слова сектантов, выстраивается популяризаторское журналистское отражение метафизической интоксикации, тогда как социальная сущность остается непрозрачной. Отсюда рост «негативных солидарностей» (О.Н. Яницкий).

Мейнстримы религий и экстремистских «сект» с точки зрения социально-экономического подхода к религии, видимо являются скорее аналитически различными режимами религиозной организации. Названия не являются узкоспециальными описательными категориями, которые возникают как формальные последствия высокой стоимости «высоких» обязательств [8]. Это шаг к единой теории в объяснении и предсказании многочисленных эмпирических данных о религиозной социализации. Итак, варианты и перспективы могут быть обобщены с помощью стратегии, которая бы способствовала улучшению социальных услуг. Это в значительной мере повышает прямые расходы насилия и делает экстремизм социально и экономически неконкурентноспособным.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-33-01216.

Список литературы

1. Кургинян, С. Актуальный архив. Работы 1988-1993 годов. - М.: Международный общественный фонд «Экспериментальный творческий центр», 2010.

2. Мейендорф И., прот. Православие и современный мир. Минск: Лучи Софии, 1995.

3. Ильин И.А. Собрание сочинений в 10 т. М.: Русская книга. 1996.

4. Общество риска: стратегии управления и альтернативные стили мышления. Коллективная монография / Под ред. В.Б. Устьянцева, М.О. Орлова. Саратов: Издательство «Наука», 2009. – 220 с.

5. Смит, А. Исследование о природе и причинах богатства народов. - М.: Эксмо, 2007. – 960 с.

6. Туроу, Л. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир. - Новосибирск, - 1999.

7. Darby, M.R., Karni, E. Free Competition and the Optimal Amount of Fraud // Journal of Law and Economics. 1973, 16(1): 67-88.

8. Iannaccone, L.R. Religious extremism: the good, the bad, and the deadly // http://econ.ucsd.edu/~elib/rex.pdf. Обращение к ресурсу: 08.07.11.

9. Ritzer G. The McDonaldization of Society: An Investigation Into the Changing Character of Contemporary Social Life. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 1996.

10. Warner, R.S. Work in progress toward a new paradigm for the sociological study of religion in the United States. American Journal of Sociology. 1998: 1044-1093.

11. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. проф. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – 248 с.

12. Орлов М.О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / ГОУВПО "Саратовский государственный университет". Саратов, 2009 – 306 с.

УДК 330.142

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИАЛ КАК ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО - ИННОВАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

И.Э. Жадан
Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Россия
E-mail: Inga645@bk.ru

Статья посвящена характеристике человеческого капитала. Подчеркивается, что структурно человеческий капитал делится на капитал здоровья, трудовой капитал, организационно-предпринимательский капитал, интеллектуальный, культурно - нравственный. И все элементы структуры человеческого капитала находятся в пропорциональной взаимозависимости. Уменьшение составляющей какого-либо компонента (будь то потеря здоровья или снижение качества образования) ведет к сокращению эффективности человеческого капитала. И наоборот, повышение уровня образования, овладение новыми знаниями, повышают эффективность человеческого капитала.

Ключевые слова: человеческий капитал, здоровье, образование, интеллект.

Human kapial as an economic category of modern information - innovative company

I.E. Zhadan

This article is devoted to the human capital. Emphasizes that human capital is structurally divided into health capital , labor capital , organizational and entrepreneurial capital, intellectual , cultural - moral . And all the elements of the structure of human capital are proportional interdependence. Reduction component of any component (whether the loss of health or declining quality of education) leads to a reduction in the efficiency of human capital. Conversely, higher levels of education , acquiring new knowledge , improve the efficiency of human capital.

Key words: human capital, health, education, intelligence.

Анализ содержания и условий капитализации человеческого капитала позволяет выработать обобщенное определение человеческого капитала как экономической категории современного информационно-инновационного общества:

Человеческий капитал - это сформированный в результате инвестиций и накопленный человеком определенный запас здоровья, знаний, навыков, способностей, мотиваций, которые целесообразно используются в

процессе труда, содействуя росту его производительности и заработка.

Необходимо отметить, что использование человеческого капитала увеличивает не только заработки работника, но и доходы предприятий и государства. Требует уточнения и возможность капитализации мотиваций работников. Здесь речь должна идти об уровне культуры и нравственности работника, которые формируют его репутацию и ответственное поведение, как важный вид человеческого капитала.

Уровень социально-экономической активности, уровень миграционной подвижности, образ жизни человека, характер и способы досуга и отдыха – все это определяется качественными характеристиками здоровья.

Возможность участия человека в определенных видах деятельности, эффективность труда зависит от физического развития и от того, насколько здоров человек. В понятие капитала здоровья должны включаться иммунитет, выносливость, работоспособность, физическая сила, период активной трудовой деятельности; к характеристикам понятия также относят нетрудоспособность, заболеваемость, инвалидность, которые объединяются в термин «глобальное бремя болезней». Потери общества в результате преждевременной смерти людей, их инвалидности и нетрудоспособности отражаются в системе этих показателей. На демографической ситуации, которая в настоящее время оценивается как достаточно сложная, сказывается снижение капитала здоровья. Даже при оптимистическом сценарии развития экономики и вложении значительных средств в социальную сферу, демографический прогноз показывает, что сокращение населения к 2025 г. составит 7%.

В России в настоящее время существует стиль жизни, здоровье в котором не имеет реальной ценности для человека.

В силу разных причин россияне отказываются от мер защиты и профилактических мероприятий здоровья. В результате чего снижается не только уровень здоровья населения, но и постепенно образуется негативное отношение к ведению здорового образа жизни, что может отрицательно отразиться на здоровье будущих поколений.

Потери валового внутреннего продукта (ВВП), обусловленные потерями капитала здоровья трудоспособного населения, составляют 6-10%. Потери ВВП из-за потерь капитала здоровья трудоспособного населения превышают величину консолидированного бюджета здравоохранения в 3-5,5 раза.[2, с.26]

Трудовой капитал - это профессиональные способности и знания, опыт и навыки, которые определяют степень квалификации. В современных условиях научно- технического прогресса в процессе производства большое значение приобретает овладевание результатами современных научных исследований, знание новейших технологий, и умения практически их применить. Общее и профессиональное образование формирует такие способности, а их реализация, накопления опыта и совершенствование навыков происходит во время трудовой

деятельности. Также специфический капитал включает в свой состав признание внутренних ценностей, традиции и философию фирмы.

Специальный стаж, т. е. проработанное человеком время на данном рабочем месте, в данной фирме является стандартным показателем, который измеряет объемы накопленного трудового человеческого капитала. В России он составляет сейчас около 7 лет против 10-12 лет в странах Западной Европы или Японии. В российской экономике интенсивность оборота рабочей силы (которая выражается высокой текучестью кадров) обусловливает недостаточные запасы трудового человеческого капитала по мировым меркам.

Период окупаемости человеческого капитала является еще одним фактором, характеризующим его. Пик заработков в процессе трудовой карьеры человека обычно приходится на возраст 50-55 лет - именно в этом возрасте отдача от инвестиций в трудовой человеческий капитал достигает своего максимума. Однако в России пик заработков достигается между 35 и 40 годами, т.е. на 10-15 лет раньше. Иначе говоря, старшие поколения уже никогда не восполнят утерянный ими трудовой капитал, а российской экономике придется еще долгое время жить в условиях его явной недостаточности.

Ситуация с трудовыми ресурсами в период до 2010 г. характеризуется экономистами как относительно благоприятная с точки зрения предложения рабочей силы: прирост трудоспособной части населения составит 4,0 млн. чел.

Для 2011-2015 гг. и 2016-2025 гг. будет характерно абсолютное и относительное сокращение трудоспособного населения. В целом за 2001-2025 гг. ожидается снижение численности трудоспособного населения на 14,3 -15,5 млн. человек.[3, с.104]

Интеллектуальный капитал. Он определяется уровнем образования человека, в его состав включаются следующие составляющие:

А) Интеллектуальный капитал, которые воплощен в виде знаний, опыта, способностей к творческой деятельности и нововведениям.

Б) Интеллектуальный капитал, который включает торговые марки, лицензии, патенты и другие объективные факторы, которые связаны с авторским правом. Интеллектуальный продукт обособляется от автора, он определяет направления и формы экономического использования своей собственности.

В отечественной экономической литературе речь идет, в основном, о проблеме обесценивания интеллектуального человеческого капитала, что является одним из главных факторов резкого снижения производительности труда. Вследствие чего возникает глубокий разрыв между желаемыми и фактическими запасами человеческого капитала на уровне каждого отдельного человека. Активные действия участников рынка труда, направленные на оптимизацию имевшихся запасов человеческого капитала и восполнение этого разрыва являются ответной реакцией.

В настоящее время почти 2/3 российских работников (62%) имеют либо высшее, либо среднее специальное образование, но лишь 5% экономически активного населения относится к категории высоквалифицированных специалистов (в Германии этот показатель составляет 5 6%, в США - 43%).

На долю выпускников колледжей сейчас приходится 15,3% всех занятых, на долю выпускников средних школ - 16,2%. В то же время малообразованных работников (окончивших неполную среднюю или начальную школу) насчитывается немногим более 6%.[4, с.105] Российская рабочая сила по формальным признакам является в настоящее время одной из самых высокообразованных в мире. Но у этого достижения есть оборотная сторона: многим из тех, кто получил высокую формальную подготовку приходится занимать рабочие места, которые не требуют высокой квалификации, или даже вообще не требуют никакой квалификации.

При этом в одних секторах экономики есть свободные рабочие места, в других - избыток занятости. Одна из причин неравномерности распределения

рабочей силы состоит в том, что система подготовки в вузах и профтехучилищах не отвечает требованиям экономики. Другой причиной является огромная дифференциация в оплате труда, способствующая оттоку кадров из низкооплачиваемых секторов экономики. Высока вероятность того, что в России сохранится длительная структурная безработица, если не будет создана соответствующая эффективная система подготовки и переподготовки кадров.

Организационно - предпринимательский капитал представляет собой потенциал инновационной творческой деятельности. По определению И. Шумпетера предприниматель это субъект, инициирующий и осуществляющий инновационные проекты, технологии в организации дела. Также к данному виду капитала относят предпринимательские, организаторские способности к выработке эффективных бизнес - идей, предприимчивость, владение коммерческими секретами, решительность. Для реализации этой формы капитала важна сильная мотивация носителя и особые предпринимательские, лидерские качества личности.

Культурно-нравственный потенциал подразумевает признание существующих в общественной системе ценностей, культуры, морали, этических норм, определяющих линию поведения человека, то, как он относится: к другим людям, самому себе, делу, вещам, что отражается на качестве человеческого капитала, определяется уровнем образования, духовным развитием и условиями воспитания.

А.И. Добрынин и С.А. Дятлов выдвигают критерием классификации видов человеческого капитала различие в формах, в которых он воплощается:

- Живой капитал включает в себя знания, который воплощается в человеке.

- Неживой капитал создается, когда знания воплощаются в физических, материальных формах.
- институциональный капитал состоит из живого и неживого капитала, который связан с производством услуг, удовлетворяющих коллективные общественные потребности. В его состав входят все правительственные и неправительственные институты, которые содействуют эффективному использованию двух типов капитала.

Примером может послужить знание человеком одного или нескольких иностранных языков. Неживой капитал в данном случае будет олицетворяться готовым переводом книги с иностранного языка, а институциональный капитал будет представлен ВУЗом, который осуществляет обучение и выпуск специалистов в данной сфере.

Формирование активов человеческого капитала представляет собой сложный процесс, в результате которого развиваются качественные свойства индивидов, совокупность которых превращается в капитал в социально институциональной среде, в системе производственных отношений. Формирование интеллектуальных, образовательных, культурно-нравственных, организационно-предпринимательских форм человеческого капитала обеспечивается преимущественно инвестициями в научно-образовательные, информационные системы общества, формирование биологической формы (капитала здоровье) требует инвестиций в систему здравоохранения.

Для наиболее глубокого понимания понятия человеческого капитала, целесообразно рассмотреть понятие инвестиций в человеческий капитал.

Все виды затрат, которые могут быть оценены в денежной или иной форме и которые носят целесообразный характер, а также способствуют росту в будущем доходов человека, рассматриваются как инвестиции в человеческий капитал. Выделяют три вида инвестиций в человеческий капитал:

- расходы на образование, включая общее и специальное, формальное и неформальное, подготовку по месту работы;
- расходы на здравоохранение, складывающиеся из расходов на профилактику заболеваний, медицинское обслуживание, диетическое питание, улучшений жилищных условий;
- расходы на мобильность, благодаря которым работники мигрируют из мест с относительно низкой производительностью в места с относительно высокой производительностью.

С каждым годом увеличиваются расходы на образование, здравоохранение и социальную политику. Но с 2013 года наблюдается снижение расходов на образование на 8% (по сравнению с 2012 годом) и здравоохранение на 9 % (по сравнению с 2012 годом), в то время как на социальную политику расходы продолжают увеличиваться. Снижение расходов на образование скорее всего связано с сокращением и объединениями ВУЗов.[5]

Важно оценить, что инвестиции в человеческий капитал имеют свои особенности:

1. Отдача от инвестиций напрямую зависит от продолжительности жизни его носителя или от срока трудоспособного периода. Чем ранее осуществляются вложения в человеческий капитал, тем скорее они будут давать отдачу.

2. Человеческий капитал имеет способность накапливаться и умножаться. Этот процесс происходит благодаря периодическому переобучению работника и накоплению им определенного опыта работы. Необходимо отметить, что если процесс накопления и умножения происходит непрерывно, то его качественные характеристики улучшаются.

3. Когда формируется человеческий капитал совершенствуются и повышаются характеристики не только у обучаемого, но и у обучающего, что в будущем ведет к увеличению заработка как у обучаемого, так и у обучающего.

4. Не все вложения в человека целесообразны и эффективны, например, инвестиции в криминальную деятельность общественно вредны, и они не являются инвестициями в человеческий капитал.

5. Характер и виды вложений обусловлены историческими, национальными и культурными традициями. К примеру, уровень образования и выбор профессии очень часто зависит от традиций семьи.

6. Инвестиции в человека являются наиболее выгодными по сравнению с другими видами инвестиций, как с позиции отдельного индивида, так и всего общества.

Интересно отметить, что Дж. Кендрик к вложениям в человека также относит работников, которые проходят переподготовку или повышение квалификации по месту работы и утраченные заработки студентов, которые посещают занятия в университете. Важность свободного времени для улучшения знаний и способностей отмечает Л. Туроу, что также не отражено в национальном учете: «это главный актив человеческого капитала, который позволяет индивидууму приобретать другие активы человеческого капитала».[1,с.75]

Человеческий капитал по степени эффективности можно поделить на положительный (созидательный) человеческий капитал и отрицательный человеческий капитал (разрушительный). Между этими крайними состояниями и составляющими совокупного человеческого капитала существуют промежуточные по эффективности состояния и составляющие человеческого капитала.

Положительный человеческий капитал определяется как человеческий капитал, который был накоплен, он обеспечивает полезную отдачу от вложений в него и в процессы его роста и развития. В частности, от инвестиций в повышение и поддержание качества жизни населения, в рост знаний, увеличение инновационного и институционального потенциала, улучшение здоровья населения, в совершенствование системы образования

и науки. Инвестиции в человеческий капитал дают отдачу только спустя некоторое время, соответственно, он является инерционным производительным фактором. Менталитет, здоровье населения, его образование и знания являются важными факторами величины и качества человеческого капитала. В исторически небольшие сроки можно добиться существенной отдачи от вложений в знания, образование, здоровье, но не в менталитет, формирующийся веками. Но менталитет населения может значительно сокращать коэффициенты трансформации вложений в человеческий капитал и даже полностью делать неэффективными вложения в человека.

Отрицательный человеческий капитал - это часть накопленного человеческого капитала, не дающая какой-либо полезной отдачи от инвестиций в него для общества, экономики и препятствующая росту качества жизни населения, развитию общества и личности.

Не все вложения в образование и воспитание являются полезными и увеличивают человеческий капитал. Наркоманы, неисправимые преступники, чрезмерные любители спиртного являются потерянными инвестициями для общества и семьи. И, наоборот, существенную долю в положительную часть человеческого капитала вносят специалисты международного уровня, профессионалы и трудоголики.

Отрицательный накопленный человеческий капитал образуется на основе негативных сторон менталитета нации, таких как низкая культура населения, включая ее рыночные элементы, а именно, этика труда и предпринимательство.

В полной мере накопленный отрицательный человеческий капитал проявляет себя в бифуркационный период – то есть в период сильно неустойчивых состояний. В данном случае происходит переход в другую систему координат (а именно, в другое политическое и экономическое пространство), и человеческий капитал может изменить свою величину. Когда происходит переход страны в иную экономическую и политическую систему, или резкий переход на другой, существенно более высокий технологический уровень (для отраслей и предприятий). Это означает, что накопленный человеческий капитал, прежде всего в виде накопленного менталитета, знаний и опыта, а также имеющегося образования, является не пригодным для решения задач в рамках другой парадигмы развития, а также новых задач более сложного уровня.

Когда происходит переход в иную систему координат, появляются кардинально другие требования к качеству и степени человеческого капитала, накопленный старый человеческий капитал будет становиться отрицательным и тормозом в развитии, также будут требоваться новые дополнительные вложения в него, для его модификации и развития.

Таким образом, можно сделать вывод, что капитал делится на физический (вещественный) и человеческий. Основное же отличие человеческого капитала от физического состоит в том, что именно

человеческий капитал является источником дохода, а физический капитал является условием получения дохода. Структурно человеческий капитал делят на капитал здоровья, трудовой капитал, организационно-предпринимательский капитал, интеллектуальный, культурно - нравственный. И все элементы структуры человеческого капитала находятся в пропорциональной взаимозависимости. Уменьшение составляющей какого-либо компонента (будь то потеря здоровья или снижение качества образования) ведет к сокращению эффективности человеческого капитала. И наоборот, повышение уровня образования, овладение новыми знаниями, повышают эффективность человеческого капитала.

Список литературы

1.Бондаренко Г.И. Человеческий капитал: основные факторы его воспроизводства и развития.Ростов-на-Дону.Тера .2008.

2.Каширина М.Л. проблемы формирования и развития человеческого капитала //Территория науки. 2007. № 1. С. 26.

3.Нестеров Л.Национальное богатство и человеческий капитал// Вопросы экономики.2008.№2.с.103-110.

4.Попова И.А.Образование-человеческий и социальный капитал молодежи//Высшее образование в России.2007.№10.с.105.

5.Подсчитано автором на основании Российского статистического ежегодника, 2012. –М.:Госкомстат Рос.2012. и данным Минфина.

УДК 316

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ИДЕАЛ КАК ЯДРО ДУХОВНОГО РЕСУРСА СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Завгородный

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия

E-mail: theory-hist.dept@yandex.ru

Статья посвящена состоянию духовного ресурса современного российского общества. Общественные трансформации, произошедшие в современной России, оказали негативное влияние на совокупность общественных ресурсов. Общественный идеал выступает фундаментом духовной составляющей общественных ресурсов. Он предопределяет вектор социальных стремлений. Отсутствие общественного идеала дезориентирует общество, снижает его пассионарность, увеличивает риск распада. Именно поэтому, изучение в сфере общественного идеала так актуально.

Ключевые слова: общественные трансформации, духовный ресурс, общественный идеал.

Public Ideal as the Core of the Spiritual Resource of Contemporary Russian Society

A.A. Zavgorodny

The article is dedicated to the spiritual recourse condition of the modern Russian society. Social transformations, which took place in contemporary Russia, had negative impact on all of the sociable resources. Public ideal is fundamental feature of the spiritual part of the public resources. It predetermines the vector of the social aspirations. The lack of public ideal disorienting society, reduces its passionarity, increases the risk of decay. That is why the research in the sphere of public ideal is so actual.

Key words: Social transformation, Spiritual resource, Public ideal.

В любом здоровом обществе должна быть определенная соразмерность материального, социального и духовного. В каждом конкретно-историческом обществе эта проблема решалась разными способами, но общим для них всегда выступает лишь одно - непрекращающийся поиск совершенства, гармонии, справедливости. Духовная жизнь — это особая сфера общественной жизни, связанная с производством и распределением духовных ценностей, удовлетворением духовных потребностей человека. В духовной сфере постоянно, с большей или меньшей интенсивностью, рождается и реализуется дух, духовность; рождаются духовные потребности, развертывается производство различных идей и их потребление. В духовной жизни общества представлены такие начала, как нравственное, познавательное и эстетическое. Именно на этих началах порождаются мораль и религия, наука и философия, искусство и творчество. Духовной жизни человека и общества соответствуют следующие виды духовной деятельности: религиозная, научная, творческая. С этими видами деятельности соотносятся и три идеала ценностей, к которым стремится личность: истина — адекватное отражение действительности субъектом, воспроизведение ее таковой, какова она есть, в не и независимо от сознания; добро — общее оценочное понятие, обозначающее позитивный аспект человеческой деятельности, противоположность злу; красота — совокупность качеств, доставляющих наслаждение взору и слуху человека. Формирование духовных основ современного человечества, по мнению К.Ясперса, необходимо связывать с возникновением осевого времени истории, начало которого автор относит и связывает с теми духовными процессами, которые шли в мире между 800-200 гг. до н.э. [1, с. 32-50]. По существу духовность нового времени связана с человеком сознательно создающим представления о должном и желаемом будущем, стремящимся к их реализации, одним словом, складывается сознательное ценностное отношение к миру, в той мере в нем обнаруживается духовность.

Духовность — свойство психики человека и характеристика общества, состоящее в преобладании нравственных и интеллектуальных интересов над материальными. Духовно богатый человек характеризуется высокой культурой, готовностью к самоотдаче и саморазвитию. Его духовные потребности побуждают его размышлять о вечных ценностях бытия, смысле жизни. Духовность — это ответственность человека за себя, свои поступки, судьбу Родины.

К сожалению, в последнее время в российском обществе, довольно широко распространилось мнение о том, что человеческое богатство сводится к наличию больших денег, дач, автомобилей — словом, материальных ценностей [2]. Это мнение подтверждается широкими эмпирическими данными. Этим элиминируется значимость духовных составляющих человека и общества. Идущий процесс отражает реальную экспансию западной либеральной идеологии, опасность которой особенно высока в ситуации конституционно оформленного отказа от государственной идеологии, во–первых, и, во-вторых, либеральные идеалы западного типа не аутентичны российскому цивилизационному коду. Никто не спорит, бытовая, житейская обустроенность, естественно, важны для человека. Но если все желания будут этим ограничиваться, можно потерять свои корни, основу бытия и фундамент самоидентификации. Велика опасность потери российской духовности как ценности для поколения, живущего только материальными интересами, ищущего лишь выгоду для себя и теряющего из-за этого смысл жизни, что провоцирует риск глубокого межпоколенческого разрыва.

По-настоящему человек богат только своими знаниями, духовными ценностями, имеющейся у него культурой. По тому, насколько тесно связан человек с духовной культурой, можно судить о богатстве его души и интеллекте, его способности рождать новые идеи и отстаивать истину, добро и красоту. Именно с помощью культуры формируются уникальные, неповторимые черты личности. Без истинных ценностей и идеалов общество будет духовно оскоплено, лишено творческого заряда, перспективы, и, в конечном счете, будущего [3]. Духовность общества, представленная его культурой, выступает особым ресурсом его сохранения и развития. Духовность бывает разная. Определяется она, прежде всего, идеалом. Разные идеалы предлагаются разными обществами, либо разными религиями и атеизмом. И разные пути предлагаются для достижения идеала.

Ядром духовности российского общества выступают общественные идеалы России, выработанные на протяжении столетий. Они содержат в себе своеобразный цивилизационный код, с помощью которого происходит самоидентификация, а также сохранение и воссоздание российского общества как социальной целостности. В идеалах аккумулирован духовный опыт поколений россиян, создавших

уникальную по характеру и великую по всемирно-исторической значимости цивилизацию. Общественные идеалы явились плодом творческих усилий многих народов и народностей, населявших Россию [4]. Общественный идеал является наивысшей ценностью, рожденной духовной культурой общества, признаётся абсолютным его большинством и выполняет в жизни социума регулятивную и целеполагающую функции.

Общественным идеалом российского цивилизационного кода является солидарное общество, в основе которого лежат не конфликт и конкуренция, а взаимопомощь и сотрудничество всех его членов, разных социальных, этнических, религиозных и политических групп. Стремление к солидарному обществу пронизывает историю России, находя отражение в принципах соборности, в симфонии государства и Церкви, в опыте общины, прихода, артели, казачьего круга, совета, коммуны. Общественные идеалы всегда существуют в определенном пространстве и времени, и потому говорить о них следует, в том числе и с учетом этих важнейших составляющих. Каждый общественный идеал рождается на определенном социокультурном и национально-государственном пространстве.

Среди отечественных социальных мыслителей шел спор вокруг вопроса, о том, насколько употребимы на собственном пространстве, те или иные идеалы, своим генезисом связанные с иной социокультурной средой, иным социальным пространством. Вопрос о том существует ли идеал вне этого конкретного пространства, как некий общечеловеческий, фактически не связанный ни с какой социокультурной средой, также ставился. Каждый идеал рожден своим историческим временем и продолжает существовать, как всё в человеческом обществе, не вечно. Сойдя с исторической арены, на определенное время, он может возвращаться в общественное сознание из духовного арсенала, вновь актуализироваться при определенных условиях.

Задачей общества и государства выступает использование «отложенных», аутентичных цивилизационному коду, самого этого общества и его духовности, общественных идеалов, их реабилитация и обновление с учетом времени и исторических вызовов.

Список литературы

1. Ясперс К. "Истоки истории и ее цель." Смысл и назначение истории. М., 1991, с. 32-50.

2. См.: Климов А. Общественный идеал//http://www.proza.ru/2009/12/29/1369.

3. Соборное слово XVII Всемирного русского народного собора//http://www.patriarchia.ru/db/text/3337081.html31 октября 2013 г. 23:45.

4. Скоробогатько А.В. Общественные идеалы в духовной жизни общества// Труды Санкт-Петербургского университета культуры и искусства 2013. Том 199.

УДК 1:316.

ЦЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

И.Н. Иванова, Р.Е. Миронова
Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Россия
Саратовский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета, Россия
E mail: filsaratov@rsute.ru

Статья посвящена ценностям и установкам личности, ее адаптации и интеграции в социальную реальность. Здесь особая роль отводится системе образования и воспитания. Человеческий капитал – это, в первую очередь, реализация потенциала образованного и культурного общества. Без человеческого капитала невозможно представить модернизацию страны, поэтому система образования и воспитания должна удовлетворять потребности общества в качественном образовании и его доступности, что в свою очередь, будет способствовать повышению духовно-нравственного воспитания личности.

Ключевые слова: образование, воспитание, ценности, человеческий капитал.

Values of the person in the structure of human capital

I.N. Ivanova, R.E. Mironova

Article is devoted to values and attitudes of personality, its adaptation and integration into social reality. Here, a specific role for education and training. Human capital - is, first of all, realizing the potential of an educated and cultured society. Without human capital it is impossible to modernize the country, so the system of education and training must meet the needs of society in a quality education and its accessibility, which in turn will enhance the spiritual and moral education of the person.

Key words: education, education, values, human capital.

Модернизацию России невозможно представить без модернизации образовательной, воспитательной функций общества, поэтому система образования и воспитания в России находится в центре внимания общественности и государства. Связано это, в первую очередь, с требованием времени, потребностями общества в качественном образовании и его доступности, с необходимостью повышения духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения.

Современное российское общество в состоянии дать материальную и духовную основу для реализации идей образованного общества. Образование, как социальная система, не только передает

социокультурный опыт от поколения к поколению, но и вносит определенные стабилизирующие моменты в развитие общества. Оно представляет собой институт обновления общества, культуры и человека, поскольку изменения самого процесса обучения оказывают влияние на развитие сознания людей и, в конечном счете, поведение и жизненный стиль. Поэтому образование как канал приобщения человека к высшим духовным и интеллектуальным ценностям выступает общекультурным условием жизнедеятельности индивида, механизмом успешной реализации процесса модернизации общества.

Плюрализм современной жизни представляет поливариантные возможности выбора по удовлетворению потребностей, что влечет за собой многообразие социальных ожиданий и личностных установок. Если социальный капитал в своей функциональной роли сводится к системе ожиданий, то человеческий капитал представляется как система социально-ориентированных личностных установок его носителей. Человеческий капитал - это мера воплощенной в человеке способности приносить доход, включающая врожденные способности и талант, а также образование и приобретенную квалификацию [1, с. 302].

В качестве одного из условий развития российского общества и культурно-образовательного капитала представляется актуальным рассматривать социальные ценности и установки современной молодежи. Находясь внутри социокультурного процесса, молодежь включена в социальные взаимодействия, идущие объективно. Она адаптируется и интегрируется в ту социальную реальность, которая есть, в которой она живет здесь и сейчас. Ее культурно-образовательный капитал и деятельность по его реализации, на наш взгляд, наиболее адекватно отражают реалии общественной жизни и личностные установки носителей человеческого капитала, ведь степень принятия молодыми людьми новой структуры ценностей и новых социально-экономических явлений становится одним из факторов, определяющих динамичность и успешность переходных процессов [2, С. 660-661] .

Включение молодежи в общественную жизнь представляет собой биполярный процесс. С одной стороны, это процесс воздействия общества на личность в процессе воспитания и образования (первичная социализация), а с другой, – процесс обновления и реконструкции самого общества и включение в него молодежи в контексте самоопределения и интеграции. Социальный опыт обретается и усваивается новыми поколениями в объективно меняющихся социальных условиях. При этом, следует учитывать условия общего социокультурного кризиса [3], многоплановость реформ и непосредственное влияние агентов социализации – института семьи, образования, информационного ресурса общества потребления, социального окружения [4]. Биполярность процесса включения молодежи в общественную жизнь означает, что с точки зрения общей динамики социокультурной ситуации и функционирования культуры, все, что делает индивид, служит, с одной стороны, проявлением интернализированных представлений конкретной

культуры, а с другой, – основой постоянного обновления и изменения (экстернализации) существующего общества, культуры как продукта человеческой активности.

Проблемы жизненного самоопределения молодежи связаны не только с динамикой социальных явлений, но и с неоднозначностью оценок и рефлексией происходящих изменений, возможностей и условий для полноценного самоопределения. Процесс самоопределения включает ситуацию выбора, в которой основу самоопределения составляют ценностные ориентации и мотивы для самостоятельного и позитивного выбора. В условиях плюрализма общественной жизни и многообразия возможностей для личностной активности, именно молодежи, тем не менее, стало труднее реализовать себя в традиционных сферах жизни: обеспечить достойную жизнь себе и своей семье, найти работу, получить профессию, продолжить образование.

Основы взаимодействия общественной жизни посредством образования были заложены Э. Дюркгеймом и М. Вебером, исследовавшими социальные функции образования, его связь с экономическими процессами и политическими изменениями. Дюркгейм видел основную функцию образования в передаче ценностей господствующей культуры новым поколениям, Т. Парсонс предложил рассматривать образование как институт социализации и исследовать учебные учреждения как социальные системы. Проблемы образования получили развитие и обобщение в работах более поздних исследователей, в том числе П. Бурдье, который рассматривал вопросы взаимосвязи человеческого капитала с процессом обучения.

Определяя различные виды человеческого капитала, П. Бурдье считал, что успех человека в получении образования и профессии продиктован той мерой, в какой он является носителем господствующей культуры общества. Процесс получения образования он напрямую связывает с наличием символического капитала, который определяет различия символов, функционирующих в социальном пространстве, как пространство стилей жизни, в то время как личный капитал является результатом длительного и непрерывного накопления, продолжающегося обычно всю жизнь [5, С. 35-52].

В процессе взаимодействия индивиды осуществляют деятельную стратегию, представляющую собой динамично меняющиеся системы социальной практики. Образцы социальной практики основываются на ценностных возможностях, движимые и направляемые определенной целью – необходимостью получения социальной или экономической выгоды. Практическая деятельность индивидов зависит от уровня развития социальной среды, в которой протекает их жизнедеятельность, от системы диспозиций, которую активно конструируют сами индивиды и которая порождает их структурирующую деятельную практику.

В рамках исследования социальных установок современной молодежи представляет интерес изучение социологических особенностей формирования социального потенциала и его профессиональной

трансформации в культурно-образовательный капитал. Это дает возможность расширить и обобщить представление о человеческом капитале, понять его как ценностное отражение всего комплекса качественных культурных характеристик человека, имеющих свое выражение в жизненных ориентациях и самоопределении молодежи в процессе потребления образовательных услуг.

Формирование жизненных ориентаций непосредственно связано с жизненным путем и социальным окружением. Процесс формирования и становления жизненных ориентаций и индивидуального стиля детерминирован пространственно-временным функционированием культуры и проходит несколько этапов: с микросоциальной группы (семейное окружение); социальные группы, членом которых был на протяжении жизни индивид (период обучения, трудовая деятельность, друзья, собственная семья) и макросоциальный уровень интеракций.

Этап зарождения и становления жизненных взглядов в микросоциальном окружении условно можно определить совокупностью объективного и субъективного факторов. Семья, в первую очередь, воспринимается как фактор объективно-демографический. Объективность составляющих его констант определяют стартовый капитал индивида – социальный статус членов семьи, пол, возраст, образовательный и культурный уровень членов семьи, жизненное пространство. Но сам по себе стартовый капитал не способен адекватно влиять на становление и формирование жизненных ориентаций индивида. Именно от субъективного фактора микросоциальной группы наибольшим образом зависит становление субъекта рыночных отношений. Процесс воспитания напрямую зависит от семейных традиций, жизненных взглядов и планов старшего поколения, внутрисемейной исторической памяти, методов воспитания, господствующей в семье системы ценностей, религиозного воспитания – культурного капитала, которым обладает и который реализует семья. Субъективный фактор микросоциальной группы совместно с объективно-демографическим формирует стартовую площадку индивидуального самосознания, жизненных позиций и стратегий поведения – индивидуального стиля агента социального взаимодействия в сфере потребления. Дальнейшее взаимодействие индивида с социальными группами происходит на подготовленной почве, в большей или меньшей степени сформировавшихся жизненных ориентаций и подвержено корреляции собственной рефлексии происходящих социальных изменений и вариантов самоопределения.

Процесс становления ориентаций, ценностей и индивидуальных потребностей индивида, таким образом, напрямую связан с воспроизводством человеческой жизни. Наивысшей формой социальных отношений по «производству» жизни являются отношения родителей и детей, в которых младшее поколение играет все возрастающую роль посредством более лабильной рефлексии социальной ситуации, подвижности форм самопрезентации и динамичных интеракций. Способность к формированию и самостоятельному обеспечению

предметами потребления и сам процесс этого обеспечения представляет собой капитал, как проявление видовых, человеческих отношений. Следовательно, процесс дезактуализации потребностей и обеспечения себя необходимыми предметами потребления (материальными, духовными, информационными – индивидуально-личностный капитал) есть проявление в деятельности индивидов видовых, человеческих отличий. Таким образом, для воспроизводства доминирующих позиций в обществе, в процессе создания новых социальных позиций важную роль играет культурный капитал. При этом необходимо учитывать реконверсию экономического капитала в образовательный капитал, как часть капитала культурного. Для воспроизводства социальных позиций необходимо соотношение экономического и образовательного капитала, выраженного в профессиональных навыках.

Согласно концепции человеческого капитала Г. Беккера, человек принимает решение увеличить доходы путем инвестирования времени и средств в образование. Инвестирование в образование в большей степени свидетельствует о стремлении к повышению социального статуса, скорее не вхождению в состав определенной группы, а появлением больших возможностей и большего спектра таких групп. Однако, социологические опросы и статистические исследования не подтверждают наличия прямой зависимости между культурным капиталом учащегося и его успехами. Воздействие этого показателя, как показали, например, зарубежные исследования, является ничтожно малым по сравнению с такими факторами, влияющими на учебные результаты, как экономическое благосостояние или расовая принадлежность [6, С. 26].

Безусловно, культурный уровень микросоциального окружения имеет определенное значение для академических успехов, мотивов выбора специальности и может рассматриваться как характерная черта социальной группы. Однако этот показатель имеет относительное значение для объяснения и оценки зависимости между социальным положением и академическими успехами в целом. На наш взгляд, это обусловлено тем, что в период трансформации человеческий капитал уже не может выступать в виде определенной системы диспозиций, а становится результатом деятельности самого человека.

Конец XX века в России стал периодом не только трансформации социальных институтов, ценностной маргинализации и новой социальной дифференциации. Реальным оказалась «эволюция российской ментальности», результатом которой стала плюрализация общественной жизни и многообразие культурных форм и жизненных стилей, позволяющая выявить приоритетный взгляд на проблемы культурного капитала и человеческих ресурсов на основании того, что в общественном сознании феномен советского человека трансформировался в «многоликий портрет россиянина» [7, С. 96].

Особенность этого процесса отчасти заключается в традиционном ценностном конфликте молодого и взрослого поколений, всегда «новой» теме в конкретных пространственно-временных и социокультурных

условиях. Следует согласиться с В.Т. Лисовским, что кризис в российском обществе породил особый, нетрадиционный конфликт поколений. Эта нетрадиционность и отражает особые предпосылки и последствия эволюции ментальности. Речь идет о смене традиционного уклада жизни, диверсификации и разрушении привычного советского образа жизни, зарождение новых стилей, многообразия их сфер применения и выбора моделей жизнедеятельности в условиях не просто нового этапа общественного развития, а динамической смены условий общественной жизни. Пожалуй, этим наложением двух изменений: соединением традиционного конфликта отцов и детей и динамической сменой условий общественного развития, обусловлено характерное и более ясное определение границ сменяющихся поколений, тот «разрыв поколений», который приводит к мысли о «разрыве исторического развития» [8, С. 20].

Таким образом, особенностью современного процесса социализации и воспроизводства общественной жизни можно назвать традиционную поколенческую смену иерархии ценностей, но проходящую на фоне дестабилизации традиционных воспитательных ориентиров в институтах образования и семьи, что приводит к поиску воспитательных ориентиров самих субъектов интеракций. Пространственно-временной аспект жизнедеятельности поколений базируется на различии в темпах изменений социальной жизни, ритме повседневной жизни, которые приводят к различиям в условиях и стиле, верования и ценностях и несут в себе потенциальные конфликтные ситуации: традиционные (конфликт «отцов и детей») и новые – социализация к той ситуации, которая не имеет законченности и оформленности внешних социальных условий жизни.

Отказ от традиционных ценностей старшего поколения всегда означает двунаправленный процесс: критику со стороны старшего поколения и непринятие молодым поколением образа мыслей, стиля жизни и поведения отцов. Необходимо отметить, что на индивидуальном уровне родители, безусловно, влияют на своих детей, а на поколенческом – молодое поколение в целом по своему воспринимает ценности старшего поколения. Присущая ситуации плюрализма дифференциация ценностных ориентаций молодых, на наш взгляд, переходит с поколенческого уровня на индивидуальный и это воспринимается родителями особенно критически. Мы солидарны с мнением И.И. Харченко, что говорить при этом о моральном кризисе и ценностном вакууме молодого поколения неправомерно. Более правомерно говорить о том, что происходит ценностная дифференциация молодого поколения посредством поиска адекватных механизмов адаптации, социализации и вхождения в общественную жизнь [9, С. 692]. Смена общественных ценностных ориентиров происходит у всех агентов социального взаимодействия, только при таком условии возможна эволюция ментальности и общественное воспроизводство, развитие человеческого капитала и создание человеческого потенциала общества.

Ситуация, в которой оказывается индивид, требует энергичных и неординарных действий для его самосохранения и адаптации. Не имея

гарантированных стратегий достижения благосостояния, индивиды пытаются справляться с меняющимися обстоятельствами и приспособиться к ним. Изменение социальных условий жизнедеятельности, ценностная дифференциация и многообразие выбора ведут к тому, что механизм воспроизводства ценностных ориентаций перестает быть ведущим, уступая место адаптационным механизмам. Адаптационные процессы к изменившимся условиям позволяют возводить в ранг необходимости и значимости различные, символически воспринимаемые для новых общественных условий, образцы потребления, которые в конечном итоге и обусловливают ценностную маргинализацию, выступают новыми дифференцирующими факторами общественной жизни и показателями стиля потребления.

Воспитание и образование входят в структуру культурно-образовательного капитала, и в условиях плюрализма социальной жизни и трансформации функций институтов семьи и образования становятся более значимы для социализации, стилизации, идентификации и включения молодежи в общественную жизнь.

Адаптационный механизм и воспитательная функция микросоциального окружения в своем функционировании тесно переплетена с функцией образовательной. Образование не только выполняет свои прежние функции, но и становится средством освоения новых стилей, в частности, стиля потребления образовательных услуг. Это позволяет анализировать корреляционные взаимосвязи института образования с другими социальными институтами, сферами общественной жизни, человеческим капиталом и социальным окружением субъектов действия. Сам же человеческий капитал рассматривать как результат деятельности самого человека – продукта общества массового потребления и плюралистической культуры.

Список литературы

1. Фишер С., Дорнбуш Р., Шмалези Р. Экономика. М., 1999. С. 302.
2. Солодова Г.С. Социальные установки молодежи – индикатор возможных изменений общества // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 660–661.
3. Лапин Н.И. Пути России: социокультурные трансформации. М., 2000.; Лапин Н.И. Ценности «сохранение – открытость изменениям» и сетевые инновационные институты // Общественные науки и современность. 2009. №5. С. 37-51.; Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и ее регионов // Социологические исследования. 2010. №1. С. 28-36.
4. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России: СПб.: СПбГУП, 2000; Карпухин О.И. Молодежь России: Особенности социализации и самоопределения // Социс. 2000. № 3.
5. Бурдье П. Социология политики. М., 1994. С. 35–52.
6. Кингстон П. Теория культурного капитала: неоправданный надежды // Социология образования: Дайджест российской и зарубежной прессы. 2002. № 7. С. 26.
7. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальных трансформации // Социс. 2002. № 1. С. 96.; Гаврилюк В.В., Маленков В.В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи //

Социологические исследования. 2007. №4. С. 44-50; Гаврилюк В.В. Гопники как феномен в среде молодежи // Социологические исследования. 2010. №1. С. 126-131.
8. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб.: СПб. ГУП, 2000. С. 20.
9. Харченко И.И. Самоопределение молодежи в трансформирующемся обществе: выбор жизненных стратегий, жизненные принципы и устремления // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 692.

УДК 331

О МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ РЕЗУЛЬТАТОВ ТРУДА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Е.В. Калинина, Л.С. Верещагина
Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Россия
E-mail: miladosk@gmail.com

В статье представлены результаты исследования места и роли, экономического содержания труда в системе управления персоналом, рассмотрены подходы к анализу статической и динамической результативности и эффективности деятельности в системе управления персоналом, особое внимание уделено оценке результатов труда руководителей и специалистов в подразделениях данной системы.
Ключевые слова: труд, система управления персоналом, результативность, производительность

On the methodology of the evaluation of the results of work in the system of personnel management

E.V. Kalinina, L.S. Vereschagina

The article presents the results of a study of the role and the place of the economic content of the work, in the system of personnel management, approaches to the analysis of static and dynamic efficiency and effectiveness in the system of personnel management, special attention is given to the evaluation of the results of the labor leaders and experts in the system.
Key words: employment, HR management system, effectiveness, performance.

Условиями эффективного осуществления трудовой деятельности в системе управления персоналом является удовлетворение количественной и качественной потребности в руководителях и специалистах ее подразделений, обеспечения различными кадровыми документами, внемашинной и внутримашинной информацией, техническими средствами для осуществления делопроизводственных, учетных, управленческих и

прочих функций, организационно-распорядительной и прочей нормативной документацией. Из рисунка 1 видно, что трудовая деятельность занимает центральное место в системе управления персоналом, определяя результативность и эффективность осуществления традиционных и новых функций управления работниками.

В общем виде производительность определяется по формуле:

$$P = \frac{Output}{Input} (1.)$$

где P - производительность (продуктивность); ***Output*** - выпуск: объем продукции (услуг), созданной за определенный период времени в натуральных, стоимостных или иных измерителях;

Input - потребление: затраты ресурсов, соответствующие ну объему продукции.

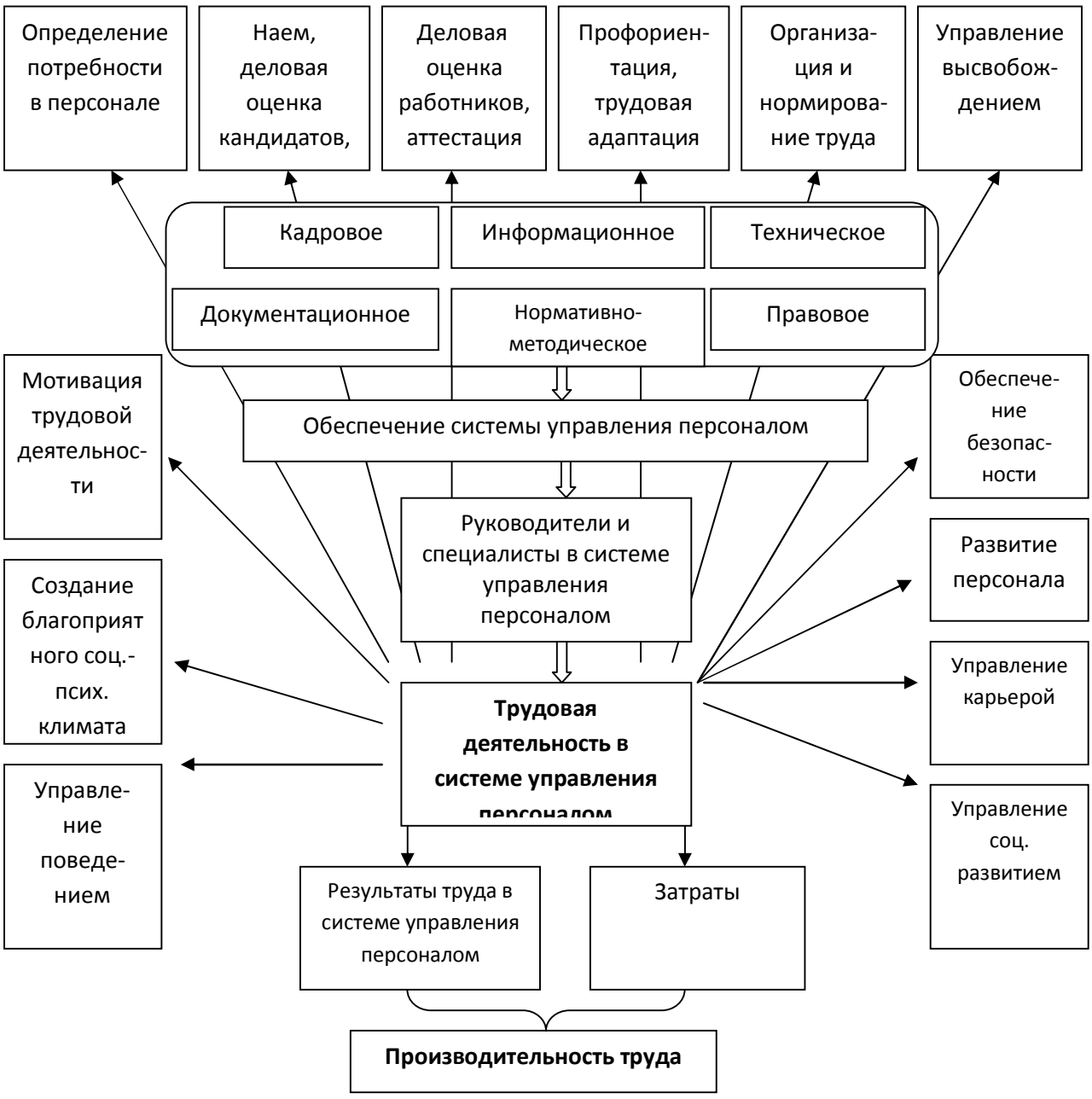

Рис.1. Место трудовой деятельности в системе управления персоналом

В практической работе отечественных предприятий принято рассчитывать уровень абсолютной производительности труда, характеризующий общий годовой объем выпущенной продукции, выполненных работ и оказанных услуг, который приходится на одного среднесписочного работника. На практике используются натуральный, условно-натуральный, стоимостной и трудовой методы измерения производительности труда. Затраты труда (Т) обычно измеряют: в человеко-часах; человеко-днях; среднесписочной численности персонала (например, в среднесписочной численности промышленно-производственного персонала, среднесписочной численности рабочих, занятых в экономике).

Для оценки результатов труда в системе управления персоналом возможно использование моделей однофакторной, многофакторной и многокритериальной производительности:

- нормативная методология, основным элементом которой является участие работников в оценке (информация со стороны работников – метод номинальной группы, которая обсуждает и предлагает решения). Работники определяют коэффициенты или индексы производительности, а затем разрабатывают систему измерения, оценки, контроля, планирования. Такой подход ориентирован на приверженность работников процессу внедрения системы управления производительностью,

- векторная (однофакторная) модель производительности, используемая в мировой практике, основана на расчете частных показателей фирмы:

- выпуск на один отработанный (или оплаченный) человеко-час;
- выпуск на одного среднесписочного работника;
- выпуск на один рубль материальных затрат;
- выпуск на единицу (или доллар) затрачиваемой энергии;
- выпуск на один рубль основного капитала;
- выпуск на один рубль амортизации;
- выпуск на один отработанный машино-час.

Для определения оптимального уровня производительности труде может использоваться метод нелинейного программирования, т.к. целевая функция является нелинейной (задача максимального выпуска продукции на единицу затрат живого труда). *Производительность труда = Выпуск продукции/Затраты→max.*

- многокритериальный метод (матрица целей), позволяющий осуществлять агрегирование и анализ производительности по нескольким критериям.

В качестве примера многокритериального метода оценки эффективности может быть использован подход управления целями (МВО), сбалансированная система показателей (ССП) (Balanced Scorecard) и как развитие первых двух – универсальная система показателей.

Динамический аспект производительности труда в системе управления персоналом можно определить как обычный инвестиционный

проект, используя показатели – чистой приведенной стоимости (NPV), внутренней нормы доходности, индекса рентабельности.

Также полагаем, что для оценки эффективности труда как критерия оценки всей системы управления персоналом можно использовать следующие подходы: модель Джека Филлипса определяет параметры для измерения отдачи на капитал, вложенный в персонал (HR ROI).

- Инвестиции в HR.
- Инвестиции в службу персонала = Расходы службы персонала /Операционные расходы.
- Инвестиции в службу персонала = Расходы службы персонала /Количество работников.
- Показатель отсутствия на рабочем месте. Отсутствие = П (прогулы, отсутствие без предупреждения) + количество уволившихся неожиданно.
- Показатель текучести.
- Показатель удовлетворенности = (Количество и доля удовлетворенных).
- Единство и согласие в организации.
- Статистика производительности труда и оценки эффективности труда.

Наиболее употребимыми показателями, применяемыми в зарубежных компаниях для оценки производительности труда организации как критерия оценки системы управления персоналом, являются:

- удовлетворенность тренингами (исследования среди участников тренингов);
- увольнения по собственному желанию как % от общего числа работников;
- среднегодовая стоимость бенефитов как % от ФОТ;
- среднее время заполнения вакансий.

В качестве примера системы показателей по оценке производительности труда как критерия оценки системы управления персоналом приведем основные показатели HR-Saratoga Institute – ведущего института в области HR-менеджмента.

- Доход на одного работающего.
- Расход на одного работающего.
- Компенсации как % от дохода.
- Компенсации как % от расходов.
- Стоимость бенефитов как % от дохода.
- Стоимость бенефитов как % от расходов.
- Стоимость бенефитов как % от компенсации.
- Стоимость пенсионных бенефитов как % от расходов.
- Стоимость бенефитов на одного пенсионера.
- Процент вновь принятых работников от общего числа.
- Стоимость привлечения.

- Время заполнения вакансии.
- Время стартового периода.
- Расходы HR-отдела в % от общих расходов.
- Отношение количества HR-персонала к общему числу работников.
- Расходы HR-отдела на одного работающего в компании.
- Процент компенсаций супервайзеров.
- Стоимость компенсаций в расчете на одного работника и % от общих расходов.
- Стоимость компенсаций в расчете на одну жалобу.
- Количество прогулов.
- Увольнения по инициативе компании.
- Увольнения по инициативе работника.
- Увольнения по инициативе работника / стаж.
- Количество сделанных предложений / количество принятых.

Используются и другие методики оценки. Например, экспертная оценка вклада в бизнес-результат деятельности подразделений системы управления персоналом. Опыт работы по оценке производительности труда российских компаний показывает, что важнейшими показателями являются:

1. Соответствие перспективного плана по управлению персоналом бизнес-задачам компании.
2. Добавленная стоимость на одного работающего (показатель эффективности управления).
3. Стоимость одного работника по категориям.
4. Вклад подразделений по управлению персоналом в бизнес-результат компании.
5. Возврат, отдача на инвестиции в персонал, в том числе на мероприятия и программы (HR ROI).
6. Соотношение роста производительности и роста оплаты труда.
7. Процент соответствия менеджмента модели корпоративных компетенций.
8. Выработка на одного работающего.
9. Текучесть кадров (и сумма потерь при увольнении работника).
10. Процент затрат на персонал в операционных расходах.
11. Уровень готовности резерва.
12. Численность персонала (с точки зрения оптимизации) и др.[3, с.174]

М.И.Бухалков в качестве основных оценочных критериев производительности труда в системе управления персоналом предлагает применять такие показатели, как результативность труда, соблюдение законодательства, удовлетворенность трудом, наличие прогулов, текучесть кадров, количество конфликтов и жалоб, частота травматизма и др.[1, с. 8]

Для оценки результатов труда руководителей и специалистов в системе управления персоналом кроме расчетных могут быть

использованы и другие известные методы оценки труда. В отечественном и зарубежном менеджменте при оценке результатов труда персонала наиболее широкое распространение получили следующие методы[1, с. 8].

Рассмотрим методику комплексной оценки результатов труда работников в системе управления персоналом.

Оценка результатов деятельности руководителей и специалистов в системе управления персоналом производится с помощью системы показателей. В зависимости от содержания и характера труда специалистов, насколько четко можно охарактеризовать результаты труда количественно, имеются ли нормы времени на выполнение тех или иных работ, выдается работникам нормированное задание по объему подлежащих выполнению работ на протяжении определенного периода, применяют различные показатели: сложность труда, производительность, качество. В одних случаях используется для оценки вся совокупность показателей, в других – только ее часть, но всегда желательно использовать показатели, характеризующие производительность труда. Оценка результатов труда сотрудников подразделений системы управления персоналом проводится с учетом таких косвенных показателей, как сложность и качество труда (в баллах). На практике в качестве эталона такого сравнения служит должностная инструкция. Другой косвенный подход к оценке сложности труда – расчет отношения средней величины окладов сотрудников подразделений, занятых аналогичными работами, к величине оклада конкретного специалиста.

По итогам расчетов показателей оценки основной деятельности руководителей и специалистов может быть рассчитан обобщенный коэффициент производительности труда применительно к конкретной работе (разработкам), а затем и по всей совокупности работ, выполненных за длительный календарный период. Для этой цели может быть использована следующая методика расчета такого обобщающего показателя: обобщенный коэффициент производительности труда специалиста при выполнении i-й работы рассчитывается по формуле:

$$K_{пр\ обi} = \frac{K_{прi} + K_{слi} + K_{кi}}{3} \quad (2.)$$

где $K_{прi}, K_{слi}, K_{кi}$ - коэффициенты производительности, сложности и качества труда при выполнении i-й работы.

В целом коэффициент эффективности труда ($К_{эф}$) определяется следующим образом:

$$K_{эф} = \frac{\sum_{i=1}^{n} K_{эф} * T_i}{\sum_{i=1}^{n} T_i} \quad (3.)$$

где T_i – длительность выполнения i-й работы, дней,

n – количество работ в межаттестационный период.

Количественные оценки показателей результатов труда (количество

выполненных плановых и внеплановых заданий; качество выполненных работ; соблюдение работником установленных сроков выполнения заданий и др.) должны осуществляться путем установления отклонений от утвержденных норм, т.е. путем составления фактически достигнутых результатов труда работника с контрольными показателями (план заданий, установленные сроки и пр.) В этом случае оценка результатов труда работника будет осуществляться путем суммирования оценок по названным показателям с учетом их удельной значимости (q). В качестве одной из количественных мер оценки результатов труда работника можно использовать коэффициент трудового вклада работника (КТВ) в результат деятельности организации (K_i).

Коэффициент трудового вклада каждого работника (K_i) может быть рассчитан в зависимости от достижений (+) и упущений (-) в работе по следующей формуле [3, с. 115]:

$$K_i = (1 \pm \sum_{i=1}^{n} W_i) \times q_i \quad (4.)$$

W_i - весомость i-го достижения или упущения в работе (i=1, 2, …, n)

n – число показателей в шкале,

q – значимость показателя, коэффициент, отражающий важность выполняемых видов работ (q<1).

Труд в системе управления персоналом, помимо управляющего воздействия, также характеризует совокупность умственных и физических способностей человека, необходимых для производства материальных и нематериальных благ. В общем виде труд можно охарактеризовать количеством трудоспособных работников, уровнем их профессиональной подготовки и квалификации, трудовой отдачей персонала и многими другими экономическими факторами. В теоретических исследованиях и практической деятельности предлагается использовать различные подходы и модели оценки результатов труда организации в целом, системы управления персоналом, руководителей и специалистов. Сложность данной проблемы, ее многоаспектность, необходимость учета отраслевой специфики при оценке результатов труда управленческих работников, уменьшения субъективизма при использовании метода экспертных оценок, важность сравнения результатов труда с затратами требуют совершенствования методики оценки результатов и затрат труда работников подразделений системы управления персоналом.

Список литературы

1. Бухалков М.И. Управление персоналом: Учебник. М.:Инфра-М, 2008. С.8.

2.Верещагина Л.С. О методике оценки качества персонала реализационных структур промышленных предприятий [Текст] / Л.С. Верещагина // Вестник СГСЭУ. 2008. №4(23).

3.Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Бабынина Л.С. Экономика труда: Учебник. В 2 т. Т.1. М.: Альфа-Пресс, 2007. С.174.

УДК 364.14

ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Т.Л. Коновалова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: Konovalovatl@rambler.ru

В статье рассматривается особенности общественных благ в России. В отличие от рыночного, государственный сектор экономики имеет дело с общественными благами, которые в большинстве своем не являются предметом купли-продажи. В тех случаях, когда происходит коммерческая сделка по поводу общественного блага, она не рассматривается как главный побудительный мотив в деятельности общественных организаций. В связи с этим организации государственного общественного сектора называют некоммерческими (неприбыльными), которые производят «общественное благо».

Ключевые слова: общественные блага, экономическое благо, государство.

Public goods as a factor of development human capital

T.L. Konovalova

The article considers the features of public goods in Russia. Unlike the market, the public sector has to deal with public goods, most of which are not the subject of sale. In those cases, when there is a commercial deal about the public good, it is not considered as the main motive for the activities of public organizations. In this regard, the organization of the state public sector is called a non-profit (non-profit)that produce "public good".

Key words: public goods, the economic benefit of the state.

В отличие от рыночного, государственный сектор экономики имеет дело с общественными благами, которые в большинстве своем не являются предметом купли-продажи. В тех случаях, когда происходит коммерческая сделка по поводу общественного блага, она не рассматривается как главный побудительный мотив в деятельности общественных организаций. В связи с этим организации государственного общественного сектора называют некоммерческими (неприбыльными), которые производят «общественное благо».

«Общественное благо» это - товары и услуги, предоставляемые государством его гражданам на равных началах. Такие блага не могут быть предоставлены отдельным лицам без предоставления их другим лицам. К общественным благам относятся, например, оборона, бесплатное

образование, общедоступное посещение парков, музеев и т.п.

Возникновение потребности в общественных благах в первую очередь связывается с так называемыми «провалами рынка». Законы обмена, по которым функционирует товарное производство, перестают действовать в данной сфере, здесь рыночный механизм не срабатывает. Поэтому в этих сферах и призван функционировать государственный сектор как основной поставщик общественных благ [1, с.42].

«Фундаментальные свойства общественных благ делают невозможным их производство и функционирование в частном секторе экономики, то есть частная форма собственности не в состоянии обеспечить их производство (предоставление благ такого рода, как правило, просто невыгодно для частного собственника), поскольку издержки не покрываются прибылью…»,- считает Е.Н.Жильцов.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика экономических благ.

Общественные блага *(государственный сектор)* **Государственные предприятия**	**Частные блага** *(рыночный сектор)* **Частные предприятия**
Цель (она же критерий эффективности) - удовлетворение общественной потребности	Цель (она же критерий эффективности) - извлечение прибыли
Решения о производстве и распределении принимаются в основном политическими средствами	Решения о производстве принимаются с помощью рыночного механизма
Наделяются капиталом одним собственником – государством. Инвестиции осуществляются из бюджета.	Конкурирует на рынке инвестиций и капитала
Унитарное предприятие производит продукцию по госзаказу	Частное - производит продукцию для рынка
Затраты (издержки) на воспроизводство общественных благ формируются в результате политических решений или на основе социальных нормативов;	Издержки воспроизводства частных благ формируются под воздействием конкуренции
Стоимость оценивается с помощью потребительной стоимости	Стоимость оценивается с помощью рыночного механизма ценообразования
Высокая капиталоемкость, длительные (исторические) сроки окупаемости, значительные эксплуатационные расходы	Средняя и низкая капиталоемкость, реальные сроки окупаемости, минимизация эксплуатационных расходов
Трудно измерить количество и качество, конечный результат	Легко измерить количество и качество, конечный результат
Потребляются совместно и одновременно многими людьми	Могут потребляться только индивидуально

Отсутствует индивидуальный выбор в отношении потребления	Существует индивидуальный выбор в отношении потребления
Обычно отсутствует индивидуальный выбор в отношении вида и качества благ	Обычно существует индивидуальный выбор в отношении вида и качества услуг
Производство благ не связано прямо со спросом	Производство благ тесно связано со спросом

Источник: Смолина Е.В. Адаптация культуры к рынку как одна из целей культурной политики // http://www.interstudio.ru/projects/thesis/smolina07.doc

Масштабы общественного сектора во многом зависят не только от объективных экономических возможностей страны (ее богатств), но также от традиций и, главное, особенностей проводимой социальной и экономической политики государства.

Согласно закону Вагнера (сформулированному еще в конце Х1Х века) доля общественного сектора в экономике постоянно увеличивается в исторической перспективе. В ХХ веке удельный вес общественного сектора действительно возрастал в связи с тем, что этот сектор начал обслуживать широкие слои населения. Значительно больше средств стало затрачиваться на производство общественных благ и особенно социальные программы.

В 90-е годы, в период активного разгосударствления российской экономики, основной акцент в реформировании общественных благ был сделан на переводе их производства на коммерческую основу. Это помогло снизить нагрузку на государственный сектор экономики. Сегодня основную проблему производства этих благ составляют жесткие бюджетные ограничения и разделение источников финансирования между государственным и субнациональным уровнями. Однако эффективное решение проблем общественных благ должно учитывать ряд условий.

Одно из них - информационная асимметрия относительно потребностей территории. Как правило, центральная власть имеет недостаточную информацию о региональных или местных условиях, что ставит ее перед проблемой дифференцированной поддержки. Муниципальные и региональные органы власти вместо поиска самостоятельных путей преодоления трудностей стремятся переложить свои проблемы на вышестоящий уровень. В то же время недостаточная централизованная поддержка может сдерживать рост и развитие регионов. Поддержка нуждающихся территорий должна носить стимулирующий характер, обеспечивающий долгосрочные эффекты собственного развития [2, с.90]. Избыточная поддержка нуждающихся регионов со стороны центра приводит к их ориентации исключительно на получение централизованных трансфертов. Участие государства в финансировании социального развития должно носить целенаправленный и дозированный характер, избегать неэффективного использования бюджетных средств, иждивенческой региональной политики.

С другой стороны, население более отчетливо видит результаты работы именно местных органов власти. Но на муниципальные бюджеты возложено выполнение целого ряда государственных обязательств. Чтобы лучше выглядеть перед избирателями, регионы ссылаются на недостаточность финансирования из центра и уклоняются от возложенных на них обязательств. Местные органы власти используют те же приемы для получения дополнительных средств из регионального бюджета. Поэтому нужно более четкое разграничение функций уровней власти и совершенствование межбюджетных отношений.

Децентрализация производства общественных благ предполагает переход производства тех благ, потребление которых осуществляется на определенной территории, в сферу заботы региональных органов власти. Эти органы, получив более полную информацию о потребностях населения, имеют больше возможностей в предоставлении их оптимального количественного и качественного соотношения.

Очевидное преимущество децентрализации – в повышении эффективности общественного сектора, снижении межрегиональных диспропорций в уровне и качестве жизни. Но в современной России децентрализация общественного сектора сталкивается с рядом проблем. Это:

- вертикальная несбалансированность бюджетной системы;
- низкая эффективность стимулов региональных властей к эффективному и ответственному управлению общественными финансами;
- межрегиональная дифференциация выгод от предоставления общественных благ;
- низкая степень контроля населения над качеством и объемом общественных благ.

Исследование развития сектора общественных благ в различных городах России дало следующие результаты [3]. В целом оценка уровня развития сектора локальных (местных) общественных благ составила 5,15 баллов из 10, что можно охарактеризовать как низкую степень удовлетворения.

Таблица 2.

Показатель актуальности совершенствования локальных общественных благ [4].

Вид блага	Доля отметивших респондентов (%)
Пожарная служба	5
Духовная и ритуальная сфера	8
Учреждения культуры	10
Высшее образование	14
Почта	15
Городской транспорт	26
Рекреация	28
Среднее общее образование	32

Дошкольное образование	38
Коммунальная сфера	44
Система автодорог	48
Полиция	53
Медицина и здравоохранение	77

Как отметили респонденты, из общего спектра социально значимых общественных благ приоритетного внимания в настоящее время заслуживают медицина и здравоохранение, полиция, система автомобильных дорог, коммунальная сфера и дошкольное образование, что объясняется в целом достаточно низким уровнем их развития.

Отмечая низкое качество этих общественных услуг, потребители отдают предпочтение пользованию в частном порядке теми благами, которые предоставляются общественным сектором. Так, около 30% российских граждан довольны услугами здравоохранение (3,8 баллов из 10 возможных). На втором месте – высшее образование (5,8 баллов из 10), то есть 68% населения пользуются или готовы воспользоваться услугами высшего образования на платной основе. Что же касается среднего образования, то при общей низкой оценке качества 4,9 лишь 27% готовы за него платить [5, с.99]. Более половины опрошенных предпочитают пользоваться частными детскими садами, главным образом из-за несоответствия качества и количества детских дошкольных учреждений.

Что касается коммунальной сферы, то пользование коммунальными услугами в частном порядке в большинстве случаев невозможно, хотя оценки работы коммунальных служб составляют 4,7 баллов. Наибольшую неудовлетворенность вызывают уборка мусора и городское освещение.

Исследование удовлетворенности населения предоставлением общественных благ проводилось в Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Перми и Ижевске, что позволило представить наиболее яркие региональные различия. Во многом полученные результаты можно распространить на удовлетворенность предоставлением локальных общественных благ в Саратове. Полученные данные должны найти отражение в совершенствовании структуры расходов регионов и государства в целом.

Устойчивое развитие государства обеспечивает не только экономическую подсистему, но и широкий спектр неэкономических, особенно социальных переменных, включая всю систему ценностей, без которой полноценное развитие невозможно. Во многих моделях экономического роста вклад человеческого капитала оценивается как решающий при одновременном достижении экономии средств и сохранении экологического равновесия. Поэтому расходы на здравоохранение и образование населения обоснованно относят к инвестициям в человеческий капитал [6, с.48].

К традиционным функциям государства относятся расходы на общее административное управление, отправление правосудия, полицию и

оборону. Это так называемая функция «ночного сторожа». В последние десятилетия наметилась тенденция к относительному сокращению расходов на традиционные функции государства.

Современные государственные функции получили широкое развитие в XX веке. Прежде всего, в виде услуг в области образования и здравоохранения, социального страхования, культуры, строительство муниципального жилья. В настоящее время в подавляющем большинстве стран на современные функции направляется основная часть государственных расходов.

Современные функции государства стали играть определяющую роль по отношению к традиционным с середины XX века в Европе. В среднем только 20% государственных бюджетов тратится на традиционные цели (общее административное управление, поддержание общественного порядка и национальная оборона). В то же время современные функции (образование, здравоохранение, другие социальные расходы) превышают 60% [7, с.116-117].

При всех национальных различиях государства в странах Запада обеспечивают высокий уровень развития человеческого капитала.

Статистика 17 стран Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) свидетельствует о том, что с 1870 по 1995 гг. отношение государственных доходов к общему ВВП увеличилось с 10 до 43%. Общая занятость работников в государственном секторе по этим странам выросла с 2,4 до 18,4% [7, с.327].

Таблица 3.

Структура государственных расходов с разбивкой по функциям в процентах от общего объема расходов, 1990-2002 гг. (среднеарифметические показатели 120 стран) [7, с.116-117].

	Традиционные функции государства	Общее администрат. управление	Оборона	**Современные функции государства**	Образование	Здравоохранение, спорт	Другие социальные услуги	Экономические услуги
Россия*	**43,4**	15,2	15,6	**17,3**	4,8	3,4	4,9	н.д.
Развитые страны-21	**11,2**	5,8	5,3	**70,3**	7,8	10,9	42,0	9,9
Страны с переходной экономикой-23	**14,1**	6,9	7,2	**65,0**	7,2	8,0	36,4	13,5
Развивающиеся страны-76	**24,4**	13,7	10,6	**56,4**	15,9	7,6	143,5	18,6
Африка-22	**25,7**	15,4	10,3	**50,1**	16,1	6,1	10,1	18,1
Азия-30	**27,5**	12,8	14,7	**54,9**	15,1	6,3	12,3	21,3
Латинская Америка-24	**19,2**	13,3	5,9	**64,1**	16,7	10,6	21,3	15,7

*(*Сведения по России – данные бюджета на 2006 год)*

Более чем трехкратное увеличение уровня государственных расходов в течение последнего столетия - с 10% ВВП в конце XIX до 40 % ВВП (в среднем по ОЭСР) в конце XX века и в настоящее время – объясняется резко возросшей ролью новых технологий и знания в обеспечении экономического роста, построением информационного общества и общества знаний. Вклад новых знаний в прирост ВВП развитых стран оценивается в 80-90% [7, с.116-117].

В противовес мировой тенденции, то есть увеличению расходов на выполнение современных функций, в России государство большую часть расходов тратит на выполнение традиционных функций. В исследуемый период на эти цели из федерального бюджета было потрачено 7,6 % ВВП при среднемировых показателях 5-8 %. При этом в более чем 2 раза меньше (3,5 % ВВП) потрачено на социальные функции (среднемировой показатель 30-40%). «Такая структура российского бюджета характерна для государств в XVIII-XIX веках», - считает С.М.Рогов.

Сегодня «Россия столкнулась с «двойной» необходимостью – модернизации общественного устройства и перехода к постиндустриальному этапу развития. Однако реализация этих целей блокируется отставанием «человеческого капитала», неэффективностью политики доходов населения (низкая заработная плата, пенсионное обеспечение, сложившихся систем образования, здравоохранения и ЖКХ)» [8]. Другими словами, развитие рынка, экономический рост ограничен отставанием развития человеческого фактора, низким уровнем качества жизни населения.

В федеральных странах Европы самый низший уровень публичной власти – местное самоуправление – получает большую часть налоговых поступлений. И только функции, которые не может взять на себя местное самоуправление, оно передает выше на уровень региона. А то, что регион не может обеспечить, он передает на уровень общенациональный. «У нас же сейчас уже 60% налоговых поступлений идет в федеральный бюджет, в региональные бюджеты – процентов 25 и оставшиеся 15 % - в бюджет местного самоуправления. Вот и получается, что те, кто «на местах» отвечает за социальную политику, сами практически ничего не могут сделать и обречены выпрашивать деньги у …президента…», - отмечает Е.Гонтмахер [9, с.3].

Список литературы

1. Ельмеев В.Я., Тарандо Е.Е. Общественные блага и социализация собственности // СОЦИС. 1999. №1, с.42.
2. Григорьев Л., Зубаревич Н., Урожаева Ю. Сцилла и Харибда региональной политики // Вопросы экономики. 2008. № 2. С. 90.
3. Результаты проведенного исследования см: Попов Е.В., Кац И.С. Социальная привлекательность территории по общественным благам // Общество и экономика. 2013. № 6. С. 85-104.
4. Попов Е.В., Кац И.С. Социальная привлекательность территории по общественным благам // Общество и экономика. 2013. № 6. С.98.
5. Попов Е.В., Кац И.С. Социальная привлекательность территории по общественным благам // Общество и экономика. 2013. № 6. С.99.

6. Симкина Л.Г. Человеческий капитал в инновационной экономике. – СПб, 2000. С.48.
7. Рогов С.М. Государство и общественное благо: мировые тенденции и российский путь. – М., 2005. С. 116-117.
8. Роик В.Д. Выбор социальной модели государства для России // http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2006/vestniksf294-6/vestniksf294-6130.htm#p3
9. Гонтмахер Е. Патерналистский подход к социальной политике ничего не даст: в традициях собеса от «раздачи» до «политики» // КоммерсантЪ. 2006. 13 февраля. С.3.

УДК 316

СОЦИАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ ПЕРСОНАЛА ТРАНСПОРТНОЙ ОТРАСЛИ

М.В. Найдёнова
Украинская государственная академия железнодорожного транспорта, Украина
E-mail: naymv@rambler.ru

В статье рассматриваются особенности анализа системы управления персоналом железнодорожного транспорта. В центре исследовательских интересов стоят процессы институализации, сущность которых состоит в закреплении определенных форм поведения и создании структур, обеспечивающих поддержку стратегической, макроэкономической и социальной стабильности в стране. Автором выделены основные характеристики деятельности железнодорожных предприятий, их организационные характеристики и проанализированы особенности организационной культуры

Ключевые слова: персонал, управление развитием, профессиональные компетенции, организационная культура, карьерные ориентации, руководитель, высокотехнологичное предприятие.

Social development staff transport industry

M.V. Naidenova

The article discusses the features of the analysis of personnel management system of rail transport. In the center 's research interests are processes of institutionalization, the essence of which is to consolidate certain behaviors and creating structures that support strategic, macroeconomic and social stability in the country. Author highlights the main characteristics of the activities of the railway undertakings, their organizational characteristics and analyzed the characteristics of organizational culture

Key words: staff, management development, professional competence, organizational culture, career orientation, head, high-tech enterprise.

Особливість аналізу системи управління персоналом залізничного транспорту полягає в розгляді галузі, по-перше, через систему діяльностей і відносин, що забезпечують його функціонування і розвиток, по-друге, через функціонування різних груп, організацій та інститутів. У центрі дослідницьких інтересів стоять процеси інституціалізації, сутність яких полягає в закріпленні певних форм поведінки і створенні структур, які забезпечують підтримку стратегічної, макроекономічної та соціальної стабільності в країні. Одним з таких інститутів є залізнична галузь як система соціальних структур і функціональних нормативів: діяльності; організації людей; засобів діяльності; ієрархії посад і компенсацій і т.д.

У широкому соціальному контексті залізнична галузь постає як соціально-професійне простір, що охоплює і окремих індивідів, і різноманітні залізничні установи та організації, соціально-виробничу структуру, освітні процеси в системі виробництва (підготовка та перепідготовка кадрів, підвищення кваліфікації тощо), різноманітні форми самоосвіти і т.д. Залізнична галузь як одна з форм соціального інституту охоплює собою всі ланки і рівні багатогранної соціальної системи, в якій формується, відновлюється і вдосконалюється інтелектуально-творчий і професійно-кваліфікований потенціал залізничного транспорту.

Системний аналіз стану залізничного транспорту України та тенденції його розвитку показує, що, незважаючи на його стабільну роботу, для галузі характерний ряд проблем. Реформування залізничного транспорту - це інституційна реорганізація галузі, спрямована на підвищення стійкості та якості його роботи для забезпечення сприятливих перспектив загальнонаціонального економічного розвитку, формування гармонійної, адаптованої до специфіки ринку та конкурентному середовищі транспортної системи.

Можна виділити наступні основні характеристики діяльності залізничних підприємств: функціональні, просторово-географічні, тимчасові, соціально-психологічні і т.д.

Основними організаційними особливостями підприємств залізничного транспорту є високий рівень автономності, централізації та ієрархічності структурно-функціональної системи; стиль життя залізничників.

Аналіз організаційної культури підприємств залізничного транспорту дозволяє визначити її особливості: закритість; жорстку регламентацію службових відносин; авторитарність і директивність стилю керівництва: ритуальність і традиційність способу життя залізничників. Це відображає невідповідність традиційної організаційної культури організаційних змін. У цьому зв'язку організаційні зміни є оптимальним способом підвищення ефективності виробничої діяльності підприємств залізничного транспорту і, відповідно, формування нової сприятливої організаційної культури.

Можна виділити ряд специфічних в соціальному плані функцій залізничної галузі: професійна соціалізація, соціально-селективна функція, функція соціальної мобільності, репродуктивно-пізнавальна функція, мотиваційна функція, функція духовності і нових знань працівників галузі

в цілому та окремих її членів.

Реалізуючи ці функції, залізнична галузь надає глибоке вплив на соціальні процеси і духовну сферу суспільства в цілому, дає можливість більш ефективно управляти процесом соціальної адаптації працівників галузі.

УДК 140.4

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ПОСТКЛАССИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

М.О. Орлов
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: orok-saratov@mil.ru

В статье исследуется проблема человеческого капитала в свете постклассической парадигмы. Выявляется конструктивная роль факторов религиозной культуры в управлении человеческими желаниями. Анализируются стратегии, которые наиболее эффективные в экономике потребления современного общества.

Ключевые слова: человеческий капитал, производительность труде, постклассическая парадигма, межкультурная коммуникация.

Human capital: postclassic interpretation

M.O. Orlov

The paper investigates the problem of human capital in the light of post-classical paradigm. Reveals the constructive role of religious culture factors in the management of human desires. Analyzes the strategies that are most effective in the consumer economy of modern society.

Key words: human capital, productivity, post-classical paradigm, intercultural communication.

Индивидуалистическое сознание стало возможно лишь после становления постиндустриального общества, когда выживание отдельного человеческого индивидуума не зависит от окружающего социума напрямую. При этом мораль в обществе рационального сознания приобретает подчеркнуто запретительный характер. Крупнейший авторитет классической философии сознания называет моральным лишь тот поступок, который совершается вопреки желанию. Поэтому моральное сознание – это переживание энергии волевого усилия, приложенного к преодолению естественных желаний, ради общественной и рациональной пользы.

Общий закон общественной морально оправданной деятельности

можно при этом выразить в одном явлении – эквивалентности. Некоторое количество волевой энергии обменивается на соответствующее количество полезного продукта, поддерживающего жизненный комфорт. Такова модель человеческой капитализации. Эта модель воспроизводится и в общении, в форме рыночного обмена равными воздаяниями, и в государственно-политической сфере, в форме справедливого в рамках юридического сознания возмездия за содеянное, и даже в сфере семейных отношений, где секс принимает формы квазитрудовой семейной обязанности ради поддержания здоровья и продолжения рода.

Неслучайно классическое буржуазное общество названо представителями структурализма – дисциплинарным. Ядром буржуазного общества стало беспрекословное следование праву. Именно поэтому апофеозом Реформации, которая нашла опору именно в зарождавшейся буржуазной идеологии, стало пуританство. Эта модель общественного сознания оказалось настолько эффективной, что за пару столетий превратила Европу в хозяйку мировой цивилизации, рассматривающей свой рационализм, как единственно-верный вектор развития всего человечества, а рационализация и технологизация выступали формами человеческого капитала.

Однако, целостность основанной на культе труда и разума картины мира и беспрецедентная эффективность такого союза в деле окультуривания бытия, построения общества всеобщего благоденствия и преодоления фобий перед жизнью привело классическое сознание буржуазного общества к необычайной самоуверенности. Это привело к устойчивому убеждению, что общество в котором мы живем – есть конечная точка мировой истории, а не одно из цепочки сменяющихся исторических состояний. Ошибка такого сознания – восприятие человека в рамках понятий уходящего в небытие индустриализма, а также уверенность, что просвещенный и освобожденный человек сам непринужденно заживет по законам труда и разума. Однако, получив свободу и почти неограниченные возможности, человечество утратило страх перед жизнью, но оказалось перед лицом рационально непреодолимого страха – страха перед смертью. Выстраивание цепочки элементов стратегической психологии в форме линейки страх перед жизнью – скука, апатия, одиночество – это заблуждение, поскольку в одном смысловом контексте с жизнью находится идея смерть. Все остальное – лишь уточнение этих конечных констант[1, с. 93-94].

С древних времен защитой человечества перед страхом смерти была такая универсальная система как религия, ядром которой является вера в бессмертие души. Религия – феномен, задолго предваряющий появление общества рационального сознания, поскольку страх перед смертью первичен по отношению к страху перед жизнью. Страх перед жизнью – это атрибут более-менее предсказуемого бытия, поэтому он и возникает с появлением сложных обществ. А философия сознания сумела развести эти два экзистенциальных столпа в параллельные сферы. В результате страх

перед жизнью, как сфера внешняя, на несколько столетий перекрыл страх перед смертью, объявив религию анахронизмом. Вера в загробный мир, как гарант базового инстинкта самосохранения стала отступать, сначала под натиском «научной» картины мира, потом под секулярными квазирелигиями, примером которых может быть сталинский марксизм или гитлеровский нацизм. После крушения тоталитарных псевдорелигиозных режимов были предприняты попытки реанимировать традиционные культы, которые выглядят для современного человека если не экзотической бессмыслицей, то лишенными внутреннего огня церемониями.

При этом современный человек нуждается в утешении как никогда прежде. Ушел в прошлое всепоглощающий напряженный труд ради выживания, человек живет долгой, но крайне непредсказуемой жизнью, изобилующей досугом, где остается широкий простор для размышлений о конечной точке бытия. Страх смерти остается рационально неразрешимым. При этом человек отучен черпать утешение в религии. Поэтому идя на поводу защитных реакций психики, человек сублимирует страх в более сильную, а главное приятную и доступную эмоцию – сексуальную, которая в определенных исторических условиях становится формой человеческого капитала. Зародившись как сила беспрецедентной эффективности, которая направлена на привлечение к воспроизводству, у индивидуума эта психосоматическая реакция обособилась от репродуктивных функций, и в филогенезе стала физиологической основой для первичной формы духовно-символической деятельности, устанавливающей связи, исключающие страх и агрессию, а после перерастающие в личную привязанность духовного свойства [2, с. 127].

На примере некоторых народов можно наблюдать, насколько велик эмоциональный потенциал такого рода взаимоотношений: свободные от забот о хлебе насущном, люди заняты прежде всего друг другом, и во главу угла ставятся либо взаимное уничтожение, либо межполовые отношения. В том числе и в первичной социализации, поскольку основой воспитательного процесса становится обучение навыкам войны и / или доставлять удовольствие друг другу. Именно а основе аналогичных социальных детерминант на рубеже XX-XXI веков будет строиться глобалистский проект политики памяти [3, с. 88-84].

Логично, что при торжестве культа целерациональной деятельности столь яркие эмоции, способные перекрыть все прочие, не могли быть выпущены из-под контроля. Благодаря религиозной запретительной морали нравственное поведение фактически сводилось к умению соблюдать ограничения, вытесняя плотские помыслы за грань социальной практики и сознания, а отношения вне брака за рамки официальной культуры. Последующая секуляризация привела к утрате сакрального смысла таких практик как аскетизм и воздержание до брака, что привело к серьезным проблемам в пространстве светской культуры. В итоге буржуазное общество, утратившее христианские ориентиры, оказалось

невротическим, на что обратил в свое время внимание Фрейд и его последователи.

Под властью норм секулярной запретительной морали половое общение было обезличено и технологизировано. Однако, женская эмансипация, шагнувшая из богемных салонов серебряного века, взорвалась в середине прошлого столетия сексуальной революцией и легитимизовала все возможные формы удовольствия. Половое общение резко усложнилось, обнажив неведомые ранее пласты. Открылся неожиданный факт, что психология влечения, не менее сложна и парадоксальна, чем психология мышления, а сами влечения приобретают форму человеческого капитала. Современные исследования психических процессов мозга показали, что, казалось бы, элементарные интимные переживания моделируются гораздо сложнее, чем высшие мыслительные процессы. При этом они обладают качественным индивидуальным характером, поэтому любые изменения в психике, затрагивающие интимные сферы человеческой жизнедеятельности, становятся необратимыми. Либерализованная половая мораль возвела эротические эмоции в точку отсчета современной человеческой психики, сделав их внутренним подтекстом человеческого общения, а значит ориентиром для выбора форм капитала. В этом контексте человеческий капитал оказывается подчинен логике культа молодости. Поэтому конструирование модели «стратегической экономики» без учета этой новой доминантной точки обречено на неудачу. Современные психосоциальные процессы выражены в интериоризации: изменении человеческой природы через «перехлест» внешнего, телесно-процессуального во внутреннее, процессуально-психическое. В итоге секулярная культура формирует образ героя нашего времени – это человек отнюдь не умный и нравственный, но способный быть молодым и красивым (при этом возраст становится категорией функциональной), умеющий доставлять удовольствие и себе и другим, пользующийся своим телом, как универсальным инструментом наслаждения. Причем это явление принципиально отличается от гедонизма античности. Центр удовольствия и главная зона восприятия удовольствия и удовлетворения современного человека – это мозг.

Атрибутом новой эры, как «эры удовольствий» становится услуга, в отличие от предыдущей эры труда, знаменем которой было производство. Отсюда так прочно вошли в оборот учреждений образования и культуры понятия: «образовательная услуга» или «эффективная коммерческая реализация Art-проектов». На этих же принципах выстраивается и «творческий» образовательный процесс, который формирует у учеников впечатление, что учиться можно играя, получая удовольствие, просто раскрепощаясь и следуя за учителем – творцом. Царицей нематериальной сферы становится идея-симулякр: неважно чего, уникальной ли дизайнерской находки из ничего, или эффектного и эффективного имиджа для провального политика или неликвидной продукции. Все остальное становится работой для «негров», пусть даже и высокообразованных.

Энергия соблазна и влечений не обошла стороной и политическую жизнь современного общества. Причем не только в феномене «соблазнительного политика», которому положил начало Джон Кеннеди, но и самих принципах политического управления. Классический буржуазный принцип «надзирай и наказывай» сегодня уже не эффективен. Даже апелляцией к здравому смыслу и осознанной выгоде сегодня немногого добьешься. Сегодня эффективный политический и экономический менеджмент кроется в умении управлять энергией иррациональный человеческих влечений по принципу «соблазняй и манипулируй», чтобы зону контроля вывести в принципе за пределы осознания человеческой массы.

Конечно, новая эпоха началась не вдруг – ее предпосылки развивались в течение всего прошлого века. Начало было положено западноевропейской секуляризацией ценностей и последующем освобождении человеческих влечений из под контроля морали. Технологии виртуализации и информатизации способствовали дальнейшим моделям освобождения, таким как постепенное превращение информации в полноценный товар, и появление потребителя с досугом, и постепенное обнажение женского тела, и проникновение сложной техники в бытовую сферу, и замена материи на энергию в физике, появление философии постмодерна, и ренессанс психологии бессознательного, чьим предметом становится то, что ранее считалось несущественным, а то и вовсе неприличным, и легитимация свободных желаний в искусстве. Общий знаменатель этих трансформаций выразился в сетевом конфигурировании социальной реальности, открывающей индивидуальному субъекту возможность чуткого восприятия малейших желаний.

Но окончательное формирование адекватной для психологии влечений материально-технической базы происходит с удвоением податливой действительной реальности в виртуальную реальность, где желания становятся одновременно и образами этой реальности, атрибутами сетевого общества, где как в первобытном хаосе, партицирование может происходить по самым невероятным критериям. Иначе говоря, для философии интересны те объективные процессы, которые запущены сетевой глобализацией [4, с. 55].

В понятиях неоконсервативной идеологии замена эры труда с ключевой ролью сознания эрой свободных влечений, где во главу угла ставятся, прежде всего, бессознательные механизмы психики. На уровне социальной реальности это культивирование либеральных идей, являющихся маской, ширмой, прикрытием для вседозволенности, как на уровне международной политики США, так и на уровне индивидуальных субъектов, стремящихся найти оправдание своих аморальных желаний или даже преступлений. Вообще дихотомия в стиле хорошо/плохо при рассмотрении столь масштабных явлений – неуместный подход. Эпохи вообще морально невменяемы, как минимум потому, что их не выбирают. Оценка эпохи и собственно эпоха – разбросанные во времени явления. При

этом гегелевское понимание свободы как меры общественного прогресса сохраняет актуальность и для постиндустриальной эры. Однако опасность этой свободы не в том, что она снимает внешние ограничения с мира человеческих влечений. Свобода представляет угрозу, когда приложена к устаревшим индустриальным ценностям, которые определяют развитие наращиванием производственных объемов вещных богатств, прежде всего. При этом доступные средства для прогрессивного производства на сегодняшний день практически безграничны[5, с. 78]. Дурная бесконечность перепроизводства замыкается лишь на одном препятствии – потреблении. Преодоление этого препятствия становится смыслом его существования, единственной исполненной страсти задачей. Человеческий быт забит вроде бы нужными, но явно ненужными вещами, а индустрия торговли демонстрирует невиданное богатства выбора. Но производство продолжает работать по нарастающей, превращая купленное вчера в сегодняшний мусор. На сегодняшний день самой острой проблемой является это превращение цивилизации в тотальную свалку потребления. Та же самая логика распространилась на отношение к идеям и ценностям. Утрата опыта приобщения к священному и подлинному бытию децентрирует все человеческие стратегии и желания, обрекая человечество на неминуемый реальный Апокалипсис.

Однако если невозможно блокировать рост потребностей, искусственно стимулируемый перепроизводством, может, следует заменить его ростом иных потребностей, столь же эмоционально насыщенных, но не требующих максимума предметного оснащения. Если взглянуть на проблему с иной стороны и предположить, что современность не только поставила человечество перед глобальной проблемой, но и нащупала пути к ее разрешению? И потребности, следующие из человеческих влечений можно противопоставить страсти к предметно-вещным накоплениям?

Сфера бессознательного, в отличие от сферы сознания, которая прозрачна для познающего разума, нуждается либо в специальном анализе, в целях перекладывания бессознательных психических процессов на язык дискурсивного мышления, либо в символической персонификации психических процессов с дальнейшим моделированием в форме драматического действия. Это варианты только у порога сферы бессознательного, где находится сегодняшняя наука, за которым нас ожидает немало пока еще неявленных горизонтов[6, с. 215].

Наконец, на базе именно психологии бессознательного возможна новая стратегия управления человеческим капиталом, которая не будет запрещать какие-либо действия, но девальвировать их через позиционирование более адекватных обстоятельствам, эмоционально позитивных действий. При этом психология бессознательного не является безусловной альтернативой психологии сознания, но подобно разным слоям человеческой психики надстраивается и дополняет одна другую. Но, это уже тема для отдельного исследования.

Публикация выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-104.2013.6.

Список литературы

1.Иванов А.В., Дорошин И.А. Идеологический и политический дискурс религиозного фундаментализма в обществе риска. Власть. 2012. № 11. С. 92-96.

2. Орлов М.О., Данилов С.А. Роль коммуникации в политической жизни современного общества. Философия и общество. 2008. № 4. С. 126-131

3. Аникин Д.А. Глобалистский проект политики памяти: предпосылки социально-философского анализа // Поволжский торгово-экономический журнал. 2011. № 1. С. 88-94.

4. Орлов М.О. Социальная динамика: философско-методологические основания дискурсивного управления в условиях глобализации. Диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / ГОУВПО "Саратовский государственный университет". Саратов, 2009 – 306 с.

5. Устьянцев В.Б., Орлов М.О., Данилов С.А. Очерки социальной философии: пространственные структуры, порядок общества, динамика глобальных систем / под ред. проф. В. Б. Устьянцева. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2010. – 248 с.

6. Орлов М.О. Социальная динамика глобального мира. Саратов, 2009 – 256 с.

УДК 1: 53 + 929

Э. МАХ И А. ЭЙНШТЕЙН: ВОЗНИКНОВЕНИЕ НОВОЙ ФИЗИКИ

В.В. Петрова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: valiapetr2014@yandex.ru

Статья посвящена философским основаниям теоретической физики, в которой приводятся воззрения Э.Маха и А.Эйнштейна, повлиявшие на возникновение новой физики. Научное знание является одним из важнейших человеческих капиталов в научном познании и, следовательно, в факторе социального развития. Автором исследуется влияние философии науки Э.Маха, построенной на основе рационалистического реализма, на взгляды А.Эйнштейна.

Ключевые слова: пространство, время, эмпиризм, принцип Маха, принцип экономии, научное познание, теория относительности.

E. Mach and A. Einstein: emergence of new physics

V.V. Petrova

The article deals with philosophical foundations of theoretical physics postulated by E.Mach and A.Einstein. The author explains how the philosophy of science developed by E.Mach influenced A.Einstein's theory of relativity. The research is vital as scientific knowledge is considered to be the most

influential factor in scientific cognition, and, therefore, can trigger social development.

Key words: space and time, empiricism, the Mach's principle, scientific knowledge, the theory of relativity.

Гносеологические искания Э.Маха в переломный момент развития естествознания на рубеже XIX и XX вв. интересны своими выходами в современность. Выявление результатов его исследования, связанного с идеей элиминации неэмпирических смыслов в науке, в частности, исходных Ньютоновских понятий абсолютного пространства и времени, их критики и переосмысления в плане идеи относительности движения, позволяют приобрести (придают) дополнительную значимость гносеологическому результату ученого-естествоиспытателя А.Эйнштейна, в идейном содержании которого прослеживаются философские искания Э.Маха.

Главной задачей в проблеме «Э.Мах и А.Эйнштейн: возникновение новой физики» является исследование учений Э.Маха и А.Эйнштейна в контексте преобразований ими в естествознании идей движения, пространства и времени и выявление в их творчестве целей, которые послужили через саморазвитие мировоззрения этих ученых эволюции физики вообще. А.Эйнштейн в своем стремлении как ученого к более совершенному знанию видел цель в построении единой теории, которая описала бы Вселенную в целом. Несомненная заслуга в придании нового состояния науке принадлежит наряду с А.Эйнштейном и Э.Маху, который критически осмыслил положения классической физики.

Э.Мах научное знание представлял в виде системы упорядоченных высказываний, соотнесённых с чувственными восприятиями. Он придерживался принципа экономии мышления в записи фактов. Дальнейшее развитие науки показывало, что большая роль в научном познании отводится абстрактному мышлению, основанному на переработанных данных ощущений. В своей научной деятельности А.Эйнштейн также определял теорию как упорядоченность знаний, закономерностей. Возникновение теории относительности прежде всего связано не с умозрением, а стремлением к большему соответствию данным опыта. Смена научной картины мира и отказ от фундаментальных понятий классической физики: абсолютного пространства, абсолютного времени, абсолютного движения был детерминирован взаимодействием теории и нового опыта. Само по себе мышление не приводит к знаниям об объектах внешнего мира. Первоначальным в исследованиях является взаимодействие теории, опыта и практики. Истинность в теории достигается в связи ее с фактами опыта. В статье «Физика и реальность» Эйнштейн показал, что «физика истолковывает непосредственно только чувственные восприятия и постижение их связи» [8, с.200]. «Я считаю, что первый шаг в установлении реального внешнего мира состоит в образовании понятия телесных объектов различных видов. Из всего

многообразия чувственных восприятий мы мысленно и произвольным образом выделяем постоянно повторяющиеся комплексы чувственных восприятий (частично в совпадении с чувственными восприятиями, которые могут истолковываться как знаки чувственного опыта других людей) и сопоставляем им понятие телесного объекта» [8, с.201]. «…Всякое наше мышление того же рода: оно представляет свободную игру с понятиями. Обоснование этой игры заключается в достижимой при помощи нее возможности обозреть чувственные восприятия. Понятие истины к такому образованию еще совсем неприменимо; это понятие может быть введено только тогда, когда имеется налицо условное соглашение относительно элементов и правил игры» [8, с.202]. В этих суждениях проявляется влияние позитивистской философии.

При каждом существенном саморазвитии и продвижении вперед ученый обнаруживает, что фундаментальные законы физики все более упрощаются в зависимости от развития экспериментальных исследований и теория относительности в этом отношении оперирует сложными физическими образами на основе фантастической математизации физического материального пространства. Когда определенный этап пройден и разрешена проблема, создается ощущение возникшего стройного порядка, обусловленного изначальной гармонией мира.

Научное знание предполагает прогресс. В классической физике материальные объекты мира рассматривались в виде неизменных, взаимодействующих друг с другом материальных точек. Приложенные к материальным точкам силы известны как действующие причины непрекращающегося движения, к которому можно свести, в конечном счете, наблюдаемые явления. Считается, что объекты внешнего мира нам даются непосредственно восприятием чувств. Введение атомистических элементов как неизменяемых материальных точек явился шагом более изощренным в реализме, так как оно на непосредственных наблюдениях не основано. Возникновение теории электромагнитного поля, распределенного в пространстве непрерывно, считается итогом дальнейшего совершенствования и саморазвития физики. Физическая реальность электромагнитного поля предполагала не вводить в теорию неизменяемые материальные точки как независимых сущностей.

Эйнштейн в вопросе о границах физического мышления придерживается убеждения, что «существует физическая реальность, не зависящая от познания и восприятия. Ее можно полностью постичь с помощью теоретического построения, описывающего явления в пространстве и времени; однако обоснованием такого построения является только его эмпирическое подтверждение. Законы природы – это математические законы, выражающие связь между элементами теоретического построения, допускающими математическое описание» [8, с.320].

Допускается все элементарные понятия физики свести к пространственно-временным и научное мышление в этом смысле

геометрично. Не существует ни одного природного закона, несводимого к закону, выраженного на пространственно-временном языке. Эйнштейн убежден, что «психические процессы и связи между ними в конечном счете можно будет свести к физическим и химическим процессам, протекающим в нервной системе. Согласно этому принципу, в каузальной системе явлений природы нет нефизических элементов; в этом смысле в рамках научного мышления нет места для свободы воли…» [8, с.321].

«Если наука есть интерсубъективно обосновываемое знание, то самоосмысление науки есть необходимый процесс ее самообоснования. Социализация этого процесса ведет к тому, что ученые становятся философами. Если единство науки состоит в математическом моделировании опыта, то опыт должен стать предметом критического исследования» [3, с.2]. Математизация физики, где объекты оцениваются через отношение и схематизируются в виде точек, поверхностей, расстояний, линий, углов и т.п. приобретает в науке грандиозный масштаб и ее дальнейшее усложнение. Ученый, ставя различные задачи в своей деятельности, преодолевая проблемы, связанные с совершенствованием их решений, проходит пути в творческом развитии, на каждом этапе которого ставятся отличные друг от друга задачи. Только разрешив главную задачу, ученый ставит следующую, которая при вхождении ее в противоречие с другими теориями требует более тщательного ее изучения. Таким образом поиски оказываются бесконечными и абсолютной истины в науке не существует: она находится всегда в поиске и стремлении к наиболее плодотворному и изящному выражению своих результатов и более точному отображению реального мира. Понимание познания Эйнштейн высказал в статье «Влияние Максвелла на эволюцию идей о физической реальности»: «Вера в существование внешнего мира, независимого от воспринимающего субъекта, есть основа всего естествознания. Но так как чувственное восприятие дает информацию об этом внешнем мире, или о физической реальности, только опосредованно, мы можем охватить последнюю только умозрительными средствами. Из этого следует, что наши представления о физической реальности никогда не могут быть окончательными. Мы всегда должны быть готовы изменить эти представления, то есть аксиоматическую базу физики, - чтобы оправдать факты восприятия наиболее совершенным образом. И действительно, беглый взгляд на развитие физики показывает, что она испытывает глубокие изменения с течением времени» [8, с.405].

Понимания научного знания как пути в достижении результата требования логической стройности и внутреннего совершенства научной теории в построении картины мира. Цель научного исследования – поиск единой теории, описывающей и объясняющей всю Вселенную, начиная от структуры микромира до глобальной Вселенной.

Научный подход в познании накладывает своеобразный отпечаток на мышление не только ученого, но оставляет глубокий след в сознании любого деятеля. Через научное мировоззрение он преломляет мир,

действует и влияет на реальность. Пути постижения закономерностей достигнутых ученым результатов в своей научной деятельности, мировоззрение его являются загадкой.

Наука у Маха понимается как «обобщенное описание фактов действительности», которое исключило бы метафизические понятия (субстанция, причинность, материальное, идеальное, абсолютное пространство и время, абсолютное движение, сила), недоступные опытным подтверждениям. Эмпиризм Маха заключается в постановке вопроса обобщенного описания фактов, где теории познания отводится роль в исключении из опыта метафизических допущений. «Тем самым философия науки развертывается Махом в пределах гносеологии, ориентированной эмпиристски и замкнутой на анализ сознания изолированного исследователя…» [7, с.191], где мыслям, приспособленным к фактам и друг к другу, не должно предшествовать априорная предпосылка. Задачей философии науки является описание опыта и установление функциональной связи физических, физиологических и психических элементов.

Мах, рассматривая проблему физического и психического, опирается на положение, что «нет ничего психического, что не было бы физическим» и находит физическое в том, что нам дается только органами чувств: «Все физическое, находимое мною, я могу разложить на элементы, в настоящее время дальнейшим образом неразложимые: цвета, тоны, давления, теплоту, запахи, пространства, времена и т.д. Так как ощущения моих соседей столь же мало даны мне непосредственно, как и им мои, то я в праве те же элементы, на которые я разложил физическое, рассматривать и как элементы психического» [5, с.17]. «Нас может интересовать только одно: познание взаимной зависимости элементов» [5, с.38]. Для аргументации этого психофизического момента в познании философ использует наше «Я», обозначающее сознание индивида и знак **U** как пространственно ограниченное наше тело, где **U** показатель того, что познание является процессом реализации человеческого природного инстинкта или же познание – это приспособление человека к биологическим потребностям.

В произведении Маха «Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования» отражается позитивистская установка приспособления мыслей к фактам и сведение теории познания к логическому прагматизму как приспособления наших мыслей друг к другу, с одной стороны, упорядочение и упрощение системы идей, с другой. «Представления постепенно так приспосабливаются к фактам, что дают достаточно точную соответственно биологическим потребностям копию их» [5, с.169]. «Факты вовсе не обязаны соответствовать нашим мыслям. Но наши мысли приспосабливаются к другим мыслям, а именно к понятиям, которые мы образовали о фактах» [5, с.454].

Теоретический уровень исследования дает возможность познавать взаимную зависимость элементов и упорядочивает их в простую систему.

Движущей силой в познавательной деятельности выступает при этом «биологический интерес».

Мах усматривает в задаче философии установление в науке принципов упорядоченности явлений в сознании исследователя.

Свое учение об экономии мышления и о чистой описательной науке Мах применяет в критическом анализе понятий классической механики с идеей о мнимости понятий субстанции, материи и их свойств, требуя определения понятий только через наблюдаемые данные. Понятие субстанции у Маха выступает как фикция, ненужная для понимания научного познания. Мах считает, что в основе познания лежат чувственные данные, а не независимые от сознания объекты мира. Существование объектов материального мира сводится к вопросу о возможности их наблюдаемости субъектом.

Понятия пространство, время, сила, масса и причинность Махом понимаются как обозначения функциональных связей между комплексами ощущений, соответствующих органам чувств.

Центральным понятием в учении выступает опыт и Мах как сторонник эмпиризма, опираясь только на чувственные данные, которые нам поставляет опыт, «устраняет как «метафизическую» картезианскую проблему соотношения res extensa и res cogitans, трактуя сенсуалистский аналог res cogitans – восприятия – не как следствие «загадочного» воздействия одного тела на другое, а наоборот: по его мнению, физическое тело, как то, что дано в опыте, само образуется из восприятий, то есть в конечном счете, предстает как комплекс ощущений» [2, с.100].

Причинность у Маха заменена понятием функционального отношения между элементами мира или относительностью. Понятие отношения лежит в основе понятия времени и пространства. Это отношение физических элементов друг к другу и сравнение их между собой. Мах пытается исследовать понятия времени и пространства не в метафизическом бестелесном смысле, а в физическом их понимании, то есть понимания из фактов опыта, где все части мироздания связываются посредством других тел, а не сверхфизически. Таким образом, понятие времени и пространства имеют природу физическую. Против абсолютного пространства Ньютона еще до Маха высказался Дж.Беркли: «…Философское рассмотрение движения не подразумевает существования абсолютного пространства, отличного от воспринимаемого в ощущении и относящегося к телам… И мы найдем, может быть, что не в состоянии даже составить идею чистого пространства с отвлечением от всякого тела… Когда я говорю о чистом или пустом пространстве, не следует предполагать, что словом «пространство» обозначается идея, отличная от тела и движения или мыслимая без них…» [1, с.226]. Как и Мах, Беркли не принимал абсолютное движение: «Я должен сознаться, что не нахожу, будто движение может быть иным, кроме относительного; так что для представления движения следует представить по меньшей мере два тела, расстояние между которыми или относительное положение которых

изменяется… Идея, которую я имею о движении, необходимо должна включать в себя отношение» [1, с.223]. Беркли происхождение и природу пространства так же выводил из физического отношения тел. Согласно Беркли «нет субстанции, кроме духа, или того, что воспринимает… не может быть немыслящей субстанции или немыслящего субстрата этих идей» [1, с.174].

Для Маха не существует ни физической, ни духовной субстанций. Понятие субстанции и причинная связь у Маха заменены понятием отношения или функциональной связью между элементами мира. «Поток ощущений» представляют изначальные, неразложимые на «физическое» и «психическое», целостные и подлинные нейтральные элементы. Их философ трактует как «нейтральные элементы мира».

По убеждению Маха, физическое тело само образуется из восприятий, в конечном результате представляя «комплекс ощущений». Восприятия сами по себе не содержат субъективное, так как они есть до начала разложения потока на метафизические противоположности: субъективное и объективное. Мах рассматривает возможность не изначального субъективного восприятия при условии становления восприятия «пережитым содержанием». Тогда нейтральный сам по себе элемент становится субъективным. Вначале «нейтральные элементы мира» не разложены на субъективное и объективное. Когда же первичное состояние мира противостоит как поток, целостность вторичному и разложенному состоянию мира на субъективное и объективное, произойдет следующий шаг развития жизни. Далее первичное состояние «мира сознания» деформируется «действительным миром» (внешними условиями жизни). Сознание, закрепляя в памяти деформации, актуализирует их в воспоминаниях, определяющих последующие восприятия. Следы прошлого, сохраняясь в воспоминаниях, кумулятивно накапливают «опыт» жизни и «интеллект» организма. Память как припоминание есть способность с помощью которой прошлое осовременивается сознанием. Процессуальность сознания позволяет жить человеку не дискретно, в сменяющих друг друга «теперь», а «ретенциально» (непрерывно) в единстве со временем. Временность, по убеждению Маха, дана человеку не от природы, а есть сознание нашего организма, который «склеивает» из элементов комплексы и обращается с ними как с субстанциальными вещами. Сознание превращает «комплексы элементов» в стабильное образование путем наименования. Имя функционально и представляет индивида к которому относится. Оно сохраняется в памяти и является удобным и неизменным признаком вокруг которого как ядра нарастают множество признаков.

Время и пространство в физиологическом отношении как «системы ориентирующих ощущений, определяющих вместе с чувственными ощущениями возбуждение биологически целесообразных реакций приспособления» [5, с.422].

«Мы непосредственно ощущаем время или положение во времени, так

же как непосредственно ощущаем пространство или положение в пространстве. Без ощущения времени не было бы геометрии. Существование своеобразных физиологических процессов, лежащих в основе ощущений времени, представляются весьма вероятными ввиду того обстоятельства, что мы узнаем одинаковость ритма, формы времени во временных отношениях самых разных качеств. Например в мелодиях…» [5, с.421].

Таким образом, Мах понятия времени и пространства выводит из чувственных данных или внутреннего психического состояния и строит свое учение на основе психологического индивидуализма.

Учение о понятии абсолютного пространства, времени, движения и т.д. были подвергнуты критике Махом и претерпели в дальнейшем некоторые изменения под влиянием теории относительности. Неоспоримо значение теории познания, которой естествоиспытатель Мах занимался, в указании пути дальнейшего развития науки. В работе Маха «Механика. Историко-критический очерк ее развития» имеется глава, связанная с взглядами Ньютона на пространство, время и движение и с критическим обзором этих механистических понятий. Как представлено время в классической механике: «Абсолютное, истинное, математическое время само по себе и по своей сущности, без всякого отношения к чему-либо внешнему, протекает равномерно, иначе оно называется длительностью» [6, с.30]. «Относительное, кажущееся, или обыденное время есть точная или изменчивая, постигаемая чувствами внешняя, совершаемая при посредстве какого-либо движения мера продолжительности, употребляемая в обыденной жизни вместо истинного, математического времени, как-то: час, день, месяц, год» [6, с.31]. Мах в вопросе о пространстве и времени достигает физического понимания их, то есть показа их из физических фактов более элементарных и онтологически подчиненных материи. Гипотезу Маха о зависимости геометрии пространства физического от материального действия А.Эйнштейн позже назвал «принципом Маха». Критика Махом Ньютона заключается в следующем: «Для Ньютона время и пространство представляют нечто сверхфизическое, они суть первичные, независимые переменные, непосредственно недоступные, по крайней мере точно неопределимые, направляющие и регулирующие все в мире. Как пространство определяет движение отдаленнейших планет вокруг Солнца, так время делает согласными отдаленнейшие небесные движения с незначительнейшими процессами здесь на земле. При таком взгляде мир становится организмом или… машиной, все части которой согласно применяются к движению одной части, руководятся до известной степени одной единой волей, и нам остается неизвестной только цель этого движения» [5, с.442].

В классической физике конструируется метафизическое представление о сверхфизической Божественной связи всех частей мироздания, так как осуществляется при помощи абсолютного пространства и абсолютного времени. Предложенная Махом замена

метафизической связи физической, а именно, когда тела связываются посредством других тел, предполагала понимания пространства и времени как физических и показа того, что абсолютных систем отсчета нет, и в физическом мире все относительно. Принцип относительности в учении Маха приобретает универсальный характер. В подтверждение этому приводятся следующие строки из его «Механики»: «…Если положение некоторого предмета «А» изменяется со временем, то это означает лишь, что состояние предмета «А» зависит от состояния некоторого другого предмета «В». Колебания маятника протекают во времени, ибо его отклонения зависят от положения Земли, мы можем сравнить его отклонение с положением какого-либо другого предмета…,в результате чего может создаться иллюзия о несущественности всех этих предметов. У нас нет никакой определенной меры времени, ибо все связано между собой» [4, с.186]. Классическое представление абсолютного пространства излагаются Ньютоном как и абсолютное время «по самой своей сущности безотносительно к чему бы то ни было внешнему», но отличие от времени его в том, что абсолютное пространство «остается всегда одинаковым и неподвижным» [6, с.32]. Мах приводит в подтверждение об относительности пространства такое высказывание: «Когда мы говорим, что тело «К» изменяет направление движения и скорость только под действием другого тела «К»', мы никогда не сможем узнать этого, если не будет других тел «А», «В», «С»,…, относительно которых можно было бы судить о движении тела «К». Следовательно, мы познаем, собственно говоря, некоторое отношение тела «К» к телам «А», «В», «С»,… Если же мы не будем принимать в расчет тела «А», «В», «С»,…и будем говорить о поведении тела «К» в абсолютном пространстве, то мы совершим при этом двойную ошибку. Во-первых, мы не можем знать, как вело себя тело «К» в отсутствие тел «А», «В», «С»,… Во-вторых, у нас не будет никаких средств, с помощью которых можно было бы проследить за поведением тела «К» и проверить наши суждения, которые в силу этого, не будут иметь никакого физического смысла» [4, с.191].

Согласно постулату Маха, инерция отдельного тела обусловлена остальными телами во всей их совокупности в таком же смысле как это отношение действует и в гравитации.

Ньютоновская механика, ее теория движения основана на простых законах и на небольшом их числе, которые позволяют вывести разные типы движения. Объяснение классической теорией доступных нашим чувствам материальных объектов и Вселенной устраивало до тех пор, пока в экспериментальном естествознании не был обнаружен физический микромир, который не подпадал под законы механики. Когда как материальные видимые объекты, скорость которых обычна для нашего зрения и наблюдаема, описываются законами движения механики, то макромир требует нового подхода для его описания и поиска приемлемых законов.

Возникновение квантовой теории было связано с попыткой сменить классическую механику на более «глубокую» теорию, но она имела вероятностный и статистический характер, предсказывая в среднем о пучке частиц, не затрагивая каждую из них в отдельности, то есть точных вычислений, необходимых для физических предсказаний не существовало.

Важнейшим шагом в научных исследованиях явилась теория относительности, которая затрагивала не мир атомов, а понятия пространства, времени и массу, гравитационное взаимодействие и описывала макромир. Эйнштейна интересовало, что происходит с электромагнитным полем при скоростях, приближающихся к световым. Тела, двигающиеся укорачиваются (само пространство растягивается), время замедляется, масса возрастает. Общая теория относительности показала следующие особенности пространства: искривленность настолько сильную, что пространство исчезает во Вселенной.

Новый аспект проблемы в теории относительности – взаимодействие четырех фундаментальных теорий: 1) гравитационной, описываемой в общей теории относительности, и 2)электромагнитной, сильной и слабой, описываемой в квантовой теории. Построение единой теории, рассматривающей всю Вселенную в целом, способной объяснить происходящие процессы и в элементарных частицах, и в глобальных структурах Вселенной, требует своего решения и оно зависит от научного потенциала как человеческого капитала, который является фактором социального развития, где научному знанию отводится важнейшая роль в саморазвитии человека. Эйнштейн видел дальнейшее развитие физики, связанное с областью исследований нахождения одной всеохватывающей теории явлений мира, единой теории поля. Вся жизнь Эйнштейна была посвящена идее саморазвития и усовершенствованию научного знания. Дальнейшая эволюция научного знания основывается на достигнутых концепциях физики, вызывая смену парадигм и научной картины мира.

Э.Мах оказал «огромное влияние на гносеологическую ориентацию естествоиспытателей нашего времени. Способность искренне радоваться созерцанию и познанию мира, amor dei intellectualis Спинозы, была развита у него настолько сильно, что он до глубокой старости смотрел на мир глазами ребенка и безмятежно радовался, познавая открывающиеся связи явлений этого мира» [8, с.27].

«Чтобы по достоинству оценить заслуги Маха, не следует пытаться ответить на вопрос: «Что нового внес Мах во все эти общие вопросы и что не приходило в голову никому другому до него?» Истину в подобного рода вопросах сильным натурам всегда приходится добывать заново, в соответствии с потребностями своего времени, ради удовлетворения которого и работает творческая личность. Если эта истина постоянно не будет воссоздаваться, то она окажется для нас потерянной… Мах своими историко-критическими статьями, в которых он проследил за процессом становления отдельных наук и раскрыл внутреннюю лабораторию отдельных исследователей, проложившие новые пути в своих областях науки, оказал огромное влияние на ученых нашего поколения» [8, с.28].

Список литературы

1. Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. 554с.
2. Зотов А.Ф. Современная западная философия. М.: Высшая школа, 2001. 783с.
3. Мартынович С.Ф. Критический эмпиризм как философия науки Эрнста Маха. Саратов: Изд-во саратовского Ун-та, 2011. 21с.
4. Мах Э. Механика. Историко-критический очерк ее развития. СПб.: Изд-во товарищества «Общество и польза», 1909. 448с.
5. Мах Э. Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2003. 455с.
6. Ньютон И. Математические начала натуральной философии. М.: Наука, 1989. 687с.
7. Огурцов А.П. Философия науки в 20 веке: успехи и поражения (статья первая) // Философия науки. 2003. № 6. С. 191-192.
8. Эйнштейн А. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1967. 575с.

УДК 1:316

САМОФОРМИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ ОБЩЕСТВА

Т.А. Погрешаева

Саратовский институт (филиал) Российского государственного торгово-экономического университета, Россия

E-mail: Pogreshaevata@ mail.ru

В статье исследуется самоформирование как специфический вид свободной деятельности человека, как основа и самоценность человеческого капитала. Раскрываются составные части самоформирования: самовоспитание, самообразовании, самообучение, саморазвитие.

Ключевые слова: самоформирование, человеческий капитал, самовоспитание, самообразование, самообучение, саморазвитие.

Self-formation of human social development of society

T.A. Pogreshaeva

The paper investigates the self-formation as a specific kind of a free human activity as a basis for self-worth and human capital. Disclosed components of self-formation: samovospi-tanie, self-education, self-study, self-development.

Key words: self-formation, human capital, self-recovery power, self, self, self-development.

Самоформирование как философская категория исследуется в настоящее время как специфический вид свободной деятельности человека, как неотъемлемый компонент его постоянного самообразования и самовоспитания, самообучения и саморазвития, накопления

человеческого капитала как меры социально значимых способностей, знаний, умений и навыков человека, его духовной и профессиональной культуры, сформированных на основе природных задатков и в результате динамики социальных взаимодействий с другими людьми. Повышение воспитанности, образованности, обученности, развитости, глубины и широты познания мира позволяет человеку в перспективе определиться со смыслом жизни, улучшить «качество жизни», соответствует завоеванию им определенного социально-экономического статуса.

Самым сложным, на наш взгляд, сегодня в жизнедеятельности человека становится постоянное самосозидание самого себя, своей неповторимой индивидуальности. Например, оценивая данный вопрос, Н.А. Бердяев писал, что «личность должна себя создавать, обогащать, наполнять универсальным содержанием, достигать единства и целостности на протяжении всей своей жизни» [1, с. 13]. Самоформирование человека невозможно без творческого стиля жизни и мышления. Более того, творчество и свобода неотделимы, так, в связи с обсуждаемой нами проблемой, можно привести слова Л.А. Коган: «Положительное содержание свободы фокусируется в ее нераздельности с творчеством – нет одного без другого. Свобода – душа творчества. Созидание и добродеяние – важнейшие характерологические признаки истинной свободы» [2, с. 80].

Сложилось обобщенное представление об этике самоформирования, в котором выделяются следующие существенные моменты. Первый момент – самоограничение и личная дисциплина, второй – стойкость в исполнении долга и сознательном подчинении себя достижению выбранной цели, третий – внутренняя свобода, четвертый – верность этическому абсолюту и пятый – непрестанные усилия человека по практическому осуществлению идеала. Стремление к идеалу позволяет избежать односторонности в самоформировании человека, абсолютизации какой-либо из его характеристик. Так, отмечал М.М. Рубинштейн, когда физическое развитие отрывается от облагораживающей и контролирующей власти идеальных мотивов истины, добра и красоты, оно легко может привести нас к обоготворению «здорового кулака» и «конской силы», способных при случае стереть с лица земли и красоту, и добро, и правду [3, с. 58-59]. Поэтому возникает необходимость философского прочтения и социально-психологического анализа как процесса самоформирования человека в целом, который осуществляется им самостоятельно и креативно в свободное время, так и составных его частей.

Междисциплинарный анализ самоформирования позволяют выполнить выделение и исследование функций данной категории, которые приведем в следующем виде:

° экстенсивная функция, связанная с расширением человеческого капитала, – накопление, приобретение новых знаний, положительных качеств, социально-необходимых правил поведения;

° функция ориентирования – определения себя в культуре и субкультуре, а также своего места в социуме;

° файтинговая функция через преодоление препятствий, борьбу, связанную с освобождением от отживших форм мышления, схематизмов поведения, от инерции повседневности;

° креативная или сотворческая функция, направленная на сопутствие, содействие творческой деятельности, непременное дополнение ее энергией;

° методологическая функция, обеспечивающая преодоление, как профессиональной узости, так и зашоренности, задаваемой бытом;

° рекреационная функция, которая выполняет восстановление человеческих сил с непременными элементами релаксации и регенерации;

° функция омолаживания – преодоление инерции собственного мышления;

° психотерапевтическая функция – сохранение полноты бытия.

Самоформирование человека осуществляется в четырех взаимосвязанных аподиктических формах – самовоспитание и самообразование, самообучение и саморазвитие взаимно дополняющих друг друга и параллельно функционирующих, оказывающих взаимное влияние на степень формирования человеческого капитала. Вместе с тем это четыре относительно самостоятельных процесса, которые предполагают как общие, так и особые условия их организации.

Современная педагогика считает, что самоформирование позволяет человеку взять судьбу в свои руки, сделать линию жизни прямой, ведущей к успеху. При этом, человек должен преодолеть все психолого-педагогические трудности: недооценку человеком (особенно молодым) необходимости использования существующих разработок по технике самоформирования, беспечность, недальновидность, нравственную лень, отсутствие навыков и привычек самомотивирования и самопринуждения, неразвитость воли [4, с. 192-193]. Перед выбором направления самоформирования человек проводит самоанализ своих духовных, психических и физических качеств, самопознание как оценку человеком самого себя, осознание своих интересов, мотивов поведения.

Методически правильно организованное самопознание человека осуществляется следующими этапами: во-первых, самоопределение себя в системе социально-психологических отношений, в объеме как необходимой, так и свободной деятельности, и тех требований, которые предъявляют к развитию человека эти виды деятельности, а также выработка планов на различные отрезки будущей жизни; во-вторых, самоизучение уровня компетентности и качеств собственной психики, которое осуществляется путем самонаблюдения своих поступков, поведения, результатов деятельности, критического анализа высказываний в свой адрес, самопроверки себя в конкретных условиях деятельности; в-третьих, самооценка, вырабатываемая на основе сопоставления имеющихся качеств с предъявленными обществом требованиями.

Самовоспитание в целом выступает как активная, целеустремленная и сознательная деятельность человека по систематическому формированию, самоизменению и развитию у себя положительных и устранению отрицательных индивидуальных социально-психологических и профессиональных качеств. Среди содержательных компонентов самовоспитания следует в первую очередь выделить:

- осознанные цели и задачи, выработанные и принятые человеком жизненные идеалы, которые лежат в основе программы самоформирования;
- осмысленные и принятые для себя требования, предъявленные к свободной деятельности;
- мировоззренческие, профессиональные, психолого-педагогические, этические и другие знания о протекании, содержании и методике самовоспитания и умение заниматься им в любых условиях и обстоятельствах жизни;
- наличие внутренней установки, высшего уровня самосознания, способности к объективной критической оценке своего поведения и необходимого уровня общего, интеллектуального, социально-психологического и профессионального развития;
- определенную степень совершенствования волевых качеств и наличие привычек эмоционального саморегулирования, особенно в трудных и сложных ситуациях, экстремальных условиях.

Самовоспитание предполагает определенный уровень развития человека, его готовности и способности к самоизучению, самосознанию, самооценке, к сравнению своих поступков с поступками других людей, самокритичному отношению к своей деятельности, выработки устойчивых установок на постоянство самосовершенствования. Как самостоятельная, сознательная и свободная систематическая деятельность человека самовоспитание направлено на преодоление всего отрицательного, негативного в сознании, в отношениях, в поведении и действиях человека. В этом случае самовоспитание выступает как внутренняя сущность процесса самостоятельного перевоспитания человека.

Самовоспитание – сложный интеллектуальный, волевой и эмоциональный процесс. В ходе этого процесса требуется глубоко осознанное, целенаправленное и самокритичное отношение человека, как к самому себе, так и к действиям окружающих людей, определенные чувства переживания того, что ему недостает воспитанности, а также большие, иногда волевые предельные усилия в достижении поставленных целей по самосозиданию и саморазвитию. Самовоспитание человека осуществляется с помощью различных общих и специфических методов, средств и приемов [5, с. 69-99]. К наиболее общим методам самовоспитания относятся следующие: самообязательство, самоорганизация, самоутверждение, интроспекция – самонаблюдение, самоконтроль, самоотчет, самоотношение, самокритика, самоприказ,

самоодобрение, самопоощрение, самопринуждение.

Основным же содержанием второй формы самоформирования – самообразования является обновление и совершенствование имеющихся у человека знаний, умений и навыков с целью достижения желаемого уровня профессиональной компетентности на основе свободного выбора видов деятельности. При этом будем учитывать, что знания – это логическая информация об окружающем и внутреннем мире человека, умения – психические образования, заключающиеся в освоении человеком определенных приемов, способов профессиональной деятельности, навыки – действия, сформированные путем повторения и доведенные до автоматизма. Самообразовательная деятельность – исключительно нужная и плодотворная форма развития социальных, профессиональных и индивидуальных качеств человека. Благодаря самообразованию повышается его интеллектуальный потенциал, совершенствуются ум и воля, профессиональное мастерство и культура. Возникающее знание-творчество является высшей степенью самообразования.

Самое главное препятствие, которое ожидает человека принявшего решение заняться самообразованием, это собственная неорганизованность. Умение каждодневно, систематически использовать свободное от основной работы и необходимой рекреации время – главное условие успеха культурного и профессионального самосовершенствования человека.

Третьей формой самоформирования является самообучение как направленная человеком деятельность на самостоятельное получение знаний и опыта, природосообразное обучение с приоритетом самоуправляемого учения. Качество приобретаемых знаний и умений при самообучении напрямую зависит от базы доступного для изучения материала и мотивации человека их получить. Самообучение – самый действенный способ развить человеку свои умственные способности.

По мере роста признания в бизнес-литературе того, что сотрудники организации представляют самый ценный капитал любой организации, становится все более актуальной необходимость нового, гуманизированного определения делового совершенства [6, с. 31]. Первой и главной задачей стратегии организации становится внедрение идей качества в сознание и поведение работников посредством реализации инструментов индивидуального совершенствования:

· четкие личные цели;

· объективное восприятие реальности и проявление творческой активности;

· стремление проявлять инициативу и брать на себя ответственность;

· фокус на позитивные стороны и умение извлекать уроки из неудач, добиваясь затем успехов;

· проявлять настойчивость, перенимать положительный опыт;

· не останавливаться на достигнутых результатах;

· знать свои сильные и слабые стороны и стремиться к совершенствованию.

Самоформирование человека в современном российском общества завершается созданием способности человека в постоянном саморазвитии и самореализованности. В философии сопоставление категорий содержание и форма позволяет человеку при несоответствии содержания и его оболочки «сбрасывать» старые формы и создавать новые, соответствующие развившемуся содержанию: воспитанности, образованности и обученности. Современному человеку для того, чтобы соответствовать мировому уровню, необходимо цивилизованно жить и творить.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Царство духа и царство кесаря. – М., 1995.
2. Коган Л.А. Свобода – самость созидания // Вопросы философии. 2009, № 7. С. 78-90.
3. Рубинштейн М.М. Очерк педагогической психологии в связи с общей педагогикой. – М., 1920.
4. Столяренко А.М. Психология и педагогика. – М., 2010.
5. Погрешаева Т.А. Самосозидание личности в свободное время. –Саратов, 1999.
6. Дальгаард С., Дальгаард Й. Преданность делу, или Обеспечение делового совершенства организации // Business Excellenca, 2010, № 8. С. 30-33.

УДК 316.752.4

СТРУКТУРНЫЕ ПРОФИЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА

Ж.О. Посунько

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: zhanna0305@mail.ru

Анализ социального пространства невозможен без анализа понятий: дистанция – граница – территория – зона. Говоря о социальном пространстве, необходимо отметить его неоднородность. Эта неоднородность проявляется и в неравномерном распределении рисков в социальном пространстве. Поэтому наряду с понятием рискогенного пространства общества риска, принято говорить о рискогенных территориях и зонах риска. Риск имеет пространственную конфигурацию: сфера социальной опасности конституируется внешними границами, предельными областями, внутренней структурой.

Ключевые слова: социальное пространство, зона, граница, территория риска.

Structural profiles of social space

Z.O. Posunko

The article examines the spatial social categories that generate the following categorical row: distance - border - area. Analysis of social space is impossible without an analysis of these concepts. Speaking about the social space , it should be noted heterogeneity. This heterogeneity is manifested in the uneven distribution of risk in the social space . Therefore, along with the concept of space risk society , to talk about areas and areas at risk . Risk has a spatial configuration : the scope of social danger constituted by the external borders , limiting the areas of internal structure.

Key words: social space, area, border, the territory of risk.

Социальное пространство может пониматься в социальной философии двояко. Последователи активистского подхода рассматривают социальное пространство как пространство человеческой активности, динамического состояния общества, социальной процессуальности. Так, в рамках "полевой теории" социальное пространство анализируется через совокупность функционально взаимосвязанных силовых полей,формирующимися социальными практиками агентов. Субстанционалисты сводят социальное пространство к субстанциям - индивидам, их совокупностям, соединенным социальными связями. Представители реляционизма анализируют социальное пространство как надиндивидуальную реальность, представляющую собой систему структурированных социальных отношений.

Социальное пространство «скрепляется» социальной структурой – совокупностью взаимосвязанных и взаимодействующих социальных общностей (демографических, национальных, территориальных, профессиональных и т. п.), иерархически упорядоченных между собой, что предполагает наличие «верхних», «средних» и «нижних» слоев, вертикальных и горизонтальных каналов социального перемещения и т. д. Посредством расчленения социального пространства на структурные элементы-позиции в конкретной точке пространства можно находить и оценивать различных социальных субъектов, их статусные позиции.

Для специального изучения социального пространства необходимо различать, в каких значениях оно может быть использовано. В качестве рабочей концепции социального пространства примем концепцию А.Ф. Филиппова [1, с.10]. А.Ф. Филиппов различает три аспекта в понимании социального пространства: 1. Пространство взаимодействия социальных акторов. Принимается во внимание значение близости/удаленности акторов друг от друга для самого процесса взаимодействия. Значение придается: а) тому, как исследователь видит пространство, б) тому, каково социальное значение пространства, не рефлексируемое участниками, но принципиально важное для них, в) тому, какое значение пространственным характеристикам взаимодействия придают сами участники: как пространство осознается и обсуждается ими.

2. Социальное пространство как порядок социальных позиций, метафорическое пространство, структурируемое статусами социальных акторов. 3. Пространство как нечто обозримое, место расположения тел. В силу отсутствия специального внимания к этому понятию социологи нередко не разводят различные аспекты пространственных характеристик социальной реальности, используя каждый раз категорию ad hoc. Часто происходит именно соотнесение различных аспектов пространства между собой, например в случаях когда размещение слоев населения с различными социально-экономическими статусами связывают с образованием и закреплением за ними собственных территорий поселения, пространство как место соотносится со смыслами, которые оно обретает благодаря акторам в процессе взаимодействия.

Социальная структура подразумевает статические аспекты существования социальных форм, которые в социальном пространстве реализуются в динамике конкретных потоков человеческой активности, социальных процессов. Социальный мир представляет собой таким образом многомерное пространство с множеством социальных полей, в каждом из которых индивиды и их группы занимают соответствующие позиции, а "вихревые потоки" и "силовые линии" социального пространства и социальных полей направляют потоки активности людей.

Социальное пространство — термин, введенный П. Бурдьё в работе "Физическое и социальное пространство" (1990) для обозначения абстрактного пространства, конституированного ансамблем подпространств или полей, которые обязаны своей структурой неравному распределению отдельных видов капитала [2]. Оно может также восприниматься в форме структуры распределения различных видов капитала, функционирующей одновременно как инструменты и цели борьбы в различных полях. Реализованное физически социальное пространство представляет собой распределение в физическом пространстве различных видов благ и услуг, а также индивидуальных агентов и групп, локализованных физически и обладающих возможностями присвоения этих более или менее значительных благ и услуг. Распределения благ и услуг, соответствующих различным полям, накладываются друг на друга, следствием чего является концентрация наиболее дефицитных благ и услуг, а также их владельцев в определенных местах физического пространства, противостоящих во всех отношениях местам, объединяющим наиболее обездоленных. Причем места скопления дефицитных благ не могут рассматриваться иначе, как в соотношении с местами, лишенными этих благ.

Социальное пространство — это не физическое пространство, но оно стремится реализоваться в нем более или менее точно и четко. То пространство, в котором мы обитаем и которое мы познаем, является социально обозначенным и сконструированным. Физическое пространство - это социальная конструкция и проекция социального пространства, социальная структура в объективированном состоянии, объективация прошлых и настоящих социальных отношений.

Социальные агенты, а также предметы, обозначенные как собственность агентов, помещены, согласно Бурдье, в некое место социальное пространство, которое может быть охарактеризовано через его позицию по отношению к другим местам и через дистанцию, отделяющую это место от других. Социальное пространство стремится преобразоваться более или менее строгим образом в физическое пространство с помощью искоренения или депортации некоторых людей. Социальное пространство вписано одновременно в объективные пространственные структуры и в субъективные структуры, которые являются отчасти продуктом инкорпорации объективированных структур.

Места и площади присвоенного физического пространства обязаны своей дефицитностью тому, что они являются целями борьбы, происходящей в различных полях. Эта борьба может принимать как индивидуальные формы (пространственная мобильность, внутри- и межпоколенная мобильность), так и осуществляться на коллективном уровне.

Основные представления о социальном пространстве сводятся к следующим моментам:

социальное пространство принципиально отличается от геометрического;

оно представляет собой совокупность социальных отношений (связей), в которые вступает любой индивид с другими индивидами, группами и обществом в целом;

социальные координаты такого пространства задаются социальными группами и ничем другим;

социальное положение раскрывается через совокупность социальных связей со всеми группами;

социальное пространство отображает народонаселение, а не статусы.

Последний момент принципиально важен: в социальном пространстве располагаются люди, а не статусы. Описав социальное пространство и его производные («геометрическая и социальная дистанция», «подъем в геометрическом и в социальном пространстве») в социологических категориях, Сорокин социологически не прописал главное действующее лицо [3]. У него таковым выступает народонаселение. Однако известно, что народонаселение – демографический, а не социологический термин. Неправильно брать за исходную клеточку также отдельного индивида или личность потому, что первый – термин повседневного языка, а вторая – категория, используемая не только социологией, но также философией, психологией, педагогикой, социальной психологией и др.

Единственным социологическим термином, которым можно определить исходную ячейку социального пространства, выступает статус. Но он в качестве таковой у Сорокина не выступает. И вполне логично, так как статус он сводит к рангу, а не к социальной позиции. Образ социального пространства использован Сорокиным как вспомогательное средство для лучшего изображения стратификации.

Социальное пространство Сорокина трехмерно – в соответствии с тремя осями координат стратификации: экономической, политической и профессиональной. Сама стратификация представляет собой разделение совокупности людей на классы и слои в иерархическом ранге.

В свое время Вебер, как позже и Сорокин, рассматривал общественную диспозицию в трехмерном социальном пространстве, возникающем на базе иерархических структур отношений собственности, власти и престижа. Однако ни Вебер, ни Сорокин никогда не изображали свои модели наглядным образом – при помощи декартовой системы координат на листе бумаги. Они оставили только словесное описание своего видения стратификации и социального пространства.

Хотя Сорокин оперировал в своих рассуждениях о стратификации трехмерным пространством, он допускал возможность для социологии также многомерного пространства. Более того, лишь оно, по мнению Сорокина, подходит для описания социального пространства. Он подчеркивал, что геометрическое и социальное пространства – две принципиально разные вещи. Следовательно, если одно описывается эвклидовой топографией, то второе должно описываться какой-то другой, неэвклидовой. Но какой именно, он так и не указал. Много осей возникает у Сорокина от того, что каждая ось может изображать отдельную социальную группу, а их, как известно, огромное количество.

Категориальный ряд пространсртвенных структур социального оказывается эффективным при анализе рискогенных ситуаций.

Рост численности населения, исчерпание территориальных ресурсов, поглощение экологического пространства социума динамично развивающейся техносферой способствуют формированию глобального пространства риска. С высокой скоростью увеличивается вероятность наступления катастрофических событий, разрываются защитные пояса цивилизации, открывая социальное пространство для распространения последствий катастрофических событий.

Социальные риски становятся всё более значительными по масштабу распространения и по вероятности наступления, несмотря на былую эффективность институциональных механизмов предупреждения, управления и развитую культуру безопасности в наиболее благополучных странах мира.

Распространение получают «синергетические эффекты взаимодействия рисков» - нелинейные социодинамические риск-тренды различного масштаба и степени вероятности в экологическом, социально-экономическом и социокультурном пространстве цивилизации.

Сегодня идею социального пространства взяли на вооружение, кажется, все социологические школы, хотя каждая из них наполняет его своим содержанием. В конечном итоге современная социология договорилась до того, что весь социальный мир, наполненный людьми, живущими в различных обществах и эпохах, являет всего лишь определенный тип социальной топографии.

Список литературы

1. Филиппов А.Ф.. Социология пространства // Логос. 2000. № 2 (23). С. 113-151.– М., 2004. – №2. – С.10.;

2. Бурдьё П. Физическое и социальное пространство // Пер. с фр.; общ. ред. и послесл. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии.1990, в 2-х т.

3. Система социологии / П.А.Сорокин. — М.: Астрель, 2008. — 1003 с.

УДК 316.4

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК РЕСУРС ГЛОБАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА: ПОИСК НОВЫХ ФОРМ СОЦИАЛЬНОЙ СУБСТАНЦИИ

Д.М. Соколова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: felkon.87@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению глобализации сквозь призму субстанционального и коммуникативного подходов к анализу социальных явлений. Определение субстанциональных оснований глобализации позволяет определить объективные закономерности ее развития. Поиск ее коммуникативных оснований помогает очертить возможности управления глобальными процессами. Управление глобализацией осуществляется глобальными политическими акторами, к которым относят государства, экономические институты и гражданское общество.

Ключевые слова: глобализация, субстанциональные основания, интерсубъективные основания, глобальный капитал, человеческий капитал, коммуникация, транснациональные сети.

The Human capital as the resource of the global sociality: search the new forms of the social substance

D.M. Sokolova

The article is devoted to discussion of globalization in the light of the substantial and communicative approaches to the analysis of social phenomena. Definition of substantial foundations of globalization gives an ability to determine the objective laws of its development. A search of its communicative foundations helps to delineate the possibility of managing global processes. The global political actors realize the managing globalization. The states, economic institutions and civil society are the global political actors in the global world.

Key words: globalization, substantial foundations, intersubjective foundations, global capital, human capital, communication, transnational networks.

Утверждение того, что мы, люди XXI века, живем в мире глобальном, в котором мышление категориями национальных государств не отражает действительности, давно уже стало общепринятым. Однако вопрос о том, изменила ли что-то масштабная социальная трансформация последних десятилетий в сущности, мировоззрении и жизненной стратегии человека, по-прежнему остается без ответа. Но еще более важной представляется проблема, связанная с определением его роли в консолидации глобального общества.

Современный мир переполнен транснациональными сетями, его социальное пространство – это пространство потоков, в котором непрерывно осуществляются импорт и экспорт товаров, власти и информации. Вызванные глобализационными процессами трансформации пространственно-временных измерений социума влекут за собой ускорение социальных взаимодействий, утверждение принципа детерриториализации, и усиление роли горизонтальных социальных связей. *Ускорение социальных взаимодействий* является прямым результатом развития информационной сферы. Возможность принятия совместных решений социальными объектами, разделенными большими расстояниями, стала возможной только с появлением высокоэффективных и надежных средств связи, позволяющих в любой момент установить связь между любыми точками земного шара. Помимо этого, развитие контейнерных морских перевозок и международного воздушного сообщения, позволяющих заключать мировые торговые сделки с низкими расходами, способствовали становлению глобального экономического пространства, организованного по принципу *детерриториализации*.

В современном мире границы между государствами становятся «прозрачными», открытыми для информационных, финансовых и торговых потоков. Благодаря установлению торговых, инвестиционных и производственных отношений между разными частями света в создании различных товаров – от предметов быта до мобильных телефонов и автомобилей – оказываются задействованными сразу несколько государств, и мировое разделение труда принимает более сложные и изощренные формы: «Сегодня производство во всех звеньях цепи создания стоимости… происходит в сложной цепи отношений, которые зачастую связывают десятки предприятий, разбросанных по отдаленным районам мира» [2, с. 121]. При этом особую роль на мировой арене приобретают транснациональные корпорации, такие как General Electric, General Motors, Ford Motor Company, British Petroleum, Microsoft, Google, Samsung Group, Apple Corporation, Procter and Gamble, Nestle. Именно в сфере глобального рынка впервые зародился феномен экстерриториального господства, для которого важен не контроль над территорией, а доступ к той или иной транснациональной сети. Свободное перемещение капитала, товаров и услуг, беспрепятственная коммуникация, возможная благодаря новым средствам связи, сделали условными государственные границы: политическое пространство национальных государств теперь уже не

совпадает с экономическим пространством, подконтрольным мировым экономическим акторам. Потеря важных стратегических позиций национальными экономиками запускает процесс лишения власти государств, однако ответом на этот вызов глобального рынка является трансформация форм политического господства, а не поглощение политики экономической сферой. Национальные государства также начинают стремиться к детерриториализации, то есть к распространению своего влияния за пределы государственных границ и установлению прочных производственных, культурных и научных связей между собой. Главная идея заключается в утверждении тезиса о том, что только политическая власть может быть легитимной, а власть экономическая заимствует ее легитимность. Рынок – слишком неустойчивая структура, чтобы существовать автономно и независимо от государственного регулирования, однако национальные государства не обладают механизмами управления, способными контролировать мировую экономику. Поэтому их роль берут на себя глобальные политические сети, институциональные структуры, порожденные эпохой глобализации. Принцип сетевой организации оказывается наиболее эффективным, жесткие иерархические системы не отвечают потребностям современности. Необходимость быстроты передачи сообщения, возможность сиюминутной координации совместных действий *усиливают значимость горизонтальных социальных связей*, пронизывающих всю структуру социального. Именно они приобретают все большее значение, как на уровне индивидов, так и на уровне макросубъетов – государств и экономических акторов.

Изменчивость общественного бытия создает иллюзию безосновности глобального мира и эфемерности форм социальной организации, им порождаемых. Поиск неких независимых и неизменных «постоянных» в данной связи есть не что иное, как реализация потребности в определении точки отчета, и таковая может быть найдена в неосубстанциональных формах социального, к примеру, в такой как капитал в самом широком смысле слова. К. Маркс видел залог воспроизводства общественной жизни в экономическом капитале и способности меновой стоимости к самодвижению, и на сегодняшний день это представление не утратило своей актуальности, хотя оно уже не является исчерпывающим, так как оставляет без внимания новые формы капитала – социального, символического, человеческого. Что касается последнего, то из самого термина не в полной мере ясно, что же подразумевается под ним – рабочие руки (в том числе и не всегда квалифицированные выходцы из развивающихся стран и стран третьего мира, активно предлагающие свои услуги на мировом рынке труда) или компетентные специалисты, способные осмыслять происходящее и предлагать эффективные стратегии самореализации.

Новые свойства социального пространства, обусловленные ускорением социальных взаимодействий, утверждением принципа

детерриториализации и усилением горизонтальных социальных связей, порождают ряд цепных реакций, усиливающих деформации существовавших на протяжении столетий социальных структур. Одним из важных последствий глобализации является так называемый эффект конвергенции, связанный с перераспределением сил в мировой экономической системе: «… новая глобализация предоставляет новым рыночным экономикам канал освоения технологий, позволяющих быстро выходить на более высокие уровни развития и таким образом стремительно сокращать отставание по доходам от богатых стран, в частности США» [2, с. 129]. Если со стороны Запада в результате этого перераспределения в глобальный мир направляются технологии и знания, то со стороны азиатских государств на рынок выходят миллионы рабочих с низкой квалификацией, которые предложением практически бесплатной рабочей силы лишают рабочих мест колоссальное число работников из стран Старого и Нового Света, вынужденных также включиться в новое великое переселение, только уже не народов, а оторванных от своих народов одиночек («кочевников»), ищущих средства к существованию. Мобильность становится важной чертой современного общества. Динамичность капитала предъявляет соответствующее требование и к рабочей силе, в результате включенными в пространство потоков оказываются не только государства, национальные экономики, но и индивиды. Таковы корни и истоки номадизма глобального мира. Однако эти переселенцы не составляют главного стратегического ресурса современной цивилизации. Вынужденные трудовые миграции – скорее негативное последствие глобализации, нежели благоприятное условие для развития мировой экономики. Крупные транснациональные корпорации в активизации потоков рабочей силы не нуждаются, и способны сами перенести производство в ту часть земного шара, где это будет экономически более выгодно. Так что глобализация рынка труда есть следствие отсутствия стабильной работы и отчасти упомянутой подвижности капитала. На производстве, которое в любой момент может быть оторвано от места и перемещено на сотни и тысячи километров, возможна лишь временная работа. Очевидно, что рабочая сила, обеспечивающая создание товаров и предоставление услуг, не играет первостепенной роли в развитии современного мира. Ее переизбыток на мировом рынке приводит к снижению оплаты труда, и соответственно престиж такой работы неуклонно падает.

Главным ресурсом глобальной цивилизации является человеческий капитал. В науке под этим термином принято понимать сформированный из населения экономически активный контингент «путем целенаправленной подготовки его к квалифицированному труду и нацеленности на профессиональную карьеру, создание предпосылок для трудовой миграции и социальной адаптации в условиях глобализации»[4, с. 50]. Следовательно, в данном аспекте мы можем рассматривать человека как носителя как раз того объединяющего начала, в котором нуждается

глобальная цивилизация. При этом примечательно, что человеческий капитал – это, в первую очередь, знания, применение которых позволяет решать нестандартные задачи и успешно реализовывать существующие алгоритмы действий и только во вторую очередь – их обладатель. Таким образом, в этой ситуации, как и при любом субстанциональном понимании социальности, индивид оказывается вынесенным за скобки осуществления социального процесса, хотя он и играет активную роль в производстве смыслов, которые со временем становятся составной частью накопляемого капитала. По сути, он находится в распоряжении человека, который может использовать в своей социальной жизни имеющийся массив знаний, но для общества главным является не его самореализации, а осуществление хранения и накапливания этих знаний.

Роль человеческого капитала в глобальном мире стремительно возрастает. По данным Программы развития ООН (ПРООН) уже на 2010 год на планете физический капитал, или накопленные материальные блага составляли 16% от общего достояния, природные богатства – 20%, в то время как накопленные вложения в человека – 64% [3, с. 236]. В дальнейшем это тенденция будет только усиливаться, охватывая все большее число государств и наращивая количественные показатели. Человеческому капиталу отводится ведущая роль в различных теориях экономического роста и развития. Все эти теории условно можно разделить на две большие группы: «Первая категория моделей рассматривает человеческий капитал как фактор накопления по аналогии с физическим капиталом в процессе производства, их накопления должны согласованно расти, при этом различия в уровне человеческого капитала оказываются связанными с различиями в сфере производства, существующими между странами. Вторая категория моделей предполагает, что прирост человеческого капитала в первую очередь осуществляется в результате реализации стратегий инновационного управления и адаптации новых технологий, и уже различия в человеческом капитале приводят к различиям роста в производственной сфере» [5, p. 57].

Многие специалисты склонны рассматривать человеческий капитал как одну из трех составляющих интеллектуального капитала (две другие – организационный и потребительский капитал) [3, с. 235]. Они отмечают, что человеческий капитал составляет основу интеллектуального, включая в себе наряду со знаниями и образованием, также навыки, выработанные на практике, творческие и когнитивные способности людей, их мотивацию и культурный уровень. Но в то же время понятие человеческого капитала оказывается богаче по содержанию, нежели понятие “интеллектуальный капитал”. Человек не может быть исключительно носителем и аккумулятором какого бы то ни было социального ресурса. Обладая знаниями, он их трансформирует, использует и получает на их основе новые, что особенно ценно для знаниевой экономики, но главное заключается даже не в этом. Помимо знаний, человек также является

носителем ценностей, обладающих мощнейшим потенциалом для развития глобальной цивилизации, являющихся основанием для осуществления диалога между различными народами и государствами. Культурные коды, архетипы, специфические социальные смыслы, свойственные любой социальной общности, нуждаются в том, чтобы быть локализованными, они не могут существовать сами по себе вне человеческого сознания. Все это говорит об особой значимости нового антропологического поворота, раскрываемого сейчас теоретиками глобализации: «… человек в условиях глобализации становится главным социальным смыслом общества» [6, с. 141], а значит залогом его воспроизведения, иными словами его субстанциональным началом, или, по крайней мере, носителем одного из начал.

Но как связать это с тем, что в современном обществе фигура индивида как таковая становится аморфной? Типичный житель западного государства – это номад в самом широком смысле, у него нет дома, он мобилен и готов к тому, чтобы постоянно менять работу, место проживания, семью и т.д. Это отражается и на его мировосприятии. По большому счету, современный человек оказывается не привязанным ни к каким социальным смыслам и зачастую свободным от буквы морали. Таким образом, ценности укоренены не в человеке, а в самой культуре. Следовательно – ее источник не человек, а человечность, хранящая главное достояние цивилизации – ее нематериальные ценности. Сугубо экономический подход к рассмотрению категории человеческого капитала в данной связи представляется недостаточным и недопустимым. Его главная составляющая не та выгода, которую может принести грамотное распоряжение этим важнейшим ресурсом, а сила консолидации, объединяющая глобальный мир в единое целое. В данной связи становится очевидным, что понятие человеческого капитала нуждается в социально-философском осмыслении, его традиционное понимание должно быть дополнено аксиологическим содержанием, и в этом случае оно будет ценно не только для экономической науки, но и для всех гуманитарных дисциплин.

Список литературы

1. Гезалов А.А. Трансформация общества в эпоху глобализацией. М.: Канон +» РООИ «Реабилитация», 2009. 288 с.

2. Сакс Д. Цена цивилизации / Пер. с англ. А. Калинина; под ред. В. Ю. Григорьевой. М.: Издательство Института Гайдара, 2012. 350 с.

3. Салогуб А.М. Интеллектуальный капитал как детерминирующий фактор развития инновационной экономики // Научно-теоретический журнал «Научные проблемы гуманитарных исследований». 2012. № 2. С. 232-243.

4. Шингаров Г.Х. Человеческий капитал, человеческий потенциал и социальный капитал // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. 2012. № 4 (16). С. 49-58.

5. Boccanfuso D. Human Capital and Growth: New Evidences from African Data // International Economic Journal. Vol. 27, № 1, March 2013, pp. 55–77.

УДК 316.346.32 - 053.9

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Т.В. Смирнова
Саратовский институт Российского государственного торгово-экономического университета, Россия
E-mail: smirnovasar@mail.ru

Статья посвящена анализу возможностей и проблем реализации человеческого капитала представителей третьего возраста в современном российском обществе. Раскрываются механизмы конструирования образа пожилого работника как фактора, определяющего возможность трудовой мобильности. Обосновываются индикаторы для определения социальной дистанции между пожилыми людьми и представителями других возрастных групп, являющейся значительным препятствием к реализации накопленных профессиональных знаний и навыков пожилого человека.

Ключевые слова: человеческий капитал, социальная дистанция, пожилые люди, социальные стереотипы.

Features of realization of human capital in old age

T.V. Smirnova

This article analyzes the opportunities and challenges implementation of human capital representatives of the third age in Russian society. Mechanisms of constructing the image of older workers as a factor in determining the possibility of labor mobility. Settle indicators to measure the social distance between the elderly and other age groups, a significant obstacle to the realization of accumulated professional knowledge and skills of an old man.

Key words : human capital, social distance , the elderly, social stereotypes.

Увеличение относительной доли пожилых граждан в индустриально развитых странах мира обусловливает высокую актуальность задач социальной геронтологии, разработки и изучения многогранных проблем процесса старения как жизненного этапа человека. Достижения современной медицины, улучшение условий проживания определили повышение значимости не только вопросов осуществления социальной защиты и помощи пожилым и старым людям, но и реализации потенциала представителей третьего возраста, так как физические, психологические, профессиональные и другие ресурсы все возрастающего числа пожилых людей позволяют им вести активный образ жизни, трудовую и образовательную деятельность.

Существует несколько категорий, обращение к которым могло бы способствовать решению задачи анализа и концептуализации ресурсов

старшего поколения. Одной из них является категория человеческого капитала. В настоящее время некоторые аспекты теорий капитала оказались не достаточно четкими, иллюзорными, а суждения о формах капитала различных авторов содержат немало противоречий. Тем не менее, значение теорий капитала в современной социологии трудно переоценить. Привлекательность терминологии теорий капитала обусловлена в первую очередь ее объективированным характером, удобством применения для анализа тех или иных процессов или явлений. Человеческий капитал, являясь социально-экономической ценностью, как общества, так и индивида, выступает как сумма профессиональных знаний и навыков, полученных в процессе образовательной деятельности, которые в дальнейшем могут приносить доход [1. с.21]. Таким образом, понятие «человеческий капитал» включает в себя признаки, связанные с инвестициями, производимыми в расчете на получение дохода [2. с.24]. Именно конвертация в экономический результат является ключевым отличием понятия человеческого капитала от таких близких категорий как «человеческий потенциал» и «человеческие ресурсы», которыми можно оперировать в более широких областях социально-экономических отношений.

Проблема не столько накопления и обладания профессиональными умениями и навыками, сколько вопрос их реализации на рынке труда особенно рельефно проявляется, когда речь идет о трудовой деятельности представителей третьего возраста. Отношение к старости и пожилым людям, негативные социогеронтологические стереотипы, доминирующие в современном российском обществе, проецируются на профессионально-деловую среду, определяя рост социальной дистанции, ограничивая возможность реализации человеческого капитала представителей третьего возраста.

Социальная дистанция может быть определена как степень близости или отчуждения социальных групп и лиц по их положению в обществе. Следует отметить, что этот термин, впервые введенный Г. Зиммелем, в настоящее время широко применяется во многих сферах социологического знания. По Зиммелю социальная дистанция – это близость или отдаление индивидов или групп в социальном пространстве [3. с.216]. П. Сорокин отмечал, что чем больше сходства в положении различных людей, тем ближе они друг к другу в социальном пространстве. Соответственно, социальная дистанция увеличивается при усилении различий [4. с.118].

Представляет интерес точка зрения Э. Богардуса, который, исследуя этнические стереотипы, фиксировал социальную дистанцию на основании согласия респондента с тем, чтобы представитель другого этноса занимал следующие позиции: 1) близкого родственника; 2) личного друга; 3) соседа по улице; 4) коллеги; 5) гражданина моей страны; 6) туриста [5. с.]. В нашем исследовании социальной дистанции социально-демографической группы пожилых в современном обществе с целью определения возможных затруднений реализации человеческого капитала мы использовали подход Э. Богардуса, адаптировав его в соответствии с поставленными задачами..

В ходе нашего исследования, выполненного методом анкетного опроса, респондентам предлагалось указать свое отношение (положительное или отрицательное) к тому, чтобы пожилой человек занимал следующие позиции: Ваш близкий родственник; Ваш друг; учитель Вашего ребенка; Ваш врач; Ваш сосед; Ваш депутат; коллега по работе; Ваш руководитель; Ваш подчиненный; продавец в магазине; кондуктор в автобусе; уборщица, дворник, сторож; турист в Вашем городе.

В табл.1 приведены показатели положительного и отрицательного отношения, а также разница между ними с соответствующим знаком, которую обозначим как интегральный рейтинг (ИР). Таким образом, чем больше положительное значение ИР, тем больше готовность респондентов к социальным контактам с пожилыми людьми в исследуемой области взаимодействий, следовательно, меньше социальная дистанция. И наоборот, высокие отрицательные значения ИР свидетельствуют о стремлении к значительному удалению в социальном пространстве, категорическому неприятию представителей третьего возраста в той или иной социальной роли.

Таблица 1.

Распределение положительных и отрицательных ответов на вопрос: «Как бы Вы отнеслись к тому, чтобы пожилой человек занимал приведенные позиции?»

Позиция	Положит. отношен. Ср. %	Отриц. отношен. Ср. %	Интеграл. рейтинг
Ваш близкий родственник	+77	-5	+72
Ваш друг	+57	-18	+39
Ваш сосед	+44	-19	+25
Ваш врач	+43	-23	+20
Уборщица в офисе, дворник, сторож	+33	-19	+14
Учитель Вашего ребенка	+37	-29	+8
Кондуктор в автобусе	+29	-21	+8
Продавец в магазине	+27	-26	+1
Коллега по работе (учебе)	+30	-32	-2
Ваш руководитель	+30	-32	-2
Ваш подчиненный	+18	-44	-26
Ваш депутат	+16	-44	-28

Как видно из таблицы, наименьшая социальная дистанция по отношению к пожилым людям существует в семейно-бытовой сфере. Позиции близкого родственника, друга или соседа, занимаемые представителями третьего возраста, воспринимаются скорее положительно, нежели негативно. Представляет интерес тот факт, что позиции врача и учителя оказались в нашей шкале в ближайшем соседстве с такими традиционно низкостатусными профессиями как продавец, уборщица и кондуктор. На наш взгляд, такое положение вещей обусловлено тем, что с представителями этих специальностей респонденты взаимодействуют вне семейной и вне профессионально-деловой сфер. Это коммуникации особого рода, когда можно говорить о некой

вынужденности общения, что, возможно, и является объединяющим моментом. Отметим, что в обсуждаемых позициях положительное отношение также преобладает, однако выражено значительно слабее, чем в семейно-бытовой сфере.

Наибольшая социальная дистанция наблюдается в профессионально-деловом пространстве. ИР становится отрицательным, что свидетельствует о преобладании негативного отношения к взаимодействию с представителями третьего возраста в рамках профессиональных отношений. Так, пожилой человек в роли коллеги по работе, а также руководителя воспринимается скорее отрицательно. Категорическое неприятие большинства респондентов вызывает пожилой человек в позиции подчиненного. Максимальный протест, как показало наше исследование, порождает возможность видеть пожилого человека в роли депутата. Это свидетельствует о значительной трансформации общественного мнения: представители старшего поколения больше не ассоциируются с мудростью.

Картина социальной дистанции по отношению к пожилым членам общества становится более ясной при обращении к возрастному распределению выбора вариантов ответов. По большинству позиций существует значительное различие в ответах представителей старшего поколения и других возрастных групп. Так, если в среднем по выборке отрицательное отношение к соседству с пожилым человеком демонстрируют около 19%, то среди возрастных групп от 16 до 46 лет такого мнения придерживается почти треть опрошенных.

Негативный настрой по отношению к занятию пожилым человеком позиции коллеги по работе разделяют более 40% респондентов от 16 до 46 лет. Для сравнения: среди опрошенных 46–55 лет – 15%, в старшей возрастной группе – только 10%. Не хотят видеть пожилого человека в роли руководителя более 35%, а в роли подчиненного – почти половина респондентов от 16 до 55 лет (в среднем по выборке – 32% и 44% соответственно).

Для дальнейшего анализа целесообразно обратиться к выявленной в ходе исследования взаимосвязи уровня дохода респондента и его стремлением к ограничению контактов с пожилыми людьми. В целом обнаруженная тенденция такова: чем выше уровень материального достатка, тем сильнее желание дистанцироваться в социальном пространстве от пожилых членов общества. Отметим, что такая тенденция распространяется как на семейно-бытовую, так и на профессионально-деловую сферу деятельности. Так, отрицательное отношение к тому, чтобы пожилой человек был в роли друга, демонстрируют 10% респондентов, имеющих низкий уровень дохода, 18% опрошеных со средним и 25% с высоким уровнем материального достатка. 30% высокодоходных респондентов выступают против соседства с пожилыми людьми. Для сравнения: среди опрошенных со средним и низким уровнями дохода такого мнения придерживаются соответственно 17 и 11%.

Особенно рельефно рассматриваемая тенденция проявляется в профессионально-деловой сфере. Более половины материально обеспеченных респондентов (55%) отрицательно относятся к возможности занятия позиции коллеги по работе пожилым человеком. Среди опрошенных, имеющих средний и низкий доход, такую точку зрения разделяют соответственно 25 и 13%. В ходе нашего исследования был выявлен очень важный факт - наибольшую социальную дистанцию с представителями третьего возраста стремятся поддерживать руководители предприятий. Так, 57% опрошенных руководителей отрицательно отнеслись к перспективе видеть в качестве подчиненного пожилого человека (в среднем по выборке 44%). У 40% вызывают протест пожилые коллеги по работе. Полученные данные коррелируют с выводами других исследователей. А.В. Писарев отмечает, что меньше половины предпринимателей рассматривают пенсионеров как значительный человеческий потенциал (для сравнения: среди представителей интеллигенции такое мнение распространено значительно шире – 72%). 10% предпринимателей оценивают пенсионеров как экономический и социальный балласт [6. с.56].

На наш взгляд, большая социальная дистанция и меньшая толерантность к представителям пожилого возраста, наблюдаемая среди лиц с высоким уровнем дохода, обусловлены современными ценностными ориентирами в российском обществе. Создание культа экономического благосостояния и личного успеха формирует у людей, добившихся этого, убежденности в выполнении важного социального норматива. Тех же, кто не достиг желаемых финансовых высот, относят к аутсайдерам, не достойным лучшей жизни. Различия, основанием для которых служит доминирующая в обществе система ценностей, становятся чрезвычайно значимыми.

Итак, согласно результатам нашего исследования, наименьшая социальная дистанция по отношению к пожилым людям наблюдается в семейно-бытовой сфере, а наибольшая - в профессионально-деловой сфере, где преобладает негативное отношение к взаимодействию с представителями третьего возраста. Такие тенденции способствуют маргинализации пожилых работников, социальному урезанию возможностей реализации их человеческого капитала.

Список литературы

1. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Экономическая социология. 2002. № 4. С. 20-32.

2. Соболева И.В. Человеческий потенциал российской экономики: проблемы сохранения и развития. М.: Наука, 2012. 172 с.

3. Зиммель Г. Избранное Т.П. Созерцание жизни. М.: «Юристъ Москва», 1996. 608 с.

4. Сорокин П. А. Система социологии. М.: Наука. 1993. 416 с.

5. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2013. 607 с.

6. Писарев А. В. Образ пожилых в современной России // Социологические исследования. 2004. №4. С. 52-60.

УДК 316.485.26

ЭКСТРЕМИЗМ КАК ФОРМА ПРОЯВЛЕНИЯ АГРЕССИИ И НАСИЛИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Н.В. Трошина
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: romanovanv1999@yandex.ru

В статье раскрывается одна из актуальных проблем современного общества – проблема экстремизма, которая находит свое проявление в виде таких негативных форм, как агрессия и насилие. Отмечается, что необходимо учитывать особенности цивилизационного развития общества и современного человека в частности. Делается вывод о важности данной проблемы, анализируются теоретико-методологические и практические способы изучения экстремизма, предлагаются дальнейшие варианты действий с целью предотвращения экстремизма в России.

Ключевые слова: социальная деструктивность, экстремизм, агрессия, насилие, деконструктивизм, современное рискогенное общество.

Extremism as a form of aggression and violence in the modern society

N.V.Troshina

The article reveals one of the topical problems of the modern society - the problem of extremism, which finds its manifestation in the form of forms, such as aggression and violence. Note that it is necessary to consider features of the civilization of a society and the modern man in particular. The conclusion is made about the importance of this issue, analyzes the ways of studying extremism, offers further options to prevent extremism in Russia.

Key words: social destruction, extremism, aggression, violence, deconstructivism, modern risk-causing society.

Бытие современного человека и современного общества представляет собой кризис в большинстве сфер практической деятельности. При этом можно отметить политическую нестабильность, разрушение семьи и ее ценностей, регресс со стороны экономики, усиленную криминогенность, вооруженные конфликты – все это сверхнегативно влияет на духовную жизнь человека, изменяет его мировоззренческие установки, приводит к отхождению от духовно-нравственных ценностей. Именно поэтому представляется актуальным изучение проблемы экстремизма в современном рискогенном обществе и, соответственно, через такие деструктивные его формы как насилие и агрессия.

Несомненно, проблема экстремизма не является новой, но, в силу

того, что в современном мире все больше и больше возникает противоречий между человеком и окружающим его обществом, данное явление необходимо изучать подробнее. С развитием общества, с совершенствованием его различных аспектов можно ощутить нарастание противоречий.

На наш взгляд, современное общество имеет огромные плюсы для человека. Прежде всего, оно дает человеку комфортные условия, совершенствует различные формы получения благ. Но, с другой стороны, можно отметить и такие проявления как, например, отчуждение человека, его социально-экономическую зависимость, возможно, и потерю смысла существования, которые отражаются в длительной ежедневной гонке за стабильностью и успехом. Таким образом, реакция человека на вышеизложенные противоречивые тенденции будет проявляться в деструктивных, девиантных формах поведения, направленных как против самого человека, так и против общества в целом.

Вышеуказанная проблема экстремизма является предметом изучения не только политических, психологических, социологических наук, она является весьма сложной, многогранной проблемой, поэтому и интересна, прежде всего, социальной философии. Понятие экстремизма охватывает множество доктрин, организаций, сообществ, представителей разнообразных культур, религий. Изучая данную проблему с позиции политических аспектов, следует отметить, что отечественные исследователи (О.Ф.Русакова, И.В.Кудряшова, Е.П.Кожушко, Д.В.Ольшанский и другие) не выделяют такие феномены как радикализм и экстремизм в отдельные группы. Возможно, это объясняется тем, что в их основе лежат социально-психологические и социально-политические факторы.

Рассматривая данную проблему с позиции социальной философии, можно отметить, что действительно экстремизм это многоаспектный феномен, представленный в качестве нескольких составляющих. Прежде всего, необходимо выделить идеологический аспект (или мировоззренческий), состоящий из мировоззренческих установок и политических идей, лежащих в основе экстремистских действий. С позиции психологии, на наш взгляд, весьма важен аспект личностно-эмоциональный (или психологический), представленный в виде ментальности, настроя экстремиста на свои действия. Практическим аспектом выступает политико-организационный аспект, выраженный в способах экстремистской деятельности. Представляется важным неразрывная связь всех вышеперечисленных аспектов, которые взаимодействуют с духовными и социально-политическими феноменами.

Исходя из идеологической составляющей экстремизма, в первую очередь в данном аспекте наблюдается такое явление как радикализм. В отличие от понятия «экстремист», понятие «радикал» не несет однозначно негативной оценки, так как в данном случае акцентируется внимание на

ценностях, идеях, а не на каких-либо действиях разрушающего характера, хотя между ними существует взаимосвязь. Становится понятным, что экстремизм является продолжением радикализма.

Исследуя вышеизложенную проблему более подробно, О.Ф. Русакова выделяет шесть основных черт экстремизма, среди которых: правовой нигилизм, фанатичное стремление навязать обществу свои принципы, опора на предрассудки и мифологические представления, неспособность к толерантности, применение «крайних» методов физического и духовного политического насилия (террор, вооруженная агрессия, репрессия, геноцид, ликвидация демократических институтов)[1, с.15]. В данном случае особую значимость в детальном вопросе изучения вышеуказанной проблемы приобретают агрессия и насилие.

По мнению Д.В. Ольшанского, « … в политическом плане экстремизм выступает против сложившихся социальных структур и политических институтов, пытаясь подорвать их стабильность, ослабить и низвергнуть ради достижения своих целей – как правило, силовыми методами. Для этого организуются и провоцируются беспорядки, акты гражданского неповиновения, террористические акции, иногда используются приемы партизанской войны» [2, с.173].

Анализ материалов исследований позволяет сделать вывод, что сущностным аспектом экстремизма является насилие для достижения целей[1-3]. Тем не менее, важно отличать понятие насилие от понятия государственно-правовое принуждение (властное принуждение). П.Е. Суслонов отмечает, что в данном случае понятие «насилие» не тождественно понятиям «сила», «принуждение» [3,с.8-9]. В понятие «насилие», во-первых, мы вкладываем направленность человека. Во-вторых, понятие «сила» относится не только к природе как таковой, но и к сфере взаимоотношений человека.

При определении сущности экстремизма как формы проявления насилия, по мнению западных исследователей, важным является его негативный оценочный смысл. Эмиль Дюркгейм считает насилие «ненормальным средством принуждения»[4,с.110]. Современные исследователи полагают, что насилие вообще должно быть исключено из политики. Так зарубежный исследователь П. Вилкинсон подчеркивает, что использование термина насилие в традиционном смысле слова необходимо для обозначения несанкционированного применения принуждения[5].

Исходя из особенностей развития современного цивилизационного общества, приоритетной ценностью, на наш взгляд, является Человек, его свобода, его права. Немецкий философ И.Кант в своей работе «Метафизика нравов» отмечал, что социальные конфликты и революции неизбежны и естественны, так как природа человека является несовершенной. Тем не менее И.Кант считал экстремизм аморальными и экстремистскими действиями, с антиправовым подтекстом[6, с.11].

Современный социум предъявляет человеку свои крайние меры,

которые напрямую связаны с «ценой», со средствами их достижения. Использование насилия, посягательство на свободу и права человека, по мнению П.Е. Суслонова, можно объединить понятием деконструктивизм, который выделяется в процессе разрушения политической деятельности. Но было бы неверным представлять данную проблему однобоко, так как ключевым моментом, на наш взгляд, может быть диалектический подход к проблеме экстремизма. Выделение «конструктивного-деструктивного» подхода является ключевым моментом в понимании экстремизма. Таким образом, изучаемое деструктивное явление выступает в качестве образа политического действия, которое ориентировано на достижения конкретных целей.

Детально разбирая проблему экстремизма в современном социуме, представляется вся трагичность ситуации как для общества, так и для самого экстремиста. Теоретико-методологическое изучение данной проблемы, опыт работы в качестве психолога ГУЗ «Саратовский областной центр по профилактике и борьбе со СПИДом и инфекционными заболеваниями» за представителями современного рискогенного общества (например, за потребителями инъекционных наркотиков (ПИН), людьми, живущими с ВИЧ/СПИДом (ЛЖВС) (2004-2007гг.), подробный анализ ситуации современного «общества риска» [7, с.383] способствуют пониманию особенностей сознания субъектов экстремистской деятельности, базирующихся на трех установках: допустимость и универсальность насилия, правовой нигилизм, пренебрежение правами и свободой человека[8, с.12].

Известно, что от конкретной персоналии, личности во многом зависит судьба и дальнейшее развитие общества, поэтому разбирая проблему экстремизма с позиции социально-психологического подхода, следует обратить внимание и на психологический склад индивида, тяготеющего к данному виду деятельности.

Выдающийся философ и психотерапевт Вильгельм Райх в своей книге «Психология масс и фашизм» уделяет особое внимание психологии «маленького человека», «порабощенного, стремящегося к власти и в то же время протестующего» [9, с.6]. Он подчеркивает, что все фашистские диктаторы происходят из реакционной среды «маленьких людей».

Именно поэтому мы понимаем такое деструктивное явление как экстремизм, проявляющееся в виде «злокачественной» агрессии, характеризующееся абсолютным господством над другими живыми существами. Понимая «доброкачественную» агрессию в качестве инстинктивного проявления, мы рассматриваем ее в виде ответа на физиологические потребности человека. Оборонительная, «доброкачественная агрессия» необходима индивиду с целью выживания, она исчезает при устранении опасности[10,с.22].

Исходя из вышеизложенного, следует отметить, что деструктивность, напротив, является ответом на экзистенциальные потребности личности.

Первобытные люди жили в сравнительно благополучной среде обитания, в большей мере способствовавшей формированию у них созидательных, а не разрушительных наклонностей. Однако по мере цивилизационного развития у человека не остается права выбора, хотя выбор остается, прежде всего, за самим человеком.

Современные люди не только совершенствуются интеллектуально, становятся успешными в области науки, техники, но и, как неудивительно, деструктивно влияют на самих себя, разрушая себя как телесно, так и духовно. Деструктивно влияя на свое биологическое начало, современный человек сталкивается на жизненном пути с такими негативными ситуациями (аддиктивная зависимость: химические и нехимические формы, и, как следствие может «получить» такое социально-значимое заболевание как ВИЧ-инфекция[11,с.96-99]. Данные явления, соответственно, отражаются на духовно-нравственном начале современного человека, способствуют его изменению сознания, приводят к отчуждению человека от общества, а, значит, могут способствовать появлению таких проявлений как агрессия и насилие[11,с.87-91].

Исходя из предложенного анализа экстремизма, следует наметить некоторые пути решения данной проблемы. Наиболее оптимальным, на наш взгляд, считаем возрождение духовно-нравственных традиций, привитие правильных мировоззренческих установок, сохранение тех духовно-нравственных ценностей, которые закладываются в современном человеке сначала в семье, а потом переходят на современное общество.

Список литературы

1. Рускова О.Ф.Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. Екатеринбург. 2001. С.15.
2. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. СПб., 2002. С.173.
3. Суслонов П.Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма). Екатеринбург, 2013.С.8-9.
4. Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев, 1899.с.110.
5. Wilkinson P. Terrorism and Liberal State. L.: Mc Mittan,1986.
6. Кант И. Метафизика нравов. М., 1966. Т.6. С.11.
7. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000. С. 383
8. Суслонов П.Е. Философия деструктивности (модус религиозного экстремизма). Екатеринбург, 2013.С.12.
9. Райх В. Психология масс и фашизм. Пер. с англ.Ю.М. Донца. М. с.6-8.
10. Трошина Н.В. Философские аспекты социальных рисков в молодежной среде // Общество и человек в стратегиях инновационного развития: Материалы Всерос. науч. конференции «Человек и общество в условиях инновационного развития», посвященной 80-летию СГТУ. Саратов: изд-во «КУБиК», 2010. С.96-99.
11. Трошина Н.В. Безысходность и надежда: философский дискурс // Личность в современном мире: жизненные стратегии, ценности, риски. Материалы научно-практич. конференции под ред. д. и. н., проф. Голуба Ю.Г. Саратов: изд-во «КУБиК», 2011. с.87-91.

УДК 159.9:316.6

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ СВОЕЙ СТРАНЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИНТЕГРИРОВАННОСТЬ ОБРАЗНОЙ СФЕРЫ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

С.В. Фролова, Э.К. Кайргалиева
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: frolovasv71@mail.ru, elvira.kairghaliieva@mail.ru

В статье приводятся результаты сравнительного исследования уровня этнокультурной интегрированности образной сферы представителей России и Казахстана с различным отношением к эмиграции. Для изучения используется методика образно-ассоциативного теста с применением количественной шкалы субъективных оценок. В ходе работы обнаружены высокие показатели этнокультурной интегрированности образной сферы у представителей России и Казахстана, приверженных своей стране и желающих строить свою дальнейшую жизнь в ее пределах.

Ключевые слова: приверженность стране, эмиграционные намерения, образная сфера личности, коэффициент этнокультурной интегрированности образной сферы.

Commitment to their country and ethno-cultural integration of figurative sphere representatives of Russia and Kazakhstan

S.V.Frolova, E.K. Kairgalieva

The article presents the results of a comparative study of the level of integration of ethno-cultural figurative sphere representatives of Russia and Kazakhstan with different attitudes to emigration. As the main tool used by the study method of figurative tests with subjective scale quantitative assessments. The work found the same high integration of ethno-cultural figurative sphere representatives of Russia and Kazakhstan, committed to his country and who want to build their future life within it.

Key words: commitment to the country, emigration intentions figurative sphere of personality, the coefficient of ethno-cultural integration figurative sphere.

Решение задачи прогнозирования текучести и социальной мобильности индивидов тесно связано с изучением проблемы приверженности человека социальной общности. Начало современным исследованиям приверженности, под которой в широком значении понимается привязанность индивида к некоему образу действий, лицу или группе, положила статья Г. Беккера [8]. Существуют попытки разграничить приверженность работе, профессии, организации, группе.

Однако, столь актуальная на сегодняшний день проблема приверженности социальной (гражданской) общности, или приверженности стране, пока еще не получила должного научного внимания. Психологическая приверженность своей стране, по нашему мнению, является когнитивно-эмоциональным, динамическим, целостным образованием, выраженным в субъективных представлениях индивида о ценности для него различных аспектов жизни своей страны, ее привлекательности, перспективности в удовлетворении его ведущих потребностей.

Одним из наиболее показательных критериев приверженности стране является отношение к эмиграции. Вопросы миграции за последние десятилетия становились предметом многих научно-психологических работ представителей разных стран [1, 3, 9, 10 и др.]. Проводимые ранее наши исследования позволили выявить особый интерес молодого поколения России к построению своих жизненных и карьерных стратегий через эмиграцию [6, 7].

Наиболее полная объяснительная и прогностическая модель факторов приверженности своей стране, на наш взгляд, включает 1) личностные характеристики человека; 2) характеристики социальной общности, ее нормы и ценности, материальные и нематериальные ресурсы, обладающие разной степенью привлекательности для человека; 3) особое ментальное пространство – «социально-психологическое пространство личности», в котором социальные объекты, в том числе группы и социальные общности, преломляясь сквозь мир индивидуальных ценностей, отношений и смыслов, выстраиваются субъектом в систему позитивно, нейтрально или негативно значимых объектов или явлений (Журавлев, Купрейченко, 2012, с. 24-25); а также 4) социокультурную ситуацию как совокупность макросоциальных процессов и изменений, детерминирующих характеристики личности, группы и взаимодействие между ними.

Как замечает Э. Тоффлер, никогда еще отношения человека с местом проживания не были столь хрупкими и недолговечными в связи с попыткой адаптации к глобальным, все ускоряющимся переменам в обществе [11]. Очевидно, что не сами по себе социокультурные условия и характеристики социальной общности определяют приверженность ей человека. Они преломляются сквозь систему субъективных представлений, ценностей и отношений человека. Одной из таких систем преломления является образная сфера личности как целостная, многомерная, многоуровневая, динамическая система «внутренних» или вторичных образов, переживаемых в отсутствие непосредственно воздействующих стимулов в качестве их прообразов [2], включающая обобщенные образы реальности, образ «Я», образы групп и социальных общностей, в отношения с которыми человек вступает или собирается вступить. Образная сфера может включать также образы мифологического содержания, актуализация которых связана с переживаниями духовно-нравственных и религиозных смыслов, имеющих в своей основе нечто общее, универсальное и архетипическое для людей одной культуры.

Система внутренних образов помимо функции отражения внешней реальности и внутреннего мира личности выполняет функции регулирования и программирования поведения. Определяющим в осуществлении данных функций является, по нашему мнению, ядро образной сферы, представленное, наиболее значимо пережитыми образами воспринимаемой реальности.

Современный человек живет в условиях поликультурной и этнокультурно мозаичной среды, широкой доступности экранных образов. Образная сфера личности, являясь во многом отражением внешней реальности, сама может рассматриваться как этнокультурно мозаичная. Положительно значимо пережитые образы восприятия и представления своей страны с ее уникальной этнокультурной средой обладают функцией интеграции человека с этнической общностью своей страны и способствуют, по нашему мнению, формированию приверженности ей. Более широкому изучению этнической функции различных элементов среды для психики человека посвящены исследования А.В. Сухарева [5]. Функцию дифференциации (разобщения) человека и этнической общности страны осуществляют положительно значимо пережитые образы зарубежья, а также негативно значимо пережитые образы восприятия своей этнической общности. В содержании образной сферы современного человека обязательно присутствуют как образы, интегрирующие личность с его реальной этнической средой, так и дифференцирующие с ней. Для определения степени этнической интегрированности образной сферы человека нами был предложен специальный показатель – коэффициент этнокультурной интегрированности образной сферы (I_e), который может быть установлен путем вычисления отношения фиксируемого числа положительно значимо пережитых этнически согласованных элементов образной сферы человека (i_{c+}) к числу этнически дифференцирующих элементов образной сферы (i_d):

$$I_e = \frac{i_{c+}}{i_d}, \text{ где } i_d = i_n + i_{c-}$$

Этнически дифференцирующие элементы образной сферы личности включают в себя положительно значимо пережитые этнически рассогласованные образы (i_n) и отрицательно значимо пережитые этнически согласованные образы (i_{c-}).

Можно предположить, что при возникновении психологической приверженности человека своей стране существенную роль играет уровень этнокультурной интегрированности образной сферы, высокие значения которого могут служить консолидации человека с социальной общностью его страны и усиливать потенциал социально-психологической адаптации, создавая условия для построения жизненных стратегий внутри страны.

Чтобы проверить выдвинутые предположения, нами было предпринято исследование с использованием метода структурированного психологического интервью, позволяющего выявлять приверженность

своей стране и эмиграционные намерения, а также разработанного нами образно-ассоциативного теста, позволяющего выявлять наличие в образной сфере положительно и отрицательно значимо пережитых образов этнических общностей своей страны и других стран. В исследовании приняли участие 370 представителей России (250 человек) и Казахстана (120 человек) в возрасте от 18 до 25 лет.

Испытуемым предлагалось представить образы различных аспектов жизни в своей стране и за рубежом и оценить привлекательность и силу значимости этих образов с помощью субъективной шкалы оценок. Предварительно проведенные испытания позволили установить значение коэффициента корреляции, характеризующего надежность методики, равное 0,81, что считается довольно высоким показателем.

Сравнение средних значений по показателям функционирования образной сферы позволило выявить достоверные различия между потенциальными эмигрантами и теми молодыми людьми, которые хотели бы строить свою жизнь в пределах своей страны ($p \leq 0,0$). Удалось также обнаружить, что значения коэффициента этнокультурной интегрированности образной сферы в выделенных группах с различным отношением к эмиграции практически совпадали у молодых людей России и Казахстана. Коэффициент этнокультурной интегрированности образной сферы (I_e) личности наибольшее значение принимает у молодых людей, желающих строить свою дальнейшую судьбу в своей стране (для представителей России в данной группе $I_e = 1,75$; для представителей Казахстана – $I_e = 1,77$), а наименьшее – у лиц с намерением эмигрировать безвозвратно (для представителей России в данной группе $I_e = 0,53$; для представителей Казахстана – $I_e = 0,50$). Промежуточные значения коэффициента этнокультурной интегрированности образной сферы (I_e) личности фиксируются у желающих лишь временно покинуть свою страну (для представителей России в данной группе $I_e = 0,75$, для представителей Казахстана – $I_e = 0,76$).

Таким образом, наши предположения, касающиеся связи между степенью этнокультурной интегрированностью образной сферы и приверженностью личности своей стране, подтвердились. В системной модели факторов приверженности личности социальной общности своей страны наряду с такими факторами, как социокультурная, экономическая ситуация, личностные характеристики, свойства и ресурсы социальной общности, играет значение и то, какие образы воспринимаются и значимо переживаются человеком еще с самого раннего детства. Для большего психологического благополучия жизни внутри своей страны важно знакомство с различными аспектами ее действительности, вызывающими положительно значимые переживания, а также эмоционально-когнитивное постижение мира материальных и духовных, природных и культурных ценностей своей социальной общности в различных временных преломлениях: в настоящем, историческом прошлом, и даже возможном будущем.

Список литературы

1. Бондырева С.К. Миграция (сущность и явление) / С.К. Бондырева, Д.В. Колесов. – М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2004. – 296 с.
2. Гостев А.А. Психология вторичного образа. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 512 с.
3. Гриценко В.В. Ценностно-нормативные основы интеграции этнических мигрантов в российское общество / В.В. Гриценко, Т.Н. Смотрова; Смоленский гуманитарный ун-т, Балашовский филиал Саратовского гос. ун-та им Н.Г. Чернышевского. – Смоленск: Универсум, 2008. – 150 с.
4. Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Социально-психологическое пространство личности. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2012. – 496 с. С. 24, 25.
5. Сухарев А.В. Этнофункциональная парадигма в психологии. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2008. – 576 с.
6. Фролова С.В. Представления современной молодежи об эмиграции как успешной жизненной и карьерной стратегии // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 4. С. 97-100.
7. Фролова С.В. Смыслообразующие факторы эмиграционных намерений студентов // Психологический журнал. – 2006. – Том 27. - № 3. – С.58-67.
8. Becker H.S. Notes on the concept of commitment // American Journ. of Sociology. 1960. V. 66. N.1. P.32-40.
9. Boneva B. Achievement, Power and Affiliation Motives as Clues to (E)migration Desires: A Four-Countries Comparison / B. Boneva, I.H. Friese // European Psychologist. 1998. Vol. 3. № 4. P. 247-255.
10. Lifton R.J. Understanding the traumatized self // Human adaptation to extreme stress / R. J. Lifton. N.Y.; L, 1988. P. 7-31.
11. Toffler A. Future shock. N.Y.: Random House, 1970. 362 p.

УДК 616-092.11-058(048.8)

ИССЛЕДОВАНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ В КЛИНИЧЕСКОЙ ПРАКТИКЕ

А.И. Хворостухина, М.М. Орлова
Саратовский государственный медицинский университетр им. В.И. Разумовского, Россия
E-mail: khvoralla@mail.ru

В статье раскрыты определения понятий качества жизни и составляющих его аспектов. Оценка качества жизни может рассматриваться интегральным восприятием собственной жизни в параметрах благополучия, удовлетворенности или неблагополучия и неудовлетворенности. Критериями благополучия выступают социальные и физические составляющие жизнедеятельности, рассматриваемые как с объективной, так и с субъективной точки зрения.

Ключевые слова: качество жизни, критерии благополучия, пациенты

Study of the quality of life in the clinical practice
A.I. Khvorostukhina, M.M. Orlova

The article reveals the definitions of the quality of life and its composition aspects. The quality of life can be considered an integral perception of their own lives in the parameters of well-being, satisfaction or dissatisfaction and distress. Welfare criteria are social and physical aspects of life, regarded as an objective and a subjective point of a view.

Key words : quality of life, well-being criteria, patients

Интерес исследователей к понятию качества жизни продиктован, прежде всего, возможностью исследовать интегральную характеристику жизнедеятельности и социума [1, с. 65].

Л.А. Фиглин выделяет две концепции категорий качества жизни: «индивидуалистическую» и «трансцендентальную» [4, с. 266], в зависимости от степени успешности осуществления своих желаний и реализации функций субъекта в широком социальном смысле.

Понятие «качество жизни» многозначно и трактуется как существование (бытие) в психосоциальных аспектах, как количественные характеристики функционирования личности в таких показателях, как: болезнь, смерть, симптом, прогноз, как особенности удовлетворения материальных и культурных (духовных) потребностей людей или как комплексный показатель физического, психического и социального благополучия, то есть качество жизни отождествляется с понятием здоровья или жизни. Термин качество жизни вошел в медицинскую терминологию и все чаще используется как в научных исследованиях, так и в клинической практике. Всемирная организация здравоохранения определяет термин «качество жизни» как восприятие индивидуумом его положения в жизни в контексте культуры и системы ценностей, в которых он живет, в соответствии с целями, ожиданиями, стандартами и интересами этого индивидуума [3, с. 66].

Термин «качество жизни» в 1947 году ввел американский врач D. Karnofsky, предложив описание влияния рака на пациента с помощью нефизиологических методов описания. Изначально качество жизни оценивали у онкологических больных для выработки оптимальной лечебной тактики.

Аспекты качества жизни, которые связаны со здоровьем, получили общее название «связанное со здоровьем качество жизни» (англ. Health related quality of life).

Качество жизни определяют как интегральную характеристику физического, психического и социального функционирования человека, основанную на его субъективном восприятии [5, с. 50].

У концепции качества жизни можно выделить два аспекта. Во-первых, при его оценке принимаются во внимание разные сферы жизни

пациента, как напрямую связанные с состоянием здоровья, так и зависящие от состояния здоровья косвенно. При оценке качества жизни пациента учитывают физическую, психологическую, социальную, экономическую, духовные стороны его жизни. Во-вторых, оценка основывается в первую очередь на мнении самого больного, его субъективном восприятии качества жизни по тем или иным аспектам.

Повышение качества жизни может являться либо основной, либо дополнительной целью лечения. Повышение качества жизни является основной целью лечения, если заболевание не может привести к сокращению продолжительности жизни (например – гастрит) или, напротив, если заболевание неизлечимо (например последние стадии рака) и непременно приведет к смерти больного. В последнем случае улучшение качества жизни остается единственной целью лечения. Дополнительной целью повышение качества жизни является, если заболевание может привести к сокращению жизни (например - наличие онкологии на ранних стадиях, гипертоническая болезнь и др.)

Для оценки эффективности проводимого лечения в медицине традиционно используют составляющую - клинического ответа, а также в настоящее время используют составляющую качества жизни. При этом исследуют состояние физических, психологических и социальных функций пациента в процессе проводимого лечения. Качество жизни может зависеть от состояния здоровья, коммуникаций в социуме, психологического и социального статуса, свободы деятельности и выбора, от стрессов, организованности досуга, уровня образования, доступа к культурному наследию, социальному, психологическому и профессиональному самоутверждению, адекватности коммуникаций и взаимоотношений.

Таким образом, оценка качества жизни может рассматриваться интегральным восприятием собственной жизни в параметрах благополучия, удовлетворенности или неблагополучия и неудовлетворенности. Критериями благополучия выступают социальные и физические составляющие жизнедеятельности, рассматриваемые как с объективной, так и с субъективной точки зрения. В этом отношении понятие качество жизни имеет сходство с понятием социально психологической ситуации.

Качество жизни как психологический феномен реализует субъектность и субъективность внутреннего мира человека и связан как с прошлым опытом, так и с целями и ценностями.

В исследованиях В.А. Ананьева, были выделены характеристики эмоционального благополучия человека: адекватная самооценка и уважение собственной личности, способность адаптироваться к меняющимся условиям, способность эффективно удовлетворять свои потребности, уверенность человека в том, что он сам в значительной мере управляет своей жизнью, относительная независимость,

способность человека активно преодолевать жизненные разочарования, способность заботиться о других людях, способность доверять и чувство принадлежности ко всему сообществу людей, способность творить [2, с. 384]. Качество жизни, как интегральное отношение личности, является ценностным переживанием, связанным с жизненной ситуацией и самоотношением, имеющим смыслообразующую функцию и определяющим цели развития и жизнедеятельности субъекта.

Основным инструментом оценки качества жизни пациентов являются специально разработанные опросники, которые бывают общие (SF-36) и специализированные. Применение специальных методик – анкет-опросников – позволяет оценить количественно субъективные представления больного о качестве своей жизни, представляя, таким образом, более объективную информацию, подлежащую формализованной обработке.

Критерии включения – информированное согласие больного на участие в исследовании, способность заполнить опросники, отсутствие психических заболеваний и осложнений сопутствующих заболеваний, симптоматика которых доминирует по отношению к основному заболеванию.

Кроме сбора данных с помощью опросников, оценка качества жизни также включает объективное обследование больных, статистическую обработку, анализ и интерпретацию данных.

С 1970-х годов для расчетов соотношения стоимости и эффективности лечения было предложено использовать величину QALY (quality-adjusted life years) – годы жизни с поправкой на качество. Это условная интегральная величина, учитывающая продолжительность жизни пациента и ее качество. Для ее расчета необходимо каждый год, прожитый больным, умножить на коэффициент, отражающий качество его жизни. Коэффициент может принимать значения от 1,0 (абсолютное здоровье, максимальное качество жизни) до 0,0 (смерть). При этом один год, прожитый с наилучшим состоянием здоровья прибавляет к величине 1 год, прожитый качественно. Год, прожитый с коэффициентом качества жизни 0,6 прибавляет 0,6 и т.п. Таким образом, при расчете эффективности лечения, например, два года жизни с коэффициентом 0,5 приравниваются к одному году с коэффициентом 1,0.

Учитываю сохраняющуюся высокую заболеваемость онкологичесими заболеваниями, актуальной остается проблема улучшения качества жизни данной группы пациентов. Гемобластозы играют важную роль в формировании психологических и социальных проблем, связанных с трудностями общения, создания семьи, инвалидизацией и другими, которые не охватываются описанием только последствий заболевания для физиологического статуса пациента, поскольку социальный и психологический компоненты здоровья, по сравнению с физическим, имеют равное или даже большее значение для

пациента. С нашей точки зрения вопросы для изучения качества жизни можно сруппировать в несколько блоков: состояние физического здоровья, удовлетворенность медицинской помощью (медицинское наблюдение и обслуживание) и служб социальной защиты, психологическое состояние, отношения с родными и друзьями, экономические и бытовые условия, рациональное питание, занятие физической культурой, учебная и трудовая деятельность, хобби и увлечения, посещение культурно-массовых мероприятий, вера в Бога и соблюдение обрядов, участие в общественной жизни.

Оценка качества жизни, на наш взгляд, может рассматриваться как механизм, соединяющий объективную и субъективную стороны ситуации здоровья и болезни.

Таким образом, качество жизни является интегративным психологическим образованием, основанным как на восприятии своей телесности, так и на социально-психологических механизмах в параметрах благополучия и удовлетворенности.

Оценка качества жизни здоровыми и больными людьми производится с точки зрения мотивов жизнедеятельности и может рассматриваться как субъективная составляющая ситуации здоровья и болезни.

Как интегральное отношение личности, качество жизни является ценностным переживанием, которое определяет субъективный характер ситуации здоровья и болезни, связанный с оценкой этой ситуации в отношении смыслообразующих мотивов и структуры идентичности, что определяет адаптационные стратегии больного.

Формирование оценки качества жизни связано с основными механизмами социализации личности: сдвиг мотива на цель, идентификацией себя со здоровым или больным человеком и инвалидом, адаптацией к социальным ролям здорового или больного человека, что трансформирует характер социальных взаимодействий.

Оценка качества жизни может рассматриваться как мета или социально-психологический уровень внутренней картины болезни.

Список литературы

1. Айвазян С.А. Сравнительный анализ интегральных характеристик качества жизни населения субъектов Российской Федерации/ С.А. Айвазян. – М.: ИЭМИ РАН, 2001. – С. 65.

2. Ананьев В.А. Основы психологии здоровья в 2 книгах. Кн.1. Концептуальные основы психологии здоровья. Спб.: Речь, 2006. – 384 с.

3. Кон Я.И. Качество жизни у больных с сердечно-сосудистыми заболеваниями / Я.И. Кон, Р.А. Либис //. 1993. – С. 66

4. Фиглин Л.А. Социальное управление и развитие на основе качества: дис…д-ра социол наук. Л.А. Фиглин. – Саратов, 2003. – С.266.

5. Хетагурова А.К. Вопросы качества жизни в современной паллиативной медицине /А.К. Хетагурова // Вопросы управления здравоохранением. – 2003. - №6. – С. 50.

УДК 330.142:001.895

ИННОВАЦИОННЫЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ: ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ

Т.В. Черевичко
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: cherevichko@inbox.ru

В статье рассматривается инновационный человеческий капитал как один из факторов становления современной модели «открытых инноваций». Отличительной особенностью инновационной модели развития национальных экономик является значительная мобильность высококвалифицированных специалистов, что обусловило формирование нового типа человеческого капитала.

Ключевые слова: инновационный человеческий капитал, глобальная мобильность, инновационное развитие.

Innovative human capital: the main factors of development

T.V. Cherevichko

This article is devoted to innovative human capital as one of the factors of modern formation of “open innovations”. A distinctive feature of innovative development model of national economies is the significant mobility of highly qualified specialists which is caused the formation of new human capital.

Key words: innovative human capital, global mobility, innovative development.

Ключевым фактором современного экономического развития становятся инновационные технологии. В настоящее время происходит смена парадигмы инновационного развития, в рамках которой национальные экономики переходят к модели «открытых инноваций». В данной модели наряду с инновациями и наукоемкими технологиями, решающее значение приобретает и инновационный человеческий капитал. Его основу составят креативно мыслящие, обладающие предпринимательскими способностями специалисты в области технических и естественных наук, маркетинговых и управленческих технологий [1, с.68].

Несмотря на длительные исследования, категория «человеческий капитал» в научной литературе, все еще остается достаточно дискуссионной. Так, человеческий капитал определяют и как капитал в виде умственных способностей, полученный посредством образования, либо через практический опыт, и как одну из важнейших форм капитала, определяемую в качестве производственных возможностей, воплощенных

в человеческих существах. Ряд авторов отмечает, что человеческий капитал неоднороден, имеет сложную внутреннюю структуру, развивающуюся во времени.

Отмеченные характеристики отражают разные стороны категории «человеческий капитал», его уровень и формы развития. Классическая экономическая школа считает капиталом человеческие способности, так как они – неотъемлемое, личное достояние человека. Для развития человека требуется значительное количество ресурсов, но эти затраты предполагают получение в будущем определенного дохода, который имеет свойство накапливаться.

В качестве характерных особенностей категории «человеческий капитал» можно назвать следующие:

- В современных условиях человеческий капитал является главным фактором экономического роста. Это наиболее ценный ресурс, гораздо более важный, чем природный, хотя и производственные запасы являются краеугольным камнем конкурентоспособности, экономического роста и эффективности.

- Формирование человеческого капитала требует от самого человека и всего общества значительных затрат. Однако инвестиции в человека, если они рациональны, создают наиболее прочную основу устойчивого развития общества.

- Человеческий капитал в виде навыков и способностей является определенным запасом, то есть может накапливаться.

- Вложения в человеческий капитал дают довольно значительный по объему, длительный по времени и интегральный по характеру экономический и социальный эффект. Страна, не умеющая развивать знания и способности людей и эффективно использовать их в экономике, обречена на неудачу и во всех других начинаниях.

- Инвестиционный период у человеческого капитала значительно длиннее, чем у физического (у такой формы вложения, как образование, инвестиционный период может достигать 12-20 лет, а инвестиции в капитал здоровья осуществляется на протяжении всей жизни).

- Человеческий капитал неотделим от его носителя – живой человеческой личности.

- Независимо от источников формирования, которые могут быть государственными, семейными, частными, использование человеческого капитала контролируется самим человеком.

Согласно теории человеческого капитала основными направлениями инвестиций в человеческий капитал выступают расходы на образование, на здравоохранение и на его мобильность (потенциальную миграционную активность). Инвестиции в человеческий капитал по всем направлениям повышают качество рабочей силы и часто способны дать больший производственный эффект, чем рост числа занятых.

Современный мир отличается повышенной миграционной активностью, что обусловлено формированием качественно нового

«квантового общества», отличительной особенностью которого является унифицированная культура и высокая мобильность.

Однако следует отметить, что исследование проблемы взаимосвязи развития человеческого капитала и миграции долгое время находилось вне русла экономических исследований.

По нашему мнению, развитие человеческого капитала осуществляется не только во времени, но и в экономическом пространстве. Экономическое пространство всегда территориально локализовано. Каждый человек заинтересован в более полной реализации своих собственных способностей и потребностей не только во времени, но и в пространстве, причем осуществить это возможно только в процессе миграции. В этом случае о миграции, как таковой можно сказать очень немного: она не самостоятельно и отдельно от человека существующая реальность, а лишь способ его действия.

Но если миграция всегда есть действие, совершаемое пространственно определенным субъектом, то оно само есть действие, выраженное также и пространственно. Иными словами миграция – это то пространственное действие, где осуществляется реализация человеческого капитала. Именно поэтому между миграцией и человеческим капиталом не может быть причинно-следственных отношений. Это обусловлено тем, что миграция и человеческий капитал вовсе не два разных, порознь существующих явления и поэтому взаимодействующие, а одно и то же явление, только рассматриваемое в двух разных аспектах.

Между человеческим капиталом и миграцией существует не отношение причины – следствия, а отношение субъекта со способом его собственного действия. Миграция человеческого капитала не может вызвать изменений в миграции, не может воздействовать на процесс миграции, так как его существование в качестве «мигрирующего» и есть миграция. Если человеческий капитал не мигрирует, то не происходит его пространственного движения, его динамика пространственно ограничена. Миграция – это пространственно выраженное действие человеческого капитала, само действие, а не результат (продукт) действия.

Результатом (продуктом) миграции может быть исключительно пространственно выраженное, пространственно зафиксированное изменение в положении субъектов миграции (носителей человеческого капитала) по отношению к объектам миграции (рабочим местам, регионам, странам). Миграция не вызывает пространственно выраженного изменения в человеческом капитале, а существует через него (внутри него), как и наоборот: всякое самое минимальное изменение внутри человеческого капитала, вызванное воздействием на него различных факторов (сил), непосредственно выражается для него некоторый сдвиг в его способе действия (реализации, осуществлении), то есть в миграции.

Определяя человеческий капитал как запас экономически продуктивных человеческих способностей, который увеличивается за счет вложений на питание, образование, здоровье, профессиональную

подготовку, не следует забывать, что параллельно, с течением времени, этот запас обесценивается (в связи с физическим износом человека, с утратой им знаний и возможностей). В этом случае миграция является не просто процессом перемещения человека для удовлетворения его потребностей, его способностей и возможностей как во времени, так и в экономическом пространстве, но и формой реализации человеческого капитала. Человек в своей основе всегда мобилен. Его мобильность, его способность к миграции, его потенциальная миграционная активность возникают и изменяются под влиянием развития общества и в силу динамики его внутренних противоречий. Их разрешение создает новый импульс к движению, что порождает новый уровень интересов, стремление к удовлетворению потребностей.

На наш взгляд, существующая связь между миграцией трудоспособного населения и человеческим капиталом проявляется следующим образом: с одной стороны, миграция – это форма реализации человеческого капитала, с другой – миграция – это специфическая форма накопления человеческого капитала, включающая подвижность и неподвижность субъектов миграции. В данном случае под «формой» следует понимать некую границу, разделяющую две стороны одного процесса; каждая сторона является исходной для совершения следующего действия (а значит, времени и пространства) – то ли для накопления тождества, то ли для тог, чтобы пресечь границу и, реализуясь, начиная со следующего действия исходить из другой стороны, особой причины. Иными словами, это реальный процесс производства, накопления и реализации знания как субстанции субъекта миграции – процесс, превращающих мигрантов в связующее звено, с помощью которого страны происхождения втягиваются в глобальную экономику.

Мигрант представляет собой «персонифицированное» знание, опыт. Причем для него знание, накопленное человечеством, выступает одновременно и как исходный пункт, и как цель его движения. Его личное участие в процессе производства и накопления знания заключается в том, чтобы приплюсовать к исходному знанию (полученному в процессе образования) новое, которое осуществляется через его реализацию, его воплощение в практической деятельности.

Современные подвижные и децентрализованные структуры производства знаний используют миграцию человеческого капитала для широкого и гибкого взаимодействия со средой знания. Страны, попавшие в подобные магнитные поля через создание высокотехнологичных центров, используя опыт и знания соотечественников, сами начинают притягивать человеческий капитал высшей квалификации, создают агломерационный эффект, принимают участие во всемирном «мозговом центре».

Следует отметить, что процесс производства и накопления знания никогда не начинается «с самого начала», а осуществляется как совершенствование уже наличного знания, как преобразование уже

накопленного. Иными словами, имеет место процесс расширенного воспроизводства знания, посредством миграции – воспроизводство высокопрофессионального инновационного человеческого капитала.

Если фиксировать формы, которые возрастающее знание в процессе миграции попеременно принимает (накопленное знание – его применение – дальнейшее накопление знания), то можно сказать, что исходное знание мигранта «саморазвивается». Так как движение (миграция), в котором мигрант присоединяет к себе новое знание, есть его собственное движение, следовательно, его развитие есть самовозрастание знания. Иначе говоря, мигрант получает некую способность производить знание в силу того, что он сам является носителем знания. В рамках развиваемой нами концепции можно предположить, что по мере развития общества мигрант все менее является носителем просто человеческого капитала и все более становится носителем инновационного человеческого капитала.

В настоящее время в мировой экономике происходит трансформация традиционных форм миграции, в частности, эмиграция и возвращение мигрантов в транснационализм человеческого капитала. Как отмечают специалисты, типичный цикл для экспатрианта составляет 10-15 лет. Именно по прошествии этого периода отдача от профессионалов-мигрантов и возможность внести вклад в развитие страны происхождения максимальны. 80-90 % индийских и китайских профессионалов-мигрантов связаны с бизнесом в собственной стране и совершают туда более пяти поездок в год. Китайское правительство, осознав роль циркуляции и рециркуляции профессионалов в поддержании научно-технических контактов, создало льготные условия для выезда и возвращения ученых, посвятивших себя научно-исследовательской работе. Время пребывания их за границей продлено до пяти лет с разрешением многократных поездок туда и обратно [2, с.55].

Конкурентоспособность национальных экономик напрямую связана с мобильностью профессионалов мигрантов – инновационного человеческого капитала, способным преобразовывать информацию и знания в материальный инновационный продукт или услугу.

Принимая во внимание углубления глобальных процессов и наличие неравномерного развития национальных экономик, следует отметить, что миграция инновационного человеческого капитала будет возрастать, причем очень высокими темпами.

То, что начиналось, как «утечка умов» сегодня приводит к «обогащению умов», осуществляемому в форме возвращения, либо циркуляции. А национальные инновационные системы выступают конкурентами на рынке высококвалифицированного труда.

Итак, инновационный человеческий капитал и его развитие обусловлено следующими факторами.

1.Расширение глобальных процессов. Глобализация – это необратимый процесс, в результате которого над географически и исторически сложившимися пространствами городов, стран складывается

новое информационное пространство, которое организовано вокруг новых информационных потоков. В рамках нового пространства повышается скорость передачи информации, знаний и опыта.

2. Трансформация миграции человеческого капитала, что обусловлено размыванием реальных и виртуальных границ между объектами коммуникации, отменой барьеров, препятствующих внешней миграции. В результате чего получила развитие особая форма миграции инновационный человеческий капитал – «циркуляция умов», позволяющая создавать, распространять и коллективно использовать знания, методы и технологии и стимулировать, таким образом, развитие национальных экономик [1, с.75].

3.Становление трансграничной карьеры. Занятость в трансграничных компаниях способствует формированию инновационного человеческого капитала, благодаря приобретению новых знаний. Рост карьеры осуществляется за счет перемещения из одной страны в другую в рамках подразделений транснациональных компаний.

Таким образом, условием развития инновационного человеческого капитала является миграция труда, обеспечивающая его скорость оборачиваемости и способствующая повышению его качества.

Список литературы

1. Чередников О. Высокотехнологичные стартапы в мире и в России// Мировая экономика и международные отношения. 2013.№10. С. 68-75.

2.Глущенко Г. Транснационализм мигрантов и перспективы глобального развития// Мировая экономика и международные отношения. 2005.№12.С. 50-57.

3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000

УДК 331.1

АНАЛИЗ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ РЕСУРСОВ РОССИИ

Е.В. Яхварова

Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Россия

E-mail: yahvarova@yandex.ru

Статья посвящена анализу конкурентоспособности человеческих ресурсов на рынке труда России. Анализируется состав и структура российских безработных по возрастным группам, по уровню образования, по профессионально-квалификационным характеристикам. Выявлена несбалансированность между спросом и предложением на рынке труда.

Ключевые слова: человеческие ресурсы, рынок труда, конкурентоспособность, безработица, спрос и предложение на рынке труда.

The analysis of the competitiveness of human resources in Russia

E.V. Yahvarova

The paper is devoted to analysis of the competitiveness of human resources on Russian labour market. The structure of Russian unemployed people is analyzed in the context of the level of professional education, of professional characteristics and of age groups. The imbalance between supply and demand on the labour market is identified.

Key words: human resources, labour market, competitiveness, unemployment, supply and demand on the labour market supply and demand on the labour market.

На современном этапе экономического развития общества одной из тенденций является существенное влияние конкуренции на всех участников рынка. Конкуренция как движущая сила рыночного механизма вынуждает субъектов экономической деятельности постоянно искать пути повышения своей конкурентоспособности. Процессы глобализации, интеграции и внедрение инновационных технологий обусловили спрос на человеческие ресурсы с высокими конкурентными преимуществами, которые смогут обеспечить экономический рост, повышение эффективности и устойчивости государства. Исследование конкурентоспособности человеческих ресурсов необходимо для определения эффективности функционирования рынка труда, сферы образования, здравоохранения и др.

На рынке труда получает оценку стоимость рабочей силы (величина заработной платы), определяются условия ее найма, условия труда, гарантии занятости, профессионального продвижения. Уровень конкурентоспособности человеческих ресурсов характеризует степень соответствия качества имеющейся рабочей силы (физиологические, возрастные, образовательные, профессиональные, квалификационные, социальные характеристики) требованиям и структуре рабочих мест, а также условиям найма работников на рынке труда.

В настоящее время в России наблюдается несоответствие между спросом и предложением рабочей силы, вызванное недостаточной конкурентоспособностью определенных групп лиц, что выражается в существовании безработицы.

Анализ состава безработных в России в 2012 году показал, что во всех федеральных округах преобладают безработные среди молодёжи в возрасте от 20 до 24 лет, превосходя в полтора раза следующую группу (30-39) по численности безработных. Такая ситуация объясняется тем, что молодые специалисты впервые выходят на рынок труда и не сразу могут найти подходящее место работы в силу невысокой конкурентоспособности (отсутствие опыта, практических знаний). Следует отметить, что распределение по возрастным группам по всей России примерно

одинаковое. Так на уровне 20-25% от всех безработных ПФО находится безработица среди граждан, в возрасте от 30 до 39 лет, а чуть ниже, на уровне 15-20% - безработица для возрастной группы 40-59 лет. Безработица среди молодёжи до 20 лет держится на сравнительно низком уровне в 5-8% от всей численности безработных, что связано с тем, что преобладающее число лиц данного возраста заняты в учебных заведениях (школы, колледжи, университеты) и тем самым не может быть отнесено к безработным. [1]

Считается, что у более образованного индивида вероятность получения рабочего места выше, ввиду наличия у него преимущества по сравнению с остальными. Анализ состава безработных по уровню образования в 2012 году показал, что наибольшую долю безработных составляют лица, которые имеют только среднее (полное) образование. Наиболее ярко это наблюдается в Северо-Кавказском федеральном округе, где безработные, имеющих только аттестат о среднем образовании, составляют более половины всех безработных. Это самая неконкурентоспособная группа лиц по уровню образования.

Анализ безработных, которые имеют какие-либо профессиональные навыки, показал, что при увеличении уровня образования (от начального до высшего профессионального) доля лиц, не имеющих работу, уменьшается. Так, безработные с начальным профессиональным образованием составляют 20-25% от итога; со средним профессиональным образованием – 18-23%; с высшим профессиональным образованием – 13-20% .

Одной из проблем, снижающей конкурентоспособность работника, является трудоустройство не по полученной профессии. По данным Росстата по профессии работают лишь 40 % россиян, 10% населения работает по специальности, близкой к полученной.

Рейтинг самых востребованных профессий в России непрерывно меняется – некоторые профессии, которые ещё несколько лет назад были крайне востребованы, сегодня оказались абсолютно ненужными. ТОП востребованных профессий 2012 года возглавили рабочие. На российском рынке труда квалифицированный рабочий является самым востребованным специалистом: более 13% спроса работодателей составляют наименования различных рабочих специальностей. На втором месте по степени востребованности стоят менеджеры по продажам (11,2% вакансий). Продавцы (6,9% запросов) и инженеры (5% запросов) занимают третье и четвертое место в списке. Почти не изменились позиции водителей (3,6%), разнорабочих (3,4%), бухгалтеров (1,9%) и торговых представителей (1,8%) – им принадлежат в списке востребованных профессий места с 5 по 8. Стабильным оставалось положение менеджеров по работе с клиентами (1,7% запросов работодателей) – 9 место в рейтинге. На 10 месте – секретари (1,3% запросов), врачи и программисты на 11 и 12 месте (1,1% запросов). Последние строки списка занимают медицинские

представители, экономисты, юристы, мерчандайзеры.

Анализ потребности предприятий в работниках по профессиональным группам выявил, что за период с 2010 г. по 2012 г. наиболее значительно увеличилась потребность организаций в специалистах высшего уровня квалификации (на 53,9 тыс. или в 1,4 раза); в специалистах среднего уровня квалификации (на 37,1 тыс. или в 1,4 раза); операторах, аппаратчиках, машинистах установок и машин (на 34,3 тыс. или в 1,6 раза); квалифицированных рабочих промышленных предприятий, строительства, транспорта, связи, геологии и разведки недр (на 31,9 или в 1,3 раза). Среди специалистов высшего уровня квалификации за указанный период наибольшее увеличение потребности в работниках произошло среди специалистов в области биологических, сельскохозяйственных наук и здравоохранения (на 18,3 тыс.); в области естественных (кроме биологии) и инженерных наук (на 14,8 тыс.) [2].

Структура предложения рабочей силы существенно отличается от запросов российских работодателей. Как видно из рис.1, в 2012 году наибольшую долю предложения труда составили специалисты в области юриспруденции (10% от всего числа соискателей), далее следуют специалисты в сфере административной работы и секретариата (8%), топ-персонал (8%), домашний персонал (7%), представители бухгалтерии, финансов и аудита (6%).

Реже всего предлагают свой труд специалисты в области промышленности и производства (2,5%), продаж (2,4%), страхования (2,2%), фармацевтики (2%) и рабочий персонал (0,8%).

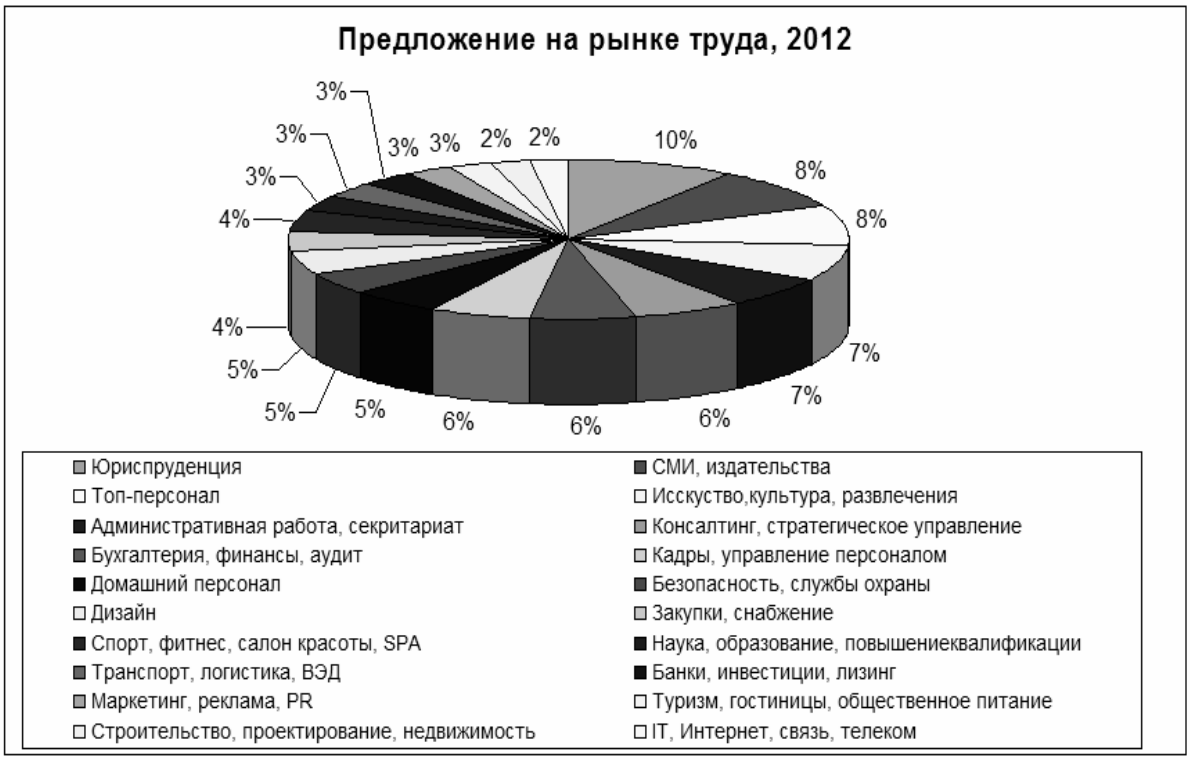

Рис.1. Предложение на российском рынке труда в 2012 г.

В России отмечается углубление разрыва между предлагаемой структурой профессионально-квалификационного потенциала и существующим спросом на специалистов. Несмотря на разрыв между спросом и предложением рабочей силы, а также на увеличение бюджетных мест в учреждениях высшего профессионального образования на инженерные и естественнонаучные направления подготовки, абитуриенты по-прежнему выбирают экономику и управление (торговое дело, управление персоналом, менеджмент), т.е. заведомо неконкурентоспособные профессии. Статистика свидетельствует, что сегодня спрос на технические направления подготовки высшего профессионального образования, несмотря на рост спроса на данные специальности со стороны рынка труда, в 2-3 раза уступает гуманитарному. Это изначально искажает профессионально-квалификационную структуру человеческих ресурсов и уменьшает их конкурентоспособность. Неэффективность системы образования подтверждается сохранением феномена молодежной безработицы.

В сложившихся условиях необходимо принимать действенные меры по повышению уровня конкурентоспособности человеческих ресурсов (посредством образования, социальных программ и т.д.) и удовлетворению потребности рынка труда в работниках соответствующего качества и количества. Решение этой задачи предполагает реформирование системы образования в целях устранения разбалансированности между образованием и рынком труда, прогнозирование ситуации на рынке труда и определение профессионально-квалификационной структуры перспективной потребности работодателей в кадрах, снижение социальной напряженности на рынке труда, содействие повышению занятости населения, содействие сбалансированности между спросом и предложением рабочей силы в целях создания условий для эффективной занятости.

Но какие бы возможности ни создавало государство и какие бы меры не предпринимало для повышения конкурентоспособности человеческих ресурсов, если каждый конкретный человек не позаботится о повышении собственной конкурентоспособности, затраченные усилия и средства будут неэффективны.

Список литературы

1. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/free/b04_03/IssWWW.exe/Stg/d02/266.htm (дата обращения 15.03.2014)

2. Сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2013/potrorg/potr12.htm (дата обращения 10.03.2014)

Раздел 7
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И БИЗНЕСА

УДК 328.1:17(73)

К ВОПРОСУ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ПРИНЯТИЯ ГОСУДАРСТВЕННО-УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

В.Д. Бакуменко
Академия муниципального управления, Украина
E-mail: Olga_2006@bigmir.net

Поднята проблема необходимости усиления внимания к разработке теории и методологии принятия государственно-управленческих решений.
Ключевые слова: теория и методология принятия государственно-управленческих решений, государственное управление, государственно-управленческие решения.

The question of development of theory and methodology the adoption of the state-administrative decisions

V.D. Bakumenko

Raised the issue of the need for greater attention to the development of theory and methodology of making the state-management decisions.
Key words: theory and methodology of making the state-administrative decisions, public administration, public management decisions.

Становление науки государственного управления как отдельной научной области объективно привело к формированию теории и методологии принятия государственно-управленческих решений. Вместе с тем, несмотря на важность и значительное количество таких решений в государственно-управленческой деятельности, теоретико-методологическое обоснование их принятия, по нашему мнению, еще отстает от требований времени.

Анализ последних исследований и публикаций. При написании этой статьи автор опирался как на результаты широко известных научных исследований [1-5, 7], так и на собственные разработки [6, 8-11].

Цель исследования - привлечь внимание исследователей, которые работают в области науки "Государственное управление", к развитию теории и методологии принятия государственно-управленческих решений. Изложение основного материала. Проблема необходимости усиления внимания к разработке теории и методологии формирования государственно-управленческих решений, новых схем и регламентов

приобретает особую актуальность в связи с тем, что в Украине еще принимается немало таких решений, которым не хватает стратегичности, системности и достаточной обоснованности. Решение этой проблемы также связано с продолжением проведения административной реформы, направленной на усиление дееспособности государства, эффективного выполнения им своих функций в условиях реализации политики стойкого экономического роста. Проблемные вопросы усовершенствования государственно-управленческих решений являются одними из ключевых в развитии науки государственного управления в Украине.

Учитывая особенность и важность государственно-управленческих решений, в работе [1] они выделены в отдельный класс и различаются по основным направлениям (создание государства, разработка и реализация государственной политики) и формами (нормативно-правовой, организационно-распорядительной и программно-целевой) государственно-управленческой деятельности. Такая классификация позволила выделить и рассматривать государственно - управленческие решения в контексте реализации основных составляющих стратегического управления, а именно: концептуализации целей, нормативно - правового, организационного и координационно - планового проектирования, достижения их баланса и обеспечения синхронного развития, а также систематизировать и направить исследования таких решений на решение наиболее актуальных проблем их формирования, сконцентрировать внимание на их рассмотрении как средстве целеполагания и развития государства, реагирования на запросы и потребности общества.

К основным признакам государственно - управленческих решений, по нашему мнению, следует отнести: направление на решение проблем государственного уровня, принятие выше или центральными органами государственной власти, оформление в виде нормативно - правовых актов, программно - целевых документов и организационно - распорядительных решений; отнесения к государственно - управленческих отношений формирование на их основе государственно - управленческих воздействий; обязательность для исполнения всеми указанными в них лицами, предприятиями, организациями, учреждениями, органами власти; первоочередность обеспечения необходимыми государственными ресурсами

Определена базовая система принципов принятия и реализации таких решений, к которой отнесены принципы:

- рассмотрения государства как крупномасштабной социальной системы, а государственного управления - как соответствующей системы управления (субъекта управления), объектом управления для которого все общество;
- их анализа и синтеза как неотъемлемого составного элемента государственно-управленческих отношений и государственно-управленческого процесса;
- необходимости учета целей развития как одной из важнейших

задач государственно-управленческой деятельности;

- понимание системного и ситуационного подходов как основы современного мышления, как эффективных методологических средств исследований на всех этапах формирования этих решений;
- учет их системного взаимодействия;
- использование теоретических моделей субъект-объектных отношений и управленческого процесса как базовых;
- учет концепции развития управленческих технологий путем типизации управленческих ситуаций.

Научную основу современного государственного управления, а соответственно, и формирование государственно-управленческих решений, образовывают наработку классической науки управления, а так же науки государственного управления. Проведенный анализ закономерностей, теорий, концепций, идей, принципов, подходов и методов, которые касаются управленческих процессов и решений, разрешил сформулировать не только исходные условия, требования и принципы, а и определить актуальные направления проведения исследования теоретико-методологических основ формирования государственно-управленческих решений. Среди последних наибольшее внимание заслуживают:

- развитие системной организации государственно-управленческой деятельности как основы формирования таких решений;
- совершенствование существующих и синтез новых моделей государственно-управленческих субъект-объектных отношений с целью расширения теоретической базы их формирования;
- развитие на этой основе методологии формирования стратегических, программно-целевых и нормативно-правовых государственно-управленческих решений, в частности, программно-целевое программирование и проектирование, планирование и прогнозирование нормо-творчества, а также усиление направленности исследований на использование в практике государственного управления в Украине, предоставление последнему характер стратегического и научно-обоснованного, обеспечивающего динамический прогнозируемое развитие государства. Среди действий и факторов, которые наиболее существенно влияют на эффективность государственно-управленческих решений, выделено такие:
- определение целей развития объекта управления и его поведения во времени;
- четкость постановки задач;
- выбор метода формирования управленческих решений;
- наличие и эффективность механизмов реализации управленческих функций;
- качество параметров системы коммуникаций, которая доказывает решение к объекту управления;
- достаточность и высокое качество релевантности информации,

необходимой для принятия решений;

- учет человеческого фактора,
- ограниченность ресурсов;
- фактор риска и неопределенности;
- качество организации контроля.

Направлением государственного управления, деятельность по которым обеспечивает необходимые условия развития государства, в первую очередь является государственное строительство (государства). Последнее сопровождается формированием государственно - управленческих решений по определению формы и режима правления, административно - территориального устройства, стратегического целеполагания, определения и реализации функций государства, построения структуры органов государственной власти, которые непосредственно влияют на развитие системы государственной власти и государственного управления. Важнейшая роль в эффективном осуществлении государственного строительства отводится конституции, которая закрепляет основные признаки государства (государственный суверенитет, форму государственно - территориального устройства и государственного правления, государственный режим, государственную символику), определяет правовые основы государства, а также наиболее существенные направления и сферы принятия государственно - управленческих решений высшими и центральными органами государственной власти.

Главные цели государства, а соответственно, государственной власти и государственного управления как способа ее функционирования, провозглашаются и фиксируются в конституционных, стратегических, политических, концептуальных, программных государственно-управленческих решениях, большей частью в конституциях стран, национальных и государственных концепциях, стратегических планах и программах. Выбор стратегических и политических целей государства напрямую связан с определением перспективы ее развития на определенный период и составляет основу всей ее деятельности. Исходя из этого, следует рассматривать государственно - управленческие решения по целеполагания как важнейший из их видов. Основная и очень сложная задача целеполагания на государственном уровне в том, чтобы не допустить занижения или завышения реальной перспективы государства. В первом случае имеем сдерживание ее развития, а во втором - недостижимую цель, негармонизированное развитие важнейших сфер деятельности, потерю доверия к власти.

Любые государственно-управленческие решения являются результатом субъект-объектных государственно-управленческих отношений, теоретическую основу которых, прежде всего, составляют модели управленческих циклов, процессов, функций и задач. Среди таких моделей заслуживают особого внимания следующие:

- общая модель государственно-управленческой деятельности, как

интеграция трех составных - основной (проблемно-ориентированной на сферы, области, виды отношений в государстве), государственно-управленческой (правовой и организационной) и обеспечительной (ресурсно-воспроизведенной), которая основывается на согласованном достижении целей государственного управления;

- расширенная модель цикла государственного управления, которая учитывает наличие внутренних и внешних связей между субъектами (система в целом и отдельные органы государственной власти, государственный аппарат) и объектами (общество в целом, сферы, области, виды отношений в государстве) государственного управления и предоставляет общее понимание государственно-управленческих влияний в социальных системах как их многопараметрического проблемно-ориентированного вектора с внутренней и внешней составными;

- модель цикла государственного управления, синтезированная путем объединения моделей государственно-управленческого цикла управления (процесса субъект-объектных отношений) и процесса государственного менеджмента (планирование, организации, мотивации, контроля, коммуникации в системе государственного управления, принятие государственно-управленческих решений), которая разрешает формализовать описание функций управления и исходной функции государственно-управленческой деятельности через отображение действия многочисленных факторов, в частности, множества альтернатив при выборе государственно-управленческих решений, неопределенностей и интегрированных параметров (в том числе степени риска), что влияют на их качество и достоверность;

- многоуровневое дерево (иерархия) базовых элементов государственно-управленческого процесса, которое содержит такие уровни: проблемы, целые, функции, структуры, задачи, решения, влияния и оценки в системе государственного управления;

- дерево (иерархия) государственно-управленческой деятельности, образованное путем выделения (стратификации) видов и направлений деятельности, видов и направлений работ, действий, операций согласно определенному дереву (иерархии) целей; в такой стратификации деятельности метасистемний уровень - это сам избранный объект исследования (комплексная деятельность по государственному управлению), системный - это направления и виды деятельности (политической, экономической, социальной, гуманитарной, экологической), субсистемний - это направления и виды работ, компонентный - это действия, элементный - это операции;

- комплекс взаимосвязанных моделей для исследования процессов планирования государственно-управленческой деятельности, которая состоит из моделей развития (для получения прогнозных оценок), конкретизации деятельности (морфологические, функциональные, информационные), типизации структур, технологий и задач, а также сетевых моделей (гетерархические и иерархические коммуникации),

разновидности которых подбираются ситуационно согласно особенностям государственно-управленческих задач;

- модель государственно-управленческой деятельности, названа моделью "развития социальных систем как сфер влияния", в которой каждой социальной системе (государству, организации) ставится в соответствие своя сфера влияния с границами, которые могут изменяться в процессе деятельности в пространстве функционирования таких систем (мир - государство - административно-территориальное образование-отрасль - организация), а само понятие влияния связано с пространственной (распространение влияния) и количественной (интенсивность воздействия) изменениями результатов конкретной деятельности;

- матрица состояний и тенденций развития для установления взаимосвязи процессов развития (изменение способов действий) и функционирования (способ действий) в которой каждому столбцу матрицы поставлены в соответствие основные состояния изменения в пространстве результатов деятельности (сужение, стабилизация, распространение результатов деятельности), а каждой строке матрицы соответствуют основные состояния количественного изменения результатов деятельности (уменьшение, равновесие, увеличение) соответственно такая матрица позволяет выделить характерные состояния социальной системы (имеем 9 таких состояний), формализовать тенденции изменения этих состояний и ввести соответствующую стратегию действий (функционирования);

- модель государственно - управленческой деятельности, названа моделью "теория - система взаимосвязи - практика", составляющими которой являются теория, практика, система их взаимосвязи (методология, технология, исследования, обучение, культура, коммуникация) синтезированы структурно - логические модели соответствующих составляющих подсистем и построено расширенные общие модели взаимосвязей теории и практики, развития науки и совершенствования практики, а также цикла процесса деятельности в системной взаимосвязи теории, практики и общесистемных видов и способов ее организации.

Предложенный комплекс моделей ориентирован на применение стратегического научно - обоснованного подхода в государственном управлении, сущность которого заключается в новых представлениях о управленческие процессы, а также в разработке на их основе новых методов принятия и реализации государственно - управленческих решений. Среди последних:

- концептуальный подход к исследованию социальных систем вообще и систем государственного управления, в частности, и соответствующий метод "интеграции дерева целей и поля деятельности объекта управления", основанные на построении дерева основной деятельности и проекции на него деревьев управленческой и обеспечительной деятельностей с целью обоснования соответствующих плановых заданий;

- метод "оценки тенденций развития" с помощью специальной матрицы для выявления переходов между состояниями функционирования

и развития социальных систем и изменений стратегии и тактики государственного управления ими;

- подход к исследованию объекта государственного управления на основе анализа системной взаимосвязи соответствующих теории и практики и соответствующий метод "типизации структур и задач программно-целевых решений" путем их отнесения к одной из подсистем модели "теория - система взаимосвязи - практика";

- метод "выявление отклонений в правовом регулировании" на основе комплексного последовательного обобщения результатов выявления пробелов, противоречий между деятельностью и ее правовым обеспечением, а также фактов нарушения гармонизации последнего с правовой системой государства и межгосударственными соглашениями.

Исследованы возможности и ограничения указанных методов в контексте проблемно-ориентированного, организационного и нормативно-правового проектирования, а также предложены типовые схемы их применения, апробированы в конкретных практических разработках государственных программ, концепций, проектов нормативно-правовых актов.

В основу формирования государственно - управленческих решений предложено положить базовую методологическую схему, элементы которой поддерживаются определенными теоретическими положениями. Такая схема предусматривает последовательную конкретизацию методологического обеспечения принятия и реализации государственно - управленческого решения, начиная с оценки проблемной ситуации и его отнесения к определенному направлению государственно - управленческой деятельности (указывается предложенной общей модели процесса государственного управления) и дальше, через выбор его формы (что обосновывается известными положениями науки управления), к выбору соответствующего метода формирования такого решения (что обосновывается предложенными моделями - подходами и методами) с промежуточным этапом выбора общей и конкретизированных моделей субъект - объектных отношений на определенных этапах реализации функций государственного управления (обосновывается предложенными методико-технологическим схемам и моделям).

Для содержательного наполнения такой методологической схемы, обеспечение с ее помощью систематизации формирования государственно-управленческие решения осуществлены:

- классификация последних по основным направлениям и формами государственно-управленческой деятельности;

- выделение модели процесса государственного управления с указанием в нем типичных этапов определения видов и принятие этих решений;

- разработка методико-технологических схем формирования программно-целевых и нормативно-правовых государственно-управленческих решений;

- использование комплексных моделей государственно-

управленческой деятельности на разных этапах процесса управления, в частности при планировании;

- унификация структур программ государственно-управленческой деятельности и учебных планов подготовки, переподготовки и повышение квалификации государственных служащих и должностных лиц местного самоуправления;
- применение модели для определения этапов и схемы выбора приоритетов при программно-целевом управлении;
- использование моделей и методов планирования развития проблемно-ориентированных нормативно-правовых баз;
- сравнительный анализ процедур принятия нормативно-правовых решений с использованием средств алгоритмического моделирования, а также аналитическое обеспечение разработок с использованием информационно-методических ресурсов.

Дальнейшее развитие и применение теоретико-методологических основ формирования государственно-управленческих решений прежде всего должны быть направленные на:

- создание в процессе осуществления административной реформы в Украине эффективной системы их принятия и реализации на всех уровнях государственного управления;
- учет тенденций становления гражданского общества;
- смещение акцентов в принятии решений на стратегические и научно-обоснованные;
- переход к "мягким" государственно-управленческим технологиям и отказ от необоснованного выбора административно-командного подхода при их применении;
- основательное исследование системных характеристик государственно-управленческих решений;
- разработка новых управленческих технологий, сориентированных на усовершенствование прогнозирования и планирования видов государственно-управленческой деятельности, которые преимущественно оцениваются качественными показателями, в первую очередь, это касается политической, нормотворческой и научной деятельности;
- создание систем коллективного опыта применения проблемно-ориентированных информационно-методических ресурсов государственного управления.

На сегодня есть объективные обстоятельства, чтобы усилить внимание исследователей, которые работают в области науки "Государственное управление", к развитию теории и методологии принятия государственно-управленческих решений. С целью ознакомления с научным творчеством автора в этом направлении в данной статье приведены общие подходы к принятию и реализации государственно - управленческих решений, модели государственно - управленческой деятельности и методах на их основе, основанные на научно обоснованных положениях науки государственного управления и

апробированы в практике ее применения в Украине, что подтверждает их достоверность и адекватность. В частности, они использованы при формировании Государственной программы использования отходов производства и потребления (на период до 2005 года), разработке проектов Программы научного обеспечения административной реформы в Украине, Концепции деятельности в зоне отчуждения и зоне безусловного (обязательного) отселения на территории Украины, Концепции программы минимизации последствий Чернобыльской катастрофы и т.п. и в многочисленных других проектах. Есть надежда, что ознакомление с этим научным творчеством даст толчок исследователям для новых идей, выявление новых закономерностей в современном государственном управлении, определение принципов, формирования моделей и разработка на их основе новых подходов, методов, классификаций, управленческих технологий, развития понятийного аппарата, применение новых способов обоснования и доказательства для решения проблем и задач науки государственного управления, то есть тех знаний, успешно развивать и в дальнейшем теорию и методологию государственно - управленческих решений.

Список литературы

1.Бакуменко В.Д. Формування державно-управлінських рішень: проблеми теорії, методології, практики: Моногр. - К.: Вид-во УАДУ, 2000. - 328 с.

2. Бакуменко В. Д. Державно-управлінські рішення: Навчальний посібник / В. Д. Бакуменко //. - К.: вПц АМУ, 2012.- 344 с.

3. Бакуменко В. Д. Державне управління: основи теорії, історія і практика: Навчальний посібник / В. Д. Бакуменко, П. І. Надолішній, М. М. Їжа, Г. І. Арабаджи // За. заг. ред. Надолішнього П. І., Бакуменка В. Д. - Одеса: ОРІДУ НАДУ, 2009. - 394 с.

4. Бакуменко В. Д. Прийняття рішень в державному управлінні: Навчальний посібник [у 2 ч.] / В. Д. Бакуменко // Ч. 1. Теоретико- методологічні засади. - К.: ВПЦ АмУ, 20і0.- 276 с.

5. Бакуменко В. Д. Прийняття рішень в державному управлінні: Навчальний посібник [у 2 ч.] / В. Д. Бакуменко // Ч. 2. Науково- прикладні аспекти. - К.: ВПЦ АмУ, 2010.- 29б с.

6.Васильєв А. С. Підготовка і прийняття управлінських рішень: організаційно-правові проблеми / А. С. Васильев // - Одеса: АО БА- ХВА, 1997. - 160 с.

7.Енциклопедичний словник з державного управління / уклад.: Ю. П. Сурмін, В. Д. Бакуменко, А. М. Михненко та ін. // за заг. ред. Ю. В. Ковбасюка, В. П. Трощинського, Ю. П. Сурміна. - К.: НАдУ, 2010.

- 820 с.

8.Карданская Н. Л. Основы принятия управленческих решений: Учеб. пособие / Н. Л. Карданская // - М.: Рус. Деловая Лит-ра, 1998. - 288 с.

9.Коліушко І. Б. Виконавча влада та проблеми адміністративної реформи в Україні: [моногр.] / І. Б. Коліушко// - К.: Факт, 2002. - 260 с.

10. Лесечко М. Д. Технологія прийняття управлінських рішень у державному управлінні та місцевому самоврядуванні: Навчальний посібник / М. Д. Лесечко, А. О. Чемерис, Р. М. Рудніцька // За наук. ред.. М. Д. Лесечка. - Львів: ЛРІДУ УАДУ, 2003. - 424 с.

11. Литвак Б. Г. Управленческие решения / Б. Г. Литвак // - М.: Ассоциация авторов и издателей "Тандем", Изд-во ЭКМОС, 1998. - 248 с.

УДК 32.01

МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Г.М. Барашков
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: Eternity65@yandex.ru

Статья посвящена анализу становления современной российской модели гражданского общества, ее специфики, институтам и функциональным особенностям. Подчеркивается, уникальность ситуации становления гражданского общества в современной России: исчерпанность советской модели общественной организации сопровождалось процессами ее самораспада. Облик гражданской самоорганизации формировался под воздействием сумевшей адаптироваться к новым реалиям старых советских структур, выпадения из социальных отношений большого количества людей и разного рода тенденций, воздействующих на структуризацию нового типа социума. В связи с этим, анализ функциональных особенностей институтов гражданского общества предусматривает исследование генезиса и современного состояния политических партий и групп интересов, а также общей эволюции принципов взаимодействия данных институтов и государства в процессах выработки публичной политики.

Ключевые слова: гражданское общество, демократизация, российская модель гражданского общества, функциональная особенность, модели взаимодействия государства и институтов гражданского общества, политические партии, группы интересов

The Model of Interaction between the Power, Business, and Civil Society Institutions in Modern Russia

G.M. Baraskov

The article reports on the analysis of development of the contemporary model of civil society in Russia, its peculiarities, institutions, and functional features. The author stresses the fact that foundation of civil society in modern Russia has been taking place within a unique historical background: exhaustiveness of the Soviet model of society organization had found itself in the processes of autodecomposition. The civil society began to shape its own form in early nineties under the impact of old Soviet structures adapted to new reality, large numbers of individuals' falling out from social relations, and different tendencies which structured a new type of society. In this regard, analysis of functional features of civil society institutions in Russia implies

consideration of development and state-of-the-art of political parties, interest groups, as well as general evolution of the principles of interaction between these institutions and a state while elaborating public politics.

Key words: civil society, democratization, Russian model of civil society, functional feature, models of interaction between a state and civil society institutions, political parties, , interest groups.

Возрождение идеи гражданского общества в странах Восточной и Центральной Европы стало возможным в связи с отрицанием коммунистической модели и поиском альтернативного пути развития. Отсюда проявление симпатий и благосклонности к либерализму, который воспринимался гражданами в странах социалистического лагеря, как некий антипод коммунизма, то есть своеобразный свод правил, принципов, противоположных официальной идеологической доктрине. Свобода воспринималась в контексте противопоставления с всеобщим господством государства, подавляющего личность, как противоположность повсеместным запретам и ограничениям, «права человека и гражданина как противоположность господствующему этатизму, рынок как противоположность плановой экономике и так далее» [9, с. 69.]. Ключевыми оппозиционными ценностями выступали две идеи – автономия личности и гражданское общество.

То есть, как можно заметить, в данном случае, мы наблюдаем не только различие гражданского общества и государства, но и весьма решительное их противопоставление. И более того, «идея гражданского общества появилась в Восточной Европе прежде всего как идея антигосударственная» [10, с. 84.], и в этом ее принципиальное отличие от западной ситуации, где возвращение к идее гражданского общества также носил антиэтатический характер, но не включал в себя восприятие государства как враждебный и чуждый обществу институт.

Таким образом, идея гражданского общества, его восприятие, сущность, теоретические наработки, распространившиеся в бывших странах социализма, имели принципиальное отличие от западноевропейских концепций, и прежде всего в вопросах взаимодействия с государством, где гражданское общество противопоставлялось государству. Данное положение основывалось на убеждении о роли социалистического государства, проникающего во все сферы жизнедеятельности, и тем самым уничтожающее гражданское общество. Поэтому борьба за становление гражданского общества подразумевало борьбу с государством.

В результате, данная тенденция способствовала оформлению принципиальных различий между восточноевропейскими и западноевропейскими идеями гражданского общества. Такое положение дел вытекало из двух существенных факторов: во - первых, на Западе, на протяжении длительного времени, сложившиеся взаимоотношения общества с властью, стали некой данностью, естественной средой

социального взаимодействия, и во-вторых, свершившаяся Реформация, которая способствовала раскрепощению индивида, сформировав основу эмансипации личности, создав «контрольные механизмы» во взаимодействии власти и общества. На Западе, в отличие, например, от стран незападного ареала, государство не имело возможности доминировать над личностью, поэтому по большей части там складывались партнерские отношения.

В восточноевропейских странах идея гражданского общества появилась как идеологическая конструкция, некая альтернатива создания нового морального и общественного порядка, определенный вектор развития на фоне создавшегося идеологического вакуума, хотя экономического фундамента сформировано не было.

Указанная идея здесь имела ограниченность, основанная на определенных причинах. По мнению исследователя Е. Шацкого, можно выделить три такие причины. Во-первых, это «недопонимание характера отношений между гражданским обществом и государством; во-вторых, недостаточное развитие взглядов на экономическую базу гражданского общества; в-третьих, чрезвычайная расплывчатость представлений о более справедливом обществе, а также, весьма условные представления по проблемам представительства и согласования разнородных интересов, неизбежно существующих в обществе с развитой социальной дифференциацией» [11, с. 85.]. Несмотря на то, что эти взгляды вполне вписываются в рамки западной либеральной традиции, в тоже время, во многом с ней не совпадают. Все это не позволяет в должной мере отнести идею гражданского общества в Восточной Европе как либеральную, и без каких-либо оговорок отнести ее к тому или иному западному теоретическому образцу.

Вместе с тем, существует проблема неадекватного восприятия сущности демократии (необходимого условия функционирования гражданского общества) как власти народа в разных культурно-исторических средах. Суть народовластия заключается в признании за народом той или иной страны права верховной власти. В тоже время, демократия способна, адаптируясь к различным национально-культурным условиям, приобретать определенную специфику, в частности, в функционировании ее институтов, что связано с тем, что различные культурные сообщества могут по-разному интерпретировать как формы проявления народовластия, так и его содержание.

Между восточной и западной традициями восприятия демократии существует серьезное различие, что в корне меняет содержание демократической теории. Такое положение обусловлено восприятием принципа народовластия: если на Востоке народовластие воспринимается как власть во имя народа, то есть от его имени, а не как власть самого народа, то на Западе, народовластие подразумевает, прежде всего, как власть народа, дающее право участвовать в управлении делами государства, активно участвовать и влиять на политический процесс.

Все это не позволяет механический перенос западных форм, принципов и институтов в страны Востока. Где же это происходит, то демократические институты приобретают уродливые формы, власть становится дисфункциональной, нестабильной, и отторгается большинством населения. Поэтому перспективы модернизационных преобразований и демократических процессов напрямую зависит от синтеза двух культурных традиций - восточной и западной, а своеобразие данных процессов позволяет некоторым исследователям широко использовать понятие «азиатской демократии» [3, с. 185].

С позиций традиционной ментальности, восточной культуры, наиболее притягательной составляющей западной демократической теоретической конструкции выступают не права и свободы индивида, то есть базовый элемент либерализма, а способность и возможность менять власть мирным, правовым путем, согласованным на корпоративной основе. Поэтому, по мнению ряда исследователей, восточные страны вполне могут применять различные модели и формы демократии, приспосабливая при этом их в соответствии с учетом своей национально-культурной и исторической традиции. При этом, как утверждается «они не в меньшей степени демократичны, чем любая западная страна» [8, с. 146].

В России, доминирующая роль государства, в силу ряда исторических, геополитических и природно-географических причин, выражена еще более отчетливо, что позволяет отнести Россию к восточному типу обществ. На протяжении многих веков, именно государство выступало инициатором становления общественных институтов, концентрируя в своих руках экономическое и политическое могущество. Такая доминирующая, гипертрофированная роль государства оказывала влияние и накладывала отпечаток на всю сферу взаимоотношений - хозяйственных, социальных, культурных, экономических, политических. Инициатива снизу ограничивалась. Отношения власти и общества строились не на основе партнерских отношений, а на отношении «холоп – господин». В данной схеме власть выступала главным, центральным источником всех преобразований, что не способствовало структурной дифференциации общества, а напротив предопределило его аморфный, неспособный к самоорганизации характер. Власть выступала некими обручами, объединяющим общество, стержнем вокруг которого происходила общественная кристаллизация. Общество не смогло выработать внутренних механизмов самоорганизации и регулирования и благодаря тому, что любые попытки такой самоорганизации подавлялись, либо использовались в фискальных, либо в полицейских целях, как например, общину в дореволюционной России, либо как добровольные общества в советский период.

В ходе модернизационных преобразований, цена которых была неимоверно высокой, общество сдавливалось налоговым прессом, из него для государственных нужд изымался не только прибавочный продукт, но и часть необходимого, что явилось причиной слабого развития городов,

предпринимательской деятельности, торговых отношений, отсутствия среднего класса, массовой бедностью, неустроенностью быта большинства населения и консерватизма культурных ценностей. Отсюда и ригидность политической системы, которая была лишена обратной связи.

Поэтому, возникающие кризисные явления, ведущие к распаду общества, преодолевались в истории России благодаря усилиям и определяющей роли государства, которое объединяло общество на государственной основе.

Особенностью становления гражданского общества в России является неоднородность основных характеристик. К ним относятся: многоукладность экономики, многообразие образов и стилей бытовой жизни и социальных взаимодействий, традиций, специфика и неоднородность этнопсихологических стереотипов поведения, а также поликонфессиональность и полиэтничность. Сюда же можно отнести слабую и неравномерную горизонтальную мобильность населения, неоднородность расселения населения и распределения необходимых ресурсов для жизнеобеспечения, преобладание экстенсивных и ресурснорасходных форм труда и производственной деятельности и так далее.

К этим особенностям становления гражданского общества в России можно также добавить еще две немаловажные составляющие: во-первых, это различное культурное, историческое развитие российских регионов, и как следствие, во - вторых, их социальное развитие, что делает, для многих из них привитие отношений, свойственных гражданскому обществу весьма проблематичным.

Известно, что в отличие от стран западной демократии, которым присущ инновационный тип развития, России свойственна мобилизационная модель развития, сформировавшаяся как инструмент в результате поиска компромисса в разрешении противоречий между потребностями государства и возможностями населения. Данное противоречие способствовало проведению в России насильственных реформ, модернизационных преобразований, когда политические интересы и цели государства не совпадали с интересами и целями хозяйственных субъектов, возможности которых не соответствовали масштабу целей государства. Подобные противоречия между государственными задачами и возможностями граждан, несовпадения их интересов до сих пор являются приоритетными. Это обусловливает приоритетную роль государства в его взаимоотношениях с обществом. Приоритет политических факторов в системе взаимоотношений государства и общества дает основание определить соответствующий тип социальной организации как политико-центричный.

Исследователь Романенко Л.М. считает, что «российская модель гражданского общества, еще не оформившаяся в целостный социальный феномен, а существующая пока, главным образом, в виде прообразов или отдельных элементов, институций, структур, формируется в преимущественно восточном типе социального пространства, который, в

отличие от западных социумов базируется не на институте частной собственности, а на приоритете властных отношений над отношениями собственности» [7, с. 297.].

Интересным представляется и изменение принципов выработки политических решений в связи с трансформацией модели социально-политического взаимодействия. Это, прежде всего, касается политических партий и групп интересов. Анализ современного партийного пространства России, позволяет констатировать тот факт, что политические партии все больше отрываются от исходных интересов формирующегося гражданского общества и все ближе смыкаются с государством, превращаясь в его политико-административных агентов.

В начале 1990-х годов, в связи с политической и экономической трансформацией российского общества, происходит легитимация и признание групп интересов в качестве субъектов политики, что приводит к возникновению между ними открытой конкурентной борьбы. Наиболее существенными и значимыми в это время являются группы интересов, имеющие тесные связи, с так называемыми, «олигархами», объединенными крупнейшими банками, финансово-промышленными группами и различными частями бюрократического аппарата [2, с. 162-172.]. Появлению данных групп интересов способствовали особенности проводимых экономических реформ, в частности, номенклатурный характер приватизации, который не только не размыл систему номенклатурно-бюрократического «рынка власти», но и закрепил взаимоотношения государства и вновь возникшего бизнеса на основе принципов бюрократического рынка с неразделенностью экономической и политической власти, и «перманентной конвертацией власти в собственность и собственность во власть» [6, с. 197.]. В конечном итоге данная система формировала привилегированные группы интересов, которые обладали доминирующим влиянием на принятие важных политических решений. Данные группы возникали на основе экономической олигархии, концентрировавшие в своих руках огромную часть национального богатства, и наиболее организованных частей бюрократического аппарата, «приватизировавших» значительный административный ресурс государства [4, с. 45.].

Могущество и главенствующее положение указанных групп интересов можно объяснить, во-первых, десубъективизацией государства, которая была характерна для того исторического периода, а также слабостью развития массовых структур групп интересов, не связанных с олигархическими и бюрократическими структурами.

К концу 90-х годов XX века в России возник позыв к тому, чтобы провести некоторую структуризацию общественного договора и решался вопрос о том, какой тип социального контракта возникнет – вертикальный или горизонтальный. Сейчас уже вполне очевидно, что за последние годы происходит становление отношений с преобладанием вертикальных связей, спецификой которых является согласие населения пожертвовать своими правами, в обмен на стабильность в политической и

экономической сферах.

Современное состояние развития институтов гражданского общества характеризуется заметным укреплением государственности, что нашло свое отражение в ряде мероприятий по преобразованию политико-административной сферы (консолидация центральных политико-государственных институтов, реформа федеративных отношений, административная реформа и т.п.), и ознаменовало отказ от прежнего типа лидерства, основанного на слабоструктурированном, внеинституциональном характере политического господства. Президент признается в качестве центра принятия политических решений, главным арбитром в перманентном конфликте различных властных группировок. Возможности влияния на политические процессы представителей групп интересов крупного российского бизнеса также претерпели существенные изменения и ограничения. Это проявилось в формулировании новых, неформальных «правилах игры» во взаимодействии государства и бизнеса, по которым большой бизнес должен:

«- быть лоялен по отношению к государству;

- спонсировать экономические, социальные и политические проекты власти;

- принять на себя социальную ответственность за отрасли и регионы, где он доминирует;

- не поддерживать оппозицию» [5, с. 4.].

Таким образом, в результате принятия данного соглашения влияние групп интересов крупного бизнеса на политические процессы не только сократились, но и произошло фактическое их включение на основе корпоративистских механизмов в действующую политико-административную вертикаль власти.

Президентом В.В. Путиным была сделана ставка на новую модель политико-административного правления, в основе которой находился не «управляемый конфликт» как при Б.Н. Ельцине, а система иерархического подчинения основных политико-административных институтов президентской власти.

В результате данная тенденция способствовала объединению на корпоративистских началах большого количества бюрократических групп интересов в единую властно-управленческую вертикаль во главе с президентом страны.

Отметим, также и факт попыток включения властью в управленческую вертикаль массовых, не элитных групп интересов, что выражается в создании по инициативе сверху ряда социально-политических институтов взаимодействия (гражданские форумы, общественная палата, народные фронты и так далее), основной целью которых является инкорпорация наиболее значимых и влиятельных общественных организаций в использовании их в качестве медиаторов государства в диалоге с обществом. Предполагается, что все наиболее значительные массовые группы интересов будут интегрированы в

сформированную в России политико-административную вертикаль власти.

Таким образом, мы можем констатировать, что происходит отход от плюралистической модели взаимодействия государства с институтами гражданского общества в пользу корпоративистской модели. И, несмотря на то, что в последнее время произошла существенная трансформация в принципах социально-политического взаимодействия, в качественном состоянии институтов гражданского общества не произошло существенных изменений. Состояние уровня развития указанных институтов в России на сегодняшний день остается все еще крайне низким в сравнении с ведущими демократическими государствами мира. Данное обстоятельство можно определить исходя из фундаментальных факторов, присущих российскому социуму, а именно, «низкий уровень социального доверия и отсутствие эффективных навыков социальной самоорганизации» [1, с. 13 - 18].

Следует также отметить и невысокий уровень вовлеченности граждан в институционализированные формы социально-политического участия в деятельности политических партий, общественно-политических движениях, некоммерческих организаций, что самым негативным образом сказывается на процессе демократизации в стране. Причинами такой общественно-политической пассивности российских граждан выступают занятость своими делами, разобщенность, неверие в результативность своей общественной деятельности, отсутствие взаимопомощи и сопричастности.

Список литературы

1. Власть и народ в России: Обновление повседневных практик и варианты универсализации институционального порядка. М., 2003.
2. См., например, Гаман-Голутвина О. В. Бюрократия или олигархия? // Куда идет Россия?.. Власть, общество, личность. М., 2000.
3. Ганшин В.Г. Китай и его соседи: на пути к гражданскому обществу (особенности и закономерности формирования основ гражданского общества в Китае и некоторых странах АТР). М. ИДВ РАН. 2004.
4. См., например, Кордонский С. Рынки власти: Административные рынки СССР и России. М., 2000.
5. Мухин А.А. Новые правила игры для большого бизнеса, продиктованные логикой правления В.В. Путина. – М., 2002.
6. См., например, Павроз А.В. Генезис российской экономической олигархии (начало – середина 90-х годов) //Современные аспекты экономики. 2004. №3 (54).
7. Романенко Л.М. Цивилизационный подход – генеральная парадигма развития современной отечественной социологии. //Труды Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи. СПб. 2002.
8. См., например, Хонг, М. Демократия в Азии / М.Хонг // Россия и Корея в меняющемся мире: Науч.-практ. конф. - М.: Моск. обществ, науч. фонд, 1997.
9. См. Шацкий Е. Протолиберализм: автономия личности и гражданское общество // Политические исследования. 1997. № 5.
10. Там же.
11. Там же.

УДК 334.724

МЕСТО И РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ТРАНСПАРЕНТНОСТИ УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО СЕКТОРА

К.А. Белокрылов
Южный федеральный университет, Россия
E-mail: k.belokrylov@yandex.ru

В статье обоснованы направления модернизации общественного сектора, проанализирована необходимость и формы участия гражданского общества в повышении эффективности государственных расходов в условиях стагнации. Выделены эффекты электронного участия и краудсорсинга, отражающие процесс повышения транспарентности системы государственных и муниципальных закупок, эмпирически подтверждена тесная взаимосвязь степени конкуренции рынка государственных закупок и его транспарентности.

Ключевые слова: общественный сектор, модернизация, гражданское общество, транспарентность, краудсорсинг, прокьюремент.

The place and role of civil society in providing transparency of satisfaction the needs of public sector

K.A. Belokrylov

In the article proved the directions of modernization of public sector, discussed the need for and forms of participation of civil society in improving the efficiency of public expenditures in the conditions of stagnation. The effects of e-participation and crowdsourcing, reflecting the process of enhancing transparency of the system of the state and municipal procurements are allocated, the close interrelation of the degree of competition of the market of government procurements and its transparency is empirically confirmed.

Key words: public sector, modernization, civil society, transparency, crowdsourcing, procurement.

Масштабы общественного (государственного) сектора национальной экономики определяются совокупностью ресурсов, находящихся в распоряжении государства [1. с.3]. Это позволяет, используя методы государственного регулирования, обеспечить достижение экономического равновесия между спросом и предложением производимых государственным сектором общественных товаров и услуг. Поскольку рыночный механизм имеет ряд провалов - он малоэффективен в сфере перераспределения доходов, предоставлении общественных благ, решении экологических проблем, поддержании конкурентности рыночной среды, реализации права на труд, развитии фундаментальных научных исследований с длительными сроками окупаемости и т.д., то

общественный сектор призван решить эти проблемы и обеспечить эффективное производство и распределение общественных благ.

Общественный сектор способствует также достижению макроэкономических целей, прежде всего, решению главной задачи государства и экономики - максимизации общественного благосостояния. Однако обеспечить это может только эффективное государство. Поэтому повышение эффективности государства выступает центральной задачей модернизации экономики России [2. с. 77] и базируется на формировании ее институционально-правовых основ. По определению Дж. Бьюкенена, закон - это общественный капитал, отдача от которого возрастает с течением времени [3. с.175]. Однако, как показывает опыт рыночной трансформации 1990-х гг., процесс принятия законов имеет свои несовершенства, поскольку может отражать интересы лишь узких групп специальных (коррупционных) интересов [4. с.119-140]. Более того, одной из причин коррупционного поведения является сама правовая система, которая формируется с учетом уже имеющегося института коррупции [5. с.399-457]. Это ставит задачу включения гражданского общества в процесс обсуждения новых законопроектов и корректировки старых.

Ее решение обеспечивается в последние годы возникновением и активным расширением специфического электронного участия (Electronic participation), сущностной характеристикой которого является воздействие гражданского общества на государство, вовлечение в управление государством различных, в т.ч. и политически неактивных групп населения, участие граждан в обсуждении принимаемых государством решений с использованием Интернет-технологий. Электронное участие становится все более массовой институциональной практикой, теоретическое осмысление которой уже появляется в научной литературе – работы Гибсона Р., Кампена Дж., Снийкерса К., Панороулу И., Тамбоуриса И., Тарабаниса К., Смита С., Далакиориоду И., Леоновой М. [6-10].

Кроме того, гражданское общество включается в субъектную структуру информационной экономики и в рамках развивающихся процессов краудсорсинга – привлечения к решению общественных проблем (например, поиску пропавших детей) значительного количества граждан на добровольных началах (волонтеров) через их организацию посредством интернета.

На институционально-правовой основе Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (Стратегия-2020), осуществляется модернизация общественного сектора, прежде всего системы образования и здравоохранения. Согласно Стратегии-2020, возможность получения качественного образования остается одной из наиболее важных жизненных ценностей граждан, решающим фактором социальной справедливости и политической стабильности [11].

По формальным показателям уровень образования населения России - один из самых высоких в мире. Российская система дошкольного и школьного образования обеспечивает его доступность на уровне стран с

высоким ВВП на душу населения. Доля населения без образования и с начальным общим образованием составляет в России менее 2 % (один из самых низких показателей среди стран ОЭСР) [12].

Однако существует ряд проблем: недостаточный охват детей дошкольным образованием, высокая доля школьников, не достигающих удовлетворительного уровня функциональной грамотности, недостаточное развитие социальной компетентности у выпускников школ, рост межрегиональных и межшкольных различий в качестве образования. Образование перестало выполнять функцию социального лифта, оно начинает воспроизводить социальную дифференциацию.

В настоящее время наблюдается кризис традиционной модели детства, основанной на том, что дети знают меньше, чем их родители; меняется структура семьи, усиливается культурная фрагментация, т.е. потеря единства содержания образования [13].

Попытки создать единую систему оценки образования с помощью единых стандартов имели не самый лучший результат. Применение Единого государственного экзамена зачастую давало искаженный, некорректный результат, ввиду использования его в качестве главного и единственного критерия для оценки работы учителей, школ, муниципалитетов и регионов. На примере ЕГЭ явно видна опасность не комплексного решения институциональных проблем. ЕГЭ с самого начала рассматривался лишь как часть комплексной национальной системы оценки качества образования, включающей в себя национальные экзамены, мониторинговые обследования и оценку на уровне школы. Однако эта система до сих пор не создана. Особое внимание получила такая мера как внедрение платных элементов в систему школьного образования, однако это не коснулось обязательной программы обучения. Тем не менее, среди населения поднялась волна недовольства и недоумения по этому вопросу. Учитывая, что образование - общественное благо, на наш взгляд, введение платных уроков в средней школе нарушает свойства чисто общественного блага, т.к. ограничивает доступ любого потребителя к нему.

Модернизация системы высшего образования целеориентирована на решение ее основных проблем: несоответствие структуры высшего образования и рынка труда, высокая доля высшего образования невысокого качества, проблема доступности качественного профессионального образования для семей с низкими доходами, неоправданное смещение структуры профессионального образования в сторону высшего образования и т.д. Также среди проблем можно выделить низкую мотивацию студентов, жесткую структуру государственных вузов и образовательных программ. Направлениями модернизации здесь стали - введение принципов Болонской системы, сокращение численности преподавателей, а также количества вузов и их реорганизация.

Следует отметить, что переход к двухступенчатой Болонской системе вызывает противоречивые мнения в обществе. Работодатели зачастую не знают, что современные степени высшего образования являются

полноценными. Поэтому проблемой становится недостаточно полная информированность должностных лиц и бизнеса о текущем положении дел Болонского процесса.

Стратегией-2020 предлагаются меры по решению проблем в сфере образования, а именно – обеспечение прозрачности образовательных учреждений, развитие исследовательских университетов, введение прикладного бакалавриата, поддержание зарплаты преподавателей на конкурентоспособной уровне, оптимизация сети вузов, обеспечение среди них конкуренции среди [12]. В целом, система образования в России требует значительных преобразований и упорядоченности в проводимых реформах.

Другое направление модернизации - сфера здравоохранения. Наиболее острые проблемы в этой области - высокая смертность в трудоспособном возрасте, а также проблема соотношения между платными и бесплатными медицинскими услугами. Очевидно, что медицинские услуги не в полной мере являются чисто общественным благом. Можно предположить, что скорая медицинская помощь может считаться чисто общественным благом, однако ряд других услуг является смешанными или чисто частными благами. К тому же конкуренция на рынке медицинских услуг между государственными и частными организациями обеспечивает повышение их качества и эффективности. Но все же основные услуги здравоохранения обязательно должны быть чисто общественным благом, сохраняя свои свойства неизбирательности, неисключаемости.

В настоящее время система здравоохранения направлена на лечение заболевших, большинство из которых дети и пенсионеры [14], а не на профилактику заболеваний. Граждане в трудоспособном возрасте обращаются в поликлиники реже, и все больше это происходит на платной основе. 53% граждан считают, что здравоохранение находится в плохом состоянии, в худшем положении находится социальное обеспечение (56%) [14]. В то же время финансирование здравоохранения за последние годы увеличилось примерно на 45%, но при этом Россия тратит на эту сферу на 2,5% ВВП меньше, чем развитые страны [14]. Растет доля тех, кто платит за услуги при амбулаторной медицинской помощи, в сфере стационарного лечения хотя и снизилось число граждан, плативших за лекарства, но, тем не менее, доля плативших врачам за услуги не уменьшилась. Поэтому в целом, система здравоохранения фактически стала легально платной.

Модернизация системы здравоохранения реализуется уже несколько лет, и с тех пор принят мер для улучшения ее работы. При реализации национального проекта «Здоровье» было существенно обновлено медицинское оборудование в лечебно-профилактических учреждениях, увеличены объемы бесплатной высокотехнологичной медицинской помощи, диспансеризации, профилактической работы и т. д. Однако существует мнение, что проект не был эффективно реализован, так как нередки ситуации, когда для работы на высокотехнологичном

оборудовании отсутствует соответствующий персонал, оборудование простаивает - издержки упущенных возможностей растут. Также имеющееся медицинское оборудование используется зачастую с низкой эффективностью. Кроме того, выявлены множество случаев нарушений в ходе строительства федеральных центров высоких медицинских технологий, неправомерное расходование бюджетных средств и т.д. С принятием в 2010 г. Федерального закона «Об обязательном медицинском страховании» начата модернизация этой системы, направленная на повышение ее финансовой устойчивости. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», принятый в 2011 г., создает предпосылки для конкретизации государственных гарантий бесплатной медицинской помощи, повышения ее доступности, расширения возможностей граждан выбирать медицинскую организацию и врача, улучшения управляемости системой здравоохранения.

Несмотря на положительные сдвиги, многие проблемы остаются нерешенными. Эксперты «Стратегии-2020» полагают, что необходимо расширить функции центров здоровья, которые сейчас работают неэффективно, а также качественно изменить функции участковых врачей и педиатров, постепенно расширять их компетенцию до уровня врачей общей практики [14]. Кроме этого, современная система специализированной медицинской помощи нуждается в реструктуризации: расширении консультативно-диагностических функций и концентрации специализированной медицинской помощи в крупных больничных учреждениях. Обновлению медицинского образования также будет способствовать создание новой модели послевузовского образования, основанной на непрерывном образовании с возможностью выбора курсов по желанию и преобразование медицинских учреждений в самостоятельные субъекты послевузовского образования. Таким образом, средства на оплату повышения квалификации врачей будут оставаться в самих учреждениях. Однако, по оценкам специалистов, задачу четкого разграничения платной и бесплатной медицинской помощи в ближайшие годы решить не удастся [15].

Для модернизации здравоохранения необходимо развитие и пропаганда здорового образа жизни. Поэтому, в рамках Стратегии-2020, экспертами разработана программа, которая предполагает повышение акцизов на алкоголь и табак, запрет рекламы табачной продукции и курения в общественных местах, повышение НДС на отдельные продукты питания, наносящие наибольший вред здоровью, обеспечение доступа населения к объектам спортивной инфраструктуры, субсидирование абонементов в спортивные секции и т.д. Для улучшения мотивации врачей, обеспечения эффективного контракта с медицинскими работниками и повышения качества медицинской помощи необходимо повысить финансирование здравоохранения на 1% ВВП. Для реализации масштабных мер лекарственного обеспечения, развития здорового образа жизни необходимо увеличение финансирования на 3% ВВП [12].

Предпринимаемых мер в настоящее время недостаточно для формирования эффективной системы здравоохранения. Необходимо решить проблемы недостаточной и резко дифференцированной качественной медицинской помощи, слабой защищенности прав пациентов. Таким образом, вопрос об эффективной модернизации здравоохранения требует доработок и остается открытым.

По всем направления модернизации общественного сектора России наблюдается положительная тенденция изменений, однако эффективности реформ всегда препятствуют институциональные ограничители. Несмотря на четкое планирование результатов, разработку долгосрочных и среднесрочных стратегий, итоги социальных реформ могут быть непредсказуемы.

По нашему мнению, одна из основных проблем эффективной модернизации общественного сектора - несоответствие нововведений имеющейся институциональной среде. Такая проблема свойственна для России, когда институты не адаптированы к новым моделям развития общества. Поэтому необходимо последовательно и постепенно проводить все преобразования, готовя для них почву из институциональных предпосылок.

Основными принципами модернизации субъектов общественного сектора - государственных и муниципальных организаций - являются:

- устойчивость: управление процессами и информационными системами осуществляется для достижения непрерывности, надежности и предсказуемости организационного процесса;

- совместимость: оптимизация уже используемых и новых знаний, а также институциональных механизмов в рамках всех структурных подразделений учреждения;

- выполнение поставленных задач: реализация возможностей технологических инициатив и научных исследований в соответствии с общими целями деятельности организации

Наиболее масштабной по объемам взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества в настоящее время является сфера государственных и муниципальных закупок для удовлетворения потребностей общественного сектора – около 14 трлн. руб. (с регулируемыми организациями) или почти 15-20% ВВП, до 65 % расходов государственного бюджета (вместе с регулируемыми организациями) [16. с. 52]. Проведенный анализ небольшого опыта закупок в соответствии с Федеральным законом от 05.04.2013 N 44-ФЗ "О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд", вступившего в действие с 1.1.2014, позволило выявить следующие типы нарушений в сфере госзакупок: нарушение норм 44-ФЗ заказчиком, конкурсной, аукционной, котировочной или единой комиссией заказчика, оператором электронной площадки.

К первому типу нарушений относится, прежде всего, определение госпоставщика без проведения торгов, что предполагает

административную ответственность в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях (ч. 1, ст. 7.29). Если был неверно выбран способ определения поставщика, то на должностное лицо заказчика, осуществившего выбор способа закупки, несет административную ответственность в форме штрафа в размере 30 тыс. руб.

Типичными являются также нарушения со стороны заказчиков при формировании документации о торгах: неустановление достаточных требований к качественным, техническим и др. характеристикам предмета закупки или установление требований, ограничивающих число участников размещения заказа (штраф в размере 3тыс. руб. и 10тыс. руб. соответственно).

Список литературы

1. Якобсон И. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М., 1996.
2. Ореховский П. Зрелость социальных институтов и специфика основания теории общественного выбора // Вопросы экономики. 2011. № 5.
3. Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия. М., 1997.
4. Вольчик В.В. Группы специальных интересов и институт власти-собственности в экономической истории России // Историко-экономические исследования. 2006. Т. 7. No №.
5. Treisman D. The causes of corruption: a cross-national study // Journal of Public Economics. Vol. 76. Is. 3 // www.journals.elsevier.com
6. Gibson R. Participation, Political Organisations and the Impact of the Internet. L215252036 // http://www.esrc.ac.uk
7. Kampen J., Snijkers K. E-Democracy. A critical evaluation of the ultimate E-dream // Social science computer review. Los Angeles, CA, USA, London, UK et al., 2003. Vol. 21. No 4.
8. Panopoulou E., Tambouris E., Tarabanis K. eParticipation initiatives: How is Europe progressing? // European Journal of ePractice. 2009. № 7. March (www.epracticejournal.eu. 1988-625XS).
9. Smith S., Dalakiouridou E. Contextualising Public (e) Participation in the Governance of the European Union // European Journal of ePractice. 2009. № 7. March (www.epracticejournal.eu. 1988-625XS).
10. Леонова М.В. Электронное участие в России и Европейском Союзе: стратегии, механизмы, оценка результатов // Вопросы государственного и муниципального управления. 2010. № 4
11. Концепция долгосрочного социально-экономического развития российской Федерации на период до 2020 года // www.2020strategy.ru
12. Итоговый доклад экспертной группы по обновлению «Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // www.2020strategy.ru
13. Итоговый доклад группы экспертов «Новая школа» // www.2020strategy.ru
14. Материалы заседания экспертной группы «Здоровье и среда обитания человека» // www.2020strategy.ru
15. Интервью С. Шишкина, руководителя экспертной группы «Здоровье и среда обитания человека» // www.2020strategy.ru
16. Белокрылова О.С., Белокрылов К.А. Стратегия развития кадрового потенциала системы публичного управления (на примере государственных и муниципальных закупок) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2012.№ 2.

УДК 342.842

ОБЖАЛОВАНИЕ ГРАЖДАНАМИ РЕШЕНИЙ И ДЕЙСТВИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ В СИСТЕМЕ ОБЩЕСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ

Е.В. Бердникова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: berev79@yandex.ru

Статья посвящена изучению особенностей правовой регламентации и проблем практической реализации права граждан на обжалование решений и действий (бездействия) органов публичной власти и их должностных лиц в избирательных правоотношениях как формы общественного контроля.

Ключевые слова: избирательные права, выборы, общественный контроль, судебное обжалование

The appeal by the citizens of decisions and actions of the state bodies in the system of public control over the electoral process

E.V. Berdnikova

The article examines the characteristics and problems of legal regulation and the practical implementation of the right of citizens to appeal decisions and actions (inaction) of public authorities and their officials in the electoral legal relationship as a form of social control.

Key words: voting rights, elections, public control, judicial appeal

Общественный контроль наряду с контролем государственным в современных правоотношения занимает ключевое положение при обеспечении транспарентности функционирования органов публичной власти и защите прав и свобод человека и гражданина. Российская нормативно-правовая база, а также практика реализации общественного контрольного механизма демонстрируют большое разнообразие видов и форм такой деятельности, начиная с информационной открытости власти и возможности наблюдения за процессом ее формирования и основными аспектами работы, вовлечением граждан в участие в управлении делами государства, и заканчивая обжалованием действий данных органов в случае нарушения законных интересов, прав и свобод личности. Последняя форма представляется очень важной как с точки зрения правовосстановительной функции, так и с точки зрения самого содержания контроля, которое заключается не только в наблюдении за процессами, происходящими в обществе, но и в поддержании устойчивости социальных систем посредством устранения деликтов, возникающих в различных правоотношениях. Конечно, граждане и их ассоциации лишены

властных полномочий, позволяющих им непосредственно самим исправлять ошибки и нарушения в системе государственного управления, однако принцип народовластия, провозглашаемый Конституцией РФ, предопределил наличие механизма реализации гражданского суверенитета в виде определенных юридических гарантий прав и свобод личности при взаимодействии государства и населения, что в опосредованной форме позволяет им влиять на принятие политических решений и в случае необходимости восстанавливать нарушенный баланс интересов.

Конституционная регламентация возможности обжалования решений и действий органов публичной власти основана в первую очередь на содержании статей 33 и 46 Конституции РФ. Статья 33 предусматривает право граждан РФ обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления. Как совершенно справедливо отмечает С.А. Пяткина, данная норма, с одной стороны, обеспечивает активное влияние гражданина на деятельность данных органов, а с другой стороны, представляет собой один из способов защиты личностью своих прав посредством жалоб, заявлений, ходатайств и предложений. Причем на практике реализация этого права, например, при обращении в Конституционный Суд РФ, способствовала утверждению и развитию иных основных прав и свобод (избирательные права, право частной собственности и др.)[1, с. 144-145].

Право судебного обжалования решений и действий (либо бездействий) органов государственной власти и местного самоуправления, их должностных лиц предусматривается ч. 2 ст. 46 Конституции РФ, наряду с этим в части 3 данной статьи также говорится о возможности обращения в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, в случае если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства такой защиты.

Следует отметить, что еще до принятия Конституции РФ в 1993 году уже существовал Закон РФ от 27.04.1993 N 4866-1 «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан», в котором говорилось: «Каждый гражданин вправе обратиться с жалобой в суд, если считает, что неправомерными действиями (решениями) государственных органов, органов местного самоуправления, учреждений, предприятий и их объединений, общественных объединений или должностных лиц, государственных служащих нарушены его права и свободы»[2]. Его действие распространяется как на государственных служащих, так и на муниципальных служащих в случае приравнивания их федеральным законодательством к государственным служащим.

Согласно данному Закону, действующему и в настоящее время, по результатам рассмотрения жалобы гражданина в случае признания ее обоснованной, суд признает обжалуемое действие (решение) незаконным и обязывает удовлетворить требование гражданина, а также отменяет примененные к нему меры ответственности либо иным путем

восстанавливает его нарушенные права и свободы.

Говоря о защите избирательных прав граждан необходимо отметить, что законодательство, регламентирующее порядок организации и проведения выборов, также имеет в своей основе нормы, которые устанавливают порядок восстановления нарушенных в ходе избирательного процесса прав и свобод граждан РФ.

В частности, в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» указано, что решения и действия (бездействие) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений, избирательных комиссий и их должностных лиц, нарушающие избирательные права граждан, могут быть обжалованы как в вышестоящую избирательную комиссию, так и в судебные органы [3].

В судебном порядке может быть отменено решение соответствующей комиссии о регистрации кандидата (списка кандидатов), об отказе в регистрации кандидата (списка кандидатов), об итогах голосования, о результатах выборов или иное решение комиссии.

Важную роль в процессе обжалования решений и действий органов власти и их должностных лиц играет оперативность рассмотрения подаваемых жалоб. Для этого законодательно установлено, что Суды и органы прокуратуры обязаны организовать свою работу (в том числе в выходные дни) таким образом, чтобы обеспечить своевременное рассмотрение жалоб.

Отмена избирательной комиссией или судом решения о результатах выборов в случае, если допущенные нарушения не позволяют выявить действительную волю избирателей, влечет признание результатов выборов по данному избирательному округу недействительными.

Право на обращение в суд с жалобой на нарушение избирательных прав принадлежит практически всем субъектам избирательных правоотношений, в частности: избирателям, кандидатам, их доверенным лицам, избирательным объединениям и их доверенным лицам, иным общественным объединениям, наблюдателям, а также комиссиям.

Проблема судебного обжалования решений избирательных комиссий со стороны обычных граждан как избирателей, то есть непосредственных участников избирательного процесса, являющегося одним из элементов открытости и демократичности выборов, до недавнего времени стояла достаточно остро, так как практика толкования и применения судами общей юрисдикции норм п. 1 ч. 1 ст. 134, ст. 220, ч. 1 ст. 259 ГПК РФ, а также п. 10 ст. 75 Федерального закона от 12.06.2002 N 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» зачастую неоправданно ограничивала права данной категории субъектов. Как правило, суды при рассмотрении этой категории дел приходили к выводу о том, что в данных правоотношениях не затрагиваются права, свободы и законные интересы

граждан, а затрагиваются лишь права политических партий при распределении между ними мандатов [4]. На наш взгляд, такой трактовкой, суд необоснованно ограничил конституционное право гражданина на судебную защиту, отдавая приоритет интересам и правам политических партий.

22 апреля 2013 года Конституционный Суд РФ разрешил данную коллизию, указав в своем решении, что суды общей юрисдикции не вправе отказывать в принятии к рассмотрению заявлений граждан, принимавших участие в выборах в качестве избирателей, в защиту своих избирательных прав, нарушенных при установлении итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах.

Основанием для рассмотрения данного дела послужили жалобы граждан а также Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области. Указанные граждане оспаривали конституционность части первой статьи 259 ГПК Российской Федерации, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», руководствуясь которыми Верховный Суд Российской Федерации и Колпинский районный суд Санкт-Петербурга пришли к выводу, что такое нарушение избирательного законодательства, как неправильный подсчет голосов, на которое заявители ссылались в обоснование своих требований, может повлечь за собой нарушение прав политических партий при распределении между ними депутатских мандатов, а не избирательных прав граждан; между тем действующее законодательство связывает право избирателей на обращение в суд с защитой именно их нарушенных прав, основаниями же для отмены решения соответствующей избирательной комиссии о результатах выборов по пропорциональной избирательной системе признаются лишь те нарушения избирательного законодательства, которые затрагивают права и интересы политических партий, список кандидатов которых допущен к распределению депутатских мандатов либо которым незаконно отказано в регистрации списка кандидатов.

Таким образом, по мнению заявителей, оспариваемые ими законоположения не соответствовали статье 3 (часть 3) Конституции Российской Федерации, поскольку необоснованно ограничивали круг лиц, имеющих право на оспаривание итогов голосования, результатов выборов, политическими партиями и, соответственно, не позволяли гражданам-избирателям в случае неправильного определения итогов голосования, результатов выборов добиваться их отмены.

Как следует из мотивировочной части Постановления, вынесенного Конституционным Судом РФ по результатам рассмотрения данного дела:

«…лежащий в основе взаимоотношений личности и публичной власти конституционный принцип взаимного доверия требует обеспечения государством уверенности граждан в том, что выборы как одна из высших форм непосредственного выражения народом своей власти достигают цели. Только при условии подлинно свободного волеизъявления избирателей и его неискаженной фиксации в формализованных итогах голосования, результатах выборов выборные органы и должностные лица публичной власти могут рассматриваться как органы демократического представительства народа. Соответственно, в условиях демократического правового государства гражданину как избирателю во всяком случае не может быть отказано в праве на осуществление в тех или иных установленных законом формах, включая юрисдикционные, контроля над процедурами, связанными с подсчетом голосов и установлением итогов голосования, а также в возможности правомерного реагирования на выявленные нарушения, - в противном случае он оказывался бы в положении не равноправного субъекта, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице его органов, а лишь объекта государственной деятельности, что противоречит конституционному требованию уважения и охраны государством достоинства личности во всех сферах, включая политические отношения (статья 21, часть 1; статья 45, часть 2, Конституции Российской Федерации)» [5]. Таким образом, Конституционный Суд РФ своей правовой позицией определил приоритет избирательных прав граждан как непосредственного источника власти и предотвратил искажение воли народа в процессе выборов.

Резюмируя вышесказанное, следует еще раз отметить важность и актуальность реализации права граждан на судебное обжалование решений и действий органов публичной власти и их должностных лиц, которая непосредственным образом связана с осуществлением и защитой иных конституционных прав и свобод личности. Выступая в качестве одного из элементов общественного контроля, данное право способствует наступлению правовых последствий как в виде восстановления нарушенного права, так и в применении мер юридической ответственности, что обеспечивает реальную действенность и эффективность такого контроля.

Список литературы

1. Комментарий к Конституции Российской Федерации. Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Издательство БЕК, 1996. С. 144-145.

2. Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан: Закон РФ от 27.04.1993 № 4866-1 (ред. от 09.02.2009) // РГ. 1993. №89; СЗ РФ. 2009. № 7. Ст. 772.

3. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 28.12.2013) // СЗ РФ. 2002. № 24. Ст. 2253; РГ. № 295. 30.12.2013.

4. http://sutyajnik.ru/documents/4447.html

По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи

134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А.В. Андронова, О.О. Андроновой, О.Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области: Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2013. № 5.

УДК 328. 36 + 342.52

ВОЗВРАЩЕНИЕ К СМЕШАННОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ НА ВЫБОРАХ В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ КАК ФАКТОР ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, БИЗНЕСА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

А.А. Вилков
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: vil57@yandex.ru

Статья посвящена анализу причин и последствий возвращения модели смешанной избирательной системы на выборах депутатов Государственной Думы и ее взаимосвязи с либерализацией многопартийности в современной России. Обосновывается оценка, что, несмотря на разнообразные возможности для инструментального и целенаправленного использования данной модели в интересах действующей власти, она создает объективные условия для появления новых политических сил и лидеров, способных повлиять на процесс политического и социально-экономического развития страны и сделать его более динамичным и эффективным для общества.

Ключевые слова: избирательная система, партийная система, выборы, региональные бизнес-структуры, политическое представительство, гражданское общество.

Turning back to the mixed system of voting in the state duma elections as a factor of interaction between the power, business, and civil society

A.A. Vilkov

This article is devoted to analysis of the reasons and consequences of turning back to the mixed system of voting in the State Duma elections and its relation to liberalization of multiparty system in contemporary Russia. The

author argues that in spite of different opportunities for instrumental and deliberate usage of such system in the current authority's interests it creates objective conditions for the birth of new political groups and leaders capable of influencing the process of political, social, and economic development of the country, making it more dynamic and fruitful for society.

Key words: electoral system, party system, elections, business groups, political representativeness, civil society.

В феврале 2014 года был принят ФЗ N 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [12]. Суть его сводится к тому, что происходит возвращение к смешанной избирательной системе, действовавшей на выборах в Государственную Думу в период с 1993 по 2003 гг.

Почему произошло это возвращение? Означает ли оно переход к той же модели 1990-х годов, которую в свое время справедливо критиковали и слева и справа? В чем смыл новаций и как они могут сказаться на взаимодействии власти и институтов гражданского общества?

Осмысление этих вопросов не только дает возможность объективно оценить происходящие перемены, но и выявить их тенденции, определить перспективы модернизации политической системы современной России.

Древние мыслители справедливо утверждали, что «нельзя дважды войти в одну и ту же реку». Это утверждение в значительной мере относится и ко «второму изданию» смешанной избирательной системы. Несмотря на многие формальные схожести с ситуацией 1990-х годов, данная модель в значительной степени будет реализовываться в других условиях и под воздействием совокупности других принципиальных факторов.

Наиболее важным общим признаком смешанной модели избирательной системы в России является ее взаимосвязь с плюралистической партийной системой. Действительно ситуация с многопартийностью, сложившаяся после выборов 2011-2012 гг. и начала либерализации данной сферы, внешне очень напоминает ситуацию 1990-х годов, когда в выборах депутатов Государственной Думы в 1995 году приняли участие 43 избирательных объединения. Важнейшая особенность российского партогенеза данного периода заключалась в том, что политическое и идеологическое многообразие возникающих протопартий не было подкреплено вызреванием и укреплением соответствующих идейно-политических ценностей, пользующихся поддержкой крупных социальных групп. Разнородные, пестрые конкурирующие друг с другом политические партии этого периода шли по пути поиска и укрепления своей социальной базы среди населения, которое в массе своей не было готово к осознанному выбору предлагаемых идеологических, идейно-мировоззренческих и лидерских ориентиров. Не было ни одной устойчивой партии (за исключением КПРФ), пользующейся стабильной поддержкой российского электората. Значительная часть общественно-

политических объединений не имели даже минимальной общероссийской структуры региональных отделений.

Сейчас ситуация принципиально иная. Либерализация многопартийности была реализована в условиях, когда сложился достаточно мощный костяк партийной системы с региональными отделениями, с известными партийными брендами и лидерами, которые получали неоднократную поддержку на выборах различных уровней. В чем же тогда смысл проведенных преобразований?

О масштабах переформатирования современной партийной системы можно судить по тому, что если в конце 2011 г. в России действовало 7 политических партий, то на 4 апреля 2014 г. на сайте Министерства юстиции Российской Федерации было зарегистрировано 77 политических партий [11]. Т.е. число зарегистрированных партий увеличилось ровно в 11 раз (с учетом того, что на рассмотрении минюста находится большое количество документов организационных комитетов политических партий о регистрации – это еще не предел).

В результате возникла такая пестрота основных сегментов партийно-идеологического пространства, разобраться в которой непросто не только рядовому российскому избирателю, но и специалисту партиологу. Анализ официальных программ новых партий показал, что некоторые из них очевидно являются формальными, представляя собой текст от 0,5 до 1,5 страниц. Например, «Демократическая партия России» представила официальную программу, которая состоит из 12 коротких тезисов на половину страницы, в том числе о «легализации откупа от службы в армии» [8]. Подобные параметры программ характерны также для политической партии «Союз горожан» (212 слов), Всероссийской политической партии «Народная партия России» (128 слов), Всероссийской политической партии «Социал-демократическая партия России» (188 слов), Политической партии «Коммунистическая партия социальной справедливости» (359 слов) [10]. Такие характеристики позволяют предположить, что данные партии не нацелены на серьезную работу с избирателями и рассчитывают функционировать, либо как партии-спойлеры, либо как инструментальные партии, предназначенные для достижения каких-то конкретных локальных целей (например, для политического продвижения своих лидеров на выборах по какому-либо одномандатному округу).

Некоторые из них однозначно предназначены для оттяжки голосов у партий-фаворитов. Подтверждением тому является состав кандидатов на текущих выборах от данных партий. Например, лидером Коммунистической партии социальной справедливости (КПСС), главной целью которой, судя по программе, является «превращение Российской Федерации в полноценное социалистическое государство без угнетателей и угнетенных» [7], стал бывший активный член «Единой России» и бывший член правительства Саратовской области Юрий Морозов [5]. Появление таких партий-спойлеров наглядно свидетельствует об одной из

целей проведенной либерализации партийной системы - создание условий для новых политических технологий, обеспечивающих целенаправленное воздействие на результаты выборов.

Однако сводить суть проведенных преобразований только лишь к данному результату было бы ошибочным. Дело не только в том, что либерализация партийной системы стала определенной реакцией на массовые протестные акции 2011-2012 гг. российских граждан, недовольных существующим режимом. Она должна была продемонстрировать готовность действующей власти к демократическим преобразованиям, которые должны были устранить обозначившиеся противоречия в этой области. Одним из них стала недостаточность представительства интересов конкурирующих региональных бизнес-элит с помощью сложившейся партийной системы.

Ориентация бизнес-групп на партии-фавориты приводила на местах к тому, что на региональных выборах к межпартийной конкуренции добавлялась внутрипартийная конкуренция. Например, на выборах в саратовскую городскую думу в марте 2006 г. четко обозначилось противостояние различных политических сил и стоящих за ними групп влияния. Причем выборы показали, что линии размежевания их интересов намного сложнее региональной партийной конфигурации. Обусловлено это было не только применяемой смешанной избирательной системой (20 одномандатных округов и 21 место по партийным спискам), но и тем, что группы влияния нередко делали ставку на одну и ту же партию. На электоральном поле столкнулись интересы групп, которые местные журналисты окрестили как «люди Володина», «люди Грищенко», группы «Рим», «Каштан», «Нарат», «Астек-С», «Вита» и «Торговый центр» [3]. В ряде округов «володинцы» и «грищенковцы» очевидно или завуалировано конкурировали как кандидаты от «Единой России». Причем не всегда это было следствием применения тактических приемов для подстраховки ведущего кандидата от возможных срывов избирательной кампании в результате консолидированного снятия кандидатур всех реальных конкурентов.

Другим примером внутренних разногласий стало выдвижение в одном округе на довыборах в облдуму двух кандидатов-единороссов П. Угланова и А. Воронкова [2]. Подобные противоречия имели место и в других округах области, например, в марксовском районе, где глава администрации Ю.Моисеев занял позицию, не соответствующую решению политсовета регионального отделения «Единой России» [4]. В Балашове скандальная ситуация имела место вокруг А. Паскаля, который после исключения из рядов партии, продолжал позиционировать себя единороссом [1]. Депутат городской думы Саратова В. Максимов был исключен из партии за отказ покинуть «свой» избирательный округ, где была выдвинута другая кандидатура единороссов. В Вольске из «Единой России» был исключен человек, стоявший у истоков ее местного отделения [9].

Подобная ситуация была характерна и для других регионов. Очевидно, что в условиях тесного переплетения формально-партийных и неформально-клиентелистских институтов партийная фрагментация и реальная конфигурация взаимоотношений внутри региональной элиты далеко не всегда совпадают Известны случаи, когда несколько партий находятся под контролем одной группировки, а одна партия контролируется разными акторами [6, с. 115].

Переход к смешанной избирательной системе воссоздает предпосылки для того, что мелкие региональные бизнес-группы, не обладая ресурсами для поддержки проходных партий, смогут делать ставку на проведение депутатов-лоббистов по одномандатным округам. Причем возможны несколько основных вариантов такого проведения.

Одним из них является поддержка непроходной (по пропорциональной составляющей) партии, лидер которой выдвигает свою кандидатуру в одномандатном округе, в котором и концентрируются все организационные и информационные ресурсы для продвижения партийного кандидата. Данные технологии были хорошо отработаны еще в 1990-е годы. Современный ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» создает определенные ограничения для их применения, но не устраняет полностью. Для минимизации данных преимуществ ФЗ содержит достаточно много ограничений по предельным суммам, которые можно израсходовать на избирательную кампанию по общефедеральному округу, по отдельным субъектам Российской Федерации и по отдельным округам. Статья 71.3 гласит: «Предельная сумма всех расходов из средств избирательного фонда политической партии не может превышать 700 миллионов рублей. В указанную сумму не включаются расходы из средств избирательных фондов региональных отделений политической партии». Статья 71.9 определяет, что «Предельная сумма всех расходов из средств избирательного фонда кандидата не может превышать 15 миллионов рублей» [12]. Простое соотнесение финансовых ресурсов избирательного фонда партии (даже на региональном уровне оно колеблется от 15 миллионов рублей до 100 миллионов рублей, в зависимости от количества избирателей) и независимого кандидата наглядно показывает разницу их возможностей для проведения предвыборной агитации. Несмотря на многочисленные ограничения по возможностям использования данных средств, понятно, что партийный лидер, многократно заявивший о себе в ходе политической рекламы на федеральном телевидении будет более известен избирателям, чем беспартийный кандидат, имеющий доступ в ходе избирательной кампании только к региональным СМИ. В условиях чрезвычайно фрагментированного партийной конкуренцией и перенасыщенного политическими сообщениями информационного пространства, данное обстоятельство может стать решающим для победы.

Другим, не менее распространенным вариантом является вложение

денег не в партийных кандидатов (которые, в случае победы, в своей депутатской деятельности в той или иной степени связаны партийной дисциплиной), а в ярких, оригинальных и беспринципных политиков, которым все равно, чьи интересы представлять, лишь бы за это больше платили.

Статья 6 ФЗ возвращает норму о возможности непосредственного выдвижения кандидатов-одномандатников в порядке самовыдвижения, а также политическими партиями[12]. Фактически тем самым устраняется главное препятствие для реализации беспартийными своего конституционного пассивного избирательного права на выборах депутатов Государственной Думы, которое возникло в результате использования чисто пропорциональной избирательной системы.

Как представляется, возможность участия в выборах независимых беспартийных кандидатов создает определенные предпосылки для их целенаправленного использования в рамках соответствующих политических технологий. Это, прежде всего, возможность для сильного кандидата целенаправленного выдвижения формально «независимого» кандидата, главная задача которого - подстраховать фаворита от отмены выборов в округе, в результате снятия кандидатур всех конкурентов. Данный «подставной» кандидат может одновременно выполнять целый ряд дополнительных задач для усиления ресурсов кандидата-фаворита. Например, его вялая агитационная кампания может служить контрастным фоном, на котором яркая предвыборная агитация главного претендента будет выглядеть особенно выигрышно. Другим, наиболее распространенным способом выступает жесткая (нередко на уровне грязных технологий) критика и разоблачения со стороны такого «подставного» кандидата в адрес основных конкурентов своего «хозяина».

Оценивая смешанный вариант избирательной системы, можно отметить, что он более сложен и содержит существенный потенциал возрастания рисков непредсказуемости результатов. Тем не менее, данная модель вновь была законодательно реанимирована. Объяснить данный «реверс» можно совокупностью разнородных факторов. Думается, не последнюю роль сыграло протестное движение, на критику которого действующей власти невозможно было не отреагировать. Кроме того, смешанная система устранила очевидное конституционное противоречие в отношении ограничений пассивного избирательного права для беспартийных, которое имело место в рамках пропорциональной избирательной системы. Это нарушение отмечалось не только радикальными и системными оппозиционерами, но и всеми правоведами.

Мажоритарная составляющая выборов по одномандатным округам неизбежно повысит роль личностных характеристик кандидатов, независимо от их партийности или беспартийности, усилит их ориентированность на реальные проблемы округа, сделает более тесной связь депутатов-одномандатников со своими избирателями, повысит их

ответственность за свои предвыборные обещания.

Важно учитывать, что переход к смешанной избирательной системе проводится в «пакете» с либерализацией партийного пространства современной России. Официальная аргументация также обосновывает проект партийных преобразований как реакцию на критику оппозиционных сил на имитационный характер сложившейся многопартийности и отсутствие возможности для граждан выразить свою политическую позицию в условиях доминирования «Единой России». Реально, как представляется, главная задача проекта заключается в создании предпосылок для инновационного «прочтения» и совершенствования проверенных в 1990-е гг. избирательных технологий в условиях конкурентной борьбы множества мелких партий и «независимых» кандидатов на выборах в Государственную Думу по смешанной избирательной системе. Непредсказуемость результатов выборов в таких условиях несколько возрастает, но политическая выгода очевидна – снимаются главные претензии в отсутствии партийной конкуренции и плюрализма идеологий, в ограничении реальных возможностей для беспартийных российских граждан реализовать свое пассивное избирательное право. Выборы осенью 2012-2013 гг. продемонстрировали две основные тенденции. Первая связана с адаптацией политических технологий использования административного ресурса на выборах для сохранения доминирующих позиций «Единой России» в новых условиях. «Единая Россия» в условиях резко возросшей партийной фрагментации продолжает побеждать на выборах всех уровней.

Вторая, на наш взгляд, стратегически более значимая – отражает потенциальные возможности появления новых политических сил и лидеров, которые потеснят сложившийся партийно-политический расклад и изменят конфигурацию взаимоотношений власти и общества. Обусловлено это тем, что изменение количественных параметров многопартийности объективно создает условия для усложнения политической системы современной России и вариативности развития ситуации на выборах любого уровня. Появление новых и активизация партийных лидеров «старых» партий делают выборы более непредсказуемыми, и не только значительно ослабляют накопившиеся претензии к доминированию партии власти, но и создают определенные предпосылки для новых каналов политического представительства интересов региональных бизнес-групп в законодательных и исполнительных органах власти различных уровней.

Список литературы

1. Колобродов А. Город Зеро // Новые времена. 2006. 21-27 апреля; Шпынова Н. Бои без правил // Зеркало. 2006. 19 апреля .

2. Колобродов А. Двое в одном округе // Новые времена. 2006. 1-7 сентября; Володина В. Какому числу дума порадуется? // Саратовский Расклад. 2006. 5 – 11 октября. № 35 (143)

3. Крутов А. Битва групп за Думу // Богатей. 2006. 10 марта; Выборнов А. Парламентаризм по-саратовски // Новые времена. 2006. 17-23 марта; Селиванова А. И за ценой не постоят… // Саратовский расклад. 2006. 16-22 марта.
4. Моисеев Ю. «Мы устали от войны» // Взгляд. 2006. 25-31 мая; Дмитриев Б. Маркс атакуют // Новые времена. 2006. 17-23 февраля.
5. На выборы 8 сентября КПСС пойдет во главе с бывшим "единороссом" из Саратова // URL: Режим доступа: http://top.sarbc.ru/main/2013/08/09/140752.html Дата обращения 17. 08. 2013 г
6. Панов П.В. Реформа региональных избирательных систем и развитие политических партий в регионах России: кроссрегиональный сравнительный анализ // Полис. 2005. № 5. С. 115.
7. Программа политической партии «Коммунистическая партия социальной справедливости» // URL: Режим доступа: http://minjust.ru/ru/node/2291 Дата обращения 8. 08. 2013
8. Программа политической партии «Демократическая партия России» // URL: Режим доступа: http://minjust.ru/ru/node/2226 Дата обращения: 23 июля 2013 г.
9. Сергеев С. Скандал в благородном семействе // Зеркало. 2006. 5 апреля.
10. Список зарегистрированных политических партий // URL: Режим доступа: http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok Дата обращения 8. 08. 2013
11. Список зарегистрированных политических партий // URL: Режим доступа: http://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok Дата обращения 04.04. 2014 г.
12. Федеральный закон от 22.02.2014 N 20-ФЗ "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" // Документ предоставлен КонсультантПлюс www.consultant.ru Дата сохранения: 28.02.2014

УДК 329.1/.6

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ И ИДЕЙНАЯ ИНВЕРСИИ ЛИБЕРАЛИЗМА В РАМКАХ ПАРТИЙНОГО ПРОЕКТА «ЕДИНОЙ РОССИИ»

А.В. Головченко
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: golovchenkoav@mail.ru

Статья посвящена анализу проблем потребления медицинских услуг пожилыми семьями в современном российском обществе. Подчеркивается, что провал либеральных партий на выборах в Государственную Думу в 2000-е годы, привел к фактическому их уходу из сферы большой российской политики и определенной маргинализации в виде превращения в несистемную оппозицию. Однако ключевые ценности либерализма продолжали быть востребованными в российском обществе. Такая ситуация во многом связана с тем, что либеральные ценности и принципы закреплены в качестве базовых основ Конституции Российской Федерации и соответственно используются во всей системе политической социализации для воспитания подрастающего поколения.

Ключевые слова: Партия, либерализм, партийное строительство.

Orgnizational and ideological inversion of liberalism as part of the party project «united Russia»

A.V. Golovchenko

This article focuses on the analysis of the use of medical care with elderly families in our modern Russian society. The article points out, that failure of the Liberal Parties in the elections for the State Duma made them virtually leave the sphere of big-time Russian politics and come to the marginalization – turn into non-systemic opposition. However, the main values of liberalism remained highly actual in Russian society. This situation is closely connected to the position of liberal values and principles as a foundation of Constitution of Russian Federation, and its role in the whole system of political socialization for the younger generation's education.

Key words: Party, liberalism, party construction.

Одним из проявлений значимости либерального дискурса стало его активное использование в публичной деятельности «Единой России». Идея выделения правового и левого крыла в партии высказывалась достаточно давно, однако фактическая институциализация либеральной платформы произошла лишь в феврале 2013 г. К этому моменту процедура регистрации политических партий была значительно упрощена, что привело к оживлению праволиберального партийного спектра и активному участию его представителей на выборах различного уровня. 4 февраля 2013 года на официальном сайте «Единой России» появилось сообщение о создании Либеральной политической платформы партии «Единая Россия», открытой для всех сторонников либеральных идей, а не только для членов партии [4].

В своем манифесте координаторы Либеральной политической платформы заявили, что:

- «процветание и справедливость для всех граждан России не могут быть достигнуты без либеральных идей и что образ процветающей России — это образ страны свободы;
- либеральные идеи можно реализовать только с сильным государством, способным защитить свободы от внешних и внутренних угроз;
- самой надежной опорой всех свобод является национальная буржуазия;
- средства массовой информации должны помогать решению задачи объединения нации;
- национальное гражданское общество должно взять на себя задачу самоорганизации в решении проблем социальных институтов;
- либерализм — это идея развития страны в том направлении, которое определяется в результате свободного выбора ее народа. Мы

уверены, что либерализму присуще сочетание частного и общего интересов» [4].

Анализ данных программных положений свидетельствует, что «Единая Россия» тем самым обозначила свое стремление к конкуренции на либеральном поле за счет актуализации принципиальных отличий от радикальных его вариантов. Признавая значение свободы, как фундаментального принципа общественно-политического развития, координаторы делают акцент на особой роли сильного государства в современной России, без которого невозможно решить ни одну из модернизационных задач. Несмотря на то, что партия в целом позиционировала себя как представительницу самых широких слоев российского общества, национальная буржуазия в Либеральной платформе объявлена самой надежной опорой всех свобод в современной России. Свобода слова, которая для большинства либералов является базовой ценностью, оговаривается координаторами определенным условием, что СМИ должны помогать объединению нации. Следовательно, все остальные функции средств массой информации (по выявлению недостатков в политической жизни, в деятельности конкретных органов власти, политических партий, и др.) не должны противоречить ключевой задаче единения нации. Кроме того, в отличие от классического либерализма, акцент сделан не на индивидуализме, а на необходимости сочетания частного и общего интересов.

Координаторы Либеральной платформы (В. Плигин, В. Зубарев, В. Фадеев) в качестве основных задач своего объединения обозначили продвижение либерального подхода к решению важнейших общественно-политических и социально-экономических проблем, соответствующее влияние на принимаемые решения на всех уровнях власти, выдвижение инициативных кадров. По их мнению, «в политическом поле России нет других партий, кроме «Единой России», способных реализовать либеральные ценности: свободу, частную собственность, справедливость, солидарность, суверенитет» [4]. Все другие версии либерализма оцениваются как «узкие» и не соответствующие интересам России. Наиболее острой критике в таком либерализме авторы Либеральной платформы «Единой России» подвергают отрицание регулирующей роли государства, отрицание позитива в советском опыте, заискивание перед Западом, абсолютизацию роли свободных выборов. По их мнению, существующие в России либеральные политические течения следует классифицировать как псевдолиберализм:

- «радикальный либерализм, зовущий к развалу государства, к новой революции;
- космополитический либерализм, отрицающий национальные интересы России и приносящий их в жертву чуждым политическим и

экономическим интересам;

- шовинистический либерализм, зовущий к изгнанию из России или отделению от нее малых народов и их государственных образований, а фактически — к возвращению России в границы Московского княжества XV века;
- авторитарный либерализм, призывающий повторить в России преступные опыты Пиночета;
- либертарианство, предлагающее фактически отказаться от социальных обязательств: пенсий, бесплатных образования и здравоохранения, а также от программ развития и технологического обновления экономики» [4].

На наш взгляд, на практике «радикальный либерализм» в лице РПР-Парнас и Другой России вобрал в себя все обозначенные его разновидности (за исключением «шовинистического»). Именно данные характеристики (отчасти воплощенные в ходе реформ 1990-х годов) и стали основной причиной того, что российские граждане перестали голосовать за праволиберальные партии. Однако, авторы платформы не упомянули, что сами они используют идеи социального либерализма, которые на протяжении двух десятилетий активно обосновывал и пропагандировал Г.А. Явлинский в рамках своего общественно-политического движения «Яблоко». Т.е. фактически либералы-единороссы позаимствовали у него значительную часть программы.

Тем не менее, речь идет не о простой позиционной конкуренции «Единой России», которую они ведут практически на всем политическом пространстве, охватывая также центристский и социал-демократический спектр. На либеральном фланге Либеральная платформа «Единой России» выделила несколько ключевых направлений, к которым периодически привлекается внимание российских граждан. Одним из них является поддержка предпринимателей. Данной проблематике было посвящено открытое заседание на тему «Проблемы формирования условий для предпринимательской среды» [2]. В качестве стимулирующих мер Либеральная платформа предлагает «снижение страховых выплат, предоставление «налоговых каникул», а так же выделение субсидий и другой финансовой поддержки для раскрутки бизнеса» [1]. Важнейшую роль координаторы Либеральной платформы отводят разработке экономической доктрины современной России. В ее основе должны лежать идеи проведения индикативного планирования и долгосрочного прогнозирования, которое должно обеспечить экономический рост. «Необходимо создать и пустить в эксплуатацию многоуровневую автоматизированную систему прогнозирования, стратегического планирования и управления народным хозяйством» [3]. Однако в отличие от классических либералов, единороссы ведущую роль и командные высоты в экономике отводят государственным

корпорациям.

Еще одной инициативой «Единой России» стал партийный проект «Комфортная правовая среда», который стартовал 24 октября 2013 года. В рамках проведенных круглых столов и встреч с предпринимателями, состоялись, в частности консультации о проблемах бизнеса, связанных с рейдерским захватом предприятий и были сформулированы предложения по законодательной защите предпринимателей [5]. Фактически акцент был сделан на необходимости формирования в стране правового государства, на эффективной работе судебной системы, на прозрачности деятельности исполнительных органов власти, на формировании уважения к правам и свободам человека [6].

В целом, подводя итог либеральному проекту «Единой России», можно констатировать, что функционально он предназначен для привлечения внимания тех либерально ориентированных российских граждан, которые недовольны сложившейся политической и социально-экономической системой, повсеместной коррупцией и бюрократическими препонами в предпринимательской деятельности. Идейно данный проект списан с программы Яблоко, но содержательно включает в себя использование властного и информационного ресурса «Единой России». Суть организационной инверсии либерализма состоит в том, что утраченные электоральные ресурсы правых партий попытались целенаправленно институализировать в виде самодостаточной платформы в рамках правящей партии, для того чтобы продемонстрировать ее приверженность либеральным ценностям и принципам.

Список литературы

1. Либеральная платформа – о развитии предпринимательства // URL: Режим доступа: Дата обращения http://er.ru/news/2013/8/9/liberalnaya-platforma-o-razvitii-predprinimatelstva/ 12 марта 2014 г.
2. Либеральная платформа «Единой России» обсудит проблемы предпринимателей // URL: Режим доступа: http://er.ru/news/2013/10/8/liberalnaya-platforma-edinoj-rossii-obsudit-problemy-predprinimatelej/ Дата обращения 12 марта 2014 г.
3. Либеральная платформа обсудила новую экономическую доктрину // URL: Режим доступа: http://er.ru/news/2013/7/10/liberalnaya-platforma-obsudila-novuyu-ekonomicheskuyu-doktrinu/ Дата обращения 12 марта 2014 г.
4. О создании Либеральной платформы в партии «Единая Россия» // URL: Режим доступа: http://er.ru/news/2013/2/4/manifest-rossijskogo-politicheskogo-liberalizma/ Дата обращения 11 марта 2014 г.
5. Партпроект «Комфортная правовая среда» идет в регионы // URL: Режим доступа: Дата обращения http://er.ru/news/2013/11/1/partproekt-komfortnaya-pravovaya-sreda-idet-v-regiony/ 12 марта 2014 г.
6. Плигин: «Комфортная правовая среда» получает высокую оценку // URL: Режим доступа: Дата обращения http://er.ru/news/2013/11/1/pligin-komfortnaya-pravovaya-sreda-poluchaet-vysokuyu-ocenku/ 12 марта 2014 г.

УДК [329:316.663.24](470+571)

К ВОПРОСУ О РОЛИ И МЕСТЕ ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СТРАНЫ В ЭПОХУ МОДЕРНИЗАЦИИ

В.И. Головченко
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: golovchenkosgu@mail.ru

Статья посвящена исследованию проблемы определения роли и места партийной элиты в модернизационных процессах современной России. Автор акцентирует внимание на вопросах, связанных с социально-групповыми характеристиками правящей партийной элиты, ее мотивациями, управленческими качествами, культурным потенциалом, особенностями самопозиционирования. В работе отмечено, что успешное модернизационное развитие России определяется, прежде всего, соответствующей направленностью действий партийных элит, их ориентацией преимущественно на ценности развития, а не на сохранение статус-кво.

Ключевые слова: партийная элита, модернизация, рекрутинг, групповые интересы.

To the question on the role and place of the party elite in the political life of the country in the era of modernization

V.I. Golovchenko

The article is devoted to research of the problem of determining the role and place of the party elite in modernization in modern Russia. The author focuses on the issues related to socio-group characteristics of the ruling party elite, its motivations, managerial qualities, cultural potential, features positioning itself. It was noted that the successful modernization of Russia is mainly determined by the corresponding direction of the actions of party elites, their focus on the values of development, rather than on maintaining the status quo.

Key words: party elite, modernization, recruiting, group interests

В настоящее время наиболее значимой проблемой для российского общества и его партийно-политической элиты остается модернизация экономики, политико-правовых институтов и социокультурной среды. Современные реалии политической жизни свидетельствуют о наличии маятникообразных колебаний между попытками модернизации и традиционализацией. Современное российское общество уже более двадцати лет находится в состоянии перехода от советской модели экономики и политической системы к новому типу институциональной

организации, призванной обеспечить развитие свободных рыночных отношений в экономике и демократии в политической жизни, однако, несмотря на длительный срок осуществления преобразований, в настоящее время все еще трудно сказать, что поставленные реформаторами цели близки к достижению [1]. В эпоху модернизации в научном познании актуализируется интерес к элитам, и, прежде всего, к политическим, партийным. Данный интерес выражается, как правило, в активизации аналитического дискурса, свидетельством которого являются элитологические исследования в политологии.

В настоящее время в мировой политической элитологии фигурируют две базовые элитологические доктрины: иерархическая (Р. Миллс) и полиархическая (Р. Даль) [8]. Правда, в российской элитологии выделяется своеобразная, так называемая полицентрическая модель, отображающая разнообразие моделей взаимодействия элит. Кроме того, следует отметить, что в западной политологии доминирует в элитологических исследованиях институциональная (неоинституциональная) доктрина, в то время как в российской элитологии апеллируют к лидерам и партиям, отчетливо сознавая слабость российских политических институтов и их достаточно формальную роль в элитогенезе.

С точки зрения А.В. Понеделкова, более доктринально-репрезентативной выглядит позиция о незавершенности процессов институционализации элитогенеза, представляющая российские элиты в качестве протоэлитных сообществ[4, с. 38.]. Таким образом, более адекватной моделью элит в этом случае выглядит полицентричная, органично вписывающаяся в многосоставное российское общество.

На фоне модернизации многообразные и динамичные политические процессы подвержены властному, управленческому воздействию, сфокусированному, прежде всего, в идеократической партийно-номенклатурной системе, в которой главным центром влияния выступает современная партийно-политическая элита. Вместе с тем наблюдается элитократизация, обособление партийных элит от общества и максимальная концентрация в их руках средств влияния и материальных ресурсов. При этом сохраняются различные источники элитогенеза (бюрократический, этнический, милитократический, экономический, интеллектуально-информационный, криминальный). Наряду с этим сохраняются попытки утверждения партийно-политической элиты в качестве доминирующего центра.

Современные партийные элиты по сравнению с 90-ми гг. прошлого века менее гетерогенны по своим политико-идеологическим ориентациям, они более четко идентифицируют свои интересы в системе государственных целей и приоритетов; более подготовлены к современному публичному политическому дискурсу [5]. Анализ содержательных оценочных позиций, проявившихся в последние годы, показывает заметное расхождение в оценках состава и деятельности партийных элит по оси «сущее - должное». Сущее - это достаточно низкая

оценка их деловых, человеческих и гражданских качеств. В последнее время обозначился острый запрос на партийно-политическую элиту, чутко реагирующую на интересы и запросы общества, и сформированную по качествам гражданственности, профессионализма, компетентности, а также в зависимости от их реальных заслуг и достижений. В оценочном контексте подобные ожидания свидетельствуют о предпосылках делегитимизации партийно-политической элиты во властных структурах. Следует отметить, что пути и механизмы коррекции состава и деятельности элит в достаточной степени известны и апробированы, но блокируются рядом влиятельных групп внутри самого элитного сообщества, поэтому оптимизация кадровой политики и решение проблемы реформирования системы управления, думается, возможны в настоящее время, в основном, за счет использования властных полномочий высших руководителей страны.

В постсоветский период произошло замещение и обновление региональных элит. Партийно-комсомольская номенклатура, получившая управленческий опыт в партийных структурах и органах советской власти была постепенно замещена людьми, получившими первичный опыт уже в структурах современной администрации. Таким образом, за прошедшие годы региональные элиты значительно обновились и в структурном, и в деятельностном, и в идеологическом отношениях. Вместе с тем региональной бюрократии так и не удалось создать устойчивые механизмы рекрутирования партийно-политической элиты в органы власти и управления. Решению этой проблемы не содействовали ни новая партийная система, ни усовершенствованные параметры административной карьеры.

В эпоху модернизации особенную остроту приобретает проблема качественного состава партийных элит. Если говорить об эволюции партийно-политической элиты в постсоветский период, то следует отметить, что современное общество оказалось малоприспособленным для перехода к меритократическому подходу в формировании элит. Так, по мнению О.И. Шкаратана, в настоящее время «сложилось медитократическое общество, где власть принадлежит людям со средними интеллектуальными возможностями, что не позволяет вести общество за собой» [6, с. 434]. Следовательно, трудности модернизации можно интерпретировать, принимая во внимание факторы, связанные с социально-групповыми характеристиками правящей партийной элиты, ее мотивациями, управленческими качествами, культурным потенциалом, особенностями самопозиционирования [7]. О. Гаман-Голутвина считает, что в основе неудач модернизационных проектов на постсоветском пространстве выступает слабость модернизационных ценностей и установок в структуре мотивационных характеристик элит [2, с. 135].

В то же время существуют факторы, которые приводят к росту закрытости современных политических элит и их дистанцированию от

массового слоя, а это, в свою очередь, означает закрытость и дистанцированность партийных элит от народа с точки зрения стоящей перед страной задачи модернизации. Думается, что эффективность модернизации зависит, прежде всего, от политической и гражданской составляющих, от стратегической роли правящей элиты в определении приоритетов развития страны.

Анализ влияния деятельности политико-управленческих элит на эффективность модернизации показывает, что одной из основных функций партийной элиты как института современного российского общества является стратегическая функция, содержание которой в нынешних условиях измеряется приоритетным участием в выработке и осуществлении стратегии социально-экономической модернизации. Современная ситуация в России требует от политической элиты идентификации с ценностями развития и соответствующую этому ориентацию на цели развития. При этом условии характер деятельности элиты, как ведущего коллективного актора в процессе модернизации, мог бы быть социально-конструктивным.

Как известно, российская модернизация осуществляется рывками и является, по сути, реакцией на приходящие извне вызовы, демонстрируя при этом догоняющий и реактивный характер. Российская модернизация исторически не имела внутри локального социокультурного поля иных источников развития, кроме инициативы и концепции политических элит, поэтому важнейшими чертами российской модели модернизации являются ее экстраординарность и мобилизационность. С другой стороны деятельность партийной элиты в условиях неразвитости гражданских институтов носит компенсаторный и ограниченный характер. «Будучи единственным инициатором модернизационных изменений, элита всегда ограничивала их технико-технологической и экономической сферой, – считает И.И. Имгрунт, – не доводя этот процесс до полномасштабных либерализирующих социальную жизнь преобразований» [3, с. 52]. Вместе с тем, издержки и риски процесса модернизации для партийной элиты были относительно велики, а преференции и привилегии определялись, как правило, высоким служебным социальным статусом.

В настоящее время мобилизационный характер российской модели модернизации, очевидно, является архаичным и неэффективным. В этих условиях партийная элита, как и все общество, оказалась не способной к диверсификации своих управленческих практик, и готовности идентифицировать свою позицию с ценностями и целями модернизационного развития. При этом Гаман-Голутвина указывает на «негативный консенсус элиты и масс по отношению к ценностям развития» [2, с. 137].

Утрата лидирующей роли и стратегических установок партийной элиты в процессе модернизации вызвана целым рядом причин. Одной из главных, на наш взгляд, является проблема рекрутинга партийно-

политической элиты, которая напрямую связана с характером институциональных трансформаций 90-х гг. прошлого века, и которая проходила без радикальной смены политико-управленческой элиты. Партийно-советская номенклатура, пожертвовав догматами коммунистической идеологии и социалистическими ценностями, не только сохранила ключевые позиции в реформированных властных структурах, но укрепила и повысила свой статусный уровень, что позволило ей конвертировать его в финансовые преференции. Трансформация экс-номенклатуры стала основой формирования неформальной солидарности власть имущих, которая в условиях неразвитого гражданского общества и социальной индифферентности масс сформировала механизмы закрепления элитных статусов и связанных с ними привилегий.

Групповые интересы партийных элит, аффилированных с бизнес-структурами, направлены в первую очередь на поддержание собственных привилегий и, следовательно, на сохранение сложившегося социального статус-кво. Принципиальным является то, что ограниченный характер рекрутинга партийной элиты приводит ко все большей дистанцированности элит от массы населения. В этой ситуации у партийной элиты есть выбор: или ориентировать свою идеологию и действия на цели, связанные с частногрупповыми интересами, или – на интересы общества в целом, и действовать в соответствии с ними. В первом случае она вынуждена отказаться от выполнения стратегической функции и усиленных вложений в развитие; во втором ориентация на развитие является необходимой. Судя по параметрам практик элиты, в настоящее время она реализует первый вариант.

Об этом свидетельствуют не только неизменное присутствие в российской политической системе неформальной солидарности партийной элиты и власть имущих, но и завышенный объем иллегальных практик теневой политики, расцвет политической и управленческой коррупции, большая заинтересованность элиты в силовиках, нежели в ученых и мыслителях, сохраняющийся, несмотря на все декларативные меры, дефицит вложений в здравоохранение и образование. Сохранение статус-кво, включающего неформальные элитные привилегии, заботит партийные элиты гораздо больше, чем реальная результативность модернизации. Отсюда активные поиски валидной консервативной идеологии и использование уже имеющегося потенциала традиционализации общества.

Таким образом, анализ факторов, влияющих на оптимизацию путей реформирования и эффективность процесса модернизации в стране, свидетельствует о необходимости определения роли и места партийных элит в политической жизни России в эпоху кардинальных преобразований. Следовательно, успешное модернизационное развитие зависит, прежде всего, от направленности действий партийных элит, их ориентацией преимущественно на ценности эволюционного развития, а не на сохранение престижного статус-кво.

Список литературы

1. Ашин Г.К., Понеделков А.В., Старостин А.М., Кислицын С.А. Основы политической элитологии. М., Книжный дом «Либерком», 2013.- 504 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Авторитаризм развития или авторитаризм без развития: судьбы модернизации на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4. С. 134-139.
3. Имгрунт И.И. Потенциал и практики политических элит в социальном пространстве российского общества // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. с. 48-55.
4. Понеделков А.В., Старостин А.М., Швец Л.Г. Современная элитология: когникативный дискурс // Гуманитарий Юга России. 2013. № 4. с. 33-47.
5. Человеческий капитал российских политических элит. Политико-психологический анализ /под ред. Е.Б. Шестопал. А.В. Селезнева. М.: РОССПЭН, 2011. – 305 с.
6. Шкаратан О.И. Социология неравенства: теория и реальность. М.: Изд. дом ВШЭ, 2012. – 526 с.
7. Шляпентох В.Э. Элиты, а не массы – главный хранитель консерватизма и главный мотор социальных изменений в России [Электронный ресурс]. URL: http//www.isras.ru/files/File/Blog_modern_Shlyapentoh.pdf.
8. Элиты и общество в сравнительном измерении / под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. М.: РОССПЭН, 2012. – 448 с.

УДК 32.01

ЧЕЛОВЕК В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА: ЕГО РОЛИ И СТАТУСЫ

М.В. Данилов
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: Super9999@yandex.ru

Статья посвящена исследованию процессов политизации общественных отношений. Автор выделяет четыре типа участников процесса политизации: политизаторы, интеллектуалы, активисты и обыватели. На основе анализа реальных политических ситуаций дается характеристика каждому из этих типов. Нарушение «нормального» распределения граждан по данным типам является свидетельством нарушения баланса политических и неполитических оснований общества.

Ключевые слова: политика, политизация, стабильность, политическое участие, политические роли, политический кризис.

Person under politicization of society : his role and status

M.V. Danilov

The article investigates the processes of politicization of public relations. The author distinguishes four types of participants in the process of politicization: politizatory, intellectuals, activists and ordinary citizens. Based on the analysis of real political situations given the characteristics of each of these

types. Violation of the "normal" distribution of citizens on these types of evidence is an imbalance of political and non-political bases of society.

Key words: politics, politicization, stability, political participation, political roles, the political crisis.

Развитие многих общественных процессов сопровождается их усиленной политизацией. В результате, явления, которые еще до недавнего времени находились в лоне неполитических сфер жизни общества, приобретают политический статус со всеми вытекающими из этого последствиями. Нередко, политизация социальных отношений используется разнообразными заинтересованными сторонами как технология ускоренного достижения своих целей. Эффективность политизации общественных отношений в целом и конкретной ситуации, в частности, зависит от того, насколько значительной будет группа сторонников политического сценария решения неполитических вопросов.

Мы считаем, что определяющим факторами при типологизации ролевых статусов человека в условиях политизационных процессов являются способность к восприятию политической информации, в том числе альтернативной, а также готовность принимать участия в реальной политической деятельности. В результате взаимного действия указанных переменных получается следующая матрица типов политических акторов, участвующих в политизации общественных отношений (См.: рис. 1):

Рис.1 Типы политических акторов, участвующих в политизации общественных отношений

Политизаторы – это непосредственные инициаторы, вдохновители и руководители процесса перевода неполитической ситуации в политическую плоскость. Это люди или группы людей, обладающих рациональными представлениями о целях и средствах своей деятельности. Такие акторы обладают весьма развитой картиной мира, в которую входят разнообразные вопросы из конкурирующих повесток дня. Это обеспечивает им понимание взаимосвязи неполитических сфер с политикой. Кроме того, политизаторы обладают достаточной энергией и способностями проводить свои интересы в жизнь практически. Их отличает готовность рационально соотносить выгоды и издержки задействования механизмов политизации, тратить необходимые ресурсы для актуализации в различных повестках дня своих интересов, а также прикладывать организационные усилия по вовлечению граждан в политический процесс. Действия политизаторов могут иметь как публичный, так и непубличный характер. В случае публичной активности они могут выступать в качестве политиков и лидеров общественного мнения. В иных ситуациях их деятельность скорее похожа на лоббистскую.

«Интеллектуалы» в данном случае это те, для кого политика как сфера общественной жизни представляет профессиональный или какой-либо иной интерес. Однако понимание в политике для них не сопровождается появлением собственных рациональных интересов, являющихся мотивами к действиям. Это могут быть ученые, преподаватели учебных заведений, журналисты, представители иных профессий. Они читают общественно-политические газеты, смотрят соответствующие передачи, являются потребителями политического контента в интернете. Такие граждане достаточно четко осознают роль политики в обществе и ее взаимосвязь с иными социальными подсистемами. Их картина мира не менее развита, чем у политизаторов, они так же хорошо ориентируются в конкурирующих повестках дня, но их знания о политике не рождают действия в политике. Вместе с тем, «интеллектуалы» создают тот духовный контекст, в котором только и возможен перевод неполитических отношений в политические.

Если «интеллектуалы» – мозг процесса политизации общественных отношений, то *«активисты»* – его «ноги». «Активистов» отличает достаточно высокая степень интенсивности политического участия при одновременной скудости личной политической повестки дня. Как правило, они идеологически или финансово ангажированы какой-либо политической силой и используются ею в качестве массовки в ходе различных мероприятий. Для этой группы граждан характерна сильная заражаемость идеями и, довольно часто, агрессивность по отношению к политическим оппонентам. Некритичность в восприятии действительности делает «активистов» удобным инструментом в руках политизаторов. Они с энтузиазмом готовы откликнуться на внешнее воздействие и перевести в практическую политическую плоскость фактически любой

неполитический феномен.

Наконец, «*обыватели»* – это основная масса граждан, достаточно далекая от политики. Они не имеют никаких рациональных интересов в политическом процессе, следят за ним от случая к случаю, не обладают глубоким пониманием смысла происходящих событий. Политика для них представляет собой скорее спектакль, отрывки из которого ежевечерне показывают в выпусках новостей. При этом по самоощущениям такие граждане могут считать себя достаточно сведущими в политике, не отдавая себе отчета в том, что их картина политического целиком и полностью сформирована извне, а сами они являются всего лишь объектом манипуляций. Крайне низок у «обывателей» и уровень политического участия, в лучшем случае они ходят на выборы. Тем не менее, «обыватели» чрезвычайно важны для политизации общественных отношений. При их молчаливом согласии политика обогащается новыми сюжетами; извлекаются материальные, человеческие и прочие ресурсы социума для борьбы за власть; задействуются политические механизмы решения неполитических проблем.

В ситуации политической актуализации практически любого масштабного по своей общественной значимости явления задействуются все четыре группы акторов. Проиллюстрируем это на примере политизации межэтнических отношений в Саратовской области лета 2013 года в г.Пугачеве. Данные события достаточно широко освещались в средствах массовой информации как на региональном, так и на федеральном уровне, присутствовали массовые народные выступления, активно проявляла себя власть различного уровня. Таким образом, в данной ситуации рельефно проявили себя все четыре основных типа акторов политизации.

Политизаторами выступали некие силы, явно заинтересованные ослаблении позиций действующей региональной власти, дестабилизации обстановки в Саратовской области. Полномочный представитель Президента России в Приволжском федеральном округе Михаил Бабич заявил на одной из пресс-конференций, что правоохранительными органами начата проверка по факту массовых выступлений, "которые носили политический и экстремистский характер". "Мы знаем людей, которым это было выгодно и которые занимались провокациями. Теперь следствие будет выяснять, зачем это им было нужно и какова роль каждого из них" [1]. Однако публично данные фигуры так и не были названы. Существовало несколько версий относительно того, кому конкретно могла быть выгодна политизация этого конфликта: от политических оппонентов из других партий до противников губернатора внутри правящей группы. Зато активно в публичном пространстве «засветились» политизаторы «второго уровня»: разнообразные националисты, лидеры парламентских и непарламентских партий, общественные деятели и политические журналисты. Они пытались извлечь собственную выгоду от раскручивания данной ситуации. Одни стремились увеличить личную узнаваемость,

другие расширить аудиторию средств массовой информации, третьи усилить свое политическое влияние в той или иной социальной группе. В политизации пугачевской ситуации оказались заинтересованы самые разнообразные субъекты. Их действия взаимно усиливали друг друга, рождая эффект самосбывающегося прогноза. Заявления о возможных массовых волнениях, постоянно повторяемых в СМИ, естественно, вели к тому, что сотни людей выходили на улицы и перекрывали дороги. В данных условиях действия власти были направлены на деполитизацию обстановки, на то, чтобы вернуть ситуацию в неполитическое русло правоохранительной деятельности.

Активность инициаторов политической актуализации событий в Пугачеве, внимание к ним властей всех уровней, интерес средств массовой информации привели к тому, что тема национальных отношений серьезно укрепилась в политической повестке дня. Разнообразные лидеры общественного мнения, блогеры, деятели культуры, ученые принялись активно обсуждать ситуацию, высказываться о ее причинах и возможных последствиях. Такая активная дискуссия способствовала политическому «заражению» «интеллектуалами» массовой аудитории данной проблематикой. Из локальной она достаточно быстро стала федеральной темой. Граждане, внимательно следящие за информационной картиной, вольно или невольно были подвержены политизации своего сознания. Об этом, в частности, свидетельствует резко выросший радикализм комментариев, которые могут оставлять читатели, в интернет-СМИ под новостями на тему межэтнических отношений. Масс-медиа, в свою очередь, как бы отвечая на запросы аудитории, стали специально выискивать в сводках происшествий те, где фигурируют конфликты приезжих с местным населением. Таким образом, спираль политизации национального вопроса стала раскручиваться. Для большинства граждан России политизация ограничилась лишь переменами в информационной повестке дня, но пока не привела к изменению моделей политического поведения.

Вместе с тем, присутствовала и другая группа, так называемых, «активистов», которые с готовностью принимали деятельное участие в разнообразных акциях. Ситуация лета 2013 года в Пугачеве продемонстрировала высокую скорость «отклика» массового политического поведения на изменения в повестке дня. Сотни и даже тысячи людей, на протяжении нескольких дней, митинговавших на городских площадях и улицах, перекрывавших федеральную автотрассу стали наиболее заметным проявлением политизации данной ситуации. Долгое время проблема межэтнического взаимодействия оставалась лишь абстрактной темой для отвлеченных заметок в СМИ, однако, рассматриваемые нами события придали ей вполне практический смысл. Оказалось, что используя активистов и их готовность принять деятельное участие в «отстаивании своих прав», можно, например, попытаться влиять на смену местной и региональной власти, оказывать давление на

руководство правоохранительных органов, не говоря уже о борьбе с бизнес-конкурентами.

Реальный же практический результат от политизации на ситуационном уровне во многом зависит от соотношения «обывателей», с одной стороны, которые лишь равнодушно созерцают, и «активистов» и «интеллектуалов», с другой стороны, которые раскручивают спираль политизации. В подавляющем большинстве случаев, конечно, «активисты» и «интеллектуалы» – это единичные личности на фоне всего остального общества. Однако в ряде ситуаций накал страстей становится настолько существенным, что число «активистов» резко возрастает. История, в том числе и отечественная, знает немало примеров массовых политических акций, многотысячных митингов, демонстраций.

Современные информационно-коммуникационные системы создают новый синтетический тип личности в процессе политизации общественных отношений. Речь идет о так называемой сетевой активности. Происходит смешение функций «интеллектуалов» и «активистов» в социальных сетях. Возникает некий суррогат политической активности и мыслительного процесса. Возник даже новый термин «интернет-активизм. Комментируя те или иные новости, создавая тематические сообщества, организуя обсуждение определенных тем интернет-активисты формируют и у себя, и у значительной части общества иллюзию и собственной политической значимости, и собственной политической прозорливости, и собственной политической активности. Если рассматривать политизацию на ситуационном уровне как процесс, направленный на формирование нужного политического решения, то интернет-активизм носит в настоящее время в России вспомогательный характер и не может пока быть полноценной заменой более привычным и диверсифицированным политизационным ролям. Зачастую, иллюзия эффективности эрзац-политического участия в интернете создается и поддерживается благодаря примерам якобы эффективного конвертирования интернет-активизма в реальные политические результаты. Самыми распространенными и популярными примерами являются модель сбора средств на избирательную кампанию Б.Обамы в США в 2004 году и мобилизация сторонников восстаний в арабских государствах, известных как «арабская весна».

В России сделаны довольно значительные попытки использовать возможности социальных интернет-сетей для политизации тех или иных вопросов. Процесс распространения информации о пугачевских событиях посредством твиттер-трансляций наглядный тому пример. Однако существующее «цифровое неравенство» в нашей стране, высокая степень отчужденности от самых политизированных социальных сетей (Facebook и Livejournal) старшего и среднего поколения, жителей средних, малых городов и сельской местности служат на сегодня существенным барьером на пути распространения синтетических ролей в процессе политизации общественных отношений. Мы считаем, что схема типов политических

акторов, участвующих в политизации общественных отношений на ситуационном уровне сохранит свою актуальность на обозримую перспективу.

Значительное перераспределение населения между указанными ролевыми позициями в короткие промежутки времени нарушает баланс между политическими и неполитическими основаниями общества. В связи с этим, стратегической целью при сохранении политической стабильности является «нормальное» распределение граждан по ролям по отношению к процессам политизации общественных отношений. Любое смещение в ту или иную сторону может быть диагностировано как нарушение указанного баланса и должно становится предметом экспертного анализа и управленческого реагирования.

Список литературы

1. Неспокойный Пугачев: хронология событий // ИА «Версия – Саратов». 9.07.2013. http://nversia.ru/rubric/view/id/6477

УДК 351:332.146.2(477)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОМПЛЕКСНОГО И СБАЛАНСИРОВАННОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ УКРАИНЫ В УСЛОВИЯХ УСИЛЕНИЯ МЕЖРЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Я.Ф. Жовнирчик
Национальный университет биоресурсов и природопользования, Украина
E-mail: Olga_2006@bigmir.net

Обосновано на основе обобщения зарубежного и отечественного опыта концептуальные основы государственного регулирования комплексного и сбалансированного развития регионов. Определены направления реализации инвестиционных проектов, которые направляются на социально-экономическое развитие регионов.

Ключевые слова: концептуальные основы, государственное регулирование, инвестиционные проекты.

Conceptual bases of state regulation of the comprehensive and balanced development of regions of ukraine under the conditions of strengthening of inter-regional economic relations

Y.F. Zhavnerchik

Justified on the basis of generalization of foreign and domestic experience of conceptual fundamentals of the state regulation of the comprehensive and

balanced development of regions. Directions of implementation of investment projects, which are directed to socio-economic development of regions.

Key words: conceptual foundations, government regulation, investment projects.

Сама проблема государственного регулирования развития регионов является комплексной и требует для своего решения серьезных теоретических наработок, формирование правовой и институциональной базы, определения первоочередных направлений ее решения, что позволит реализовать системный принцип эффективного государственного влияния на развитие регионов. Проблема же комплексного развития регионов объективно возникла с развитием независимого государства. Ведь комплексное развитие экономики Украины возможно лишь при всестороннем развитии ее регионов, как части территории страны, которой присущи определенные природно-географические, социально-экономические, демографические, экологические признаки. Однако эта проблема еще в полной мере не проработана. Еще не введен механизм обеспечения комплексного экономического и социального развития регионов и методы его достижения для территорий с различным составом производительных сил и структурой экономики. В частности, это касается территориальных образований с агропромышленной специализацией, избытком трудовых ресурсов, экологически нестабильных и с недостаточным уровнем развития социальной инфраструктуры.

Проблемы государственного регулирования развития регионов исследуются как зарубежными, так и отечественными учеными. Среди зарубежных ученых следует отметить труды П. Самуэльсона, А. Смита, И. Фишера, Д. Хикса, У. Шарпа; отечественных - А.Н. Алимова, П.Ю. Беленькая, М.П. Бутко, Г.И. Печи, М.И. Нижнего, В.В. Дорофиенко, А.А. Ерошкин, А.Н. Иваницкой, А.В. Иванченко, В.Ю. Керецман, М.Х. Корецкого, М.А. Латынина, Л.М. Письмаченко, В.Т. Плакиды, Д.А. Плеханова, А.Г. Топчиева, Л.Г. Чернюк О.В. Царевич, С.М. Шкарлет и других, в которых определены основные теоретико - методологические основы управления региональным развитием и государственой региональной политики.

Цель исследования - научное обоснование теоретических и методологических основ, разработка практических рекомендаций относительно усовершенствования системы государственного регулирования комплексного и сбалансированного развития регионов Украины в условиях усиления межрегиональных экономических связей. Комплексное развитие регионов оказывает содействие повышению эффективности общественного производства и уровня жизни населения и предусматривает улучшение и усовершенствование форм организации производства, взаимообусловленное и сбалансированное для его роста, рациональное использование работы, оптимальное объединение пропорций между наличием трудовых ресурсов и потребностью в них;

внутрирегиональным и межрегиональным экономическим связям, решению межотраслевых проблем рационального природопользования.

Несовершенство управления региональным развитием и его стимулирование со стороны государства нуждаются в применении новых подходов к формированию социально-экономических взаимоотношений между регионами. Поэтому, возникновение и распространение такого явления как межрегиональные экономические связи приобретают еще большую актуальность. Учитывая отечественный и зарубежный опыт, можно утверждать, что процессы развития межрегиональных экономических связей в широком масштабе начинали происходить и раньше. Однако, в теоретическом плане эти новации не получили достаточного исследования, обоснование и освещение в научных публикациях. Это служит причиной необходимости обобщения предложений и разработки методологических основ усовершенствования государственного регулирования развития регионов Украины в условиях усиления межрегиональных экономических связей.

Необходимость определения базовой теории государственного управления развитием регионов, наличие которой в ее прикладном выражении предлагает концепцию последовательной стратегии развития межрегиональных экономических связей, является на сегодня одной из основных задач науки "Государственное управление". Приоритетным является: взаимодействие государственных, общественных структур и бизнеса, совершенствование функций этих структур, уменьшение дифференциации регионального развития, расширение полномочий региональных органов государственной власти в привлечении инвестиционных ресурсов, обеспечение комплексного и сбалансированного развития регионов.

Сегодня в мировой экономике происходят значительные изменения: децентрализация управления, разгосударствление и приватизация предприятий, трансформация форм собственности, развитие рыночной и социальной инфраструктуры, совершенствования межрегиональных экономических связей. Главным инструментом этих изменений становится государственное регулирование, как одна из функций государственного управления, развития регионов в условиях усиления межрегиональных экономических связей с преобладанием взаимодействия государственных и общественных структур. Поэтому необходимым является осуществление активного перехода на принципиально новую стратегию развития, в которой должны быть предусмотрены требования к развитию регионов на новой технологической основе и уровне экологической безопасности.

С практической точки зрения “государственное регулирование"- это сфера деятельности государства для целенаправленного влияния на поведение участников рыночных отношений с целью обеспечения приоритетов государственной экономической политики. Для решения сложных социально-экономических проблем, всестороннего учета частных, коллективных и общественных интересов и формирование

продуманных решений, государство может привлекать научные учреждения, политические партии, общественные и религиозные организации.

Государственное регулирование хозяйственной деятельности на уровне региона предусматривает сохранение соответствующего соотношения между рынком и государственным вмешательством. Принципом его соблюдения может служить формулирование: конкуренция везде, где возможно, регулирование там, где необходимо. Формы государственного регулирования хозяйственной деятельности на уровне региона по своей сущности направлены на создание экономической базы, которая стабильно развивается, как основы реальной самостоятельности развития всех регионов.

В современной теории государственного регулирования различают административные и экономические методы влияния на управляемые объекты с целью достижения поставленной цели. Рядом с административными и экономическими методами следует отметить еще и другие средства регулирования - психологические.

В первую очередь, к ним можно отнести правительственные убеждения (призывы обнаруживать сдержанность в расходах, покупать больше отечественных и меньше импортных товаров, активнее принимать участие в жилищном строительстве, покупать облигации государственного целевого займа и т.п.). Формулирование долгосрочных целей государственной экономической политики также является средством регулирования, поскольку они влияют на принятие экономических решений хозяйственных субъектов.

Последними годами, с переходом на рыночную экономику и поднятием вопроса о роли государства в регулировании экономических процессов в этой системе, активно стали обсуждаться вопросы о неприемлемости использования некоторых методов, в частности, административных. Такая точка зрения не имеет под собой ни теоретических, ни практических основ. А, наоборот, мировое развитие показало, что при осуществлении политики государственного регулирования экономики необходимо использовать не только экономические, но и административные методы, которые должны иметь оптимальное объединение.

Рассматривая принципы государственного регулирования межрегиональных экономических связей было определено, что наиболее значащими факторами являются: углубление разделения труда и специализации регионов всех уровней и расширение социально-экономических связей между ними; создание системы коммуникаций и усовершенствование средств связи; развитие рыночных отношений; усиление конкурентной борьбы, в частности, с зарубежными товаропроизводителями; концентрация и централизация капитала; глобализация экономики.

Регулирование развития экономики регионов и межрегиональных

экономических связей представляет собой: совокупность принципов, методов, форм и средств влияния на хозяйственную деятельность региона и его включение в сотрудничество с другими регионами на основе межтерриториального разделения труда. Эффективность регулирования экономического взаимодействия регионов в значительной мере зависит от темпов и масштабов преодоления разобщенности товарных рынков в Украине и создание единого для государства экономического пространства. Структурно-функциональная модель системы регуляторных механизмов регионального экономического развития показана на рисунке.

Государственный механизм регулирования межрегиональных экономических связей, который сложился в Украине, имеет свои преимущества, в частности: эффективное формирование спроса, концентрация ресурсов и усилий ради решения определенной проблемы и создание возможностей быстрого ее устранения, результативное обеспечение структурных сдвигов, гарантирование социальной защиты - и недостатки: ограничение экономической свободы, причинение дефицита товаров, обусловливания неэффективного и несправедливого распределения ресурсов, порождение коррупции.

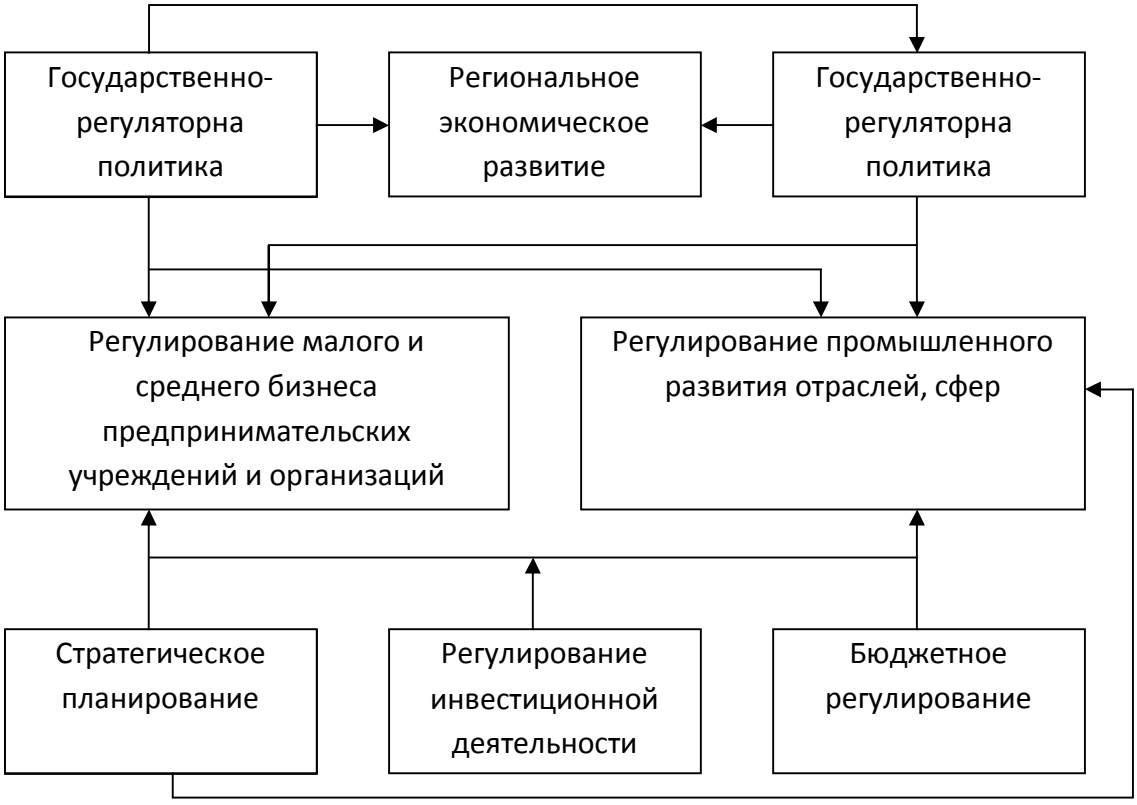

Рис.1 Структурно-функциональная модель системы регуляторных механизмов регионального экономического развития

В нашем исследовании под “регулированием" понимается целенаправленное вмешательство в действие рыночных законов для обеспечения их эффективного функционирования и достижение

определенных социально значащих результатов. А потому целью регулирования нужно считать увеличение объемов обмена товарами, услугами, капиталом и рабочей силой между регионами на взаимовыгодной эквивалентной основе.

Здесь основное внимание уделено вопросам государственного и общественного регулирования межрегиональных экономических связей и взаимодействия разных управленческих структур в процессе реализации стратегий экономического развития регионов. Поступательное сбалансированное развитие экономики возможное лишь при объединении рыночных механизмов и государственного регулирования.

На современном этапе государственная региональная политика базируется на использовании совокупности механизмов экономического прогнозирования развития регионов, к основным из них принадлежат: программирование регионального развития, регулирование межбюджетных отношений, централизованные капиталовложения и инвестиционные субвенции, регулирование трансграничного и пограничного сотрудничества.

Для решения задач моделирования и прогнозирование развития межрегиональных экономических связей необходимо проводить детальный и всесторонний анализ тенденций украинской экономики, которые влияют на состояние развития межрегиональных экономических связей. Это даст возможность точно определить направления функционирования государственных механизмов обеспечение развития межрегиональных экономических связей в целом.

Исходя из социально-экономического состояния Украины и с целью дальнейшего усовершенствования механизмов государственного регулирования экономического развития регионов, предлагается создать Фонд финансовой поддержки регионов. За счет его финансовой поддержки должны компенсироваться дисбалансы бюджетной системы. Средства Фонда в виде трансфертов представляют основу государственной финансовой помощи местным бюджетам. Введение нового механизма бюджетного регулирования предусматривает согласование с представителями местной власти базовых прибыльных и расходных показателей, которые учитываются при распределении трансфертов. Вместе с созданием Фонда, другим важным моментом бюджетной реформы, может быть подписания между руководителями центральных и местных органов государственной власти соглашений о разграничении полномочий и объектов управления между центром и регионами.

Учитывая вышеприведенное, с целью содействия интеграции регионов и укрепление их налоговой базы, необходимо создать Фонд инвестиционного развития регионов. Главное направление его деятельности - финансовая поддержка развития регионального сектора экономики путем предоставления на льготных условиях бюджетных кредитов на финансирование программ и проектов, рекомендованных к реализации этим Фондом. В пределах межрегионального сотрудничества,

основной целью Фонда инвестиционного развития регионов является распространение опыта, относительно привлечения в реальный сектор экономики дополнительных инвестиций из финансового и фондового рынков. Целесообразным было бы образовывать такие фонды не только в пределах одного, а и нескольких регионов, которые позволят увеличить инвестиционные ресурсы для реализации общих межрегиональных проектов.

И самое главное - функционирование межрегионального инвестиционного механизма предусматривает поддержку органами власти инициативы в регионах, направленную на укрепление территориальной целостности Украины, развитие самостоятельности и ответственности действий регионального руководства в сфере экономики. В условиях трансформации социально-экономических отношений решение этой задачи требует формирования на региональном уровне модели управления, основу которой составит налаживание эффективного взаимодействия органов власти с бизнес-структурами.

Исследования подтверждают, что государство должно оказывать содействие углублению регионального сотрудничества относительно обеспечения комплексного и сбалансированного развития регионов путем: развития экономической интеграции между пограничными регионами соседних государств, поддерживая культурные связи, формируя партнерство и контакты между ними; осуществление развития социальной и производственной инфраструктуры пограничных регионов; подготовки общих проектов с соседними государствами (пограничными регионами соседних государств), которые могут быть реализованы с использованием европейских региональных фондов; участия в трансграничных проектах ЕС и программах пограничного сотрудничества. Задачам анализа социально-экономического состояния есть выявление неиспользованных возможностей его роста, а также качества влияния местных органов власти на развитие регионов.

С целью обеспечения динамического и сбалансированного развития регионов предлагается соблюдать ряд общих требований относительно организации и осуществление государственного регулирования региональным развитием страны. Для достижения поставленной цели в концептуальном плане нуждаются в решении такие задачи: создание условий для вхождения в рынок всей совокупности субъектов хозяйствования в регионах и формирование достаточно развитой сферы товаров и услуг в экономическом пространстве региона; повышение активности и результативности финансово-инвестиционной деятельности в регионе, особенно, в малорентабельных и нерентабельных производствах и областях, в т.ч. усиление динамики структурных сдвигов в их деятельности; сокращение неоправданных отличий в доходах населения в регионах, преодоление бедности за счет внедрения институтов и механизмов современного социального государства (адресные субсидии, программы занятости и т.п.); реформирование организационно-

экономического механизма жилищно-коммунального хозяйства; формирование единого информационного пространства региона.

Комплексный подход к анализу уровня экономического развития регионов является необходимым атрибутом не только выработке государственной региональной политики и развития межрегиональных экономических связей, но и оценки их эффективности, и требует соответствующего методического и информационного обеспечения. Важным условием является наличие развернутой и достоверной информационно - статистической базы.

Анализ информационного обеспечения состоит в том, что обнаружена неполнота информации и статистической отчетности затрудняет принятие обоснованных решений по повышению эффективности экономических связей между регионами. Поэтому предлагается создать базу данных "Межрегиональные связи", которая имеет целью заполнить указанные выше недостатки.

Выводы. С целью обеспечения социально-экономического развития регионов целесообразно использовать имеющиеся возможности внешнеэкономической деятельности: развитие экспортного потенциала и производство импортозамещающей продукции. Для этого в регионах необходимо осуществить оценку ресурсных возможностей местных производителей с одновременным определением перечня тех видов продукции, которые завозятся (импортируются) к региону. На данном этапе развития Украины местные органы власти должны оказывать содействие развитию субъектов хозяйствования, выступать эффективным собственником государственных предприятий, из другого, удержаться от вмешательства в деятельность субъектов хозяйствования.

Центральные органы власти должны сосредоточивать внимание на внедрении единых социальных стандартов жизни во всех регионах страны, максимальном уменьшении уровней диспропорции в развитии отдельных территорий, обеспечении прозрачных и научно обоснованных механизмов предоставления помощи развитию слаборазвитым регионам. Направлением дальнейших исследований должна стать разработка и утверждение концепции реформирования региональных межбюджетных отношений, как основного направления государственного регулирования межрегиональных экономических связей и уменьшение дифференциации регионального развития, закрепив на законодательном уровне создание Государственного фонда регионального развития.

Список литературы

1. Безверхнюк Т. М. Европейские стандарты управления на региональном уровне: [монография] / Т.М. Безверхнюк. С.Е. Саханенко, Э.Х. Топалова / За заг. ред. Т.М. Безверхнюк. - Одесса: ОРІДУ НАДУ, 2008. - 328 с.

2. Бугай С. М. Отдельные вопросы региональной политики в Украине на современном этапе ее развития / Бугай С.М., Большой А.П., Репін И.И., Слі- вак А.Е. // - Киев, ДНДІПМЕ. - К.: препринт, 2004. - 84 с.

3. Бутко М.П. Региональные особенности экономических трансформаций в

переходной экономике / М.П. Бутко - К.: Знание Украины, 2005. - 276 с. - Библиограф.: С. 445 - 475.

4. Государственное управление: Словн.-довід. /Уклад.: В. Д. Бакуменко (кер. творческого кол.), Д.О. Безносенко, И.М. Варзар, В.Г. Князев и др.; За заг. ред. В.Г. Князєва, В.Д. Бакуменка. - К.: Вид-Во УАДУ, 2002. - 228 с.

5. Кузнец Р.А. Информационно-аналитические системы управления деятельностью региональных органов власти: современные подходы к их разработке / Р.Кузнец // Актуальные проблемы государственного управления: Сборник научных работ Харьковского регионального института государственного управления. Вип. 1(31). - Харьков: ХРІДУ НАДУ, 2007. - С. 349-358.

6. Лісовський С.А. Географический^-географические-экономик-географические основы сбалансированного развития Украины: автореф. дис. д-ра наук с держ. управление: 11.00.02 “Экономическая и социальная география"/ Лісовський С.А. - Институт географии Национальной академии наук Украины. - К., 2004. - 32 с.

7. Масловська Л.Ц. Постоянное развитие продуктивных сил регионов: теория, методология, практика: монография. / Л.Ц. Масловська. - К.: Киев. нац. торг.-екон. ун-т, 2003. - 366 с.

8. Надолішній П.И. Концепция демократического правления: сущность и проблемы формирования и реализации / П. Надолішній // Актуальные проблемы государственного управления: сборник научных работ. - Вип. 2(30). - Одесса: ОРІДУ НАДУ, 2007. - С. 46-56.

9. Организационно-экономический механизм развития региона: трансформационные процессы и их институционное обеспечение: монография / За ред. д.е.н., проф. А.Ф. Мельник. - Тернополь: Экономическая мысль, 2003. - 608 с.

10. Официальный веб-сайт Верховной Рады Украины - Режим доступа: www.rada.gov.ua

11. Официальный веб-сайт Министерства регионального развития Российской Федерации. - Режим доступа: www.minregion.ru

12. Постановление Верховной Рады Украины от 24 декабря 1999 года № 1359 „Про Концепцию постоянного развития населенных пунктов" [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://zakon1.rada.gov.ua/cgi- bin/laws/main.cgi?nreg=1359-14

13. Трегобчук В. Концепция постоянного развития для Украины [Электронный ресурс] / В.Трегобчук // Вестник НАН Украины. - 2002 - № 2. - С. 11. - Режим доступа: http://www.nbuv.gov.ua/portal/all/herald/2002- 02/7.htm

УДК 342.5

О НЕОБХОДИМОСТИ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОЙ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

И.Ю. Засимов, Е.Г. Потапенко

Саратовская государственная юридическая академия, Россия

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия

E-mail: egpotapenko@rambler.ru

Статья посвящена актуальной проблеме модернизации российской правоохранительной системы. Автор выделяет внешние и внутренние причины такой модернизации. В отличие от абстрактной цели

модернизации - "современность", "современное состояние", автор предлагает рассматривать в качестве цели модернизации уровень правоохраны наиболее развитых государств. При обосновании необходимости модернизации российской правоохранительной системы автор анализирует современное состояние преступности, раскрываемости преступлений, а также общественное мнение российских граждан о деятельности правоохранительных органов, доверии им, уровне защищенности своих прав и законных интересов.

Ключевые слова: модернизация, совершенствование, правоохранительная система, правоохранительная деятельность, правоохранительные органы.

About necessity of modernisation of the Russian law-enforcement system

I.Yu. Zasimov, E.G. Potapenko

The article is devoted to the relevant problem of modernization of the law-enforcement system. The author emphasizes external and internal reasons of such modernization. Unlike abstract aim of modernization – “contemporaneity”, “modern state”, the author offers to consider as the aim of modernization the level of law machinery of the most developed countries. By substantiation of necessity to modernize the Russian law-enforcement system the author analyses modern state of criminality, crime detection, and social opinion of Russian citizens about law machinery activity, confidence to them, level of protection of their rights and legal interests.

Key words: modernization, development, law protection system, law protection activity, law machinery.

Современное российское государство и общество претерпевает значительные изменения, которые связаны с происходящим в России процессом модернизации. Необходимость модернизации российского общества и государства обусловлена внутренними и внешними причинами. К внутренним причинам модернизационных процессов следует отнести неэффективность (малоэффективность) национальных механизмов и институтов обеспечения благоприятных условий жизнедеятельности российского населения, невозможность дальнейшего общественного развития на основе указанных механизмов и институтов. Предпосылками этого могут служить их архаичность, неправильность применения, «негодность» самих механизмов с практической точки зрения и т.д. К внешним причинам следует отнести потенциально возможный и практически подтвержденный уровень общественного развития, определяемый, прежде всего, благосостоянием населения наиболее развитых стран Запада и Северной Америки; развивающиеся процессы глобализации и межгосударственной интеграции, при которых стабильное прогрессивное развитие национального общества зависит уже не только от него самого, но и от ряда внешних факторов (например, ситуации на

мировом финансовом рынке и международной политической арене), и обеспечивается за счет кооперации и тесного взаимодействия определенной группы, как правило, близких по уровню развития государств. Указанные внешние и внутренние факторы неразрывны и сосуществуют совместно. Например, без анализа зарубежного опыта и достижений сложно оценить реальную эффективность национальных институтов.

Отдельным направлением модернизации российского общества выступает совершенствование правоохранительной системы России. В юридической литературе, как правило, рассматривается вопрос модернизации не всей правоохранительной системы, а отдельных ее элементов. И.В. Гончаров, например, отмечает, что в модернизации нуждается структура органов внутренних дел Российской Федерации, организация их деятельности, кадровое, финансовое, материально-техническое обеспечение [см.: 1, с. 61].

Обосновывая необходимость модернизации российской правоохранительной системы, следует остановиться на внутренних и внешних причинах. К внешним причинам следует отнести уровень охраны прав и свобод человека и гражданина в западных странах, достигаемый при использовании национальных механизмов и определенных затратах человеческих, финансовых и других ресурсов, что находит свое конкретное проявление в уровне преступности, административных правонарушений, состоянии правопорядка и правосудия. Соответственно, внутренней причиной выступает неэффективность российской правоохранительной системы, неспособность достижения результатов правоохраны современных государств при помощи ограниченного объема человеческих и финансовых ресурсов. Анализируя внешние и внутренние причины модернизации российской правоохранительной системы и проводя сопоставление уровня правоохраны в России и наиболее развитых европейских государствах, необходимо обратиться к статистическим данным. Причем за основу в настоящем исследовании будут взяты общественное мнение граждан, а также статистические данные уровня преступности и раскрываемости преступлений.

Институт сравнительных социальных исследований (ESS) опубликовал статистические данные, согласно которым в 2008 году доверие к органам охраны правопорядка (полиции, милиции) в Европе выше, чем судебно-правовой системе в целом, выше, чем политическим институтам страны (политическим партиям, парламенту). Россия в этом отношении представляет собой исключение. Лишь 21% россиян доверяют милиции – это самый низкий уровень доверия этому государственному институту в Европе (наравне с Болгарией) [2]. В 2011 году Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) проведен опрос 41500 респондентов в 83 регионах страны. Результаты исследования подверглись сравнению с данными аналогичных исследований, реализованных в 2009 и 2010 годах. Опрос показал, что в 2011 г. в большинстве регионов

показатель, характеризующий уверенность граждан в защищенности своих личных и имущественных интересов, вырос (с 34% в 2009 г., 37,9% в 2010 г. до 39% в 2011г.). В 2009-2011 гг. отмечается усиление повышенной тревожности россиян с 51% до 55%. При оценке эффективности работы ОВД по обеспечению защищенности от противоправных посягательств свыше половины опрошенных (52%) выразили мнение, что склонны доверять полиции в обеспечении своей личной и имущественной безопасности, противоположной позиции придерживается около трети респондентов [5]. Аналогичные данные Фонда общественного мнения (ФОМ) и ВЦИОМ за 2012 и 2013 годы показали общую тенденцию к росту доверия россиян к полиции (54% в 2012 году) и (66% в 2013 году). При этом более половины граждан все же испытывают опасения стать жертвой преступления (55%) [7].

Генеральный прокурор РФ Ю.Я. Чайка в своем докладе на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30.05.2012г. «О состоянии законности и правопорядка в 2011 годы и о проделанной работе по их укреплению» отметил, что в 2011 г., как и в предшествующие пять лет преступность в России снижалась (в среднем на 8-9% в год). Всего зарегистрировано более 2 млн. 400 тыс. преступлений, в том числе свыше 600 тыс. тяжких и особо тяжких. Но даже если верить официальной статистике, при общем снижении за 5 лет числа зарегистрированных преступлений более чем на 1 миллион, раскрываемость остается низкой (55%) [3].

Снижение общего уровня преступности подтверждается официальной статистикой органов внутренних дел. Так, в январе - феврале 2014 года зарегистрировано 340,4 тыс. преступлений, или на 5,8% меньше, чем за аналогичный период прошлого года [6]. Вместе с тем, как обоснованно отмечает Ю.Я. Чайка, настораживает, что ежегодное уменьшение числа преступлений происходит на фоне роста поступающих в правоохранительные органы заявлений и иной информации о происшествиях. Так, на 59% возросло в 2012 г. число неправомерных отказов следственных органов в приеме сообщений о преступлениях и случаев их нерегистрации [4]. В январе - феврале 2014 года органами внутренних дел рассмотрено 4,34 млн. заявлений (сообщений) о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях, что на 7,5% больше, чем за первые два месяца 2013 года. А решение о возбуждении уголовного дела принято по каждому семнадцатому сообщению (5,8%).[6].

Таким образом, указанные статистические данные позволяют сделать несколько выводов: во-первых, реформирование правоохранительной системы, проводимое в последние годы, дало свои положительные результаты не только в количественных показателях совершенных преступлений, правонарушений, но и повлияло, хотя и незначительно, на общественное мнение, которое, на наш взгляд, выступает одним из основных критериев оценки эффективности функционирования

правоохранительной системы. Во-вторых, хотя и прослеживается позитивная тенденция развития российской правоохранительной системы, ее функционирование нельзя признать эффективным, т.к. более половины жителей России не чувствуют себя защищенными и обеспокоены криминогенной обстановкой в стране.

Следует обратить внимание также еще на один аспект деятельности правоохранительных органов - количество затрачиваемых ресурсов. Согласно указу Президента РФ «О предельной штатной численности органов внутренних дел Российской Федерации» с 1 января 2012 г. предельная штатная численность органов внутренних дел Российской Федерации (без персонала по охране и обслуживанию зданий), финансируемая за счет бюджетных ассигнований федерального бюджета, установлена в количестве 1106472 единиц, в том числе сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации - 907630 человек, из них сотрудников полиции - 782 106 человек, федеральных государственных гражданских служащих 5000 человек, работников - 193842 человек. По данным Евростата численность штата полиции в 2009 году во Франции составила 243 900 человек, Испании - 231 801 человек, Великобритании - 167 318 человек. Самым многочисленным штатом полиции в ЕС располагает Германия - 245 752 человек [8]. Получается, что на одного полицейского приходится 13,7 раскрытых преступлений. В России же с учетом значительного уменьшения численности полицейских на каждого полицейского приходится 1,6 раскрытых преступлений. Разница, конечно, очевидна.

Все вышеизложенное, наглядно подтверждает, что российская правоохранительная система объективно нуждается в модернизации и первые позитивные изменения уже заметны. Вместе с тем, чтобы достичь максимально возможного результата изменения правоохранительной системы, с одной стороны, должны носить комплексный характер и затрагивать все компоненты системы, с другой стороны, должны подкрепляться повышением правовой культуры и правосознания населения.

Список литературы

1. Гончаров И.В. Создание в России полиции: переименование или изменение содержания? // Российская юстиция. 2010. N 12. С. 60-62.

2. Доверие политическим и государственным институтам. URL: http://www.ess-ru.ru./index.php?id=363 (дата обращения 07.03.2013г.).

3. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 30.05.2012г. «О состоянии законности и правопорядка в 2011 годы и о проделанной работе по их укреплению». URL: http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/document-76185/ (дата обращения: 27.08.2012г.).

4. Доклад Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации от 27.04.2013г. «О состоянии законности и правопорядка в 2012 году и о проделанной работе по их укреплению». URL: http://genproc.gov.ru/genprokuror/appearances/ (дата обращения: 01.04.2014г.).

5. Краткая социально-значимая характеристика результатов изучения общественного мнения об уровне безопасности личности и деятельности органов внутренних дел Российской Федерации в 2011 году. URL: http://www.mvd.ru/reform/public_opinion/show_101036 (дата обращения: 30.08.2012г.).

6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - февраль 2014 года. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/2075133/ (дата обращения 01.04.2014г.)

7. Общественное мнение. URL: http: //mvd.ru/Deljatelnost/results/public_opinion (дата обращения: 01.04.2014г.).

8. TAVARES C., THOMAS G., BULUT F. Population and social conditions / EUROSTAT. Statistics in focus. 6/2012. URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/product_details/publication?p_product_code=KS-SF-12-006 (дата обращения 05.03.2013г.).

УДК 316.3

ОЦЕНКА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ ЛИЧНОСТИ

Е.М. Иванова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: iem07@yandex.ru

Статья посвящена теоретико-методологическим подходам к изучению и оценки результативности политического участия. В частности, рассматриваются такие параметры политического участия как степень вовлеченности граждан применительно к конкретным сферам, степень включенности граждан в систему политических отношений, динамика политических статусов и степень влияния граждан на власть.

Ключевые слова: политическое участие, политический участник, политическая активность, результативность политического участия.

Performance evaluation political participation personality

E.M. Ivanova

The article is devoted to theoretical and methodological approaches to study and assess the performance of political participation. In particular, discusses such parameters political participation as the degree of involvement of citizens in relation to specific areas (organizations), the degree of involvement of citizens in political relations, the dynamics of political status and and the degree of influence of citizens on the government.

Key words: political participation, political party, political activity, the effectiveness of political participation.

Политическое участие можно рассматривать как инструментальную активность, с помощью которой граждане пытаются оказывать влияние на действия властей, на ход разработки и принятия решений в важных социально-экономических и политических вопросах, на определение общего направления развития общества и государства. Для исследования процесса политического участия выделяют ряд параметров, с помощью которых можно говорить о результативности такого участия.

В современных цивилизованных государствах с демократическим режимом, как правило, создаются возможности для разнообразных форм политического самовыражения. Формы и модели политического участия складываются под влиянием исторических традиций страны, особенностей становления политической системы государства, политической культуры и специфики менталитета народа.

Существуют разнообразные методы оценки политического участия и его результативности, которые основываются на различных принципах и подходах.

Одним из ключевых показателей результативности политического участия является степень вовлеченности применительно к конкретным сферам или организациям.

Понятие политического вовлечения используется в литературе в двух значениях. «В первом случае это нестрогий термин, служащий практически синонимом политического участия, поскольку используется для общей характеристики степени, состояния вовлеченности граждан в политическую жизнь или публичную сферу вообще. Во втором же, более узком значении, речь идет о целенаправленной деятельности определенных субъектов политического процесса и функционирования гражданского общества, направленной на включение граждан в политическую или гражданскую активность, а также совокупности средств и методов такого включения». [1, с. 153]

Для определения степени вовлеченности используются различные методики и понятия: «шкала вовлеченности», «коэффициент членства». Шкала вовлеченности включает несколько типов переменных: строгость требований к членам партии; участие рядовых членов партии в ее деятельности; материальные и целевые стимулы к такому участию. Коэффициент членства отражает отношение числа членов партии к числу голосующих за нее избирателей. [2]

Оценивая результативность политического участия, следует обращать особое внимание на степень включенности личности в систему политических отношений.

В практике политического участия можно встретить существенное отличие отношения человека к политике от фактического участия в ней. Это дает основание для типологизации политических участников как на уровне социальных групп, так и отдельных личностей. В научной литературе можно встретить многообразие классификаций типов

политических участников, которые базируются на таких принципах как: системе политических статусов; выполнении властных полномочий; нацеленности на овладении властью, личных притязаниях на занятие постов; качестве выполнения политических функций и т. д.

Так, немецкий социолог, философ и политический экономист М. Вебер в качестве принципа классификации рассматривает политику как профессию и на этой основе выделяет следующие типы политических участников: политика «по случаю», политика «по совместительству» и профессионального политика. [3] Такой подход выявляет степень реального включения в политический процесс, а также дает общее представление о том, какое место занимает политика в структуре его ценностных ориентации личности.

Классификация политических участников польского социолога и политолога Е. Вятра основана на принципе стремления к власти или избегания ее. С учетом дополнительных признаков, таких как, участие в политической жизни; интерес к политической жизни и ее механизмам; информированность о политической жизни можно выделить следующие типы политических участников: активисты, наблюдатели, компетентные критики, пассивные и аполитичные граждане. [4]

Из отечественных исследователей, занимающихся вопросами политического участия, можно отметить специалиста в области политической философии Э. Баталова, который также представляет свою классификацию типов политических участников. [5, с. 88-99]. По его мнению, при описании типов важно учитывать место расположения в политическом пространстве, и от этого места расположения зависит осуществление политических функций отдельных граждан (обыватели, политические руководители, политики-оппозиционеры, руководители-отраслевики, государственные служащие (чиновники, бюрократы), массовые политические активисты, гражданские активисты).

Однако в практике политического участия можно отметить различие между отношения людей к политике и их реального участия. Можно наблюдать смену политических статусов и изменение уровня политического участия. Поэтому анализ динамики изменения статусов политических участников - еще один из параметров оценки результативности политического участия личности.

Анализируя формы участия в политическом процессе, не следует забывать и гражданах, которые не проявляют высокого уровня активности. Они представляют собой значительную часть населения государства и не входят ни в какие организации, партии, у них нет отчетливой структурированности. К ним применим термин «массы», которые потенциально существуют в каждой стране, образуя большинство из тех огромных количеств нейтральных, политически равнодушных людей, которые никогда не присоединяются ни к какой партии и едва ли вообще ходят голосовать. [2]

Такая пассивность по отношению к политической сфере и происходящим в ней процессам представляет собой закрытые формы политического поведения, является неоднородной и может быть вызвана представлена следующими факторами: выключенность из политических отношений, обусловленная низким уровнем общественных отношений; политическая выключенность как результат низкой эффективности политической системы, разочарование и безразличие к политическим институтам; политическая апатия как форма неприятия политической системы; политический бойкот как выражение активной враждебности к институтам политической системы.

Согласно утверждению немецкого философа К. Ясперс реальность такова, что политический потенциал граждан используется недостаточно, что избиратели в подавляющем большинстве следуют не основанному на знании убеждению, а не проверенным иллюзиям и ложным обещаниям; что пассивность тех, кто не участвует в выборах, играет большую роль; что колеблющееся меньшинство, бюрократы или отдельные лица господствуют благодаря сложившимся ситуациям. [6]

Тем не менее не стоит упускать тот факт, что в периоды радикальных социальных преобразований пассивное участие может трансформироваться в потенциальное или даже в активные формы политического участия, в том числе и неконвенциональные.

Поэтому для оценки результативность политического участия важно учитывать как активные, так и потенциальные и пассивные формы политического участия.

Однако если за пассивным участием стоит осознанная позиция и граждане уклоняются от участия по политическим, моральным или другим установкам, то мы имеем дело с протестными формами политического участия, а это уже другой уровень политического участия, который требует отдельного, глубокого и детального научного исследования.

Еще одним из параметров оценки политического участия можно назвать и пределы политического участия разных политических типов, которые определяют степень возможного влияния человека на власть. Очевидно, что чем ближе человек к власти, тем больше у него возникает возможностей оказывать влияние на принятие властных решений.

Практика политического участия показывает, что в действительности влияние обычных граждан даже в демократических режимах на структуры власти не является существенным. По данным Организации Объединенных Наций вопреки развитию демократии во всем мире 90 % населения не имеет возможности контролировать действия институтов власти, затрагивающих их судьбы. [7, с. 176].

С одной стороны, это объясняется тем обстоятельством, что реальная политическая власть очень часто остается вне зоны досягаемости для значительной части населения, а иногда и вовсе за пределами их влияния. С другой стороны большинство граждан не готовы взять на себя

соответствующую гражданскую и политическую ответственность.

Следовательно, действительность такова, что граждане в силу различных причин не могут оказывать соответствующего влияния на властные структуры и, соответственно, оценивая результативность политического участия можно отметить низкий коэффициент реализации такого показателя как пределы политического участия разных политических типов.

Определяющим показателем политической активности является деятельное, конструктивное, целенаправленное, результативное поведение участников политического процесса. Политическая активность на личностном уровне или автономная активность - это не только реальная, но и потенциально-ожидаемая активность.

Под личностной активностью понимается деятельность, которая «характеризуется направленностью на достижение конечного результата, который должен привести к чувству удовлетворения от достижения намеченного, к чувству выполнения долга и утверждению себя в осуществляемой деятельности». [8]

При характеристике активности необходимо учитывать не только функциональный аспект; но и мотивационную структуру поведения, которая побуждает личность действовать. Политическая активность личности зависит от политической позиции, тесно связанной с ориентацией на определенные политические и социальные ценности, а также идеологические установки.

В целом политическая активность личности отражает наиболее высокий уровень политической деятельности и участия.

Надо отметить, что уровни политического участия граждан и степени эффективности политического участия неравнозначны. Но любой из уровней, даже незначительный по результативности, не является безрезультатным. Любое политические действия способствует формированию политической культуры и создает потенциальную политическую силу, с которой вынуждены считаться властные структуры.

Оценивая результативность политического участия личности, следует отметить, что политическое участие имеет свои разумные пределы, необходимые для стабильного развития общества. Это связано в первую очередь с тем обстоятельством, что излишняя вовлеченность в политические отношения, может спровоцировать взрывоопасные формы отношений населения и властей, привести к дестабилизации политической системы и социальным катаклизмам.

Таким образом, политическое участие представляет собой достаточно динамичный, мобильный, но при этом управляемый процесс и этот процесс необходимо непрерывно оценивать с целью определения его оптимальных границ как с точки зрения стабильности общества как системы с одной стороны, и выявления степени освоения и практической реализации политических ролей граждан в другой.

Список литературы

1. Кузин О.Ю. Демократия и политическое вовлечение граждан. //Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. Вып. 1. 2010.
2. Микрополитика: технологии оценки [электронный ресурс]. URL http://nicbar.ru/mikropolitika.htm (дата обращения 05.03.2014).
3. М. Вебер. Политика как призвание и профессия. // Новое время 1990. №21.
4. Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.
5. Баталов Э.Я. Топология политических отношений // Полис. 1995. №2. С. 88-99.
6. Ясперс К. Духовная ситуация времени [электронный ресурс]. URL http://modernlib.ru/books/yaspers_karl/duhovnaya_situaciya_vremeni/read/ (дата обращения 05.03.2014).
7. Лукашук И.И. Международное право: особенная часть. Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005.
8. Коверзнева И. А. Психология активности и поведения. Мн., 2010. [электронный ресурс]. URL http://psyera.ru/lichnostnaya-aktivnost-156.htm (дата обращения 17.03.2014).

УДК 342.417

ЗАЩИТА КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РФ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Г.Н. Комкова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: komkova_galina@mail. ru

Статья посвящена анализу понятия «экономическая стабильность государства» в контексте его роли в обеспечении стабильности конституционного строя России. Подчеркивается, что деятельность Конституционного Суда Российской Федерации способствует эффективной защите основных элементов экономической стабильности: единство экономического пространства и налоговой централизации.

Ключевые слова: экономическая стабильность, Конституционный Суд Российской Федерации, защита единства экономического пространства, налоговая централизация.

Protection of constitutional court the rf economic stability of the state

G.N. Komkova

This article analyzes the concept of "economic stability of the state" in the context of its role in ensuring the stability of the constitutional order in Russia. Emphasizes that the work of the Constitutional Court of the Russian Federation contributes to the effective protection of the fundamental elements of economic stability: the unity of economic space and fiscal centralization.

Key words: economic stability, the Constitutional Court of the Russian Federation, the defense of the unity of economic space, centralization of tax

Стабильность в экономической сфере означает, что государство должно осуществлять свою внешнюю и внутреннюю политику предсказуемо, в соответствии с целью поддержания высокого и устойчивого уровня экономического роста и занятости населения.

Роль Российского государства в рыночной экономике существенно изменилась сравнению с ранее существовавшей централизованной административно – командной системой. «Эта роль, - по мнению В.А. Рахмиловича, - в настоящее время сводится, в основном к осуществлению двух функций:

- установлению того, что принято называть правилами экономической игры, то есть изданию законов, определяющих правила поведения субъектов экономической, хозяйственной деятельности, распространяющиеся на всех участников соответствующих отношений;

- контролю за соблюдением установленных правил и защите всех возникающих в соответствии с этими правилами отношений и их участников от любых противоправных нарушений с чьей бы то ни было стороны - как контрагентов и иных подобных субъектов, так и органов и должностных лиц государства». [1, с.35]

Ведь экономика, как показали события в мире последних лет, сама по себе не в состоянии ни предотвратить, ни содействовать преодолению последствий кризисов. Это возможно осуществить только с путем специального правового регулирования. Не только в России, но и во многих других странах мира сейчас идет процесс усиления правового воздействия на экономические отношения. При этом роль права нельзя недооценивать. «Право - это средство установления определенности и порядка в экономических отношениях. Оно стабилизирует экономические отношения и обеспечивает устойчивое, эволюционное развитие экономики». [2, С.5]

Для федеративного государства, которым является Россия, важным фактором является единство экономико-правового регулирования на всей её территории.

Гарантами стабильности российской экономики выступают как глава государства, так и органы законодательной и исполнительной власти, деятельность которых призвана обеспечить незыблемость принципов, по которым ведется экономическая деятельность, недопустимость отказа от важнейших основ проведения государственной экономической политики, защита в случае посягательств на них как со стороны внешних факторов, так и внутренних. Одним из важнейших государственных органов, стоящих на защите основ конституционного строя выступает Конституционный Суд Российской Федерации. В последние годы ряд решений Конституционного Суда направлен на защиту экономической

стабильности российского государства, обеспечение экономических основ конституционного строя России.

Основой экономической стабильности Российского федеративного государства выступает единство экономического пространства. Конкретизируя обязанность государства по гарантированию единства экономического пространства Конституционный Суд РФ указал, что «Конституция (п. «ж» ст. 71) относит установление правовых основ единого рынка к ведению Российской Федерации, поскольку без обеспечения приоритетного, прямого действия законов, закрепляющих эти правовые основы (ГК, законы в области антимонопольной политики и защиты конкуренции, ценообразования, финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования и т.п.), на территории всего государства свобода экономической деятельности не может быть реализована». [3]

Важнейшей составляющей единства экономического пространства является так называемая «налоговая централизация», которая по мнению Конституционного Суда РФ, представляет собой необходимость обеспечения исключительной компетенции Российской Федерации в налоговой сфере, включающей в себя единую налоговую политику, единство налоговой системы, равное налоговое бремя и установление налоговых изъятий только на основании закона. [4] Единство экономического пространства и, следовательно, единство налоговой системы также обеспечиваются единой системой федеральных налоговых органов. Это означает, что и органы государственной власти субъектов Федерации и органы местного самоуправления не вправе устанавливать дополнительные налоги и сборы, не предусмотренные федеральным законом, а также льготы по их уплате.

Как отмечается в одном из решений Конституционного Суда РФ… «не допускается установление налогов, нарушающее единство экономического пространства Российской Федерации…, недопустимо как введение региональных налогов, которое может прямо или косвенно ограничивать свободное перемещение товаров, услуг, финансовых средств в пределах единого экономического пространства, так и введение региональных налогов, которое позволяет формировать бюджеты одних территорий за счет налоговых доходов других территорий либо переносить уплату налогов на налогоплательщиков других регионов». [5] Здесь видно, что категория экономической стабильности всего государства тесно связана с экономической стабильностью её регионов, поскольку нарушение экономического равновесия, устойчивости в одном из субъектов РФ обязательно скажется на стабильности всей системы. Именно поэтому решения федерального Конституционного Суда важны не только для обеспечения конституционной законности на всей территории России, но и в качестве фактора предотвращения нарушения экономической стабильности для всех участников экономического

процесса.

Решения Конституционного Суда РФ в целях обеспечения экономической стабильности в стране должны защищать устойчивость экономической системы, в том числе и путем нахождения справедливого баланса между конституционно значимыми ценностями. Как отмечает судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь: «Конституционный суд не только призван обеспечивать достижение баланса конституционных ценностей, создавать условия для конституционно-правовой оптимизации публичной власти, с одной стороны, и для эффективной защиты прав и свобод человека и гражданина – с другой, но Суд играет активную роль в формировании новых доктринальных подходов к институтам конституционного строя и механизмам их обеспечения, а в конечном счете, и в утверждении приоритетов конституционных ценностей, в разработке, уточнении, развитии критерием оптимального баланса между ними». [5, с. 38] Именно поэтому так важны решения Конституционного Суда РФ в определении пределов государственного вмешательства в экономику, реализации экономических свобод, а также льгот и преференций в экономической сфере. Стабильность решений самого Конституционного Суда РФ, неизменность его позиций, в том числе и по вопросам экономического развития государства, является важным фактором обеспечения стабильности конституционного строя России, а значит и благополучия её жителей.

Список литературы

1. Рахмилович В.А. Экономические основы государства //Право и экономика. 1998. № 1.
2. Яковлев В.Ф. Правовое государство: вопросы формирования. М.: Статут, 2012. 488 с. С.5.
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 04.03.1997 № 4-П «По делу о проверке конституционности статьи 3 Федерального закона от 18 июля 1995 года «О рекламе»// Собрание законодательства РФ. 1997. № 11. Ст. 1372.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 21.03.1997 N 5-П "По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года "Об основах налоговой системы в Российской Федерации"// СЗ РФ. 1997. N 13. Ст. 1602.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.07.2002 N 14-П "По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона "О реструктуризации кредитных организаций", пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона "О несостоятельности (банкротстве)" в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации "Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков" и жалобой ОАО "Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств"//СЗ РФ. 2002. № 31. Ст. 3161.
6. Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып.2 . М.: Юрист, 2013.

УДК 316

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ: НОВЫЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ФЕНОМЕНЫ

Н.Ю. Кравченко, С.В. Курганова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: kravchenko.n@gmail.com

В статье описываются сложности формирования гражданского общества и гражданской идентичности в современной России. Появление новых социальных феноменов неизбежно будет оказывать влияние на гражданскую идентификацию. Анализ проблемного поля осуществляется на примере современных российских фрилансеров и фланеров.

Ключевые слова: гражданское общество, гражданская идентификация, фрилансеры, фланеры.

Some problems of civil identification: new social phenomena

N.U. Kravchenko, S.V. Kurganova

In article difficulties of formation of civil society and civil identity in modern Russia are described. Emergence of new social phenomena will be inevitable to have impact on civil identification. The analysis of a problem field is carried out on the example of modern Russian freelancers and flaneurs.

Key words: civil society, ccivil Identification, freelancers and flaneurs.

В начале 90х годов прошлого века был открыт дискурс правового государства, гражданского общества. Для населения страны стал важен поиск новых основ интеграции - религиозных, этно-политических, корпоративных, групповых [1, с. 112-123.].

Гражданское общество начало формироваться в начале 90х годов на основании политической воли власти «сверху». Одна из интегрирующих оснований гражданского общества – зрелая гражданская идентичность. Не случайно, все крупные исследовательские центры страны проводят мониторинг формирования гражданской идентичности в нашей стране.

Так, в трудах Л.М. Дробижевой обобщены результаты проектов, анализирующих российскую идентичность в региональном разнообразии. Л.М. Дробижева, С.В. Рыжова, Солдатова проводили исследования, посвященные соотношению государственно-гражданской и этнической идентичностей россиян. А.Г. Здравомыслов, М.Ф. Черныш также уделяли внимание этой теме. Большой блок работ посвящен описанию проблемы кризиса гражданской идентичности россиян.

В монографии М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги «Молодежь России: социологический портрет» [2] фокусе внимания российская молодежь как

объект социализации и самореализации. Данные процессы отождествляются с социальной и гражданской идентичностью молодежи, идентичности рассматриваются в качестве индикатора эволюционного или конфликтного вхождения молодого поколения во взрослую жизнь.

Исследователи, занимающиеся изучением гражданской идентичности, отмечают ряд трудностей, с которыми им приходится сталкиваться.

В первую очередь, это трудности глобального порядка, когда на формирование идентичности оказывает влияние утрата силы автономии индивида эпохи модерна и появление иной автономии эпохи постмодерна. Происходит ослабление социального у индивидов, в условиях вынужденного постоянного поиска идентичности индивидами. В эпоху постмодерн социально-политическая идентичность фрагментарна и не в состоянии проявлятся в каких-либо социальных или политических действиях. Идентичность отражает действие отношений постмодерна: фрагментарность, прерывность, узость охвата и целей.

Далее, отметим ряд блокираторов, оказывающих влияние на формирование гражданской идентичности в нашей стране. Это отсутствие социального запроса на политическую и гражданскую идентичность. Нет нации, нет объединяющей идеи и, соответственно, объединяющей идентичности. Нет выхода на уровень модерна, идентичности россиян сконцентрированы на локальном уровне и не поднимаются до уровня классового, национального и гражданского. Духовно-нравственное измерение идентичности доминирует над формально-правовым, социальным и территориальным. Помимо этого, происходит подрыв идеи «гражданского общества», новая модальность негражданская. У подданных демократического государства нет потребности в гражданском взаимодействии, а, следовательно, у них нет запроса на гражданскую идентичность. Это усложняется кризисом идентичности постсоветского периода.

В ситуации появления новых социальных форм, меняются условия формирования гражданской идентичности. В качестве примера обратимся к таким социальным феноменам, как фриланс и фланерство.

Выбор данных явлений был обусловлен не только их новизной. С одной стороны, и фриланс, и фланерство, имеют одну природу происхождения, с другой стороны – они действуют в разных социальных сферах. Если фриланс ограничен рамками трудовой сферы, то фланерство больше тяготеет к сфере досуга. В то же время такая локализация рассматриваемых феноменов не является категорической.

Фланерство впервые появилось во Франции, в 30-е гг. XIX века как атрибут образа жизни парижской творческой элиты: «Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Чарльз Бодлер и Эдуард Мане прославились не только как писатели, но и как завзятые денди, регулярно совершавшие моцион в самых изысканных туалетах, чтобы, как говорится, себя показать и других посмотреть» [3].

Существует распространенное мнение, что само слово «фланер» стало

популярным благодаря французскому поэту XIX века Чарльзу Бодлеру. Он одним из первых отметил появление нового типа столичного человека – фланера, – которого отличало особое времяпрепровождение, посвященное прогулкам по городу и исследованию городского пространства [4].

Более того, по мнению Ч. Бодлера, фланирование подразумевало под собой особый философский образ жизни и мышления[5, с. 964.].

Со временем понимание фланерства как социального явления изменилось. Для английского социолога Зигмунда Баумана фланер является одним из ярких парадигмальных образцов культурного пространства идентичности. По З. Бауману, фланёр занимает позицию между «видимостью» и реальностью; является мастером имитации своего времени; вкушает все прелести современной жизни, но без сопутствующих мучений. [6, с.133-154.].

Результатом изучения фланерства как современного российского явления стало следующее понимание фланера: это «человек, живущий сегодняшним днем, не имеющий возможности и желания строить долгосрочные планы и цели, находящийся в состоянии постоянного выбора; мастер имитации деятельности; которого зачастую окружающие воспринимают как бездельника» [7].

Как же специфические черты данной социальной группы – фланеров – могут сказаться на процессе формирования у них гражданской идентичности? Попробуем ответить на этот вопрос.

Как известно, российская гражданская идентичность базируется на государственности. Государство как институт, равно как и многие другие институты, подконтрольные государству, активно участвует в процессе ее формирования, с тем, чтобы задать ей определенные параметры. При этом государственный институт старается охватить своим влиянием все социальные группы. Однако фланеры в качестве объектов воздействия создают сложности особого порядка.

Основной вклад в формирование гражданской идентичности приходится на период взросления, становления личности, а одними из основных институтов, контролирующих этот процесс, являются учебные заведения.

Одним из маркеров фланирования, по мнению исследователей, является отсутствие интереса к работе и обучению, а также наличие симуляции этих видов деятельности. И здесь мы сталкиваемся с серьезной проблемой: формирование гражданской идентичности является результатом конструктивной, в данном случае, учебной, деятельности. Симуляция же конструктивной деятельностью не является. Более того, фланерство, маскирующее свою бездеятельность, занимающееся имитацией одобряемых в данном сообществе форм активностей, не позволяет оценить степень успешности интериоризации гражданских ценностей. В любом случае, состоится она или полностью провалится, фланеры будут демонстрировать лучшие показатели, не отражающие реального положения дел.

В качестве субъектов формирования гражданской идентичности фланеры являются, возможно, даже более ненадежными, чем в качестве объектов, что обусловлено все тем же стремлением симулировать, а не заниматься реальной трудовой деятельностью. Еще один маркер фланерства – наличие большого количества времени – не только не способствует более глубокому погружению фланеров в конструктивную деятельность, но свидетельствует о том, что они ее всячески избегают.

Отметим еще один, ценностный аспект фланерства. Во-первых, его представители в качестве важной для себя ценности рассматривают ценность комфортной жизни. Подобные гедонистические ориентации отодвигают на второй план другие ценности, требующие от человека отдачи, каких-либо самоограничений и долженствований, а именно такими являются ценности гражданские. Во-вторых, фланеры имеют особое отношение к категории свободы. Они стараются обрубить любые связи, делающие их зависимыми от чего-либо, опутывающими их какими-либо обязательствами. Тогда как стремление гражданской идентификации имеет противоположный вектор, она привязывает человека к определенной общности людей, делает его ответственным за их судьбу.

История современного фриланса началась в 1972 г. в США. Джек Ниллес (Южнокалифорнийский Университет) предложил новый способ организации труда — телеработу. Суть идеи Ниллеса была проста: вовсе не обязательно заставлять сотрудников находиться в офисе весь рабочий день, они вполне могут выполнять свои обязанности и дома. Связь между работниками предлагалось поддерживать при помощи телефона. В 1979 г. Фрэнк Скифф, глава Комитета по экономразвитию, развил идеи Д. Ниллеса. Он ввел в обиход ещё один термин — «flexiplace» («гибкое рабочее место»).

В 80-е развитие фриланса выходит на новый уровень. В 1982 г. проходит первая общенациональная конференция, посвященная телеработе. Постепенно термин «телеработник» был практически вытеснен более звучным «free lancer», своеобразным аналогом «вольного стрелка» (дословно — «свободный копейщик»). В 1999 г. была сформирована Elance.com, первая западная фриланс-биржа для телеработников[8].

История отечественного фриланса началась с появления в нашей стране Интернета, которое привело к формированию новых профессиональных групп - дизайнеров, вебмастеров, программистов. Кризис 1998 года привел к закрытию многих проектов и свертыванию виртуального рынка труда.

Новый виток развития российского фриланса начался после миллениума. «Локомотивом» этого процесса выступили виртуальные бесплатные биржи, многие из которых стали успешными и популярными проектами (например, Free-Lance.ru, FreelanceJob.ru и др.). Развитие инфраструктуры сопровождалось бурным ростом самого сектора, который не остановился и до настоящего времени. Так, по приблизительным расчетам, активных фрилансеров в России в настоящее время – 15-20 тысяч [9].

Новое социально-экономическое явление заинтересовало социологов, в результате появилось множество понятий фриланса. Мы остановимся на определении, предложенным А. Шевчуком, который под фрилансерами понимает независимых профессионалов высокой квалификации, не состоящие в штате организаций и не включенные в традиционные трудовые отношения, самостоятельно реализующие свои услуги на рынке различным клиентам, не являясь субподрядчиками единственного заказчика[10, с. 6-8.].

Таким образом, появилась и начинает распространяться новая форма организации труда, при которой работники оказались свободными от привычных социально-трудовых обязательств: трудовых договоров, жестких рабочих графиков, отношений субординации и проч. Надо подчеркнуть, что фрилансеры находятся в ситуации не только внешней свободы; они сделали выбор в пользу, в том числе, свободы внутренней, они – носители свободы как ценности. Недаром среди сильных сторон фриланса на первых местах, наравне с размером заработка, рефреном звучит мотив независимости: свободный график работы, свобода перемещения, свобода в выборе проектов, свобода от компании. Причем плата за свободу со стороны фрилансеров достаточно велика. Среди недостатков этой формы занятости они перечисляют: нестабильность доходов, отсутствие социального пакета и карьерного роста, возможность обмана со стороны заказчика и проч.

Другими словами, фрилансеры представляют небольшую, но растущую социально-трудовую группу, функционирующую с помощью виртуальной среды по правилам классической рыночной конкуренции. Работа в Интернет и посредством Интернет позволяет забыть о границах, делает фрилансеров почти космополитами. Такие условия работы объективно способствуют ослаблению социально-психологической связи со своей страной и размыванию гражданской идентичности.

Кроме того, работа в рыночном режиме выводит фрилансеров из зоны прямого воздействия государственных структур, в отличие, например, от работников бюджетной сферы или пенсионеров. Если погруженность в мировое интернет-сообщество для данной социальной группы является внутренним фактором эрозии гражданской идентификации, то их слабая подконтрольность социальным институтам выводит их из под воздействия соответствующих социально-политических технологий извне.

Все перечисленные факторы в совокупности могут вызывать тревогу на фоне предпринимаемых государством попыток консолидировать российское общество при помощи формирования единой для всех жителей страны гражданской идентичности. Социальная структура современных обществ, в том числе и российского, быстро меняется. При помощи беглого обзора мы выявили два новых социальных образования, имеющих возможности для сопротивления внешнему социально-политическому воздействию с целью корректировки идентичности. В то же время, сравнение фланеров и фрилансеров позволяет прийти к выводу о том, что

фланирование с этой точки зрения представляет потенциально б*о*льшую опасность по сравнению с фрилансом. Последние, не смотря на специфические, непривычные для стандартно занятых, условия труда, все же склонны к конструктивному диалогу с внешней институциональной системой: они используют банковские услуги для расчетов с заказчиками, довольно часто оформляют статус предпринимателя (с вытекающей отсюда необходимостью платить налоги и правом на получение пакета социальных услуг (медицинское страхование, пенсионное обеспечение, кредиты и проч.)) Наконец, фрилансеры могут использовать действующее российское законодательство для защиты своих трудовых прав, хотя такие случаи являются скорее исключением, чем правилом. Безусловно, государство, в период модернизации различных сфер жизни, в том числе экономики, должно поощрять введение новых прогрессивных форм трудах каких как фриланс.

Относительно такого явления как фланерство необходимо проявлять повышенное внимание и проводить мониторинг этого явления. Актуальность исследований обусловлена тем, что фланеры демонстрируют (имитируют) полную зависимость и податливость внешним воздействиям. Но, подобно резиновой игрушке, прогибаясь под внешним воздействием, они не меняются, а лишь изображают нужные изменения, что делает их более деструктивным элементом во вновь складывающейся социальной структуре.

Список литературы

1. См.: Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. № 10.
2. См.: Горшков М. К., Шереги Ф. Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010.
3. Мане Э. Фланерство в жизни и творчестве. URL: http://3dway.org/node/4145 (дата обращения: 24.10.2012).
4. Социологический словарь. URL http://enc-dic.com/sociology/Flaner-9892.html (дата обращения: 21.04.2010).
5. Большой толковый социологический словарь / сост. Д. Джери. М.: Вече, АСТ, 2001.
6. Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал. 1995. №4.
7. Герасимова М.А. О некоторых социальных практиках фланеров (на примере "митингов" 2011-12 гг.) Сборник работ по итогам ежегодного конкурса памяти Г.В. Старовойтовой. СПб: Галатея. 2012. С. 54-65. ;Герасимова М.А. Социальное фланерство в поведении студенческой молодежи.//Сборник научных студенческих работ по итогам Областного конкурса "Студенческая наука 2012". Саратов. 2012. С. 24-30.
8. История появления фриланса. URL http://www.seoded.ru/istoriya/internet-history/freelance.html#ixzz2xZoUerAD (дата обращения: 25.03.2014).
9. URL http://www.kadrof.ru/money.shtml (дата обращения: 25.03.2014).
10. Стребков Д.О., Шевчук А.В. Фрилансеры в информационной экономике: как россияне осваивают новые формы организации труда и занятости (по результатам Первой всероссийской переписи фрилансеров): Препринт WP4/2009/02. М.: Изд. дом Государственного университета – Высшей школы экономики, 2009.

УДК 342

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СИСТЕМЫ ОПЛАТЫ ТРУДА РАБОТНИКОВ БЮДЖЕТНОЙ СФЕРЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Н.А. Михайлова
Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия
E-mail: lavistaswit@gmail.com

Статья посвящена определению правовых основ системы оплаты труда в бюджетной сфере экономики. Учитывая высокую значимость социальной политики государства для общества и необходимость повышения качества государственных услуг, в статье анализируется Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года № 597. Актуальные положения Указа направлены на повышение престижности и привлекательности профессий в бюджетной сфере за счет поэтапного повышения зарплаты работникам бюджетной сферы и организации независимой оценки качества госуслуг. В статье отражены правовые аспекты реализации Указа на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Для демонстрации внедрения нового механизма правового регулирования системы оплаты труда работников бюджетной сферы и изучения проблем правоприменительной практики на уровне исполнительной власти субъекта Российской Федерации был проведен анализ принятых правовых документов Правительством Саратовской области и его структурными подразделениями.

Ключевые слова: оплата труда, социальная сфера, повышение заработной платы, совершенствование системы оплаты труда, государственные услуги, качество услуг, независимая оценка качества.

The legal basis of the system of labour payment of workers of budgetary sphere (regional aspect)

N.A. Mikhailova

The article is devoted to definition of legal principles of the remuneration system in the budgetary sector of the economy. Given the high importance of the social policy of the state to society and the need to improve the quality of public services, the article analyzes the Decree of the President of the Russian Federation from may 7, 2012 № 597. Relevant provisions of the Decree is aimed at increasing the prestige and attractiveness of jobs in the budgetary sphere at the expense of gradual increase of the salary to workers of budgetary sphere and organization of the independent evaluation of the quality of public services. The article describes the legal aspects of the implementation of the Decree on the Federal, regional and municipal levels. To demonstrate the introduction of a new

mechanism of legal regulation of the system of labour payment of workers of budgetary sphere and study the problems of law enforcement on the level of the Executive authority of the subject of the Russian Federation was the analysis of the adopted legal documents of the Government of Saratov region and its structural divisions.

Key words: labor, social sphere, increase of salaries, improvement of the remuneration system, public services, the quality of services, an independent quality assessment.

Актуальность проблемы повышения заработной платы работников бюджетной сферы заключается в том, что в ней сконцентрированы важнейшие интересы жизнедеятельности всего общества: здравоохранение, образование, культура, социальная защита, физическая культура и спорт. Без детальной проработки нормативной базы системы оплаты труда бюджетников невозможно эффективное развитие данной сферы экономики. Поэтому государство, как основной гарант оплаты труда работников бюджетной сферы, должно принимать своевременные меры по решению данной социально значимой задачи.

В качестве исходных начал правового регулирования трудовых отношений в Российской Федерации выступает статья 37 Конституции Российской Федерации, которая закрепляет положение о том, что «Каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы» [1, ст.37] Трудовой кодекс Российской Федерации является базовым нормативно-правовым актом по вопросам организации и оплаты труда. В нём даётся легальное определение понятий «оплата труда» и «заработная плата» [2, ст. 129], система оплаты труда [2, ст.135], устанавливает принципы правового регулирования и базовые гарантии по оплате труда [2, ст.130].

Основные методы правового регулирования заработной платы: принятие законов и иных нормативных правовых актов государством, коллективно-договорное регулирование и установление условий оплаты труда в трудовом договоре. Государство регламентирует базовые условия оплаты труда работников бюджетной сферы. Для определения системы оплаты труда работников бюджетной сферы установлены специальные правила. [3, с.291] В Трудовом Кодексе закрепляется положение, что в отношении работников организаций, финансируемых из федерального, регионального, муниципального бюджета, и организаций со смешанным финансированием действуют системы оплаты труда, размеры окладов и отдельных выплат, которые устанавливаются соответствующими законами и иными нормативно-правовыми актами, а также коллективными договорами, соглашениями, локальными нормативными актами организаций. [2, ст. 144]

Современная правовая база оплаты труда работников бюджетной сферы оформилась в 2008 году, заменив существовавшую ранее систему, в основе которой была заложена Единая тарифная сетка по оплате работников государственных учреждений. Правительство Российской Федерации утвердило новый механизм оплаты труда для работников федеральных бюджетных и казенных учреждений, а Министерство здравоохранения и социальной защиты РФ подготовило Рекомендации по разработке федеральными государственными органами и учреждениями - главными распорядителями средств федерального бюджета примерных положений об оплате труда работников подведомственных учреждений. [4, 5]

Безусловно, такой подход к регулированию заработной платы посредством отдельного нормативного правового акта имеет преимущество перед кодифицированным актом, прежде всего благодаря большей гибкости построения механизмов развития оплаты труда в бюджетной сфере, и позволяет при необходимости внести в нормативные правовые акты изменения и дополнения без кардинальной перестройки структуры системы оплаты труда. Однако в данных документах не упоминаются понятия базовых окладов (должностных окладов) и ставок заработной платы по профессиональным квалификационным группам.[6] И до настоящего времени они не применялись, использовались небазовые оклады (ставки). Модернизированная правовая база должна была с одной стороны увеличить уровень доходов работников бюджетных учреждений, а с другой стороны максимально мотивировать, повысить результативность труда за счёт стимулирующей части доходов.

Бюджетный сектор экономики или социальная сфера включает в себя учреждения здравоохранения, образования, культуры и искусства, социальной защиты населения, физкультуры и спорта. Согласно статистическим данным за последние несколько лет средняя зарплата работников социальной сферы опустилась ниже уровня средней заработной платы в целом по экономике. По результатам социологических опросов, среди работников бюджетной сферы наблюдается неудовлетворенность низким уровнем оплаты труда, что приводит к оттоку кадров и снижению мотивации к достижению высоких результатов. Низкий заработок не соответствует уровню квалификации и профессионализму, предъявляемый к этой категории работников. Поскольку зарплата является основным источником доходов занятых в социальной сфере, необходимо повысить её стимулирующую роль, чтобы уровень зарплаты обеспечивал воспроизводство рабочей силы. Поэтому особенность развития социальной сферы на данном этапе заключается в необходимости совершенствования системы правового регулированию оплаты труда в бюджетных организациях.

В целях сохранения кадрового потенциала, повышения престижности и привлекательности профессий в бюджетном секторе экономики,

повышения качества оказания государственных услуг населению и, в том числе, путем повышения мотивации труда за счет увеличения зарплат работникам социальной сферы, Президентом РФ В.В. Путиным был принят Указ от 7 мая 2012 г. № 597 "О мероприятиях по реализации государственной социальной политики", в котором содержались мероприятия по повышению уровня оплаты труда работникам бюджетной сферы:

доведение в 2012 году средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования до средней заработной платы в соответствующем регионе,

доведение к 2013 году средней заработной платы педагогических работников дошкольных образовательных учреждений до средней заработной платы в сфере общего образования в соответствующем регионе;

доведение к 2018 году средней заработной платы преподавателей и мастеров производственного обучения образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, работников учреждений культуры до средней заработной платы в соответствующем регионе;

повышение к 2018 году средней заработной платы врачей, преподавателей образовательных учреждений высшего профессионального образования и научных сотрудников до 200 процентов от средней заработной платы в соответствующем регионе». [7, п.1, пп а)]

Указом Президента РФ предусмотрено «установление базовых окладов по профессиональным квалификационным группам» и возможность привлечения «на эти цели не менее трети средств, получаемых за счет реорганизации неэффективных организаций». [7, п1, пп е)]

Согласно Трудовому кодексу Российской Федерации заработная плата конкретного работника зависит от его квалификации, сложности, количества и качества выполняемой работы. В этой связи достижение целевых показателей, определенных указом Президента, будет осуществляться в отношении соответствующей категории работников в целом. Соответственно, сохраняется обусловленная различиями в сложности труда дифференциация в оплате труда работников, занимающих различные должности, относящиеся к одной категории (например, к педагогическим работникам относятся: учитель, преподаватель, методист, инструктор по физической культуре и т.д., к врачам относятся: врачи-специалисты стационарных подразделений лечебно-профилактических учреждений, провизоры и т.д.). Таким образом, заработная плата в одной категории работников может быть как выше, так и ниже целевого значения установленного в Указе Президента для соответствующей категории работников, поскольку отсутствует единая система оплаты труда, которая распространялась бы на все организации

социальной сферы.

Конечным результатом преобразований системы оплаты труда, обозначенным в Указе Президента, должно стать одновременно увеличение заработной платы с учетом оценки реального вклада каждого работника и повышение качества оказываемых населению услуг. Для его достижения необходимо построить и запустить эффективный механизм взаимодействия, охватывающий все уровни исполнительной власти: федеральный, областной, муниципальный. В основу этого механизма положены следующие федеральные нормативные акты, принятые в 2012 и 2013 годах.

На первом этапе Правительство РФ утвердило Программу поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012-2018 годы и «Планы мероприятий по изменениям в социальных сферах», а министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, как основной исполнитель, разработало методические рекомендации органам исполнительной власти регионов по разработке планов мероприятий по повышению эффективности госуслуг и рекомендации по разработке системы нормирования труда в государственных и муниципальных учреждениях. [8-14]

Следующим этапом реализации Указа Президента и формирования новой федеральной правовой базы системы оплаты труда стало принятие Плана мероприятий и Правил по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги с учетом методических рекомендаций, данных Минтрудом РФ.[15-17] В проведении независимой системы оценки участвуют представители федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, муниципальных органов власти, общественные организации, профессиональные и экспертные сообщества и граждане.

Юридически закрепленная необходимость проведения независимой оценки качества госуслуг – одно из главных требований Указа Президента и принципиальное нововведение. Получение актуальной и достоверной информации о деятельности бюджетных организаций и изучение общественного мнения будет способствовать поддержанию «обратной связи» между государством и потребителем услуг – населением позволит определить степень удовлетворенности социальной политикой и эффективность использования бюджетных средств федерального и местного бюджетов.

Для изучения проблем правоприменительной практики в региональном аспекте был проведён анализ нормативно-правовых документов Правительства Саратовской области, его структурных подразделений и механизма взаимодействия исполнителей областного и муниципального уровней.

Правительством Саратовской области приняты региональная

Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда и Планы мероприятий по изменениям в каждой социальной сфере, которые разрабатывались профильным органом исполнительной власти (министерствами социального развития, образования, культуры, здравоохранения, физической культуры и спорта).

В соответствии с федеральными документами утверждать муниципальные Программы не требуется, так как Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 - 2018 годы распространяется и на муниципальный уровень. Однако органам местного самоуправления необходимо разработать муниципальные планы по развитию отраслей социальной сферы, которые учитывают отраслевую специфику и содержат организационные, методические и контрольные мероприятия для подведомственных муниципальных учреждений.

Чтобы обеспечить своевременное внедрение новой правовой базы на муниципальном уровне органы исполнительной власти субъекта проводят методическую, разъяснительную работу в формате совещаний и рекомендательных писем и обеспечивают информационно-правовое сопровождение, организованное на сайтах Правительства области и профильных министерства.

По итогам реализации регионального Плана мероприятий по совершенствованию системы оплаты труда и поэтапному повышению заработной платы работников государственных учреждений Саратовской области за 2012 и 2013 годы были достигнуты следующие практические результаты.

В 2012 году в рамках реализации положений Указа Президента: с 1 октября проиндексированы оклады всех работников бюджетной сферы на 6%; с 1 декабря средняя заработная плата педагогических работников образовательных учреждений общего образования доведена до средней заработной платы по региону (18,8 тыс.руб.). На протяжении 2012 года темп роста заработной платы работников социальной сферы превышал соответствующий показатель роста заработной платы в целом по экономике, что позволило сократить разрыв между заработной платой в целом по области и в учреждениях социальной сферы (с 29% в 2011 году до 26% в 2012 году).

В 2013 году продолжали проводиться мероприятия по повышению заработной платы работников бюджетной сферы. На протяжении анализируемого периода рост заработной платы в социальной сфере превышал показатель роста оплаты труда в целом по экономике области. Это позволило приблизить уровень заработной платы этой категории работников к среднеобластному уровню на 7 процентных пункта (по сравнению с 2012 годом). В среднем по социальной сфере заработная плата за 2013 год составила 16,6 тыс. руб. и увеличилась относительно 2012 года на 22,1%.

Целевые показатели 2013 года, установленные Планами мероприятий по повышению заработной платы были выполнены в сферах здравоохранения, культуры, образования (за исключением педагогических работников дошкольных образовательных учреждений), физической культуры и спорта. В сфере социального развития области для достижения целевых значений по отдельным категориям работников продолжается оптимизация учреждений соцобслуживания населения и штатной численности.

Проведённый анализ результатов правоприменительной практики реализации Указа Президента в субъектах Российской Федерации показал, что, несмотря на имеющиеся региональные особенности, наблюдается ряд общих проблем:

- сохраняется диспропорция заработных плат в областных и муниципальных учреждениях в рамках одной социальной сферы;

- органы исполнительной власти субъектов стараются избежать возникновения дополнительных финансовых расходов и повышение уровня безработицы в связи с высвобождением персонала после реструктуризации неэффективных учреждений;

- эксперты испытывают затруднения в проведении анализа деятельности учреждений из-за отсутствия отработанных критериев оценки качества оказываемых населению государственных услуг;

- на практике средняя зарплата в экономике по итогам года высчитывается в начале года, поэтому исполнителям Программы и Планов мероприятий приходится ориентироваться на прогнозируемую среднюю зарплату, а затем прибегать к их корректировкам.

- недостаточная финансовая обеспеченность региональных и местных бюджетов.

Таким образом, учитывая исторические особенности развития экономики России, система правового регулирования оплаты труда работников бюджетной сферы не представляет собой сложившуюся годами неподвижную модель. Она меняется, а государство, посредством принятия новых нормативно-правовых актов, ищет максимально адекватную, работоспособную систему. Поэтому тема изучения оплаты труда и её совершенствования представляется актуальной и необходимой для научного исследования.

Список литературы

1. Конституция РФ принята 12.12.1993 http://www.consultant.ru/popular/cons/1_2.html

2. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) от 30.12.2001 N 197-ФЗ http://www.consultant.ru/popular/tkrf/14_27.html

3. Трудовое право России/Учебник. Отв.редакторы: Ю.П. Орловский, А.Ф. Нурдинова.- 3-еизд. – М.: 2010.

4. Постановление Правительства РФ от 05.08.2008 N 583 (ред. от 14.01.2014) "О введении новых систем оплаты труда работников федеральных бюджетных и казенных учреждений и федеральных государственных органов…»

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_157967/

5. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 14 августа 2008 г. N 425н "Об утверждении Рекомендаций по разработке федеральными государственными органами и учреждениями - главными распорядителями средств федерального бюджета примерных положений об оплате труда работников подведомственных федеральных бюджетных учреждений" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_79721/

6. Абузярова Н.А. Правовое регулирование заработной платы в бюджетной сфере. http://justicemaker.ru/view-article.php?id=20&art=3475

7. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 597 "О мероприятиях по реализации государственной социальной политики" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_129344/

8. Распоряжение Правительства РФ от 26.11.2012 № 2190-р "Программа поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 - 2018 годы" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138313/

9. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2606-р "О плане мероприятий (дорожной карте) Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности сферы культуры" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140701/

10. Распоряжение Правительства РФ от 30.12.2012 № 2620-р "О плане мероприятий (дорожной карте) Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140254/

11. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2012 № 2599-р "О плане мероприятий (дорожной карте) Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности здравоохранения" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154086/

12. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30 сентября 2013 года № 504 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке системы нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155090/

13. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 31 мая 2013 года № 234а "О формах мониторинга реализации Программы поэтапного совершенствования системы оплаты труда в государственных (муниципальных) учреждениях на 2012 - 2018 годы"

http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=569069

14. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.09.2013 N 504 "Об утверждении методических рекомендаций по разработке систем нормирования труда в государственных (муниципальных) учреждениях"

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155090/

15. Постановление Правительства РФ от 30.03.2013 N 286 "О формировании независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144336/

16. Распоряжение Правительства РФ от 30.03.2013 N 487-р «Об утверждении плана мероприятий по формированию независимой системы оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги, на 2013 - 2015 годы» http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144318/

17. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 30.08.2013 N 391а "О методических рекомендациях по проведению независимой оценки качества работы организаций, оказывающих социальные услуги в сфере социального обслуживания" http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153313/

УДК 342.74

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ И ОТВЕТСТВЕННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ЗА ВОСПИТАНИЕ ДЕТЕЙ

О.М. Никулина
Балашовский институт (филиал) Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: 7-ya@rambler

Статья посвящена анализу проблемы закрепления и реализации обязанностей родителей по воспитанию детей. В ответственности выделяется объективная и субъективная сторона, а также отмечается ее правовая и нравственная характеристика. Обращаясь к зарубежному опыту в данном вопросе, отмечаются ряд государств, в которых на конституционном уровне закреплены нормы об обязанности родителей по воспитанию своих детей.

Ключевые слова: дети, воспитание, семейно-правовая ответственность, родители.

Problems of realization and responsibility of parents for the upbringing of children

O.M. Nikulina

This article analyzes the problem of securing and implementation responsibilities of parents to raise their children. It is the responsibility allocated objective and subjective side, as well as noting its legal and moral characteristics. Turning to foreign experience in this regard, notes the number of States which are fixed at the constitutional level rules on the duty of parents to educate their children.

Key words: children, education, family and legal responsibility, the parents.

В реализации обязанностей родителей по воспитанию детей наиболее существенное значение играет о*тветственность* как социально-правовой фактор, который, с одной стороны, связывает обязанного субъекта существующим правопорядком, а с другой – стимулирует его активность, обеспечивает строгое и неуклонное исполнение обязанности [10, с.191-216].

Обращаясь к анализу данного понятия, мы видим, что «ответственность – категория этики и права, отражающая особое социальное и морально-правовое отношение личности к обществу, которое характеризуется выполнением своего нравственного долга и правовых норм» [14, с.346]. Отсюда, ответственность не только правовая область

отношений, но и нравственная. Ответственность зависит и проявляется в индивидуально - личностных качеств человека. Наиболее устойчивые, социально значимые чувства, отношения личности становятся характерными ее особенностями. Ответственность выступает как черта характера личности, которую необходимо воспитывать. Другой существенный момент – учет возможностей, условий выполнения индивидом своих обязанностей. Именно возможность личности реализовать нравственные требования является основой для определения ответственности.

Таким образом, в ответственности можно выделить объективную и субъективную стороны. *Объективная ответственность* имеет социологический аспект – ответственность как совокупность объективных требований, предъявляемых обществом к отдельным своим членам в виде моральных принципов, норм, выражающих общественную необходимость. *Субъективная сторона ответственности* выражается в психологическом содержании – ответственность как своеобразное состояние сознания в форме долга, совести и т.д.

Юридическая ответственность как мера государственного принуждения выражается в осуждении, в установлении определенных отрицательных последствий в виде ограничений, а также в выполнении воспитательных функций.

Семейно-правовая ответственность - это обязанность лица претерпеть лишение субъективного права или иные дополнительные неблагоприятные последствия своего противоправного виновного поведения [11, с.34]. Содержание семейной ответственности за ненадлежащее воспитание детей заключается в устранении обязанных лиц от личного воспитания детей, воплощающемся в различных формах, зависящих от основания возникновения правоотношений по воспитанию [9, с.109].

Надо сказать, что обязанность родителей по воспитанию детей законодатель признает не только юридическим требованием, но и моральным долгом родителей, которая направлена на обеспечение нравственного здоровья, образования и культуры граждан Российской Федерации. Представления о том, что я должен делать, а что не должен, связаны с нравственными или безнравственными поступками человека и с внутренним духовно - нравственным его состоянием.

В ежегодном Послании к Федеральному собранию красной линией проходит идея о том, что «Чувство ответственности за страну – это лейтмотив, это нерв и стержень Конституции России, это призыв к каждому из нас» [6].

Также, Валерий Дмитриевич Зорькин в книге «Право в условиях глобальных перемен» обращается к анализу такой важнейшей проблеме, как *правовая ответственность* ныне живущих людей перед грядущими поколениями. Он отмечает, что «В последние годы тема ответственности нынешнего поколения россиян перед будущими поколениями начала

привлекать внимание экспертов и политиков. …сегодня становится все более актуальным и востребованным, вынося на повестку дня вопрос о появлении такого нового *субъекта конституционно-правовых отношений, как будущие поколения россиян»* [8, с.490].

Обращаясь к зарубежному опыту в данном вопросе, хочется отметить ряд государств, в которых на конституционном уровне закреплены нормы об обязанности родителей по воспитанию своих детей:

Во-первых, в *мире существуют различные подходы к закреплению в тексте конституции обязанностей*. Так, в Конституциях ряда зарубежных стран, например, *Конституции Демократической Республики Восточный Тимор* 2002 года отдельным разделом II «Основные права, обязанности, свободы и гарантии» [1] прописаны обязанности. В *Конституции Социалистической Республики Вьетнам* 1992 года государство, общество, семья и граждане обязаны охранять и проявлять заботу о материнстве и детстве; соблюдать демографическую программу и семейное планирование рождаемости (ст. 40). Отдельной V главой «Основные права и обязанности граждан» перечисляются обязанности, среди которых: родители обязаны воспитывать детей, чтобы они стали хорошими гражданами [5]. В Конституции Португалии в разделе III «Социально-экономические права и обязанности, обязанности в области культуры» обязанности делятся и отдельными главами прописаны: экономические права и обязанности, социальные права и обязанности, права и обязанности в области культуры [4].

Во-вторых, норма о том, что *семья является главным субъектом в воспитании детей* содержится в Конституции Ирландии, статья 42 «Государство подтверждает, что первым и естественным воспитателем ребенка является семья, и гарантирует уважение к неотъемлемому праву и обязанности родителей в соответствии с их возможностью давать своим детям религиозное, интеллектуальное, физическое и социальное воспитание». А также в статье 41 Конституции Ирландии закреплено: «Государство признает Семью как естественный первоисточник и объединяющую основу общества, а также как нравственный институт… Государство гарантирует защиту Семьи, ее организацию и авторитет как необходимую основу социального порядка, незаменимую для процветания народа и государства…»[2]. В Преамбуле *Конституции Французской Республики* от 1946 года говорится: «Нация обеспечивает личности и семье необходимые условия для их развития. Она гарантирует всем, в частности ребенку, матери… охрану здоровья, материальное обеспечение, отдых и досуг» [3].

Таким образом, проблемы закрепления и реализации обязанностей родителей по воспитанию детей заключаются в следующем:

1. В воспитании детей заинтересованы многие субъекты – прежде всего, государство, сами дети и их родители. Они должны уважать, поддерживать друг друга и чувствовать взаимную ответственность в деле

воспитания подрастающего поколения. Не перекладывать ответственность друг на друга, а работать в одном векторе, в одном направлении. И, прежде всего, государство должно поддерживать и укреплять семью, создавать условия для полноценного воспитания ребенка в семье, пропагандировать семейные ценности.

Как отметил в своем ежегодном Послании к Федеральному собранию В.В. Путин «Конституция соединила два базовых приоритета – высочайший статус прав, свобод граждан и сильное государство, – подчеркнув их взаимную обязанность – уважать и защищать друг друга» [6]. Сильное государство только тогда таковым будет, когда между государством и людьми будут не только взаимные обязанности друг перед другом, а когда они научаться уважать, любить и заботиться друг о друге.

2. Понятием «семья» - охватывается особая сфера жизни человека, являющаяся объектом конституционного регулирования, которое осуществляется с помощью специальных законодательных актов как федеральных органов власти, так и органов власти субъектов Российской Федерации.

Действующее российское законодательство не содержит правового определения семьи. Мы полагаем, что наличие различных подходов к определению того, кто может быть отнесен к кругу членов семьи, ущемляет конституционные права граждан.

Так, Костромская областная Дума в 2001 году просила Конституционный суд РФ дать толкование понятия «семья», содержащегося в статье 38 (ч. 1) Конституции Российской Федерации, так как по их мнению, данное конституционное понятие является неопределенным, поскольку в различных актах даются разные определения круга членов семьи того или иного лица, а в Семейном кодексе РФ определением понятия «семья» отсутствует.

В постановлении Конституционного Суда РФ сформулирована правовая позиция, в соответствии с которой выявление в процессе абстрактного толкования Конституционным Судом Российской Федерации нормативного содержания понятия "семья", наполняемого, в зависимости от целей правового регулирования, различным юридическим содержанием, в данном случае означало бы вторжение в компетенцию законодателя или потребовало бы проверки конституционности федеральных законов в иной, чем это установлено Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом «О Конституционном Суде Российской Федерации», процедуре, что недопустимо. Таким образом, Суд определяет необходимость юридическому сообществу проработать данное определение в законодательных актах.

3. Важной проблемой в развитии всех форм воспитания детей является незавершенность его правового регулирования. Мы придерживаемся позиции о целесообразности законодательного определения понятия «воспитание ребенка», под которым следует

понимать «процесс воздействия на физическое, психическое и духовно-нравственное развитие ребенка, направленный на подготовку его к самостоятельной жизни и заключающийся в привитии необходимых навыков поведения, соответствующего интересам российского общества». Кроме того, мы полагаем, что в действующем законодательстве необходимо обозначить основные характеристики понятия «воспитание ребенка», дать сущностную трактовку данному процессу, поскольку это будет способствовать более последовательному и надлежащему осуществлению воспитания детей.

4. На реализацию обязанностей родителей по воспитанию детей влияют многие факторы, одним из которых является материальное положение семьи. «В период перехода к рыночной экономике, сопровождающийся расслоением нашего российского общества на два социально-противоположных класса - богатых и бедных, не может не обращать на себя внимания падение социально-нравственных устоев современной семьи, когда даже родители детей из благополучных семей, стремясь обеспечить естественные потребности членов семьи, уделяют все меньше времени воспитанию и обучению детей и подростков, недостаточно следят за состоянием их здоровья», - отмечает Е.М. Никитина [12].

Также, В.Д. Зорькин, анализируя фундаментальные обязанности нынешних поколений перед будущими, сформулированные Декларацией об ответственности нынешних поколений перед будущими поколениями, принятой Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО) 12 ноября 1997 года, отмечает, что «В России решение проблемы будущих поколений усложняется низким уровнем жизни значительной части населения» [8, с.492].

А. Сен точно замечает, что бедность необходимо рассматривать «скорее как отсутствие базовых возможностей, чем наличие низкого дохода». Ученый пишет: «Безработица – это не только недостаток доходов, который может быть компенсирован поступлением от государства; безработица порождает далеко идущие последствия, губительные для индивидуальной свободы, инициативы и профессиональных навыков». Возникает «социальная отчужденность некоторых групп, а также утрата самоуважения, уверенности в себе, потеря психического и физического здоровья» [13, с.37-38].

5. Проблема неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетних остается одной из самых серьезных с точки зрения ее социальных, экономических и демографических последствий, что говорит о необходимости совершенствования всего комплекса механизмов применения юридической ответственности в рамках семейного, административного и уголовного законодательства РФ.

Лишение и ограничение родительских прав не выполняют в

настоящее время ни задач наказания и перевоспитания родителей, ни функций защиты прав детей. Представляется, что назрела необходимость по-новому подойти к правовому регулированию процедуры лишения и ограничения родительских прав. Данные меры должны быть направлены на защиту интересов ребенка (ребенок всегда хочет остаться с родителями, какими бы они ни были), а не на освобождение нерадивых родителей от ответственности за воспитание ребенка. Поэтому такие родители должны быть ограничены в родительских правах и направлены на принудительное лечение от алкоголизма (ранее такой механизм был эффективным), совмещая и общественные работы.

Список литературы

1. Конституции Демократической Республики Восточный Тимор 2002 г. / Конституции государств (стран) мира. Интернет – библиотека конституций Романа Пашкова. URL: http://worldconstitutions.ru/archives/336 (дата обращения: 25.12.2013 г.)
2. Конституции Ирландии 1937 г. / Конституции государств Европы: В 3 т. Т.1 / Под общ. ред. Л.А. Окунькова. – М.: Издательство НОРМА, 2001. – 824 с.
3. Конституция и законодательные акты Французской Республики: по состоянию на янв. 1958 г.: [пер. с франц.] / сост. М. А. Крутоголов. – М.: Госюриздат, 1958. – 527 с.
4. Конституция Португалии 1976 г. / Конституции государств (стран) мира. Интернет – библиотека конституций Романа Пашкова. URL: http://worldconstitutions.ru/archives/141 (дата обращения: 25.12.2013 г.).
5. Конституция Социалистической Республики Вьетнам 1992 г. / Конституции государств (стран) мира. Интернет – библиотека конституций Романа Пашкова. URL: http://worldconstitutions.ru/archives/26 (дата обращения: 25.12.2013 г.).
6. Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 12 декабря 2013 г. //Российская газета. 2013. 13 дек.
7. Боброва Н.А., Зражевская Ф.Д. Ответственность в системе гарантий конституционных норм. (Государственно-правовой аспект). – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. - 156 с.
8. Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен: монография / В.Д. Зорькин. – М.: Инфра - М, Норма, 2013. - 496 с.
9. Казанцева А.Е. Обязанности и права родителей (заменяющих их лиц) по воспитанию детей и ответственность за их нарушение. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1987. - 140 с.
10. Матузов Н.И. Правовая система и личность. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. - 293 с.
11. Муратова С.А. Семейное право. Учебное пособие. – М.: Новый Юрист, 1998. 272 с.
12. Никитина Е.М. Актуальные проблемы охраны прав детства в современной России, пути решения этих проблем // Вопросы ювенальной юстиции. 2007. N 2. С. 31 - 36.
13. Сен А. Развитие как свобода. Пер. с англ. Е. Полецкой; Ред. и послесл. Р.М. Нуреева. – М.: Новое издательство, 2004. -425 с.
14. Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова.-5-е изд. – М.: Политиздат, 1987. -590 с.

УДК 340.137.2

РЕГИОНАЛЬНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО (ВОПРОС ПРЕДМЕТНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ РФ)

Е.Г. Потапенко
Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия
E-mail: egpotapenko@rambler.ru

Статья посвящена анализу предметной компетенции субъектов РФ в сфере правотворчества с точки зрения обеспечения единого правового пространства и реализации свободы субъектов РФ при региональном правотворчестве. Называются два направления интеграционного взаимодействия субъектов РФ при осуществлении правотворчества. Первое характеризует взаимодействие центра и регионов и проявляется в сфере правотворчества по предметам совместного ведения Федерации и субъектов. Второе составляет основу для взаимодействия регионов друг с другом и связано с осуществлением правотворчества по вопросам, отнесенным к ведению субъектов РФ.

Ключевые слова: региональное правотворчество, правовая интеграция, единое правовое пространство, федерализм.

Regional lawmaking (problem of the object competence of subjects of the russian federation)

E.G. Potapenko

The article is devoted to the analysis of the object competence of subjects of the Russian Federation in the regional lawmaking from the point of view of providing the unique legal space and realization of the liberty of the subjects by regional lawmaking. There are 2 directions of the integrational interaction of the subjects of the Russian Federation by lawmaking. The 1st one characterizes the interaction of the center and the regions and shows itself in the lawmaking in joint objects of the Federation and the subjects. The 2nd one is the basis for the subjects' interaction and is connected with the lawmaking in the objects of the subjects' competence.

Key words: regional lawmaking, legal integration, unique legal space, federalism.

Процессы централизации и децентрализации в современных федеративных государствах предопределяются специфичностью самой формы государственного устройства и в этой связи имеют свои объективные основания. Исторически объединение отдельных регионов в государственные образования обусловлено различными обстоятельствами: военные действия, экономическая целесообразность, национальная

идентичность и т.д. Поэтому, с одной стороны, также исторически предопределено, что насильственные действия способны удержать в рамках одного государства несколько абсолютно неидентичных (в том числе в национально-культурном плане) регионов только лишь ограниченный период времени. Искусственное, сугубо политическое, разделение или объединение географического пространства носит временный характер (об этом очевидно свидетельствует опыт становления современных федеративных государств, например, объединение ФРГ и ГДР и т.д.). С другой стороны, само федеративное устройство говорит о неполном, неабсолютном тождестве объединяемых территорий, наличие особенностей, которые не позволяют на данном этапе конкретно-исторического развития образовать унитарное государство.

Основой существования и развития федеративного государства выступают правовые интеграционные процессы на внутригосударственном (внутрифедеративном) уровне. Очевидно, что системы отдельных субъектов как государственных образований, полномочных самостоятельно осуществлять правотворческую деятельность, не могут не иметь своих специфических особенностей, характерных черт [5, с. 23-24]. Особенности и специфические черты региональных систем связаны с целым рядом объективных факторов: несовпадающее географическое положение, климатические условия, количество природных запасов и сырьевых ресурсов, национальные и религиозные особенности, различие в уровне культуры, несовпадающие обычаи, традиции отдельных этнических групп в регионе, языковые особенности и другие факторы. Внутригосударственная правовая интеграция при этом обеспечивает становления и поддержание единого экономического, политического, культурного и правового пространства. Однако осуществление внутригосударственной интеграции возможно различными средствами. При этом сама правовая интеграция на внутригосударственном уровне имеет два основных направления, одно из которых проявляется при взаимодействии центра и регионов, другое – при взаимодействии субъектов федерации друг с другом.

Конституция РФ [1] в статьях 71, 72, 73 осуществляет разграничение полномочий центра и регионов. То есть, по сути, осуществляет дифференциацию предметов правового регулирования. Так определен круг вопросов, относящийся к исключительному ведению Российской Федерации. Это наиболее важные сферы общественной жизни, требующие единого подхода и унифицированного механизма правового регулирования. Согласно части 1 статье 76 Конституции РФ по предметам ведения Российской Федерации принимаются федеральные конституционные законы и федеральные законы, имеющие прямое действие на всей территории Российской Федерации. Нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы, относящиеся к ведению Федерации, составляют основу федерального законодательства, обеспечивают единство правового регулирования на территории всего

государства.

Следующая группа предметов относится к совместному ведению Федерации и субъектов. Согласно части 2 статьи 76 Конституции РФ по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации издаются федеральные законы и принимаемые в соответствии с ними законы и иные нормативные правовые акты субъектов Российской Федерации. Именно при анализе данной сферы проявляется политика центра по осуществлению интеграционных процессов. При этом можно выделить два подхода. Первый подход сводится к тому, что законодательные органы государственной власти Федерации в нормативно-правовом акте регулируют указанную сферу отношений настолько детально и полно, что субъектам Федерации ничего не остается, как заниматься «переписыванием» федерального законодательства. При этом свобода субъекта Федерации в регулировании общественных отношений из предмета совместного ведения существенно ограничивается. По сути, предмет совместного ведения искусственно превращается в предмет исключительной компетенции Федерации. Разница только в том, что по предмету совместного ведения принимаются федеральный нормативно-правовой акт и нормативно-правовой акт субъекта Федерации, который копирует положения федерального акта. У субъектов отсутствует возможность правового регулирования общественных отношений с учетом региональной специфики. В некоторых случаях указанный подход можно признать обоснованным. Это допустимо в целях преодоления политического и экономического кризиса, поддержания целостности государства. Но необходимость такого подхода не предполагает его правомерности. Детальная правовая регламентация предметов совместного ведения в федеральном нормативно-правовом акте должна выступать крайней мерой поддержания единого правового пространства при его нарушении и только в случае невозможности устранения этих нарушений иным образом.

Вторым подходом выступает принятие федеральными органами государственной власти нормативно-правового акта, содержащего основные направления регулирования указанной сферы отношений. Таким актом выступают Основы законодательства, предполагающие дальнейшее регулирование с учетом региональной специфики. Данный подход представляется более предпочтительным. Он позволяет Федерации направить развитие регионального законодательства, но, вместе с тем, предоставляет субъектам Федерации возможность осуществления правового регулирования указанных отношений с учетом региональных особенностей, что выступает предпосылкой эффективного правового развития субъекта Федерации без нарушения единого правового пространства. Как показывает практический опыт в России и за рубежом, достижение согласованного и слаженного механизма функционирования регионального и федерального права возможно также благодаря использованию модельных нормативных актов, обмену опытом

правотворческой работы, созданию различного рода координационных и консультативных органов, использованию различных методических рекомендаций о порядке подготовки и принятия региональных правовых документов, а также сравнительному анализу уже принятых актов [3, с. 48]. «Создание модельных нормативных актов для субъектов Российской Федерации как ориентированное влияние центра на региональное законотворчество позволит без навязывания жестких рамок обеспечить согласованное концептуально или в некоторых сферах детальное развитие законодательной системы субъектов Федерации, устранить возможность возникновения неоправданных расхождений при регулировании однотипных вопросов» [2, с. 65]. Направить правотворческую деятельность субъектов Федерации возможно также путем официального толкования Конституции РФ и текущего законодательства РФ. Эффективным средством в данном случае может выступать также проведение правовой экспертизы региональных нормативных актов, которая в настоящее время осуществляется Минюстом РФ. Вместе с тем, субъектов Федерации всегда должна оставаться определенная свобода и возможность урегулирования общественных отношений, составляющих предмет совместного ведения, с учетом региональной специфики, экономических особенностей и социально-политической обстановки.

Следует отметить, что сфера совместного регулирования центра и регионов выступает основой их правового взаимодействия. Именно в данной сфере проявляется сущность правовых интеграционных процессов на внутригосударственном уровне. А именно инициируются ли они искусственно, под воздействием деятельности Федерации, существенно ограничивающей правотворческую деятельность регионов, либо протекают естественно, в силу ряда сложившихся объективных причин и предпосылок. Бесспорно, «несоответствия и противоречия между федеральным и региональным законодательством подрывают стабильность и единство механизма правового регулирования, порождают хаос правоприменительной практики, а также способствуют проявлениям сепаратизма и идеологии национальной исключительности» [4, с. 282]. Но предупредить появление этих противоречий необходимо не посредством ограничения правотворческой деятельности субъектов Федерации, принудительном навязывании центром своих правовых позиций, а посредством создания такой модели взаимодействия, при которой возможно обеспечение единого правового пространства при относительной свободе субъектов РФ в осуществлении регионального правотворчества. Федерация должна играть не роль диктатора, а выступать в качестве «старшего брата», направляя развитие региональных правовых систем в нужное русло. По предметам совместного ведения федеральный законодатель призван определять генеральные направления, основные вопросы регулирования, устанавливать его рамки, а задача региональных правотворческих органов состоит в том, чтобы на базе основополагающих нормативно-правовых актов Федерации развивать и конкретизировать их

положения с учетом местных природных, национальных и иных особенностей [5, с. 42].

Заключительной группой предметов регулирования выступают общественные отношения, регулирование которых относится к исключительному ведению субъектов РФ. Эта группа образована по остаточному принципу. Конкретного или даже примерного перечня предметов исключительного ведения субъектов РФ Конституция РФ не содержит, лишь указывает в статье 73, что вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти. Перечень предметов ведения субъектов РФ может содержаться в их Основных законах. Подобные перечни содержатся, например, в статье 7 Устава (Основного закона) Саратовской области; статье 63 Конституции Республики Бурятия; статье 38 Конституции (Основного закона) Республики Саха (Якутия); статье 5 Устава Краснодарского края.

Согласно статье 76 Конституции РФ вне пределов ведения Российской Федерации, совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации республики, субъекты РФ осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов. В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным по предмету исключительной компетенции субъекта РФ, действует нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации. Правовые нормы, принятые субъектом РФ по предметам своего ведения составляют нормативную основу региональной правовой системы. При регулировании указанных вопросов органы государственной власти субъекта Федерации обладают самостоятельностью. Единственным ограничением выступает пределы компетенции субъектов и соответствие регионального законодательства Конституции РФ, международным принципам и нормам. Закрепление сферы ведения субъектов РФ позволяет последним осуществлять собственное правовое регулирование, определять направления региональной правовой политики. В этой сфере субъекты РФ свободно взаимодействуют друг с другом, изучают правовой опыт других регионов, осуществляют заимствования элементов из других правовых систем. Общественные отношения, входящие в предмет ведения субъектов Федерации, - область осуществления свободного правового сотрудничества и интеграции правовых систем регионов без вмешательства со стороны Федерации.

На основании вышеизложенного можно заключить, что региональное правотворчество выступает существенным признаком федеративного устройства Российской Федерации. Необоснованное ограничение свободы субъектов РФ в сфере правотворчества, в том числе и по предметам совместной компетенции, навязывание центром своих правовых решений

без учета интересов регионов может вызвать реакционные процессы децентрализации. Об этом очевидно свидетельствуют события новейшей истории, в частности, происходящие в Украине.

Интеграция должна осуществляться добровольно, с преобладанием объективных причин, а не субъективных факторов. Сдерживание центробежных процессов посредством ограничения самостоятельности регионов является временной чрезвычайной мерой. Приоритет должен отдаваться созданию объективных причин осуществления интеграционных процессов, развитию экономического взаимодействия и дружеских связей Федерации и субъектов, а также субъектов между собой.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // СЗ РФ. 2009. N 4. Ст. 445.

2. Концепции развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова, Ю.П. Орловского. М.: ОАО «Издательский дом "Городец"», 2004. 848 с.

3. Личичан О.П. Региональная правовая система: Проблемы становления и развития: по материалам Иркутской области // Сибирский Юридический Вестник. 2001. № 2. С. 48-51.

4. Сенякин И.Н. Федерализм как принцип российского законодательства. Саратов: ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. 504.с.

5. Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Олита, 2003. 776 с.

УДК 159.9 + 316.624.3

ВОВЛЕЧЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В КРИМИНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: СОЦИАЛЬНО – ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Н.М. Романова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: romanovanm@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу социально-психологических особенностей вовлечения современной молодежи в криминальную деятельность. Актуальность исследования связана с недостаточной разработанностью данной проблемы в психологии и смежных науках. Цель исследования – анализ социально – психологических оснований риска вовлечения современной молодежи в мошенническую преступную группу, легальную по форме и кримиминальную по содержанию. Выявлены риски вовлечения молодых людей в корыстную преступность, связанные с социально-психологическими и индивидуально-психологическими особенностями молодых людей.

Ключевые слова: социально – психологические особенности, индивидуально-психологические особенности, риски вовлечения, вовлечение в мошенническую группу.

Involvement of the modern youth in criminal activity: social and psychological aspects

N.M. Romanova

Article is devoted to the analysis of social and psychological features of involvement of the modern youth in criminal activity. Relevance of research is bound to a poor readiness of this problem in psychology and interdisciplinary sciences. Research objective – the analysis socially – the psychological bases of risk of involvement of the modern youth in roguish criminal group, legal in a form and krimiminalny according to the contents. Risks of involvement of young people in self-interest crime, link to social and psychological and individual and psychological features of young people are revealed.

Key words: social and psychological features, individual and psychological features, scratches of involvement, involvement in roguish group.

Общественно – экономические и социальные трансформации, произошедшие в нашей стране с середины восьмидесятых - конца девяностых годов прошлого века привели к появлению новых социальных, социально – экономических, социокультурных и социально – психологических явлений в общественном бытии и общественном сознании.

Эти явления опосредованно либо непосредственно влияют как на генезис и природу совершаемого конкретным лицом криминального акта, так и на статистику преступности в нашей стране в целом. Эвристический потенциал имеющихся на данный момент научных теорий не в полной мере способен объяснить природу и психологические механизмы преступлений, совершаемых в России в новое время.

Научные исследования преступности, имеющиеся в настоящий момент, посвящены, прежде всего, исследованию общеуголовной преступности, а организованная, беловоротничковая преступность, изучена гораздо менее полно. Между тем, именно этот вид преступности приносит наиболее значительный экономический имморальный ущерб обществу.

В настоящее время современное российское общество живет в условиях аномии [1]. Одна из его характерных черт – наличие фактора социальной напряженности [2;3]. Социальная напряженность связана с риском возникновения экстремальных криминогенных ситуаций в социуме [4]. В этих условиях увеличивается количество совершаемых в обществе преступлений.

Одной из наиболее криминализированных и динамически

криминализирующихся категорий населения в настоящее время исследователи рассматривают молодежь в возрасте от 18 до 29 лет [5]. С одной стороны, для лиц молодежного возраста характерно создание устойчивых организованных формирований с целью совершения преступлений [6]. С другой стороны, многие молодые люди действуют в одиночку, принимая решение о совершении преступления самостоятельно.

Высокие показатели криминальной направленности современных молодых людей связаны, на наш взгляд, с влиянием факта значительной неопределенности для них в плане перспектив реализации индивидуальных жизненных планов и карьер [7].

Эта ситуация создает повышенные риски для лиц молодого возраста в плане вовлечения их в криминальную деятельность, в том числе и корыстного характера. Понятие «вовлечение личности в крими-нальную деятельность» понимается нами как приобщение субъекта к криминальной деятельности, побуждение заняться ею, возникающее под воздействием совокупности детерминант [8, с.82].

В условиях потенциального доминирования неправовых практик молодежи легко потерять социальные ориентиры, сделав выбор в пользу криминального способа достижения цели.

Необходимо подчеркнуть, что исследователи рассматривают экономическую преступность в молодежной среде не только как следствие влияния ситуационных и импульсивных форм активности, но и как обусловленную характером существующих социально-экономических условий [9; 10].

Следует отметить: статистические данные показывают высокий уровень экономической преступности в нашей стране на современном этапе ее развития. Так, всего за 2013г. совершенно 141229 преступлений экономической направленности. При этом, однако, число выявленных правоохранительными органами преступлений экономической направленности уменьшилось на 18,4% по сравнению с 2012 г. [11]. Велики потери, которые преступность приносит государству: по данным МВД РФ за 2013 г. в нашей стране ущерб от преступлений составил 386 млрд. руб., что на 44,2% больше аналогичного показателя 2012 г. [12].

Таким образом, риск вовлечения молодого человека в криминальную деятельность в современном обществе обусловлен не только и, иногда, не столько его индивидуально-психологическими особенностями, сколько теми асоциальными криминальными практиками, в которые включается молодой человек.

Речь идет, в том числе, и о такой области социальной практики, как профессиональная деятельность человека, его работа. В данном случае речь идет о корпоративных преступлениях.

Одно из часто встречающихся корпоративных преступлений на рабочих местах – мошенничество.

Известны случаи, когда мошенничество совершается в рамках выполнения работником профессиональной деятельности в организации (фирма, компания, офис).

Риски вовлечения работника в корпоративную преступность могут происходить двумя возможными способами: а) корпорация занимается криминальной деятельностью и, вследствие этого, вовлекает работника в сферу действия криминальных практик; б) работник по своей инициативе использует ресурсы компании для незаконного мошеннического обогащения.

В первом случае содержание деятельности организации противоправно. Она создает условия и возможности для вовлечения личности в корпоративное преступление.

В частности, речь идет о том, что отдельные компании (организации) коммерческой сферы деятельности предлагают либо требуют от своих работников совершения ими противоправных действий в форме мошенничества.

Во втором случае работник самостоятельно принимает решение о совершении преступления. Он наносит вред компании, тайно совершая незаконные мошеннические операции.

Социально-психологические механизмы вовлечения личности в корпоративное преступление реализуются по направлению воздействия на мотивационную сферу вовлекаемого. В результате действия вовлекающего воздействия мотивационная сфера работника подвергается изменениям. Следствием этого является возникновение у вовлекаемого намерения совершить преступление. Таким образом, психологической сферой, на которую влияет субъект вовлечения – это мотивационная сфера вовлекаемого. Последняя используется для оказания психологического воздействия на него: 1) создается ситуация выбора; 2) происходит апелляция к индивидуальным мотивам личности (материальная заинтересованность, страх, чувство вины, потребность в самоутверждении и другие).

Рассмотрим риски вовлечения человека в корпоративную преступность в связи с попаданием его в организацию, занимающуюся криминальной деятельностью. В рамках выполнения профессиональных обязанностей в ней человек постепенно может быть вовлечен в совершение преступления.

На предыдущих этапах исследования (на основе выделения параметров: «легитимность – отсутствие легитимности», «наличие коррумпированных связей – отсутствие коррумпированных связей») нами были сконструированы социально - психологические типы современных криминальных групп [13;14].

Одна из разновидностей таких групп: открыто действующая преступная организация. Она создается с целью криминального

обогащения, однако действует легально (коммерческая организация). Ею руководят преступные авторитеты. Как правило, такая группа действует «под прикрытием», ее интересы активно защищаются «сверху». В связи с этим экономическая деятельность такой группы высокоэффективна, поскольку коррумпированные высокостатусные лица оказывают ей активную поддержку. Чаще всего внешненаблюдаемая картина деятельности такой группы выглядит как имитация занятий коммерцией (псевдопредпринимательство). Для таких групп характерна высокая адаптивность в социальной и культурной среде.

Во внутреннем, содержательном плане криминальная группа руководствуется специфическими нормами криминальной субкультуры. Внешненаблюдаемые формы поведения членов группы и организация их трудовой деятельности включает элементы организационной культуры.

Следствием этого является своеобразное смешение криминальной субкультуры и организационной культуры. При успешной имитации внешних признаков официально действующей коммерческой группы она в течение некоторого времени может быть привлекательной как для потенциальных клиентов, так и для вновь поступивших работников. Последние начинают понимать фактическую сущность деятельности коммерческой организации спустя некоторое время (обычно одна-две недели). Момент осознания и понимания данного факта является определяющим в плане готовности вовлечения личности в мошенническую деятельность организации. Личности, ориентированные на правопослушное поведение, выходят из «опасной зоны» доминирования криминальной практики (прекращают работу). Личности, имеющие внутреннюю предрасположенность к совершению преступлений, присоединяются к криминальной группе.

Достаточно быстро (в течение нескольких недель) работник идентифицируется с группой. Постепенно происходит внутренняя интеграция членов группы: они знают, как им поступать и как взаимодействовать друг с другом. У них формируется своеобразное чувство организационной идентичности. Внутреннее принятие их субкультуры и организационной культуры имеет следствием изменение личности включаемых в эту организацию сотрудников через постепенную внутреннюю интеграцию к идентификации с криминальной группой.

Результаты проведенного нами эмпирического психологического исследования рисков вовлечения молодых людей в мошенничество показывают их связь с социально-психологическими и индивидуально-психологическими характеристиками вовлекаемых.

Социально-психологические риски вовлечения молодого человека в криминальные мошеннические практики в рамках функционирования легитимной, легальной по форме и криминальной по содержанию преступной группы, связаны с некритичным принятием асоциальных криминальных норм, доминирующих в такой группе, установками

личности на повышение своего социального и материального статуса и финансового благополучия любой ценой, недостаточностью социального и жизненного опыта у молодого человека.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект №13-06-00491

Список литературы

1. Кара-Мурза С.Г. Аномия в России: причины и проявления. М.: Научный эксперт, 2013. 264 с.

2.Заблоцкая А. Г., Саакян А. А. Преступность в экстремальных ситуациях: состояние, причины, проблемы противодействия:Волгоград: ВА МВД России, 2011.

3.Третьяков В.И. Социальная напряженность - фактор, детерминирующий преступность // Вестник ВИ МВД России . 2012. №1. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-napryazhennost-faktor-determiniruyuschiy-prestupnost (дата обращения: 15.01.2014).

4.Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). — Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998. — Т. 1. От прошлого к будущему. 804 с.

5.Андрухов В.А. Структурные уровни контроля и противодействия молодежной преступности в современной России (концептуальный анализ) // Общество: политика, экономика, право. 2008. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/strukturnye-urovni-kontrolya-i-protivodeystviya-molodezhnoy-prestupnosti-v-sovremennoy-rossii-kontseptualnyy-analiz (дата обращения: 14.01.2014).

6.Бреслав Г.М. Эмоциональные особенности формирования личности в детстве: Норма и отклонения. М.: Педагогика, 1990.

7.Волков Ю.Г. Идентичность и гуманистическая идеология: взгляд в будущее. М., 2006.

8.Романова Н. М.Вовлечение личности в криминальную деятельность: к постановке проблемы//Известия Саратовского ун-та. Нов. серия. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 3.С. 80-86.

9.Алипханова Д.Ю. Противодействие молодежной экономической преступности на региональном уровне // Пробелы в российском законодательстве. 2010. №2. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/5-6-protivodeystvie-molodezhnoy-ekonomicheskoy-prestupnosti-na-regionalnom-urovne (дата обращения: 14.01.2014).

10.Алипханова Д.Ю. Проблемы экономической преступности среди молодёжи. Дисс. к.ю.н. Махачкала. 2011. 228 с.

11.Состояние преступности в России за январь-декабрь 2013 года // официальный сайт МВД РФ. URL: http://mvd.ru/upload/site1/document_file/H8NGnfdiEy.pdf (дата обращения: 19.01.2014).

12.Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2013 года // официальный сайт МВД РФ. URL: http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1609734 (дата обращения: 19.01.2014).

13.Романова Н.М. Криминальные группы и криминальная субкультура// Психология и право: www.psyandlaw.ru / ISSN-online: 2222-5196 / E-mail: info@psyandlaw.ru 2013, № 1.

14.Romanova N. Classification of Criminal Groups. CBU International Conference Proceedings, [S.l.]. P. 129-134, Jun. 2013. ISSN 1805-9961. Available<http://ojs.journals.cz/index.php/CBUConference2013/article/view/25>. (Date accessed: 10 Feb. 2014).

УДК 94(470)

ВЫБОРЫ ВЫСШЕГО ДОЛЖНОСТНОГО ЛИЦА СУБЪЕКТА РФ: ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНКУРЕНЦИИ

В.Г. Семенова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: semenovavg@mail.ru

Статья посвящена политико-правовому анализу проблемы формирования института высшего должностного лица региона (губернатора) в современной России. В связи с принятием поправок в Федеральный закон, регламентирующий процедуру прямых непосредственных выборов губернаторов, либо их назначение региональным законодательным собранием, возникает ряд непростых правовых и политических проблем, от решения которых во многом зависит эффективность их реализации.

Ключевые слова: выборы, регион, глава исполнительной власти, политическая конкуренция

Elections highest official of the subject of the Russian Federation: the possibilities and limits of political competition

V.G. Semenova

Article is devoted to the political and legal analysis of the problem of establishing the institution of higher official of the region (the governor) in modern Russia. In connection with the adoption of amendments to the Federal law regulating the procedure of immediate direct elections of governors, or their purpose regional legislature, raises a number of difficult legal and political problems, the solution of which depends largely on the effectiveness of their implementation.

Key words: elections, the region, the chief executive, the governor, political competition

Прямые непосредственные выборы политического руководства являются неотъемлемой и необходимой частью системы демократических политических решений. Демократия является сложным, многоуровневым и разноплановым явлением и, безусловно, не исчерпывается процедурой выборов как таковых. Однако именно выборы зачастую создают основу для развития других, более важных и существенных проявлений демократического стиля управления, сознания и иных качеств, присущих демократическому режиму. То есть выборы выступают своеобразным базисом для дальнейшего развития системы демократических практик. Достаточно часто сама демократия в общественном сознании ассоциируется именно с институтом выборов. Хотя, мониторинг

общественного мнения, регулярно проводимый ВЦИОМ показывает, что в настоящий момент 47 % опрошенных граждан под демократией понимают свободу слова, печати, вероисповедания, 24 % в демократии видят экономическое процветание страны, 23% - порядок и стабильность, и лишь 14 % - выборность всех высших государственных руководителей (характерно, что в 2006 г. этот ответ выбрали 30 % опрошенных) [1]. Объяснить это можно множеством факторов, и актуальными проблемами информационной повестки дня, и громкими событиями последних лет, связанных с ограничением свободы и потерей доверия к самому институту выборов. Так или иначе, но выборы возвращаются в политический процесс. За последние несколько лет принят ряд принципиальных законов, упрощающих регистрацию политических партий, возвращающих смешанную систему на выборах в нижнюю палату российского парламента, прямые выборы губернаторов, имеющих потенциал переформатировать политическое пространство, сделать его более конкурентным, прозрачным и демократичным. Однако, сработает ли этот потенциал будет зависеть от множества факторов, выделение и изучение которых является актуальной задачей современной российской политической науки. Одним из этого множества факторов, как нам кажется, является выявление определенных «проблемных» сфер реализации новых законопроектов, в частности Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», другими словами, закона, регламентирующего процедуру выборов или назначения губернаторов.

Не претендуя на полноту анализа, выделим лишь несколько основных проблемных зон, явно создающих серьезные препятствия на пути декларируемых целей оживления региональных политических систем, формирования конкурентности, появления новых политических субъектов.

Процедура формирования института высшего должностного лица субъекта РФ прошла достаточно длительный и сложный период своего развития, от полного контроля со стороны Президента до всенародных прямых выборов населением соответствующего региона. В период с 2005 по 2012 гг. в политологическом дискурсе сформировалось такое понятие, как «управляемые выборы», так, по сути, была охарактеризована процедура назначения губернаторов. Однако в конце 2011 –начале 2012 гг. протестное движение изменило целеполагание участия власти в выборах и поставило на повестку дня дискуссию о возвращении непосредственных выборов губернаторов. Результатом стало принятие соответствующего Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»[2].

В соответствии с новым Федеральным законом высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами Российской Федерации на основе всеобщего равного и прямого избирательного права при тайном голосовании. Высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации) избирается на срок не более пяти лет и не может замещать указанную должность более двух сроков подряд. Кандидат считается избранным, если за него проголосовало более половины избирателей, принявших участие в голосовании.

Кандидаты на указанную должность выдвигаются политическими партиями, при этом важно, что политическая партия вправе выдвинуть как члена данной политической партии, так и беспартийного гражданина. Выдвижение кандидата в порядке самовыдвижения может предусматриваться законом субъекта Российской Федерации.

Очевидно, что первая задача, на решение которой нацелено принятие данного закона, это повышение легитимности власти или, если быть более точными, обеспечение публично признаваемой легитимности выборов [3, с.57]. Вследствие множества политических решений последних лет, доверие общества к институту выборов стало минимальным, явка на выборах разного уровня также колеблется в пределах 30-40 % (не считая некоторые национальные республики), люди не верят ни в право выбора, ни в то, что от их голоса что-то может зависеть, соответственно решения, принимаемые в результате таких выборов априори выглядят нелегитимными. С проблемой легитимности тесно связана и проблема политической ответственности. В плоскости губернаторских выборов, а точнее процедуры назначения губернаторов, федеральный центр изначально несет всю полноту политической ответственности на себе, так как общество было исключено из данного процесса. Более того, эта ответственность является персонально ответственностью Президента, поскольку именно он принимает решение[4, с.87]. По сути, высокий рейтинг В.Путина одновременно означал и его кредит доверия при назначении губернаторов, и именно он играл главную роль в легитимации данного решения. Поэтому главным критерием отбора становились не профессиональные качества кандидата, а лояльность действующей власти. В итоге легитимность губернаторской власти была минимальна. Возврат прямых выборов позволит власти снять с себя часть ответственности за ситуацию в конкретном регионе, прежде всего, социально-экономические проблемы, поскольку руководить регионами будут лица, поддержанные и населением, и местными элитами. Вновь избранные главы регионов смогут усилить свой политический вес во взаимоотношениях, как с федеральной властью, так и с населением и элитами региона. Партии, прежде всего, «Единая Россия» могут получить возможность улучшить свои позиции в регионе в случае победы на губернаторских выборах своего кандидата [5].

Вторая задача, как нам кажется, чрезвычайно актуальная, это новая волна кадровой политики, то есть появление новых политических лидеров, генерируемых политическими партиями, самими регионами и муниципалитетами. Как нам кажется, это одно из совпадающих ожиданий власти, элит, партий и самого общества. Основой решения данной задачи является стимулирование политической конкуренции. Однако анализ соответствующего федерального закона создает несколько иное впечатление. Впервые в российском законодательстве вводится понятие «муниципального фильтра». Для мировой политической практики это явление весьма привычное (например, используется на президентских выборах во Франции), нацеленное на отсечение политиков-популистов, не имеющих серьезной поддержки в обществе, бизнесе или элитах. Но, как правило, это весьма небольшой процент необходимых голосов в поддержку, порядка 1-2%. В субъектах Российской Федерации кандидатов должны поддержать от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных образований и избранных на выборах глав муниципальных образований (конкретная цифра устанавливается в законе субъекта РФ).

Эксперты одного из московских аналитических центров наглядно показали, каковы возможности прохождения фильтра представителями правящей партии и оппозиции в нескольких субъектах[6]. Например, во Владимирской области при проходном барьере в 8% (135 подписей) на сегодняшний день фильтр проходит только кандидат от «Единой России», контролирующей почти 63% депутатов. Теоретический шанс есть у «Справедливой России» (6,69%) и КПРФ (5,86%) - при условии, что они смогут задействовать ресурс так называемых самовыдвиженцев, которых в области 23,1% (390 человек). Кандидатам от других партий при желании принять участие в выборах предстоит серьезная борьба за голоса независимых депутатов, 135 из которых теоретически могут стать подписантами в пользу представителей ЛДПР. В Магаданской области, где «Единая Россия» контролирует 74% муниципального депутатского корпуса, для представителей оппозиционных партий ситуация более печальная. Чтобы стать кандидатом на выборах в этом регионе, необходимо собрать подписи 10% депутатов, то есть 46 человек. Казалось бы, это немного, но когда у каждой из остальных партий не более пяти муниципальных депутатов, 46 подписей становятся серьезным вызовом.

При этом кандидату необходимо получить поддержку не менее чем в трёх четвертях соответственно муниципальных районов и городских округов, внутригородских муниципальных образований. Важно подчеркнуть, что депутат представительного органа муниципального образования может поддержать только одного кандидата. Учитывая фактическую зависимость глав местного самоуправления от руководителей регионов, ставленниками которых они фактически являются, трудно рассчитывать на их подписи в поддержку

оппозиционных партий или самовыдвиженцев. А кандидату, выдвинутому в порядке самовыдвижения, помимо получения указанной поддержки необходимо собрать от 0,5 процента до 2 процентов подписей избирателей, зарегистрированных на территории субъекта Российской Федерации. Что делает его участие в выборах почти нереальным. В такой редакции губернаторские выборы, по крайней мере, на стадии выдвижения кандидатов, назвать в подлинном смысле прямыми весьма затруднительно. На примере этих регионов видно, что пересмотр муниципального фильтра в сторону уменьшения представляется оправданной и логичной мерой. Иначе процесс выдвижения кандидатов может стать имитацией, когда депутаты от партии власти будут отдавать свои голоса просто так, для видимости конкуренции. И выборы губернаторов еще на этом этапе превратятся в имитацию. Ну и «муниципальный фильтр» в таком формате будет, скорее, использоваться для отсечения «ненужных» кандидатов и приведет к усилению зависимости муниципальных депутатов и глав муниципальных образований от региональной власти.

Следующая неоднозначно воспринимаемая ситуация возникла в связи с принятием очередной поправки в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в апреле 2013 года. Согласно этому дополнению конституцией (уставом), законом субъекта Российской Федерации может быть предусмотрено, что высшее должностное лицо субъекта РФ (руководитель высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ) избирается депутатами законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта Российской Федерации [7]. Таким образом, если регион решит отказаться от прямых выборов, то партии, представленные в региональном и федеральном парламентах, получат право представить президенту по три кандидата в губернаторы. Глава государства направит любые три из них на рассмотрение регионального парламента, который одного из них наделит губернаторскими полномочиями. Право предлагать президенту кандидатов будет иметь постоянно действующий руководящий коллегиальный орган партии. Важно подчеркнуть, что Президент РФ по своей инициативе может провести консультации с политическими партиями и выдвинутыми в порядке самовыдвижения кандидатами. То есть, вводится дополнительно еще некий «президентский фильтр». Его использование необязательно, но сама возможность прямого вмешательства президента также ставит под вопрос демократичность процедуры.

В итоге субъекты Федерации теперь самостоятельно могут определять режим выборов главы субъекта Федерации – прямой или косвенный. В настоящий момент, законодательные собрания Дагестана и Ингушетии приняли соответствующие законы о выборах губернаторов региональными парламентами. Право регионов самостоятельно определять процедуру

выборов или назначения губернаторов выглядит с правовой точки зрения странно. Конечно, сосуществование в рамках федерации, тем более такой сложной, как Российская Федерация, безусловно, накладывает свои отпечатки на невозможность построения единой универсальной системы требований ко всем регионам, однако, на наш взгляд, генеральные принципы формирования законодательной и исполнительной власти в регионах должны быть едиными, а вот уже нюансы более низкого уровня, то есть то, что непосредственно зависит от размера территории, количества проживающего населения, особенностей национального и религиозного состава и т.п. должно определяться региональным законодательством.

Поправка о косвенных выборах была принята в результате просьбы некоторых национальных республик, аргументирующих невозможность проведения всенародных выборов возможными межнациональными конфликтами между проживающими представителями разных этнических групп на территории региона. Парадокс заключается в том, что одно из предназначений выборов – это публичное обсуждение, столкновение разных позиций, мнений, возможность решения определенных конфликтов в правовом поле. Очевидно, что все равно победит тот, кого поддержит большинство, то есть представитель доминирующей этнической группы (скорее всего он и будет предложен Президентом), однако, существующие противоречия так и не будут вынесены в поле общественного обсуждения, а будут по-прежнему решаться на уровне лоббирования клановых интересов. В итоге принятие соответствующего законопроекта изначально лишает выборы одного из главных предназначений, подрывает мнение о демократии как возможности согласования интересов в многосоставных обществах.

В связи с принятием соответствующего закона встает еще одни, не менее актуальный правовой вопрос, а именно, если условия выдвижения кандидатов на аналогичную должность в различных регионах будут принципиально разными, не станет ли это нарушением равного пассивного избирательного права граждан РФ? Возможно, тут потребуются разъяснения Конституционного Суда РФ.

Мы выделили лишь ряд политико-правовых проблем, встающих перед экспертным сообществом, возможно, часть из них будет решена в ходе дальнейшего реформирования законодательства. Так или иначе, апробация на практике вновь принятых поправок, меняющих условия выборов главного должностного лица субъекта РФ – дело ближайшего будущего, в 12 регионах выборы уже прошли, в 13 субъектах Федерации ожидаются в этом году. Практика реализации данных законов покажет, смогут ли они сделать ротацию политической элиты региона более демократичным, открытым и конкурентным, смогут ли они повлиять на ограничение власти федерального центра на местах, не создадут ли новых конфликтов и противоречий.

Список литературы

1. URL: http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114767
2. Собрание законодательства Российской Федерации.2012. №19. Ст.2274.
3. Мамонов М. В. Новые риски электоральной социологии (по результатам анализа осенних выборов 2013 г.) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014. №1 (119). С.56-70.
4. Туровский Р.Ф. Практики назначений губернаторов: инерция и радикализм в политике центра // Полития. 2009. №2(53). С.72-89.
5. Туровский Р.Ф. Центр и регионы: проблема политических отношений. М., 2007.
6. Доклад фонда ИСЭПИ «Прямые выборы губернаторов и система сбора муниципальных подписей в 2012 году, влияние на развитие политической системы и направления совершенствования» // URL: http://www.iseps.ru/special-projects/
7. Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1638.

УДК 316

КОММУНИКАЦИЯ РИСКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Е.В. Сергеева
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: sergeevaev@inbox.ru

В данной статье поднимается проблема создания и воспроизводства знании о рисках в сфере политики. Рассматривает процесс коммуникации риска как неотъемлемый элемент политической коммуникации. Поднимается проблема последствий коммуникации риска для современного общества.

Ключевые слова: риск, коммуникация риска, общество риска, политических дискурс, общественно-политическое знание, политическая коммуникация

Risk communication in political discourse

E.V. Sergeeva

This article studies the problem of creation and reproduction of knowledge about the risks in the sphere of politics. Examines the process of risk communication as an integral element of political communication. The problem of the consequences of risk communication for modern society.

Key words: risk, risk communication, risk society, political discourse, social and political knowledge, political communication

Термин риск сегодня является неотъемлемой составляющей практически всех видов коммуникации, начиная от простого повседневного общения до официального политического дискурса. Э.

Гидденс отмечает, что «в условиях современности как для обывателей, так и для экспертов мыслить в понятиях риска и оценки риска стало более или менее постоянным занятием, отчасти даже незаметным» [4, с. 119]. Всеобщая озабоченность опасностями и катастрофами в современном обществе стала основой для появления концепции «общество риска». Как отмечает У. Бек, «… в обществе риска сознание определяет бытие. Знание приобретает новое политическое значение. Соответственно потенциал общества риска должен раскрываться и анализироваться в социологии и теории возникновения и распространения знания о рисках» [2, с. 26].

Процессы формирования, распространения и обмена информации о рисках сегодня определяются понятием коммуникация риска [3, с.235]. В рамках этих процессов можно выделить два взаимообусловленных аспекта: во-первых, использование знаний о рисках политическими субъектами в своих целях, здесь речь идет о способах методах, стратегиях и тактиках политической коммуникации, во-вторых, восприятие риска обществом и его влияние на поведение граждан, т.е. изучение механизмов «обратной связи» коммуникативных процессов и последствий коммуникации риска.

Политика – это постоянный спор об идеях, целях, оценках того или иного решения, это информационная борьба, в которой аргументированность позиции, её рациональное и эмоциональное воздействие приобретает важнейшее значение. Понятие политического дискурса сегодня трактуется достаточно широко. В данной работе мы будем руководствоваться определением Русаковой О., которая определяет его «как знаково-символический способ коммуникации, нацеленный на производство и воспроизводство знаний, образов, смыслов, значений, ценностей и интерпретаций, обеспечивающих репрезентацию, позиционирование и иерархизацию социальных субъектов в динамическом пространстве политики» [14, с. 29]. Мы исходим из теоретического предположения, что использование знаний о рисках в сфере политики связано с конкретными целями и задачами самых разнообразных политических субъектов (личностями, социальными группами и организациями, политическими лидерами и государственными деятелями), которые стремятся получить вполне конкретный политический результат – укрепление и реализация собственной политической власти.

Риск сегодня является настолько широко применяемым понятием и столь многозначным, что первой и ключевой задачей при изучении коммуникации риска становится определение того, что понимается под рискологическим знанием.

Не ставя под сомнение реальность существования тех или иных угроз для человека и общества, с точки зрения социокультурного подхода, риск рассматривается как своеобразная субъективная интерпретация и оценка объективной реальности, цель которой выявить неблагоприятные/нежелательные события, последствия ранее совершенных действий и учесть их в антиципации будущего [8, с. 14].

В этом, на наш взгляд, и кроется основная проблема идентификации знаний о рисках. В обыденном восприятии риск часто может ассоциироваться с рядом феноменов человеческой психики: опасениями, тревожными ожиданиями, алармизмом, катастрофическим сознанием и т.д., т.е. в данном случае обращается внимание на последствия коммуникации риска, на индивидуальную или групповую трактовку будущего, основанную, прежде всего, на рациональном/иррациональном страхе еще не свершившихся бедствий, катастроф, неудач.

Нередко знания о рисках ассоциируют с мифологическими, религиозными представлениями, которые также включаются в себя определенные предостережения от неразумных поступков индивида. Не случайно, многие из исследователей рассматривают мифы, религию и социальные нормы, появившиеся на их основе (табу, грех, традиции и обычаи и т.д.), первой формой рискологического знания, цель которого сохранение человеческого сообщества. Как отмечает М. Дуглас: «само «имя» греха – это часто пророчество, предсказание неприятности. <…> По мере того как сообщество достигает культурной гомогенности, оно начинает расставлять «дорожные указатели», обозначая моменты наиболее опасного выбора. <…> Готовыми примерами здесь могут служить богохульство, лжесвидетельство, предательство, подстрекательство к бунту, неуважения к старшим. Дух общественного неодобрения подкрепляет веру, что определенные деяния опасны» [5, с. 246-247].

Нельзя сказать, что использование данных знаний осталось в прошлом современного общества, пока сохраняется религиозное сознание и те политические субъекты, которым выгодно использовать его в политическом дискурсе, то и оно неизбежно будет составной частью политических коммуникаций. Примером этого могут послужить выступления современных представителей церкви. Так, например, патриарх Кирилл заявлял: «Сталкиваясь с неправдой и грехом, Церковь может выступить с обличением, в том числе и правителей, когда они изменяют своему долгу. Примером такого обличения может служить святитель Филипп Московский, выступивший против неправосудия царя Иоанна Грозного. Люди, наделенные властью, сталкиваются с особыми соблазнами и нуждаются в особом пастырском попечении» [9].

Но по мере развития человеческого общества с увеличением роли науки, секуляризации сознания и рационализации всех сфер жизни общества, современные политики все чаще прибегают к научным, экспертным заключениям для обоснования своих политических решений. Сегодня процесс принятия решения уже немыслим без аналитической составляющей, научно-доказательной базы, вероятностных знаний о развитии тех или иных событий. Именно с этого момента мы можем говорить именно о рисках как научно обоснованном прогнозе, а не ожиданиях, религиозных и обыденных знаниях о возможных последствиях принятых решений.

В этой связи, можно выделить, ряд особенностей рискологических

когниций, которые с нашей точки зрения, объясняют специфику использование его в политическом дискурсе.

Во-первых, сегодня оно строится на глубоком теоретическом фундаменте, обобщая выявленные наукой законы и закономерности, казуальные связи и детерминанты, что является основой для доверия к нему со стороны общества. Также оно имеет четко выраженную практическую ориентацию, позволяющую свести теоретические выводы к конкретным прикладным рекомендациям, что делает его актуальным для организации человеческой деятельности.

Сегодня нет такой научной дисциплины, которая не использовала бы понятия «риск», «опасность», «угроза» для анализа своего объекта и предмета. Термин риск настолько широко вошел в научный оборот, что многие исследователи заявляют о необходимости выделения отдельной отрасли знания - рискологии или теории риска [1; 3]. Другие же, напротив, считают, что создать такую область знания достаточно сложно из-за слишком серьезных различий в представлениях о риске, а также подходах и методах его анализа.

С нашей точки зрения, исследование деятельности человека и общества через призму риска носит инструментальный характер и позволяет сформировать особый методологический подход к анализу своего предмета, поэтому оперирует похожими терминами и понятиями. Как отмечает Е. Мозговая «в содержание практически всех узкоспециальных определений риска включаются такие свойства, как множественность вариантов развития ситуации (альтернативность), неопределенность и вероятность нежелательных последствий» [7, с. 32]. Это свидетельствует о наличии определенных общих установок, базовых идей, которые объединяют все исследования риска в современной науке. Рискологический ракурс изучения позволяет сегодня пересмотреть уже существующие знания, определенным образом задать ориентиры для дальнейшего научного поиска. Поэтому в любой сфере жизни общества, когда мы говорим о человеческой деятельности, ее планировании, организации и управлении, мы вполне естественно приходим к понятию риска.

На протяжении всей истории политической мысли, начиная от самых древних трактатов до новейших исследований, ведущим мотивом изучения политических процессов являлось стремление предотвратить энтропию, деградацию и разрушение общества. Цель рискологического анализа в политической науке - выявить факторы общественно-политической реальности, (процессы, явления, события, действия разных политических субъектов), которые могут стать причиной и привести к вышеобозначенным негативным последствиям. Т.е. речь идет не столько о поиске некого нового знания о политической сфере (хотя это не означает, что оно не может быть выработано в процессе изучения и рассмотрения рисков), а скорее об определенном способе систематизации и обобщении уже существующего знания, перемещении акцентов исследования,

усилении прикладного и прогностического потенциала.

Именно экономическая необходимость международного бизнеса и транснациональных корпораций в практическом использовании накопленных политической наукой знаний [11; 15] дала толчок для изучения политических рисков, способствовала созданию как национальных, так и глобальных аналитических групп, специализирующих на политических прогнозах и предоставляющих консалтинговые услуги.

Во-вторых, рискологическое знание одновременно апеллирует и к разуму, и к чувствам. С одной стороны, представления о рисках – рациональны, поскольку опираются на научные и экспертные заключения, с другой – эмоциональны, т.к. оценивают события и действия в категориях лучшее/худшее, желательное/нежелательное, опасное/безопасное. Негативные прогнозы и оценки оказывают сильное воздействие на сознание людей, что делает их крайне привлекательными для политического дискурса. Поскольку это позволяет аргументировать принимаемые решения, опираясь на принципы научности и объективности, и оказывать влияние на массовое сознание, не редко поддаваясь искушению манипулировать повесткой дня и спекулировать на катастрофических ожиданиях и страхах общественности. Эта особенность подчеркнута М. Дуглас: «Язык риска зарезервирован в качестве специализированного лексикона для политических разговоров о нежелательных результатах. «Риск» призывают на службу для выпадов против злоупотреблений власти. Обвинение в создании обстановки риска - это дубинка для битья авторитетов, средство расшевелить ленивых бюрократов, вырвать возмещение для жертв. Для всех этих целей разом «опасность» была бы правильным словом, но плоская «опасность» не имеет ауры научности или претензий на возможный точный расчет» [5, с. 244-245].

В-третьих, как признают многие современные философы – большая часть даже социогуманитарного знания имеет относительный характер, оно хорошо объясняет события, которые уже свершились, но слабо в прогнозировании будущего. Теории, построенные на изучении прошлого, широко используются для оценки настоящего с целью предотвращения нежелательных событий в будущем. Поэтому сегодня вопрос прогнозирования и предвидения тех или иных социальных процессов остается почти «мистическим» актом. Зачастую объяснить, почему именно этот прогноз оправдан, а другой нет, можно лишь субъективными факторами (компетентностью, прозорливостью, интуитивностью автора) или случайными причинами, совпадением.

В политике как сфере целеполагания, или можно выразиться словами Э. Гидденса, колонизации будущего, когда власть стремиться продемонстрировать свою эффективность и принять оптимальные решения относительно всего общества, альтернативы научному знанию нет. Это привело к увеличению роли экспертного сообщества как нового субъекта политики. Не случайно У. Бек обратил своё внимание на тенденцию, что

политика в современном обществе теряет свои свойства и переходит в сферу субполитики, в сферу экономики и науки, в которой и создается знание о рисках и угрозах. Эту особенность общества риска он объяснял следующим образом: ««политические институты становятся администраторами развития, которое они не могли ни планировать, ни формировать, но за которое каким –то образом должны нести ответственность. С другой стороны, решения в экономике и науке нагружаются действительно политическим содержанием, на которое акторы не имеют ни малейшей легитимации» [2, с.283]. Но, с нашей точки зрения, политический дискурс сохраняет свои политические свойства, которые, прежде всего, проявляются в отборе, трансляции, использовании и распространении знаний о рисках.

В науке исследование рисков неизбежно сталкивается с проблемой поиска объективных данных, фактов, использования строго научного инструментария анализа исчисления вероятности наступления тех или иных неблагоприятных событий, которая не решена сегодня и вряд ли будет решена в ближайшем будущем. В политической коммуникации, даже если все эти проблемы актуализируются, то все эти они остаются в непубличном пространстве, поэтому вполне допустимо становится использование как вполне реальных, так и конструированных (мнимых) угроз, а так же факторов и предпосылок, которые их предопределили.

Проанализировав новостную ленту любого информационного агентства, то и без детального контент-анализа можно увидеть, что многие политические события интерпретируются и оцениваются с точки зрения их рискогенности, т.е. способности привести к тем или иным рискам. Традиционно в политической науке считается, что власти выгодно актуализировать самые разнообразные знания о рисках и тем самым доказывать свою эффективность и легитимировать собственную властную позицию. В статье Н.В. Шатиной «Политическое событие как область интерпретации российского экспертного сообщества» представлена модель актуализации того или иного события в СМИ, она включает в себя четыре составляющих: 1. актуализация угрозы; 2. нагнетание страха; 3. обозначение роли «сильной» власти (защитницы); 4. усиление доверия к власти – ее легитимация [16, с. 219]. Данная схема работает для анализа лишь определенных политических событий (как правило для тех, по которым требуется принять оперативное решение в данный момент и по которым, есть открытое и публичное противостояние), она слишком упрощает политическую реальность, не учитывает постоянное противоборство политических субъектов, специфику правящего и оппозиционного статуса того или иного субъекта.

Например, в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию РФ крайне редко можно встретить сообщение о тех или иных рисках и угрозах. В Послании 2012 года, слова «риск», «опасность», «угроза» вообще не используются [12], при этом если и содержатся намеки на те или иные проблемы, то как правило, в контексте прошлого («были

проблемы и противоречия, но власть их решила») или будущего («да, есть проблемы и противоречия, но мы их скоро решим»). Т.е. тактика нагнетания страха практически не применяется. Как отмечает Паршина О.Н., правящей группой используются стратегии аргументации, убеждения, рассмотрения проблемы под новым углом, т.е. эмоционально нейтральные и логически выстроенные тактики политической коммуникации [10]. Если в данном контексте и используется знание о рисках, то, как иллюстрация собственной эффективности, объективности и успешности принятых решений.

Совершенно другую картину можно увидеть в дискурсе оппозиционных политических сил. Например, программа КПРФ начинается со следующих слов: «Россия находится на крутом изломе своей истории. Обманом и насилием страна возвращена к капитализму. Это путь социального регресса, ведущий к национальной катастрофе, гибели нашей цивилизации». В тексте программы термин «опасность» используются 9 раз, «катастрофа» - 6 [13]. Сам текст изобилует изображением самых разных угроз, начиная от бездуховности российского общества, заканчивая внешнеполитическими вызовами. Основными коммуникативными стратегиями борьбы за власть становятся дискредитация и нападение противника, манипулятивные тактики (навешивание ярлыков, нагнетание страха, подмена понятий и т.д.) [10], они имеют серьезный эмоциональный потенциал и задача здесь через дискредитацию правящей группы усилить собственные позиции.

Как в случае с властными, так и оппозиционными силами, мы можем отметить стремление к селекции общественно-политических знаний о реальности, каждая из которых стремится предать своим программам, заявлениям и предложениям ореол «абсолютной истины», оперируя цифрами, фактами, исчислениями, мнениями авторитетных ученых для получения необходимых политических дивидендов. Этот вид рассуждений о рисках мы можем определить в терминах Н. Лумана, как наблюдение первого порядка [6], когда основной спор идет об одних и тех же фактах, но с совершенно разных идеологических, ценностных позиций, здесь мы можем говорить о переоценке, недооценки тех или иных факторов риска. Спекулирование на научном знании, манипулирование знаниями о рисках позволяет достичь политикам конкретных сиюминутных выгод (выиграть выборы, «выбить» финансирование, принять законопроект) и совершенно освобождает их ответственности за последствия принятых ими решений, за будущее общественное развитие. Здесь в качестве примера можно привести попытки коммунистов отрешить от должности Президента РФ Б.Н. Ельцина за провал рыночных и демократических реформ 90-х гг.

Но если мы посмотрим на представленную ситуацию с позиции наблюдения второго порядка, а именно «наблюдения за наблюдателем», то мы можем отметить, что эффект коммуникации риска совершенно неоднозначный, можно даже сказать «постмодернистский». Как мы отмечали ранее, сама специфика научного знания о рисках уже несет в

себе ряд противоречий, которые усугубляются в процессах коммуникационного взаимодействия. Стремясь повышать информационную открытость политической коммуникации, политические акторы одновременно создаёт условия для разрушения политической системы. Сегодня политологи все чаще говорят о кризисе государства, партий и лидерства, которые теряют доверие со стороны граждан. Последние все чаще чувствуют себя обманутыми и отказываются от участия в политической сфере, или же, наоборот, выбирают для себя путь противостояния не только политической элите, но и всей политической системе. Пожелать своему правительству неудачи скорее приветствуется общественным мнением, нежели осуждается. Основная причина этих явления лежит именно в коммуникативной сфере, политические игры с информацией сегодня чрезвычайно опасны не только в национальном, но и глобальном масштабе.

Вопрос о том, как избежать этого парадокса, также не имеет однозначного ответа. Некоторые видят выход из данной ситуации в увеличении образованности граждан и повышении устойчивости общественного и индивидуального сознания к разного рода манипуляциям; другие - в ужесточении социального контроля за действиями политиков, утверждения принципов социальной ответственности в информационно-коммуникативной сфере; третьи, более радикальные, призывают к пересмотру всех основ современного политического взаимодействия. Но какой бы вариант не был выбран, необходимо осознание, что другого варианта аргументации в сфере политики сегодня попросту не существует. Коммуникация риска, где бы она не осуществлялась (в науке, в повседневном общении, в публицистике и журналистике, в официальной позиции общественных и государственных деятелей), имеет серьезный политический потенциал, при этом не всегда имеющий деструктивный характер.

Список литературы

1. Арямов А.А. Общая теория риска: юридический, экономический и психологический анализ. М., 2010.
2. Бек У. Общество риска на пути к другому модерну. М.,2000.
3. Вишняков Я.Л, Радаев Н.Н. Обшая теория рисков. М., 2008.
4. Гидденс Э. Судьба,риск и безопасность // Thesis. 1994. №5.
5. Дуглас М. Риск как судебный механизм // Thesis. 1994. №5.
6. Луман Н. Понятие риска // Thesis. 1994. №5.
7. Мозговая Е.В., Шлыкова Е.В. «Социологическая приемлемость риска» как социологическая категория // Социология: М4. 2010. №31.
8. Общество риска и человек: онтологический и ценностный аспекты./ Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов : Наука, 2006.
9. Официальный сайт московского патриархата. URl: http://www.patriarchia.ru/db/text/2496952.html (дата обращения: 13.04. 2014).
10. Паршина О.Н. Российская политическая речь М., 2012.
11. Пожалов А.А. Исследования политического риска: история зарождения, становления и развития. // Вестник Московского университета. Серия 12, политические

науки. 2006. №3;
12. Послание Президента Федеральному собранию // Официальный сайт Президента РФ. URL: http://www.kremlin.ru/news/19825 (дата обращения: 12.04. 2004.)
13. Программа КПРФ // Официальный сайт КПРФ. URL: http://kprf.ru/party/program (дата обращения: 12.04. 2004.)
14. Русакова О.Ф., Максимов Д.А. Политическая дискурсология: предметное поле, теоретические подходы // Полис. 2006. № 4.
15. Соколов А. Политический риск: от теории к практике. М., 2009.
16. Шатина Н.В. Политическое событие как область интерпретации российского экспертного сообщества // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 1.

УДК 908(470.44)

ФОРМИРОВАНИЕ 5-Й ДИВИЗИИ ПОЛЬСКОЙ АРМИИ НА ТЕРРИТОРИИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В АВГУСТЕ-ДЕКАБРЕ 1941 ГОДА

Д.В. Серов
Саратовский военный институт внутренних войск МВД России, Россия
E-mail: den.shatilo@yandex.ru

Статья посвящена процессу формирования воинских соединений и частей Польской армии на территории Саратовской области в августе-декабре 1941года. Подчеркивается становление и возрождение советско-польских военно-политических отношений. Рассматривается процесс формирования воинских соединений и частей Польской армии, на примере 5-й пехотной дивизии. Показана роль органов советской власти в формировании Польской армии на территории СССР.

Ключевые слова: армия, формирование воинских соединений и частей, обеспечение.

The formation of the Polish 5th division in Saratov oblast in August-December, 1941.

D.V. Serov

The article is devoted to the formation of military joints and units of the Polish army in Saratov oblast in August-December, 1941. Special emphasis is placed on the formation and revival of political and military relations between the Soviet Union and Poland. The process of formation of military joints and units of the Polish army is shown on the 5th infantry division. The article enlightens the reader on the role of the Soviet Union authorities in formation of the Polish army based on the territory of the USSR.

Key words: an army, infantry division, a formation of military joints and units, a supply.

30 июля 1941 года в Лондоне, между СССР и Польшей, было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений, так называемое «соглашение Сикорского-Майского» [1, с.20]. На основе указанного соглашения между Польшей и СССР устанавливаются дружеские отношения, производится обмен послами, а также организуется взаимопомощь между странами, на основе которой, СССР дает согласие на формирование на своей территории Польской армии[2, с.367].

14 августа 1941 года между Верховными командованиями СССР и Польши подписывается военное соглашение, согласно которому на территории СССР в кратчайшие сроки организовывалась Польская армия[3, с.368]. Районы комплектования и формирования польских воинских соединений и частей определяла советская сторона[4, с.217]. Места сбора польских граждан для комплектования создаваемых воинских частей Польской армии, определялись согласно постановлений ЦК ВКП(б) и СНК СССР: «Об освобождении польских граждан из тюрем, исправительно-трудовых лагерей, лагерей для военнопленных, спецпоселков и с мест ссылки и выселки» [5, л.13].

Формирование польских дивизий проводилось по образцу советских, но с меньшим количеством личного состава (по 11 тысяч человек в каждой) [6,с.127]. Комплектование польских дивизий происходило за счет польских граждан находящихся на территории СССР, в основном из бывших военнопленных, которые находились на территории СССР с 1939 года в качестве интернированных[7,л.16].

На основании указа Верховного Совета СССР от 12 августа 1941года [8,л.12], разрабатывается проект постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б), который определил порядок амнистии польских военнопленных и граждан, с последующим комплектованием ими формируемых воинских соединений и частей Польской армии на территории СССР[9, л.13-15].

Всестороннее обеспечение процесса формирования всей Польской Армии на территории СССР, в целом, производилось со стороны Советского государства: «10. Жалованье, продовольствие, снабжение и иные дела внутреннего порядка будут урегулированы согласно воинским правилам СССР. 11. Раненые и больные военнослужащие польской армии будут подлежать лечению в госпиталях и санаториях, и обеспечиваться пенсиями и пособиями наравне с военнослужащими СССР. 12. Вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины и пр. для польской армии будут доставлены в меру возможности: а) правительством СССР из собственных запасов;»[10, с.218]. В этом же документе, пункт 13, указывается на то, что все расходы, связанные с формированием, снабжением и содержанием польской армии на территории СССР будут кредитованы Советским правительством, и могут, возвращены польской стороной после окончания войны[11, с.218].

Но одновременно, с получением помощи от СССР по обеспечению, польское командование имело договоренность с Англией и США, на

поставку в формируемые воинские соединения и части Польской Армии на территории СССР обмундирования и снаряжения. Это видно из доклада, уполномоченного Генерального штаба РККА по вопросам формирования польских соединений и частей на территории СССР, о беседе с польскими генералами В. Андерсом и С. Шишко-Богушем от 16 августа 1941 года[12,л.1-5].

Согласно протокола № 2 заседания смешанной комиссии по формированию польской армии на территории Советского Союза от 19 августа 1941 года, на территории Саратовской области формировалась и укомплектовывалась одна стрелковая дивизия, место дислокации Татищевский лагерь Приволжского Военного Округа [13,л.12].

На основании протокола № 3 заседания комиссии по польской армии от 22 августа 1941г. командование Красной армии окончательно утверждает нумерацию и места дислокации создаваемых польских воинских соединений и частей, 5-я пехотная дивизия Польской армии - Татищевский лагерь [14,л.17]. Одновременно определяется командование 5-й пехотной дивизии:

командир дивизии – бригадный генерал Мечислав-Людвиг Борута-Спехович; заместитель командира – полковник Ежи Гробицкий; начальник штаба – подполковник Зигмунд Берлинг [15,с.137].

Нумерация подразделений определилась в следующем порядке: 13-й пехотный полк, 14-й пехотный полк, 15-й пехотный полк, 5-й артиллерийский полк, 5-й саперный батальон, 5-й батальон связи [16,л.41].

С 23 августа 1941 года начинается призыв польских военнопленных и граждан в ряды создаваемой Польской армии [17,л.20]. Вот как вспоминает об этих событиях польский офицер Ежи Климовский: «Люди устремлялись в места, о которых было известно, что там формируются польские части, - в Бузулук, Тоцкое, Татищево» [18, с.137].

К середине сентября 1941 года 5-я польская пехотная дивизия была сформирована и укомплектована: офицерами - 494 человека, рядовыми – 10 832человека, в общем количестве – 11 326 человек. В район Татищевского лагеря ежедневно прибывали сотни поляков, как освобожденных, так и проживающих на территории СССР [19,л.11].

Помощь в комплектовании и формировании 5-й пехотной дивизии оказывало командование Приволжского Военного Округа. Дивизия дислоцировалась, на месте бывшей дислокации 53-го стрелкового корпуса Рабоче-Крестьянской Красной Армии. На территории лагеря имелись все необходимые хозяйственные постройки для обеспечения повседневной жизнедеятельности дивизии: пищеваренные блоки, хлебопекарня, баня, жилье для командного состава и большие учебные поля. Одновременно с наличием вышеуказанных построек и помещений, полностью отсутствовал казарменный фонд для проживания рядового состава в зимних условиях [20, л.12]. Была возможность разместить около семи тысячи человек в городе Саратов, на территории военных городков № 5, 7 [21, с.23]. Против этого размещения выступил секретарь Саратовского областного комитета

ВКП(б) Власов И. А. Причины несогласия местного руководства, можно понять, прочитав выдержку из доклада уполномоченного Генерального штаба РККА по вопросам формирования польских соединений и частей на территории СССР: «В Тоцком и Татищевском лагерях помимо сформированных частей прибыло более трех тысяч человек. Эти лица занимаются спекуляцией и даже имеются отдельные случаи грабежа и дебоша. Имеет место ведение антисоветской агитации со стороны поляков в окружающих селах»[22, л.13].

При формировании 5-й польской пехотной дивизии на территории Татищевского лагеря Саратовской области, первоначальное размещение рядового состава, происходило в палатках.

В последующем, по инициативе советского командования, было принято решение о строительстве землянок для проживания личного состава в зимних условиях [23, л.14]. Одновременно со строительством жилого казарменного фонда, начинаются занятия по боевой подготовке.

В целом процесс формирования 5-й дивизии проходил организованно, хотя и имелись проблемные вопросы. Особенно они возникали по вопросам медико-санитарной помощи, продовольственного и вещевого обеспечения польских военнослужащих.

Проблемные вопросы по качественному оказанию медико-санитарной помощи, возникли впоследствии того, что в дивизию, большинство военнослужащих прибывали из лагерей, в которых находились в качестве военнопленных, имея различные заболевания, вшивость и чесотку. Болезни возникали из-за скученности личного состава и проживания его в палатках и землянках [24,л.89]. Поэтому польскому командованию во взаимодействии с советскими властями, пришлось, одновременно с формированием соединения, организовывать медицинскую помощь по месту дислокации: «Для 5-й стрелковой дивизии в Татищеве организована больница на 100 коек с внутренним, хирургическим и инфекционным отделениями с собственным медицинским персоналом» [25,л.90].

15 сентября 1941 года – день приезда, командира Польской Армии на территории СССР, генерала Андерса В., для проведения смотра формируемой воинской части на территории Татищевского лагеря, считается днем основания 5-й пехотной дивизии Польской Армии [26,с.48].

В начале декабря 1941 года, был совершен объезд формируемых соединений и частей Польской армии в СССР, премьер-министром эмигрантского правительства Польши, генералом В. Сикорским. Вот как в своем докладе правительству СССР, об итогах объезда докладывает генерал-майор Панфилов: «Посещение частей польской армии на территории Союза ССР на генерала Сикорского произвело большое впечатление, в особенности посещение 5-й польской пехотной дивизии (командир дивизии генерал бригады Борута-Спехович). Дивизия вооружена нашим оружием. На параде дивизия продемонстрировала свою сплоченность» [27, л.18].

После объезда формируемых соединений и частей Польской армии в СССР, состоялась встреча В. Сикорского с И. Сталиным, на которой определилась дальнейшая судьба польских воинских частей и соединений. На этой встрече, генерал Сикорский предложил передислоцировать сформированные воинские части польской армии на юг СССР ближе к Ирану, а 25 тысяч человек вообще отправить в Иран, ближе к британским коммуникациям. Но одновременно высказывал согласие на дальнейшее формирование воинских частей на территории СССР [28, с. 262-263].

На основе этой встречи 25 декабря 1941 года постановлением Государственного комитета обороны СССР №1064, было принято решение об увеличении численности формируемых польских соединений и частей на территории СССР, с дислокацией на территории Среднеазиатского военного округа. Местом дислокации 5-й пехотной дивизии был определен город Джелал-Абад, Киргизской ССР [29, с. 151]. В последующем, 5-я пехотная дивизия была переведена на территорию Ирана, а затем в Великобританию и участвовала в боевых действиях против Германии в составе англо-американских войск.

Список литературы

1. Климовский Е. «Гнуснейшие из гнусных». Записки адъютанта генерала Андерса / Ежи Климовский. М. Вече. 2011. С. 367. Дом все время далеко. Польша все время близко… Армия генерала Андерса. – Варшава: Совет Охраны Памяти Борьбы и Мученичества, 2011. С. 20.
1. Там же., с.368.
2. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. (1939-1943 гг). М. 1973. С. 217.
3. Центральный Архив Министерства Обороны Российской Федерации (далее ЦАМО РФ). Ф. 485. Оп. 768407. Д. 38. Л. 13.
4. Климовский Е. «Гнуснейшие из гнусных». Записки адъютанта генерала Андерса / Ежи Климовский. М. Вече. 2011. С. 127.
5. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 38. Л. 16.
6. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 40.Л. 12.
7. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д.38. ЛЛ. 13 – 15.
8. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. (1939-1943гг). М. 1973. С. 218.
9. Там же.
10. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 45. Л. 1 – 5.
11. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 40. Л. 12.
12. Там же. Л. 17.
13. Климовский, Е. «Гнуснейшие из гнусных». Записки адъютанта генерала Андерса / Ежи Климовский. М. Вече. 2011. С.137.
14. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 40. Л. 41.
15. Там же. Л. 20.
16. Климовский, Е., «Гнуснейшие из гнусных». Записки адъютанта генерала Андерса / Ежи Климовский. М. Вече. 2011. С. 137.
17. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 45.Л. 11.
18. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 45.Л. 12.
19. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 49. Л. 23.
20. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 45. Л. 13.

21. Там же. Л. 14.
22. Дом все время далеко. Польша все время близко… Армия генерала Андерса. – Варшава: Совет Охраны Памяти Борьбы и Мученичества, 2011. С. 48.
23. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 43. Л. 89.
24. Там же. Л. 90.
25. ЦАМО РФ. Ф. 485. Оп. 768407. Д. 45. Л. 18 – 19.
26. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 7. (1939-1943гг). М. 1973. С. 262 – 263.
27. Горьков Ю.А. Государственный Комитет Обороны постановляет (1941-1945 гг). Цифры, документы. М. ОЛМА-Пресс. 2002. С. 151.

УДК 354:32

СОЦИАЛЬНОЕ ПАРТНЕРСТВО ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ И НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Л.М. Усаченко
Национальный университет биоресурсов и природопользования, Украина
E-mail: Olga_2006@bigmir.net

Статья освещает проблемы социального партнерства неправительственных организаций с органами государственной власти. Автор обосновывает мнение в целесообразности применения таких понятий, как "личные силы" каждой общественной организации и "динамические силы" среды его деятельности.

Ключевые слова: Неправительственные организации (НПО), органы государственной власти (ОДВ), социальное партнерство, социальное поле НПО, "личные силы" ГО, "динамические силы" среды деятельности НПО, "жизненное пространство" ГО.

Social partnership of state authorities and non-governmental organizations

L.M. Usachenko

Article is devoted to the problem of social partnership of NGOs with government authorities. The author justifies an opinion on the usefulness of concepts such as "personal power" of each organization and of "dynamic forces" environment for its activities.

Key words: Non-governmental organizations (NGOs), public authorities (EFA), social partnership, social field NGOs "personal power" GO, "dynamic force" environment for NGOs, "living space" GO.

Осовременивание понятийного поля взаимодействия в формате “ОДВ-НУО” необходимое как для понимания этого процесса, так и для очерчивания его перспектив. Именно поэтому *целью статьи* является

анализ взаимоотношений органов государственной власти с неправительственными организациями сквозь призму социального партнерства.

Проблема конструктивного взаимодействия ОДВ с НУО является постоянным приоритетом научных исследований. Подтверждением этого является ряд научных работ как отечественных, так и зарубежных исследователей. Среди наиболее весомых целесообразно выделить исследование С.А. Абакумова, Э. Арато, Г.В. Задорожного, Л. Зидентопа, Дж.Л. Коена, А.Ф. Колодий, О.В. Ковриги, Н.Р. Нижник, В.В. Смоловика, В.В.Цветкова и вторых исследователей. Особенно необходимо выделить научные исследования, которые касаются формирования и развития гражданского общества, в частности это разработки таких научный работников как С. Баяхчева, Дж. Кон, Ю. Резник, М. Риттер, А. Селигмен, В. Хорос, Э. Шацкий. Тем не менее, без внимания научный работников остались вопросы определения конкретных механизмов взаимоотношений органов государственной власти с неправительственными организациями сквозь призму социального партнерства.

Проведенный анализ свидетельствует в возрастающей необходимости применения в административном понятийном обращении, которое касается гражданского общества как самостоятельной социально организованной структуры и формы самоорганизации общества, способной согласовывать разнообразные интересы людей, использование словарных дефиниций таких понятой: “партнерство”, “социальное партнерство”, “социальное взаимодействие”. Это необходимо, прежде всего, власти, чтобы быть настроенной на подход к гражданскому обществу как в комплексный конституционно-правовой институт, который представляет собой структурированное объединение населения страны с развитыми экономическими, политическими, духовными и вторыми отношениями и связями, которая взаимодействует с государством и функционирует на началах демократии и права [1, с. 59].

Так, в энциклопедическом словаре из теории управления, партнерство рассматривается как согласованное взаимодействие людей, управленческих субъектов, которая включает взаимную поддержку, взаимопомощь, взаимную ответственность и обмен услугами, сопровождается положительными эмоциями, направляется на достижение согласия и желательного результата и, будучи тем определяющим звеном в цепи социальных действий, которое, предшествуя им, обеспечивает их успех [2, с. 436].

Важность и значение сотрудничества объясняется еще и тем, что оно является предпосылкой возможности осуществления контроля, поскольку, на мысль А.Томпсона, если человеку удастся решить проблему сотрудничества, то навряд ли можно будет утверждать, что есть что-нибудь в мире для него невыполнимое. Эту аксиому можно, по мнению автора, применить и к сотрудничеству двух социальных партнеров, а именно: ОДВ - ОГС.

Проведенный анализ свидетельствует, что основными методами отладки сотрудничества в формате “ОДВ - НУО "научные работники считают такие: обращение к интересам партнеров, обращение к значащим ценностям, метод значащего действия, метод экстремальной поддержки, метод объективируемых предложений, метод вариативных предложений, метод перекрестных предложений, метод посредничества [2, с. 436]. Очевидно, что каждому из них присущи определенные процедуры, а результативность их применения непосредственно зависит от четкости соблюдения определенных условий.

По нашему мнению, все эти методы являются действенными и эффективными при условии заинтересованного понимания значимости такого взаимодействия, как с общественными организациями, так и с органами государственной власти. Считая, что основой эффективного и действенного применения каждого из указанных методов должны стать социальное взаимодействие ОДВ и НДО как главных социальных партнеров, автор разделяет мнение научных работников, которые социальное взаимодействие понимают как процесс взаимодействия социальных групп, институтов в процессе реализации их интересов [2, с. 61].

Термин "социальное партнерство" приобрел распространение в годы Первой мировой войны вследствие активной разработки научными работниками теории социальных реформ как альтернативы теории классовой борьбы. При этом, социальное партнерство рассматривалось как альтернатива социального противоборства [2 с. 61-62].

Автор статьи разделяет мнение ученых, что проблема социального партнерства как способа взаимовыгодного сотрудничества приобретает ныне чрезвычайную актуальность. Это и не удивительно, поскольку разнообразие сфер научных знаний, где исследуется этот объект, оказывает содействие появлению разных взглядов на понимание сущности этого социального феномена. Именно через это, социальное партнерство признается ныне тем социальным институтом, на основе которого реализуется определенный тип социальных отношений, направленных на развитие консенсуса и положительного результата в процессе взаимодействия социальных субъектов - партнеров этого взаимодействия [2, с. 459-460].

В самом общем значении этот срок характеризует все разнообразие социальных взаимодействий между социальными субъектами, основная цель которых состоит в достижении согласия и взаимного отказа от противоборства и конфронтации. Очевидно, что такие отношения являются отношениями постоянного согласования ежедневной практической деятельности, направленного на решение общих задач [2, с. 460].

Не вызывает сомнения тот факт, что сохранение существования социальной системы непосредственно зависит от уровня институционализованости и стойкости социального взаимодействия

социальных партнеров как взаимодействия их интересов. При этом следует заметить, что социальные образования могут выступать объектами взаимных интересов, во-первых, непосредственно, обуславливая выбор своими чертами; во-вторых, опосредованно, обосновывая выбор содержания и результаты деятельности средствами реализации своих нужд.

Вместе с тем, необходимо отметить, что социальное взаимодействие в формате "ОДВ - ОГС" имеет противоречивый характер, поскольку существуют отличия в направленности особых интересов каждого из социальных партнеров. Тем не менее, умелое применение органами государственной власти технологий социального взаимодействия в своем сотрудничестве с НДО обеспечивает достижение ряда положительных результатов, основными из которых есть: согласование их особых интересов, удовлетворение их нужд, развитие социальных черт, улучшение условий жизнедеятельности, своевременное взаимовыгодное решение социальных разногласий с целью достижения баланса актуализированных интересов и максимально полной самореализации как каждой личностью, так и каждым партнером своего творческого потенциала [2, с. 61-62].

В связи с этим, логическим, по мнению соискателя, есть использование такого важного понятия как "технология взаимодействия". Этим сроком обозначаются структурные элементы социальной организации общества, которые обеспечивают социальные связи между субъектами общественного отношения. Устанавливаясь для обеспечения социальных функций, социальные связи между субъектами общественного отношения образовывают определенные пункты перекрещивания в широком поле общественного отношения. С этой точки зрения, социальная организация не только общества, а и отношений ОДВ с НДО может быть представлена в виде сложной и взаимосвязанной системы технологий взаимодействия, результатом использования которых есть активизация социального партнерства двух субъектов социального взаимодействия [2, с. 531-532].

Кроме того, технологии взаимодействия есть также и поведение НУО как социальной группы, поскольку рассматриваются как результат взаимодействия сил, существующих в конкретной социальной ситуации. Этот метод обеспечения социального поведения предусматривает, что свойства любого события определяется на основе ее связи с рядом событий, компонентом которой это событие выступает. При этом, изменение "здесь и сейчас" находится в прямой зависимости вот изменений, которые ей непосредственно передают во временном пространстве.

Целесообразно указать, что физическое понятие "поле" на социальные науки распространили психологи К. Каффка и В. Кьелер. Они сделали это, для обозначения совокупности существующих факторов, которые, имея характер "динамического поля", определяют тип поведения. Дальнейшее развитие этого понятия осуществил К. Левин, применив его в процессе

изучения мотивации поведения человека. Он исследовал, что главными характеристиками социального поля есть [2, с. 532-533]:

- конструктивный, а не классический, подход к общественным явлениям;
- акцентуация на приоритетности динамических аспектов ситуации;
- подход к ситуации как к целостному явлению;
- математическое представление поля с помощью формулы: *B = /P,* e/, где В - поведение, Р - лицо (ее структура и опыт), е - среда, т.е., социальное и психологическое содержание конкретной ситуации. Взаимодействие "личных сил" и "динамических сил" среды создают, при этом, "жизненное пространство" индивида.

По мнению автора, в полной мере это касается и организаций гражданского общества. В связи с этим, целесообразно, по мнению автора, применить выше приведенную формулу математического представления социального поля и для НДО. Для этого необходимо лишь уточнить значение ее компонентов, а именно: В - поведение, т.е., ежедневная деятельность ГО; Р - самая общественная организация с внутренней структурой и опытом функционирования; е - среда, т.е., социальное и психологическое содержание каждой конкретной ситуации.

Автор считает, что необходимо также вести речь о "личных силах" каждой общественной организации и "динамических силах" среды ее деятельности, которая является компонентами ее социального поля, т.е., "жизненного пространства", представленного многими взаимосвязанными и взаимообусловленными связями и процессами.

В связи с этим, в процессе исследования проблематики социального партнерства в формате "ОДВ - ОГС" необходимым являются учеты уровня профессионально-управленческой культуры. Следует указать, что этот срок рассматривается автором как относительно самостоятельное явление, которому присущи свои закономерности организации и развития. При этом, многомерность этого понятия предусматривает одновременную его актуализацию как:

1) результата управленческой деятельности; совокупности управленческих знаний, средств и технологий воспроизведения управленческого ресурса; мастерства управленческой деятельности; условий ее эффективности;

2) характеристики системы управления как определенной целостности. Это дает возможность понять определенный набор профессиональных идей, традиций, ценностей, стереотипов, своеобразных приемов в достижении целей управленческого влияния, профессиональных связей в процессе выполнения функций управления;

3) аккумулятора правовых и моральных норм, национальных традиций, духовного богатства относительно сферы управления, социального взаимодействия;

4) субъективного фактора государственного управления,

определенного объединения интеллекта и действий, материализации сознания субъектов управления [2, с. 195].

Очевидно, что управленческо-профессиональная культура выступает отображением способности государственных служащих адекватно реагировать на запросы граждан, изменения во всех сферах общественной жизни (экономической, социальной, культурной), поскольку она обеспечивает стойкость в управлении, своеобразную управленческую преемственность с учетом не только положительного, а и отрицательного опыта взаимодействия ОДВ с НУО. Именно поэтому вопрос адекватности уровня современной культуры управления активности ГО должны быть, по мнению автора статьи, предметом непредубежденного научного исследования.

В системе профессионально-управленческой культуры научные работники справедливо, по мнению автора, выделяют такие уровни:

- общенациональный уровень государственной службы как публично-правового института и носителя специфической корпоративной культуры;
- уровень ОДВ с его стилем работы, которая формируется на основе совокупности принятых, стойких образцов административной этики, социально-политических ценностей и правовых норм, накопленных традиций, прошлого опыта и современных ориентаций;
- уровень личности государственного служащего, культура которого объединяет у себя определенную совокупность профессиональных черт и качеств, убеждений, знаний и привычек, которые определяют управленческие технологии [2, с. 195-196].

Автор считает, что целесообразно вести речь в еще одном уровне, уровене взаимодействия ОДВ с ГО, что выступает мерилом готовности/неготовности государственной власти к ведению открытого, постоянного, непредубежденного, конструктивного, честного взаимовыгодного диалога с общественными организациями, и так, с гражданским обществом.

Таким образом, проведенный автором анализ разрешает вести речь в целесообразности трактования социального партнерства между ОДВ и НУО духовно-практической деятельностью, которая объединяет и уравновешивает у себя оба аспекта: материальный и духовный. В такой деятельности реализуется не только социальная сущность человека, а и создаются благоприятные условия как для обмена смыслами и ценностями между обоими социальными партнерами как субъектами деятельности, так и для проявления индивидуальности каждого из их [2, с. 111].

Построение гражданского общества является не только целью демократического общественного развития, а и средством всестороннего обеспечения интересов, прав и свобод человека и гражданина. Именно поэтому естественно учитывать тот факт, рои котором, реализация социального интереса выступает ныне главным приоритетом максимального усиления социальности, повышение качественных

показателей уровня жизни граждан и удовлетворенности их социальных нужд. Решающая роль в этом процессе обеспечения стойкости социальной системы и достижение ее целостности и жизнеспособности отводится, рядом с экономикой знаний и экономикой интеллекта, повышению социальной зрелости граждан и укреплению социальной организации гражданского общества [2, с. 143-144].

1. Взаимоотношения ОДВ с ГО - это беспрерывный процесс сотрудничества и взаимовлияний двух равноправных субъектов социальных партнеров, которыми должны быть органы государственной власти всех уровней и общественные организации.

2. Социальное партнерство между ОДВ всех уровней и НДО диссертант считает постоянной духовно-практической деятельностью, которая объединяет и уравновешивает у себя оба аспекта: материальный и моральный, духовный. Объединение этих аспектов оказывает содействие не только реализации социальной сущности человека, а и созданию благоприятных условий как для обмена ценностями между обеими социальными партнерами, субъектами деятельности, так и для проявления индивидуальности каждого из них.

3. Умелое применение ОДВ технологий социального взаимодействия в своем сотрудничестве с НУО обеспечивает достижение ряда положительных результатов, основными из которых являются своевременное взаимовыгодное решение социальных противоречий с целью достижения баланса актуализированных интересов и максимально полной самореализации каждым из двух социальных партнеров своего творческого потенциала.

4. Целесообразно применять формулу математического представления социального поля деятельности для: предоставления конструктивности подхода ОДВ к организации и осуществлению взаимодействия с НУО; акцентуации на приоритетности динамических аспектов социальной ситуации; подхода к такому взаимодействию как к целостному социальному явлению.

5. Важным при этом является изучение практической организации ОДВ взаимоотношений с НУО сквозь призму применения технологий взаимодействия и социального партнерства, как способа взаимовыгодного сотрудничества государства и гражданского общества.

6. Отечественная сфера государственного управления нуждается в активном внедрении и практическом применении обновленных инструментальных понятий, сориентированных на дальнейшее решение задач управления и развития взаимодействия с НУО.

7. Введение в понятийное обращение сферы государственного управления современных понятий "социальное партнерство", "взаимозависимость ОДВ и НУО", "социальное поле", "социальное взаимодействие", "личные силы и динамические силы", "ГО" разрешит: во-первых, признать гражданское общество, а так же общественные организации, институциональной сферой жизни и формой социальной

интеграции граждан, превратить государство в социально ответственный институт гражданского общества, которое осуществляет активную социальную политику в интересах всех категорий и слоев населения, применяя для этого демократические принципы; во-вторых, привлечь все возможности ОДВ всех уровней для повышения уровня профессионально-управленческой культуры тех государственных служащих, которые осуществляют на практике взаимодействие с ГО; в-третьих, усовершенствовать и осовременить систему общественного контроля за деятельностью ОДВ, без чего эффективное социальное партнерство в системе отношений "ОДВ-НУО" является невозможным; в-четвертых, предоставить отношениям ОДВ с ГО нового и современного статуса взаимовыгодных партнерских отношений.

8. В системе профессионально-управленческой культуры целесообразно выделять уровень взаимодействия ОДВ с ГО, как мерила готовности/неготовности государственной власти к ведению открытого, постоянного, непредубежденного, конструктивного, честного, взаимовыгодного диалога с общественными организациями, а так же с общественным обществом.

9. Учитывая проанализированные проблемы развития взаимоотношений органов государственной власти и общественных организаций можно определить *направления дальнейших научных исследований,* а именно:

- анализ целей и принципов системы взаимоотношений ОДВ с НУО;
- характеристика организационной структуры системы взаимоотношений в формате "ОДВ - НУО";
- выявление функций системы взаимоотношений ОДВ и НДО, как социальных партнеров;
- инвентаризация видов НУО и анализ методов их сотрудничества с ОДВ;
- исследование формы и методов управления как важной составной развития взаимоотношений ОДВ и ОГС на равных как центральных, так и местных органов исполнительной власти;
- освещение приоритетных направленный развития взаимоотношений ОДВ и НУО, которыми в диссертации признаны: нормативно-правовое обеспечение сотрудничества ОДВ и ГО; путь развития взаимоотношений ОДВ и НУО сквозь призму деятельности местного и регионального омбудсменов, осуществление общественной экспертизы, функционирование общественных совещательных советов.

Список литературы

1. Законотворча діяльність: Словник термінів і понять / За ред. акад. НАН України В. М. Литвина. - К.: Парламентське вид-во, 2004. 344 с.
2. Теория управления: социально-технологический подход. Эн- цикл. словарь / Под ред. Иванова В. Н., Патрушева В. И., Акад. наук социал. технологий и местного самоуправления. - 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Муниципальный мир, 2004. - 672 с.

УДК 342.5

УЧРЕЖДЕНИЕ ИНСТИТУТА УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ЗАЩИТЕ ПРАВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ В РОССИИ

В.А. Фадеева
Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия
E-mail: Luvrik7@yandex.ru

Статья посвящена анализу учреждения института уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ. Особое внимание в статье уделено сфере взаимодействия государства и субъектов предпринимательской деятельности в современной России. Обращено внимание на деятельность бизнес-омбудсменов в зарубежных странах. В статье обозначены несовершенства федерального закона, регламентирующего деятельность института уполномоченного по защите прав предпринимателей в РФ.

Ключевые слова: институт уполномоченного по защите прав предпринимателей, субъекты предпринимательской деятельности, права и интересы предпринимателей.

Some questions of creation of the Russian Business Ombudsman Institution

V.A. Fadeeva

This article is devoted to analysis of creation of the Russian Business Ombudsman Institution. Particular attention is paid to the area of interaction between government and business entities in modern Russia. Attention is paid to the activities of the business ombudsman in foreign countries. The article describes the imperfections of the federal law regulating the activities of the Russian Business Ombudsman Institution.

Key words: the Russian Business Ombudsman Institution, businessmen, rights and interests of business.

Правовое и политико-экономическое развитие России с момента принятия Конституции РФ складывалось непросто. Можно сказать, что в нашей стране не установилась правовая культура государственного регулирования предпринимательской деятельности. Особенно остро это проявляется в сфере непосредственного взаимодействия субъектов предпринимательской деятельности с государственными органами.

В 90-е годы организационно-правовая сфера характеризуется для бизнеса нестабильностью законодательства, отсутствием необходимых законов и невыполнением уже имеющихся, отсутствием реальных механизмов защиты предпринимателей от монополии местных властей и государственных предприятий.

Начиная с 2000-х гг. происходит перемена в политике государства в отношении к малому и среднему предпринимательству. Разрабатываются и реализуются стратегии и концепции его развития с целью создать дополнительные возможности для реализации конкурентного потенциала российской экономики и частного сектора [1]. Поддержка и развитие малого и среднего предпринимательства является одной из ключевых задач для поднятия экономики России, с этой целью принимается специальный Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [2].

Становится очевидным, что проблемы, препятствующие развитию частного сектора экономики страны, заключаются в существовании для субъектов предпринимательской деятельности административных барьеров, в коррумпированности органов государственной власти и должностных лиц, а также в слабости и неэффективности законодательной базы, регулирующую данную сферу. То есть актуальным вопросом становится обеспечение гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдения указанных прав органами власти, органами местного самоуправления, должностными лицами.

Власти осуществляли поиск решения проблем в указанной сфере, например, был принят Федеральный закон «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3], но коренным образом повлиять на ситуацию не смогли.

Расширение диалога между государством и частным сектором, ускорило принятие конструктивного решения, которое должно помочь преодолеть все негативные факторы, влияющие на сферу взаимодействия государства и предпринимательского сообщества, защитить права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности, в целом положительно повлиять на экономическое развитие нашей страны. Им стало создание института уполномоченного по защите прав предпринимателей.

Бизнес-омбудсмен и его рабочий аппарат в соответствии с Федеральным законом «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации» [4] - государственный орган, но, несомненно, важным является тот факт, что сама идея создания такого института на государственном уровне принадлежит предпринимательскому сообществу. Особенно необходимо отметить, что в данном случае речь идёт об инициативе ассоциаций среднего и малого бизнеса, на который в последнее время возлагаются большие надежды.

Институт бизнес-омбудсмена является государственным органом, отстаивающим права и интересы предпринимателей России в области взаимодействия с государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами. По своей сути это орган,

который дополняет существующие средства защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц и при этом не отменяет и не влечет пересмотра компетенции соответствующих государственных органов.

Идея существования специализированного омбудсмена, защищающего права и интересы предпринимателей не нова для зарубежной практики. В странах-членах ЕС действуют региональные сети омбудсменов, которые включают в себя и специальных уполномоченных по защите прав предпринимателей, бизнес-омбудсмены осуществляют свою деятельность в США, в Австралии и др. [5]. На постсоветском пространстве уполномоченный по защите прав предпринимателей предусмотрен грузинским законодательством [6]. Кроме того, в серьез задумываются о создании такого специализированного уполномоченного в Белоруси и Украине [7]. Стоит отметить, что система работы и формирования данного института в зарубежных странах отличается. Та или иная страна, столкнувшаяся с проблемами защиты прав и законных интересов предпринимателей в области их взаимодействия с государством, и посчитавшая, что для их решения необходима специальная структура, определяют ее правовой статус, исходя из собственной правовой системы и политико-экономических факторов развития государства. Из сказанного следует, что на сегодняшний день нельзя говорить о существовании приемлемой организационно-правовой формы существования исследуемого нами института.

В нашей стране деятельность института уполномоченного по защите прав предпринимателей представляет собой сочетание общественной инициативы с государственными полномочиями, что уже доказывает свою эффективность (например, проведение экономической амнистии). Следует предположить, что оно и в дальнейшем обеспечит наиболее эффективное осуществление полномочий бизнес-омбудсмена. Но для этого необходима четкая регламентация правового статуса данного государственного органа.

На сегодняшний день представляется несовершенным решение законодателя, в силу которого бизнес-омбудсмен в организационном плане находится в структуре Администрации Президента РФ [8], а его деятельность обеспечивает аппарат Общественной палаты РФ [9]. К недостаткам исследуемого федерального закона следует отнести отсутствие формализованной процедуры, в соответствии с которой осуществляется учет мнения предпринимательского сообщества о кандидатуре (кандидатурах) на должность федерального бизнес-омбудсмена. В Федеральном законе, регламентирующем деятельность специализированного уполномоченного нет специальных норм об аппарате Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей.

В соответствии с федеральным законом существование бизнес-омбудсменов предусмотрено и в субъектах РФ. Так на данный момент

число регионов, в которых введена соответствующая должность – 75, что превысило число региональных уполномоченных по правам человека. В виду этого факта в федеральном законе необходимо конкретизировать порядок взаимодействия федерального бизнес-омбудсмена с его коллегами в субъектах РФ.

Изначально положение о том, что федеральный уполномоченный по защите прав предпринимателей и его аппарат являются государственным органом должно было вступить в законную силу с 1 января 2014 г. Данный период был предусмотрен законодателем для проведения организационно-штатных мероприятий по созданию нового института. Но по истечении определенного законом срока переходного периода стала очевидна его недостаточность, что послужило основанием его продления до 1 января 2015 г. [10]. Наша позиция сводится к тому, что к моменту вступления в силу статьи, предусматривающей деятельность федерального бизнес-омбудсмена и его аппарата в качестве государственного органа с правами юридического лица, законодатель должен провести работу по усовершенствованию его «юридической личности».

Список литературы

1. См., например, Официальный сайт Президента Российской Федерации. Послание Президента России В.В.Путина Федеральному Собранию РФ от 8 июля 2000 года [электронный ресурс].URL: http://www.putin2004.ru/putin/press/3FFEDDA9; Официальный сайт Президента Российской Федерации. Послание Президента Федеральному Собранию от 16 мая 2003 г. [электронный ресурс]. URL: http://archive.kremlin.ru/text/appears/2003/05/44623.shtml; Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р (ред. от 08.08.2009) «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2008. N 47. Ст. 5489.
2. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2013) // СЗ РФ. 2007. N 31.Ст. 4006.
3. О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля: Федеральный закон от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ // СЗ РФ. 2008. N 52. Ст. 6249.
4. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ // СЗ РФ. 2013. N 19. Ст. 2305.
5. См.: Офис национального омбудсмена Администрации малого бизнеса США [электронный ресурс]. – URL: http://www.sba.gov/ombudsman; Билль об Уполномоченном по делам малого бизнеса, 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.comlaw.gov.au/Details/C2013B00026; Палагина А.Н. Особенности института уполномоченного по защите прав предпринимателей в России и за рубежом // Креативная экономика. 2013. № 7 (79). С. 106.
6. Сайт Министерства юстиции Грузии. Налоговый кодекс Грузии [электронный ресурс]. URL: https://matsne.gov.ge/index.php?option=com_ldmssearch&view=docView&id=1043717 .
7. См.: Информационное агентство "Интерфакс-Запад". Информационно-справочный портал Беларуси. Предприниматели выступают за создание в Беларуси

института бизнес-омбудсмена [электронный ресурс]. URL: http://www.interfax.by/news/belarus/128724 Forbes Украина. Государство. Появится ли в Украине бизнес-омбудсмен и каким он будет [электронный ресурс]. URL: http://forbes.ua/nation/1357656-poyavitsya-li-v-ukraine-biznes-ombudsmen-i-kakim-on-budet; Медиа-портал Право. Аналитика. Кто станет бизнес-омбудсменом в Украине [электронный ресурс]. URL: http://www.pravo-kiev.com/events/kto-stanet-biznes-ombudsmenom-v-ukraine.

8. См.: Об утверждении положения об Администрации Президента Российской Федерации: Указ Президента РФ от 6 апреля 2004 г. № 490 // СЗ РФ. 2004. № 15. Ст. 1395.

9. Об общественной палате Российской Федерации: Федеральный закон от 4 апреля 2005 г. № 32-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. N 15. Ст. 1277. (ч.1 ст. 26).

10. Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 78-ФЗ // СЗ РФ. 2013. N 19. Ст. 2305. (ч. 2 ст. 11).

УДК 351:005.44

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ВЛИЯНИЙ

О.В. Червякова
Национальный университет биоресурсов и природопользования, Украина
E-mail: Olga_2006@bigmir.net

Проанализированы и обобщены широкий круг научных исследований за период 2003-2011 г.г. относительно государственного управления в контексте глобализационных воздействий.

Ключевые слова: Государственное управление, глобализационные влияния, общественные изменения. Державное управление, глобализационные воздействия, общественные изменения.

State management in the context of globalization influences

O.V. Chervyakova

The article analyzes and summarizes a wide range of scientific studies for the period 2003-2011 years for public administration in the context of globalization impacts.

Key words: Reigning management, globalization impact social change.

В современном мире глобализационные воздействия играют очень важную, если не ведущую, роль в процессах общественных изменений. Именно поэтому они активно исследуются в Украине, в частности, в рамках отрасли науки "Государственное управление". В этом

направлении есть разветвленный вектор, а, следовательно, и широкий фронт научных исследований, требующих обобщения и анализа относительно государственного управления в контексте глобализационных воздействий.

Цель исследования – выявление и обобщение тенденций диссертационных исследований в области науки "Государственное управление" по основным направлениям - составляющими внешнего вектора общественных изменений в направлении глобализационных воздействий.

При написании этой статьи автор опирался на результаты научных исследований [1-66].

С 2003 по 2011 годы различным вопросам реагирования государственного управления на глобализационные вызовы было посвящено 75 диссертационных работ, из которых 16 - докторские (В.Е. Воротин [8], В.В. Юрчишин [66], Ю.В. Ковбасюк [18], О.А. Малиновская [29], В.М. Мартыненко [30], И.А. Грицяк [11], М.И. Рудакевич [45], Р.В. Войтович [7], Т.М. Лозинская [26], Л.М. Письмаченко [27], Г.Ю. Псарев [41], С.В. Майстро [28], Л.Л. Приходченко [40], Я.Ф. Жовнирчик [14], М.И. Лахижа [24], В.Л. Миненко [34]). Статистика защит диссертаций по специальностям отрасли науки "Государственное управление" по направлению внешнего вектора общественных изменений "Глобализационные влияния" приведена в таблице.

Трансформациям системы и процессов государственного управления в условиях глобализации (государственно составляющая вектора глобализационных воздействий) посвящены работы Р.В. Войтович "Влияние глобализации на систему государственного управления" (2009) [7], М.И. Лахижа "Модернизация публичной администрации в Украине в условиях евроинтеграции: теоретические и практические аспекты" (2011) [24], Г.Ю.Псарёва "Теоретико - методологические основы реформирования административно - территориального устройства и территориальной организации власти" (2009) [41], М.Г. Орел "Административное реформирование в Украине в условиях глобализации: теоретико - методологический аспект" (2008) [36], И.А. Радзиевского "Трансформация системных характеристик государственного управления в условиях глобализации" (2008) [43], Э.Х. Топаловой "Приближение отечественной системы управления к европейским стандартам: региональный уровень" (2009) [57], С.И. Доротича "Механизмы государственного управления процессами адаптации таможенной системы Украины к европейским требованиям" (2011) [12] и др..

Таблица 1.

Статистика защит диссертаций за специальностями области науки "Государственное управление" по направлению внешнего вектора общественных изменений "Глобализационное влияние"

№ с/п	Специальности	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	Вместе
1	25.00.01 - теория и история государственного управления	2/2	1		2/1	2	5	2	3	5/1	22/4
2	25.00.02 - механизмы государственного управления		1	7/3	6	1	4	8/4	9/2	7/2	43/11
3	25.00.03 - государственная служба					3/1		1			4/1
4	25.00.04 - местное самоуправление				1			3		2	6
5	Всего	2/2	2	7/3	9/1	6/1	9	14/4	12/2	14/3	75/16

В докторских работах В.М. Мартыненко "Демократизация механизмов государственного управления процессами общественных трансформаций" (2005) [30], М.И. Рудакевич "Формирование этики государственных служащих в условиях демократизации и профессионализации государственного управления" (2007) [45], Л.Л. Приходченко "Обеспечение эффективности государственного управления на принципах демократического управления" (2010) [40] получили обстоятельное исследование проблемы демократизации украинского общества и государственного управления им. (2010). В этом ключе выполнена и кандидатское исследование А.С. Батищева, которое посвящено вопросам государственного управления развитием национальной культуры в условиях глобализации (2007) [4].

Имеем адекватную реакцию украинских ученых по государственному управлению на экономическую составную вектора глобализационных влияний. Проблемам и задачам государственного управления экономикой в условиях глобализационных влияний посвященны докторские работы известных украинских ученых В.Е. Воротина "Формирование системы

государственного регулирования национальной экономики в условиях глобальных рыночных трансформаций" (2003) [8], В.В. Юрчишина "Стабилизационная экономическая политика в Украине в эпоху глобализации" (2003) [66], Ю.В. Ковбасюка "Экономическая политика сотрудничества Украины с международными финансовыми организациями" (2005) [18], Т.М. Лозинской "Государственное управление развитием продовольственного рынка Украины в условиях глобализации экономики" (2009) [26], Л.М. Письмаченко "Государственное управление внешнеторговой деятельностью в условиях интеграции Украины в мировое экономическое пространство: механизмы регулирования и контроля" (2009) [37], С.В. Мастера "Государственное регулирование аграрного рынка Украины в условиях глобализации" (2010) [28], В.Л. Миненка "Усовершенствование механизмов государственного регулирования рынка работы в условиях интеграции в мировую экономику" (2011) [34], а также немало кандидатских работ.

Среди последних имеем работы: Л.В. Ильченко-Сюйви "Государственный механизм монетарной политики Украины в контексте европейской интеграции" (2005) [16], В.Н. Серафимова "Государственный механизм противодействия теневой экономике" (2008) [46], О.А. Пойченко "Государственное регулирование торговой интеграции Украины в мировое экономическое пространство" (2009) [39], П.И. Бондика "Государственная промышленная политика в условиях развития интеграционных отношений" (2010) [5], Е.О. Коваленко "Государственная политика развития промышленности Украины в условиях европейской интеграции" (2010) [17], Б.В. Слупского "Государственное управление развитием электроэнергетики в контексте европейской интеграции Украины" (2010) [51], Р.О. Купалова "Государственное регулирование развития предпринимательской среды в условиях глобализации" (2011) [21], Р.Ю. Сороки "Применение механизмов государственного управления в формировании промышленной политики в процессе Европейской интеграции Украины" (2011) [53] и др.

Значительное количество научных исследований выполнена в русле евроинтеграционной составляющей вектора глобализационных воздействий. Прежде всего, следует отметить докторские исследования И.А. Грицяка "Развитие европейского управления в контексте влияния на государственное управление в Украине" (2006) [11] и А.А. Малиновской "Управление внешними миграциями в контексте европейской интеграции Украины" (2005) [29], которые раскрыли важные механизмы европейского управления и заложили основу понимания и реализации процессов европейской интеграции нашей страны.

Безусловно, практически полезны научные исследования, посвященные совершенствованию различных аспектов государственной политики в контексте изучения европейского опыта, в частности работы К.Л. Шкумбатюк, которая исследовала государственную политику Украины в сфере гражданства в контексте европейской интеграции (2004)

[64], И.В. Кравчук, которая провела сравнительный анализ механизмов государственного управления процессом адаптации национального права к праву ЕС (2006) [19], С.В. Степаненко, который проанализировал вопросы взаимодействия органов государственной власти и институтов гражданского общества в процессе реализации евроинтеграционной политики (2010) [54], а также исследования Ю.Е. Лагутова "Политико - управленческие основы взаимодействия Украины с украинской диаспорой в странах Европейского Союза" (2008) [25], Л.А. Евдоченко "Совершенствование системы государственного обеспечения информационной безопасности Украины в условиях глобализации" (2011) [65], А.Ю. Сергеевой "Государственная языковая политика в Украине: европейский контекст" (2011) [48] и др.

Значительное внимание исследователей привлекла образовательная составляющая вектора глобализационных воздействий. Вопросы совершенствования государственного управления высшим образованием в контексте евроинтеграции, в частности Болонского процесса, получили развитие в работах И.М. Сикорской "Совершенствование государственного управления высшим образованием в контексте евроинтеграции" (2007) [50], С.К. Андрейчук "Государственное управление реформированием высшего образования в Украине в контексте Болонского процесса" (2008) [1], Ю.А. Журавлевой "Механизмы государственного управления реформирования высшего образования Украины в условиях евроинтеграции" (2010) [15], Л.В. Пшеничной "Государственное содействие адаптации системы высшего образования в Украине к требованиям Болонского процесса" (2010) [42]. Слюсаренко А.Н. исследовала деятельность органов государственной власти по профессиональному совершенствованию и карьерного развития государственных служащих (мировой опыт и его применение в Украине) (2007) [52], а А.А. Харченко - вопрос реформирования системы профессионального обучения государственных служащих в Украине в контексте опыта стран Восточной Европы и постсоветского пространства (2009) [61].

Значительное количество научных исследований было направлено на социальную составляющую вектора глобализационных воздействий. Изучению зарубежного опыта организации системы здравоохранения посвящены работы Б.А. Плиша "Государственное управление здравоохранением в странах Восточной Европы: опыт и возможность использования в Украине" (2005) [38], В.А. Жаховский "Государственное управление системой формирования кадрового потенциала медицинской службы Вооруженных Сил в контексте европейской и евроатлантической интеграции Украины" (2006) [13], Т.М. Курило "Государственное управление подготовкой руководителей для здравоохранения Украины в условиях европейской интеграции" (2006) [22], 1.1. Фуртака "Механизмы государственного управления в сфере здравоохранения в контексте европейской интеграции Украины" (2010) [60].

Вопрос государственного управления в социальной сфере нашли отображение в роботах Ю.Г. Бондаренко "Государственное управление социальной защитой населения в условиях европейской интеграции Украины" (2008) [6], Р.П. Сторожука "Механизмы реализации государственной молодежной политики в контексте европейского выбора Украины" (2008) [55], А.Г. Розсказова "Развитие социального капитала в Украине в условиях европейской интеграции" (2011) [44], Г.В. Глуховой "Реализация государственной политики социальными службами: опыт зарубежных стран для Украины" (2011) [9].

Украинскими исследователями активно изучается региональная составляющая вектора глобализационных воздействий, в частности соответствующий зарубежный опыт. Об этом свидетельствуют работы: Я.Ф. Жовнирчик посвящена государственному регулированию развития регионов Украины в условиях усиления межрегиональных экономических связей (2011) [14]; А.А. Лавренчук, в которой рассмотрены вопросы становления и развития региональных механизмов интеграции Украины в Европейский Союз (2004) [23]; В.А. Федотова, который исследовал вопрос реформирования системы финансового обеспечения местного самоуправления в Украине с учетом зарубежного опыта (2006) [58]; Л.Р. Михайлишин, посвященная вопросам совершенствования системы местного управления в Украине с использованием зарубежного опыта (2008) [35]; И.М. Кулиш, который посвятил работу государственному управлению региональным развитием Украины в контексте европейской интеграции (2009) [20]; В.М. Тымкива, который исследовал опыт Великобритании по вопросу организации деятельности органов местного самоуправления (2009) [56]; О.В. Чумаковой, изучавшей пути развития местного самоуправления Украины в контексте опыта стран Европейского Союза (2009) [62]; Т.А. Астапов, посвященной вопросам адаптации зарубежного опыта реформирования деятельности органов местного самоуправления в Украине (2009) [2]; И.М. Грищенко, исследовавшие вопрос адаптации европейского опыта надлежащего управления по организации деятельности районных советов в Украине (2011) [10].

Ряд исследований выполнены в контексте изучения возможностей и разных аспектов евроатлантической интеграции. Так, работа В.О. Шевелёва посвященная исследованию государственных механизмов реформирования системы ресурсного обеспечения Военной организации на пути евроатлантической интеграции Украины (2005) [63], О.М. Мельник исследовал вопрос генезиса и тенденций развития государственного регулирования деятельности украинских миротворческих контингентов (2006) [32], О.Г. Мельников посвятил роботу вопросу государственного управления в сфере пограничной безопасности в условиях европейской интеграции Украины"(2011) [33].

Важное место среди проблем глобализации занимает борьба с терроризмом, теневой экономикой и защита прав человека. Эти вопросы также нашли отображение в роботах отечественных исследователей.

Например, Г.П. Фердман исследовал механизмы противодействия проявлениям терроризма на железнодорожном транспорте Украины (2006) [59], Л.Г. Сергеева - вопрос государственной политики противодействия торговли женщинами (2006) [47], В.Г. Ляшенко - государственную политику предотвращения терроризма в Украине (2007) [27], Б. В. Мелех - государственную политику сотрудничества Украины с Советом Европы в области защиты прав человека (2010) [31]. С.С. Серёгин - механизмы предотвращения и противодействия коррупции в органах публичной власти Украины (2010) [49].

Проведенный анализ научных исследований в области науки "Государственное управление" разрешил выделить основные составу внешнего вектора глобализационных влияний (см. рисунок 1) и предложить соответствующую их классификацию за этими составными.

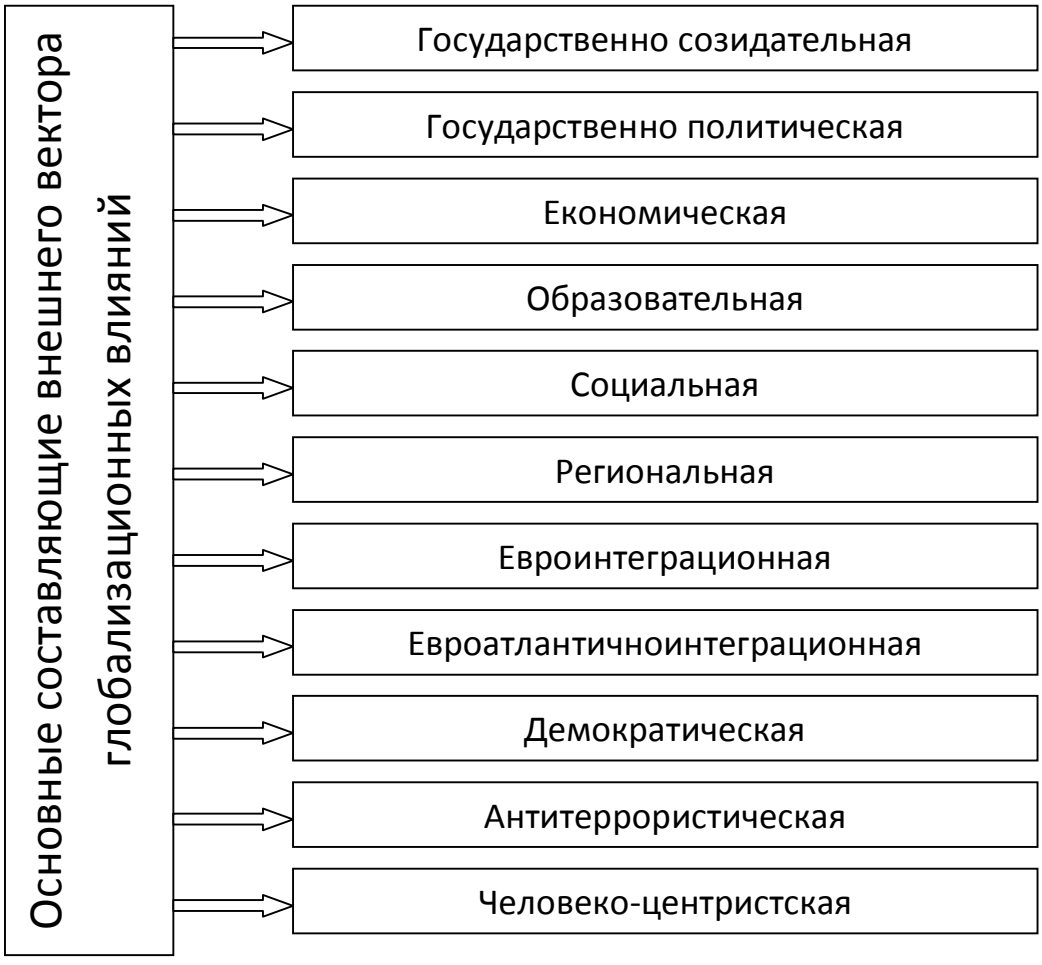

Рис. 1 Основные составляющие внешнего вектора глобализационных влияний

С целью выявления и обобщения тенденций диссертационных исследований в области науки "Государственное управление" по основным направлениям - составляющими внешнего вектора общественных изменений в направлении глобализационных воздействий, проведены

научно - метрические исследования за период 2003-2011 годы. Общая выборка диссертаций за этот период составила 1011 работ, в том числе 264 диссертации по основным направлениям внешнего вектора общественных изменений, что составляет 26,1 % от всей выборки. То есть, более четверти всех диссертационных работ в указанный период было направлено на проблемы и задачи по основным направлениям внешнего вектора общественных изменений. Докторские диссертации составляют еще больший процент - 31,1 (47 из 151 докторской работы). Этот показатель положительно характеризует процессы выбора актуальной тематики исследований в области науки "Государственное управление". Больше диссертаций защищены по направлениям "глобализационное влияние" - 75 (28,4 %).

Среди таких направлений по основным составляющим внешнего вектора общественных изменений "Глобализационное влияние" выделено: государственно, государственно - политический, экономический, образовательный, социальный, региональный, евроинтеграционный, евроатлантический - интеграционный, демократизационный, антитеррористический, человекоцентристский.

Список литературы

1. Андейчук С.К. Державне управління реформуванням вищої освіти в Україні в контексті Болонського процесу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / С.К. Андейчук. - Львів, 2008.
2. Астапова Т.О. Адаптація зарубіжного досвіду реформування діяльності органів місцевого самоврядування в Україні: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Т.О. Астапова. -Харків, 2011.
2. Бакуменко В. Д. Розвиток галузі науки державного управління у цифрах: 2007 - 2011 роки / В. Д. Бакуменко // Науковий вісник АМУ. Серія: Управління. - К.: ВПЦ АМУ, 2012. - Вип. 4 (22). – С.23.
3. Батіщева О.С. Державне управління розвитком національної культури в умовах глобалізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.С. Батіщева. - Львів, 2007.
4. Бондік П.І. Державна промислова політика в умовах розвитку інтеграційних відносин: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / П.І. Бондік. - К., 2010.
5. Бондаренко Ю.М. Державне управління соціальним захистом населення в умовах європейської інтеграції України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Ю.М. Бондаренко. - Запоріжжя, - 2008.
6. Войтович Р.В. Вплив глобалізації на систему державного управління: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Р.В. Войтович - Київ, 2009.
7. Воротін В.Є. Формування системи державного регулювання національної економіки в умовах глобальних ринкових трансформацій: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.Є. Воротін. - Київ, 2003,
8. Глухова Г.В. Реалізація державної політики соціальними службами: досвід зарубіжних країн для України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Г.В. Глухова. - Львів, 2011.
9. Грищенко І.М. Організація діяльності районних рад в Україні: адаптація європейського досвіду належного врядування: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / І.М. Грищенко. -Донецьк, 2011.
10. Грицяк І.А. Розвиток європейського управління в контексті впливу на державне управління в Україні: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / І.А. Грицяк. - Київ, 2006.

11. Доротич С.І. Механізми державного управління процесами адаптації митної системи України до європейських вимог: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / С.І. Доротич. -Івано-Франківськ, 2011.

12. Жаховський В.О. Державне управління системою формування кадрового потенціалу медичної служби Збройних Сил в контексті європейської та євроатлантичної інтеграції України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.О. Жаховський. - Київ, 2006.

13. Жовнірчик Я.Ф. Державне регулювання розвитку регіонів України в умовах посилення міжрегіональних економічних зв'язків: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Я.Ф. Жовнірчик. - Миколаїв, 2011.

14. Журавльва Ю.О. Механізми державного управління реформування вищої освіти України в умовах євроінтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Ю.О. Журавльва. - Одеса, 2010.

16.Ільченко-Сюйва Л.В. Державний механізм монетарної політики України в контексті європейської інтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Л.В. Ільченко-Сюйва. - Київ, 2005.

17. Коваленко Є.О. Державна політика розвитку промисловості України в умовах європейської інтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Є.О. Коваленко. - Запоріжжя, 2010.

18. Ковбасюк Ю.В. Економічна політика співпраці України з міжнародними фінансовими організаціями: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Ю.В. Ковбасюк. - Київ, 2005.

19. Кравчук І.В. Механізми державного управління процесом адаптації національного права до права ЄС: порівняльний аналіз: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / І.В. Кравчук. - Київ, 2006.

20. Куліш І.М. Державне управління регіональним розвитком України в контексті європейської інтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / І.М. Куліш. - Львів, 2009.

21. Купалов Р.О. Державне регулювання розвитку підприємницького середовища в умовах глобалізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Р.О. Купалов. - Запоріжжя, 2011.

22. Курило Т.М. Державне управління підготовкою керівників для охорони здоров'я України в умовах європейської інтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Т.М. Курило. - Київ, 2006.

23. Лавренчук А.О. Становлення та розвиток регіональних механізмів інтеграції України до Європейського Союзу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / А.О. Лавренчук. - Київ, 2004.

24. Лахижа М.І Модернізація публічної адміністрації в Україні в умовах євроінтергації: теоретичні та практичні аспекти зв'язків: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / М.І. Лахижа. - Київ, 2011.

25. Лагутов Ю.Е. Політико-управлінські засади взаємодії України з українською діаспорою в державах Європейського Союзу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Ю.Е. Лагутов. - Київ, 2008.

26. Лозинська Т.М. Державне управління розвитком продовольчого ринку України в умовах глобалізації економіки: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Т.М. Лозинська. - Донецьк, 2009.

27. Ляшенко В.М. Державна політика запобігання тероризму в Україні: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.М. Ляшенко. - Львів, 2007.

28. Майстро С.В. Державне регулювання аграрного ринку України в умовах глобалізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / С.В. Майстро. - Запоріжжя, 2010.

29. Малиновська О.А. Управління зовнішніми міграціями в контексті європейської інтеграції України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.А. Малиновська. - Київ, 2005.

30. Мартиненко В.М. Демократизація механізмів державного управління процесами суспільних трансформацій: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.М. Мартиненко. - Київ, 2005.

31. Мелех Б.В. Державна політика співробітництва України з Радою Європи в галузі захисту прав людини (2000-2005 рр.): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Б.В. Мелех. - Львів, 2010.

32. Мельник О.М. Державне регулювання діяльності українських миротворчих контингентів: генезис та тенденції розвитку: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.М. Мельник. - Київ, 2006.

33. Мельников О.Г. Державне управління у сфері прикордонної безпеки в умовах європейської інтеграції України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.Г. Мельников. - Київ, 2011.

34. Міненко В.Л. Удосконалення механізмів державного регулювання ринку праці в умовах інтеграції у світову економіку: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.Л. Міненко. - Харків, 2011.

35. Михайлишин Л.Р. Удосконалення системи місцевого управління в Україні з використанням зарубіжного досвіду: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Л.Р. Михайлишин. - Львів, 2008.

36.Орел М.Г. Адміністративне реформування в Україні в умовах глобалізації: теоретико-методологічний аспект: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / М.Г. Орел. - Київ, 2008.

37. Пісьмаченко Л.М. Державне управління зовнішньоторговельною діяльністю в умовах інтеграції України у світовий економічний простір: механізми регулювання та контролю: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Л.М. Пісьмаченко. - Київ, 2009.

38. Пліш Б.А. Державне управління охороною здоров'я в країнах Східної Європи: досвід та можливість використання в Україні: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Б.А. Пліш. - Київ, 2005.

39. Пойченко О.А. Державне регулювання торговельної інтеграції України у світовий економічний простір: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.А. Пойченко. - Одеса, 2009.

40. Приходченко Л.Л. Забезпечення ефективності державного управління на засадх демократичного врядування: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Л.Л. Приходченко. - Запоріжжя, 2010.

41. Псарьов Г.Ю. Теоретико-методологічні засади реформування адміністративно-територіального устрою та територіальної організації влади: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Г.Ю. Псарьов. - Запоріжжя, 2009.

42. Пшенична Л.В. Державне сприяння адаптації системи вищої освіти в Україні до вимого Болонського процесу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Л.В. Пшенична. - Харків, 2010.

43. Радзієвський І.А. Трансформація системних характеристик державного управління в умовах глобалізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / І.А. Радзієвський. - Київ, 2008.

44. Розсказов А.Г. Розвиток соціального капіталу в Україні в умовах європейської інтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / А.Г. Розсказов. - Харків, 2011.

45. Рудакевич М.І. Формування етики державних службовців в умовах демократизації і професіоналізації державного управління: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / М.І. Рудакевич. - Київ, 2007.

46. Серафимов В.Н. Державний механізм протидії тіньової економіці: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.Н. Серафимов. - Донецьк, 2008.

47. Сергєєва Л.М. Державна політика протидії торгівлі жінками: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Л.М. Сергєєва. - Харків, 2006.

48. Сергєєва О.Ю. Державна мовна політика в Україні: європейський контекст аналіз: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.Ю. Сергєєва. - Харків, 2011.

49. Серьогін С.М. Державний службовець у взаємовідносинах влади і суспільства: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / С.М. Се- рьогін. - Київ, 2004.

50. Сікорська І.М. Удосконалення державного управління вищою освітою в контексті євроінтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / І.М. Сікорська.- Донецьк, 2011.

51. Слупський Б.В. Державне управління розвитком електроенергетики в контексті європейської інтеграції України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Б.В. Слупський. - Київ, 2010.

52. Слюсаренко О.М. Діяльність органів державної влади з професійного вдосконалення й кар'єрного розвитку державних службовців (світовий досвід і його застосування в Україні): автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.М. Слюсаренко. - Дніпропетровськ, 2007.

53. Сорока Р.О. Застосування механізмів державного управління у формуванні промислової політики в процесі Європейської інтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Р.О. Сорока. - Київ, 2011.

54. Степаненко С.В. Взаємодія органів державної влади та інституцій громадянського суспільства в процесі реалізації євроінтергацій- ної політики аналіз: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / С.В. Степаненко. - Харків, 2010.

55. Сторожук Р.П. Державна молодіжна політика в контексті європейського вибору України: механізми реалізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Р.П. Сторожук. - Одеса, 2008. -

56. Тимків В.М. Організація діяльності органів місцевого самоврядування: досвід Великобританії: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.М. Тимків. - Київ, 2009.

57. Топалова Е.Х. Наближення вітчизняної системи врядування до європейських стандартів: регіональний рівень: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Е.Х. Топалова. - Одеса, 2009.

58. Федотов В.О. Реформування системи фінансового забезпечення місцевого самоврядування в Україні з урахуванням зарубіжного досвіду: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.О. Федотов. - Дніпропетровськ, 2006.

59. Фердман Г.П. Механізми протидії проявам тероризму на залізничному транспорті України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Г.П. Фердман. - Одеса, 2006.

60. Фуртак І.І. Механізми державного управління у сфері охорони здоров'я в контексті європейської інтеграції України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / І.І. Фуртак. - Львів, 2010.

61. Харченко О.А. Реформування системи професійного навчання державних службовців в Україні в контексті досвіду країн Східної Європи та пострадянського простору: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.А. Харченко. - Дніпропетровськ, 2009.

62.Чумакова О.В. Шляхи розвитку місцевого самоврядування України в контексті досвіду держав Європейського Союзу: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / О.В. Чумакова. - Дніпропетровськ, 2009.

63. Шевельов В.О. Державні механізми реформування системи ресурсного забезпечення Воєнної організації на шляху євроатлантичної інтеграції України: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.О. Ше- вельов. - Київ, 2005.

64. Шкумбатюк К.Л. Державна політика України у сфері громадянства в контексті європейської інтеграції: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / К.Л. Шкумбатюк. - Львів, 2004.

65. Євдоченко Л.О. Удосконалення системи державного забезпечення інформаційної безпеки України в умовах глобалізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / Л.О. Євдоченко. - Львів, 2011.

66. Юрчишин В.В. Стабілізаційна економічна політика в Україні в епоху глобалізації: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня кандидата наук з державного управління: спец. Державне управління / В.В. Юрчишин. - Київ, 2003.

РАЗДЕЛ 8
РЕСУРСНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕСУРС: СЕТЕВЫЕ ОСНОВАНИЯ

Д.А. Аникин
Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия
E-mail: dandee@list.ru

Статья посвящена специфике понимания социальной памяти в сетевом обществе. На основании процессо-реляционной методологии исследуются предпосылки становления ресурсной модели социальной памяти, а также выстраивается конфигурация ее функционирования. В сетевом обществе социальная память рассматривается через призму следующих концептов: поле, средство передачи, жанр и профиль. Наличие нескольких уровней анализа позволяет исследовать социальную память как символический ресурс, использование которого подчинено различным политическим и культурным стратегиям.

Ключевые слова: социальная память, сетевое общество, социальное поле, процессо-реляционная методология.

Social memory as symbolical resource: network bases

D.A. Anikin

Article is devoted to specifics of understanding of social memory in network society. On the basis of process-relational methodology prerequisites of formation of resource model of social memory are investigated, and also the configuration of its functioning is built. In network society social memory is considered through a prism of the following concepts: field, transmission medium, genre and profile. Existence of several levels of the analysis allows to investigate social memory as the symbolical resource which use is subordinated to various political and cultural strategy.

Key words: social memory, network society, social field, process-relational methodology.

В европейской истории Нового времени основным типом социальных субъектов, нуждающихся в легитимации собственной идентичности посредством конструирования определенной картины прошлого, были национальные государства. Получив распространение в эпоху

постепенного исчезновения сословной структуры средневекового общества, они сумели объединить в своих пределах практически все иные типы социальных общностей с присущими им практиками конструирования социальной памяти и ее актуализации. Конечно, даже в условиях существования национальных государств всегда сохранялось немало особых «групп памяти», но истории, рассказывающиеся в таких группах, всегда оставались на периферии официальной памяти, представляя собой инварианты той картины прошлого, которая транслировалась государственными средствами коммуникации и обеспечивала воспроизводство национально-государственной идентичности.

Насущным вопросом современных гуманитарных наук, в фокусе которых оказываются проблемы идентичности, социального порядка и его легитимации, становится трансформация понятийного и методологического инструментария, что позволит максимально в полной форме отразить суть происходящих изменений и представить усложнившуюся картину современной социальной реальности.

Особое значение в данном случае приобретает переосмысление понятия «социальная память», именно в силу того, что кризис национальных государств как основных институтов воспроизводства легитимирующих представлений о прошлом позволяет поставить вопрос о способах существования образов прошлого в контексте новых реалий социальной, политической и культурной жизни. Утопизм социальных концепций 80-90-х годов XX века, провозглашавших скорое создание глобального типа социальной памяти, уступает место более сдержанному отношению к подобным тенденциям, стремлению проанализировать имеющиеся тенденции, по возможности абстрагируясь от политических манифестаций и анализируя лишь те явления и практики воспроизводства прошлого, которые обнаруживаются в современных общественных структурах [1].

Современные теоретики общественного развития констатируют вступление социума в новую стадию развития, специфика которой выражается в категории «сетевое общество». Речь идет не только о технологических возможностях формирования «социальных сетей» в Интернет-пространстве, но и об изменении самого формата социальных связей. Разумеется, горизонтальные связи между отдельными людьми существовали на всем протяжении человеческой истории, но только в последние десятилетия этот формат социальной организации оказался достаточно жизнеспособен, чтобы осуществлять управление социальными и политическими процессами. Основным следствием становления сетевого общества оказалось нарастание критических явлений в функционировании иерархических сообществ, к которым стоит, в первую очередь, отнести государство, нацию, семью. Речь идет не об исчезновении данных социальных институтов, а о той серьезной угрозе, которой подвергается их существование в сетевом пространстве. Отдельный индивид, по сути,

утрачивает свое приватное пространство, приобретая взамен излишнюю публичность и становясь точкой пересечения самых неожиданных идентичностей. Эта особенность объективно затрудняет возможность отслеживания путей распространения информации и той реакции, которую информационные сообщения могут провоцировать.

Несмотря на внешнюю демократичность сетевых коммуникаций, которая позволяла первому исследователю сетевого общества М. Кастельсу противопоставлять основанное на них общество всем предшествующим формам подавления человеческой свободы, они не в меньшей степени дают возможность манипулирования общественным мнением. Можно констатировать, что такая возможность даже возрастает за счет мимикрии любых информационных манипуляций под «освещение правды, скрываемой властью». Поэтому успех провокаций, нацеленных на разжигание межнациональной розни, кроется в самом характере современных социальных связей. Основными характеристиками сетевых коммуникаций является оперативность и импульсивность, то есть максимально быстрая возможность передать информацию, замаскировав ее идеологическую направленность и насытив эмоциональным, что провоцирует достаточно предсказуемую реакцию среди пользователей социальных сетей.

Можно выявить два существенных недостатка, не позволяющих национальной памяти успешно функционировать в условиях современного мирового порядка:

1. Информационный плюрализм, заключающийся в потенциальной возможности любого гражданина при помощи средств массовой информации (телевидения, Интернета и т.д.) выйти за пределы навязываемых ему государственной «политикой памяти» воззрений на прошлое;

2. Кризис легитимности профессионального (в том числе и исторического) знания, который служит побочным проявлением все того же информационного плюрализма. В эпоху доступности и конкурируемости различных источников информации профессиональное знание становится всего лишь одной из точек зрения, которая, к тому же, может сильно проигрывать альтернативным концепциям национальной памяти именно в силу своей привычности и отсутствия интригующих моментов.

Затруднительная, с гносеологической точки зрения, возможность объективного познания исторического прошлого, наряду с чисто психологическими затруднениями, вызванными тупиками исторического развития, которым, как оказалось, можно не только гордиться, но и испытывать по его поводу вполне обоснованный стыд, накладываются на информационный дискомфорт, испытываемый человеком в условиях наличия множества источников вполне объективной, но противоречащей друг другу информации.

Основной функцией социальной памяти в современную эпоху, таким

образом, является уже не средство идентификации сообщества и индивида, как это было в «модернистском» обществе, а источник коммерциализируемых образов. Контуры формирующегося глобального общества начинают обрисовывать тотальный рынок, на котором представители различных стран и социальных общностей выступают равноправными потребителями глобальных товаров, распространяемых через коммуникативные сети. От социальной памяти в таком обществе требуется не соответствие исторической действительности (ввиду сомнений в наличии таковой), а умение развлекать потребителя, предлагая ему узнаваемый товар, в качестве какового и выступает прошлое. В подобных условиях исчезает дилемма подлинной и фальшивой социальной памяти, которая остро стояла для М. Хальбвакса, стремившегося очистить память от субъективных наслоений и сделать ее верифицируемым научным источником, а проблема выбора того или иного типа памяти становится делом интерпретации исторических событий в контексте максимального удобства для современного положения дел. [2, с. 14-15]

А. Ассман справедливо указывает, что изменения в социально-гуманитарном дискурсе, актуализировавшие само понятие «социальная память», параллельно способствовали постепенному уменьшению значимости понятия «идеология». Но дело тут вовсе не в том, что социальная память рассматривается как рафинированный продукт социальных процессов, избавленный от политического влияния. «Идеология – это оборотная сторона имплицитного и самоуверенного чувства истины». [3, p. 41] Иначе говоря, представление об идеологичности каких-либо суждений строится на уверенности в существовании «объективной точки зрения». В том случае, если представление о существовании абсолютной истины оказывается развенчано, «идеология» утрачивает свое методологическое значение, превращаясь в символический маркер неразделяемой точки зрения. Понятие «социальная память» исходит из относительности и условности связи между современной репрезентацией прошлого и самим историческим событием, которое в данной репрезентации отражается. Соотношение прошлого и настоящего представляются неоднозначным диалогом, в котором сопряжение полюсов обусловлено не только политическим запросом современности, но и теми условиями, в которых порождаются смыслы такого соотношения.

Можно констатировать, что сетевое понимание социальной памяти строится на отсутствии двух ключевых доминант, определявших отношение к данному феномену в рамках субстанциализма и конструктивизма. С точки зрения субстанциализма, память является несовершенным подобием объективного исторического прошлого, поэтому задачей исследователя является преодоление искажающих рамок памяти и реконструкция исходного смысла, лежащего в основании всей цепочки репрезентаций. Именно так мыслил исследование социальной памяти М. Хальбвакс, а также целый ряд отечественных исследователей,

представлявших деятельностный подход (Я. Ребане и др.). [4, с. 32-34] Конструктивизм предлагал рассматривать сопряжение прошлого и настоящего исключительно в контексте актуальных политических реалий, предлагая, по сути, рассматривать представление о прошлом как продукт политических технологий производства смысла. При этом ставилась под вопрос сама возможность настоящего к отображению прошлого.

В рамках сетевого подхода предлагается комплексное рассмотрение социальной памяти как динамично меняющегося сопряжения различных элементов, определяющих специфику образов прошлого и их функционирование в рамках современной социальной реальности. Многоуровневость феномена исследования определяется тем, что недостаточным становится анализ содержания социальной памяти, поскольку репрезентация одного и того же исторического факта может приобретать прямо противоположное значение в зависимости не только от политических запросов, но и от предшествующей истории репрезентаций, способов трансляции социальной памяти и т.д.

Представления о прошлом в сетевом обществе становятся символическим ресурсом, который оказывается необходим как для поддержания социального порядка, так и для давления на него. Вместе с тем, структура сети подразумевает многоуровневость элементов социальной памяти, которые становятся точкой пересечения как горизонтальных, так и вертикальных плоскостей. Иначе говоря, было бы слишком примитивно свести репрезентацию социальной памяти к актуальным интересам политических субъектов, поскольку функционирование образов прошлого подразумевает определенную историю их возникновения и цели воспроизводства. Символический капитал, впрочем, как и любой другой вид капитала, приобретает значение не сам по себе, а лишь в соотношении с другими используемыми ресурсами, поэтому ошибочным является сама попытка рассмотрения социальной памяти как независимого сегмента социальной реальности. Память оказывается увязана с самой конфигурацией социального пространства, состоящей из нескольких пересекающихся полей и динамично меняющейся в соответствии с изменением положения отдельных элементов.

Д. Олик отмечает, что в методологических попытках лишить социальную память ее автономного существования присутствует и обратная опасность – воспринять структуры социальной памяти исключительно как способы репрезентации политического поля, сведя, тем самым, образы прошлого исключительно к иллюстрации современного политического процесса.[5, с. 43] Но производство смысла является не побочным результатом переформатирования политического поля, а закономерным элементов политической деятельности. Поэтому социальная память в качестве символического ресурса представляет собой важный сегмент социального пространства, посредством изучения которого возможно осмысление всей совокупности процессов,

протекающих на различных уровнях этого пространства. В условиях становления сетевых структур, память становится важным узлом, в котором пересекаются ожидания, намерения и стереотипы участников социальных взаимодействий, поэтому главной чертой социальной памяти в сетевом обществе становится ее контекстуальность, которая должна пониматься сразу в нескольких ракурсах: пространственном, коммуникационном, дискурсивном и конфигуративном.

Понимание контекстуальности и многоуровневости как главных принципов сетевого исследования социальной памяти позволяет сформировать методологические рамки исследования, предложить тот инструментарий, который применим для описания сложных и неоднозначных связей прошлого и настоящего в контексте динамично меняющегося социума. Перспективы данного подхода заключаются в переформатировании привычных контуров рассмотрения памяти и появлении новых способов рассмотрения, при которых в фокусе оказываются те практики воссоздания прошлого, которые игнорировались предшествующими подходами.

Список литературы

1. Аникин Д.А. Феномен забывания и диалог культур в глобализирующемся социуме: российский опыт // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2013. Т. 13. Вып. 2. С. 3-8.

2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2008. – 278 С.

3. Assmann A. Re-framing memory. Between individual and Collectiv forms of Constructing the Past // Tilmans K., van Vree F., Winter J. Performing the Past: Memory, History and Identity in Modern Europe. Amsterdam University Press, 2010. P. 35-50.

4. Аникин Д.А. Пространство социальной памяти. Saarbrucken, Lap Lambert, 2011. – 150 С.

5. Олик Д. Фигурации памяти: процессо-реляционная методология, иллюстрируемая на примере Германии // Социологическое обозрение. 2012. Т. 11. № 1. С. 40-74.

УДК 32.019.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ САРАТОВСКОЙ МОЛОДЕЖИ

И.А. Бегинина

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: begininaia@info.sgu.ru

Статья посвящена анализу политического сознания современной саратовской молодежи. По результатам социологического исследования выявляется структура, специфика молодежного сознания - его лабильность, абстрактность, фрагментация и мозаичность, низкий уровень интереса, доверия политическим институтам, доминирование

неосознанных представлений, эмоциональной составляющей, отказ от традиционных политических ценностей и индивидуализация, определяются его факторы формирования.

Ключевые слова: молодежь, политическое сознание молодежи, политическая активность, факторы формирования политического сознания.

Political Consciousness of Moden Saratov Youth

I.A. Beginina

The article is devoted to the analysis of political consciousness of modern Saratov youth. The results of sociological investigation reveal the stricture and specific features of youth consciousness – its instability, abstract and mosaic nature, low level of trust to political institutions. The dominations of emotional components, refusal from traditional political values and individualization are also demonstrated. The factors of political consciousness formation are defined, as well.

Key words: youth, political consciousness, political activity, the factors of political consciousness formation.

Молодежь – это важнейший социальный и электоральный ресурс общества, наиболее динамичная и энергичная социальная группа, которая будут определять развитие общества и государства через несколько лет. В силу этого обращение политических сил России к молодежи, изучение и решение ее проблем, привлечение молодых людей к участию в политическом процессе становится необходимостью и приобретает особую актуальность. В последнее время молодые люди все чаще проявляют политическую активность под влиянием внутренних и внешних факторов. Среди внешних факторов этого процесса следует особо отметить «оранжевые» революции в странах СНГ. Главными внутренними факторами повышения политической активности молодежи стали нестабильность финансового положения молодых россиян, отсутствие перспектив карьерного роста (особенно в малых городах и сельской местности), не всегда благоприятные последствия социальных реформ, проводимых правительством РФ.

Необходимость анализа политической активности молодежи требует уточнения субъективной реакции на политические явления - ее политического сознания. Политическое сознание обычно не существует в «чистом» виде, а тесно взаимосвязано с другими видами и формами осознания действительности, переплетаясь с моральными воззрениями, правосознанием. Таким образом, политическое сознание молодежи — это система взглядов, понятий, представлений, установок и чувств, выражающих субъективное отношение к действующим или желаемым политике и политическим явлениям. Из данного определения вытекает, во-первых, что политическое сознание системно, поскольку отражает

политическую систему, имеет сложную структуру. Оно включает в себя политическую идеологию (идеи, понятия, представления о политике, политической власти, государстве и др.), чувства, эмоции, настроения, а также - мотивы поведения, внутреннюю установку и готовность действовать [1]. Значение политического сознания молодежи в жизни общества переоценить трудно. Оно не только отражает явления и процессы в данной сфере, но и создает политическую реальность. Политическое сознание может опережать общественную практику, прогнозировать развитие событий и тем самым выступать стимулятором соответствующей деятельности. Если же оно в искаженном виде отражает социальную действительность, то может привести к волюнтаризму в политике [2].

Для более детального понимания политического сознания молодежи имеет смысл рассмотреть его разновидности. Так, основанием классификации может служить уровень, глубина проникновения в суть политики, политической власти. По данному критерию политическое сознание подразделяется на три уровня - обыденное, профессиональное и научное. Обыденное политическое сознание свойственно основной массе молодежи, формируется в повседневной жизни. Ему присущи ярко выраженные социально-личностные черты: эмоциональность, импульсивность, гибкость реагирования на изменение политических условий. Обыденное политическое сознание характеризуется размытостью, несистемностью, противоречивостью, стихийностью становления и развития под влиянием бытовых представлений и суждений о политике с точки зрения житейского здравого смысла. Выработанные массовым сознанием стереотипы поведения весьма устойчивы, часто отличаются неосознанностью, стремлением быстрого решения всех проблем, подверженностью воздействию популизма. Профессиональное политическое сознание редко присуще молодежи, оно чаще встречается среди служащих (чиновников) государственного аппарата, политиков. Такое сознание отличается компетентностью, систематизированными знаниями о политике государства, демократии; умением руководить и управлять политическими процессами на общефедеральном и региональном уровне. Его антиподом выступает дилетантизм, который часто сопряжен с самоуверенностью, агрессивностью, организационной беспомощностью, неспособностью предвидеть результаты своих действий, последствия принимаемых решений. Вот почему формированию профессионального политического сознания надо уделять особое внимание в современных условиях. Научное политическое сознание характерно для исследователей, научных работников, занимающихся изучением тех или иных сторон политической жизни общества. В отличие от обыденного оно формируется на базе глубоких исследований политической действительности.

По субъектности политическое сознание молодежи можно подразделить на индивидуальное, групповое, массовое и общественное. Индивидуальное политическое сознание предполагает усвоение молодым

человеком своих политических прав и свобод, умение ими пользоваться в конкретной жизненной ситуации. Групповое политическое сознание — это политические представления и чувства тех или иных молодежных групп, общества, профессиональных сообществ [3]. Групповое политическое сознание надо отличать от массового, которое характерно для. Массовому политическому сознанию молодежи, характерному для нестабильных, временных крупных объединений молодых людей (митинг, демонстрация, бунтующая толпа), присуще актуальное политическое содержание и готовность к действию. Политическое сознание всей молодежи на макроуровне (страны, континента, исторической эпохи) отражается через понятие общественного политического сознания, которое образуется путем восприятия молодежью мыслей (мнений, идей, образов), которые ими не выработаны, но усвоены в качестве своих [4].

На молодежное общественное политическое сознание большое влияние оказывают исторические, социально-культурные и национальные традиции, обычаи, верования, обряды, общественные установления, ценности, идеи и т. д. С традициями неразрывно связан менталитет (ментальность) — исторически сложившийся, устойчивый умственный (интеллектуальный) и духовный строй (образ) молодежи. Традиции и менталитет обеспечивают передачу от поколения к поколению проверенных жизнью фундаментальных социальных ценностей, идей и взглядов. В этой связи особое значение имеет социологическое исследование молодежи как субъекта социально-политических отношений, которое было проведено в Саратове в 2013 году. Было опрошено 470 человек - 53% юношей, 47% девушек в возрасте от 16 до 30 лет, методом формализованного интервью. 65% имеют неполное среднее, 32% среднее образование, 2% имеют незаконченное высшее, 1% - высшее образование.

Опрос показал, что почти каждый третий молодой человек (30%) в качестве наиболее привлекательной партии назвал Единую Россию, на втором месте - ЛДПР (26%), на третьем - «Справедливая Россия» (22%), на четвертом - КПРФ (9%). 13% молодежи не привлекает никакая партия. Однако по мере роста образования партийные ориентации молодежи смещаются в направлении от партии Единой России к партии «Справедливая Россия». Рейтинг оценки молодежью реального политического влияния на развитие страны возглавила партия «Единая Россия» (28,75%), на втором месте - «Справедливая Россия» (22,5%), на третьем - ЛДПР (20%). 18% саратовской молодежи не смогли дать оценку, и 16,25% - подчеркнули, что никакая партия серьезного влияния на жизнь социума не оказывает. Можно предположить, что неструктурированность и неясность российского политического пространства не позволяет заложиться идентичностям в политическом сознании молодежи. Это подтверждается и тем, что 47,83% молодежи не являются членом какой-либо политической партии, но не исключают для себя возможности вступления, 40,22% не являются и не собираются становиться членом партии, 11,96% являются членом политической партии. 20,65% молодежи

считает, что выборы представителей власти - это способ оказания влияния на его результаты, проявление демократии. 17,39% рассматривают выборы как свой гражданский долг по отношению к выбранному кандидату. 40,22% полагают, что их голос ничего не значит, 21,74% подчеркивают, что голосование бессмысленно, так как результаты часто фальсифицируется.

Аполитичность (неприятие политики в традиционном, управленческом, надличностном виде) значительной части молодежи сегодня связана с иллюзиями о демократии как быстрых и позитивных изменениях. Но уже с ранних этапов демократизации нашего общества важно понять: демократия несовершенна, она - процесс; преодоление тоталитаризма - это отказ не только от произвола и всесилия власти, но и от стереотипа - «политика - дело каждого». Опрос молодых саратовцев показал, что значительная часть из них преодолели данный стереотип. Как ни парадоксально, аполитичность может рассматриваться и как признак становления гражданского общества, когда участие или неучастие гражданина в политике - результат личного выбора, а не следование внешним требованиям, когда вмешательство политики в жизнь человека ограничено, когда тотальный контроль властных структур извне сменяется внутренним самоконтролем личности. Аполитичность не тождественна гражданственности, но выступает существенным барьером формирования демократического общества.

62% представителей молодого поколения слышали о существовании в России молодежных политических организаций, но не интересуются их деятельностью. 24% - не знают и считают, что их это не касается. 14% - активно следят за их деятельностью. 32% молодежи не хотят вступать в какие-либо молодежные политические организации. 30% - не против своего членства в них, но не на момент опроса. 18% - с радостью согласились бы вступить в такую организацию, 15% - готовы к вступлению в ближайшее время. 5% - принципиально против вступления в молодежные политические организации. Интерес молодежи к политике представляет собой скорее всплески активности в наиболее ответственные моменты жизни страны, города, области. В остальном динамика интереса к политике достаточно стабильна. После периода, характеризовавшегося аполитичностью молодежи, наблюдается рост интереса молодежи к вопросам общественно-политической жизни и своему активному участию в ней. Обращает на себя внимание прямая и жесткая корреляция между степенью информированности о деятельности молодежных политических организаций и отношением к членству в них. Иными словами, чем более информационно открытой является деятельность молодежных политических лидеров и их сторонников, тем выше их популярность в молодежной среде и выше уровень политической активности молодежи в области.

В период преобразований российского общества на смену коллективистским ценностям молодежи приходят ценности общества

потребления, рыночного общества, индивидуалистические ценности. Молодые люди идентифицируют себя больше с либерально-демократическими идеалами, нежели с ценностями традиционного российского общества. Отсюда вытекает такая особенность политического сознания молодежи как отказ от традиционных политических ценностей. Сегодня 60% молодежи не участвуют ни в каких политических акциях. 14% - не принимают участие, но хотели бы. 10% - хотели бы заниматься политикой профессионально, 9% являются членом политической партии. 5% утверждают, что участие в политике противоречит их нравственным установкам. 2% - считают себя активными участниками различных политических действий. 26% молодежи считает, что граждане могут влиять на изменение политики участием в народных восстаниях, 21% - участием в демонстрациях, митингах, 19% - участием в деятельности политических партий, общественных движений, 8% - участием выборах представительных органов, 7% - поддержкой талантливого политика 6% - осуществлением деятельности местных органов власти. Только 7% молодежи полагает, что никакими средствами повлиять на политику нельзя. Однако результаты опроса молодежи выявили важнейшее противоречие ее политического сознания: контроль извне малоэффективен - самоконтроль еще не сформирован. Отсюда – потенциальная готовность каждого четвертого – к участию в экстремальныъ политических акциях, каждого пятого – к участию в митинговых демонстрациях.

Рейтинг значимости проблемы современной России, требующих, на взгляд молодежи, скорейшего разрешения возглавляет безработица 63%; преступность 42%; достойная оплата за честный труд 34%; экология 22%; налоговая политика 13%; социальная защита малоимущих 16%; изменение роли государства в решении проблем граждан 8%; образование массовых политических партий 7%; формирования слоя цивилизованных собственников 5%. Рейтинг проблем, которые больше всего волнуют молодежь и они полагают нужно решать правительству прежде всего возглавляет борьба с коррупцией (43,62% ответов), на втором месте - преодоление мирового финансового кризиса (14,89%), затем - укрепление обороноспособности страны (12,76%), развитие производства, инновационных технологий (11,70%), реформирование российского образования (11,70%), корректировка конституции (3,19%). На слетах молодежи, на взгляд опрашиваемых, должны обсуждаться такие темы, как образование (34%); охрана окружающей среды ее улучшение, преступность, безработица (по 30%); противостояние наркотикам, вредным привычкам, международной розни, уход за пенсионерами (по 8%); развитие молодежи, трудоустройство, занятие спортом (по 6%); участие политической жизни страны (6%); восстановление разрушенных клубов, дворцов молодежи, повышенная стипендия (по 4%). Однако 40% молодежи не смогли высказать свое мнение по этому вопросу. Можно предположить, что нерешенность этих социальных проблем молодежи, невозможность реализации на практике провозглашаемых партийных

идей, их декларативно-популистский характер способствуют отчуждению молодежи, снижению ее роли в системе социально-политических отношений, проявляющееся в недоверии молодого поколения к действующим властным институтам, политическим партиям и большинству их молодежных лидеров, личностной дезорганизации, росту нигилизма.

49% молодежи оценивают деятельность «Молодой гвардии» в Саратовской области как очень важную, приносящую много пользы. Однако каждый третий полагает, что никакой роли в нашей области эта организация не играет, каждый четвертый – не знает о степени ее полезности. Только по 6% опрошенных отметили большую роль этой организации в улучшении жилищных условий молодежи и ее занятости. 4% отметили ее роль в привлечение молодежи к общественной деятельности партии Единой России. По 2% указали, что эта организация проводит различные конкурсы, помогает решать молодежные проблемы, борется за права граждан, помогает улучшать благосостояние населения, оказывает значительное влияние на политическую атмосферу в области.

37,78% молодых людей убеждены, что молодежи нужно принимать участие в политической и общественной жизни страны. 35,56% - менее категорично согласны с этим. Однако 14,44% - -скорее не согласны с этим, и 12,22% - убеждены, что том, что политика – не для молодежи. 41% молодежи выступают за то, что для приобщения молодежи к политике нужно создавать и поддерживать молодежные политические организации при политических партиях. 28% - что для этого необходимо учитывать в программах политических партий интересы и проблемы современной молодежи. 26% опрашиваемых - считают, что требуется стимулировать политическое участие молодежи материально. 5% - что нужно увязывать перспективу карьерного роста на работе с членством в политической партий. Для сегодняшней молодежи характерно то, что ее социально-политические ориентации, личные планы тесно связаны с привлекательностью определенных занятий и статусов и, как правило, она при своей самореализации в значительной части руководствуется этими субъективными намерениями.

Эти данные наглядно показывают, что формирование политического сознания молодежи является важной функцией социальных институтов. Представляя собой организованную систему социальных связей, социальных норм и определенный набор целесообразно ориентированных стандартов поведения в конкретных ситуациях, социальные институты формируют институциональную основу формализованного и неформального взаимодействия различных сфер человеческой деятельности, оказывая непосредственное влияние на сознание молодежи. Оно осуществляется с помощью ценностных систем и культурных символов, которые являются содержанием общественного сознания. Поэтому функции институциональных механизмов заключаются в формировании ценностных ориентаций, позволяющих молодым людям

ориентироваться в общественно-политическом пространстве, содействии становлению молодежи как субъекта общественно-политического взаимодействия. Воспитание на принципах толерантности, политкорректности, гражданственности, патриотизма, ответственности, доверия к действиям государственной власти способствует успешной интеграции молодежи в политическое и социальное пространство, идентификации с общими ценностями и нормами. В свою очередь это является залогом воспроизводства общества и его стабильности. Между тем в условиях трансформации общества институциональные механизмы формирования сознания молодежи ослабевают. Возрастает роль латентных спонтанных процессов в формировании политического сознания молодежи. Тем самым создаются условия для воспроизводства их неопределенности и противоречивости.

Как результат социально-экономических и политических условий, отражающих особенности положения молодежи, спонтанного и противоречивого характера реальных политических отношений в обществе, размытости состояния общественно-политической системы и социализационных механизмов социального контроля, произошли изменения в процессе интеграции молодежи в политическую сферу российского общества, выразившиеся в создании множества молодежных организаций, формировании молодежных секций в рамках основных политических партий и др. Однако это сопрягается с недоверием представителей молодого поколения к действующим властным институтам, политическим партиям и большинству их молодежных лидеров в следствие противоречий между молодежью и институтом политики, с нерешенностью социальных проблем молодежи, невозможностью реализации на практике провозглашаемых идей. Противоречивость политического сознания молодежи, отсутствие четких политических ориентаций связаны с размытостью собственных социально-экономических позиций молодежи как основания своей политической идентификации.

Результаты опроса показали, что среди особенностей политического сознания молодежи можно выделить лабильность, абстрактность, фрагментацию и мозаичность, низкий уровень интереса, доверия политическим институтам, доминирование неосознанных представлений, эмоциональной составляющей, отказ от традиционных политических ценностей и индивидуализацию. Поэтому на сегодняшний день одним из приоритетных направлений в области молодежной политике является помощь молодым людям в раскрытии их возможностей, формировании у них гражданского самосознания и активной гражданской позиции.

Список литературы

1. Павлова Н.С. Государственная молодежная политика как механизм управления социальной безопасностью молодежи // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 85. С. 350-353.

2. Першуткин С. Молодежная политика и национальная «Стратегия России - 2020» // Государственная служба. 2009. № 1. С. 72-75.
3. Федин С.А. Стратегия развития государственной молодёжной политики: региональный аспект // Вестник Саратовского государственного технического университета.2009. Т. 1. № 3. С. 208-217.
4. Шинкаренко П. Молодежная политика в России: взаимодействие всех субъектов общества // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 3. С. 119-126.

УДК 316.7

ПОВЫШЕНИЕ КОМПЕТЕНЦИИ РОССИЯН В РАБОТЕ С ИНФОРМАЦИОННЫМИ РЕСУРСАМИ КАК ОСНОВА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Н.Д. Волгина
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: alkrainov@gmail.com

Статья посвящена проблеме информационной компетентности россиян в работе с информационными ресурсами и технологиями. Зачастую отсутствие полноты знаний о работе с информационными технологиями приводит к уязвимости информационных ресурсов. Особенно актуальной становится данная проблема, когда речь идет о конфиденциальной информации. Государство в лице социальных институтов должно всячески способствовать повышению компетенции россиян при работе с новыми информационными технологиями.

Ключевые слова: информационные ресурсы, информационная компетентность, информационная безопасность, информационная культура.

Improving the competence of Russians in work with information resources as a basis of national security.

N.D. Volgina

The article is devoted to analysis of information competence of Russians during the work with information resources and technologies. Small completeness of knowledge about working with information technologies leads to the vulnerability of information resources. The problem reach its peak when it comes to confidential information. The government represented by social institutions should increase the competence of Russians in work with new information technologies.

Key words: information resources, information competence, information security, information culture.

Сегодня проблема владения информационными технологиями является актуальной как никогда. Это обусловлено стремительным ростом информационных ресурсов, с одной стороны, и постепенным переходом всех сфер человеческой деятельности в информационное пространство, с другой.

Настоящее время – это период, характеризующийся небывалым ростом объема информационных потоков. Это относится как к экономике, так и к социальной сфере. Наибольший рост объема информации наблюдается в промышленности, торговле, финансово-банковской и образовательной сфере. Например, в промышленности рост объема информации обусловлен увеличением объема производства, усложнением выпускаемой продукции, используемых материалов, технологического оборудования, расширением, в результате концентрации и специализации производства, внешних и внутренних связей экономических объектов. Информация – являются решающим фактором, определяющим развитие технологии и ресурсов в целом. Рыночные отношения предъявляют повышенные требования к своевременности, достоверности, полноте информации, без которой немыслима эффективная маркетинговая, финансово-кредитная, инвестиционная деятельность.

В последние десятилетия мир переживает переход от индустриального общества к обществу информационному. Происходит смена способов производства, мировоззрения людей, межгосударственных отношений. Люди все чаще используют такие понятия как «информация», «информатизация», «информационные технологии» и т.д.

Формирование и использование информационных ресурсов – одна из ключевых проблем создания единого информационного пространства. В общем случае информационные ресурсы формируются в результате деятельности, как органов государственной власти, так и государственных и негосударственных предприятий, научных, учебных и общественных организаций. Они включают информацию, знания, а также лингвистические средства, применяемые для описания конкретной предметной области и для доступа к информации и знаниям.

Информационные ресурсы являются объектами отношений физических, юридических лиц, государства, составляют информационные ресурсы России и защищаются законом наряду с другими ресурсами. Отношения по поводу права собственности на информационные ресурсы регулируется гражданским законодательством РФ. Формирование государственных информационных ресурсов осуществляется гражданами, органами государственной власти, органами местного самоуправления, организациями и общественными объединениями. Информационные ресурсы могут быть товаром, за исключением случаев, предусмотренных законодательством РФ. Собственник информационных ресурсов пользуется всеми правами, предусмотренными законодательством РФ. Государственные информационные ресурсы формируются в соответствии со сферами ведения как:

– федеральные информационные ресурсы;

– информационные ресурсы, находящиеся в совместном ведении РФ и субъектов РФ;

– информационные ресурсы субъектов РФ**.**

В процессе формирования и использования информационных ресурсов осуществляются сбор, обработка, хранение, поиск и выдача информации по запросам или регламенту. По формам собственности информационные ресурсы подразделяются:

– государственные;

– межгосударственные;

– негосударственные (в том числе коммерческие);

– смешанной собственности.

Государственная политика в сфере формирования информационных ресурсов и информатизации направлена на создание условий для эффективного и качественного информационного обеспечения решения оперативных задач социально-экономического развития. Основные направления государственной политики в сфере информатизации является:

– обеспечение условий для развития и защиты всех форм собственности на информационные ресурсы;

– формирование и защита информационных ресурсов;

– создание и развитие федеральных и региональных информационных систем и сетей, обеспечение их совместимости и взаимодействия в едином информационном пространстве РФ;

– создание условий для качественного и эффективного информационного обеспечения граждан, органов государственной власти, органов местного самоуправления, организаций и общественных объединений на основе государственных информационных ресурсов;

– содействие формированию рынка информационных ресурсов, услуг, информационных систем, технологий и средств их обеспечения;

– формирование и осуществление единой научно-технической и промышленной политики в сфере информатизации с учетом современного мирового уровня развития информационных технологий;

– создание и совершенствование системы привлечения инвестиций и механизма стимулирования разработки и реализации проектов информатизации;

– развитие законодательства в сфере информационных процессов, информатизации и защиты информации.

В России рынок информационных услуг интенсивно развивается, является одним из наиболее перспективных на мировом уровне [1]. Поэтому главная задача государства заключается в подготовке своих граждан к таким темпам развития, так как уровень компетенции россиян в работе с информационными ресурсами не всегда является достаточным для избегания серьезных ошибок.

В частности, в России остается еще очень большой процент людей, скептически относящихся к развитию современных информационных

технологий, избегающих лишний раз ими пользоваться особенно для совершения денежных операций [2]. Большинство из этих граждан так себя ведут в силу того, что были обмануты мошенниками, либо потеряли свои деньги иным способом в силу низкой информационной компетентности.

Получается, что большинство россиян предпочитает отказываться от преимуществ, которые дает электронная коммерция в пользу наличных расчетов. Все это сильно тормозит развитие рынка информационных услуг в России. Более того, боязнь оставлять свои персональные данные в Интернете приводит к тому, что россияне не спешат воспользоваться социальным Интернет-проектом «Госуслуги», созданным специально для разряжения очередей в госучреждениях за получением определенных госуслуг.

В 2013 году Минкомсвязи составило рейтинг использования портала государственных услуг gosuslugi.ru во всех регионах России. Как выяснилось, наиболее массовым спросом портал пользуется в Приморском крае. Вопреки ожиданиям, Москва оказалась только на 13-м месте (5,7%), а Санкт-Петербург (3,8%) – на 26-м. Татарстан оказался в пятерке отстающих (0,9%), при этом он занимает лидирующие позиции по уровню информатизации госорганов в стране. Низкие показатели Кабардино-Балкарии (0,5%), Карачаево-Черкессии (0,7%), Республики Тыва (0,8%) и Ингушетии (1,0%) связывают с экономической ситуацией в регионах, невысоким уровнем доступности широкополосного Интернета и недостаточно активной работой властей по популяризации портала [3]. *В* целом, по стране только 5% россиян пользуется данным порталом [4].

Таким образом, вопрос стоит о повышении информационной культуры россиян. Если рассматривать детей и молодежь, отсутствие информационной культуры приводит их к сильной психологической зависимости о Интернета, социальных сетей и гаджетов. Взрослое поколение и пожилые люди при работе с информационными ресурсами нередко становятся добычей мошенников, которых они доверяют свои конфиденциальные данные, чтобы те помогли им совершить платеж или зарегистрироваться в системе электронной коммерции. Рассмотрим более подробно данные примеры.

Термин «зависимость от социальных сетей» психологи выделили недавно. До этого выделялся термин «зависимость от Интернета». Социальные сети набирают всё большую популярность. Чаще всего, ими пользуются подростки и молодые люди до 30 лет. Общие интересы, возможность найти кого-то из бывших одноклассников или однокурсников, да просто, тех, с кем ты дружил в далёком детстве – всё это делает социальные сети чрезвычайно привлекательными. Эти ощущения как бы возвращают в прошлое, когда не было особых проблем, когда можно было протанцевать до утра на дискотеке и все были молодыми и беззаботными. К тому же в социальных сетях можно общаться с огромным количеством собеседников одновременно, получать

нужную информацию или просто развлекаться.

Наибольшая опасность от данной зависимости возникает тогда, когда у человека начинает стираться грань между виртуальным и реальным общением. Зависимость начинает проявляться, когда виртуальные друзья становятся дороже и ближе реальных. Тогда при внезапном отключении Интернета зависимый начинает испытывать почти физический дискомфорт. Полная подмена реального бытия виртуальным нередко приводит к психозам, нервным срывам, расшатыванию психики. В частности, внезапные расстрелы примерными школьниками своих одноклассников и учителей [5] являются следствием зависимости от виртуального мира, в котором право на убийство изначально заложено, пропагандируется и поощряется множеством компьютерных игр.

В социальные сети чаще всего уходят одинокие люди, хотя иногда это одиночество бывает надуманным и ложным. Молодая женщина с кучей комплексов, подросток, у которого не складываются отношения со сверстниками, просто, очень общительные люди – вот самые частые гости на страничках пользователей социальных сетей. Постепенно, они забывают о том, что общаться можно и в реальном мире. Для них, кроме виртуального общения, уже ничего не существует. Поэтому, отключение Интернета вырастает во всемирную трагедию. Они не понимают, что настоящая жизнь проходит мимо них. Для них настоящая жизнь находится по ту сторону монитора.

В ЗАГСах сложилась определённая статистика: каждая пятая-шестая семья распадается из-за социальных сетей [6]. Иногда просто из-за того, что муж или жена проводит времени за компьютером гораздо больше, чем в семейном кругу, или из-за того, что кто-то из супругов начинает флиртовать со своими собеседниками в социальной сети. Очень многие мужья или жёны, заказав взлом аккаунта своей половины, натыкались на его или её любовную переписку с другими пользователями социальной сети [6]. Так, одиночество из надуманного превращается в реальное.

Пожилые люди и пенсионеры нередко становятся жертвами мошенников в сфере информационных технологий. Особенно часто они подвергаются SMS-мошенничеству, которое появилось в связи с предоставлением сотовыми операторами таких услуг, как мобильный Интернет и перевод денег на счет другого абонента. Хищения происходят разными способами. Наибольшие суммы аферисты получают от использования коротких платных номеров. При отправке SMS на эти номера происходит списание от 150 до 300 рублей [7].

Каждый год жертвами телефонных мошенников становятся тысячи человек. Молодежь уже как-то поднаторела, а вот пожилых людей, многие из которых не так давно освоили мобильники, жуликам нередко удается обмануть. Арсенал мошеннических схем весьма богат. В него входят такие средства, как обман по телефону – требование выкупа или взятки за освобождение якобы из отделения полиции знакомого или родственника или SMS-просьба о помощи – требование перевести определенную сумму

на указанный номер; сообщение о выигрыше в лотерее – просят приобрести карты экспресс-оплаты и сообщить коды, либо перевести крупную сумму на свой счет, а потом ввести код.

Низкая информационная культура тормозит развитие новых информационных технологий, соответственно, значительная часть россиян лишает себя многих информационных ресурсов, заведомо боясь снова совершить ошибку. Поэтому формирование информационной культуры россиянам, повышение их компетентности в работе с информационными технологиями становится значимой задачей в условиях информационного общества.

В России обучение умениям и навыкам работы с информацией имеет глубокие исторические корни. Накоплены богатые традиции и опыт работы школ, колледжей, университетов и библиотек по информационной подготовке граждан. В последние годы на государственном уровне был принят ряд специальных программ. Важнейшими из которых являются программы «Электронная Россия», «Культура России», Национальная программа поддержки и развития чтения. Тем не менее, попытка привить информационную культуру россиянам посредством данных программ осталась не совсем удачной. По состоянию на конец 2010 года эффективность исполнения программы «Электронная Россия» оценивалась как низкая: в полной мере электронный документооборот между государственными органами, а также электронные коммуникации между государственными органами и гражданами так и не функционировали. Эффективность государственного управления в России, по оценке Всемирного банка, за эти годы практически не изменилась [8].

«Еще одним фактором, препятствующим ускоренному развитию в России информационного общества, является недостаточный уровень распространения в обществе базовых навыков использования информационных технологий» – говорится в государственной программе Российской Федерации «Информационное общество 2011-2020 годы» [9]. Исходя из этого следует сделать вывод о необходимости повышения уровня информационной культуры россиян, их информационной компетентности в работе с информационными ресурсами. При реализации данной задачи количество ошибок в работе с информационными технологиями сократится, а эффективность реализации конкретных задач отдельно взятого гражданина Российской Федерации существенно возрастет, что положительно скажется не только на росте российского рынка электронной коммерции, но и на национальной безопасности, так как информационная безграмотность сегодня тождественна утечке информации.

Список литературы

1. ИТ-рынок России. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/Статья:ИТ-рынок_России .

2. Крайнов А.Л. Влияние электронной коммерции на российскую экономику // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – №3-4. – 2013. – С.61.

3. Популярен ли сайт госуслуг? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.osp.ru/cw/2013/19/13036772/ .
4. Портал госуслуг не пользуется популярностью у смолян. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.rambler.ru/23852100/ .
5. Школьник утроил бойню в московской школе. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mk.ru/incident/crime/article/2014/02/03/979270-shkolnik-ustroil-boynyu-v-moskovskoy-shkole-hronika-sobyitiy.html .
6. Зависимость от социальных сетей. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://site-piter.ru/information/dependence_social_network/ .
7. Старики и разбойники. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rg.ru/2013/10/10/stariki.html .
8. Григорий Туманов, Рустем Фаляхов. Электронная Россия офлайн. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/social/2010/03/01/3331850.shtml .
9. Государственная программа Российской Федерации «Информационное общество 2011-2020 годы» / Собрание законодательства РФ. 15.11.2010. №46 ст. 6026.

УДК 316.346.32-053.6 (316.473)

СТРАХИ СТУДЕНТОВ СГУ: РЕЗУЛЬТАТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

С.Г. Ивченков
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: Ivchenkovsg@mail.ru

Статья посвящена анализу социальных страхов современного саратовского студенчества в ситуациях явного, скрытого риска или отсутствии такового. По результатам социологического исследования выявляется структура, специфика студенческих страхов, уточняются поводы, причины, длительность, частота и факторы студенческих страхов, способы их преодоления.

Ключевые слова: студенчество, риски, страхи, виды страхов, факторы появления страхов, способы преодоления страхов.

Saratov State University Students' Fears: the Results of Sociological Investigation

S.G. Ivchenkov

The article is devoted to the analysis of modern Saratov studenthood social fears in the situations of risks – and their absence. The reveal student's fears structure, specific characteristics, as well as their reasons, frequency factors and the means of their overcoming.

Key words: student hood, risks, fears, types of fears, the factors leading to fears appearance, the means of fears' overcoming.

Разнообразие и количество угрожающих человечеству опасностей неуклонно растет, современное общество все чаще определяется как общество риска. Риск становится неотъемлемым элементом социального пространства, он характеризует те проблемные поля или точки уязвимости, которые угрожают безопасности общества. Питер Л. Бернстайл в предисловии к изданию на русском языке своей книги «Против богов: Укрощение риска», отмечает, что наиболее характерной чертой нашего времени, являются настойчивые усилия установить контроль над факторами риска и неопределенности [1]. В силу этих и многих других причин в центре научного осмысления происходящих на нашей планете перемен все более актуализируется проблематика безопасности человека и общественной системы, возникает объективная необходимость мониторинга сферы развертывания рисков, опасностей и страхов современного мира.

В массовом сознании одним из индикаторов реальных и потенциальных рисков, угроз и опасностей выступает страх. Он является реакцией на реальную или потенциальную опасности, грозящие физическому или моральному существованию личности – это один из основных защитных механизмов человека. Страх сигнализирует об угрозе, как биологическому существованию, так и ценностям, которые индивид считает необходимыми для его жизни. На сегодняшний день в социологии существует ряд подходов к исследованию страхов и тревог населения. Один из них связан с исследованием катастрофического сознания различных групп населения [2]. В рамках данного направления страх трактуется достаточно узко, как страх перед будущим, что, исходя из дефиниции страха, является спорным. Опираясь на приведенные ранее определения динамического ряда развертывания страха, он возникает на основании субъективного опыта столкновения с угрозой и опасностью. Страх же перед будущим возникает из прошлого и настоящего и является отражением имеющегося (т.е. полученного в прошлом) опыта. С другой стороны, человек, не имея опыта собственной смерти, боится ее. Несомненным достоинством исследования катастрофического сознания является их эмпирическая направленность. В рамках данного подхода предпринята попытка выработать устойчивые и валидные индикаторы массовых страхов населения. При этом страхи и тревоги употребляются как синонимы, тогда как исходя из определений этих категорий, разработанных в рамках психологии, как уже отмечалось, эти категории хоть и имеют общую природу, различны по своим проявлениям.

Другой подход, предметом которого являются массовые страхи, связан с исследованием рисков. Начиная с работы немецкого социального философа У. Бека, в научный обиход вошел термин «общество риска», возникла и активно развивается социология риска и «рискология» [3].

В.И. Зубков, обозначая предметное поле социологической теории риска, пишет, что: «…содержательно оно может включать: общий анализ риска как социального явления (его сущность, содержание, генезис

природы риска и отношения к нему, социальные функции риска); классификацию и типологию рисков по различным основаниям; анализ современных глобальных (технологических) рисков и определение путей их снижения; изучение роли рисков в социальных конфликтах и катаклизмах; изучение взаимосвязи риска и девиантного поведения; анализ коммуникаций по поводу риска; анализ рисков в различных обществах, культурах, в различных сферах и на различных уровнях социальной организации (детерминация рисков, отношение к ним, их влияние на функционирование и взаимодействие социальных структур, типологии поведения различных субъектов риска, социальные последствия рисков, пути их оптимизации); социальный риск – менеджмент» [4]. Столь широкое проблемное поле объясняется тем, что в современной социологии сложилось многовариантное понимание феномена риска. В научной литературе понятие «риск» используется во взаимосвязи с понятиями опасности, угрозы, вызова, ущерба, вероятности и неопределенности. Каждое из них вносит определенный вклад в формирование различных характеристик риска, конструирование концептуальных представлений о его сущности и находит место в существующих дефинициях. В том или ином сочетании отмеченные категории присутствуют во всех исследованиях риска. Эти же категории соотносятся с определением страха и катастрофического сознания, однако их смысловые поля не совпадают.

Определение риска через опасность широко используется в целом ряде исследований, где их значение совпадает, обозначая вероятность наступления негативных или катастрофических событий, то есть явлений, способных угрожать людям, наносить материальный ущерб, разрушительно действовать на окружающую среду. «Риск» в этом случае употребляется в значении вероятности негативного события, возможности утраты, потери, гипотетической вероятности наступления ущерба, потенциальной опасности, получения нежелательных результатов, а также стиля социального управления в условиях неопределенной обстановки (такой подход, в частности, отмечен в работе А.В.Мозговой [5]. Таким образом, риск может объективизироваться и актуализироваться в массовом сознании как страх, при этом страх присутствует при «рискованном действии» и определяет это действие. Риск соединяет в себе распознание опасности и элементы сопротивления страху. При интенсивном проявлении страха затрудняется, либо исключается (при сильно выраженном страхе, ужасе) рискованное поведение.

Сегодня можно констатировать, что страхи населения переходят во всеобщее социальное явление. Такой переход свидетельствует о том, что современное общество, в том числе и Российское, становится обществом тотального риска. При этом все более остро встает вопрос об анализе сферы развертывания угроз, эмпирических показателях рисков и их отражении в массовом сознании. Методологические основы их изучения находятся в стадии разработки: нет четких индикаторов страхов населения,

не достаточно изучен механизм возникновения и развития страха.

Категория «страх» соединяет ряд понятий, таких как тревогу, риск, опасность и угрозу и всестороннее изучение насущно как с её научной, так и с прикладной точки зрения. Исходя из предложенного подхода к измерению страхов в рамках катастрофического сознания и подхода к измерению рисков можно сделать вывод о совпадении эмпирических показателей этих понятий, наложении категорий страха и риска которые теоретически различаются. В качестве рабочего инструмента можно полагать, что эмпирические индикаторы риска могут совпадать с индикаторами страха и выражаться через категории ущерба: материальный (потеря имущества, собственности), физический (ухудшение, утрата здоровья), эмоциональный (стресс, потеря контроля над своей жизненной ситуацией), социальный (потеря работы, служебного положения, статуса), моральный (изменение жизненного уклада, слом жизненных планов), экономический (финансовые потери, утрата или обесценивание сбережений.

Для проверки этой гипотезы в 2013 году было проведено социологическое исследование «Страх саратовских студентов» методом анкетирования, было опрошено 400 человек в возрасте от 17 до 24 лет. Средний возраст опрошенных составляет 19 лет. Среди опрошенных 50% девушек и 50% юношей на социологическом (23,5%), на геологическом (16,5%), географическом (16,0%), экономическом (12,5%), юридическом (12,0%), физическом (10,5%), и биологическом (9,0%) факультетах.

Люди по-разному воспринимают понятие страха. Страх ассоциируется с различными этапами жизни человека. Поэтому весьма интересно узнать, что же для саратовских студентов означает страх. Итак, для 35,7% респондентов страх – это следствие недоделанной работы над собой, 32,7% считают, что это эмоция большой силы, оказывающая влияние на деятельность организма и являющаяся наиболее опасной из всех эмоций, для 29,6% студентов страх это следствие заниженной самооценки, 19,6% уверяют нас, что страх это эмоциональное состояние, отражающее защитную биологическую реакцию человека или животного при переживании ими реальной или мнимой опасности, для 15,1% учащихся страх это ненужное, бесполезное чувство. Можно сделать вывод, что для студентов страх не что иное, как следствие недоделанной работы над собой, что позволяет нам говорить о страхе, как следствием заниженной самооценки.

У 66,5% студентов возникает страх о его будущем, у 26,0% не возникал страх о будущем, 4,0% - затруднились с ответом, 3,5% сомневаются в возникновение данного страха. У 39,0% опрошенных страх возникает иногда, 33,5% затруднились с ответом, 29,0% - редко, и 5,5% испытывают страх постоянно. Из опроса видно, что студенты разделяют страхи на массовые и индивидуальные (по 36,9%), 52,8% - считают их социальными. 40,0% студентов указали, что страх проявляется в определенный момент жизни, 32,0% - страх продолжается всю жизнь, 28,0% - страх исчезает со временем.

61,5% опрошенных знают, что существует страх за свою жизнь, страх за жизнь близких знают 51,3% респондентов, в меньше мере информированы о страхе о будущем (25,1%), и 18,2% опрошенных знают страх одиночества. Какой же страх считается самый распространенный среди студентов? В равной доле респонденты считают самым распространенным страхом боязнь за жизнь близких и боязнь за свою жизнь (42,5%), 11,0% респондентов не имеют представления какой страх является самым распространенным, 4,0% затруднились ответить на данный вопрос. Саратовские студенты, исходя из ответов, переживают за свою жизнь и жизнь своих близких.

В ходе анализа данных было выявлено, что респонденты в возрасте 17-19 лет испытывают страх за свою жизнь (62,4%), в меньшей мере испытывают страх за жизнь близких (52,5%). В равной доле студенты испытывают страх о будущем и страх массовости (по 17%), страх одиночества преобладает у 14,2% респондентов. 61,3% респондентов испытывают страх за свою жизнь в возрасте 20-22 года. В этом же возрасте страх за жизнь близких и страх о будущем испытывают в равной доле 45,2% опрошенных, страх одиночества и массовости преобладает у 38,7% респондентов в данном возрасте. На возраст 23-24 года страх за свою жизнь приходится 57,1% ответов респондентов, страх о будущем испытывают 46,4% респондентов, немногим меньше, а именно 39,3% опрошенных испытывают страх массовости, 28,6% респондентов боятся одиночества, и бояться за жизнь своих близких всего лишь 4,9% респондентов. Полученные данные свидетельствуют о существующем влиянии возраста на существующие страхи студенческой молодежи. Уменьшаются страхи за свою жизнь и, особенно – за жизнь своих близких.

Среди девушек за свою жизнь боятся 61%, страх за жизнь своих близких испытывают 41%, в равной доле страх массовости и страх о будущем испытывают по 32% опрошенных. Не на много меньше страх одиночества испытывают 31% опрошенных девушек. Среди молодых людей преобладает страх за свою жизнь (62%) и страх за жизнь близких (59%), В меньшей степени молодых людей тревожит их будущее (19%), пугает массовость (15%), а так же страх одиночества(9%). Возможно, это связано с тем, что девушки более эмоциональны и склонны к внушению и переживаниям. Они зачастую преувеличивают существующую реальность. Молодые люди относятся ко всему осознанно и размеренно, но в большей степени среди них проявляется чувство ответственности за своих близких.

Возникновению, какого либо страха всегда предшествует причина, носящая серьезный характер, как для внутреннего мира человека, так и для его дальнейшей жизни. Страхи возникают спонтанно или периодично. Необходимо отметить тот факт, что респонденты, испытывающие страх за свою жизнь испытывают его редко (39%), иногда (24,4%) и постоянно (5,7%). Противоречие состоит в том, что респонденты, не имеющие страха за свою жизнь, часто испытывают это чувство по другим поводам (44,2%). 26% из них редко подчиняются чувству страха, 5,2% опрошенных

постоянно испытывают это чувство. Полученные данные свидетельствуют о том, что боязнь студентов за свою жизнь не является для них первоочередным, а лишь одним из многих. Можно сделать вывод, что в настоящее время жизнь не является важнейшим объектом страха. Это является вторичным, выдвигая на первое место страх потерять какие - либо материальные блага.

Необходимо отметить тот факт, что у респондентов, которые испытывают страх за свою жизнь в 48,8% случаях он (страх) возникает там, где существует какая угодно опасность, 38,2% респондентов считают, что страх носит коллективный характер, 9,8% опрошенных считают, что почвой для страха является биологическая предрасположенность. Противоречие состоит в том, что респонденты, не имеющие страха за свою жизнь, все же в 63,6% случаях считают, что страх возникает там, где существует какая угодно опасность и 35,1% респондентов считают, что страх носит коллективный характер. Можно сделать вывод, что за неимением страха и виденьем того, что причина страха таиться в окружающем коллективе, большинство респондентов избегают, ту атмосферу, которая может способствовать его появлению.

Студенты, боящиеся за свое будущее, в 51% случаях считают, что страх возникает там, где существует, какая либо опасность, в 31,4% случаях придерживаются мнения о том, что страх носит коллективный характер и в 13,7% случаях видят причину страхов в биологической предрасположенности. Респонденты, не боящиеся за свое будущее, в 55,7% случаях считают, что страх возникает там, где существует, какая либо опасность, в 38,9% случаях они придерживаются мнения о том, что страх носит коллективный характер и в 3,4% случаях видят причину страхов в биологической предрасположенности. Представленные данные показывают, что основным источником страха о будущем респонденты считают какую либо опасность повседневности.

46,5% опрошенных студентов утверждают, что страхи заложены в нас с самого детства, 35,5% - страхи проявляются в конкретных ситуациях, 18,0% - страхи хранятся в сознании и подсознании народов. 54,4% опрошенных считают, что страх возникает там, где существует, какая угодно опасность. 37,0% - страх всегда имеет общественный, коллективный характер, 6,0% - биологическая расположенность, и 4,0% затруднились ответить. Во многих коллективах присутствуют страхи по разным поводам. При анализе ответов на вопрос о существовании коллективного страха 77,5% опрошенных указали, что в их коллективе страха нет, и никогда не было, 20,0% указали, что в их коллективе страх существует, что подтверждает существование коллективного страха, 2,5% - затруднись с ответом на данный вопрос. Это подтверждает, что, опираясь на коллективный опыт, человек воспринимает и транслирует страхи. Коллективные страхи социализированы. Страх как социальный феномен зависит с одной стороны, от социальной системы, с другой стороны, оказывает на нее влияние. Типы и интенсивность проявления социальных

страхов исторически изменяются и различаются в различных обществах и культурах.

Существуют различные эффективные способы преодоления страхов. 57,0% опрошенных указали, что страх нужно преодолевать при помощи психологов, 41,0% - при помощи родных, 1,0% - при помощи психотропных препаратов, 0,5% - при помощи алкоголя и столько же респондентов затруднись с ответом. Однако на практике 62,3% опрошенных преодолевают свои страхи с помощью курения, 57,4% - с помощью алкоголя, 0,8% с помощью наркотиков. Это указывает на отсутствие своевременных обращений к профильным специалистам.

62,0% опрошенных не расценивают страх как благое явление, 34,0% - напротив, считают страх благим явлением, и 4,0% - затруднились ответить. О том, как могут распространяться страхи, ответы респондентов распределились таким образом: на первом месте – под давлением ложной (преувеличенной) информации из СМИ (44,0%), на втором месте – путем пребывания в интернете (30,0%), на третьем месте – под давлением общественного мнения(25,5%).

В обществе существует такое понятие, как тревога. Оно отлично от понятия страх. Выясним из ответов респондентов, различают ли они эти два понятия. 55,0% опрошенных видят различие понятий тревога и страх. 43,0% опрошенных не видят сильных различий между этими понятиями, 2,0% затруднились ответить. 67,4% студентов воспринимают тревогу как особый класс психических процессов и состояний, связанных с инстинктами, потребностями, мотивами, отражающих в форме непосредственного переживания значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности, 47,2% - как одно из чувств, формирующих настроение и поведение личности, 39,9% как эмоция, возникающая в случаях реальной или воображаемой угрозы существованию организма, 26,4% - как эмоция большой силы, которая оказывает заметное влияние на восприятие, мышление и поведение индивида. При этом 53,5% опрошенных указали, что чаще всего появляется чувство тревоги, а 46,5% - чувство страха. Из этого можно сделать вывод об учащенных случаях тревоги, нежели страха. 47,0% студентов ответили, что страхи родственников повлияли бы на них больше всего, на 39,0% - страхи окружающих, на 10,0% - страхи друзей, и 4,0% ответили, что на них повлияли бы только страхи президента. Поученные данные свидетельствуют о влиянии страхов тех людей, с кем чаще и ближе общается человек.

Из всего выше представленного можно сделать вывод, что большинство студентов подвержены страху и признаются в этом, многие имеющие такую фобию, но не афишируют и даже скрывают это. Самыми распространенными страхами являются страх за свое будущее и за свою жизнь. Основной причиной страха, по словам респондентов, является опасность, которая может проявляться в той или иной ситуации повседневной жизни. Однако на практике страхи студентов чаще всего являются следствием недоделанной работы над собой.

На различного рода страхи влияют возраст и гендерная принадлежность студентов. Чем старше студенты, тем больше у них проявляется страх перед одиночеством, массовостью или за свое будущее, но меньше – страх за свою жизнь и , особенно – за жизнь близких людей. Студенты знают о наиболее эффективных способах преодоления страхов, но не используют их на практике, не обращаются к специалистам. Необходимо реализовывать молодежные программы для преодоления существующих страхов среди студентов. Необходимо проводить регулярные социологические исследования (мониторинг), посвященные уровню включенности молодежи в проблематику страхов на региональном уровне. В систему исследования должны быть включены высшие учебные учреждения. Как следствие, руководители отделов по делам молодежи, вузов, органов студенческого самоуправления, общественных организаций смогут получать информацию о жизненных приоритетах, ожиданиях студенческой молодежи. Социологические исследования помогут прогнозировать поведение молодых людей и, на этой основе, создавать условия для осуществления (корректировки) жизненных ситуаций юношей и девушек повлекшие за собой страхи.

Список литературы

1. Бернстайл П.Л. Против богов: Укрощение риска. - М., 2000. С. 74-75.

2. Матвеева С.Я. Шляпентох В.Э. Страхи в России в прошлом и настоящем. Новосибирск, 2000. С. 43-48.

3. Бек У. Общество риска: На пути к другому модерну // Эл. Вариант: http://www.auditorium.ru/aud/p/index.php?a=presdir&c=getForm&r=resDesc Дата обращения: 10. 11 2012.

4. Зубков В.И. Социологическая теория риска. - М., 2003. С. 139.

5. Зубок Ю.А. Проблема риска в социологии молодежи. - М., 2003. С. 37.

УДК 316.3

СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО КАК ОБЩЕСТВО РИСКА

Д.Н. Конаков

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: konakovdn@gmail.com

В статье рассматривается проблема соотношения риска и безопасности в повседневном существовании и сознании современного человека. Становление общества риска является продуктом забвения безопасности в качестве фундаментальной основы человеческого бытия, но именно в обществе риска происходит возвращение этой ценности не только на ценностном, но и на институциональном уровне.

Ключевые слова: риск, безопасность, ценности, общество риска, повседневное бытие.

Modern society as a society of risks

D.N. Konakov

In article the problem of a ratio of risk and safety in daily existence and consciousness of the modern person is considered. Formation of society of risk is a product of oblivion of safety as a fundamental basis of human life, but in the society of risk there is a return of this value not only on valuable, but also at institutional level.

Key words: risk, safety, values, risk society, daily life.

В рамках социальной философии, обратившейся к исследованию рисков в 80-ые годы XX века, было выработано несколько подходов, которые принято делить на *реалистические* и *конструктивистские*. Реалистические подходы, по сути, отождествляли риски с опасностью, рассматривая их в качестве объективных, независимых от человеческого восприятия угроз существованию человека и общества. Конструктивистские подходы акцентировали внимание на той культурной опосредованности, без которой оказывается невозможно существование рисков. Иначе говоря, мало того, чтобы риски существовали объективно, необходимо еще сам факт восприятию людьми их в качестве факторов, способных оказать негативное влияние на повседневное существование.

При этом необходимо учитывать, что конструктивизм в названии этого типа подходов мог трактоваться двояко. Английский антрополог и философ М. Дуглас предпочитала видеть в конструировании рисков свойство человеческого сознания, сталкивающегося с ситуациями неопределенности и вынужденного осмысливать их в тех ментальных координатах, которые выработаны в соответствующей культуре [1, с. 245]. Но особую общественную популярность приобрела другая разновидность конструктивизма, стремившаяся подчеркнуть «иллюзорный», «искусственный» характер рисков, создаваемых посредством манипуляций общественным мнением. В данном случае, на наш взгляд, необходимо различать собственно явление, которое должно стать предметом анализа, и те политические репрезентации, которое оно приобретает в процессе погружения в современное коммуникационное пространство. Оставляя второй аспект исследования конструктивистских оснований риска политологам и социологам, считаем правильным сосредоточиться на антропологическом аспекте данного феномена, а именно – укорененности рисков, факторов их порождения и стратегий преодоления в повседневных практиках человека.

Методологическим основанием исследования, позволяющим обратиться к анализу риска в контексте ценностных оснований человеческого существования, является, на наш взгляд, концепция английского социального мыслителя Э. Гидденса, обращающегося к изучению рискологической проблематики через призму целого ряда концептов – структурация, система релевантностей и т.д. [2, с. 108-110]

В своих работах он рассматривает риск в качестве элемента мировоззрения, отчетливо проявляющегося в тот момент, когда модернизирующийся социум начинает прощаться с теми концепциями, которые увязывали индивидуальные действия человека с космическим порядком (например, судьба и рок). Проникновение рисков в сферу повседневной деятельности человека Гидденс связывает с возникновением страхования, которое занялось колонизацией будущего, пытаясь обеспечить относительную предсказуемость реакции на поведение человека в том мире, где любые метафизические основания уже были устранены. «Вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь вкупе с динамичной природой знания означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека». [2, с. 110] Обоснование этому находится в феноменологическом анализе хронологических параметров жизнедеятельности.

Временную ткань человеческого существования составляют два непохожих друг на друга элемента – роковые моменты (время принятия решений, определяющих выбор определенной жизненной траектории), либо то время, которое еще принято называть «убитым». Это время рутины, повседневного существования, разрываемого в определенные моменты роковыми ситуациями. Если в традиционном обществе роковые ситуации находились в ведении судьбы, то есть их существование оказывалось вписано в естественный порядок вещей, то с отказом от метафизической фаталистичности выбор роковых моментов оказался делом рук самого индивида. Тем самым, ситуации риска обнаруживают высокую степень ответственности за принятие правильного решения и, соответственно, меру наказания в том случае, если решение было принято неправильно.

Под безопасностью в таком случае может пониматься «конфиденциальность или доверие, которые являют собою природный и социальный миры, включая базовые экзистенциальные параметры самости и социальной идентичности». [3, с. 499] Иначе говоря, безопасность представляет собой уверенность индивида в устойчивости окружающего порядка (социального и природного), а также соответствие определенных реакций со стороны окружающего мира человеческим ожиданиям. Парадоксальным является то, что безопасность не означает полного отсутствия опасностей, а подразумевает их восприятие как естественную реакцию мирового порядка на отклоняющееся поведение самого индивида (по принципу – «если бы я делал все правильно, то ничего вообще бы не случилось»).

«Общество риска», выдвигаемое немецким социологом У. Беком в качестве базового концепта, описывающего динамику современного социального развития, становится не случайным тупиком цивилизационного процесса, а закономерным следствием тех ценностных установок, которые определяли суть европейской модернизации. Можно констатировать, что модернизация в сфере экономики и техники оказалась,

во многом, обусловлена рационализаторской мыслью эпохи Просвещения.

Именно в XVIII веке были сформулированы ценности прогресса как универсальное обоснование уменьшения рисков в повседневном существовании человека. Деятельность демократических институтов по увеличению степени индивидуальной свободы и созданию социальных процедур, обеспечивающих предсказуемость в человеческих отношениях, должна была способствовать минимизации опасностей для человеческой жизни если не в настоящем, то в относительно недалеком будущем. Именно так достигалась рутинизация повседневного бытия человека, вырабатывалась система релевантностей, в соответствии с которой любые риски выступали порождением индивидуальных траекторий отхождения от того маршрута, который намечен в развитии общечеловеческой цивилизации.

Абстрактные системы (система денежного кругооборота, деятельность демократических институтов управления), основы которых были заложены в просвещенческом мировоззрении, в усложняющемся и глобализирующемся социуме перестают соответствовать ожиданиям потребителей. Неэффективность абстрактных систем в новых условиях функционирования вызывает кризис доверия, который оказывается ощутимее в силу того, что данные системы позиционировались как оптимальные средства минимизации угроз для человеческого существования, а также как проявление универсальных ценностей, свойственных не только западноевропейскому обществу, но и всему человечеству в целом. «Именно доверие к абстрактным системам выполняет важнейшую функцию в обществе позднего модерна, обеспечивая ощущение относительной безопасности повседневных отношений. Но могут возникнуть обстоятельства, при которых доверие отсутствует, возникает недоверие и чувство онтологической безопасности с присущей ему рутинизацией существенно трансформируется. В отношении абстрактных систем недоверие означает определенную долю скептицизма или проведение активной ревизии знаний о мире, т. е. это явление рефлексивности, которое присуще современности».[4, с. 37]

В качестве причин такого недоверия Гидденс выделяет как усложнение форм социального взаимодействия, так и формирование новых видов риска, например, риски событий со значительными последствиями.[2, с. 117] Под такими рисками понимаются опасности, обладающие «отложенным» действием, то есть такие угрозы, последствия которых практически невозможно подсчитать. С одной стороны, в средствах массовой информации часто встречается информация о риске радиоактивного заражения в результате аварий на атомных электростанциях. Вместе с тем, Гидденс задается вполне резонным вопросом относительно того, насколько этот риск, в силу достаточной временной удаленности и малой очевидности его последствий, становится элементом повседневного мышления человека и, соответственно, фактором изменения его повседневных практик.

Кроме того, современное социальное пространство оказывается структурировано намного сложнее, нежели предусматривали сложившиеся в модернистском обществе абстрактные системы. Эти системы оказываются не в состоянии учесть целый ряд факторов, связанных, прежде всего, с дроблением того социального порядка, который диктовался модернистским обществом, и с формированием новых ценностных установок. Разрушенной оказывается вера в незыблемость того пути, который демонстрировала западноевропейская цивилизация. «Слепая вера в научно-технический прогресс и западную демократию, в их способность решить любые проблемы общества в конечном итоге оборачивается дорогой в никуда и забвением культурного своеобразия своей страны. Если страна пытается найти собственный путь в общем потоке обновления, в так называемом мэйнстриме, то поиски оборачиваются приостановкой, задержкой в пути, а потом и отставанием». [5, с. 31]

Следовательно, утрачивается доверие и к тому ментальному обоснованию, которое объясняло угрозы и опасности для человеческого существования несоответствием действий индивидуального человека тому сценарию, который предполагался для цивилизации в целом. Ощущение постоянной рискованности современного существования человека является следствием исчезновения устойчивой системы релевантностей, сложившейся в обществе модерна. Отныне человек утрачивает гарантии того, что существующие абстрактные системы обладают возможностями нейтрализации рисков, что порождает стремление к созданию дублирующих систем контроля.

На смену легитимированным системам социального страхования приходит поиск новых коллективных субъектов, способных взять на себя ответственность за выработку оснований обеспечения безопасности. Можно констатировать, что процесс таких поисков еще далек от завершения, то есть в повседневном существовании человека по-прежнему большую роль играет осознание потенциальной рискогенности совершаемых им действий.

Таким образом, общество риска – это общество утраты доверия к тем абстрактным системам, которые воспринимались человеком на протяжении последних столетий в качестве гарантов их спокойствия и безопасности. Процедуры принятия решений, которые воспринимались как максимально эффективные, в настоящее время подвергаются сомнению. В своем повседневном бытии человек не чувствует себя успокоенным в силу осознания малой продуктивности в современных условиях тех социальных технологий, которые воспроизводили его систему релевантностей в модернизирующемся обществе.

Следствием ценностного кризиса становится не только актуализация темы безопасности в общественном сознании, которая начинает постепенно становится ценностной доминантой современного человека, но и отчетливое стремление перенести разрешение данной проблемы исключительно в институциональную плоскость.[6] Основным способом

институализированного ответа на потребности современного человечества в безопасности является ужесточение контроля и стремление к максимальной регламентации тех действий и ситуаций в человеческом поведении, которые могут спровоцировать угрозы для существования отдельного человека или целого сообщества. Примером институализации безопасности является реакция США и ряда других стран на террористические акты, когда в жертву безопасности были принесены ценности свободы и демократии, которые до этого момента считались не подвергаемыми сомнению.

Такой ответ способен уменьшить степень угроз для человеческой жизни, но при этом он не аннулирует рискогенность самого человеческого сознания, порождаемую невозможностью рутинизировать те ситуации, в которые погружен современный человек. Ответ должен лежать в ценностной плоскости, а именно – в формировании или проявлении тех ценностей, которые позволят обеспечить готовность человеческого сознания к восприятию факторов угрозы и придать им объяснение на уровне повседневного существования.

Список литературы

1. Дуглас М. Риск как судебный механизм // THESIS. 1994. № 5. С. 240-248.

2. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность // THESIS. 1994. № 5. С. 107-133.

3. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структурации / пер. с англ. М., 2005. 528 с.

4. Елфимова О. С. Безопасность и риск как ключевые черты современности // Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире. Прага, 2013. С. 36-40.

5. Бутенко Н. А. К проблеме глобализационных рисков в системе межцивилизационных отношений // Риски и безопасность в интенсивно меняющемся мире. Прага, 2013. С. 28-33.

6. Волкова Н.Г. Барышков В.П. Безопасная динамика нестабильности // Цивилизационный кризис и национальная безопасность России. Саратов, 2007. С. 3-13.

УДК 316.722

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Б.Р. Могилевич

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: mogilevich@sgu.ru

В статье представлено обоснование социальной природы межкультурной коммуникации с использованием социологических классических неклассических подходов. Показано, что актуализация межкультурных концептов – «конфликт», «стереотип», «толерантность» - осуществляется в рамках оппозиции «Я» и «Другие».

Ключевые слова: символический интеракционизм, феноменология, этнометодология, конфликт, стереотип, толерантность.

The Social Context of Cross-cultural Communication

B.R. Mogilevich

The article studies the phenomenon of cross-cultural communication as a component of social communication, therefore the main sociological classical and non-classical approaches, namely symbolic interactionism, phenomenology and ethnomethodology are used to investigate this phenomenon. It is shown, that the main cross-cultural concepts – “conflict”, “stereotype”, “tolerance” - are actualized in the frames of the opposition “Me” and “Others”.

Key words: symbolic interactionism, phenomenology, ethnomethodology, conflict, stereotype, tolerance.

Современное развитие общества, характеризующееся наличием, на первый взгляд, взаимоисключающих тенденций – глобализацией и локализацией – структурирует сложную картину переплетения различных взглядов, теорий и гипотез относительно перспектив дальнейшего развития. Важное место в этой мозаике занимают проблемы межкультурной коммуникации, от успеха которой зависит судьба человечества. Глобализация всех сфер жизнедеятельности представляет собой, прежде всего, процесс расширения человеческой коммуникации, основой которого являются современные информационные технологии, обеспечивающие межкультурное сотрудничество. События, происходящие в различных регионах земного шара, оказывают влияние на жизнь людей в социальной, экономической сферах в планетарном масштабе. Получая доступ к восприятию иных социокультурных и морально-ценностных норм, индивиды, зачастую, теряют свою самобытность, либо проявляют агрессивное отношение к всему непонятному и незнакомому, что приводит к противоречиям и конфликтам на всех уровнях межкультурного взаимодействия: эмоциональном, когнитивном и поведенческом. Возрастающие проблемы непонимания и противостояния на межличностном, межгрупповом и межцивилизационном уровнях требуют осмысления и выработки определенных правил межкультурной коммуникации в эпоху глобализма.

Несмотря на тот факт, что проблемы взаимодействия и взаимопонимания представителей разных социокультурных сообществ исследуются на междисциплинарном уровне с привлечением данных культурологии, социальной психологии, антропологии, существует необходимость осмысления проблемы в контексте социологических исследований, что обусловлено социальной природой всех коммуникативных процессов, межкультурной коммуникацией в частности. Этот подход обеспечивает возможности создания правил и условий для успешной социализации индивидов в современном глобальном мире и

позволяет утверждать, что появление новых коммуникативных каналов и образование единого информационного пространства определяет статус межкультурной коммуникации как составной части социальной коммуникации.

Эволюция социальной коммуникации коррелирует с социальной стратификацией общества во времени и пространстве, а возникновение новых коммуникационных каналов является ответом на вызовы цивилизации, что изменяет саму природу межкультурной коммуникации. Методологические концепции исследования социальной коммуникации структурирует иерархию научных направлений с доминированием теорий символического интеракционизма, «понимающей социологии», феноменологии, этнометодологии, «драматургического» подхода и теории коммуникативных действий. В их основе лежат идеи межличностной интеракции индивидов, интерпретирующих свою деятельность в контексте оценки её другими, а любой вид социальной коммуникации предназначен осуществлять свои действия с учётом взаимных интересов коммуникантов для достижения взаимопонимания. Это особенно важно в современном контексте гуманистических приоритетов личности и артикуляции ее интересов.

Данный ракурс позволил сделать определение межкультурной коммуникации в контексте ее социальной природы - межкультурная коммуникация представляет собой процесс социально-культурного взаимодействия представителей разных культур, осуществляемый посредством установления различного вида социальных связей при сопряжении социальных действий коммуникантов.

Рассмотрение социальной коммуникации как процесса передачи социальных отношений в пространственно-временном контексте на межличностном, межгрупповом и межцивилизационном уровнях позволяет определить формы социального взаимодействия в виде подражания, диалога и управления на всех уровнях социальной и межкультурной коммуникации.

Базовые концепты межкультурной коммуникации: оппозиция «свой»-«чужой», «конфликт», «стереотип», «толерантность» получают новое содержание в контексте их рассмотрения в терминах социальной природы явления. Оппозиция «свой»-«чужой» представляет собой «конфликт» идентичностей на всех уровнях межкультурного взаимодействия в свете противостояния систем открытого и традиционалистского обществ, для преодоления которого необходима толерантность как социальное явление, означающее уверенность в правоте своих убеждений и действий одновременно с признанием объективности существования иных морально-ценностных норм и стремлений к позитивному диалогу.

Межкультурные стереотипы обусловлены наличием у каждого индивида коммуникативного сознания в виде совокупности норм и правил коммуникации, существующих в виде универсальных и специфических прескрипций коммуникативного поведения, присущего каждой

социокультурной общности. Коммуникативное поведение существует в рамках стереотипов, которые могут меняться, исчезать, заменяться другими. Национальные стереотипы обусловлены социокультурным, политическим и историческим развитием нации и определяют процесс социализации индивида в многонациональном мире[1, с.147].

Межкультурная коммуникация не исчерпывается взаимодействием индивидов, принадлежащим разным культурам и говорящим на разных языках. В основе всякой коммуникации лежит взаимодействие между индивидами, обладающими разными социальными статусами, и отражающими их социокультурную природу. В период глобализации межкультурная коммуникация невозможна без установления социальных связей представителей разных культур, необходимых для социализации в глобальном мире, для предотвращения конфликтов и противостояния любым формам агрессии и терроризма. Дискурс межкультурной коммуникации представлен диалектическим взаимодействием концептов «свой»-«чужой», «толерантность», «конфликт», «стереотип», которые, в свою очередь, структурируют свои специфические характеристики – межкультурную компетенцию и «тематический репертуар». Межкультурная компетенция проявляется двояко: как совокупность лингвистических и экстралингвистических знаний и как умения эмпатийности, толерантности и рефлексии, необходимые для разрешения и избегания конфликтов и создания моделей плодотворного межкультурного взаимодействия. Важно отметить, что умения межкультурной компетенции можно и нужно формировать в процессе социализации и аккультурации. Тематический репертуар как совокупность универсальных и специфических тем коммуникации является необходимым условием достижения поставленных целей с учётом сопряжения когнитивных способностей коммуникантов[2, с.76].

Межкультурная коммуникация невозможна без соблюдения коммуникантами принципов Кооперации и Вежливости, которые определяют универсальные правила (прескрипции) ведения диалога[3, с.200]. Диалогическая сущность любого социокультурного явления характеризуется цикличностью, отражающей стадии любого социокультурного взаимодействия. Включение межкультурной коммуникации в контекст социального взаимодействия индивидов-представителей разных культур дает возможность рассмотреть существующую типологию моделей межкультурной коммуникации с точки зрения установления социальных связей социокультурных сообществ, без учета которых невозможно полноценное взаимодействие.

Социальным механизмом межкультурного взаимодействия является текст, репрезентирующий социокультурное своеобразие. Бесконечность текстовых интерпретаций обусловлена многообразием межкультурных дискурсов и структурирует различные подходы к пониманию текстов: герменевтический, коммуникативный рецептивный. Особенно важную роль в осуществлении коммуникации играет диалог как текстовый тип,

реализующий социокультурное взаимодействие индивидов[4, с.400]. Для создания оптимального диалога коммуниканты соблюдают «ситуативные приличия» при уместности речевых действий, взаимном уважении, взаимной мотивации и доступности. Критерием оптимальности диалога является пресуппозиция, отражающая общность тематического репертуара в каждой конкретной ситуации коммуникации[5, с.389]. Новый междисциплинарный подход, объединяющий все аспекты исследований текста как носителя культуры, даёт возможность определить симметричность и ассимметричность социокультурных характеристик коммуникантов, определяющих процессы социализации и аккультурации и служащих причинами «культурного шока». Прецедентные и информативно-регуляторские тексты и социокультурный комментарий отражают социокультурное своеобразие и служат механизмами межкультурного взаимодействия.

Многоаспектность межкультурной коммуникации проявляется в процессе идеологического воздействия – пропаганде. Методология исследований этого феномена демонстрирует динамику коммуникативного процесса как отношений коммуникантов в рамках бихевиористских концепций через структурно-функциональные отношения субъекта (адресанта) и объекта (адресата) до отношений субъектов в рамках символического интеракционизма. Межкультурное идеологическое взаимодействие отражает специфические особенности социальных трансформаций, которые происходят в разных социокультурных сообществах и генерируют специфические дискурсы тематических репертуаров.

Глобализация всех аспектов человеческой жизнедеятельности стала ответом человечества на вызовы электронной революции, оказывая влияние на жизнь людей повсеместно и постоянно. Глобализация структурирует локализацию как защитную реакцию на унификацию и потерю социокультурной самобытности. Диалектическое взаимодействие этих феноменов – воплощение глобального через локальные механизмы – является характеристикой современного состояния общества и существенно трансформирует интерпретацию межкультурной коммуникации как нового, по своей сути, этапа межкультурного взаимодействия. Глобальная культура как совокупность достижений всего глобального мира наций обладает своими специфическими характеристиками в виде давосской культуры, интеллектуальной, массовой и религиозной культур, каждая из которых несет в себе позитивные и негативные тенденции[6, с.18]. Можно утверждать, что межкультурная коммуникация в период глобализма – это взаимодействие глобальной и локальной культур, причём, довольно часто многие локальные культуры становятся «излучателями» своей социокультурной специфики и вносят свой уникальный вклад в общемировую культуру.

Межкультурная коммуникация осуществляется при наличии языкового многообразия как воплощения мультикультурности и

неповторимости каждого индивида, группы, государства, цивилизации. Языковое планирование в период глобализма особенно актуально с возрастанием миграции в общемировом масштабе, образовании и исчезновении государств. Обратной стороной языкового многообразия является феномен языка мирового общения как механизма межкультурной коммуникации. Поэтому так важно обучение иностранным языкам и, в частности, подготовка переводчиков как посредников в межкультурной коммуникации.

Определение межкультурной коммуникации как вида социальной коммуникации особенно важно для дальнейшего анализа социальных процессов, происходящих при взаимодействии разных культур, в частности для решения теоретических и практических задач межкультурной коммуникации и подготовки специалистов, обладающих сформированными умениями межкультурной компетенции. Кроме того, данный ракурс исследований позволяет увеличить объем научной информации о феномене межкультурной коммуникации как социального явления и определить место и значимость межкультурной коммуникации в системе социокультурных трансформаций глобального мира.

Список литературы

1. Стернин И.А. Язык и национальное сознание / И.А. Стернин // Логос. – 2005. – №4 (49). –С.140-156.
2. Дейк ван Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. Дейк ван. – М., 1982. -176с.
3. Brown P., Levinson S. Universals in Language Usage: Politeness Phenomena. Questions and Politeness./ P. Brown, S. Levinson – Cambridge University Press, 1978. -289p.
4. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек-текст-семиосфера-история / Ю.М. Лотман – М.: Языки русской культуры, 1996. -686с.
5. Гоффман И. Анализ фреймов. Эссе об организации повседневного опыта / И. Гоффман. – М. : Ин-т социологии РАН. Ин-т фонда «Общественное мнение», 2004. -748с.
6. Бергер П. Культурная динамика глобализации / П. Бергер // Многоликая глобализация: сб. науч. ст. – М.: Аспект Пресс, 2004. –С.8-27.

УДК 316.334.3

ТРАНСФОРМАЦИЯ МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАМИ РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Д.В. Покатов
Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия
E-mail: dvpokatov@gmail.com

В статье рассматриваются особенности трансформации моделей регионального управления, сформировавшихся в России в постсоветский период. Дается характеристика принципов и критериев их типологии. Особое внимание уделяется анализу моделей управления,

функционирующих в настоящее время в ряде российских регионов: экстенсивно-традиционалистской, дуалистической и индустриально-инновационной.

Ключевые слова: управление, модели регионального управления, управленческая парадигма, экстенсивно-традиционалистская, дуалистическая и индустриально-инновационная модели

The transformation of regional management models in Russia in the post-soviet period

D.V. Pokatov

The article discusses the features of the transformation of regional management models that have emerged in Russia in the post-Soviet period. We give a description of the principles and criteria of their typology. Particular attention is paid to the analysis of such management models currently operating in a number of Russian regions as extensively traditional, dualistic and industrially innovational.

Key words: management, regional management models, management paradigm, extensively traditional, dualistic and industrially innovational models.

Развитие многих обществ свидетельствует о том, что их прогресс и стабильность достигаются во многом благодаря имеющейся и эффективно функционирующей системе управления. Особенно это актуально для России, где, по справедливому замечанию Н.А. Бердяева, «исторический день … выдвигал в политике на первый план задачи управления, организации ответственной власти, а не задачи чисто законодательного творчества» [1; 435].

Традиционно в отечественной литературе большое внимание уделялось проблемам деятельности органов власти и управления федерального значения. Однако региональный уровень, как более близкий для населения прежде всего в решении повседневных задач, приобретает все большее значение. Не случаен в этой связи интерес, проявляемый к различным аспектам жизни региона, в том числе и к формированию и трансформации моделей регионального управления.

Модель управления регионом можно определить, как особую форму организации системы управления и политико-правовых отношений, складывающихся между субъектом и объектом управления в регионе, воплощающих в себе наиболее существенные характеристики различных управленческих систем и выступающих в качестве их наиболее типичного представителя

Формирование новой системы регионального управления фактически начинается с конца 1991 года. т.е. со времени распада СССР. «Знаковым» событием явилось принятие 12 декабря 1993 года Конституции РФ, в целом ряде статей которой закреплялись принципы политического многообразия, самостоятельности в решении органами муниципального

управления и местного самоуправления отнесенных к их ведению вопросов. Именно данные принципы во многом обозначили переход от прежней строго централизованной, не допускающей какой-либо автономии системы к во многом плюралистической, что, по сути, детерминировало процессы организационно-правовой конфигурации новых управленческих моделей в регионах.

Сам процесс трансформации моделей регионального управления был достаточно многопланов и неоднороден, включая в себя ряд значительно отличающихся друг от друга этапов.

Первый период, фактически начавшись с принятия Конституции в 1993 году, продолжался до начала 2000 года, когда на посту Президента Б.Н. Ельцина сменил В.В. Путин. В это время главенствующими были политико-идеологические модели, в которых доминировала политико-организационная составляющая, в основе которой находился организационно-правовой критерий, учитывающий, как способ организации региональных органов власти и управления, так и стратегию и тактику политических лидеров и элит в целом. Главная особенность данного этапа, в той или иной степени объединяющая многие действующие тогда модели управления, заключалась в сохранении элементов политико-идеологического плюрализма и региональной автономии, переходящей в ряде случаев в региональный сепаратизм. Наибольшее распространение в 90-е годы прошлого века получили такие региональные модели управления, как традиционная, «турбулентная», партнерская и модель «доминирования».

Традиционная (патриархальная) модель, как правило, представляла собой иерархический способ организации системы органов управления, основанный на принципе субординации. Несмотря на то, что формально провозглашался и действовал принцип разделения властей, по сути, вся полнота властных полномочий принадлежала региональному лидеру, выступившему создателем и гарантом существования данной модели. Таким образом, данная модель основывалась на «силе статуса», системе господства, созданной конкретным политическим лидером и руководителем, обладающим (в большинстве случаев) различными харизматическими чертами (в том числе личным авторитетом, высоким уровнем профессионализма, либо значительным административным опытом) и использующим в своей практике мобилизационно-популистские технологии. Как справедливо замечает известный российский политик А.М. Тулеев относительно такого типа региональных руководителей, в рамках отдельного региона политические ориентации населения поляризованы в гораздо меньшей степени, чем во всероссийском масштабе. В результате избиратели поддерживают преимущественно тип лидера - «крепкого хозяина» вне зависимости от его идейно-политических симпатий [2; 163-164].

Модель «доминирования», сформировавшаяся в 90-е годы прошлого века в ряде регионов России, в том числе и в Поволжье, характеризовалась

созданием системы власти и управления, основанной на приоритете одной из её ветвей, в большинстве случаев – исполнительной. В отличие от традиционной модели, здесь региональный руководитель, как правило, не обладал харизматическими чертами, а внутри самой системы органов управления региона уже не существовало жесткой субординации. Используемые политическими лидерами и руководителями региона популистские и мобилизационные технологии не могли поднять (вследствие отсутствия харизмы) престиж такой модели.

Партнерская модель управления не получила столь большого, как первые две, распространения, главным образом по причине отсутствия в большинстве российских регионов необходимой социальной базы, включающей, в том числе, неформальные общественные объединения и группы, в которых бы доминировали представители средних слоев. Только лишь в некоторых регионах (Нижегородской, Самарской областях, г. Санкт-Петербурге) сложились столь характерные для неё признаки, как разделение властей, были заложены основы партнерских взаимоотношений как внутри уровней властной вертикали, так и между органами власти и управления и группами интересов.

Несколько отличной от всех приведенных выше моделей была «турбулентная» модель, при которой политические лидеры и руководители различных институтов власти и управления региона, в ряде случаев обладая авторитетом и харизмой, являлись вместе с тем носителями авторитарных тенденций, но при этом либо не могли по договоренности с региональными монополистами распоряжаться природными и другими ресурсами, либо, наоборот (как в Тюменской области), были вынуждены вступать в договорные отношения с другими ветвями власти, представителями частного бизнеса и монополистами и стремились не вмешиваться в их деятельность [3; 205].

В целом, несмотря на имеющиеся различия, плюралистические модели управления продолжали функционировать до 2000 года, когда с приходом к власти нового президента В.В. Путина, произошла их серьезная трансформация. Стремление представителей федеральной политической элиты к укреплению вертикали власти, декларируемая деполитизация, значительное сокращение политической составляющей в стратегиях и тактических мероприятиях отдельных политических лидеров и элит в целом приводили, по сути, к определенной однородности властного пространства и организации системы управления в регионах, и детерминировали формирование принципиально новых, во многом монолистических, моделей, базирующихся не на организационно-правовом, а, в большей степени, статусно-коммуникативном критерии. Важнейшими в этом случае выступали не способы организации системы власти, которые представители федерального центра пытались унифицировать, а механизмы взаимодействия основных акторов, субъектов управления, и важнейших социальных сегментов регионального пространства, предопределившие конфигурацию основных властных

институтов и направления проводимой ими политики, концентрирующиеся в «управленческих парадигмах», под которыми в данном исследовании понимаются всеобщие идеальные конструкции, создающие возможности для возникновения новой реальности и определяющие направления деятельности органов управления региона и политической элиты.

Отход от политической составляющей привел к постепенному закреплению на постсоветском пространстве России таких моделей управления, как экстенсивно-традиционалистская, дуалистическая и индустриально-инновационная (которая в будущем имеет все основания стать социально-ориентированной).

Первая, экстенсивно-традиционалистская модель, во многом напоминала существовавшую в 90-е годы XX века традиционную (патриархальную) модель. В политическом плане для неё были характерны все признаки традиционного политического режима с его ориентацией на консерватизм, ограничение массового участия и закрытость. В массовом сознании закреплялся образ лидера традиционно-технократического типа - «крепкого хозяйственника». В основе «управленческой парадигмы» такой модели, как правило, находились организационно-правовые вопросы и рычаги хозяйственного механизма. Данная модель во многом подменяла реальную коммуникативную составляющую, которая должна была формироваться между субъектом управления и социальными сегментами региона, мнимой, в основе которой находились ритуальные составляющие технологий мобилизационно-популистского типа. В основном данная модель продолжала сохраняться в национальных республиках.

Значительно отличалась от экстенсивно-традиционалистской дуалистическая модель. Ряд авторов справедливо характеризуют её как бицентричную [4; 363]. Одной из её существенных характеристик выступает институциональная неопределенность. В политическом и организационном плане она определяется наличием т.н. бицентрического политического режима с двумя относительно самостоятельными «партиями власти» и системами управления, которые контролируются с одной стороны губернатором, а с другой – мэром [5; 363]. Значительный вес центра области и власти губернатора подкреплялся связями с федеральным центром, а мэра – во многом апелляцией к существующей в ряде регионов системе прямых выборов и опорой на имеющиеся ресурсы финансово-промышленных групп.

Складывающаяся весьма неоднозначная модель заставляла руководителей региона создавать особую систему коммуникации, которая позволяла им обеспечивать баланс интересов важнейших социальных сегментов региона, который не приводил к доминированию какого-то одного из них.

Последняя, индустриально-инновационная модель, в настоящее время только формируется. Как правило, в регионах, где стали закладываться её основы (гг. Москва, Санкт-Петербург, Нижегородская область) достаточно высокий уровень индустриального и научно-технического развития

сочетается со значительным весом политизированной, преимущественно либерально-ориентированной интеллигенции, выступающей за утверждение в общественном сознании таких ценностей, как открытость, конкуренция и преуспевание. Все данные ориентиры не могут игнорироваться политической элитой (в силу их значительного общественного признания) и используются в «управленческой парадигме».

В политическом плане формируемая система органов управления во многом базируется на принципе разделения властей в сочетании с элементами некоторой политической конкуренции. Здесь отсутствует характерная для дуалистической модели бицентричность. Явный технократизм, являющийся неотъемлемым атрибутом двух названных выше моделей, постепенно сменяется комплексом мер, позволяющих заложить в будущем основы для проведения социально-ориентированной политики.

Подводя итоги, можно сказать, что процесс трансформации моделей управления регионами в современной России ещё далек до своего завершения. Дальнейший потенциал их трансформации во многом зависит как от весьма неоднозначной деятельности политических элит, так и от состояния развития регионального пространства с все возрастающими потребностями и запросами его различных сегментов.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Судьба России // Бердяев Н.А. Философия свободы. М.: Изд-во «АСТ», 2007.

2. Тулеев А.М. Политическое лидерство в современной России. Региональный ракурс. М.: «Мысль», 2000.

3. Завьялов В.Т. Элитообразование и типология региональных политических режимов // В кн.: Демократия. Власть. Элиты. Демократия vs элитократия: сб. ст. д ред. Я.А. Пляйса. М.: РОССПЭН, 2010.

4. Медведев Н.П. Политическая регионалистика. М.: Альфа-М, 2005.

5. Там же.

УДК 316.422(470)

СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ В ТРУДАХ Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Я.А. Никифоров

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: nikiforovy@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению взглядов Н.Г. Чернышевского на проблемы преобразования экономической сферы общественной жизни. Упор делается на том, что, вопреки расхожему мнению по этому поводу, Чернышевский не предлагает банальной уравниловки. Идея мирного, законопослушного создания коллективных производственных мастерских,

преподнесенная как пример преобразования жизни на новых началах снизу, в реальной жизни должна была в будущем привести к далеко идущим результатам.
Ключевые слова: пореформенная Россия, утопический социализм, община, трудовая этика, социальные изменения.

Social changes in the economic sphere of public life in N.G. Chernyshevsky's works

Ya.A. Nikiforov

Article is devoted to consideration of views of N. G. Chernyshevsky on problems of transformation of the economic sphere of social life. Emphasis is placed that, contrary to ordinary opinion about it, Chernyshevsky doesn't offer banal equalization. The idea of peace, law-abiding creation of the collective production workshops, presented as an example of transformation of life on a new basis from below, in real life had to bring in the future to far-reaching results.
Key words: post-reform Russia, utopian socialism, community, labor ethics, social changes.

Содержание общественного развития в социально-экономической сфере определяется Чернышевским как движение к коллективизму. Община была первичной формой экономической и социальной организации общества; на смену ей пришла частная собственность, которая сменяется коллективизмом согласно закону исторического развития, гласящему, что общество возвращается к своей предшествующей форме, правда, эта более поздняя форма наполняется более богатым и высоким содержанием. Развитие идет медленно и постепенно, происходит только приближение к идеалу. Весьма примечательны его взгляды на общину, «мир» и его значение для будущей организации общества. Его мнения относительно социальной ценности общины не всегда отличаются постоянством. Н. Г. Чернышевский не идеализировал общину, не считал ее выражением русской самобытности. «Этот общинный дух мы вовсе не расположены считать каким-нибудь таинственным качеством, исключительно свойственным славянской или великорусской натуре»[1, IV, С. 341.]. Более того, называл её признаком отсталости: «Сохранением этого остатка первобытной древности гордиться нам тоже нечего, как вообще дикому не следует гордиться, какою бы то ни было стариною потому, что сохранение старины свидетельствует только о медленности и вялости исторического развития. Сохранение общины в поземельном отношении, исчезнувшей в этом смысле у других народов, доказывает только, что мы явили гораздо меньше, чем эти народы» [1, V, 362-3633]. Лишь с переустройством общественного строя возможно сохранение и развитие общины. По его мнению, навыки общинного землевладения облегчат задачу управления общественными делами, объединение крестьянских масс в коллективные хозяйства, способные применять

усовершенствованные техники. Таким образом, Чернышевский выступал за сохранение общинного владения только при строго определенных условиях. «Такими гарантиями должны считаться два условия. Во-первых, принадлежность ренты тем самым лицам, которые участвуют в общинном владении. Но этого ещё мало. Надобно также заметить, что рента только тогда серьезно заслуживает своего имени, когда лицо, её получающее, не обременено кредитными обязательствами, вытекающими из самого ее получения. По тому, когда человек уже не так счастлив, чтобы получить ренту, чистую от всяких обязательств, то, по крайней мере, предполагается, что уплата по этим обязательствам не очень велика в сравнении с рентою, если он находит выгодным для себя ввод во владение. Только при соблюдении этого второго условия люди, интересующиеся его благосостоянием, могут желать ему получение ренты» [1, V, 360]. Тем не менее, он верил, что Россия может быть модернизирована с опорой на «мир» и на артельное начало. «Мир», даже будучи примитивным, представляется Чернышевскому средством предохранения от пролетаризации; он ставит общину весьма высоко. Чернышевский предусматривал необходимость правительственной заботы об ограждении общины от ее возможного разрушения извне. «Мы хотим только сказать, что, если это учреждение на самом деле полезно, то для его сохранения нужна правительственная забота, потому что без законодательного охранения оно не может удержаться против частных интересов». Желание превратить свой надел в частную собственность и быстро обогатиться «может иметь столько соблазнительности, что приведет к разрушению выгоднейшего для всех порядка» [1, IX, 725].

Чернышевский подошел к рассмотрению общины, видя в артели основу для будущих производственных кооперативов. Общество, как и индивид, может перепрыгнуть через одну или несколько стадий развития, что ускорит эволюцию. Чернышевский ссылается на общий закон развития, в соответствии с которым конечная стадия может представлять собой возврат к предварительной стадии. Так, он сравнивает примитивный подвесной мост с новейшим висячим мостом. Последний конструируется на тех же принципах, что и первый, — и все же он существенно отличен от него; подобное же может произойти и с социализмом в будущем. России необязательно развиваться «органически», проходить все стадии европейского развития; она может унаследовать от Запада все позитивное; ввела же Россия железные дороги, хотя и не изобрела их.

В полном соответствии со своим социологическим мировоззрением все типы межличностных взаимоотношений и взаимодействий, политических, экономических, Чернышевский рассматривает с позиций этических. Он рассматривает капитализм как ступень развития человечества, которая выше ей предшествовавших, но не устраняющую эксплуатации трудящихся: «Его недостатки — недостатки не по сравнению с патриархальными формами..., а с теми формами, каких требует разум» [1, IX, 419]. Он настаивал на недопустимости социального порядка, при котором большинство народа — пролетарии: «… не в том

дело, будет царь или нет, будет конституция или нет, а в общественных отношениях, в том, чтобы один класс не сосал кровь другого» [2, т.3, 821].

Отрицанием идеи строя частной собственности является «идея о союзе и братстве между людьми: люди должны соединяться в общества, имеющие общий интерес, сообща пользующиеся силами природы и средствами науки для наивыгоднейшего всем производства и для экономного потребления производимых ценностей» [2, Т. 2, 97.].

Произведение должно принадлежать тому, кто произвел его. Н.Г. Чернышевский отмечает: «Задача состоит только в том, чтобы открыть способы экономического устройства, при котором исполнилось бы это требование здравого смысла»[2, Т. 2, 734]. Нравственная оценка экономических отношений ясно проявляется в оценке труда. Русский мыслитель утверждает: в самой природе труда заключается то, что «почти» все его разновидности сами по себе приятны и привлекательны; если же труд не вызывает радости, то это «почти» всегда происходит из-за «непригодных внешних условий». Труд не является товаром. Пороки капиталистического производства (пролетаризацию работников, сосредоточение богатства в руках немногих и тому подобное) Чернышевский изображает в ярких тонах, главное зло капитализма для него - свободная конкуренция. Чернышевский считал, что продукты земли (рента), капитала (прибыль) и труда (заработная плата) должны быть взаимно уравновешены и гармонично распределены в интересах наибольшего числа людей. Как избежать этих родовых пятен капитализма?

Надо было искать альтернативное решение задачи. И он его ищет. Итак, отправной точкой было осознание Чернышевским результатов крестьянской реформы 1861 г. как неудовлетворительных, крепостное право при его «отменении» было, говорил он, сохранено, реформа не создала условий для перехода к новому типу экономического уклада. Община, не получив ожидаемой Чернышевским независимости, сама, без помощи извне, развиться не могла, не могла служить субъектом модернизации.

Кроме как в городе, жители которого более развиты, искать агентов модернизации негде. Здесь их нужно готовить. «В городском населении люди мыслят уже самостоятельно, и зараза самостоятельности в мыслях, ведущей к самостоятельности в поступках, разливается из городов в села. А между тем пропорция городского населения все растет» [1, IX, 314-315]. Идея воспользоваться большей просвещённостью горожан реализована им при написании романа «Что делать?». Лопухов работает на заводе, имеет возможность влиять «на народ целого завода», «занятие в заводской конторе» имеет вес, «потому что оно важно», так как «кое-что успевает там делать: учить грамоте, выучил их, как учить грамоте, вытянул из фирмы плату этим учителям, доказавши, что работники от этого будут меньше портить машины и работу, потому что от этого пойдет уменьшение прогулов и пьяных глаз, плату самую пустую». Кроме того, он старался и воспитывать рабочих, «оттягивать» их от пьянства и с этой

целью «часто бывал в их харчевнях» [1, IX, 193]. Однако Чернышевский не показал цели, не довел до конца начатое дело подготовки пропагандистов из рабочих завода. Тем не менее, сама идея получает развитие.

В «Что делать?» Чернышевский знакомит нас с новым социальным порядком. Мастерские Веры Павловны на пути к достижению этого порядка становились первоначальным этапом экономического переустройства общества. Идея создания швейной мастерской искренне обрадовала Лопухова: «мы все говорим и ничего не делаем. А ты позже нас всех стала думать об этом, и раньше всех решилась приняться за дело». Начали действовать. Набирая персонал, Вера Павловна была весьма осмотрительна, работницы должны быть людьми, способными обеспечить достоинство начинаемого дела и умение вести его «на торговом расчете». Дело пошло открыто, на законном основании [1, IX, 113, 114, 115], что особенно важно иметь в виду с позиций понимания легальности преобразований. Чернышевский намеренно подчеркивал, что нет ничего удивительного в намерении небогатой, но непустой женщины завести мастерскую; в условиях подбора в нее работниц «тоже не было ничего возбуждающего подозрение»; ничего не было особенного и в том, чтобы в мастерской работали «девушки прямодушного, доброго характера, рассудительные, уживчивые.» Послание адресовалось властям, которые не должны беспокоиться по поводу возникновения столь безобидных трудовых организаций, и читателям, чтоб показать им простоту нового дела и тем поощрить следовать примеру [1, IX, 126]. Спустя время она открывает цель заведения мастерской. Они с мужем живут без нужды и не имеют пристрастия к деньгам, поэтому не заинтересованы в доходах со своего заведения. У людей разные пристрастия; у нее вот такое: заняться с ними начатым ею делом, а «кто же от своего пристрастия ищет дохода?» Другие на удовлетворение своих пристрастий тратят деньги, она же находит в нем безубыточное удовольствие. Она рада, что послушалась добрых людей, написавших «много книг о том, как надобно жить на свете, чтобы всем было хорошо». Самое главное для этого — завести мастерские «по новому порядку». Она и попыталась узнать, сможет ли это сделать с их помощью. Однако того, что ими достигнуто, еще недостаточно: «умные люди говорят, что можно сделать еще гораздо лучше, так что и прибыли будет больше, и можно выгоднее делать употребление из нее». Их самих она попросила думать, что и как можно сделать лучше. Их предложения будут опробованы на деле. Обещает, что без их согласия нового ничего вводить не будет, так как умные люди говорят, «что только то и выходит хорошо, что люди сами захотят делать». Наконец, она предложила работницам выбрать «двух из себя», которые станут соуправительницами мастерской с испытательным сроком. Разговор этот Вера Павловна вела, «не заходя далеко вперед, не рисуя никаких особенно заманчивых перспектив, которые после минутного восторга рождают недоверие». Тем не менее, швеи, возбужденные сказанным ею, долго потом обсуждали услышанное.

Когда швеи предложили определить Вере Павловне треть прибыли за ее работу закройщицы, она отказалась, так как большая оплата ее труда противоречила бы «сущности дела». Она свою долю прибыли откладывала, а потом по ее просьбе деньги эти были вложены в общую кассу и пошли на устройство артельного банка. С распределением доходов было поначалу труднее. В течение двух с половиной лет «перешли через несколько разных ступеней, начиная с раздела прибыли пропорционально заработной плате». Пропуск работы по уважительной причине не влек за собой сокращения прибыли. «Потом согласились, что закройщицы и другие девушки, получающие особую плату за развоз заказов и другим должностям, уже довольно вознаграждаются своим особенным жалованьем, и что несправедливо им брать больше других еще и из прибыли». Должностные лица, поняв «дух нового порядка», сами отказались от этого. Но труднее всего, писал Чернышевский, «было развить понятие о том, что простые швеи должны все получать одинаковую долю из прибыли, хотя одни успевают зарабатывать больше жалованья, чем другие, что швеи, работающие успешнее других, уже достаточно вознаграждаются за успешность своей работы тем, что успевают зарабатывать больше платы». «Мастерская поняла, что получение прибыли не вознаграждение за искусство той или другой личности, а результат общего характера мастерской, результат ее устройства, ее цели, а цель эта всевозможная одинаковость пользы от работы для всех, участвующих в работе, каковы бы ни были личные особенности; что от этого характера мастерской зависит все участие работающих в прибыли; а характер мастерской, ее дух, порядок составляется единодушием всех»[1, IX, 127-130]. Выгода мастерской заключалась в том, что она обеспечивала работникам более высокий заработок и распределение прибыли.

Вопреки расхожему мнению по этому поводу, Чернышевский не предлагает банальной уравниловки при распределении, а лишь совместное использование (как показано ниже) полученной прибыли, при этом заработок работников предполагалось определять вполне в духе социальной справедливости, по трудовым затратам. Прибыль же получается в результате вступления в действие системного качества совокупных усилий всех работников и не может быть распределена точно по коэффициенту трудового участия. Что же с ней делать? Механизм распределения Чернышевский представляет следующим образом: «Одна часть этой прибыли пойдет на содержание церкви, школы, больницы и других общественных учреждений, находящихся при товариществе; другая на уплату процентов из казны и на ее погашение; третья на запасный капитал, который будет служить, так сказать, застрахованием товарищества от разных случайностей. За покрытием всех этих расходов, должна остаться значительная сумма, которая пойдет в дивидент всем членам товарищества, каждому по числу его рабочих дней» [2, Т. 2, 757].

Идея мирного, законопослушного создания коллективных

производственных мастерских, преподнесенная как пример преобразования жизни на новых началах снизу, в реальной жизни должна была в будущем привести к далеко идущим результатам. Развив через 100-150 лет до чрезвычайности производительные силы общины, общество «уравновесит» свои потребности с наличием природных средств настолько, что каждая из потребностей людей «будет удовлетворяться досыта», а сам труд «из тяжелой необходимости обратится в легкое и приятное удовлетворение физических потребностей». При производстве изобилия продуктов потребления их распределение станет обходиться без специальных экономических законов, и вообще отпадет необходимость в регулировании «экономической деятельности и производства ценностей». Развившиеся просвещение и здравый взгляд на жизнь сведут «до нуля разные слабости и пороки» [1, V , 609]. Таковы общие принципы высшего уровня развития общественных отношений по Н.Г. Чернышевскому.

Список литературы

1. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений : в 16 т. М., 1939-1953
2. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения : в 3 т. М., 1950-1951

УДК 316.346.32-053.6 (316.473)

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ КАК ОСНОВА ЖИЗНЕННОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

С.В. Ситникова, Н.В. Шахматова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: schahmatovaNV@info.sgu.ru

В статье по результатам социологического исследования, проведённого в Саратове, конкретизируются ценностные ориентации молодёжи, анализируются статусные, личностные, коммуникативные ориентации, выделяются основные, промежуточные и переферийные ценности детерминанты их транформации.

Ключевые слова: молодежь, жизненное самоопределение молодежи, ценностные ориентации молодежи.

Value Orientations as the Basis of Youth Life Selfidentification

S.V. Sitnikova, N.V. Shahmatova

The article studies the results of sociological investigation made in Saratov. They make it possible to define youth value orientations, to analyze status, personal and communicative types of orientations, to reveal main and periphery values, as well as their transformation determinants.

Key words: youth, life selfidentification, value orientations.

Вопросы самоопределения в жизни, так или иначе, решают все молодые люди. Для каждой личности характерен свой, уникальный способ жизни, способ ее организации, оценивания и осмысления. В процессе своей жизни личность выступает в качестве то субъекта общения, то субъекта деятельности, являясь при этом субъектом своей жизни, объединяющим в единое целое свою жизненную практику, мировоззрение, отношения. В качестве субъекта своей жизни личность получает возможность интегрировать свои способности в разных сферах (профессиональной и личной, духовной и обыденной), соотносить свои возможности с поставленными жизненными целями и задачами, распределять их во времени (и с точки зрения их своевременности, и с точки зрения правильного соизмерения своих жизненных сил) [1]. Соответственно, от того, какие цели ставит перед собой молодое поколение, каким ценностным ориентирам следует, зависит будущее развитие общества. Современная российская молодежь достаточно неоднородна, а это означает, что необходим постоянный мониторинг всего многообразия ее жизненных приоритетов, устремлений, чтобы на этой основе успешно и адекватно прогнозировать будущие социальные процессы, учитывая при этом социальные условия, в которых растет, социализируется и действует молодежь [2]. Именно поэтому изучение жизненного самоопределения молодежи, ее ценностных ориентаций приобретает особую актуальность в стремительно изменяющемся российском обществе.

Жизненное самоопределение представляет собой систему основополагающих идей, убеждений и верований личности, сформированных под влиянием социокультурных традиций, образцов и идеалов и реализующихся в основных стратегиях поведения. Это - совокупность представлений человека о значимых, желаемых параметрах жизни, в основе которых лежат ценностные ориентации. Исходя из этого, в 2012 г. в Саратове был проведён социологический опрос молодёжи методом формализованного интервью по репрезентативной квотно-территориальной выборке. Было опрошено 533 человека (49% юношей, 51% девушек). Результаты опроса позволили создать базу данных с помощью компьютерной программы SPSS, осуществить уточнение и группировку двух и более характеристик в виде перекрёстных таблиц сопряжённости, формирование интегральных показателей ценностных ориентаций молодежи.

Изначально предполагалось, что сегодня для молодежи большую значимость имеет статусная ориентация на «доход, деньги». Однако результаты опроса показали, что для молодежи значимость этой ценности оказалась невелика, «деньги» поставила лишь на 4 место по важности (юноши), 5 (девушки). Однако, 90% юношей и 99% девушек высказались за необходимость финансовой поддержки от родителей или государства в случае создания своей семьи. Это, косвенным образом, подтверждает, что в целом молодежь довольно низко оценивает уровень своего дохода, хотя

и не воспринимает это слишком остро. Причем, если ценность семьи признается всеми примерно в равной степени, то значимость работы и социальных гарантий с возрастом стабильно увеличивается. Можно предположить, что это свидетельствует о стирании резких границ между декларируемыми и реальными повседневными ценностями молодежи, когда прагматизм и материальные интересы воспринимаются открыто и как должное. Вместе с тем, это сопровождается усилением размытости нравственных норм, что можно интерпретировать как растущий релятивизм, терпимость к особенностям поведения окружающих, или как равнодушие, индифферентность, размытости критериев ценностных ориентаций. В данном случае, видимо, имеет место динамическая трансформация структуры личностных и коммуникативных ценностей в направлении от традиционных к модернистским, отражающим происходящие в российском обществе перемены.

Современная молодежь сохранила высокий трудовой потенциал. Почти 3/4 работающей молодежи получили профессиональное образование. Однако в условиях спада производства каждый пятый безработный оказывается выпускником какого-либо учебного заведения, а 6,4% - выпускники вузов, т.е. этот потенциал остается невостребованным. 31,5 % работающих молодых людей трудятся не в соответствии с приобретенной специальностью Не имели возможности повысить квалификацию - 31,2 %, продвинуться по службе - 48,2% респондентов. Система оплаты труда пока далека от рыночного регулирования, как и сам российский рынок далек от современного цивилизованного. Прогресс в современном обществе немыслим без заинтересованности в количестве и качестве труда, непосредственно связанной с потребительскими интересами. Иная ситуация сложилась в российском обществе. Материальное положение молодых людей мало зависит от результатов труда, уровня образования, квалификации. Определяющая является форма собственности и сфера деятельности. Разбалансированность уровня доходов и уровня потребления приводит к деформации интересов, как в сфере потребления, так и в сфере труда, ценностной переориентации молодежи. Неоднозначным последствием подобной ситуации является уход молодежи из сферы материального производства в сферу распределения и обращения. За последние годы численность молодых людей, включенных в эту сферу, увеличилась многократно. Опасность видится не только в пагубных последствиях ухода молодой рабочей силы из основных отраслей производства, но и в моральных издержках. Рынок труда характеризуется значительным переливом рабочей силы в непроизводственный негосударственный сектор экономики. Перемещаясь в сферу на должности, не требующие серьезных профессиональных знаний, молодые люди рискуют своим будущим благосостоянием, не обеспечивая накопление интеллектуальной собственности - профессионализма. Это подтверждается и данными других социологов[3,4].

Неустойчивость положения в трудовой сфере активирует досуговую

деятельность: ее современные формы явились результатом бурного распространения в молодежной среде западной постиндустриальной субкультуры, не имеющей в наших условиях противовеса в виде подлинно рациональной хорошо организованной эффективной экономики. В итоге Россия оказалась впереди планеты всей по количеству казино, ночных баров и прочих увеселительных заведений, взвалив, по существу, содержание дорогостоящей индустрии досуга на плечи молодежи. Видимо этим объясняется тот факт, что лишь 23% молодежи в ходе интервьюирования указали на статусную значимость работы. Тем самым обуславливается постоянное отсутствие единых твердых жизненных образцов поведения молодежи, что провоцирует не просто изменение, но и различные девиации среди молодежи.

Понимание природы качественных характеристик молодежи непосредственно связано с объективными противоречиями, которые являются источником ее развития. Молодежь не является само развивающейся системой. Будучи частью общества, она включена во все многообразие его связей и отношений. Вместе с тем ей присущи специфические общественные функции - воспроизводственная, трансляционная, инновационная. Выделение молодежи в качестве относительно самостоятельной общности связывается, прежде всего, с воспроизводственной функцией не только в сфере труда, но и в сфере социального воспроизводства. Так общая потребность в воспроизводстве человека применительно к молодежи трансформируется в устойчивую доминирующую потребность в поиске партнеров для совместной жизни. Именно поэтому по результатам опроса важной ценностью, намного превосходящей многие другие, стала любовь. В тоже время важность семьи оценивается молодежью ниже, и занимает в общем рейтинге 4 место, что подтверждается результатами обоих исследований. Молодежь, как выяснилось из опроса, считает, что для создания своей семьи им необходимы взаимная любовь (82% опрошенных), материальный достаток (81%), помощь родителей (80%), наличие хорошего жилья (78%), помощь государства (76%), завершение образования (72%). Причем подавляющее большинство (71%) хотели бы завести двоих детей, 20% - одного, 7% - троих, 2%- вообще не предполагает наличие детей в семье. В целом же эти позиции говорят о важности, но неосознанности молодежью своей воспроизводственной функции в обществе, недостаточной сформированности у нее ориентаций на создание семьи. Это подтверждается и данными других социологов [5]. В полной мере это, как показал наш опрос, относится и к значимости секса, который по представлениям молодежи тесно связан с любовью (это отметили 45% девушек и 28% юношей), с удовлетворением физиологических потребностей (46% юношей и 20 % девушек), но не с созданием семьи. При этом 46% девушек отметили, что первый половой контакт произошел «по принуждению». Вместе с тем при создании своей будущей семьи большинство девушек (70% опрошенных) хотели бы, чтобы будущий муж

имел добрачный сексуальный опыт. Большинство юношей (54% опрошенных) не хотели бы такого опыта для своей будущей жены. Видимо это свидетельствует о сохранении среди молодежи позиций двойного стандарта, явном снижении роли запретов в данной области, низкого уровня репродуктивных ориентаций на семью.

Кризисные явления, затронувшие обе стороны процесса становления молодежи, как в сфере производства жизненных средств, так и в воспроизводстве собственных духовных и физических сил, полностью разбалансировали этот процесс. Сегодня в самом общем виде оказалось нарушенным соответствие двух разнообразий - социального и психовозрастного. Сегодня между биологической и эмоциональной зрелостью существует гораздо больший временной разрыв между более ранним половым созреванием и запаздывающим созреванием на эмоциональном, интеллектуальном и, особенно, социальном уровне. Это противоречие резко снижает их адаптивные возможности. Поэтому не случайно молодежный возраст всегда трактуется как переходный, критический, когда индивид отличается повышенной сензитивностью (чувствительностью) к каким-то вполне определенным внешним или внутренним факторам, воздействие которых имеет особенно важные, необратимые последствия.

В случае возникновения проблем молодые люди, как показали результаты исследования, полагаются в основном на себя или на друзей. Наиболее частым был ответ о самостоятельном решении своих проблем (в случае «несчастной любви» - 32% опрошенных, в случае конфликтов с родителями, друзьями, при сложности с учебой - 28%, в случае вымогательства - 16%). Молодые люди не склонны надеяться на государство (2%), родителей (5%), доверять специалистам (даже в случае наркотической зависимости - 6%), правоохранительным органам (менее 2%), даже если они стали жертвой преступления (только 15,8% обращаются в милицию, суд). Среди тех, у кого уже возникали сложные жизненные ситуации, 37% нашли помощь у друга, 27% решили проблему сами, 19% нашли помощь у матери (чаще всего это связано с беременностью), 4% -у отца и почти столько же - у специалиста. Это свидетельствует с одной стороны о стремлении молодежи к самостоятельности, а с другой - объясняет, почему «друзья» как ценность в общем рейтинге значимости оказалась на 3 месте, уступив только «здоровью» и «любви».

Если детализировать специфику молодежных норм то, как показал наш анализ, молодежь самым важным для себя считает целеустремленность (на это указали 58% опрошенных). Следует однако отметить, что у молодежи данное качество целеустремленности лишь у каждого четвертого респондента сочетается с понятием ответственности, а у каждого третьего - с бесцельностью, безалаберностью (других), что свидетельствует о неоднозначности, противоречивости молодежных самооценок.

Среди личностных норм выявляются в основном различия межу собой в оценке их значимости для себя. Так, значимость духовности, ответственности, взаимопомощи, доброты, честности, доброжелательности, добропорядочности, бескорыстия, самоотверженности, патриотизма прямо коррелируют с возрастом молодежи. Иными словами, чем человек старше, тем выше он ценит данные качества. Молодежь теряет чувство Родины. Она гордится победой в Великой Отечественной войне, историей страны, культурным наследием, но сознает, что в мировом сообществе место России одно из последних, демократические преобразования в стране не дают желаемых результатов, а мощь Вооруженных Сил нельзя назвать мощью. В тоже время инициативность, личная свобода выбора, самостоятельность находятся в обратной взаимосвязи с возрастом. Это относится и к отрицательным самохарактеристикам (жестокость, безнравственность, эгоистичность и пр.).

Аналогичная ситуация сложилась и в блоке коммуникативных ценностей, когда степень значимости открытости, общительности, дружелюбия, взаимопонимания, хороших манер с возрастом растет, а степень отрицательных самооценок (отсутствие своего мнения, агрессивность, нелюдимость, недружелюбие) - падает. В нашей стране сегодня, для молодежи, тенденция непосредственного коммуникативного взаимодействии заменяется ориентацией на увеличение автономности личности, которая нередко превращается в отчужденность и опосредованную коммуникативность (мобильный телефон, интернет-сети). Интересно, что отличия четко проявились в самооценках значимости характеристик жизненных ценностей по линии эмоционального состояния. Так, пессимизм, пассивность обнаруживают прямую связь с возрастом, а оптимизм, активность - обратную.

Опрос показал, что к группе десяти наиболее значимых для молодежи можно отнести ценности, упоминавшиеся наибольшим числом респондентов: трудолюбие (96%), деньги (85%), образованность (74%), нравственность, духовность (67%), ответственность (83%), целеустремленность, уверенность в себе (63%), стабильность социальных гарантий (63%), предприимчивость, умение зарабатывать (47%), взаимопомощь (47%), доброта (47%). Эти базовые ценности разделяются большинством респондентов, следовательно они оказываю наибольшее преемственное влияние на их поведение, и могут рассматриваться в качестве одной из составляющих межпоколенческой интеграции общества. Менее значимая группа ценностей включает: честность, порядочность (46%), энергичность (46%), стремление к равенству (46%), доброжелательность (46%), профессионализм (44%), законопослушность (43%), уважительность (40%) добропорядочность, хорошие манеры (40%), инициативность (39%), индивидуализм (39%). Данные ценности не входят в ценностное ядро общественного сознания, а образуют его

промежуточный слой (отсюда условное обозначение - «промежуточные»). Показательно, что среди данных ценностей много крайне неоднозначных, содержание и смысл которых по разному понимается и оценивается молодежью. На периферии значимости сегодня находятся такие ценности, как коллективизм (39%), жесткость (36%), бескорыстие (36%), свобода выбора (35%), самоотверженность (33%), экономность (31%), принципиальность (31%), релятивизм, взаимопонимание (24%), патриотизм (19%), рациональность (15%). Они разделяет меньшая часть опрошенных, следовательно они пользуются меньшим влиянием (более пассивны). Поскольку указанные ценности вытеснены на периферию общественного сознания, они получили название "периферических".

Из результатов исследования видно, что, например, ценность труда (трудолюбие), образования будучи сильными доминантами, сохраняет свою значимость для всех респондентов. Но чем моложе человек, тем менее значимыми (хотя и в различной степени) становятся для него эти нормы. В то же время значимость целеустремленности обратно коррелирует с возрастной характеристикой. Меньший процент упоминаний данных норм применительно к себе и значительный их разброс показывает нормативную нестабильность, изменчивость молодежи. Можно предположить, что различия внутри молодежи большие, чем ее отличия от взрослых, что проявилось в ее жизненном самоопределении. Причем данная ситуация характерна не только для доминирующих ценностей, но и для всего спектра, демонстрирующего низкую нормативность и высокую степень вариативности молодежи. Это, видимо, связано с тем, что ее представления о морали, праве в силу целого ряда причин, в том числе и юного возраста, находятся на вербальном уровне, не стали еще осознанными, тем более автоматическими регуляторами их поведения.

Комплексный анализ показал, спецификой статусно-ценностных ориентаций молодежи в современных российских условиях является утилитаризм, неопределенность и селективная преемственность со статусом родителей («парентократией»), и неравнозначность различных статусных признаков: низкая ориентация на работу, профессиональную деятельность, размытость и неопределенность установок на доход, высокая ориентация на образование, создание семьи, поддержание здоровья. Другой особенностью ценностных ориентаций молодежи является нестабильность ее нормативно- ценностных структур. Среди личностных ценностей выявляются в основном различия в оценке их значимости для себя. Так, значимость духовности, ответственности, взаимопомощи, доброты, честности, доброжелательности, добропорядочности, бескорыстия, самоотверженности, патриотизма прямо коррелирует с возрастом. В тоже время инициативность, личная свобода выбора, самостоятельность находятся в обратной взаимосвязи с возрастом. Это относится и к отрицательным самохарактеристикам (жестокость,

безнравственность, эгоистичность и пр.). Для молодежи доминирующим является - индивидуализм (каждый третий молодой человек). В молодежи активно проявляется ориентация на активно индивидуалистический тип стратегии, готовность принимать безличные, функциональные отношения и искать правила, их регулирующие.

Список литературы

1.Устьянцев В.Б., Орлов О.М., Аникин Д.А., Федин Д.С. Институциализация и ценностные ориентации молодежи в обществе риска /Под ред. М.О. Орлова. Саратов: Изд-во Саратовского университета. 2010.112 с. С.35-47.

2. Региональные трансформации: социологический мониторинг: Аксеологические аспекты формирования профессионально-трудовых стратегий молодежи. - Информационный бюллетень Вып. (1-2) (11-12) / Под ред. Н.В. Шахматовой . -. Изд-во Сарат. ун-та. 2010.- 90 с. С.3-5.

3. Голенкова З Т, Игитханян Е Д. Социально-политические аспекты трудовой занятости рабочих // Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие [Электронный ресурс] : Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса / РОС, ИС РАН, АН РБ, ИСППИ. - М.: РОС, 2012. - 1 CD ROM. - URL: http://www.isras.ru/files/File/congress2012/part49.pdf. - С. 7028-7030.

4. Сафиуллина Ф.Р. Гендерные особенности формирования профессиональных компетенций в рамках трудовой занятости / Ф.Р. Сафиуллина // Вестник экономики, права, социологии. - 2013. - №1. - С. 226-229

5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010, 592 с.

УДК 002:1: 316

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМИ В СЕТЕВОМ ОБЩЕСТВЕ

М.В. Усова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: mashyliapags@mail.ru

В статье рассмотрены внутренние особенности существования СМИ как организаций определенной структуры и формы. Показано, что эти формы задают рамки и границы, «организационный масштаб» деятельности СМИ. Рассмотрены парадигмальные причины недостаточного внимания к этим рамкам и границам. Предложено осуществить переход от индивидуалистического истолкования коммуникаций к институциональной модели. Показано, что учет специфических социальных и ценностных характеристик средств коммуникаций особенно важен для организаций сетевой формы.

Ключевые слова: средства коммуникации, организация, ценности, сетевые структуры.

Institutional aspects of mass media activity in network society

M.V. Usova

In article internal features of existence of mass media as organizations of a certain structure and form are considered. It is shown that these forms set a framework and borders, "the organizational scale" activity of mass media. The paradigmalny reasons of insufficient attention to this framework and borders are considered. It is offered to carry out transition from individualistic interpretation of communications to institutional model. It is shown that the accounting of specific social and valuable characteristics of means of communications is especially important for the organizations of a network form.

Key words: Mass Media , organization, values, network structures.

Институциональные аспекты, вопросы внутренней структуры и организации медиасредств вплоть до настоящего времени исследуется недостаточно. Хотя для эффективности средств коммуникации большое значение имеют внутренние особенности существования СМИ в форме организаций, а также экономические условия, в которых эти организации находятся.

В данной статье мы ставим целью показать, что институциональный аспект существования средств массовой коммуникации, анализ особенностей их организационных форм важны для социально-философской оценки бытования СМИ в сетевом обществе.

Наша гипотеза состоит в том, что институциональные формы, организация и структура средств коммуникации в значительной степени задают рамки и границы действий, внутри которых осуществляется их использование для достижения экономических, социальных, политических, культурных и иных целей общества.

Как показано с работе Jarren O.,Donges P. [1,С 150-151], организационный «масштаб» деятельности СМИ учитывается в недостаточной мере по двум причинам. *Первая* из них состоит в том, что в области понимания и описания СМИ часто господствует личностный, *индивидуалистский* подход, когда журналисты и другие сотрудники СМИ рассматриваются и воспринимаются как индивидуально действующие лица. Этому способствует и определённый имидж сотрудников СМИ, среди которых много ярких, одаренных фигур, часто ведущих собственные передачи, колонки, блоги и т.д.

При этом институциональные факторы, определяющие их действия, такие как принадлежность редакции, обязанность следовать редакционной политике и программе, выполнять служебные организационные задания, разделять организационные ценности, выраженные в миссии, сложившихся нормах, эталонах, образцах работы, остаются чаще всего без должного внимания.

Вторая причина недостаточного внимания к структурным и

организационным масштабам в СМИ связана с господством *«микроаналитических» парадигм.* Так, из ведущих коммуникационных моделей особо выделяют парную или индивидуальную коммуникацию, когда коммуникатор готовит информацию и сообщает ее публике с помощью имеющихся технических средств коммуникации.

Между тем, коммуникатор – это человек, интегрированный в редакцию в качестве носителя определенной социальной роли. Иначе говоря, коммуникатор – это коллектив, являющийся, в свою очередь, частью определенного «предприятия», которое в свою очередь, является составной частью структуры СМИ как определенной корпорации.

Поэтому в современной коммуникационной модели необходимо перейти от индивидуалистического и микроаналитического подхода к подходу *организационному и институциональному*. Мы можем так же охарактеризовать этот новый подход как *корпоративный.* Это не означает, что микроаналитический подход должен быть отброшен. В современной методологии более приемлем принцип «микста», т.е. рефлексивно контролируемого сочетания этих подходов.

В корпоративной коммуникационной модели средство коммуникации – это организация, даже если она рассматривается лишь как фактор, влияющий на процесс коммуникации. Корпоративный (промышленный) способ производства в медиасфере следует считать основным принципом и он должен быть в достаточной мере исследован в социально-философских концепциях.

Вопросы организации, институциональных форм коммуникации все чаще изучаются в сфере журналистики, организаций сетевых средств коммуникации, в исследованиях PR [2]. Если этими вопросами пренебречь, то это может стать причиной многих организационных рисков и конфликтов в сфере массовых коммуникаций.

Понятие «средства коммуникации», хотя и часто употребляется, зачастую определяется неясно, особенно тогда, когда говорится о «новых средствах коммуникации», прежде всего имея при этом в виду только лишь новые технические пути реализации.

Часто, когда говорят о средстве коммуникации, в центр внимания ставят материальные или технические аспекты, и меньше внимания уделяют специфическим *социальным характеристикам средств коммуникации***.** Но средства коммуникации стали значимым предметом исследования только благодаря своей социальной форме, своему организационному существованию и вытекающим отсюда предпосылкам и следствиям (возможности действовать, содержательным формам коммуникации, её законности и результативности).

Средства коммуникации следует понимать не только как технические средства или как посредника. Коммуникативная практика указывает на *двойную природу средств коммуникации*. Успех определяет только общая сумма, сочетание коммуникативно-технического и социального

потенциала средств коммуникации Коммуникативные техники, как и любые другие, сами по себе нужно рассматривать скорее как нейтральные. Только через свою институционализацию, то есть через выбранную форму организации и через связанные с этим правовые, экономические и культурные правила, нормы, эталоны средства коммуникации обретают ценность [3, С. 96-105].

Средства коммуникации – это институциализированные комплексные системы коммуникативных каналов со специфическими ценностями, ресурсами и потенциалом сотрудников. Поэтому их необходимо рассматривать с четырех точек зрения:

1) как коммуникативные каналы и своеобразные «транспортные системы»;

2) как комплексные организации, включенные в разделение труда и дистрибъюцию и альянсы;

3) как корпоративные институты, создающие, накапливающие и транслирующие определенный социальный, информационный и коммуникативный опыт;

4) как систему культурных норм и правил коммуникации для стабилизации или дестабилизации современного общества.

В широком понимании организации – это социальные образования, имеющие определенные цели и соответствующий срок жизни. Действия в них осуществляются целенаправленно и, как правило, по принципу разделения труда. Организации как социальные институты могут быть исследованы с использованием методологически и методических средств таких областей знания как теория организации, менеджмент организаций, проектирования организаций. Их можно описать как социальные институты, которые производят специфические услуги и в которых действуют определенные правила, нормы, эталоны и ценности [4, С.47-56].

В этом ракурсе развитие и изменение медиаструктур и медиа организаций можно описать не только теоретически, но и эмпирически, в том числе в режиме организационного аудита и консалтинга. Важно подчеркнуть, что могут быть исследованы и присущие этим структурам патологии как зоны организационного риска [5, С.90-104].

Организации как институциональные формы характеризуются рядом сущностных признаков. Часть их мы уже упоминали выше. Опираясь на это описание, мы выделим в этих признаках *императивные* моменты, которые должны пониматься как рамки и границы действий сотрудников и организации в целом.

1.Формулирование определенных целей, осознанная и устойчивая ориентация на их достижение. Это предполагает наличие организованного и, главное, признанного сотрудниками порядка и структуры компетенций, путей коммуникации и решений, наличие определенных инструкций, даже директив и их выполнение.

2. Действия и доступные ресурсы выделяются и координируются

таким образом, что достижение длительных целей гарантируются.

3. В организации существует определенная структура как устойчивое единство относительно долговременных и действенных социальных связей. Они делают возможными и ограничивают индивидуальные действия, как и возможности действий отдельной организации.

4. Организационные структуры не являются прямым принуждение, поскольку конструируются людьми, однако они являются определёнными рамками и границами, поэтому структуру следует трактовать как «ограничение», как достаточно строгую канализацию коммуникативных действий.

5.При анализе структур организации недостаточно выделить входящие в её состав элементы, важно выявить их и их соподчинение, рекурсивность и целостность, достигаемый при этом кооперативный или синергетический эффект, ценностное самоопределение и идентичность.

Все организации, выполняющие коммуникативные задания и относящиеся к СМИ, являются специализированными, однако могут быть объединены в типы, между которыми устанавливаются устойчивые отношения и складываются ролевые, интерактивные, коммуникативные и ценностные структуры и отношения.

Эти структуры образуют межорганизационные объединения, где возникают специальные формы решения общих проблем, профессионального языка, кода, корпоративной культуры и др. Как известно, необходимость и «легкость» создания симбиозов, альянсов, сервисных организаций является характерной чертой современного социума.

Таким именно образом возникают имеющие систематический характер *сетевые институциональные структуры. К их числу относятся и м*едиаструктуры, которые следует рассматривать как нацеленные на определенную продолжительность ансамбли организаций, имеющие специфические ценности, нормы и способы взаимодействия [6, С.138-142]. Являясь *интерактивными образцами*, закрепленными в пространственно-временном отношении, они которые могут быть исследованы с социально-философских позиций как институциональные субъекты, актанты социума.

Институциональные формы СМИ не следует понимать как закрытые образования, напротив, важно фиксировать известную нечеткость границ между ними. Степень их системности может варьироваться в довольно широких пределах, что и позволило, не нарушая принципа системности, отнести к социальным системам и *социальные сети как средство массовой коммуникации. Более того, возникновение сетевых организаций позволило маркировать современно общество как сетевое.*

Разумеется, социальные сети с точки зрения классического понимания социальных систем достаточно экзотичны. Сети указывают на то, что для современного общества характерен процесс бурной институциональной дифференциации, охватывающий и СМИ. Им не без оснований

приписываются такие черты как свобода от центра, открытость, динамичность, виртуальность, особый баланс собирания и исключения, сжатие времени («вневременное время»), переход от логики команд к логике «узлов», пострациональность, демассификация, постоянная деконструкция и реконструкция связей [7,С.61-75]. Отчасти поэтому для обобщенной характеристики современного социума употребляется аббревиатура «VUCA». Мы живем в Мире «VUCA» – нестабильном, неопределенном, сложном и неоднозначном (volatility, uncertainty, complexity и ambiguity).

Однако следует подчеркнуть, что при любой степени открытости и гибкости, социальные сети как организация являются системой действий, задающих нормы и, соответственно, создающих границы и рамки. Просто эти границы удается отодвинуть и существенным образом замаскировать, сделав незаметными для «действующих лиц».

Субъекты социального действия могут изменить и эти «новые» рамки, однако само это изменение подчиняется принципу рекурсивности или самоподобия. Это обеспечивает для всех актантов определенный уровень предсказуемости, планируемости и надежности социальной реальности.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что современные организации имеют функцию *«перепоручения» и «освобождения»,* когда определенные социальные задачи делегируются ею другим организациям. Особенно эта тенденция характерна для сетевого общества. Однако, посредством форм «перепоручения» организации задают и *правила действий*, тем самым *ограничивая других*. Они выступают как актанты социума, как самостоятельная социальная система с определёнными идеологемами, ценностями, правилами стратегирования, принятия решений, Например, законом РФ «О средствах массовой информации» от 27.12.1991 N 2124-1 установлено, какие результаты от них ожидаются (передача информации, образовательная задача, требование к эффективности и т.д.)

Организации всегда проявляют определенные формы *иерархии* с вертикальным и горизонтальным разделением задач и полномочий. Иерархия поддерживается формальной структурой, вследствие чего действия членов организации «соответствуют» миссии и целям организации. Поэтому в глобальной сети кто-то оказывается «юзером», кто-то «продвинутым пользователем», а кто-то – «держателем ключей»[8]. Степень формального регулирования может быть различной, но она всегда есть. В этом смысле социальные сети могут рассматриваться как часть глобального активного мультимедийного предприятия с очень большим числом организационных единиц. Иной, «микроаналитический» взгляд на социальные сети как средства коммуникации, рассматривающий их в парадигме «индивидуализма» как системы без границ и рамок, является рискованным.

Список литературы

1. Jarren O., Donges P.. Politische Kommunikation in der Mediengesellschaft. Wiesbaden, 2006 .381s.
2. Больц Н. 2011 Азбука медиа /Перевод с немецкого Л. Ионина и А.Черных – М.:Издательство «Европа», 2011. 136с
3. Ким М.А. Ценностные основания сетевого общества //Треугольник сетевого общества. Наука, производство, коммерция. Колл. моногр. под редакцией В.Л. Голоскова. М. Изд-во ГУ Минфина России. 2012. - 186 с.
4. Морган Г. Парадигмы, метафоры и решение задач в теории организации/ Российский журнал менеджмента, Том 5, №4, 2007, С.47-56
5. Фокина Т.П., Прошунин П.И. Организации: норма и патология // Философия здоровья /колл моногр под ред. В.В. Афанасьевой. Саратов, Изд-во СГУ, 2012. С. 90-104.
6. Шугайло И.В. Актуальность медиафилософии, или вопрос о новом понимании реальности. Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2013. №2(14). С.138 – 142
7. Назарчук А.В. Сетевое общество и его философское осмысление// Вопросы философии, № 7, 2008, С. 61-75.
8. Касенова М.Б., Демидов О.В. Кибербезопасность и управление интернетом: документы и материалы для российских регуляторов и экспертов. Отв. ред. М.Б. Касенова; сост. – М.: Статут, 2013. – 463 с.

Раздел 9
ЧЕЛОВЕК, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

УДК 368.11(470.44)(09)

СТРАХОВАНИЕ ОТ ОГНЯ В ГОРОДАХ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Л.Г. Адамова, Ю.А. Сафронов
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
Саратовское историко-краеведческое общество, Россия
E-mail: adamovalg@mail.ru, yas51@bk.ru

В статье рассматривается состояние страхования от огня в городах Саратовской губернии в последней четверти XIX — начале XX вв. Его место и роль в системе противопожарной безопасности. Дается характеристи видов страховых организаций, действовавших на данной территории. Анализируется деятельность городских обществ взаимного страхования от огня.

Ключевые слова: страхование от огня, страховое дело, история страховых общест.

The fire insurance in the cities of Saratov province in the last quarter of XIX – the beginning of the XX centuries

L.G. Adamova, Y.A. Safronov

This article discusses the state of the fire insurance cities of Saratov province in the last quarter of XIX — the beginning of the XX centuries. Its place and role in the system of fire safety. Gives the characteristic of types of insurance companies operating in this territory. The activity of city societies of a mutual insurance from fire is analyzed.

Key words: fire insurance, insurance,insurance companies history.

Страховое дело в России начало свое развитие именно со страхования от огня. Этот факт объясняется большой горимостью «соломенной» Руси. Огромные убытки, наносимые этим бедствием, пагубно отражались на экономической жизни государства и заставляли задумываться о механизмах их ликвидации. Первые попытки создания страховых организаций в империи относятся к правлению Екатерины II, но этот опыт оказался не вполне удачным. Событием, заложившим основы страхового дела в России, стало учреждение 27 июня 1827 года Первого Российского страхового общества [1, С.551—557]. Оно было создано для

«успешнейшего распространения полезных предприятий, промыслов и торговли» на акционерной основе [1, С. 634].

На территории саратовской губернии в дореволюционный период действовали страховые организации разных видов. Среди них были и акционерные общества, и городские общества взаимного от огня страхование, и учреждения взаимного земского страхования.

Акционерные общества действовали через свою агентурную сеть. Саратовская губерния была включена в район деятельности, утвержденного в 1835 году, Второго страхового от огня общества. После ликвидации монополии на рынке страхования, своих агентов в саратовской губернии имели: Первое Российское страховое от огня общество[2] «Саламандра», Коммерческое страховое общество[3], «Русское страховое общество», «Северное» страховое общество, страховое общество «Якорь»[4]. Агентами акционерных обществ в Саратовской губернии являлись достаточно известные общественные деятели того времени [5,6, С. 3 — 4]. Агентами товарищества «Саламандра» в разное время были саратовский городской архитектор А.М. Салько, кандидат прав, домоаладелец Л.И. Пташкин, революционер М.Т. Елизаров. Главным агентом «Русского страхового общества» в начале XX в. являлся И.С. Пушкарный известный общественный деятель. Общество «Русский Ллойд» и Второе Российское страховое от огня общество в Саратове представлял директор Саратовского городского общественного банка Никитин Х.Ф.

К сожалению, информация о деятельности акционерных компаний на территории Саратовской губернии сохранилась достаточно фрагментарно. В сложившейся ситуации крайне важным для нас вещественным источником по этому вопросу становятся досоки страховых обществ, которые выдавались вместе с полисом и крепились на фасад здания. Огромную работу в этом направлении провел коллекционер К.М. Иванаев [7]. Основываясь на собранной им коллекции, можно получить представление о том, какие страховые общества работали в городах Саратовской губернии в расматриваемый нами период. В Петровске им была обнаружена доска страхового общества «Якорь». В Вольске работали такие организации как: «Саламандра», «Русское страховое от огня общество», в Балашове — «Северное» страховое общество и «Россия», в Аткарске — «Российское транспортное и страховое общество».

Учреждения взаимного земского страхования в основном действовали в сельской местности по обязательному страхованию от огня. В городах эти организации работали на принципах добровольного страхования и занимали небольшой долю рынка, в основном в уездных городах. Саратовская губерния не стала в этом правиле исключением.

Другой формой организации страхования были городские общества взаимного от огня страхования, которые начали возникать и развиваться в 60-х гг. XIX века. Появление таких обществ благотворно сказалось на развитие и распространение страхования в стране. Положительные

стороны взаимного городского страхования заключались в следующем: во-первых, оно давало возможность страховать имущество по более низкой цене, чем в акционерных обществах, что делало страхование более доступным для обывателей; во-вторых участие во взаимном страховании в течении нескольких лет освобождало владельцев от дальнейших взносов, сохраняя при этом право на возмещение пожарных убытков. Также появление обществ взаимного страхования в определенной степени улучшало ситуацию в городах в пожарном отношении, делая страхователей более заинтересованными в охране своего имущества от огня, исправном содержании труб и печей и в учреждении добровольных пожарных команд. Подтверждением этому может служить тот факт, что именно председатель Саратовского взаимного от огня общества Паули был выступал с инициативой о учреждении в Саратове добровольной пожарной дружины.

Первое взаимное страховое от огня общество в Саратовской губернии было организовано в самом губернском городе. На общем собрании домовладельцев 24 сентября 1865 года было принято решение о создании комиссии, в задачу которой входило определение целесообразности учреждения взаимного страхового общества в Саратове. В результате было установлено, что пожарные убытки по Саратову за предыдущее десятилетие в среднем не превышают 27 тысяч рублей в год, имущество желающих принять участие во взаимном страховании на тот момент составляло более 4 миллиона 500 тысяч рублей [8, С. 4 — 5]. Эти данные говорили в пользу открытия общества. На общем собрании домовладельцев 9 декабря 1866 года был рассмотрен и принят проект его устава Саратовского взаимного страхового от огня общества, разработанного членами упомянутой ранее комиссии. Устав был утвержден с некоторой редакцией министром внутренних дел Валуевым 7 декабря 1867 года. 13 марта 1868 года состоялось предварительное собрание домовладельцев, изъявивших желание участвовать в этой организации, на котором были выбрано Правление и Наблюдательный комитет общества. Однако свои действия общество не открывало вплоть до 1876 года, что скорее всего связано с неактивной позицией правления, а также с соблюдением § 3 устава, в котором определяются условия при которых данная организация может начать сою работу[9, С. 2]. При активном участие городского головы А.И. Недошивина работа по открытию общества вновь возобновляются[10, С. 5], 23 апреля 1876 года созывается общее собрание домовладельцев, на котором было вновь избрано правление и другие должностные лица, а 1 мая этого же года общество начало свою деятельность. Необходимо отметить, что устав Саратовского взаимного страхового от огня общества была утвержден в числе первых в стране, однако, из-за ряда субъективных причин данная организация начала работу лишь с середины 70-х гг.

Основным уставным документом для регулирования работы страхового общества является его устав. Рассмотрим основные положения

«Устава Саратовского общества взаимного от огня страхования недвижимых имуществ». Главной целью данной организации являлось «обеспечение домовладельцев г. Саратова от пожарных убытков»[11, С. 1]. Членами общества становись лица, застраховавшие в нем свое имущество, которые при исправном внесении страховых премий [Страховая премия — взносы лиц, страхующих свои ценности, которые являются источником для возмещения ущерба при наступлении страхового случая. 12, С. 97] приобретали право на вознаграждении всех пожарных убытков [9, С. 2]. Страховая премия должна была вноситься за год вперед, а в случае, если данная оплата в указанный срок не была произведена, договор страхования расторгается.

Страхованию в данном обществе принималось имущество, находящееся в черте Саратова. Размер страховой премии определялся особыми нормальными табелями, утвержденными собранием страхователей [9, С. 14].

Имущество в данной организации страховалось следующем порядком. Желающий застраховать свое имущество человек обращается к правлению общества с писменным заявлением, к которому долна быть приложена подробная опись имущества. Получив заявление, правление посылает трех оценщиков, в том числе и архитектора, для проведения собственной оценки указанного имущества и составления на ее основании описи. Застрахование считалось действительным с двенадцати часов того дня, когда была внесена страховая премия и был получен страховой полис [9, С. 16].

Глава шестая, Устава Саратовского общества взаимного от огня страхования подробнейшим образом описывает все механизмы и правила страхового вознаграждения[Страховое вознаграждение — сумма, возмещающая застрахованное имущество. 12, С. 97]. Общество покрывало все как убытки причиненные пожаром, так и повреждения, нанесенные во время его тушения.

С первых лет существования саратовское общество страхования от огня действовало достаточно успешно. В своем первом отчете перед общим собранием правление отмечает, что успех организации превзошел ожидания. За один год и восемь месяцев запасной капитал общества составил более сорока семи тысяч рублей. Становится ясно, что этот показатель весьма внушителен, если для сравнения привести показатели обществ взаимного страхования от огня в других городах. Например взаимное страховое от огня общество в Санкт-Петербурге за двухлетний срок своего существования в запасной капитал зачислило 56309 рублей, запасной капитал тульского общества за такой же срок составил 22730 рублей, в Харькове — 23861 рубль, в Полтаве — 15274 рубля[8, С. 6 — 8].

К первым достижениям данной организации можно отнести и понижение на 20% существовавшие во всех страховых акционерных обществах премий, что несомненно сделало страхование доступным для большего числа обывателей.

Как видно из названия общества в начале своей деятельности оно производило страхование только недвижимости, однако, не исключалась возможность страхования движимого имущества на основании решения общества[9, С. 1]. Операции такого рода начали производиться с 1890 года, что видно из финансового отчета и свидетельствует о расширении интересов и деятельности общества. Но необходимо отметить, что по объему страхование движимого имущества значительно уступало страхованию недвижимости. В 1890 году страховая сумма по недвижимости составляла 8768832 рубля, тогда как сумма по движимому имуществу определялась в 60748 рублей[13, С. 7]. Та же тенденция наблюдается и в отчете за 1915 год: 31494326 рублей, против 1632134 рубля [14, С. 10]. Городское взаимное страхование от огня главным образом охватывало строения, движимость и товары принимали на страх в весьма ограниченном количестве [15, С. 14].

Главным показателем успешного функционирования страхового общества является постоянное увеличение его запасного капитала, что гарантирует выплаты его членам страховки. По данному показателю Саратовское общество взаимного страхования от огня имуществ за период своего существования значительно увеличило эту цифру. Запасной капитал по итогам первого года своего существования составил 24349 рублей, а в отчете за 1915 год в его активе было уже 1828128 рублей. Даже в самые неблагоприятные в пожарном отношении годы наблюдалось увеличение запасного капитала, что говорит о стабильности данного общества. Например, в 1910 году, когда случилось 140 пожаров, и общество уплатило своим членам 74044 р. пожарных убытков по недвижимости и 5793р. с движимого имущества. Чистая прибыль общества за этот год составилf более 33 тыс.р., а запасной капитал 1410013р.

Таким образом, Саратовское общество взаимного страхования от огня имуществ, являясь одной из первых организаций подобного рода в России, достаточно успешно функционировала и могла гарантировать своим клиентам возмещение страховых убытков.

Вторым по времени своего возникновения в губернии стало Вольское взаимное страховое от огня общество, которое начало свою работу с 1904 года. Информацию о его деятельности найти не удалось, однако, факт его существования и достаточно активной деятельности подтверждает большое количество страховых досок этого общества, собранных коллекционером К.М. Иванаевым в Вольске [7].

Царицынское общество взаимного от огня страхования начало работу 1 июля 1906 года[16, Л. 11]. К моменту своего открытия в обществе было зарегистрировано к страхованию 250 зданий на сумму 600т.р [16, Л. 17]. В пожарном отношении 1910 год был неблагоприятным для этого общества. Пожар в местности «Кавказ» причинил убыток в 51197р.70к [17, С. 2]. Данное общество с начала своей деятельности занималось страхованием не только недвижимости, но и движимого имущества. Эта организация

достаточно успешно функционировала, что видно из заявлений наблюдательного комитета о том, что Царицынское городское общественное управление застраховало у них городские здания, тем самым подняло престиж общества и обеспечило приток более ценных частных строений [18, С. 22]. Так же это подтверждает финансовая отчетность. За шесть лет своего существования обществу удалось увеличить свой запасной капитал с 6764 р. 18 к. до 50243 р. 43 к.[19, С. 20 - 21] Этот показатель безусловно свидетельствует о успешной деятельности и финансовой стабильности данной организации. В 1916 году Царицинское взаимное страховое от огня общество открыло отделения в посаде Дубовка, хуторе Ново-Никольский и колонии Сарепта. Расширение района деятельности, также говорит об успешном развитии этой организации.

Балашовское общество взаимного страхования от огня недвижимых имущ еств было открыто в 1909 году. В организации его работы оказывало помощь Балашовское городское управление, которое осуществило бесплатный отвод помещения и застраховало в данном обществе городское имущество [20, С. 6]. Первый год работы оказался счастливым для данной организации – за весь период было всего два пожара на общую сумму убытков в 600р.[21, С. 1] На 1 января 1910 года в обществе состояло 478 члена на сумму риска 1361188 р.[21, С. 2]

Правлением было отмечено, что появление Балашовского общества взаимного страхования заставило акционерные общества, действующие в данном регионе, понизить страховую премию в среднем на 30%, что составило от 15 до 20 тыс.р. в год [21, С. 4].

Балашовское общество взаимного страхования от огня недвижимых имуществ было, как и большинство существовавших в Саратовской губернии организаций подобного рода, достаточно успешным предприятием. Ему удалось увеличить свой запасной капитал с 4224 руб. 23 коп. в 1910 году до 38386 руб. 70 коп. в 1916 году [22]. Количество людей, застраховавших свое имущество в этом обществе за пять лет с 1910 по 1915 увеличилось почти в двое с 478 до 944 членов общества. Если учитывать, что в Балашове в 1914 году по данным статистики насчитывалось 457 каменных и 2489 деревянных здания [23, ведомость № 13], то можно прийти к выводу, что большая часть строений, имеющих высокую материальную ценность, в Балашове была застрахована в этом обществе. Все вышесказанное позволять заключить, что Балашовское общество взаимного страхования от огня недвижимых имуществ достаточно успешно функционировало.

Последними в дореволюционный период городские взаимные страховые от огня общества были учреждены в Кузнецке и Хвалынске. Их уставы были утверждены 2 января 1912 года [24, Л. 1] и 17 июня 1915 года [25, Л. 9] соответственно. Но информация о их деятельности нами не обнаружена, что может косвенно может свидетельствовать о том, что они либо не приступали к своей деятельности, либо не смогли успешно ее проводить.

Таким образом, проанализировав состояние страхового дела в Саратовской губернии в последней четверти XIX — начале XX вв., можно сделать вывод о том, что страхование от огня в саратовской губернии было достаточно развытым. Об этом свидетельствует наличие всех форм страхования, большое количество акционерных страховых обществ, а также успешная деятельность городских обществ взаимного страхования.

Список литературы

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. II. №№ 1202, 1268.
2. Возобновительное свидельство № 1781519. Саратовский областной музей краеведения (СОМК). СМК № 31170.
3. Саратовская земская неделя. №№ 12 — 18, 21. Саратов, 1894.
4. Объявление о деятельности из личной коллекции Сафронова Ю.В.
5. Ю.А. Сафронов Под знаком «Саламандры» // Саратовские Вести, 7 февр., 2006.
6. Ю.А. Сафронов «Огневые метки» в Саратове // Саратовские Вести, 14 февр., 2006.
7. К.М. Иванаев Записки собирателя страховых досок // Атлас страхования. 2008. № 4. http: // www. ininfo.ru/mag/2008/2008-04/2008-04-018 от 14.03.2014.
8. Отчет правления Саратовского общества взаимного от огня страхования за 1878 год. Саратов: Тип. П.С. Феокритова, 1878.
9. Устав Саратовского общества взаимного от огня страхования недвижимых имуществ. Саратов: Типография Феокритова, 1876.
10. Отчет правления Саратовского общества взаимного от огня страхования за 1878 год. Саратов: Тип. П.С. Феокритова, 1878.
11. Устав Саратовского общества взаимного от огня страхования недвижимых имуществ. Саратов: Типография П.С. Феокритова, 1876.
12. А.П. Никольский Основные вопросы страхования. Казань, 1896.
13. Отчет правления Саратовского общества взаимного от огня страхования имуществ за 1890 год. Приложение 2. Саратов: Типография П.С. Феокритова, 1891.
14. Отчет правления Саратовского общества взаимного от огня страхования имуществ за 1915 год. Приложение 2. Саратов: Типография Т-ва Г.Х. Шельгорм и Ко, 1916.
15. И.С. Сигов История и современное положение Акционерного страхования от огня в России // Труды VI международного пожарного конгресса. Т. 2. Вып. 3. Петроград: издание императорского Российского Пожарного Общества, 1915.
16. Государственный архив Саратовской области. (ГАСО) Ф. 2. Оп. 1. Д. 8471.
17. Доклад правления общему собранию страхователей // Отчет Царицынского общества взаимного от огня страхования за 1910 год. Царицын: Типография Н.В. Шешминцева, 1911.
18. Доклад наблюдательного комитета // Отчет Царицынского общества взаимного от огня страхования за 1912 год. Царицын: Типография Н.В. Шешминцева, 1913.
19. Отчет Царицынского общества взаимного страхования за 1912 год. Царицын: Типография Н.В. Шешминцева, 1913.
20. Доклад правления Балашовского общества взаимного страхования от 10.01.1910 // Отчет Балашовского общества взаимного страхования от огня недвижимых имуществ за 1909г. Балашов: Типография Т-ва В. Мартиров, Н. Фролов и Ко, 1910.
21. Доклад общему собранию гг. членов страхователей правления Балашовского общества взаимного страхования // Отчет Балашовского общества взаимного страхования от огня недвижимых имуществ за 1909г. Балашов: Типография Т-ва В. Мартиров, Н. Фролов и Ко, 1910.
22. Отчеты Балашовского общества взаимного страхования от огня в период с 1909

по 1915 годы. Сведения о дальнейшей деятельности общества отсутствуют. Балашов: Типография Т-ва В. Мартиров, Н. Фролов и Ко, 1910 — 1916.
23. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов: Типо-литография Губернского Правления, 1915.
24. ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д. 207.
25. ГАСО. Ф. 176. Оп. 1. Д 459.

УДК 316. 334. 3 (470+571)

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ВЛАСТЬ: ПРОТИВОРЕЧИВОЕ СТАНОВЛЕНИЕ

Л.С. Аникин
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: anikinls@rambler.ru

Статья посвящена анализу становления муниципальной власти, трудностям ее обновления, противоречиям развития и адаптации к реалиям современного российского общества.

Ключевые слова: муниципальная власть, потребности, местное самоуправление, территориальные сообщества, участие в управлении.

Municipal authority: contradictory formation

L.S. Anikin

This article analyzes the formation of municipal authorities, difficulties its updating, contradictions of development and adaptation to the realities of contemporary Russian society.

Key words: municipal authority, needs, local government, territorial communities, participation in management.

Муниципальная власть в современном российском обществе призвана удовлетворять основные насущные потребности населения. При этом на повестку дня все активнее выдвигается проблема сочетаемости различных интересов в рамках муниципальных образований. Известно, что капитализм, в своем классическом выражении, ориентирован в основном на частный интерес, тогда как демократия ориентирована на интерес, главным образом, общественный. В этом противоречии и заключается основная проблема функционирования и развития современного городского муниципалитета. Задача муниципальных властей сегодня, сделать так, чтобы удовлетворялись интересы не только имущих слоев, не только владельцев недвижимости или крупных состояний, но и интересы среднего класса, и интересы малоимущих слоев, в социально- экономической и политической сфере.

Около 80% вопросов жизнеобеспечения населения решается на уровне местной власти. Повседневная жизнь людей зависит не столько от общегосударственных событий, а от событий местных, и потому – от местного самоуправления, направляющего весь ход жизни в округе [1 с.187].

Городской муниципалитет сегодня имеет собственный правовой статус, определяемый организованной совокупностью современных нормативных актов регулирующих жизнь города. И, собственно, решения относительно правил и способов совместного существования людей – в их собственных руках. Однако не стоит забывать и того непреложного факта, что в России местное самоуправление длительное время использовалось только в целях обеспечения интересов государственной власти, поэтому на первом месте, как правило, были интересы государства, а не интересы личности, гражданина.

Активность граждан в решении задач территориального сообщества уже в течение длительного времени остается невысокой. Это связано как с наличием предубеждения, что ничего изменить нельзя, так и с недоверием граждан к власти. Однако, проявляется так же и нежелание муниципальных властей в привлечении населения к обсуждению вопросов местного значения, поскольку, вероятно это воспринимается как «вмешательство» со стороны «несведущего населения» в профессиональную деятельность чиновников. Это с одной стороны, а с другой весьма ощутима тенденция к всеобъемлющему «походу» в местную власть, особенно представительного характера, бизнесменов самого различного уровня. Если на заре «перестройки» они предпочитали покупать различного рода активистов и представителей «народа» для принятия нужных решений, то сегодня они сами идут во власть целыми династиями. Это и дешевле и эффективнее.

Комплекс потребностей жителей территориального сообщества, вытекающий из факта их совместного проживания достаточно весом и широк, это и совместное пользование коммунальными услугами, дорогами, музеями, муниципальными здравницами, услугами муниципальных органов по уборке территорий и т.д. Потребности, обретают статус интересов, но интересы не существуют вне сферы общественных отношений, вне тех лиц, социальных групп и образований, которые выступают их носителями. Они в разной степени ориентированы на социальные отношения, общественные институты, учреждения, от которых зависит распределение различных ценностей, благ и услуг, обеспечивающих удовлетворение различных городских, общественных и личных потребностей.

В современных условиях развития российского общества уже можно говорить о серьезных изменениях в понимании гражданами существа городского муниципалитета. Сегодня местные интересы вполне могут быть учтены и решены силами муниципальных властей. Интересно, что сама идея о необходимости иметь во всех городах определенное место, где

граждане могли бы сообщить о какой – либо нужде и приставленный к этому делу чиновник записал их пожелания, была высказана в средние века известным писателем эпохи возрождения М. Монтенем.[2. с.352].

Повсеместно муниципалитеты принимают непосредственное участие в реализации социальной политики центральных властей и адаптируют ее к местным условиям. При этом социальные программы центра, дополняются социальными программами, осуществляемыми на местном уровне, что существенно компенсирует пробелы в организации социальных программ, реализуемых из центра. Муниципальная власть осуществляет руководство сферой социальных программ, координируют свою деятельность с общественными организациями и частными предприятиями, направляя их деятельность на решение приоритетных, с точки зрения местных сообществ, социальных проблем. Однако так происходит не всегда, чаще мы видим, как местный бизнес продавливает решение собственных задач, за счет общественных. Это свидетельствует об известной социальной оторванности системы муниципального управления от целей, нужд и потребностей людей, от имени которых и в интересах которых и осуществляется муниципальное управление. К сожалению, в настоящее время, запросы населения оказывают существенное влияние на деятельность городского муниципалитета, как правило, только в критических случаях (аварии, высокая социальная напряженность, массовые выступления и др.), а в целом административная логика хозяйственных и социальных решений подчинена внутренним бюрократическим правилам и неформальным отношениям и связям муниципальной «элиты». Все это свидетельствует о том, что само становление муниципальной власти, происходит в чрезвычайно сложном и противоречивом, во многом разбалансированном социально-экономическом, политическом и культурном пространстве. Затянувшийся процесс перехода на новый уровень государственности вызвал беспрецедентное недоверие населения к власти, в результате чего мы в настоящее время наблюдаем крайне низкие интерес и активность граждан к участию в решении проблем территориальных образований.

Одна из важных проблем сегодня обострение отношений между городской и региональной государственной властью: мэрами и губернаторами. Причина в том, что развитие местного самоуправления, по своей сущности, это процесс перераспределения собственности и власти. Не случайно во многих регионах губернская власть искусно изыскивает «правомерные» средства удержать за собой монополию на самодержавное положение, например, устанавливая на региональном уровне показатели для местного самоуправления и увязывая с ними предоставление финансовых ресурсов для муниципалитетов. Существующий разрыв между федеральной и региональной властью с одной стороны и муниципальной власти с другой обусловливает постоянные конфликты, коррупцию, перетягивание и перераспределение полномочий, уход от ответственности, борьбу за бюджеты и субсидии,

Стали очевидными и многие другие препятствия - противоречивость и бессистемность законодательства, регулирующего отношения муниципалитетов с органами государственной (федеральной и региональной) власти; нехватка квалифицированных кадров муниципальных работников и др. Объем ответственности и ресурсы муниципалитетов, не сбалансированы. Отсюда часто неразбериха с полномочиями. Они не только размыты, но и постоянно перекидываются с одного уровня власти на другой. Материально-финансовые проблемы приводят к деформации социально-экономической политики муниципальной власти, диапазон и параметры которой сужаются до масштабов социальной защиты малоимущих граждан, оказания помощи многодетным семьям, попечительства детских учреждений и т. д.

Между тем, смысл социально-экономической политики, по стандартам развитых стран, заключается в накоплении «человеческого капитала» путем эффективных и целенаправленных социальных вложений в личность, ее развитие и адаптацию к условиям современного общества.

Ограниченность возможностей городского муниципалитета в проведении полноценной социально-экономической политики, как показывает опыт ряда больших городов, в определенной мере может быть компенсирована на основе аккумуляции и вовлечения незадействованных трудовых ресурсов муниципального образования в производство пользующихся рыночным спросом товаров и услуг, применении и использовании различных вариантов межмуниципального сотрудничества, привлечении некоммерческого сектора к сотрудничеству с местной властью в решении вопросов местного значения.

Заслуживает внимания и распространения опыт городских муниципалитетов по формированию в местных организациях отношений социального партнерства, стимулирующих инвестиции в социальную инфраструктуру, поощрение с той же целью государственных образовательных, информационных и иных учреждений за расширение, в разумных пределах, платных услуг, а также - меценатства, спонсорства и других источников пополнения специального (внебюджетного) дохода города. Социальное партнерство органов местного управления и некоммерческих организаций, как форма общественного взаимодействия, обладает значительным потенциалом динамичного многостороннего развития, обеспечивает высокий кредит взаимного доверия и общественной инициативы, что повышает социально-политическую стабильность и безопасность в обществе.

В научной литературе многократно отмечалось, что чрезвычайно важным для формирования гражданского общества и правового государства представляется участие населения в местном управлении. Способов и видов такого участия множество, однако, общественная и гражданская активность в решении вопросов местного значения в городах

в основном остается крайне низкой. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, политическая власть на местном уровне давно консолидировалась и монополизировалась, и, практически вся состоит из членов «Единой России» ее сторонников и попутчиков. Это обусловило возникновение тотальной зависимости от нее хозяйствующих субъектов. В свою очередь сложившаяся «клановость» власти, как правило, сопровождается коррупцией, а это, в свою очередь, порождает отчуждение жителей территориального сообщества от местной публичной власти. Во-вторых, слабая социальная культура городского населения, вызванная в значительной степени длительным отчуждением населения от средств массовой информации, выраженная в неосведомленности о своих правах, приводит социальной апатии, убеждению в невозможности повлиять на местные события, как политического, так и социально-экономического характера. Единственная форма активности населения, которая набирает силу в последнее время, выражается в организации различных протестных акций. Однако использование одной лишь протестной формы гражданской активности не способствует плодотворному развитию городского муниципалитета и созданию социально-экономического благополучия граждан. Более того она способствует дальнейшему отчуждению муниципальной власти от жителей территориального сообщества, поскольку, любая протестная акция основана, как правило, на лозунговой активности недовольных и нежеланию слушать аргументы противоположной стороны, а именно муниципальной власти. Вместе с тем местная власть, самая близкая к людям, должна быть устроена так, чтобы любой гражданин мог дотянуться до нее рукой, заявил Президент РФ Владимир Путин [3]. Именно в этом заключается смысл намечаемой реформы местного самоуправления.

В этой связи побуждение жителей к участию в местном самоуправлении чрезвычайно важно и во многом лежит в плоскости организационной и экономической модернизации муниципалитетов. В интересах муниципальной власти донести до людей объективные сведения о возможностях местного самоуправления в рамках самых разных коммуникационных площадок – от образовательных учреждений до средств массовой информации. Ликвидация барьеров между муниципальной властью и населением, создание конструктивного диалога между ними должно стать важным направлением деятельности муниципальных властей.

Разработка и реализация полноценной социально-экономической политики местными властями российских городов сопряжена с трудностями не только материально-финансового и социально-экономического характера. На наш взгляд, важным направлением деятельности органов муниципального управления является разработка программ по увеличению уровня социальной культуры населения, чтобы граждане проявляли общественную активность и интерес к участию в жизни города.

Список литературы

1. См.: Солженицын А. Россия в обвале. М., 1998.
2. Монтень М. Об одном упущении в наших порядках // Опыты. М., 1991.
3. Акопов П. Место реальной власти // Реформа местного самоуправления должна сделать муниципалитеты частью властной вертикали //http://www.vz.ru/politics/2013/12/12/664089.html

УДК 321

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ И СВЯЗАННЫЕ С НИМ РИСКИ

А.И. Бажанова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: anna1_wish@mail.ru

В данной статье рассматривается проблема цивилизационной идентичности в России сегодня. В нем представлены факторы, влияющие на процесс формирования новой национально - цивилизационной идентичности в России. В документе также акцентирует внимание на роли глобализации и отношений России с Европой в процессе идентификации и показывает важность проблемы идентичности.

Ключевые слова: цивилизационная идентичность, глобализация, религии, цивилизации, общества, система ценностей, государства, нации, Европы, культурной самобытности.

The crisis of identity in modern Russia and its associated risks

A.I. Bazhanova

This article considers the problem of civilizational identity in Russia today. It presents the factors that influence the process of formation of a new national - civilizational identity in Russia. The paper also focuses on the role of globalization and of Russia's relations with Europe in the identification process and shows the importance of the issue of identity.

Key words: civilizational identity, globalization, religion, civilization, society, system of values, state, nation, Europe, cultural identity.

В настоящее время цивилизационная идентификация приобретает все большее значение по сравнению с другими направлениями идентичности. Цивилизационная идентичность проявляется у человека тогда, когда возникает необходимость осмыслить какие-либо глобальные события, когда необходимо проанализировать различия или сходства между цивилизациями, народами, людьми, которые приводят к конфликтам или наоборот к мирному сосуществованию. Если в обыденной жизни индивид

идентифицирует себя по половому, профессиональному и другим признакам («активная идентичность»), то вопрос о цивилизационной идентичности возникает тогда, когда возникает необходимость осмысления его собственного места, а также места его общества, страны в цивилизационном многообразии мира. В настоящее время в отечественной философской и научной, публицистической литературе не существует единства мнений по этой проблеме: одни являются сторонниками западной модели развития, считают, что обновление российского общества должно осуществляться по чисто европейским стандартам, другие активно выступают против, против отказа от традиционных ценностей. Глобализация это сильнейшим испытание для национальной и культурной идентичности, основным средством преодоления которого выступают диалог и преемственность культур. Россия имеет большой опыт плюрализма идентичности, т.к. она всегда рассматривалась как мост между Востоком и Западом, страна, соединяющая в себе европейские и азиатские начала, сочетающая славянское единство с формированием этноса славянских, тюркских, угро-финских и других народов. В России имеется сегодня кризис идентичности выражающийся в преобладании осколков самопонимания, не связанных между собой. Идентичность в глобализирующемся мире становится основным дискурсом науки, и религии, и повседневной жизни. В условиях современной России национально-цивилизационная часть идентичности приобретает особое значение по сравнению с другими ее составляющими. Ясно, что без четкой национальной институциональная структура общества не может быть стабильной, а развитие общества – прогрессивным и устойчивым. Особое значение приобрело цивилизационное измерение идентичности, которое всегда играло значительную роль в России. Так как, религия играет важную роль в формировании цивилизационной идентичности, следует вспомнить, что православие в России до 1917 г. было основой российской идентичности как таковой; при этом православие по своим политическим и социокультурным принципам существенно отличалось как от западного католичества и протестантизма, так и от восточных религий - ислама, буддизма, индуизма [1].

После 1917 г. функции религии выполняла официальная коммунистическая идеология, которая претендовала на создание принципиально новой советской цивилизационной общности, отличающейся от всех известных истории цивилизаций. Наконец, не следует забывать, что сама система базовых ценностей, которые традиционно разделяло большинство населения России, существенно отличалась как от западноевропейской системы ценностей, так и от систем ценностей восточных цивилизаций. За распадом СССР неизбежно последовал и крах советской идентичности, которая на протяжении семи десятилетий определяла психологию и массовое сознание подавляющего большинства жителей России [2]. В условиях постсоветской России с ее незавершенной модернизацией идентичности вышла на первый план.

Россия фактически оказалась вынужденной самоопределяться одновременно и как национально-государственное образование, и как цивилизационно - культурное образование. Оба эти процесса протекают достаточно сложно, противоречиво и сопровождаются многочисленными политическими, социальными, этническими, культурными конфликтами как внутри самой России, так и за ее пределами. Чрезвычайно важное воздействие на процессы формирования новой российской национально - цивилизационной идентичности оказывает современная глобализация. Это воздействие является неоднозначным. С одной стороны, глобализация делает относительно прозрачными границы между нациями и государствами. С другой стороны, та же самая глобализация, способствуя сближению и интеграции различных социальных и этнических общностей, усиливает потребность в определении своей культурной и цивилизационной идентичности. Большое воздействие на складывание российской национально - цивилизационной идентичности оказывает развитие и использование информационных технологий, создающее основу «информационного общества». Это воздействие также является сложным и неоднозначным по своим последствиям. Средства массовой информации России, и за ее пределами, включая развитые западные страны, бывают далеки от объективности и истины и часто используются в целях «навязывания» определенного мнения, которое в последствии становится общественным мнением. В результате у многих россиян (так же как и у граждан других стран) формируются искаженные образы и самих себя, и людей других национальностей; это ведет к усилению негативного понимания по отношению к другим которые могут соответствующими жителям определенной местности. В то же время потоки информации и дезинформации, двойные стандарты, стирание границ дозволенного и практическое отсутствие цензуры разрушают внутренний мир человека и те основы солидарности, толерантности и веротерпимости с другими людьми, без которых невозможно формирование гражданского общества, ни складывание устойчивой национально - цивилизационной идентичности. Так же на формирование национально - цивилизационной идентичности в России большое влияние оказывают объединение Европы и продвижение Европейского союза на восток. Появляется вопрос о принадлежности России к Европе[3]. Определенного ответа на настоящий момент по данному вопросу нет. Но определенно доминирует стремление развивать Российско-европейские отношения, такие как экономические, политические и культурные. Евросоюз пока не стремится включить в свой состав Россию, сторожится этого. Наиболее большие препятствия на пути сближения России с Европой лежат не в области географии и даже не в сфере экономики и политики, хотя необходимо заметить, что стандарты эти различны, а прежде всего в области культуры, в ценностях духовных, моральных, культурных [4].

Во-первых, потому, что при наличии некоторых общих исторических корней и традиций, культурная идентичность России резко отличается от

культурной идентичности большинства европейских стран. Во-вторых, с точки зрения культурных традиций и культурного потенциала российское общество по-прежнему очень сильно. Это исключает ассимиляционный вариант - т.е. возможность «растворения» России в Европе. Более того, попытки подобной ассимиляции были бы опасны и для самой Европы, поскольку они несут в себе потенциальную угрозу уменьшения степени интегрированности европейской культурной идентичности. Однако и отказ от сближения с Европой был бы чреват для России усилением «европейского» начала в ее культуре и политической традиции. Тем не менее формирование новой российской национально - цивилизационной идентичности определенно идет в направлении сближения с европейской культурной идентичностью и более тесного взаимодействия с ней. Проблема идентичности и проблема глобализации сегодня наиболее обсуждаемы. Мир изменчив, но при этом сближение народов не ведет к всемирному обществу, и проблема идентичности остро встает перед обществами, так и перед отдельными людьми. Сегодня в России весомость проблемы идентичности равнозначна экономическим проблемам. Люди живут в основном локально, а те, кто ездят за пределы Российской Федерации, особенно в массовом порядке — бизнесмены, туристы, осознают свою идентичность, свое отличие от жителей «другого мира» и находятся в резком внутреннем противоречии относительно того, как на нее реагировать — стремиться избавиться или впасть в национализм. И чаще они делают второе.

Список литературы

1. Кастельс М. Информационная эпоха. Личность, общество, культура. М ., 2000. – С. 14-15.

2. Кончаловский Д.П. «Пути России». Париж: Ymca-Press, 1989.

3. Паин Э. Проблемы самоидентификации россиян: со страной, с регионом, с этнической общностью //Проблемы идентичности: человек и общество на пороге третьего тысячелетия. М., 2003. – С. 5.

4. Федотов Г.П. Лицо России // Вопросы философии, 1990, № 8. – С. 65.15

УДК 930.24

ВОЕННЫЙ РЕФОРМАТОР Д. А. МИЛЮТИН: ИННОВАЦИИ В СФЕРЕ ПОДГОТОВКИ НОВОГО ОФИЦЕРСКОГО КОРПУСА

К.В. Белов

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: belovkv70@mail.ru

Статья посвящена преобразованиям офицерского корпуса военным министром-реформатором Д.А. Милютиным, сферы подготовки командных кадров для российской армии II-ой половины XIX столетия.

Ключевые слова: офицерский корпус, Московское училище колонновожатых, Императорская Военная Академия, Генеральный Штаб, Штаб военно-учебных заведений, Главное управление военно-учебных заведений.

The military reformer Dmitrii A. Miliutin: innovations in preparation of the new officer corps

K.V. Belov

The paper is devoted to the reforms of the officer corps by the military minister and reformer Dmitrii A. Miliutin and the reforms in the field of education of the officer corps for the Russian Army in the second half of 19th century.

Key words: officer corps, the Moscow Military School of Non-Commissioned Officers of Quartermaster Unit, the Emperor's Military Academy, General Staff, the Staff of Military Schools, the Chief Administration of Military Schools.

Дмитрий Алексеевич Милютин в отечественной истории являлся одним из блистательной плеяды видных российских государственных и военных деятелей середины и второй половины XIX столетия.

До Крымской войны 1853 – 1856 годов, Д.А. Милютин в своих мемуарах отмечал, что состояние офицерского корпуса в Российской империи оставляло желать много лучшего. С развитием буржуазных отношений в западных державах, особенно в Великобритании, Франции и США, уровень подготовки командного состава стал более прогрессивным. В крепостнической же России в обучении офицерского состава в военно-учебных заведениях всех ступеней подготовки царили консерватизм, сословность, рутинность и реакционность. Военно-учебными заведениями, выпускавшие офицеров являлись Императорская Военная Академия (открыта 26 ноября 1832 года), Михайловское Артиллерийское и Николаевское Инженерное училища (по Указу императора Александра II Правительствующему Сенату от 30 августа 1855 года Военную Академию переименовали в Николаевскую Академиию Генерального Штаба, по тому же указу офицерские классы Михайловского Артиллерийского и Николаевского Инженерного училищ переименовали в соответствующие Академии [7, с. 36-37, 128-129]), 17 кадетских корпусов, Школа гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров (с упразднением чина подпрапорщика с 1859 года стала называться Николаевским училищем гвардейских юнкеров) [18] и Московское училище колонновожатых, основанное в 1818 году известным учёным-математиком и агрономом, генералом-майором Н. Н. Муравьёвым. Училище выпускало штабных офицеров-квартирмейстеров различных уровней. Данное учебное заведение упразднили в июле 1826 года по Указу императора Николая I из-за того, что большая часть слушателей поддержало декабристское

восстание. Впоследствии, всю штабную (квартирмейстерскую) часть переименовали в Генеральный Штаб [17], [7, с. 4]. Таковым являлось состояние уровня подготовки офицерского корпуса в «николаевскую эпоху».

После второй по счёту кавказской командировки, где Дмитрий Алексеевич принимал участие в боевых действиях против горцев на Северном Кавказе в должности обер-квартирмейстера войск Кавказской линии и Черномории с 11 апреля 1843 по 10 ноября 1844 годы [15, с. 416], он стремился продолжить свою научно-исследовательскую деятельность. Ему удалось при помощи начальника штаба Гвардейского корпуса, профессора кафедры тактики Академии полковника И.Ф. Веймарна, и друга, принимавшего в этом активнейшее участие, профессора той же кафедры, тогда ещё капитана штаба Гвардейского корпуса Ф.И. Горемыкина занять освободившееся вакантное место профессора кафедры военной географии (с 1847 года – кафедра военной статистики) вместо ушедшего по состоянию здоровья 20 октября 1844 года полковника Генерального штаба, профессора Г. К. Стефана [7, В особом приложении. с. 19]. Впоследствии, согласно Высочайшего соизволения от 28 декабря 1844 года и приказу военного министра князя А. И. Чернышёва от 3 января 1845 года кандидатуру Д.А. Милютина на данную должность руководство Императорской Военной Академии во главе директором генералом-адъютантом, генералом от артиллерии И. О. Сухозанетом утвердило. [5, с. 92-93, 101, 490]. Помимо этого Д. А. Милютин с 26 октября 1848 по 29 мая 1856 годы исполнял обязанности офицера для особых поручений при военном министре [1, с. 6], [5, с. 152, 450]. Дмитрий Алексеевич отмечал, что методика преподавания тогда ещё военной географии офицерам-слушателям Академии не изменилась с той поры, когда он сам являлся её слушателем [5, с. 102]. Для улучшения своего материального положения с 6 ноября 1845 года он стал совмещать должность начальника третьего учебно-воспитательного отделения Штаба военно-учебных заведений взамен ушедшего по состоянию здоровья князя В. В. Львова [12, карт. 84. ед. хр. 34, л. 2]. В этом Дмитрию Алексеевичу помог начальник Штаба военно-учебных заведений генерал-адъютант Я. И. Ростовцев [2, с. 536], [9, с. 347]. Интересным оказался отзыв о молодом, подающем большие надежды, профессоре в академическом отчёте за 1844 – 1845 учебный год: «Профессор Военной Географии, подполковник Милютин, выпущенный из Академии в 1836 году, успел в течение 8 лет (по 1845 год) приобрести столько сведений и опытности, что, приступив к преподаванию одного из самых трудных предметов, он вполне оправдал выбор начальства: способности его и познания, обогащённые приобретёнными им во время поездки за границу и в бытность его на Кавказе сведениями, принесут без всякого сомнения много пользы для Академии, при отличающем его усердии к службе» [7, с. 62]. Данный отзыв оправдался и руководство Императорской Военной Академии, впоследствии, не осталось разочарованным в новаторской работе профессора Д.А. Милютина.

До нынешнего времени сохранился литографический курс по военной географии и военной статистике, а также и другие работы, помещённые в обширнейшем фонде Дмитрия Алексеевича Милютина [11, карт. 80, ед. хр. 10]. Разрабатывая свою дисциплину молодой профессор понимал, что продолжить подобное «…преподавание военной географии в таком безобразном виде, в каком она преподавалась с самого основания Академии, казалось <…> совершенно невозможным; необходимо было выработать сколько-нибудь стройный курс, основанный на научных началах» [5, с. 104]. Д.А. Милютин, систематизируя материал в отличие от прежних преподавателей полковников П.А. Языкова и Г.Ф. Стефана, (первый читал курс по военному обозрению Российской империи, Пруссии и Персии в младшем классе (теоретическое отделение), второй – давал общий обзор Австрии, европейской части Османской империи, Швеции и Финляндии в старшем классе (практическое отделение) [7, с. 59-60]) составил лекционный курс более логично, интереснее по содержанию (с большим количеством карт) и доходчиво. Как вспоминал о нём его слушатель 18-го выпуска 1851 года Императорской Военной Академии Н. Г. Залесов: «…читал он чрезвычайно увлекательно» [3, с. 4], [7, с. 22, 24].

За время работы в единственном в то время в Российской империи прославленном высшем военно-учебном учреждении Д. А. Милютин (с 3 января 1845 по 29 мая 1856 годы [7, В особом приложении с. 20], [5, с. 450]) опубликовал известные военно-статистические труды – «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики», двухтомный «Первые опыты военной статистики», «Курс военной географии и военной статистики» - и знаменитый военно-исторический труд «История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 году» в двух изданиях – 1853 (пятитомное) и 1857 (трёхтомное) годов, причём последнее было переведено на французский и немецкий языки. Он читал курс лекций по Кавказскому краю, используя для этого материал выписок и заметок, сделанных им во время посещений в 1839 – 40 гг. и 1843 – 1844 гг. театров боевых действий Кавказской кампании [5, с. 144, 185-187]. Д.А. Милютин смог внести новое в методику преподавания своей дисциплины – военной статистики. Он практиковал письменные работы-опросы по пройденному материалу для слушателей теоретического и практического отделений Академии – отведённые на лекции часы он использовал как для сравнительных военно-статистических исследований крупнейших держав мира, так и для прочтения и разбор работ офицеров-слушателей. Они писали военно-статистические обзоры по источникам, предложенным молодым профессором. В своих «Воспоминаниях» Дмитрий Алексеевич отмечал, что был озабочен низкой подготовкой слушателей: «Первый этот опыт указал, как слабо подготовлены были тогда наши молодые офицеры к письменным работам. Сочинения только немногих способнейших офицеров (барона Николаи, Мезенцова, Макшеева [20, с. 451], [7, с. 18-20, В особом приложении с. 20], Казаринова) можно было признать

удовлетворительными» [5, с. 119]. Но, всё-таки, в дальнейшем, офицеры-слушатели начали накапливать и анализировать новейшие в то время сведения о вооружённых силах мировых держав, особенно революционной Франции, ибо её войны, войны и походы её первого императора Наполеона I Бонапарта, их значительный пространственный размах произвели толчок к осмыслению роли пространства, как важнейшего географического фактора на театрах боевых действий. Офицеры-слушатели, таким образом, стали понимать связь географических, политических, социально-экономических факторов с военной мощью государства и зависимость от них военной стратегии. Один из современников, М. М. Бородкин, знавший хорошо профессора-новатора, так отозвался о нём: «Со времени академической деятельности Милютина, его обаятельная личность стала вырисовываться всё ярче и определённее» [3, с. 4].

Профессор полковник Д.А. Милютин упорно отстаивал свою точку зрения, согласно которой теория в науке неразрывно связана с практикой, поэтому та теория безусловно верна, когда имеет возможность проверяться фактами и опираться на опыт. Это являлось аргументированным ответом на возражения части российских военных теоретиков, таких как уже упомянутый Пётр Александрович Языков, Модест Иванович Богданович, Генрих Антонович Леер, из зарубежных – известный прусский военный теоретик К. фон Клаузевиц и другие, которые ставили под сомнение роль военной теории для практической деятельности, ибо, по их мнению, где творит гений там нет места теории [13, с. 37]. Военный учёный, верно понимая значение военной теории для практики строительства вооружённых сил и ведения боевых действий, обращал внимание на необходимость использования в значительной степени достижений науки для дальнейшего совершенствования тактики, улучшения боевой подготовки офицерского состава, технического оснащения и перевооружения российской армии. Он высоко оценивал роль морально-нравственного фактора, который, по его мнению, был прямо взаимосвязан с социально-экономическим положением страны. Д. А. Милютин также считал, что если в народе превалируют национальная и религиозная рознь, то государству не помогут ни какие мощные властные структуры укрепить единство и международный статус.

Работая в Императорской Военной Академии Дмитрий Алексеевич не только разрабатывал свои инновационный курсы, но и внимательно следил за ходом неудачной Крымской кампании. Именно это дало ему неоценимый опыт в создании армии нового типа, где одна из главных ролей отводилась формированию нового офицерского корпуса.

Имея значительный военно-административный и научно-педагогический опыт Д.А. Милютин, будучи главой военного министерства, как ни кто другой, мог трезво оценить уровень подготовки офицерского корпуса, всей системы военного образования. Он, как упорный последователь идеи, заключавшейся в возможности проведения либерально-буржуазных реформ в рамках абсолютизма, стремился

оградить вооружённые силы, в том числе и офицерский корпус от влияния революционных настроений, распространяющихся в российском обществе. Поэтому военный министр сформулировал основные цели, которые в будущем желал осуществить путём проведения реформ всей системы военного образования во второй половине XIX столетия. Данные цели заключались в следующем:

1) в подготовке образованного офицера, специалиста-профессионала, соответствующего современному состоянию вооружённых сил, преданного царизму и способного противостоять революционной пропаганде [6, с. 222];

2) в разделение общеобразовательного курса от военно-специального и создания для них отдельных новых военно-учебных заведений.

Для реализации задуманного сформировали специальную комиссию во главе с главным начальником военно-учебных заведений великим князем Михаилом Николаевичем. Комиссия затребовала мнения по данной проблеме от представителей всех военно-учебных заведений, в том числе и от Д. А. Милютина и министра народного просвещения А.В. Головнина [8, с. 173]. 10 февраля 1862 года военный министр изложил свою точку зрения в обстоятельной записке «Мнение о военно-учебных заведениях», в которой он предложил провести кардинальные изменения в системе подготовки офицерского корпуса. По сути дела это являлось программой, заключавшейся в следующем:

1) в насущной необходимости радикального преобразования кадетских корпусов, где существовало соединение общеобразовательной подготовки малолетних воспитанников и специальной подготовки юношей, в создании на базе общеобразовательных классов корпусов военных гимназий с программой, близкой к курсу реального училища, а на основе специальных классов – создание военных училищ;

2) в необходимости улучшения учебно-воспитательной работы, для которой нужно взять лучшее из отечественного и зарубежного опыта, приглашая воспитателями как военных специалистов, так и университетских преподавателей [6, с. 224].

В своих мемуарах Д.А. Милютин критически оценивал данное положение в сфере военно-учебного образования и был настроен скептически к тому, что дети дворян отдавались в такие заведения с 6 – 8 лет и считал, что с этого возраста необходимо было обучать детей в гражданских общеобразовательных заведениях, где бы правильно формировался характер ребёнка, его будущее мировоззрение. На малолетних воспитанников с первых же дней пребывания обрушивалась жёсткая армейская дисциплина, которая, порой, ломала детский характер и, впоследствии, воспитанники, выпускавшиеся из таких заведений, негативно относились к полученному образованию. Военный министр полагал, что воспитание, которое основывалось на жёсткой воинской дисциплине, могло дать добрые плоды только в зрелом возрасте и при

условии, когда молодой человек осознанно увлекался бы специальными предметами. Дмитрий Алексеевич отметил, что в детском возрасте, «…когда характеру предстоит ещё образовываться, стеснение его развития дисциплиной наносит существенный ущерб нравственным качествам юноши» [10, карт. 24, д. 3, л. 17-18]. С 1863 года все намеченные преобразования проводились под непосредственным руководством Д.А. Милютина, чьему министерству стали подчиняться военно-учебные заведения и это облегчило проведение реформ в данной сфере. Вместо упразднённого Штаба военно-учебных заведений 21 января 1863 года учредили Главное управление военно-учебных заведений, которое возглавил генерал-майор Н. В. Исаков [9, с. 415]. С утверждением доклада от 1 января 1864 года императором Александром II по военному министерству начались преобразования сферы военно-учебных учреждений [6, с. 229-230]. Все учебные заведения военного ведомства подразделялись на четыре разряда. К первому относились Академии, которых к 1862 году существовало четыре – Николаевская Генерального штаба, Михайловская Артиллерийская, Николаевская Инженерная и Медико-хирургическая академии, последняя готовила для армии врачей, ветеринаров и фармацевтов. Николаевскую Академию Генерального штаба перевели из ведения Главного управления в подчинение Главного штаба. Д.А. Милютин, работавший в своё время в Академии, понимал необходимость данных изменений. Теперь вместо военных теоретиков, стали готовить высокообразованных офицеров, знакомых со всеми сторонами военной организации. Произошли изменения в программах преподавания предметов, в частности по тактике и стратегии, продолжительность же обучения составила 2,5 года [6, с. 231-232]. Но всё же, из-за ограниченного количества абитуриентов, офицеров с высшим образованием в армии катастрофически не хватало. В начале 1863 года Артиллерийскую и Инженерную Академии переподчинили своим ведомствам. В Артиллерийской ликвидировали разделение на строевой и технический факультеты, срок обучения составил два года. ВВУЗ превратился в учреждение, выпускавшее высококвалифицированных специалистов в области артиллерийского дела. В Инженерной Академии из-за введения новых дисциплин с 1869 года срок обучения составил 3 года. Но нововведения не обеспечивали необходимой подготовки, к тому же ежегодный выпуск в 10 человек не удовлетворял нужды армии в военных инженерах. В 1867 году учредили пятую Академию – Александровскую военно-юридическую. Такое событие было связано с принятием нового военно-судебного Устава, принятого 15 мая 1867 года. По Положению 1868 года в ВВУЗ принимались штаб- и обер-офицеры и ежегодный приём составлял не более 25 человек [6, с. 234-235]. Выше упомянутую Медико-хирургическую академию, особо опекаемую военным министром, в 60 – 70-е годы ряд значимых преобразований превратил её в центр передовой российской медицинской науки. Её президентом являлся

видный профессор хирургии тайный советник П.А. Дубовицкий, учёным секретарём известный учёный, химик-органик Н.Н. Зинин, а в числе профессоров – знаменитые учёные С.П. Боткин и И.М. Сеченов [14, с. 121, 140], [4, с. 10]. При академии действовали анатомо-физиологический и естественноисторический институты, а также крупный клинический госпиталь. Постановлением Д. А. Милютина при данной академии в 1872 году учредили первые в Российской империи женские акушерские курсы, где слушательницы смогли получить высшее медицинское образование [6, с. 236].

Ко второму разряду относились созданные по одобренному самодержцем докладу Д. А. Милютина от 14 мая 1863 года из специальных классов упразднённых кадетских корпусов (кроме Пажеского и Финляндского) военные училища – 1-е Павловское, 2-е Константиновское, располагавшиеся в Петербурге и 3-е Александровское, находившееся в Москве [6, с. 236]. В 1864 году Николаевское училище гвардейских юнкеров преобразовали в Николаевское кавалерийское училище с контингентом в 240 воспитанников. Срок обучения в них составлял 2 года при постоянном контингенте в 300 воспитанников в каждом. Теоретический курс обучения являлся тесно связанным с практическим, ставившим главной задачей научить будущего офицера уметь применить на практике полученные теоретические познания. В первые годы реформы училища смогли ежегодно выпускать свыше 400 офицеров. Социальный состав в них определялся тем, что основной контингент абитуриентов давали бывшие кадетские корпуса (военные гимназии), по сословному происхождению это были дворяне, ибо по Положению 1867 года приём производился из лиц, которые не попадали под рекрутскую повинность. Только после введения всесословной воинской повинности, завершившей военные реформы, с 1876 года военное министерство разрешило поступать в училища лицам всех сословий, не моложе 16 лет, имеющих полное среднее и высшее образование, что составило одну треть от общего контингента [6, с. 237]. Такое состояние, всё-таки, отличало в лучшую сторону военные училища по сравнению с дореформенными кадетскими корпусами, но из-за большого объёма предметов при ограниченном сроке обучения воспитанник не мог усвоить знания и навыки, необходимых для занятия, например, должности командира полка. Необходимо отметить, что с 1863 по 1880 годы военный училища выпустили 16 184 офицера для различных родов войск [19]. Военные училища к середине 70-х годов выпускали ежегодно около 600 офицеров, но и такое количество для армии являлось не достаточным даже по штатам мирного времени. Поэтому Д.А. Милютин в докладе царю от 1 января 1864 года предложил создать новый тип военно-учебных заведений при окружных штабах – юнкерские училища для подготовки младшего командного состава [9, с. 361]. Данные заведения также относились к второму разряду. Они, впоследствии, назывались пехотными и кавалерийскими, а также по городу нахождения.

В проекте от 14 июля 1864 года штат определили в среднем в 200 юнкеров при сроке обучения в 2 года. Впоследствии штат увеличили до 400 человек. С осени учредили первые юнкерские училища: Московское, Виленское, Гельсингфорсское и Варшавское. До 1866 года открыли 12 училищ. В 1868 году приняли Положение об юнкерских училищах и перед последней русско-турецкой войной к 1877 году их стало 17 (11 пехотных, 2 кавалерийских и 4 казачьих) [6, с. 246]. В начале училища создавали для подготовки офицеров из войсковых юнкеров и вольноопределяющихся, с 1869 года в них принимали также унтер-офицеров, призванных по рекрутскому набору. В данные заведения поступали лица, закончившие военные гимназии и прогимназии, а также соответствующие гражданские учебные заведения. После введения всесословной повинности в юнкерские училища принимались лица всех сословий, но предпочтение отдавалось дворянству. Учебная программа являлась облегчённой по сравнению с военными училищами. С 1865 по 1880 годы юнкерские училища выпустили 17 538 офицеров, что обеспечивало армию по штатам мирного времени [16].

К третьему разряду относились военно-учебные заведения подготовительного уровня, дававшие общее образование и воспитание, выпускавшие своих воспитанников с тем, чтобы они смогли поступить в военные и юнкерские училища или в равноценные гражданские учебные заведения, например в ВУЗы. К таким заведениям относились военные гимназии, созданные, как уже говорилось, на базе общеобразовательных классов кадетских корпусов. По уровню образования они приравнивались к классическим гимназиям и реальным училищам. Всего действовало 15 подобных заведений. В конце 1866 года военное министерство ввело Положение о военных гимназиях, в котором говорилось, что они имеют целью дать подготовительное общее образование и воспитание для детей потомственных дворян. Как и кадетские корпуса военные гимназии сохраняли сословно-дворянский характер. Позже в 70-е годы стали принимать детей представителей всех сословий в Оренбургскую и Симбирскую военные гимназии. Но всё же в 1874 – 1876 годы во всех военных гимназиях и общеобразовательных классах Пажеского и Финляндского кадетских корпусов около 95% воспитанников являлись детьми потомственных и личных дворян [6, с. 247]. К такому же разряду относились и военные прогимназии, реорганизованные в 1867 году из школ военных кантонистов, имевшие четырёхлетний срок обучения, дававшие своим воспитанникам начальное общее образование и воспитание. Выпускники имели право поступать в юнкерские училища. Всего учредили 9 таких заведений: в Петербурге, Москве, Ярославле, Пскове, Елисаветграде (ныне Кировоград Херсонской области, Украина), Тифлисе, Оренбурге, Иркутске и Вольске. Последняя являлась своего рода специальным воспитательно-исправительным заведением и туда направлялись плохо успевающие и недисциплинированные ученики из

других военных гимназий и прогимназий. К началу 80-х годов в них могли поступать лица недворянского происхождения. Военные прогимназии с 1867 по 1880 годы выпустили 17 580 человек [6, с. 250-251]. К четвёртому разряду относились военные школы, готовившие писарей всех уровней, технических специалистов, унтер-офицеров для артиллерии и инженерных войск. К этому же разряду причисляли военно-фельдшерские школы.

Военный министр Д.А. Милютин, несмотря на противодействие «аристократической оппозиции», смог провести реформирование всей системы военно-учебного образования. Данные преобразования позитивно повлияли на профессиональный рост всего офицерского корпуса. Надо признать, что всё же реформы данной сферы не смогли полностью удовлетворить спрос вооружённых сил на хорошо образованные и подготовленные командные кадры, что и показали дальнейшие вооружённые конфликты второй половины XIX века.

Список литературы

1. Байов А. К. Граф Дмитрий Алексеевич Милютин. Биографический очерк. СПб., 1912. 80 с.
2. Большая энциклопедия. Т. XVI. Под ред. С. Н. Южакова. СПб., 1902. 800 с.
3. Бородкин М. М. Граф Д. А. Милютин в отзывах его современников. СПб., 1912. 38 с.
4. Осипова М. Н. После Крымской войны. // Военно-исторический журнал. 1992, № 2. С. 4 – 13. 96 с.
5. Воспоминания генерала-фельдмаршала графа Д. А. Милютина 1843 – 1856. М., 2000. 528 с.
6. Зайончковский П. А. Военный реформы 1860 – 1870 гг. в России. М., 1952. 368 с.
7. Исторический очерк Николаевской Академии Генерального Штаба. / Составил Генерального Штаба генерал-майор Н. П. Глиноецкий. СПб., 1882. 610 с.
8. История Отечества с древнейших времён до наших дней. Энциклопедический словарь. М., 1999. 656 с.
9. Милютин Д. А. Дневник. 1873 – 1875. М., 2008. 440 с.
10. ОР РГБ. ф. 169. карт. 24. д. 3. л. 17 – 18.
11. ОР РГБ. ф. 169. карт. 80. ед. хр. 10
12. ОР РГБ. ф. 169. карт. 84. ед. хр. 34. л. 2.
13. Осипова М. Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д. А. Милютин. М., 2005. 320 с.
14. Открытия и изобретения России. М., 2011. 480 с.
15. Шилов Д.Н. Государственные деятели России 1802 – 1917 гг. Биобиблиографический справочник. СПб., 2002. 832 с.
16. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www/ruskadet.ru/history/rkk_1701_1918/common/vo.htm
17. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www/ruskadet.ru/history/rkk_1701_1918/common/vuz/mosc-uc-kolon.htm
18. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www/ruskadet.ru/history/rkk_1701_1918/common/vuz/sh-gv-pr.htm
19. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www/ruskadet.ru/history/rkk_1701_1918/1863_1882/vuz.htm
20. Энциклопедический словарь. Т. XVIII. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. 480 с.

УДК 94 (437) [13/14]

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ПРАГИ В ЗЕРКАЛЕ АРХИТЕКТУРЫ: ДВА ШЕДЕВРА ЧЕШСКОЙ ГОТИКИ И СУДЬБЫ ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

А.Н. Галямичев
Саратовский государственный технический университет им. Ю.А. Гагарина, Россия
E-mail: galyamichev57@mail.ru

Автор статьи рассматривает отражение социально-политического развития Чехии XIV — XV вв. в готической архитектуре Праги. Два главных её памятника были вместе с тем воплощением важнейших явлений социально-политической жизни — попыток укрепления королевской власти (собор святого Вита) и борьбы за возвышение политической роли городов (храм Девы Марии перед Тыном на Старом Месте Пражском).

Ключевые слова: средневековый город, готическая архитектура, гуситское движение, Прага, королевская власть.

Socio-political history of medieval prague in the mirror architecture: two masterpieces of czech gothic and destiny of the state and society

A.N. Galamichev

The author of the article considers the reflection of socio-political development of the Bohemia XIV — XV centuries in the Gothic architecture of Prague. Two main monument were however embodiment of the most important phenomena of the socio-political life of the attempts of strengthening of Royal power (St. Vitus Cathedral) and the struggle for the exaltation of the political role of cities (the Church of our lady before Tyn for the Old town of Prague).

Key words: medieval town, Gothic architecture, the Hussite movement, Gothic architecture, Prague, the Royal government.

Великие творения архитекторов ушедших эпох представляют собой ценнейший исторический источник. С одной стороны, в них находят отражение многие факты и явления, не оставившие следа в письменных памятниках, с другой стороны, они позволяют представить в новом ракурсе, казалось бы, хорошо известные события.

Не составляет исключения в этом отношении архитектурное наследие готической эпохи в Праге. Одна из его особенностей — наличие в пределах одного и того же городского организма двух готических храмов, изначально соперничавших друг с другом по грандиозности архитектурного решения. Мы имеем в виду, одной стороны, возведённый в XIV веке на Пражском граде кафедральный собор святого Вита, а с другой — построенный возле

Староместской площади в том же столетии храм Девы Марии перед Тыном. Существование подобного рода дихотомии в средневековом Кракове (Мариацкий костёл и кафедральный собор св. Станислава на Вавельском холме) даёт, на наш взгляд, основание для предположения о том, что в ней нашло отражение исключительно важное для исторической судьбы стран Центральной Европы явление, которого не знали страны Западной Европы — средневековая немецкая колонизация. В ходе последней в страны Центральной Европы происходило переселение больших масс сельского и городского населения, которому правители славянских стран предоставляли право основывать самоуправляющиеся общины, руководствовавшиеся принесёнными с родины правовыми нормами, обычаями и традициями, зафиксированными в грамотах привилегий.

Немецкая колонизация особенно широко развернулась в Чехии и Польше в XIII веке. Главными её опорными пунктами являлись городские общины, которые были изъяты из сферы действия органов государственной власти и подчинялись непосредственно правителю. Немецкие городские общины стремились к высокой степени автономии и в церковных делах, а державший в своих руках нити городского самоуправления патрициат, состоявший из богатых купцов и горных предпринимателей, располагал значительными материальными ресурсами и вынашивал далеко идущие политические планы. Зримым воплощением этого духа независимости и честолюбия явились городские готические соборы, возведение которых началось в западнославянском регионе вместе с первыми волнами немецкой городской колонизации.

В середине XIII века в готическом духе была перестроена одна из древнейших святынь средневековой Праги — церковь Девы Марии перед Тыном, что было неразрывно связано с пришедшимся на это время юридическим оформлением городской общины. В источниках она известна как Старое Место Пражское. Её предшественником было поселение немецких купцов, которое выросло в XI — XII вв. вокруг рынка, расположенного возле Тына — укреплённого гостиного двора для прибывавших в Прагу иностранных купцов, который существовал, по всей вероятности ещё в X вв.

Немецкая купеческая слобода, выросшая возле Тына и рыночной (ныне — Староместской) площади уже в XI — XII вв. пользовалась правом свободного избрания священника, что зафиксировано в привилегии, пожалованной пражским немцам князем Собеславом II в 1174 — 1178 гг., в которой подтверждались и расширялись их прежние права, пожалованные Вратиславом II [1, с. 1-3].

Староместские бюргеры настойчиво (и небезуспешно) добивались новых подтверждений привилегии Собеслава II и после обретения статуса самоуправляющейся городской общины, что им удалось в 1231, 1274 и 1319 гг.[1, с. 3-5, 12-13, 27-28], а готическая церковь Девы Марии перед Тыном служила в качестве главного приходского храма города и вместе с тем символа самосознания горожан.

Предпринятая представителями утвердившейся на чешском престоле в начале XIV века династии Люксембургов попытка укрепления королевской власти (а затем — и превращения Праги в столицу Священной Римской империи) вызвала к жизни идею возведения на Пражском граде — древней резиденции правителей Чехии — величественного готического собора. Последний должен был соответствовать далеко идущим притязаниям Люксембургов и новому, более высокому статусу главы чешской церкви после учреждения в 1344 году буллой папы Климента VI Пражского архиепископства [2, с. 135-139].

Строительство началось 21 ноября 1344 года. К тому времени собор святого Вита — главный храм Пражской епархии, уже претерпел одну перестройку. Он был построен на пороге второй четверти X века (в 925 году), во времена князя Святого Вацлава [3, с. 53, 94-95], и первоначально представлял собой ротонду а затем, в XI веке приобрёл облик романской базилики (перестройка началась в 1060 году по повелению князя Спитигнева II [4, с. 126]).

Для возведения собора первым архиепископом Пражским Арноштом из Пардубиц был введён всеобщий налог [3, с. 147-152]. В качестве архитектора был приглашён французский зодчий Матье из Арраса, работавший в Авиньоне — тогдашней папской резиденции.

Матье из Арраса работал в Праге вплоть до своей смерти в 1352 году, после чего дело возведения кафедрального собора чешской церкви Карл IV, придававший делу возведения нового кафедрального собора в древней резиденции правителей Чехии, поручил молодому архитектору из Германии Петру Парлеру [5, с. 403]. В исторической и искусствоведческой литературе последний более известен как Парлерж, в силу того, что его имя прочно слилось со столицей Чехии, над архитектурным обликом которой он работал на протяжении 44 лет (с 1353 года до самой своей смерти в 1397 году

Честолюбие староместских бюргеров, в какой-то степени ущемлённое грандиозным строительством в королевской резиденции, вызвало к жизни идею перестройки городского собора Девы Марии перед Тыном. Точная дата начала работ не установлена, есть основания предполагать, что это произошло в третьей четверти XIV века [6, с. 91]. Руководство строительством, как предполагают исследователи, осуществлялось либо самим Петром Парлержом, либо его учениками.

Весьма показательно, что в эти же годы Пётр Парлерж начал возведение другого шедевра чешской готики — храма святой Варвары в Кутной Горе (крупнейшем центре добычи серебра в тогдашней Европе), патрицианский магистрат которой стремился таким образом бросить вызов староместскому бюргерству и самой королевской власти [7, с. 111].

Гуситская эпоха прервала это незавершённое соперничество. Бурные события гуситских войн не только на долгое время остановили строительные работы, но наложили также глубокий отпечаток на всю дальнейшую судьбу двух шедевров пражской готики.

Храм Девы Марии перед Тыном стал в годину суровых испытаний гуситских войн главным собором гуситской Праги, местом бурных споров, а подчас — и ожесточённых столкновений. Прагу покинул немецкий патрициат, долгое время державший в своих руках нити городского самоуправления, произошло слияние двух расположенных по соседству городских общин — Старого и Нового Мест Пражских и образована «Большая община», выражавшая настроения и чаяния чешского бюргерства.

Ярким свидетельством новой роли храма является рассказ хрониста Лаврентия из Бржезовой об одном из самых драматических эпизодов кульминационного момента гуситских войн — конца весны — начала лета 1420 г. Лаврентий повествует о выступлении пришедших в Прагу таборитских священников в храме Девы Марии перед Тыном. В присутствии избранных незадолго до этого коншелов (членов городского совета) «Большой общины» они изложили своё толкование сути гуситского учения, после чего «в церкви настало великое волнение среди народа и он стал роптать и перестал почитать тело Христово»[8, с. 232-233].

По окончании гуситских войн храм Девы Марии перед Тыном стал главным центром гуситской национальной церкви, не зависимой от римского первосвященника, отличавшейся особой обрядностью и богослужением на чешском языке. С 1427 года в стенах храма проповедовал гуситский архиепископ Ян Рокицана, который был здесь похоронен.

В годы правления «гуситского короля» Иржи из Подебрад (1458 — 1471) строительство церкви Девы Марии перед Тыном было продолжено. Был закончен её западный фасад, на котором был укреплён скульптурный портрет Иржи из Подебрад и позолоченная чаша — символ гуситского движения.

После подавления восстания чешских сословий 1618 — 1620 гг. и восстановления полновластия католической церкви в чешских землях храм Девы Марии перед Тыном понёс наказание: в ночь на 17 января 1623 года группой студентов с его фасада была снята фигура «гуситского короля» Иржи из Подебрад и девиз Яна Гуса («Veritas vincit!» — «Правда побеждает!»), а на освободившееся место водружена фигура Девы Марии работы скульптора К. Бехелена, находящаяся там и в наши дни [9, с. 96]. В последующее время был изменён до неузнаваемости первоначально скромный интерьер «гуситского» храма. Сегодня он представляет собой один из наиболее ярких памятников пражской архитектуры, скульптуры и живописи эпохи барокко.

Судьба собора святого Вита на исходе средних веков и в начале нового времени оказалась менее бурной и богатой на крутые повороты. Гуситские войны и из последствия, включая колоссальный урон, понесённый в их ходе католической церковью, ослабление королевской власти, а затем и утрата Чехией государственной независимости, привели к постепенному замиранию жизни на Граде и в пражском кафедральном

соборе.

Важную роль сыграло то обстоятельство, что в самом начале гуситских войн Пражский град превратился в опорный пункт противников гусизма в сердце страны — её столице. Именно здесь во время первого крестового похода против гуситской Чехии 28 июля 1420 года произошла тайная коронация Сигизмунда [8, с. 101-103] — заклятого врага гуситов, не без оснований считавшегося ими главным виновником трагической гибели Яна Гуса и потому недостойным чешской короны. Тень этих событий легла на судьбу собора во времена правления «гуситского короля» Иржи из Подебрад и борьбы чешских сословий против Габсбургов, трагический исход которой нанёс непоправимый ущерб столице Чехии

Если сегодня собор святого Вита представляет собой превосходный памятник средневековой готической архитектуры, восстановленный и отреставрированный на основе новейших достижений историко-реставрационной науки, то это следует считать заслугой выдающихся деятелей эпохи Национального Возрождения, в которую чешские земли вступили в XIX столетии.

Собор святого Вита воспринимался чешскими патриотами как монументальный символ величия чешского народа и государства. Поэтому начавшиеся с 1861 года ремонтно-восстановительные работы ставили своей задачей максимально точное воспроизведение осуществлённых и даже не осуществлённых деталей замысла создателей собора. В продолжавшихся до 1929 года работах (создание независимого Чехословацкого государства в 1918 году придало делу возрождения собора святого Вита мощный импульс) принимали участие ведущие чешские архитекторы и художники той поры, включая всемирно известного художника Альфонса Муху, который работал над восстановлением безвозвратно утраченных витражей собора.

Таким образом, своеобразие архитектурного облика столицы Чехии позволяет под своеобразным углом зрения взглянуть на её историческое развитие в течение нескольких столетий, перелистать и дополнить новыми штрихами наиболее важные страницы социально-политической истории предгуситской и гуситской эпохи — кульминационного периода национальной истории.

Список литературы

1. Codex juris municipalis regni Bohemiae. Pragae, 1886. T. I.
2. Čtení o Karlu IV. a jeho době (z pramenů). Praha, 1958.
3. Сказания о начале Чешской государственности в древнерусской письменности. М., 1970.
4. Козьма Пражский. Чешская хроника. М., 1962.
5. Spěváček J. Karel IV. Život a dílo [1316 — 1378]. Praha, 1979.
6. České umění gotické. 1350 — 1420. Praha, 1970. S. 91.
7. Поп И.И. Искусство Чехии и Моравии. IX — начало XVI века. М., 1978.
8. Лаврентий из Бржезовой. Гуситская хроника. М., 1962.
9. Низовский А.Ю. Прага. М., 2006. С. 96.

УДК 94 112.2(470.44)

САРАТОВСКИЕ НЕМЦЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И В СОВЕТСКОЕ ВРЕМЯ

А.А. Герман
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: a.a.german@mail.ru

Статья посвящена жизни немцев г. Саратова на переломе двух эпох российской истории: имперской и советской. С началом Первой мировой войны их жизнь и положение существенно ухудшились. Нараставшие антинемецкие настроения в обществе и политика государства привели к дискриминации немцев по национальному признаку. Лишь революция спасла их от потери имущества и депортации. Однако политика новой власти, Гражданская война, голод, разруха неузнаваемо изменили социальный состав немцев-саратовцев, их традиционную жизнь. Впереди их ждали бесправие, репрессии, депортация 1941 года.

Ключевые слова: немцы Саратова, Первая мировая война, национальная дискриминация, революция, Поволжский комиссариат по немецким делам, «немецкая операция» НКВД, депортация.

Saratov germans in the years of world war i and in the soviet period

A.A. German

The Article is devoted to the life of Saratov Germans on the turn of two eras in the Russian history: imperial and Soviet. From the beginning of World War I their life and situation significantly worsened. Rising anti-German moods in the society and the policy of the state led to discrimination of the Germans according to the national feature. Only revolution rescued them from the loss of property and deportation. However, the policy of the new power, the Civil war, hunger, devastation changed social structure of Saratov German residents and their traditional life unrecognizably. Deprivation of rights, repressions and deportation in 1941 would be in store for them.

Key words: Germans of Saratov, World War I, national discrimination, revolution, the Volga region commissariat on the German affairs, "the German operation" People's Commissariat for Internal Affairs, deportation.

С 1760-х гг. Саратов постепенно стал метрополией многочисленных немецких колоний (к началу XX века - свыше двухсот), возникших на лево- и правобережье Волги севернее и южнее города [8]. Как известно, немецкие колонисты прибыли в Поволжье по приглашению российской императрицы Екатерины II. Такое положение Саратова обусловило наличие в нем и достаточно крупной немецкой общины. Известно, что в 1910 г. из 214,5 тыс. жителей Саратова 4,8 тыс. являлись немцами [1, с.

28.]. Они присутствовали и проявляли активную деятельность практически во всех социальных слоях: среди губернского и городского чиновничества, крупных, средних и мелких предпринимателей, торговцев, интеллигенции, рабочих и служащих.

В первые дни после начала Первой мировой войны (с 19 июля 1914 г. по старому стилю) в кафедральном католическом соборе Св. Клементия и евангелическо-лютеранской церкви Св. Марии, как и во всех православных соборах Саратова, постоянно служили молебны о ниспослании победы русскому оружию. В немецких газетах города печатались воззвания к немецкому населению о верном служении Царю и Отечеству, призывы заботится о семьях ушедших на фронт, раненых и убитых на войне [23, с. 181].

Саратовские немцы приняли активное участие в благотворительных акциях, направленных на помощь фронту, на организацию излечения раненых воинов. К 1 июня 1915 г. немцы Поволжья пожертвовали для фронта свыше 100 тыс. рублей, ими было собрано большое количество продовольствия, одежды и обуви. Примерно десятая часть этой помощи была собрана немцами Саратова [26, с. 26].

В частности, была активно поддержана идея местного учителя Августа Лонзингера о создании в Саратове лазарета имени «немецкого населения Саратовской и Самарской губерний». 14 ноября 1914 г. лазарет на 100 коек был открыт в доме немецкого предпринимателя И. Зейферта. В январе 1915 г. сюда была доставлена первая партия раненых и больных нижних чинов, к лету лазарет принял 357 пациентов [14, с. 153-154].

Интересно, что среди помещенных в лазарет раненых фронтовиков оказались и местные поволжские немцы - «нижние чины» русской армии: К. Е. Куфердер из Буерака, И. П. Рабовт из Таловки, Ф. Я. Франк, Ф. Р. Штриц, Н. Г. Кербсуммер, К. А. Кенсель и др. [24, с. 3]

В местной русскоязычной прессе публикуются благодарные отклики на деятельность лазарета: «Мы больные и раненные лазарета № 6. в д. Зейферта, приносим искреннюю благодарность попечительству и всему медицинскому персоналу этого лазарета за их заботливое и сердечное отношение к нам; за рождественские подарки и устройство концерта 28 декабря, доставившего нам большое удовольствие. Сердечное русское спасибо приносим мы также всем участвовавшим в этом концерте гг. К. Борель, М Кузьминой, Ф. Миллер…» [3, с. 5].

Еще один лазарет для раненых воинов был открыт лютеранским «Комитетом для оказания помощи пострадавшим во время войны» при церкви Святой Марии, его бессменным руководителем стал приват-доцент кафедры частной патологии и терапии Саратовского университета П. К. Галлер [15, с. 37]. Раненые этого лазарета также выражали свою благодарность его сотрудникам: «Мы, раненые нижние чины, находившиеся на излечении в лазарете № 2, в доме Евангелическом, приносим глубокую признательность доктору Петру Карловичу Галлеру с супругой за их заботы и доброе отношение к нам. А также искренняя благодарность медицинскому персоналу, сёстрам милосердия и всем служащим за внимательно отношение и вообще за их труд. Каждый из нас

будет долго вспоминать этот тёплый уголок. За всех, ротный к-р Николай Савин» [2, с. 5].

Всего же поволжскими немцами в Саратове было открыто и содержалось 7 лазаретов [5, с. 78-79].

Саратовские врачи-немцы А. Н. Минх, П. К. Галлер, ?. ?. Крюгер и др. активно участвовали в борьбе со вспыхнувшей в городе в январе 1916 г. эпидемией сыпного тифа [22, с. 5].

Местные немцы – земские и городские общественные деятели организовывали непосредственную помощь фронту, например, член губернской управы Я. И. Шлидт сопровождал на фронт поезд с рождественскими подарками для саратовских воинов [21, с. 5]. Свыше 2 тыс. саратовских немцев было мобилизовано в армию и отправлено на Кавказский фронт. Всего же на фронт было мобилизовано свыше 50 тыс. поволжских немцев, т.е. практически все мужское дееспособное немецкое население региона [25, с. 35].

Тем не менее, отношение к саратовским немцам со стороны государственных органов и местной общественности постепенно ухудшалось, разворачивалась антинемецкая кампания. С 5 августа 1914 г. был установлен персональный контроль над выходившими в Саратове немецкими газетами. Инспектору по делам печати Б. К. Миллеру была поручена цензура над газетами «Evangelischer Gemeindebote» («Вестник евангелической общины»), «Der Morgenstern» («Утренняя звезда»), «Volkszeitung» («Народная газета»), «Unser Landwirt» («Наш земледелец»). Эти издания демонстрировали полную солидарность с властью (лишь «Volkszeitung» иногда позволяла на своих страницах критику антинемецкой кампании), описывали положение на фронте, оценивали позиции и успехи российской армии, а также печатали информацию о благотворительных акциях в помощь русским солдатам. Однако в 1916 все эти газеты были закрыты [4, с. 100].

В 1915 году были переименованы все населенные пункты, носившие немецкие названия, а это – свыше 70 немецких сел на правой и левой сторонах Волги вблизи Саратова [7, с. 225].

Дважды, в 1914 и 1915 гг. часть домовладельцев и гласных городской думы при содействии саратовского губернатора ставила вопрос о переименовании Немецкой улицы – одной из главных улиц Саратова (ныне – проспект им. С. М. Кирова). Однако, к чести городской думы, оба раза эти предложения были отклонены. Официально Немецкая улица сменила свое название лишь в 1917 году [13, с 3].

По мере продолжения войны и ухудшения экономического положения населения города антинемецкая шовинистическая кампания от общих обвинений поволжских немцев в предательстве переходит к прямым обвинениям в измене в адрес конкретных лиц. Так, в июле 1915 г. газета «Новое время» обвинила саратовских немцев в пособничестве Германии, в частности, мукомолу Э. И. Борелю ставилось в вину то, что незадолго до захвата Либавы германскими войсками он отправил туда «громадные запасы хлеба для неизвестных целей». Хлеб этот, якобы, не продавался и

полностью достался неприятелю. Проведенная по указанию правительства жандармская проверка не подтвердила эти обвинения [10, л. 33-35]. В прогерманских симпатиях и прямом шпионстве обвинялся католический епископ И. А. Кесслер [16, с.171].

Развивалась травля местных чиновников-немцев. Их вынуждали покидать свои посты. Большую роль в хозяйственной жизни Саратова в период войны играл К. Н. Гримм – Уполномоченный Министерства земледелия по закупке хлеба для армии в Саратовской губернии и Уральской области В 1915 г. местная пресса не сомневалась в его патриотических настроениях, приводя его речь на заседании Государственного совета: «Все чувства наши обращены к доблестной геройской армии, … кующей на поле брани будущее судьбы нашей родины, с несокрушимой верой в бесконечную победу; этой верой мы все живем и дышим…» [11, с. 2]. В 1916 г. отношение к нему существенно изменилось. Отражая недовольство городских властей действиями Гримма, направленными на недопущение роста цены на хлеб, пресса писала о нем: «Вот человек, за деятельностью которого всегда следишь с тревогой… теперь – чего бы лучше? – заведует борьбой с дороговизной и скупает хлеб» [17, с. 3]. Чуть позднее о Гримме появилась еще одна статья, в которой он становится прямым виновником негативных последствий повышения цен на хлеб. В том же номере газеты сообщается об его отставке [18, с. 2].

6 февраля 1917 г. законы о ликвидации немецкого землевладения в России распространяются на поволжских немцев, на весну планируется их депортация. Это решение встретило неоднозначную реакцию среди местного ненемецкого населения. 23 февраля 1917 г. на общем собрании членов городских дум, биржевых комитетов и земств Саратова и Покровска его участники выразили свой протест и солидарность с немецким населением региона. В принятом решении, в частности, говорилось: «Живущие среди нас немцы-колонисты – суть такие же русские граждане как и мы. В нашем краю колонисты являются незаменимыми сельскими хозяевами. Мы обязаны настойчиво, определенно заявить, что ликвидация немецких земель… является мерой гибельной как для самих колонистов, так и для всего края. Она окажется чувствительной и для всей России» [20, с. 303].

Осуществлению планов старой власти помешала Февральская революция. Уже в марте 1917 г. Временное правительство осуществило ряд демократических преобразований и отмену наиболее одиозных законов самодержавного режима. 11 марта специальным постановлением оно приостановило исполнение всего «ликвидационного» законодательства, направленного против немецкого населения России. В постановлении указывалось, что окончательное решение по этому вопросу должно принять Учредительное собрание [12, с. 54]. 15 марта этот документ был циркулярно разослан на места, губернским комиссарам Временного правительства.

Ещё в начале февраля 1917 г., как только стало известно о

распространении «ликвидационных» законов на немцев Поволжья, состоялось собрание представителей поволжских немцев, на котором был избран Распорядительный комитет из наиболее известных и уважаемых граждан (Ф. Шмидт, К. Юстус, Г. Шельгорн, Г. Клинг, Я. Шмидт, А. Зейферт, В. Шевалье, И. Борель). Комитету было поручено предпринять меры по защите прав и интересов поволжских немцев, в том числе подготовить и созвать съезд представителей волостей с немецким населением [6, с. 16].

После Февральской революции комитет, наряду с защитой земельных прав, существенно расширил поле свей деятельности, добиваясь решения вопросов возрождения самоуправления, языка, церковной жизни, культуры.

На основе Распорядительного комитета 4 апреля 1917 г. в Саратове был образован Временный комитет (ВК) немцев – поселян-собственников Самарской и Саратовской губерний. В новый комитет вошли предприниматели, духовенство, учителя. В апреле-мае 1917 г. ВК выпустил семь номеров газеты „Erstes, Zweites usw. Flugblatt für die Wolgakolonien“ («Первая, Вторая и т. д. листовка для поволжских колоний»). 14 апреля ВК избрал комиссию для подготовки съезда представителей немецких колоний Поволжья [9, л. 131].

25–27 апреля В Саратове состоялся 1-й конгресс 334-х полномочных представителей немецких поселян-собственников всех волостей Саратовской и Самарской губерний, Сарепты, немецких диаспор Саратова, Самары, Камышина, Царицына, Вольска, Астрахани и ряда других городов Поволжья. Конгресс объявил о создании немецкой общенациональной политической организации «Немцы Поволжья». Были избраны ее руководящие органы: Центральный комитет и Центральное бюро. В ЦК вошло по одному представителю от каждой волости. ЦБ как постоянно действующий рабочий орган был сформирован из состава ЦК. В ходе заседаний участники конгресса обсудили все самые актуальные вопросы жизни поволжских немцев. Конгресс постановил издавать газету «Saratower deutsche Volkszeitung» («Саратовская немецкая народная газета»; пробный номер вышел 1 июня, регулярно издавалась с 1 июля 1917). Ее редактором стал широко известный и авторитетный деятель немецкого национального движения на Волге пастор И. Шлейнинг. Газета быстро завоевала популярность у поволжских немцев. Ее тираж осенью 1917 доходил до 11 тыс. экземпляров. *Возникший в городе Союз немцев-социалистов Поволжья* объединил в одну организацию отдельные разрозненные группы, отражавшие взгляды почти всех существовавших в России социалистических партий. Одной из наиболее влиятельных была группа большевистской ориентации (А. Гиль, Я. Гиль, Г. Кениг, Г. Клингер, А. Мейерович, В. Штромбергер и др.). Союз развернул активную работу среди немецких рабочих Саратова, однако его влияние в колониях было слабым [6, с. 16-17].

После прихода к власти большевиков в конце 1917 – начале 1918 гг. в

Саратове проводилась национализация предприятий и банков, экспроприация и конфискация крупной частной собственности, в том числе, принадлежавшей и немцам. Эти меры сопровождались широкими репрессиями. Деятельность ЦБ «Немцев Поволжья» резко осложнилась из-за враждебного отношения сов. власти к этой организации. В дек. 1917 по решению большевистского руководства города ЦБ «Немцы Поволжья» лишилось всех своих помещений, газета «Saratower deutsche Volkszeitung» была закрыта, а ее запасы бумаги на сумму 32 тыс. руб. конфискованы. Преследованиям и репрессиям подверглись многие руководители и активисты организации «Немцы Поволжья» [6, с. 18-19].

В то же время влияние Союза немцев-социалистов Поволжья, которому покровительствовала новая большевистская власть, быстро росло. В апр. 1918 саратовские немцы-социалисты Г. К. Клингер и А. Г Эмих в составе делегации поволжских немцев участвовали в переговорах в Наркомате по делам национальностей по созданию в Поволжье немецкой автономии [28, с. 162-163].

В апреле-октябре 1918 г. в Саратове функционировал Поволжский комиссариат по немецким делам. Он располагался на ул. Малой Кострижной, 4 (ныне ул. Пушкина). 30 июня – 1 июля 1918 в Саратове, в здании Народной аудитории (ныне Областная научная библиотека) проходил 1-й съезд Советов немецких колоний Поволжья. После образования в октябре 1918 г. Области немцев Поволжья ее руководящие органы до мая 1919 находились в Саратове, затем переехали в г. Екатериненштадт, ставший административным центром области [6, с. 21-38].

Национализация, репрессии против состоятельных граждан и всех несогласных, сокрушение церкви и старого образования как важнейших факторов традиционной духовной жизни, Гражданская война, голод, разруха изменили до неузнаваемости как социальный состав немцев-саратовцев, так и их традиционную жизнь. Начался длительный и болезненный процесс адаптации к новым условиям.

В 1920-е – 1930-е гг. немецкая диаспора Саратова была разобщена, ее жизнь не имела ярко выраженной национальной специфики, что объяснялось соответствующей национальной политикой государства, расценивавшего такую специфику как проявление «буржуазного национализма». В первой половине 1930-х гг. в ходе антирелигиозной кампании были закрыты и разрушены лютеранская церковь и католический храм, церковные общины немцев фактически перешли на полулегальное существование. Саратовских немцев серьезно затронули массовые репрессии, в том числе проводившиеся и по национальному признаку. Так, только в ходе «Немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. было репрессировано свыше 200 саратовских немцев [19, с. 65]. В сентябре 1941 г., вскоре после начала Великой Отечественной войны, в ходе общей *депортации* поволжских немцев все немецкое население Саратова (11,3 тыс. чел.) было выселено в Сибирь [27, с. 15-18].

Список литературы

1. Бичанина З. И. Немецкий компонент в культурной жизни Саратова (1870-е – 1930-е гг.): Дис. … канд. Ист. Наук. Саратов, 2010. С. 28.
2. Благодарность // Саратовский листок. 1915. № 1. С. 5.
3. Благодарность // Саратовский листок. 1915. № 3. С. 5.
4. Вирфель Н. А. Саратовские немцы в годы Первой мировой войны (по матенриалам местной печати) // Военно-исторические исследования в Поволжье. Выпуск 6. Саратов: Научная книга, 2005. С. 100.
5. Воронежцев А. В. Немецкие колонисты Поволжья в годы Первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // немцы России: Социально-экономическое и духовное развитие5 1871 – 1941 гг. М., 2002. С. 78-79.
6. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918-1941. М.: МСНК-пресс, 2007.
7. Герман А. А., Иларионова Т. С., Плеве И. Р. История немцев России. М., 2005. С. 225.
8. Герман А.А., Плеве И. Р. Немцы Поволжья. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002.
9. Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 56. Л. 131.
10. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 3. Оп. 1. 1915. Д. 48. Л. 63-65; 17-17б; Оп. 8. 1915. Д.7.Л.33-35.
11. Государственный Совет // Саратовский листок. 1916. 22 июля. № 157. С. 2.
12. История российских немцев в документах. М., 1993. С. 54.
13. К переименованию Немецой улицы // Саратовский листок. 1915. 10 января. № 7. С. 3;
14. Линдеман К. Э. Законы 2 февраля и 13 декабря 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России. М.. 1916. С. 153-154.
15. Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь Св. Марии в Саратове. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1995. С. 37.
16. Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 171.
17. На разные темы. Годовая энциклопедия // Саратовский листок. 1916. 1 января. № 1. С. 3.
18. Обывательская беспомощность // Саратовский листок. 1916. 5 января. № 3. С. 2.
19. Охотин Н., Рогинский А. Из истории «немецкой операции» НКВД 1937-1938 гг. // Наказанный народ: репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 65.
20. Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 2. Ч. 2. Саратов: Изд-во Сарат. гос. ун-та, 1999.
21. Поездка земцев на позицию // Саратовский листок. 1915. Сент. № 3. С. 5.
22. Совещание о тифе // Саратовский листок. 1916. 3 января. № 2. С. 5.
23. Тотфалушин В. П. «Русские» немцы и немецкий вопрос в годы первой мировой войны (на материалах Саратовской и Самарской губерний) // Краеведческие чтения: Доклады и сообщения IV- VI чтений. Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1994. С. 181.
24. Хроника. Раненые нижние чины // Саратовский листок.1915. 16 января. № 12. С.3.
25. Шульга И.И. Немцы Поволжья в российских вооруженных силах: воинская служба как фактор формирования патриотического сознания. М., 2008. С. 35.
26. Юстус К. Ф. Приволжские колонисты (По поводу закона 2 февраля 1915 г.). Саратов, 1917. С. 26.
27. German A. A. The Deportation of the German Population from the City of Saratov and the Saratov and Stalingrad Oblasts // Journal of the American Historical Society of Germans from Russia. 2000. Volume 23. № 3. P. 15-18.
28. Hermann A. Wie die Arbeitskommune (das Autonome Gebiet) der Wolgadeutschen gegruendet wurde // Die Russlanddeutschen Gestern und heute. Koeln: markus verlag, 1992. S. 162-163.

УДК 355.232.6

РАЗВИТИЕ ВОЕННО-УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД СССР В ПЕРИОД РЕФОРМИРОВАНИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ (1966-1973 ГОДЫ)

Д.А. Гузеев
Саратовский военный институт внутренних войск МВД России, Россия
E-mail: doom-64@mail.ru

Статья посвящена вопросу подготовки офицерских кадров для войск МВД СССР в 1966 – 1973 гг. Автор проводит анализ успехов и просчетов правительства СССР в организации подготовки офицеров в военно-учебных заведениях. В работе публикуются ранее не использованные источники, связанные с кадровым обеспечением войск МВД СССР в эпоху брежневских преобразований.

Ключевые слова: внутренние войска, военно-учебные заведения, МООП, МВД, СССР, подготовка офицерских кадров.

The development of military-educational institutions of the ministry of internal affairs of the USSR in the period of reforming military education (1966-1973 years)

D.A. Guzeev

The article focuses on training officers for the troops of the MVD of the USSR in 1966 - 1973, the Author carries out the analysis of successes and failures of the USSR government in the training of officers at military educational institutions. In the work published previously unused sources associated with staffing troops of the USSR interior Ministry in the era of Brezhnev transformations.

Key words: internal troops, military-educational institutions, The Ministry of public order protection, the Ministry of internal Affairs, USSR, training of officer corps.

Во второй половине 60-х годов XX века войска внутреннего предназначения [1, с 2], вступают в качественно новый этап своего развития. 26 июля 1966 года происходит объединение Министерств охраны общественного порядка Союзных республик в единое союзное Министерство охраны общественного порядка(в 1962 году Министерства внутренних дел союзных республик были преобразованы в Министерства охраны общественного порядка). В этом же году 17 октября на основании приказа МООП СССР № 20 было создано Главное управление внутренних войск, внутренней и конвойной охраны. На данное управление возлагалось руководство всеми внутренними войсками и войсками конвойной охраны

на территории союзных республик[2,с. 10].

С 30 сентября 1966 года появилась качественно новая разновидность войск МООП - Специальные моторизованные части милиции (далее СМЧМ), данные части подлежали комплектованию военнослужащими по призыву, и были предназначены для несения патрульно-постовой службы по охране общественного порядка. Численность войск предусматривалась в 10 000 человек[3,л. 1]. В соответствии с их назначением на СМЧМ возлагались задачи - по ведению борьбы с хулиганством и иными проявлениями преступности на улицах, стадионах, в парках, клубах и других общественных местах, путем несения патрульной постовой службы, а так же выполнение других внезапно возникающих служебных задач по охране общественного порядка[4]. Комплектование офицерским и сержантским составом данных частей планировалось произвести за счет кадров войск МООП и сотрудников органов милиции отвечающих требованиям войск, имеющих необходимое военное и специальное образование, а так же опыт службы в войсковых подразделениях. Назначение на должность планировалось производить в порядке, установленном во внутренних войсках и войсках конвойной охраны. Начальствующий состав органов милиции при зачислении на службу в СМЧМ переаттестовывался на воинские звания внутренней охраны [5, л. 2].На основании расчета выделяемого начальствующего состава и специалистов из органов охраны общественного порядка для укомплектования СМЧМ планировалось выделить 580 человек[6].

В соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» принятый Верховным Советом СССР 12 октября 1967 года было определено, что Вооруженные Силы СССР состоят из Советской Армии, Военно-Морского Флота, пограничных и внутренних войск. После проведенной соответствующей подготовительной работы 19 ноября 1968 г. Совет Министров СССР принял постановление № 896 – 312 «О составе внутренних войск», согласно которому к внутренним войскам были отнесены внутренние войска (к составу внутренних войск МООП СССР были отнесены – внутренние войска, внутренняя и конвойная охрана, военно-учебные заведения МООП СССР.), войска правительственной связи, а так же военно-учебные заведения КГБ при Совете Министров СССР[6, л. 244]. Этим же документом соединения и части внутренних войск после семнадцати летнего перерыва вновь получили войсковую организационную структуру и наименования дивизия, полк, батальон, рота, взвод. Названия «внутренние войска», «внутренняя» и «конвойная охрана» заменялись наименованием «внутренние войска». В составе Министерства внутренних дел переименованного из Министерства охраны общественного порядка, 25 ноября 1968 г. вместо Главного управления внутренних войск, внутренней и конвойной охраны было образовано Главное управление внутренних войск [8, с. 35].

Одновременно с реформированием войск дальнейшее развитие получила и подготовка офицерских кадров. В связи с оснащением

внутренних войск, внутренней и конвойной охраны МООП средствами связи и сигнализации, возникла необходимость в повышении технических знаний молодых офицеров. Поэтому в военных училищах с 1965/66 учебного года была введена новая гражданская специальность «Районная электрическая связь и радиофикация». Училища стали готовить офицеров со средним военным и средним специальным гражданским образованием по учебному плану, утвержденному Министерством высшего и среднего образования СССР. Лицам, окончившим училище наряду с ведомственными дипломами о среднем военном образовании, выдавались дипломы общесоюзного образца, с присвоением квалификации «техник электрик проводной связи и радиофикации». Курсанты, принятые в 1962, 1963, 1964 гг. в военные училища продолжали обучение, по действующей учебной программе подготовки специалистов со средним военным и средним техническим образованием[9, л. 72].

Однако в связи с введением новых технических специальностей обозначилась острая кадровая проблема с преподавателями по физике, электро-радиотехнике, математике, черчению, теоретической механике и др. Поэтому преподавательский состав училищ начал комплектоваться не только офицерами, прибывшими с войск, но и офицерами призванными из запаса и зачисленными в кадры МВД СССР. Как правило, это были выпускники технических факультетов гражданских учебных заведений, где имелись военные кафедры. Они являлись прекрасными специалистами своего дела. Однако, военных знаний, навыков и умений, полученных в студенческие годы им явно не хватало [10, с. 191].

12 декабря 1966 г. на основании постановления Совета Министров СССР и приказа МООП № 0123 все высшие и специальные средние учебные заведения перешли из ведомственного подчинения МООП союзных республик в подчинение МООП СССР. В их составе были:

1. Ленинградская военно-политическая школа;
2. Орджоникидзевское военное училище им. С.М. Кирова;
3. Харьковское военное училище тыла;
4. Саратовское военное училище им. Ф.Э. Дзержинского [11, л. 63].

Данное объединение было сделано для того чтобы сосредоточить военно-учебные заведения (далее ВУЗ) под единым командованием Управления учебных заведений созданного при МООП СССР. Это стало началом новой эпохи в развитии процесса подготовки офицерских кадров для войск внутреннего предназначения.

4 февраля 1967 г. приказом МООП СССР № 050 были утверждены новые правила приема в специальные и средние учебные заведения Министерства охраны общественного порядка. В специальные учебные заведения принимались лица положительно характеризовавшиеся, годные по состоянию здоровья к учебе, работе в кадрах МООП и успешно выдержавших вступительные экзамены.Преимущественным правом при зачислении в специальные средние учебные заведения пользовались лица, награжденные по окончании неполной средней школы похвальными

грамотами (отличники), а так же лица, награжденные по окончании средней школы золотыми или серебряными медалями. В школы и училища принимались лица рядового, младшего и среднего начальствующего состава, военнослужащие сверхсрочной службы, рабочие и служащие войск и охраны МООП, а так же гражданские лица отслужившие срок действительной военной службы, имеющие законченное среднее образование в возрасте не старше 30 лет[12, л. 126].

В ВУЗ разрешалось принимать лиц рядового и сержантского состава срочной и сверхсрочной службы в возрасте не старше 25 лет, а так же гражданских лиц в возрасте от 17 до 23 лет имеющих законченное среднее образование. В Ленинградскую военно-политическую школу на отделение подготовки политработников для Исправительных трудовых колоний (далее ИТУ) - принимались лица рядового и начальствующего состава органов, военнослужащие сверхсрочной службы войск МООП, рабочие и служащие ИТУ, а так же гражданские лица отслужившие срок действительной военной службы, имеющие законченное среднее образование, являющиеся членами и кандидатами в члены КПСС в возрасте не старше 30 лет[13].

Отбор кандидатов в специальные средние учебные заведения производился Министерством охраны общественного порядка союзных и автономных республик, Управлениями охраны общественного порядка крайоблисполкомов, войсковых соединений, в отдельных случаях отбор кандидатов мог производиться непосредственно учебными заведениями. Количество кандидатов подлежащих отбору определялось разнарядкой объявляемой МООП.По данному приказу определялся порядок организации вступительных экзаменов в данные учебные заведения. Конкурсные вступительные экзамены в школах и училищах предписывалось проводить экзаменационным предметным комиссиям, которые назначались приказами начальников учебных заведений. Экзамены планировалось проводить с 1 по 30 сентября на дневных отделениях. Начало занятий было определено с 1 октября. На заочные и вечерние отделения экзамены начинались с 1 по 30 октября [14, л. 128.].

Поступающие в ВУЗ должны были сдать экзамены по своим направлениям. Так, на общевойсковые отделения Саратовского и Орджоникидзевского училищ, а так же в Харьковское военное училище по профилю связь, авто-техническое и оружейно-техническое отделения и на отделение подготовки работников Госавтоинспекции были предусмотренные следующие экзамены: по русскому языку (сочинение), по математике (письменно и устно), на интендантское отделения Харьковского военного училища помимо русского языка и математике поступающие сдавали еще и экзамен по химии (устно).Кандидаты, поступавшие в учебные заведения на базе неполной средней школы подвергались упрощенной форме вступительных экзаменов. Для них были предусмотрены экзамены по русскому языку (диктант), по русскому языку и литературе (устно) и по математике (устно).

В 1967 году на основания приказа МООП при военно-учебных заведениях были организованы курсы по подготовке командиров групп (взводов) и заместителей по политической части командиров команд (рот) для внутренних войск и войск внутренней и конвойной охраны, а также заместителей по политической части командиров команд (рот) при военно-учебных заведениях МООП СССР в количестве 1000 человек. Из них 700 человек направлялось на курсы подготовки командиров взводов, а 300 на курсы подготовки заместителей по политической части. Набор происходил в две очереди по 500 человек каждая. Срок обучения на курсах подготовки командиров групп (взводов) составлял 7 месяцев, заместителей командиров команд (рот) 9 месяцев. В соответствии с положением об экстернате предписывалось принять от курсантов в процессе обучения экзамены (зачеты) по программе военного училища (по пехотному профилю) по предметам, не выносимым на государственные экзамены. От лиц сдавших указанные экзамены и зачеты по окончании курсов требовалось принять государственные экзамены[15, л. 151].

На государственные экзамены выносились следующие предметы: тактика, служебная подготовка, история ВКП(б), огневая подготовка, физическая подготовка, уставы. Остальными предметами за курс обучения в училище выносимыми на экзамены были история СССР, строевая подготовка, русский язык, математика, военная топография, история военного искусства, военно-хозяйственная подготовка, иностранные языки, основы воинского воспитания, военная администрация[16, л. 4].

Командирам соединений и отдельных частей внутренних войск и конвойной охраны надлежало произвести отбор кандидатов на курсы из числа сверхсрочнослужащих в возрасте не старше 28 лет, а также сержантов и солдат третьего и как исключение второго годов службы, имеющих среднее образование, годных по состоянию здоровья к обучению в военном училище. Преимущество в отборе на данных курсах отдавалось коммунистам и комсомольцам, отличникам боевой подготовки изъявивших желание после службы остаться в рядах внутренних войск и конвойной охраны на офицерских должностях. Кандидаты на курсы подготовки заместителей по политической части командиров команд (рот) подбирались из числа членов в партию, комсомольского актива, членов в кандидатов КПСС. Для отбора сержантов и солдат на курсы в соединениях и воинских частях создавались комиссии под председательством заместителей командиров соединений[17, л. 266]. Курсантов обучающихся на курсах из списков личного состава частей и соединений на период обучения предписывалось не исключать.

На время работы курсов и сдачи экзаменов к Ленинградской военно – политической школе и Орджоникидзевскому военному училищу Главное управление внутренних войск и внутренней и конвойной охраны прикомандировывало 11 и 9 офицеров соответственно. Для использования их на командной и преподавательской работе[18, л. 153].

2 января 1969 года приказом МВД СССР на базе Ленинградской военно-политической школы было организовано Высшее

военно-политическое училище МВД СССР со сроком обучения 4 года и ежегодным приемом 300 слушателей и курсантов. Лицам, окончившим училище выдавался диплом единого образца установленных для высших учебных заведений СССР[19, л. 13]. Это было сделано для того, что бы повысить качество подготовки квалифицированных кадров политработников с высшим образованием для органов милиции, внутренних войск, внутренней и конвойной охраны и ИТУ.В военно-политическое училище МВД СССР принимались лица из числа членов КПСС, кандидатов в члены КПСС и комсомольцы, имеющие среднее образование, годных по состоянию здоровья к учебе и службе в кадрах органов и войск МВД СССР. На факультет подготовки политработников органов милиции и ИТУ принимались лица среднего и старшего начальствующего состава органов МВД в возрасте до 30 лет. На военно-политическийфакультет принимались рядовой и сержантский состава срочной и сверхсрочной службы внутренних войск, внутренней и конвойной охран в возрасте не старше 25 лет, а так же гражданские лица в возрасте от 17 до 23 лет[20, л. 14].

Так же при военно-политическом училище были организованы курсы усовершенствования политсостава органов и войск МВД численностью 150 человек, со сроком обучения 1 год. Условия материального обеспечения и денежного содержания для слушателей факультета по подготовке политработников отделов милиции и ИТУ устанавливалось соответствующего действующему для слушателей в Высшей школе МВД СССР. Материальное обеспечение курсантов военно-политического факультета производить в порядке и нормам предписанных для высших военно-политических училищ Министерства Обороны СССР [21].

Данные преобразования затронули не только войска внутреннего предназначения, но и военные училища и школы, готовившие кадры для этих войск. Исходя из требований партии, изложенные на XXIIсъезде ЦК КПСС, в которых говорилось что «…офицерские кадры должны иметь высокую военно-техническую подготовку, отвечать всем требованиям современной военной теории и практики…»[22, с. 423]в военных училищах были предприняты шаги по подготовке технически грамотных офицеров. Однако, несмотря на все изменения направленные на оптимизацию учебного процесса в ВУЗ МВД СССР наблюдалось еще много проблем, которые следовало решать незамедлительно. Автор считает, что сегодня на фоне коренных преобразований в Российском военном образовании происходящих сегодня, данная тема имеет перспективное направление для рассмотрения.

Список литературы

1. Гузеева А.Н. «Подготовка кадров среднего командного состава для войск ОГПУ-НКВД СССР (1930-1945 гг.) Исторический аспект. Дис… канд. ист. наук. Саратов 2001 г.

2. Баранов В. П. Деятельность государственных, партийных и ведомственных органов власти по строительству и развитию внутренних войск МВД СССР(период с середины 1960-х по 1991 год). Монография / В. П. Баранов. – М. 2008.

3. Центральный архив внутренних войск (далее ЦАВВ). Ф. 94. Оп. 1с. Д 02. Т. 1. Л.1.
4. Там же. Л. 3.
5. ЦАВВ. Ф. 94. Оп. 1с. Д 02. Т. 1. Л. 2.
6. Там же. Л. 14.
7. ЦАВВ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 130. Л. 244.
8. Свод законов СССР. 1968 – 1970 гг. Т.3. М., 1971. С. 35.
9. Исторический формуляр Орджоникидзевского военного училища им. С.М. Кирова. Т. 3. Гл. 1 История организационного строительства и развития училища. Л. 72.
10. Гульбинский Ю.В. Учебно-педагогическая, организационно-хозяйственная и служебно-боевая деятельность четвертой школы пограничной охраны войск ОГПУ (Саратовского военного училища). 1932 – 1973 гг. Дис. канд. ист. наук. Саратов 2008. С. 191.
11. ЦАВВ. Ф.94. Оп. 1с. Т. 1.Д 02. Л. 63.
12. ЦАВВ. Ф. 94. Оп. 1с. Д. 02. Т.1. Л. 126.
13. Там же.
14. ЦАВВ. Ф. 94. Оп. 1с. Д. 02. Т.1. Л. 128.
15. ЦАВВ. Ф. 94. Оп. 1с. Д. 02. Т.1. Л. 151.
16. Исторический формуляр Орджоникидзевского военного училища им. С.М. Кирова. Том 2. Глава 3 Боевая подготовка части. Л. 4.
17. ЦАВВ. Ф. 2в. Оп. 3. Д. 35. Л. 266.
18. ЦАВВ. Ф. 94. ОП. 1с. Д. 02. Т.1. Л. 153.
19. ЦАВВ. Ф. 94. ОП. 1с. Д. 03. Л. 13.
20. ЦАВВ. Ф. 94. ОП. 1с. Д. 03. Л. 14.
21. Там же
22. Некрасов В. Ф. Внутренние войска Советского государства 1917-1977 – М. Академия МВД СССР. С. 423.

УДК 316.334.23(470+571)

СОЦИАЛЬНЫЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В ПОВОЛЖСКОМ РЕГИОНЕ

З.М. Дыльнова, М.В.Калинникова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: Kalinnikova1@rambler.ru

Статья посвящена анализу внешних и внутренних факторов, влияющих на успех в предпринимательской деятельности на примере Поволжского региона.

Ключевые слова: риск, предпринимательство, успех, регион.

The social risk of employer development in Volgaregion

Z.M. Dylnova, M.V. Kalinnikova

This article is devoted to analysis outwar and inside of factor to influence success in employer activities on the example Volgaregion.

Key words: risk, employer, success, region.

Развитие предпринимательства в регионах РФ сталкивается с многочисленными социальными рисками, которые являются в основном однотипными. При этом под предпринимательским понимается риск, возникающий при любых видах предпринимательской деятельности, связанных с производством продукции, товаров и услуг, их реализацией; товарно-денежными и финансовыми операциями; коммерцией, а также осуществлением научно-технических проектов. Как показывает практика, существуют внешние и внутренние причины и факторы, влияющие на появление рисков при осуществлении предпринимательской деятельности.

Важнейшими внешними препятствиями развитию предпринимательства являются высокие риски реализации крупных проектов; расхождение реальных правил игры в сфере бизнеса с действующими законами и нормами; чрезмерное налоговое бремя. Из внутренних проблем функционирования предпринимательства можно назвать отсутствие четкой стратегии развития фирм и недостаточная квалификация персонала; нехватка собственных финансовых ресурсов; неудовлетворительный менеджмент внутри фирмы. Сами предприниматели отмечают также проблему слишком высоких налоговых ставок, запутанность налоговой системы, сложность и несовершенство в вопросах регистрации предприятия, например, сертификацию продукции, лицензирование, чиновничью волокиту.

Авторское социологическое исследование, проведенное в Поволжском регионе, показало [1, с. 168], что среди внешних факторов, влияющих на предпринимательский успех респондентов наиболее важными являются: налаженные связи в деловом мире – для 28,9% респондентов, что составило 22,4% от общего числа ответов; для 18,1% респондентов – поддержка влиятельных лиц, что составило 14% от общего числа ответов; для 14,5% респондентов – не загруженность семейными делами, что составило 11,2% от общего количества респондентов; для 7,2% респондентов – весомое положение в обществе, что составило 5,6 % от общего числа; для 6% респондентов – отсутствие детей и ухода за ними, что составило 4,7% от общего числа ответов; для 4,8% респондентов – помощь криминальных структур, что составило 3,7% от общего числа ответов; для 1,2% респондентов – помощь друзей, что составило 0,9% от общего числа ответов; 31,3% респондентов затруднились ответить, что составило 24,3% от общего числа ответов. Тот факт, что значительное количество респондентов затруднилось ответить, скорее всего, объясняется тем, что варианты ответов не полностью отражены в анкетах, а также возможно не правильно сформулирован вопрос.

Среди внешних факторов, влияющих на успех респондентов, наиболее важным оказался такой фактор как общительность – 37,3% респондентов выбрали этот вариант, что составило 15,9% от общего числа опрашиваемых;

для 27,7% респондентов – упорство и постоянство, что составило

11,8% от общего числа опрашиваемых; для 25,3% респондентов – настойчивость в достижении цели, что составило 10,8% от общего числа опрашиваемых; для 22,9% – обаяние, что составило 9,7% от общего числа ответов; для 21,7% - «легко внушаю доверие», что составило 9,2 % от общего числа ответов; 15,7% респондентов выделили такой фактор, как умение оценивать людей, что составило 6,7% от общего числа ответов; также 10,8% респондентов выделяют восприимчивость к инновациям, что составило 4,6% от общего числа; равное количество ответов набрали умение подать себя и интеллект по 9,6% соответственно, что составило по 4,1% от общего числа ответов; умение постоять за себя выбрали 8,4 респондентов, что составило 3,65 от общего числа ответов, для 3,6% респондентов важна эффектная внешность, что составило 1,5% от общего количества ответов; также для 3,6% респондентов важны жесткость и бойцовские качества, что составило 1,5% от общего числа ответов.

Препятствия на пути предпринимательства получили наименование «административные барьеры». Именно различные администрации, по заявлениям 44% опрошенных, доставили максимальные неудобства при регистрации и постановке бизнеса на учет. На поборы при согласовании проекта указала четверть предпринимателей. Половине представителей бизнеса пришлось в «добровольно-принудительном» порядке делать взносы в районный внебюджетный фонд (49% респондентов), в городской (26%) и в областной (13%). 60% опрошенных предпринимателей признались, что не видят перспективы в деле, котором занимаются, и считают деловой климат Саратова для малого и среднего бизнеса неблагополучным. Среди предпринимателей сильны негативные настроения, которые во многом обусловлены деятельностью местных органов самоуправления. Многие респонденты подчеркивают значение принятых законов и постановлений на республиканском и федеральном уровнях, которые, однако, далеко не всегда реализуются на практике. Существует значительный дефицит информации о деятельности правительства РФ, что снижает эффективность его политики в сфере предпринимательства.

Продолжая анализ социальных рисков в предпринимательской деятельности в Саратовской области, отметим, что имеется достаточно высокий ресурсный потенциал для их снижения, за счет грамотного использования и поддержки предпринимательской активности. Необходимо отметить, прежде всего, высокий авторитет Саратова в России и за рубежом как крупного научно-исследовательского и учебного центра, высокий уровень образования жителей города. В Саратове функционируют три научно-технических парка (при СГТУ, СГУ, СГАУ), Поволжский региональный информационно-аналитический центр инновационного предпринимательства, научный парк при Поволжском межрегиональном учебном центре Минтруда и социального развития РФ, международный инновационный центр, региональная Торгово-промышленная палата и др.

В то же время сформировавшаяся структура экономики Саратовской

области является существенным препятствием в развитии предпринимательства, поскольку в ней преобладают предприятия оборонных отраслей и добывающих отраслей промышленности, также наблюдается низкий уровень платежеспособного спроса населения, невысокая инвестиционная активность физических и юридических лиц, отсталость промышленных технологий. В 2000 г в Саратовской области было зарегистрировано 10848 малых предприятий, на которых было занято 85662 человека. В расчете на 1000 человек в Саратовской области зарегистрировано 4 малых предприятия, в то время как в среднем по стране – 6 малых предприятий. Доля малых предприятий в Саратовской области составляет 22% от общего числа зарегистрированных организаций, что также ниже среднестатистического уровня.

Таким образом, осознанные возможности в российском обществе, которые способствовали бы предпринимательской деятельности, должны заключаться в создании инфраструктуры, включающей специализированные подструктуры различных направлений: информационного, научно-технического, технологического, правового, налогового, финансового, имущественного. Они должны стать базисом по оказанию спектра деловых услуг, налаживанию деловых контактов и кооперации, который бы минимизировал риски предпринимательской деятельности в регионе.

Список литературы

1.Дыльнова З.М. Предпринимательство в структуре гражданского общества современной России / Под ред. д.социол.н. Н.В. Шахматовой. – Саратов: Изд-во «Научная книга», 2006.-273с.

УДК 1(091)

ТРАДИЦИЯ ОРГАНИЦИЗМА В РУССКОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ: К АНАЛИЗУ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО УЧЕНИЯ КЛАССИЧЕСКОГО ЕВРАЗИЙСТВА

О.С. Исаева
Пензенский государственный университет, Россия
E-mail: okcana_isaeva@mail.ru

Статья посвящена классическому евразийству – оригинальному течению русской философской мысли, в котором традиция органицизма, укоренившаяся во взглядах отечественных мыслителей, проявляется наиболее характерно. В центре внимания – социально-философское учение классических евразийцев, отражающее последовательное проведение позиции органицизма в их теоретических и проективных взглядах.

Ключевые слова: классическое евразийство, органицизм, органичность, соборность, принцип служения

Tradition of organicism in Russian philosophical thought: to the analysis of socio-philosophical doctrine of classical Eurasianism

O.S. Isaeva

The article is devoted to the classical Eurasianism – the original current of Russian philosophical thought, in which the tradition of organicism, rooted in the views of domestic thinkers, manifested most characteristically. In the center of attention is a socio-philosophical doctrine of classical Eurasians, reflecting the consistent implementation of position of organicism in their theoretical and projective views.

Key words: classical Eurasianism, organicism, organicity, sobornost, principle of serving

Воззрения на общество как на некоторую систему, функционирующую подобно организму, с давних времен характеризуют многие социально-философские построения творческих умов всего мира. Рассмотрение общественных структур по аналогии с человеческим организмом встречается в трудах таких мыслителей как Аристотель, Г.В.Ф. Гегель, Ф. Ратцель, Т. Гоббс, Ж. Руссо, Г. Спенсер и других. Исключением не являются и отечественные философы. В силу особенностей исторического развития российского общества устремления русских мыслителей зачастую сводились к попытке обоснования его целостности и единства, что, в свою очередь, отражалось в становлении в отечественной философии, как доминирующей, традиции органицизма.

В истории отечественной философии идеи органицизма были свойственны мыслителям самых различных направлений вне зависимости от их социально-политических и мировоззренческих установок. К числу таковых относятся представители любомудров, почвенников, славянофильского, позитивистского направления, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, В.В. Розанов, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский и многие другие. Особое место среди них занимает классическое евразийство, участники которого, являясь представителями самых разных сфер научной деятельности, пришли к консенсусу и объединились вокруг одной общей для всех идеи – идеи целостности самобытного российского государства, обусловливающих его силу и мощь. По нашему мнению, именно видение евразийцами России-Евразии как единого мира, особого во всех его отношениях (культурном, экономическом, геополитическом, этнографическом и др.) выступает основой их взгляда на общество как органического целого.

Органицистская (органическая) традиция возникает, как правило, в противовес механицизму, истолкованию общества как суммы его частей. А.Ф. Лосев, говоря о механизме, полагал, что объединяющим все его элементы и части звеном выступает идея, ничего нового в них не привносящая и не изменяющая их, а лишь дающая «свой метод их объединения» [7, с. 46]. Диалектическое взаимодействие частного и общего в механизме проявляется, по мнению философа, в том, что общее

выражается без привлечения частных моментов, они не существенны для его понимания. «Частное имеет целью только показать общее, голое общее, которое по смыслу своему чуждо всякого частного» [7, с. 46]. Если же говорить о противоположности механизма – организме, то здесь предполагается качественно иной уровень понимания частного и общего. Связи между элементами в механизме лишь внешние и замена одного элемента на другой не внесет никаких видимых изменений в его функционирование. В организме целое устроено иерархически, в нем мы не сможем изъять какой-либо его части, не нанеся вреда всему организму и не нарушив его функционирования.

Как и их предтечи, Н.Я. Данилевский и К.Н. Леонтьев, евразийские мыслители стояли на позициях органицизма. Общей предпосылкой евразийцев, разделяемой всеми участниками движения, является мысль об «“убывании души” европейской культуры» [4, с. 20]. Учение классических евразийцев оформилось в начале 20 века, когда, как отмечали мыслители, налицо было проявление кризиса науки и научного миросозерцания, сопровождавшегося упадком «великих философских систем XIX века» [4, с. 20]. Суть этого кризиса евразийцы усматривали в «исчезновении органически-синтетических идей, в замене органического единства внешним и механическим, что и сказывается, с одной стороны, в скептическом релятивизме и специализации, с другой – в безнадежных попытках объяснить все явления по типу механических связей и материального бытия» [4, с. 20]. Евразийцы едины в стремлении противопоставить «основному понятию старого миросозерцания – понятию отделенного и замкнутого в себе социального атома» «понятие личности как живого и органического единства многообразия; понятию механической связи и внешней, отвлеченной системы – понятие органического единства или, вернее и точнее, единства личного» [4, с. 21]. Все евразийское учение получает свое методологическое обоснование в рамах метафизической концепции всеединства Л.П. Карсавина, в котором центральное место занимает понятие симфонической личности. Евразийцы считают личностями не только индивидов, но и различные социальные группы, народы, культуры, и все человечество. Личность определяется евразийцами как «такое единство множества (ее состояний, проявлений и т.д.), что ее единство и множество отдельно друг от друга и вне друг друга не существуют». Согласно евразийцам, «личность – единство множества и множество единства. Она – всеединство, внутри которого нет места внешним механическим и причинным связям» [4, с. 21]. Симфоническая личность - не пространство, содержащее в себе связанные механическими связями отдельные элементы – индивидуальные личности, но сами они в их единстве, единстве, основанном на связях личных или органических. Таким образом, западному механицизму, классические евразийцы противопоставляют органицизм, в основе которого лежит как первостепенная проблема обоснования целостности и единства Российско-Евразийского мира.

Весь мир предстает в учении евразийцев как симфоническая личность, Россия-Евразия – одна из них. Симфоническая или соборная личность устроена иерархично. На вершине иерархии находится всеединая личность церкви, как совершенная и полная личность, в которой в порядке убывания их соборности расположены симфонические личности, чья полнота эмпирически не осуществима. У основания иерархии стоят индивидуальные личности, которые всегда иерархически ниже любой соборной или симфонической личности. Индивидуальная личность по отношению к симфонической выступает ее свободной самоиндивидуализацией, а симфоническая личность является и единством, и согласованным множеством индивидов сразу.

Обращаясь к работам евразийских мыслителей, мы встречаем характерные для органицистов сопоставления культуры и общества с организмом. П.Н. Савицкий и Н.С. Трубецкой уподобляли организму культуру. Так, П.Н. Савицкий, предварительно оговариваясь, что в своем учении евразийцы не принимают «“натуралистического” или “органического” взгляда на общество», утверждает «действительное бываньe общественно-культурных “зарождений”, “расцветов” и “упадков”» [8, с. 113]. Вероятнее всего, философ не хочет уподоблять судьбу культуры и общества судьбе личности в буквальном смысле, полностью подчиняя человека законам природы, в духе французских материалистов XVIII в., ведь такое понимание подразумевает взаимодействия людей между собой лишь для удовлетворения своих биологических потребностей. В первом совместном манифесте евразийского движения мы также находим следующую формулировку: «Культура не есть случайная совокупность разных элементов и не может быть такой совокупностью. Культура – органическое и специфическое единство, живой организм», что все же подтверждает органицистские (органические) воззрения евразийцев [4, с. 40]. Н.С. Трубецкой, рассуждая о культурных особенностях России-Евразии, говорит о существовании особых организмов – культурных личностей, употребляя выражение «национальный организм», что также характеризует его воззрения как органические [9, с. 163].

Одной из ключевых фигур классического евразийства является российский философ права Н.Н. Алексеев. Его государственно-правовое учение и стало основой разработок идеального государственного устройства евразийского социального проекта. Алексеев в евразийский период развития своего творчества придерживался четкой органицистской позиции. Общество, отмечает философ, не является взаимодействием «вполне самостоятельных личностей» [3, с. 434]. Алексееву импонирует мнение о том, что государство как социальное единство есть явление естественное, «естественное состояние человеческого рода». Общественную жизнь необходимо рассматривать с точки зрения одной из фаз «естественного развития организмов», а не с точки зрения изобретения

разума [3, с. 438]. Мыслитель приходит в итоге к выводу, что государство, понимаемое как «организованное общество» нельзя называть «социальным организмом», поскольку присущая ему органическая струя «не покрывает государства в целом». «Живое государство есть как бы сопряжение органического начала с инструментальным, стихийно биологического с – разумно деятельным» [3, с. 443]. Государство, согласно Н.Н. Алексееву, является не «социальным организмом», а известной формой развития, которой могут достигнуть (а могут и не достигнуть) при соответственных условиях «социальные организмы», в число которых входят племена, культуры, расы национальности. Эта форма вовсе не является необходимой. Таким образом, обществу, по Н.Н. Алексееву «органическая струя» присуща всецело, поэтому общественная жизнь и органичность являются в некотором смысле понятиями неразличимыми, т.е. органичность является неотъемлемой характеристикой общества. Становление же «органичного» государства не является обязательным, так как между государством и органичностью нет полного соответствия.

Н.Н. Алексеев однозначно утверждает лишь, что в каждом «социальном явлении», а значит и в обществе, и в государстве, личность всегда подчинена целому: «общественной реальностью является не личность, а социальное целое… общество есть нечто первоначальное, а отдельные личности, духовные монады – только производные части, несамостоятельные величины» [3, с. 433]. Определяющей для всего учения о государстве и праве Н.Н. Алексеева и ставшей центральной и для социального проекта классических евразийцев формулировкой выступает следующее утверждение: «Личность существует не «для себя», но только для целого» [3, с. 433].

Обоснование этого тезиса мы найдем и в метафизических воззрениях евразийцев. Понятие соборности, под которой евразийцы понимали единство «по всему и во всем», органическое единство целого и всех его частей – симфонических и социальных (индивидуальных) личностей, является центральным в их философии. Принцип соборности означает, что каждый должен стремиться к единому центру – церкви, к достижению единой цели – к саморазвитию в раскрытии и осуществлении личности Бога. А для этого, согласно Л.П. Карсавину, необходимо, чтобы личность осознанно могла ограничивать свои эгоистические интересы, понимая, что все, что ей дано – дано Богом, «она не создает что-то свое, а только по-своему образует и индивидуирует целое» [6, с. 421], и потому гордиться своими талантами и считать их своими собственными достижениями для личности нелепо. Личность должна проникнуться смирением. Гордыня отъединяет личность от Бога, а приближает к нему – чувство любви. Только жертвуя чем-то своим, личность способна «достичь истинного саморазвития». «Она (личность) должна свободно смириться и свободно сделать сознательным бессознательное свое стремление к Богу» [6, с. 421].

В действительных, эмпирических взаимоотношениях личностей в

обществе принцип соборности выражается в сформулированной Н.Н. Алексеевым идее служения, которая находит свое проявление в концепции правообязанностей. Существующую теорию естественного права Алексеев считает чисто западным явлением, отражающим локальный процесс развития только западного мира, где «на место властного союза, государства, требующего подчинения и жертвы, была поставлена человеческая личность с ее интересами» [3, с. 386]. Он утверждает, что в западной государственной жизни начало права всегда преобладало над началом обязанности. Праву властвующих здесь противопоставлялось самостоятельное право подвластных, в результате чего, как утверждает Н.Н. Алексеев, и появились конституции как отдельные соглашения о взаимных правах. Обязанность в таком государственном строе существует только как уступка сопротивлению, как «отрицательная» обязанность от чего-либо воздерживаться, что-либо терпеть, что-либо допускать. По мнению Н.Н. Алексеева, взаимосвязь обязанностей и прав в таком государстве чисто механическая. Ключевым моментом здесь является позиция правителей, усвоивших взгляд на власть как на свое право.

В противоположность западной цивилизации, российское государство сформировалось «при преимущественном преобладании начала обязанности», причем обязанности положительной, выражающейся в каком – либо действии [1, с. 164]. Вместо западных представлений о субъективном праве в сложившейся в России государственности доминировали «семейно–патриархальные обязанности», а связь между правами и обязанностями даже в период удельно – вечевой системы была более тесная, чем на западе. Опираясь на взгляды славянофилов, С.Л. Франка и П.И. Новгородцева, евразийские мыслители в противовес западной концепции права выдвигают концепцию правообязанностей, как органического сочетания прав и обязанностей. Примером существования такой взаимосвязи являются институты публичного права. Именно в публичных отношениях, как полагает Н.Н. Алексеев, свободная возможность внутренне соединяется с долгом, и право превращается в правообязанность. «Входящее в правоотношения начало публичности, которое есть в то же время начало общественности, придает праву характер обязанности, превращает его в правообязанность, и, наоборот, входящее в государственные обязанности начало публичности или общественности придает обязанностям характер права» [1, с. 159]. Идеальным государственным строем, по убеждению евразийского правоведа, будет являться тот, где в правоотношениях обе стороны будут правообязаны, а именно: правящий слой государства будет проникнут мыслью о том, что власть его «не есть право, а и обязанность», с одной стороны, и с другой, управляемые будут не простыми объектами власти, не только носителями обязанностей, как отрицательных (воздерживаться от чего-то), так и положительных (что-либо делать), но и будут носителями

правомочий. При этом правомочия эти они не должны считать «правами», противостоящими другим, враждебным «правам» (как это происходит в Европе), но должны считать их истинными «правообязанностями», т. е. соединенными с свободным усмотрением обязанности по участию в государственной власти [1, с. 160]. В таком обществе «всякое право…функционально связано с известными обязанностями, и, чем больше права, тем тяжелее связанные с ними обязанности» [3, с. 513]. Таким образом, обязанность в социальном проекте евразийцев становится всеобщей обязанностью – обязанностью социального служения государственному целому. Выполнять обязанности и осуществлять служение должен не только народ, но и властные органы также должны идти «по линии общественного служения, составляющего основное ее задание и основную ее миссию» [2, с. 379]. Заметим, что служение всегда связано с жертвенностью и проявлением чувства любви, с осознанным исполнением чувства долга.

Таким образом, классические евразийцы, стоя на позиции органицизма и противопоставляя ее механицизму, стремились к обоснованию особенности мира России-Евразии как особого органического образования – единой симфонической личности, в котором начало обязанности утверждалось ими как главенствующее, органично сочетаясь при этом с началом права. Евразийцы последовательно проводят в своей философии принцип соборности как органического единства целого и его частей, выражающегося в обществе в принципе социального служения, предполагающего служение благу целого – государству России-Евразии и выполнение, таким образом, общего дела, роли, заданной целым.

Список литературы

1. Алексеев Н.Н. Обязанность и право // Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – С. 155-168.

2. Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – С. 372-385.

3. Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Русский народ и государство. – М.: Аграф, 1998. – С. 386-624.

4. Евразийство (опыт систематического изложения) // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 13-78.

5. Карсавин Л.П. Феноменология революции // Русский узел евразийства. Восток в русской мысли.– М.: Беловодье, 1997. – С. 141-201.

6. Карсавин Л.П. Церковь, личность и государство // Малые сочинения. Памятники религиозно-философской мысли. – СПб.: Алетейя, 1994. – С. 414-446.

7. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Философия. Мифология. Культура. – М.: Политиздат, 1991. – С. 21-186.

8. Савицкий П.Н. Два мира // Континент Евразия. – М.: Аграф, 1997. – С. 113-123.

9. Трубецкой Н.С. Общеславянский элемент в русской культуре // История. Культура. Язык. – М.: Прогресс, 1995. – С. 162-210.

УДК 061236.61(100)

НЕЗАВИСИМОСТЬ США: МАСОНСКИЙ СЛЕД

С.Е. Киясов
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: sergeykiyasov@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению деятельности масонских лож североамериканских колоний Британии. В период борьбы за независимость масонские структуры Америки стали местами собраний патриотов. В статье подчеркивается, что ложи оказали заметное влияние на процессы создания федеративного североамериканского государства.

Ключевые слова: масонское движение, регулярная ложа, «американизация» масонства.

Independence of the USA: Masonic Trace

S.E. Kiyasov

The article is devoted to the activity of the first Masonic lodges in the North-American colonies of Britain. During the period of struggle for independence Masonic headquarters became the places for patriotic meetings. The author emphasizes, that the lodges considerably influenced the processes of the establishment of the federative North-American state.

Key words: the Masonic movement, a regular lodge, “Americanization” of masonry.

Масонское движение США требует особого внимания, поскольку его становление и эволюция теснейшим образом связаны с рождением нового заокеанского государства [7; 8; 9; 10; 11; 12; 14]. Ярким примером такого влияния является принадлежность к масонским ложам многих выдающихся политиков США, включая первого президента Джорджа Вашингтона. Масонским был также командный состав армии североамериканских колонистов. Помимо самого Вашингтона, занявшего пост главнокомандующего, «вольными каменщиками» являлись такие прославленные генералы, как Ричард Монтгомери, Хью Мерсер, Артур Сен-Клер, Горацио Гейтс, Израэль Патнам, Джон Старк. Обилие примеров влияния «вольных каменщиков» на события североамериканской революции позволяет называть ее «масонской». Впервые такое мнение высказали сами участники Войны за независимость. Не случайно, француз Ж. П. Лафайет, член влиятельных масонских лож, а позже – участник Французской революции, приветствуя победу заокеанской революции, заявил: «Пусть этот великий памятник, воздвигнутый во имя Свободы, послужит уроком для угнетателей и примером угнетенным» [3, с. 184].

В целом связь североамериканских масонских структур с наиболее яркими эпизодами Войны за независимость не вызывает сомнений. Однако их альянс с политикой нуждается в существенных пояснениях и комментариях.

Первые масонские ложи на территории английских колоний в Северной Америке появились в начале 30-х гг. XVIII столетия. Они оставались немногочисленными и накануне Войны за независимость насчитывали несколько сотен человек [13, p. 345]. Однако их реальное влияние было достаточно велико. Прежде всего, оно опиралось на специфику социально-экономического развития североамериканских колоний. Несмотря на подчинение метрополии, переселенцы получили уникальную возможность наладить свою жизнь, не допуская тех фатальных ошибок, которые порождали кризис за кризисом в патриархальном и мятущемся Старом Свете. Добавим, что «новый путь» должны были осветить новые мировоззренческие ценности и формы общественно-политической жизни, включая нравственные и религиозные. Придерживаясь новаторских концепций, с которыми выступали американские просветители [2; 5], среди которых были масоны, колонисты вполне успешно осуществляли свои земные планы. Свидетельством особой духовной свободы людей, замысливших продвижение к идеальному обществу, стало, в частности, широкое распространение среди них религиозных сект и учений. Североамериканские территории были буквально наводнены искателями «правильной» веры и реформаторами христианства, которые пользовались прерогативами установившейся здесь религиозной свободы. Лютеране, кальвинисты, янсенисты, пресвитериане, баптисты, молокане, квакеры – вот далеко не полный перечень тех направлений веры, которые были распространены на американской земле. Такое разнообразие в вопросах вероисповедания потребовало установления подлинных принципов свободы совести. Стоит ли удивляться тому, что масонские ложи, как центры пропаганды учения, основанного на пропаганде Разума и Добродетели, также получили распространение на территории английских колоний в Северной Америке. Только здесь, и наиболее успешно, «вольные каменщики» могли безбоязненно осуществлять не только свои теоретические, но и практические общественные эксперименты. Заметим в этой связи, что их быстрое распространение в колониях свидетельствовало также о параллельной с Европой смене культурных парадигм, отмеченной преобладанием просветительской идеологии.

Несомненное влияние масонско-просветительской идеологии присутствует уже в чеканных фразах Декларации независимости, озвученных 4 июля 1776 года. Напомним, что этот исторический документ обозначил начало суверенитета американского народа, а день его утверждения является отныне государственным праздником США. По итогам предварительных обсуждений, состоявшихся в ходе заседаний II Континентального конгресса, окончательный вариант текста Декларации

было поручено подготовить специальному комитету. Его членами стали Дж. Адамс, Б. Франклин, Р. Шерман, Р. Ливингстон и Т. Джефферсон [4, с. 16]. Любопытно, что из всей группы только Джефферсон не был членом масонской ложи. Что же касается других ее участников, то они были масонами, причем Франклин и Ливингстон – Великими мастерами из Филадельфии и Нью-Йорка [12, p. 72].

Помимо положений официального характера, в которых были сформулированы накопившиеся претензии и обиды колонистов, Декларация содержала смелые рассуждения теоретического характера. Например, право английских колоний на самостоятельное развитие вольно обосновывалось «законами природы и ее Творца» [4, с. 25]. Преамбула этого документа, составленная рукой Т. Джефферсона, вполне в духе масонского учения, декларировала равенство всех людей, а также «неотчуждаемость» их «определенных прав», к которым были отнесены «жизнь, свобода и стремление к счастью».

Поскольку Декларация независимости одновременно являлась объявлением войны метрополии, ее авторы не преминули обратиться с увещеваниями и предупреждениями к своим «британским братьям» [4, с. 28], с которыми они еще совсем недавно мирно заседали в одних и тех же масонских ложах. По-видимому, именно внешнеполитический радикализм сделанных заявлений насторожил некоторых участников Конгресса, не позволив им сразу присоединиться к столь решительному провозглашению принципов свободы. В частности, о своем несогласии разорвать отношения с Англией объявил масон и член Комитета по составлению Декларации независимости Роберт Ливингстон. Впрочем, его особое мнение не помешало завизировать столь важный для судеб колоний документ другому масону, президенту Конгресса Джону Хэнкоку [14, p. 139].

Воздействие масонской идеологии явственно присутствовало и позже, в момент рождения семи исторических статей Конституции, закрепивших образование США. Этот фундаментальный, несмотря на свою краткость, документ был обсужден Конституционным конвентом в Филадельфии и принят 17 сентября 1787 года. Обращает на себя внимание несомненное организационное сходство, присущее работе Конвента, руководимого масонами (Д. Вашингтон, Б. Франклин) и Великой ложи «вольных каменщиков». Такие обязательные компоненты стандартного масонского регламента, как выборы делегатов, процедура свободного обсуждения, коллегиальное утверждение документа, наличие председательствующего и даже само название собрания – с поразительной точностью и, конечно же, не случайно оказались востребованными в момент рождения американского государства. По всей видимости, для участников этого собрания, среди которых было немало масонов, подобная практика давно стала привычной и наиболее приемлемой. После ратификации ассамблеями штатов Конституция США вступила в силу, о чем объявил новоиспеченный американский парламент – Конгресс представителей – в 1789 году. Здесь же был принят проект Билля о правах – начальные десять

статей-поправок к тексту Конституции США, провозгласившие ряд дополнительных политических, личных и процессуальных прав граждан. Отметим, что базовые идеи этих документов, предопределивших последующую эволюцию американского государства, были предельно близки ортодоксальной доктрине масонства, которая была, конечно же, хорошо известна лидерам североамериканской революции.

Американская Конституция не ограничивалась установлением более высокой, как считали просветители, формы государственного правления – республики. Как и масонская Конституция Джеймса Андерсона [6], североамериканская утверждала верховенство закона, но не отдельных персон, и, конечно, не государственных институтов. В конечном итоге, конституционный порядок, установленный на территории США, обеспечил статус правительства именно за счет ограничения его полномочий, что изначально достигалось обязательной сменяемостью и постоянной ротацией всех административных структур. При всех недостатках американской модели демократии в её политическом механизме присутствует передовое для своего времени содержание. И в наши дни совершенно ясно, что любая попытка «консервации» на высших государственных постах, как партии, так и отдельно взятой персоны, неминуемо ведет к образованию антидемократического режима, а впоследствии – к диктатуре.

В закрепленных Конституцией правилах участия граждан США в избирательных компаниях, которые устанавливали внесословные и демократические возможности вхождения во властные структуры, на первый план выдвигались процедурные вопросы, а также возраст кандидата и его ценз оседлости, как гражданина. В конечном итоге, ее статьи четко определили сроки всех легислатур, а также с какого возраста гражданин может претендовать на участие в соответствующей избирательной кампании, каков должен быть «стаж» его гражданства применительно к той, или другой должности. И вновь мы сталкиваемся с «масонским следом». Как гласила вторая статья Конституции, для избрания в Палату представителей кандидату должно быть не менее 25 лет, как и для приема в регулярную масонскую ложу [4, с. 29].

С учетом масонских наставлений, в США была сформирована b судебно-правовая система. Вначале, до обретения независимости, она испытывала явное воздействие английских традиций, которые в рамках века Просвещения были самыми модными и наиболее передовыми. Однако в завершающих действиях американских законодателей прослеживаются другие источники влияния. В частности, принцип разделения властей был явно позаимствован из багажа французского философа и масона Шарля-Луи Монтескье. Его сочинение «О духе законов», в котором было впервые сформулировано это отчетливое антимонархическое положение, оказалось чрезвычайно популярным в среде критиков деспотизма и сторонников демократических преобразований. Добавим, что пик влияния идей великого просветителя

пришелся на период созыва американского Конституционного конвента. Под их воздействием законодатели некоторых штатов даже поменяли уже принятую схему разделения властей, вводя, как и требовалось по новой моде, самостоятельную, судебную.

Уже беглого взгляда на Конституцию США достаточно для того, чтобы увидеть несомненные следы идейного влияния высокодостойного братства «вольных каменщиков», перемежающегося с просветительскими концепциями. Разумеется, при этом нельзя вести речь о целенаправленном создании некоего масонского государства, которое поставило перед собой задачу внешней экспансии. Столь надуманное объяснение феномена становления США, как будущей сверхдержавы, не выдерживает серьезной критики. Несмотря на колоссальное влияние американских масонских структур, речь следует вести о других аспектах этой проблемы, которые уже давно попали в поле зрения специалистов. В частности, требует изучения и ответа вопрос об инициаторах и направленности влияния американских «вольных каменщиков» в рамках века Просвещения, когда эксперимент по созданию самого совершенного в человеческой истории государства и общества только начинался и представлялся вполне осуществимым. Не следует забывать, что идеалом государственности в представлениях масонских идеологов было построение именно «царства Разума и Добродетели». Суровые реалии большой политики неизменно разрушали высокие нравственные идеалы, заодно привнося в масонские структуры несвойственные им ранее партийные лозунги.

Анализ воззрений, взятых на вооружение масонами североамериканских колоний, позволяет сделать вывод об их решающем влиянии на формирование главных лозунгов американской революции. При этом бросается в глаза совпадение основных масонских сентенций с важнейшими постулатами просветительской общественно-политической мысли. Такая идейная консолидация разрушает череду безосновательных обвинений «вольных каменщиков» в организации самостоятельных политических заговоров. Вне всякого сомнения, масонство невозможно представлять в качестве некоего сектантского, изолированного от внешнего мира, оторванного от реальной общественной жизни движения. Напротив, оно изначально заявило о себе в качестве важнейшего инструмента, служащего делу генерации и распространения универсальных духовных ценностей, составляющих основу современного, светского и демократического общества.

Список литературы

1. Бэррес Ричард Т. Документы Американской Революции: Декларация независимости, Конституция Соединенных Штатов, Билль о правах / Пер. с англ. Тверь; Москва: Альба, Российский экономический журнал, 1994.

2. Томас Джефферсон о демократии / Пер. с англ. СПб.: Лениздат, 1992.

3. Пейн Т. Права человека // Избранные сочинения / Пер. с англ. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

4. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательные акты / Пер. с

англ. М.: Прогресс, 1993.
5. Франклин Б. Избранные произведения / Пер. с англ.; Под ред. М. П. Баскина. М.: Госполитиздат, 1956.
6. The Constitutions of the Antient and Honourable Fraternity Free and Accepted Masons. Containing their History, Charges, Regulations, etc. Collected and Digisted By Order of the Grand Lodge from their old Records, faitful Traditions and Lodge-Books, For the Use of the Lodges. By James Anderson, D. D. Carefully Revised, Continued and Enlarged, with many Additions, By John Entick. L.: Black Swan, 1756.
7. Овасон Д. Тайный зодиак Вашингтона. Масоны и секреты столицы США/ Пер. с англ. М.: Вече, 2007.
8. Уайт А. Э. Новая энциклопедия масонства (великого искусства каменщиков) и родственных таинств: их ритуалов, литературы и истории / Пер. с англ. СПб.: Изд-во «Лань», 2003.
9. Bullock S. C. Revolutionary Brotherhood. Freemasonry and the Transformation of the American Social Order, 1730–1840. Chapel Hill and L.: University of North Carolina Press, 1996.
10. Demott B. J. Freemasonry in American culture and society. Lanham; N. Y., L.: University Press of America, 1986.
11. Lipson D. A. Freemasonry in Federalist Connecticut. Princeton: Univer. Press, 1977.
12. Morse S. Freemasonry in the American Revolution. Washington: The masonic service accociation of the United States, 1924.
13. Palou J. La Franc-Maçonnerie. P.: Ėditions Payot, 1964.
14. Roberts A. E. Freemasonry in American History. Richmond: Macoy Publishing & Masonic Supply Co., Inc., 1985.

УДК 311

Н.Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ: ВЗГЛЯД СТАТИСТИКА

В.П. Корнев
Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Россия
E-mail: kafedra statistiki@ssea.runnet.ru

Статья посвящена памяти писателя Н.Г. Чернышевского (1828 – 1889), автора ряда экономических произведений, включая критические статьи и рецензии. Заметное место в его трудах занимают вопросы статистики. Свои статистические познания Чернышевский применил в первую очередь в процессе анализа крепостнической системы России. Он широко использовал страницы журнала «Современник» для активной поддержки русской прогрессивной статистики, ее лучших достижений, расширил и углубил применение показателей и методов статистики, способствовал развитию отечественной статистики. В статье анализируются истоки тяги Чернышевского к статистике в студенческие годы (1846 – 1850) и успешные его достижения на этом поприще в

последующей деятельности (1850 – 1862 годы). Большое внимание уделяется профессорам Петербургского университета, а также другим видным деятелям статистики России – современникам Чернышевского, их трудам, которые были известны Чернышевскому.

Ключевые слова: видные деятели статистики России, Н.Г. Чернышевский, 1830 – 1860 годы.

N.G. Chernyshevsky in historical retrospect: view statistics

V.P. Kornev

The article is dedicated to the memory of N.G. Chernyshevsky (1828 – 1889), the author of a number of economic works including critical articles and reviews. In his writings of the statistics. Their statistical knowledge of the Chernyshevsky applied primarily in the analysis of Russian serfdom system. It is widely used page "Contemporary" to actively support the Russian advanced statistics, its best achievements, expanded and deepened the use of indicators and statistics, contributed to the development of national statistics. The article analyses the origins of traction Chernyshevsky statistics in college years (1846 – 1850) and successful achievements in this field as a researcher-statistics in follow-up activities (1850 – 1862). Great attention is paid to the contemporaries Chernyshevsky – professors of the St. Petersburg Universityandas well as other eminent personalities of statistics of Russia, their writings, which were known to Chernyshevski.

Key words: personalis statistical figures of Russia, N.G. Chernyshevsky, 1830 – 1860 years.

В 2013 – 2014 гг. несколько памятных дат, связанных с именем Николая Гавриловича Чернышевского – философа, редактора, литературного критика, публициста, писателя. Его именем назван по праву Саратовский государственный университет. В 2013 г. мы отметили 185-летие со дня рождения Н.Г. Чернышевского. В 2014 г. – 150-летие с того момента, когда он был сослан на каторгу на рудники Сибири (1864), а в 2013 г. – 130-летие с момента окончания поселения в Сибири и последующего поселения в Астрахани (1883). Наконец, в октябре 2014 г. мы почтим память Чернышевского в связи с 125-летием со дня его смерти [1, с. 175 – 176].

Наследие Н.Г. Чернышевского, в том числе научное, богато и многогранно. Оно изучалось и изучается многими исследователями. Велика часть научного наследия, которая посвящена специально экономическим вопросам. Экономические идеи Н.Г. Чернышевского находятся в неразрывной связи с его философскими, политическими, социологическими и историческими взглядами.

Заметное место в экономических трудах Н.Г. Чернышевского занимают вопросы статистики. Его выражения: «статистические данные», «статистические исследования», «указания статистики», «статистика

говорит», «дело статистики», «статистика еще не думала об этом», «должны сослаться на историю и статистику» и т.д. свидетельствуют о понимании автором роли и значения статистики среди других наук. Чернышевский в своих трудах показал себя знатоком сути важнейших показателей статистики, например, средней величины, «процента возрастания», понимая, что «за вещь сложные проценты». Он писал «...без средней цифры невозможна никакая статистическая, – не говорим уже книга или статья, – невозможна даже ни одна фраза... Да и не только статистическая, но и никакая мысль невозможна, если мы будем обращать внимание не на массу, не на среднюю, нормальную величину, а на исключения» [2. Т. 1, с. 271]. С большим мастерством Чернышевский применил в экономических трудах показатели и методы статистики: сводки и группировки, сравнения, средних и относительных величин, элементы выборочного наблюдения, факторного индексного анализа и др. Подробнее об этом нами было сказано в одной из работ [3, с. 43 – 46].

Каковы истоки тяги Н.Г. Чернышевского к статистике и успешных достижений на этом поприще?

Н.Г. Чернышевский был талантливым и разносторонним человеком. Еще в Саратове ему многие обещали блестящую духовную карьеру. Но он выбрал Петербургский университет, куда поступил в 1846 г. на отделение общей словесности (историко-филологическое отделение) философского факультета, где специализировался по славянской филологии.

В годы учебы в университете (1846 – 1850) формируется мировоззрение молодого Чернышевского, под влиянием немецкой классической философии, французского утопического социализма, произведений А.И. Герцена (200-летие со дня рождения которого отмечалось в 2012 г.), В.Г. Белинского. Немалое влияние на это мировоззрение, как мы полагаем, судя по экономическим трудам Чернышевского, оказали преподаватели университета тех лет, их лекции и труды. Среди них: академики В.Я. Буняковский и И.И. Срезневский, профессора В.С. Порошин и И.Я. Горлов.

В.Я. Буняковский (1804 – 1889) получил математическое образование в Париже. В 1846 – 1859 гг. читал лекции в Петербургском университете. Он – автор многих научных трудов по теории чисел, теории вероятностей и др. Буняковский интересовался практикой вычислений, предложил усовершенствованный вариант русских счетов. Его капитальный труд «Основания математической теории вероятностей» (СПб.,1846) содержал оригинальное изложение самой теории вероятностей, историю ее возникновения и развития и ее приложений к страхованию, демографии и т.п. Он автор около 20 книг и статей по демографии [1, с. 21].

В.С. Порошин (1809 – 1868) преподавал политэкономию и статистику в Петербургском университете с 1835 года. В 1838 г. опубликовал книгу «Критические исследования об основаниях статистики», за которую в 1839 г. ему была присуждена степень доктора философии. В 1842 – 1847 гг. – экстраординарный профессор. В период реакции в области народного образования, проводимой министром просвещения графом С.С. Уваровым,

оставил университет. С 1847 г. проживал в Париже, писал преимущественно публицистические статьи и брошюры о России. Порошин первым из русских ученых подверг основательной критике описательную школу статистики. В.С. Порошин содействовал подъему и оживлению теоретической мысли в статистике [1, с. 122].

И.Я. Горлов (1814 – 1890) – выпускник Московского университета. В 2014 году – 200-летие со дня его рождения. В 1833 г. он защитил диссертацию на степень доктора философии. В 1838 – 1847 гг. – профессор политэкономии Казанского университета, 1847 – 1874 гг. – профессор Петербургского университета. В 1874 г. избран членом Петербургской Академии наук. И.Я. Горлов – автор работ по политэкономии, финансам, статистике. Из статистических трудов наиболее интересно «Обозрение экономической статистики в России» (СПб., 1849). Эта книга, рукопись которой была удостоена премии Академии наук, закрепила выделение экономической статистики в самостоятельную область знания и долгое время служила «руководством» (учебником) в различных учебных заведениях.

Чернышевский (как и Н.А. Добролюбов) был учеником профессора И.И. Срезневского (1812 – 1880) – крупнейшего слависта России. В 2012 г. отмечалось 200-летие со дня рождения этого уникального человека. Срезневский начинал свою деятельность как статистик. В 1837 г., после защиты диссертации на степень магистра политэкономии и статистики, он был назначен адъюнктом профессора кафедры политэкономии и статистики Харьковского университета. С большим успехом читал лекции по теории статистики и статистике Российского государства. Его докторская диссертация «Опыт о предмете и элементах статистики и политической экономии сравнительно» (Харьков, 1839) была отвергнута профессорами университета (из-за новизны идей и в немалой степени – из-за недоброжелательности и зависти) и Срезневский был вынужден оставить академические занятия статистикой. С 1839 г. проживал за границей, где занимался славянской филологией. По возвращении в 1842 г. в Харьков занял новую кафедру славистики в университете. В 1846 г. после защиты диссертации стал первым в России доктором славяно-русской филологии. С 1847 г. и до последних дней преподавал в Петербургском университете и Педагогическом институте (1848 – 1859). С 1854 г. – ординарный академик. В 1855 – 1880 гг. И.И. Срезневский был деканом историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета [1, с. 149 – 150].

Н.Г. Чернышевскому, несомненно, были известны не только труды названных профессоров, но и их знаменитых предшественников-статистиков, дух которых еще витал в Петербургском университете: К.Ф. Германа, К.И. Арсеньева, Е.Ф. Зябловского.

Основные учебники или, как говорили тогда «учебные руководства», связанные со статистикой, в годы учебы Чернышевского в Петербургском университете были таковы. Во-первых, это труды названных профессоров, в том числе «руководства» по статистике Е.Ф. Зябловского [1, с. 56]. Во-

вторых, труды современников Чернышевского – профессоров других учебных заведений. Например: «Учебная книга всеобщей географии» (1844; выдержала 14 изданий) А.Г. Ободовского (1796 – 1852) – географа и статистика, профессора кафедры статистики Главного педагогического института (Петербург) [1, с. 105]; работы Д.А. Милютина «Критическое исследование значения военной географии и военной статистики» (СПб., 1846) и «Первые опыты военной статистики» (СПб., 1847 – 1848. Кн. 1 – 2); «Руководство к статистике» (Харьков, 1844; 2-е изд. 1856) А.П. Рославского-Петровского (1816 – 1872) – статистика, демографа, историка, профессора, затем – ректора Харьковского университета [1, с. 130]. «Руководство» А.П. Рославского-Петровского было основным учебником по статистике в 40 – 60-х годах, так как первый учебник по статистике численного направления – «Курс статистики» (Киев, 1865) Н.Х. Бунге, 190-летие со дня рождения которого отмечалось в 2013 г. (1823 – 1895), появился спустя лишь несколько лет по окончании Чернышевским университета [1, с. 20].

По окончании университета Чернышевский работает некоторое время репетитором во Втором кадетском корпусе Петербурга (с 1853 г. – преподавателем), после чего уезжает на родину, в Саратов. В мае 1853 г. он возвращается в Петербург, где собирается получить степень магистра, работает над диссертацией (защищает ее в мае 1855 года). Летом 1853 г. начинает сотрудничать с журналом «Отечественные записки», размещая там рецензии. В 1854 г. – выход в отставку, начало работы с журналом «Современник». Чернышевский ведет рубрику, посвященную критике и библиографии. Журнал благодаря Чернышевскому и при полной поддержке главного редактора «Современника» Н.А. Некрасова приобретает революционно-демократический характер.

Н.Г. Чернышевский получил фундаментальную теоретическую подготовку в стенах Петербургского университета в области разных наук. Глубокими были его познания и в области статистики. Он применил их в первую очередь в анализе крепостнической системы России, сосредоточив основное внимание (с конца 1857 г.) на современных экономических и политических проблемах общества. Он подверг критике либерально-дворянские проекты крестьянской реформы (1861), выступал за ликвидацию помещичьей собственности на землю без всякого выкупа. Никто до него не вскрывал так глубоко внутреннего строя крепостнической системы, не анализировал основу крепостнического строя, его коренные черты, характер барщины и оброка, отличие последних от капиталистических отношений, отличие оброка в России от оброка на Западе, дающие глубокую основу для понимания кризиса крепостничества в России. До него никто так убедительно не доказал гибель крепостнического строя [5, с. 635].

Пользуясь многочисленными статистическими источниками о социально-экономической действительности, мастерски анализируя их, он всегда стремился на основании числовых данных устанавливать закономерности в общественной жизни. «Я сам знаю, – писал он, – что

пристрастие к ним (цифрам – В.К.) доходит у меня до излишества, но это излишество в полезную сторону…» [2. Т.3, Ч.2, с. 92]; «нужны основания более твердые, – например, точные статистические исследования...», так как «...каковы основания, таков и вывод из них» [2. Т. 1, с. 322 и Т. 2, с. 21].

Н.Г. Чернышевский широко использовал страницы «Современника» для активной поддержки русской прогрессивной статистики, ее лучших достижений. Так, он тотчас же откликнулся рецензией в одном из номеров этого журнала (№11 за 1855 г.) на выход книги «Сельскохозяйственной статистики Смоленской губернии» Я.А. Соловьева, которого впоследствии называли «видным деятелем по освобождению крестьян». Эту работу он назвал «самым полным статистическим трактатом из всех описаний отдельных частей России», «одним из важнейших сочинений по исследованию русского сельскохозяйственного быта вообще», «прекрасным трудом» [7. Т. 2, с. 775].

Н.Г. Чернышевский ценил и многократно использовал в своих работах труд выдающегося статистика Д.П. Журавского «Статистическое описание Киевской губернии» (1852 г.). Он называл этот труд «превосходной книгой», «одним из самых ценных приобретений русской науки 19 в.» [2. Т. 1, с. 134, 438]. Эту фундаментальную монографию Журавского, как и исследование Соловьева (обе насыщенные «достоверными цифрами» [2. Т. 2, с. 11]) Чернышевский использовал для анализа вопросов народонаселения, развития сельскохозяйственной поземельной собственности, фабрично-заводской и мелкой промышленности. Высоко ценил Чернышевский и другие работы Журавского – «известного политико-экономa», «известного нашего экономиста», в частности «О кредитных сделках в Киевской губернии» (1855 г.). Он утверждал, что статья «… имеет, как и все исследования этого замечательного ученого, большое и научное достоинство», что «способ исполнения этой работы Журавским действительно должен остаться образцом для последующих трудов…» [7. Т. 4, с. 612].

Хорошо отзывался Чернышевский о работе «О производительных силах России» Л.В. Тенгоборского – другого известного статистика, утверждая, что она «драгоценна как сборник фактов, как справочная книга…».

Н.Г. Чернышевский не только изучал издаваемые статистические работы, но и, как правило, откликался на них критическими замечаниями. Например, после публикации ряда статей экономиста-статистика И.В. Вернадского (в журнале «Экономический указатель», где он был редактором в 1857 – 1861 гг.) Чернышевский в работе «О поземельной собственности» (1857 г.) жестко отвечает этому «критику "Современника"» [1, с. 27; 2. Т. 1, с. 271; 3, с. 43]. Чернышевский опровергал ошибочные утверждения и взгляды ряда статистиков. Например, критиковал своего профессора по Петербургскому университету И.Я. Горлова за отсутствие «…свежей или самостоятельной мысли», за то, что профессор придерживался консервативных убеждений,

поддержал буржуазно-помещичьи проекты решения аграрного вопроса в период освобождения крестьян от крепостной зависимости, писал о якобы отрицательных последствиях освобождения крестьян [1, с. 41 – 42; 2. Т. 2, с. 325, 416 и др.]. Про статистика Л.В. Тенгоборского Чернышевский писал, что он «не принадлежит к числу людей, мнения которых должны быть считаемы законами науки, что часто он в своих умозаключениях делает ошибки, очевидные и для нас…» [2. Т. 1, с. 160].

Чернышевский активно боролся и с представителями зарубежной реакционной статистики, критикуя, например, апологетическую сущность теории народонаселения Мальтуса [2. Т. 3. Ч. 1, с. 406 – 426; 3, с. 45].

В критических обзорах Чернышевского по работам А.Г. Тройницкого, Д.П. Журавского, Я.А. Соловьева и др. были высказаны соображения по вопросам статистического наблюдения, по применению метода группировок, средних и относительных величин. Так, оценивая положительно «прекрасный труд» А.Г. Тройницкого «О числе крепостных людей в России» (1858), он обращает внимание на вопрос о правильной организации статистического наблюдения – необходимости соблюдения двух условий: одновременности собирания данных по территории всей страны и своевременности их представления [1, с. 159; 2. Т. 1, с. 538 – 539; 3, с. 46].

Чернышевский рассмотрел многие проблемы народонаселения в России, которые связывал с общественным устройством – крепостным правом и нарождающимся капитализмом, уделил большое внимание воспроизводству населения [8, С. 521].

Н.Г. Чернышевский – патриот России, он выбрал для себя не легкий жизненный путь, направленный на решение самых сложных общественных проблем своего времени, в первую очередь освобождение крестьян от крепостного права.

Н.Г. Чернышевский расширил и углубил применение статистических методов в познании явлений общественной жизни, популяризовал статистику, тем самым способствовал развитию статистической науки в России.

Список литературы

1. Корнев В.П. Видные деятели отечественной статистики. 1686 – 1990: Биографический словарь. М.: Финансы и статистика, 1993.
2. Чернышевский Н.Г. Избранные экономические произведения. Т. 1 – 3. М., 1948 – 1949.
3. Корнев В.П. Н.Г. Чернышевский и статистика //Вестник статистики. 1990. №2. С. 43 – 46.
4. История преподавания и развития статистики в Петербургском-Ленинградском университете (1819 – 1971) /под ред. И.В. Сиповской и И.П. Суслова. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1972.
5. История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 2. М., 1958.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 30а кн. 60. СПб., 1890 – 1907.
7. Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. Т. 1 – 16. М., 1939 – 1953.
8. Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.

УДК 9 (470) «18»

ОТНОШЕНИЕ К РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 ГГ. КАК ФАКТОР ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ И ЭВОЛЮЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

С.А. Кочуков
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: lazan4ina@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности отношения представителей различных течений в общественном движении России к целям, событиям и участникам Русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Ключевые слова: общественное движение, славянофильство, славянский вопрос, национальные стереотипы

Attitude to Russian-Turkish war of 1877-1878 years as a factor of differentiation and the evolution of social movements

S.A. Kochukov

The peculiarities of relations representatives of various social movement in Russia to the objectives, events and parties Russian-Turkish war of 1877-1878.

Key words: social movement, slavjanofilstvo, slavic question, national stereotypes.

Русско-турецкая война 1877-1878 гг. была одной из наиболее «идеологизированных» войн России, ее причины, ход и последствия в значительной мере зависели от фактора общественного мнения; в этот период вопросы внешней политики находились в пределах не только правительственной политики, но и общественной инициативы. Эти обстоятельства в эпоху перехода от имперской идеологии к националистической неизбежно должны были способствовать активному творчеству в области национальных и этнических стереотипов.

Среди идейных течений, оказавших влияние на формирование национальных стереотипов в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг., бесспорно, наиболее важное значение принадлежит славянофильству. Идея освобождения балканских славян как цель внешнеполитической активности России в представлениях славянофилов была связана с идеей цивилизационной противоположности России и Запада. В их понимании ценности, связанные с включением православных славян Балканского полуострова в пространство национального мифа русского самосознания, были однозначно приоритетными в сопоставлении с прагматическими интересами внешней политики. Идея освободительной войны России на Балканах на какой-то исторический момент стала выполнять

объединяющую функцию в российском обществе. Так, Ф.М. Достоевский активно развивал мысль о том, что война укрепляет «дух всей нации» сознанием взаимной солидарности и единения [1, с. 111].

В речи, которая была произнесена в Московском славянском благотворительном комитете 6 марта 1877 г., И.С. Аксаков заявил: «Восточный вопрос для России в существе своем прав и ясен. Это вопрос нашего собственного бытия, наш русский, а не западно-европейский. Ибо христианский Восток есть область христианства восточного, во главе которого мы стоим, и иного быть не может. Россия и все славяне Балканского полуострова – это целый особый мир православно-славянский, все оторванные его члены должны быть возвращены этому миру» [2, д. 136, л. 10 об].

«Славянский вопрос» связывался в общественном сознании с враждебным образом «Другого» (не только собственно Османской империи, но и европейского Запада). Во многом это было связано с пониманием внешнеполитического положения России после Крымской войны. И в данном случае уже можно говорить о всеобщем характере подобных настроений, а не связывать их только со славянофилами. Примером могут служить слова И.С. Тургенева: «Нас, русских (и славян) везде ненавидят и никакого другого чувства не питают». При этом И.С. Тургенев выступал как ярый противник превращения возможной освободительной войны в войну религиозную, на которой настаивали И.С. Аксаков, М.Г. Черняев и др. Тургенев писал: «Я, Вы знаете, не славянофил и никогда им не буду; сочувствовать глубоко движению, охватившему всю Россию, уже потому не в состоянии, что оно исключительно религиозное; но силу и стихийную громадность его признаю − и сам желаю войны, как единственного исхода из этого взволнованного мрака; да − видя на месте ненависть к нам всей Европы − нельзя, наконец, не углубиться в самого себя − и не признать за Россией права поступить, как ей хочется» [3, с. 349].

В определении внешнеполитических задач России в период войны существовало три основных точки зрения. Первая, самая популярная - позиция, восходящая к славянофильству, но вышедшая далеко за пределы этого течения общественной мысли, согласно которой Россия осуществляла на Балканах свою историческую миссию, и ее цели и задачи в войне были абсолютно бескорыстны. Разумеется, за идеей освобождения славян Османской империи могли скрываться имперские либо националистические мотивы интереса к Балканам, но, тем не менее, идеологически определенные ценности в данном случае ставились выше прагматических интересов внешней политики. Сторонников этой точки зрения могло различать отношение к значению религиозного фактора в поддержке юго-славянских народов. Вторая точка зрения разделялась только отдельными общественными деятелями (вне зависимости от принадлежности к тому или иному течению в общественном движении); ее сторонники исходили из необходимости четкого определения

собственных интересов России в войне с Турцией. Эта позиция хорошо озвучена Б.Н. Чичериным, считавшим, что России необходимо четко осознать, чего она хочет от войны с Османской империей. Он являлся ярым противником «филантропии» в вопросах внешней политики и считал, что было необходимо сосредоточиться на укреплении политического влияния России на Балканском полуострове, решении вопроса о проливах и т.д. [4, с. 81]. Наконец, были и противники прямого военного вмешательства России в дела балканских славян. Так, Н.Г. Чернышевский полагал, что Россия не должна непосредственно вмешиваться в балканские дела, а лишь могла оказывать помощь «военными профессионалами» болгарской, сербской и черногорской армиям [5, с. 147-148].

С одной стороны, представление образа противника, то есть турок, было упрощенным и отягощенным активным творчеством в области создания национальных стереотипов. С другой стороны, столь же стереотипным был и создаваемый образ «угнетенных славян». К примеру, еще в 1860 г. И.С. Аксаков так описывал турецкого Пашу: «Я должен сознаться, что турки внушают мне страшное омерзение, − турки несколько цивилизованные еще больше, чем простые турки. Отвратительно видеть, как отдают императорские почести здешнему Паше (как представителю султана), − тучной свинье, знающей сотню слов французских, носящей лакированные сапоги и вливающей в себя ежедневно ведро кофею!» [6, с. 20]. Непосредственно накануне войны все без исключения газеты и журналы в самых ярких красках представляли зверство турок против славян. Русский писатель П.Д. Боборыкин отмечал: «…турецкие экзекуции в Болгарии вызвали взрыв негодования даже в нашем простом народе» [7, с. 158].

Накануне войны Министерство иностранных дел буквально «завалили» различными «Проектами» о возможной и необходимой борьбе с Турцией за свободу славян. Особенно характерна в этом отношении анонимная записка «О положении дел на Востоке». В ней недвусмысленно указывалось: «Турецкая администрация, можно сказать, не существует с того времени, как султана не стали бояться янычары и, оставаясь столь же невежественными, столь же замкнутыми, перестали чувствовать необходимость передавать управление в надежные руки. С тех пор турецкое управление стало мелочной интригой, личный состав администрации на местах разросся вдесятеро… В то же время турецкие финансы кончаются сами собой, не только в следствии непомерных займов, которыми турки воспользовались с детским легкомыслием как только им предоставлялось это право, но еще и потому что источники доходов истощены, для уплаты процентов они обременили народ непомерными налогами, заставляющими производителей работать себе в убыток. Империя обнищала, но более всего обнищало мусульманское население, так как они не работали как христиане и менее умеют перебиваться при невыгодных обстоятельствах» [8, л. 4-5об]. (Здесь нельзя не заметить политически опасной недооценки противника). Иногда рядом

с враждебным образом «турок» могло появиться и упоминание не менее опасных «западных держав». Особенно показательна в этом отношении извлеченная из архива анонимная заметка «О самосознании русского народа». В ней в частности говорилось: «Подвластные Турции славяне глубоко сознали, что образование есть единственная теперь точка опоры против враждебных интриг латино-германских держав запада к миру славянскому, они поняли, что со временем оно даст им возможность пред целым миром заявить о своем существовании и протестовать против бесчеловечия западного христианства» [9, л. 1об].

Напротив, образ «угнетенных славян» («братьев-славян», «братьев по вере», «братушек») с самого начала формировался как дружественный и возвышенно-жертвенный образ. Славянам приписывались исключительно положительные свойства. Это относится, например, к описаниям в периодических изданиях России сербских и болгарских ополченцев: «Понятливость, дисциплина, любовь к делу… отличают этих болгар» [10, с. 3]; «Иные дрались в Сербии и украшены медалями; другие, потеряв семью и родной кров в Болгарии, бежали в Россию … Ополченцы почти все грамотные, большинство даже довольно развито» [11, с. 137]. На фоне укрепления в общественном сознании антагонистических национальных стереотипов «турок» и «братьев-славян» все более значимым становилось устойчивое словосочетание «бескорыстная помощь России».

Вообще творчество в области этнических стереотипов не ограничивалось образами, турок и славян. К примеру, в своих корреспонденциях Г.К. Градовский уделял внимание этнографическим описаниям разных народов, способствуя созданию новых этнических стереотипов. Он в частности дает достаточно емкие характеристики народов, живущих на Кавказе, в частности говорит о каракалпаках (называя их карапапахи). Причем, если к армянам Градовский был преисполнен неподдельного интереса и даже уважения, ведь они жестоко страдали от турецкого ига, то каракалпаки описываются только в черных тонах: «Нужно заметить, что карапапахи не представляют какой-нибудь национальности. Этот сброд всякой сволочи, не желающей работать и живущей за чужой счет, большей частью путем насилия и грабежа» [12, с. 136].

Столкновение с реальностью приводило к крушению иллюзий, а национальные стереотипы, которые по своей природе амбивалентны, начинали проявлять свою «обратную сторону»: «братья по вере», «братья-славяне», «угнетенные народы», превращались в восприятии русских в недисциплинированных воинов, плохих борцов за свою же собственную свободу и даже совсем не патриотов своего Отечества. Князь Мещерский, говоря о событиях 1876 г., в своих «Воспоминаниях» писал, что главный недостаток сербской армии «…это отсутствие чего бы то ни было похожего на патриотическое настроение во всех сербах, на спасение которых явился Черняев и явились сотни и тысячи русских добровольцев. А уж об отсутствии братского сочувствия к русским и говорить нечего: я его нигде не нашел в Сербии» [13, с. 366]. Примером «перевернутого» в

отрицательную сторону стереотипного восприятия славян может служить описание облика болгар, сделанное священником А. Лебедевым, непосредственно присутствовавшем на войне 1877-1878 гг. По мнению Лебедева: «Наружный вид болгар непривлекателен. Грязное лицо и руки, всклокоченные волосы, суровый взгляд … Они выросли в рабстве; подчинение из-за страха научило их хитрить и обманывать, а поведение самого господаря всегда служило для них живым примером нечестности. Наконец, самое положение их во время войны давало им повод хитрить и скрытничать перед русскими. Исход войны был неизвестен; болгары не знали, останется ли у них прежний господарь, или будет новый» [14, с. 7-8].

Интересно, что даже корреспондент А.В. Каирова, сторонница активных военных действий и выполнения исторической миссии России на Балканах, вынуждена была приводить в своих сообщениях подобные заявления: «Но если враждебно настроены были против братушек солдаты, то офицеры и чиновники смотрели на дело еще хуже. У них слышалась какая-то ненависть и презрение к болгарам. Я спросил одного, что если б им снова пришлось драться за свободу болгар, пошли бы они с прежним энтузиазмом?

− Едва ли. За честь России мы всегда готовы головы положить, но надо уж другую какую причину найти, а свободой и даже страданиями болгар теперь уже никого не воодушевить» [15, с. 19].

Остро стоял вопрос о соотношении позиций общества и власти в решении внешнеполитических проблем. Ряд деятелей консервативного направления (М.Н. Катков, В.П. Мещерский, Д.И. Иловайский) считали необходимым ограничение сфер независимой от власти общественной активности и подвергали критике ситуацию, когда в ходе войны общественные силы и организации брали на себя выполнение правительственных функций. Некоторые деятели либерального и радикального направлений (М.П. Драгоманов, К.Д. Кавелин, П.А. Ровинский и др.) настаивали на приоритете внутриполитических проблем России и подчеркивали опасность и несвоевременность полного переключения внимания на внешнеполитическую сферу.

Несмотря на то, что оценки, высказанные в отношении войны с Турцией, демонстрировали определенную зависимость от политического мировоззрения общественных деятелей, их полного совпадения с границами общественно-политических течений не было. Так, одна часть революционеров поддерживала «освободительную миссию» России на Балканах и предполагала использование войны в интересах социальной революции, а другая безразлично относилась к «корыстной и антинародной» войне.

Многие деятели общественного движения и культуры проявляли политический идеализм, подчиняя понимание конкретных вопросов внешней политики философским идеям, что было особенно характерно для сторонников «культурного славянофильства» и основателей цивилизационных подходов (Н.Я. Данилевский, К.Н. Леонтьев). Вместе с

тем, очень немногие деятели (как, например, Б.Н. Чичерин и П.А. Ровинский) исходили из необходимости четкого определения прагматических интересов России в определении ее внешнеполитических задач и обращали внимание на важную проблему, связанную с отсутствием ее экономических интересов в Балканском регионе.

Изменение эмоциональной окраски и оценочной стороны национальных стереотипов югославянских народов в ходе Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. сопровождало общий процесс угасания общественного интереса к войне и спада воодушевления и энтузиазма по поводу борьбы за свободу славян.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Собрание сочинений. В 9 т. М., 2007. Т. 9. Кн. 2.
2. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ) Ф. 10. Оп. 1. Д. 136.
3. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. В 28т. М., 1966. Т. 11. 616 с.
4. Чичерин Б.Н. Воспоминания. Земская и Московская думы. Т. 4. М., 1934.
5. *Чернышевский Н.Г.* Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 15. М., 1950.
6. Аксаков И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письма // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006.
7. Цимбаев Н.И. Освобождение Болгарии и русское общество // Россия и освобождение Болгарии. М., 1982.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 730. Оп. 1. Д. 709.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ) Ф. 1750. Оп. 1. Д. 25.
10. Правительственный вестник. 1877. 26 апреля.
11. Иллюстрированная хроника войны. В 2т. СПб., 1877-1888. Т. 1.
12 Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца. М., 2008.
13. Мещерский В.П. Мои воспоминания. М., 2001.
14. Лебедев А. Путевые наблюдения во время последней турецкой войны. СПб., 1879.
15. Каирова Н.В. Воспоминание газетного корреспондента о Болгарии // Дело. 1886. №2.

УДК 9(470) «18»

КРИЗИС ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ В РОССИИ СЕРЕДИНЫ 1850-Х ГГ. В ОТРАЖЕНИИ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ СОВРЕМЕННИКОВ

О.В. Кочукова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: kochukovasgu@mail.ru

В статье рассматриваются особенности формирования и эволюции общественного мнения в России в период завершения Крымской войны. Автор аргументирует мнение о складывании кризиса общественного сознания и выявляет определившие его факторы.

Ключевые слова: общественное мнение, общественный кризис, Крымская война, смерть Николая I, воцарение Александра II, А.Ф. Тютчева, В.С. Аксакова, К.Д. Кавелин, А.В. Никитенко, Д.А. Оболенский, С.М. Соловьев.

Crisis of public consciousness in Russia in the mid-1850 s in reflection diary contemporaries

O.V. Kochukova

The article discusses the features of the formation and evolution of public opinion in Russia during the completion of the Crimean War. The author explains the view folding crisis of public consciousness and identifies factors which determined it.

Key words: public opinion, social crisis, the Crimean War, the death of Nicholas I, Alexander II's accession, A.F. Tyutcheva, V.S. Aksakova, K.D. Kavelin, A.V. Nikitenko, D.A. Obolensky, S.M. Soloviev.

Период времени от смерти Николая I и окончания Крымской войны до официально объявленной подготовки крестьянской реформы был чрезвычайно наполнен не только политическими событиями и явлениями, но и стремительными изменениями в сознании общества. Современники четко сознавали, что происходящее – не просто изменения во взглядах и настроениях, а настоящий переворот в политическом мировоззрении, стремительный и необратимый. В исторической литературе этим процессам всегда уделяли должное внимание. Несмотря на разнообразие высказанных оценок и мнений, практически общепризнанной является характеристика исторического периода как времени общественного подъема, оживления. Такая характеристика встречается и в новейшем обобщающем исследовании В.Я. Гросула по истории общественного мнения в России [1, с. 218-219]. Но, видимо, столь же правомерно употреблять применительно к общественным настроениям середины 1850-х гг. и выражение «кризис».

Кризис общественного сознания должен был стать важной составной частью внутреннего кризиса, катализированного поражением в Крымской войне. Приподнятый и возбужденный эмоциональный фон эпохи создавался очень разнообразными переживаниями, впечатлениями, мыслями, среди которых были и радостные надежды, и мрачные, болезненные ощущения, и чувства неопределенности, неясности, неуверенности в будущем. Представляется, что историки зачастую начинают воспринимать общественные настроения «кануна преобразований» как нечто единое в своей данности, недооценивая быстроты перемены впечатлений и оценок: социально-психологический фон начала 1856 г. уже во многом отличался от того, каким он был в начале 1855 г. Но, как всегда, сказывается эффект «послезнания», и сознанию современников в целом ряде исторических исследований

фактически «предписываются» понимание неизбежности военного поражения России в Крымской войне и следующий из этого понимания вывод о бесперспективности и крахе «старого режима» и о безусловной необходимости коренного реформирования всех сфер жизни общества. В отличие от историков, современникам действительность представлялась открытой к различным сценариям последующего различия; соответственно, общественное сознание фиксировало как разные версии осмысления явлений, так и разные способы их эмоционального переживания. В связи с этим следует подчеркнуть значение работ историка М.М. Шевченко, в которых сделана попытка пересмотра представлений о причинах поражения России в Крымской войне. Среди прочего он замечает: «вопрос о мнимых и действительных причинах поражения России в Крымской войне и по сей день оставляет место для научной дискуссии и дополнительных изысканий. И можно вполне увидеть, что представления об этом современников и действительная картина происшедшего были весьма и весьма не тождественны…, чем более современник склонялся к упрощенному взгляду, по формуле «раз проиграли — все у нас никуда не годится», тем очевиднее его воображению рисовалась ненавистная картина «тридцатилетнего застоя» [2, с. 140-145].

О мыслях, чувствах, настроениях современников, порой с трудом поддающихся рефлексии и однозначному описанию, можно судить, прежде всего, по их дневниковым записям или переписке. Значимость источников личного происхождения для изучения проблем социальной психологии прошлого не раз подчеркивалась в исторической литературе [3, с. 6-8; 4, с. 5]. Применительно к теме данной работы особое значение имеют дневниковые записи, относящиеся к 1855-1856 гг., оставленные А.Ф. Тютчевой, В.С. Аксаковой, А.В. Никитенко, Д.А. Оболенским и др. Они позволяют реконструировать как эволюцию общественных настроений, так и разнообразие способов восприятия реалий эпохи. Дневники четко фиксируют события, которые выполнили роль «маркеров», обозначивших этапы кризиса общественного сознания. Это смерть Николая I, оборона и падение Севастополя и заключение Парижского мира.

Поскольку стартовым моментом формирования общественного мнения эпохи «Великих реформ» была обстановка периода Крымской войны, естественно, что вопрос об отношении к ней образованного общества является одним из ключевых. Как показывают материалы исследования А.И. Шепарневой, в начале Крымской войны складывалась ситуация преобладавшего общественного единства в поддержке правительства и в оценке войны как справедливой и даже священной со стороны России [5, с. 193-196]. Тем не менее, с самого начала Крымской войны имели место и критические суждения современников, и явные пораженческие настроения. Историческую почву для их возникновения составляло «загнанное внутрь» в эпоху цензурного гнета недовольство

образованного общества «закрытостью» власти и формировавшееся в пределах новой генерации просвещенных бюрократов и общественных деятелей мнение о первостепенной важности внутренних преобразований, а не внешнеполитической активности. Но эти настроения были явлением единичным, что было отмечено и одним из ярких «пораженцев» этого периода П.Я. Чаадаевым: «русское правительство чувствовало себя на этот раз в полнейшем согласии с общим желанием страны; этим в большей мере объясняется роковая опрометчивость его политики в настоящем кризисе» [6, с. 571]. На этом фоне особенно впечатляющей становится перемена в общественных настроениях ближе к окончанию войны, когда самое сильное звучание обрели критические оценки не только внешнеполитического курса верховной власти, но и общественно-политической системы в целом. Переломными в этом развитии общественных настроений стали первые серьезные военные поражения России и смерть Николая I в феврале 1855 г.

Как уже было отмечено в исторических исследованиях, общественное мнение в середине 1850-х гг. было призвано выражать поколение, социальный опыт которого все-таки был сформирован в пределах реалий «николаевской России». И это было «поколение, настолько привыкшее к победам, настолько приученное к мысли о военной неуязвимости России, что оно оказалось не в состоянии не назвать отступление поражением, а поражение — катастрофой», вследствие чего «либеральные настроения имели… корни в оскорбленном чувстве национальной гордости, в прививаемой годами склонности переоценивать военные ресурсы России» [7, с. 39-40]. Интересные соображения на этот счет высказывали еще современники. Один из примеров – записка Р.А. Фадеева «Причины распространения нигилизма» (1871 г.). Важным обстоятельством, определившим качественные характеристики общественного мнения в России, Фадеев считал момент его зарождения. По его мнению, это был завершающий этап Крымской войны, когда в восприятии действительности преобладали отрицательные эмоции обиды и оскорбления. С точки зрения Фадеева, общественные настроения того периода лучше характеризует не слово «мнение», а слово «увлечение». Оно «истекало не из мнения, а из чувства, из общего настроения». Это было «нравственное возмущение против государственной власти»: «Оно было ничем иным как загнанным внутрь чувством народной гордости и минутно пошатнувшимся доверием к династии, не умевшей, да простится мне выражение, застраховать за Россией победы, вошедшей привычкой в плоть и кровь русского человека» [8, с. 374].

В такой драматический момент общественное мнение испытало особый шок от неожиданного и чрезвычайно важного по своим последствиям события – смерти Николая I. Особенно показательны в этом отношении дневниковые записи, сделанные А.Ф. Тютчевой и В.С. Аксаковой. Их содержание практически полностью совпадает. А.Ф. Тютчева: «Это поистине смерть со всем ужасом разрушения, смерть,

неумолимо провозглашающая ничтожество и непрочность всего земного… ужас и отчаяние … Как! Это величавое существо, занимавшее так много места в мире, казавшееся таким твердым, таким могущественным, разрушено в несколько часов!» [9, с. 43]. В.С. Аксакова: «События так громадны, присутствие Божией воли так ясно обнаруживается в них, что все подавлены ими…, все невольно приходят к сознанию ничтожества человеческого разума» [10, с. 76-77]. Эти первые отклики на смерть Николая I фиксируют такие эмоциональные реакции как подавленность, потрясение, страх перед будущим, ощущение человеческой беспомощности перед величием и трагичностью событий, что в целом свойственно историческим периодам, которые определяют термином «общественный кризис». Особенности созданного императором Николаем механизма управления, в значительной степени «замкнутого» на фигуре монарха, длительность и устойчивость царствования объясняли возникшее впечатление, что со смертью самодержца (тем более, в тяжелый в военно-политическом отношении момент) возможно и разрушение созданной им системы.

Весьма любопытно, что сразу же после смерти Николая I стали распространяться разнообразные слухи, которые по-своему выразили, видимо, стихийно возникавшую ассоциацию со сложной обстановкой предыдущей смены лиц на престоле. Сильное впечатление, вызванное смертью императора, дополнялось смутным ожиданием возможной «смуты». В.С. Аксакова сообщает о распространенном в народе мнении, «что только тот законный царь, кто родился от царя, а Александр, говорят они, родился от великого князя». Рассказывая о слухах подобного содержания, она не удерживается от восклицания: «Мы были поражены; неужели есть уже какие-нибудь смуты?» [10, с. 73, 75]. А.Ф. Тютчева заметила: «народ неспокоен, носятся слухи, будто молодой государь стоит за господ, которых покойный император не любил и которым не покровительствовал» [9, с. 44]. Многие видели знак дурного предзнаменования в падении колокола Ивана Великого в день восшествия на престол Александра II [9, с. 44].

Источники зафиксировали и очень резкую, совершенно особенную, полную лихорадочного возбуждения и не по-христиански радостную реакцию на смерть Николая I. Она принадлежит К.Д. Кавелину. В письме к Т.Н. Грановскому он писал: «Калмыцкий полубог, прошедший ураганом, и бичом, и катком, и терпугом по русскому государству в течение 30 лет, вырезавший лица у мысли, погубивший тысячи характеров и умов ... околел, наконец, и это сущая правда!» [11, с. 607].Смерть Николая I была воспринята Кавелиным как уход в прошлое целой системы насильственно заглушенного конфликта власти и общества, означавшей простое изолирование последнего от возможности влияния на жизнь страны. Одновременно смерть Николая I имела для Кавелина значение сигнала к оживлению и подъему общественного мнения, к выходу из своеобразного подполья (то есть, к открытой демонстрации своих взглядов и методов) новой формации –

сообщества прогрессивно настроенных бюрократов и общественных деятелей. Это сообщество, сформировавшееся еще в недрах «николаевского режима» и как бы вопреки ему, начинало активно формировать свою политическую программу, стараясь расширить свое влияние на верховную власть. Представители умеренного либерально-оппозиционного общественного движения (как западнического, так и славянофильского толка) питали особые надежды на покровительство великого князя Константин Николаевича. В.С. Аксакова, заметившая, что с новым царствованием «как-то легче стало дышать» и сделавшая вывод о том, что «система Николая Павловича пала вместе с ним», возлагала особые надежды на влияние Константина Николаевича, обладавшего, по ее мнению, «сильной народностью» (то есть, фактически, популярностью в общественном мнении) [10, с. 74, 77]. К.Д. Кавелин высказывал предположение, что «если оба брата (Александр и Константин. – О. К.) искренно пойдут об руку, не поддаваясь обольщениям ссориться, царствование может выйти замечательно умное, ибо в хороших наклонностях, в дальновидности, в уме Константину отказать нельзя» [11, с. 609-610].

Настроения общественных деятелей, обретавших первую робкую надежду на грядущие преобразования, были в 1855 г. еще очень неопределенными и неуверенными. Письмо К.Д. Кавелина к Т.Н. Грановскому ярко демонстрирует чрезвычайную умеренность притязаний в самом начале нового царствования. Автор письма отнес себя к тем людям, которые «не предвидят реформ и великих государственных действий, но полагают, что все пойдет хоть в той же колее, но почеловечнее и помягче». Главным благодеянием власти для образованного общества в тот период он счел всего лишь предоставление возможности «вздохнуть, выспаться нравственно и приготовиться к новой деятельности» [11, с. 610]. А.Ф. Тютчева выражала надежду: «Дай Бог, чтобы новый император каждому отдал должное, особенно же мыслящей и образованной части общества, которая была придавлена и так мало пользовалась доверием в последнее царствование» [9, с. 44]. Это означало всего лишь требование частичной интеллектуальной свободы, «смягчения» модели взаимоотношений власти и общества. При этом выражение, которое лучше всего подходит для определения характера общественных настроений в 1855 г., видимо, есть «чувство неопределенности». Наиболее образное отражение такого настроения возникло в семейных разговорах Аксаковых и Тютчевых. В.С. Аксакова записала в своем дневнике: «Тютчев прекрасно назвал настоящее время оттепелью. Именно так. Но что последует за оттепелью? Хорошо, если весна и благодатное лето, но если эта оттепель временная, и потом опять все закует мороз, то еще тяжелее покажется» [10, с. 116]. Многие общественные деятели были заняты «разгадыванием» личности и намерений Александра II, и зачастую, как например, Д.А. Оболенский, делали заключение о том, что власть выражается «неясно», а «неясность выражений доказывает неясность того, что желают» [12, с. 73].

Дальнейшая тенденция развития общественных настроений во многом зависела от военно-политических событий, от исхода Крымской войны. Моральный авторитет власти в общественном мнении напрямую связывался с ее умением защитить честь империи. Нужно заметить, что от Александра II ожидали не только «смягчения» в отношении к образованному обществу, но и «твердости» во внешнеполитическом курсе России. В феврале 1855 г. речь императора перед представителями иностранных держав еще давала основания для такого рода надежд. А.Ф. Тютчева записала: «император дал понять…, что не согласится ни на какие уступки, которые затронут честь империи… Все очень довольны твердостью, которую проявляет государь» [9, с. 45]. Но уже летом 1855 г. А.Ф. Тютчева высказывает совсем иное суждение: «В стране убеждены в том, что наша дипломатия идет на уступки, и обвиняют правительство в недостатке патриотизма и национального достоинства» [12, с. 73]. Мирные переговоры, начатые во время героической и трагической обороны Севастополя, вызывали недоумение, горечь разочарования, возмущение. А.Ф. Тютчева записывает: «…в обществе недовольны ходом дел при новом царствовании, находят, что власть действует недостаточно энергично в интересах общественных и особенно в интересах защитников Севастополя» [12, с. 73].

Историк М.М. Шевченко уже обратил внимание на то, что в русском образованном обществе было распространено мнение о том, что правительство признавало поражение преждевременно [2, с. 143]. М.М. Шевченко ссылается на мнение С.М. Соловьева: «Внутри не было изнеможения, крайней нужды, новый государь, которого все хотели любить как нового, обратясь к этой любви и к патриотизму, непременно вызвал бы громадные силы; война была тяжка для союзников, они жаждали ее прекращения, и решительный тон русского государя, намерение продолжать войну до честного мира непременно заставили бы их попятиться назад» [13, с. 645]. Характерно, что даже «люди желавшие перемен» и, по наблюдениям К.Д. Кавелина, полагавшие, что «мир заставит забыть все горькие уроки, все тяжелые утраты; опять все затянется плесенью», и что «пережитого еще недостаточно; нужны уроки посерьезнее, потяжелее» признавали возможность для России продолжать войну с целью заключения более благоприятного мирного договора. К.Д. Кавелин не сомневался, что если возникнет желание продолжать войну, то «…мы найдем откуда-то деньги, и людей, и силы – это более чем вероятно». Однако он считал, что при любом исходе, полное обновление неизбежно: «Если не дадут нам мира – народная будет война, которая подвинет все вопросы к развязке еще скорее; будет мир – он будет такой позорный и таким будет приговором сорока предыдущим годам, что нельзя будет даже по материальным причинам, ввиду не только будущего, но и настоящего, оставаться при теперешним порядке. Нас гонит вперед сама судьба …» [14, с. 14-15].

В январе 1856 г. выражение «позорный мир» получает самое широкое

распространение. Фрейлина Марии Александровны А.Ф. Тютчева решается на смелое выражение общественных настроений перед лицом императрицы. Она задает риторический вопрос: «Разве можно подписать позор страны, не спросив у нее, не согласна ли она принести последние жертвы, чтобы спасти свою честь?» Получив в ответ рассуждение о непреодолимой силе обстоятельств, А.Ф. Тютчева зафиксирует в своем дневнике первое горькое разочарование в августейшей чете: «Если бы они верили в призвание России, они обратились бы с призывом к русскому народу, они бы верили в его достоинство, в непогрешимость нашей церкви, они бросили бы Австрии вызов за вызов, подняли бы славянские народности и восторжествовали бы или погибли. Но им сказали, что нет пороха и денег, и они покорились… Как будто вера не создает ресурсов даже и там, где их нет!» [9, с. 51-52].

Разумеется, реакция А.Ф. Тютчевой была слишком эмоциональной. Многие общественные деятели признавали непреодолимость силы обстоятельств, а некоторые и достаточно четко понимали главную причину поражения России в Крымской войне. Так, А.В. Никитенко писал о том, что «нет возможности нести на своих плечах коалицию всей Европы». Поэтому и в заключении Парижского мира он видел положительные последствия. А.В. Никитенко сделал вывод о том, что Александр II «считает нужным начать с того, чтобы примириться с общественным мнением Европы» и замечал: «видя, как это там хорошо принято, нельзя не согласиться, что он достиг своей цели» [15, с. 58]. Но одновременно заключение «позорного мира» было первым поражением власти в общественном мнении своей страны.

Поражение России в Крымской войне вызвало активное развитие в общественном сознании механизма его объяснения через признание несостоятельности всего социально-политического устройства страны. Начиналась «эпоха обличения», общественные настроения становились все более критическими, а требование системных реформ, возникшее как своего рода ожидание компенсации за ущемленную национальную гордость, приобретало значение «очищения» общественного организма от долговременной его «порчи». Эти выражения и термины принадлежат современникам. В этот исторический момент славянофил И.С. Аксаков уже заключает, что Севастополь «должен был пасть, чтобы явилось на нем дело Божие, то есть обличение всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа» [16, с. 209]. С этого момента общество, в котором невероятно быстро иссякали влияние и популярность защитников «старого режима», голоса которых совершенно исчезли в общем хоре, одновременно выносило приговор всей традиционной системе («Прежняя система отжила свой век», по выражению М.П. Погодина), давало ей многочисленные уничтожающие характеристики (к примеру, фраза П.А. Валуева «Сверху блеск, внизу гниль») и демонстрировало готовность инициировать, принимать и обсуждать различные проекты преобразований [17, с. 315; 18, с. 354].

Список литературы

1. Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.
2. Шевченко М.М. Крымская война в восприятии современников и действительности// Обсерватория культуры: Журнал – обозрение. 2007. № 4.
3. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.
4. Минц С.С. Мемуары и российское дворянство. Источниковедческий аспект историко-психологического исследования. СПб., 1998.
5. Шепарнева А.И. Крымская война в оценке русского общественного мнения (1853-1856). Дисс… канд. ист. наук. Орел, 1995.
6. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. М., 1991.
7. Айрапетов О.Р. Забытая карьера «русского Мольтке». Николай Николаевич Обручев (1830–1904). СПб., 1998.
8. Порох И.В. А.И. Герцен в русском освободительном движении 50-х годов XIX в. Дисс… докт. ист. наук. Саратов, 1977.
9. Тютчева А.Ф. Дневник 1855-1856 годов // Александр II: pro et contra / Вступит. ст. В.Г. Чернухи; сост., коммент. И.Е. Барыкиной, В.Г. Чернухи. СПб., 2013.
10. Аксакова В.С. Дневник Веры Сергеевны Аксаковой, 1854-1855. М., 2009.
11. Кавелин о смерти Николая I (письма Кавелина к Грановскому) // Литературное наследство. Т. 67.
12. Оболенский Д.А. Записки 1855-1861 годов // Александр II: pro et contra. СПб., 2013.
13. Соловьев С.М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других // Соч. в 18 книгах. Кн. XVIII. М., 1995.
14. Письмо К.Д. Кавелина к С.М. Соловьеву, 16 января 1856 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. М., 1990.
15. Никитенко А.В. Дневник 1856-1857 годов // Александр II: pro et contra. СПб., 2013.
16. Аксаков И.С. в его письмах. Т. 3. М., 1892.
17. Погодин М.П. Историко-политические письма и записки в продолжении Крымской войны. М., 1874.
18. Валуев П.А. Дума русского // Русская старина. 1891. Кн. 5.

УДК 321

ОСОБЕННОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СТАНОВЛЕНИЯ ЮВЕНАЛЬНОЙ ЮСТИЦИИ ЗА РУБЕЖОМ

А.О. Крамаров

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: ProkurorSSLA@rambler.ru

Статья посвящена анализу причин и условий становления ювенальной юстиции в зарубежных странах. Ювенальная юстиция - специализированная система правосудия по делам несовершеннолетних, центральное звено которой составляет суд, тесно взаимодействующий с социальными службами как до совершения несовершеннолетним

запрещенного уголовным законом деяния, так и после судебного решения. В процессе становления в различных государствах сформировались самостоятельные системы правосудия в отношении несовершеннолетних, положительные стороны которых отмечаются и исследуется, в целях определения перспектив создания ювенальных судов в России.

Ключевые слова: ювенальная юстиция, системы правосудия за рубежом, перспективы ювенальных судов в России.

Features of formation and development of Juvenile justice abroad

A.O. Kramarov

This article analyzes the causes and conditions of formation of the juvenile justice system in foreign countries. Juvenile justice - a specialized system of juvenile justice , which is the central link of the court , which interacts closely with social services as before committing minor forbidden by criminal law , and after the judgment. In the process of development in different countries emerged independent system of juvenile justice , the positives which are marked and examined in order to determine the prospects of establishing juvenile courts in Russia.

Key words: juvenile justice, systems of justice abroad, the prospect juvenile courts in Russia.

В современный период в России проблемы ювенальной юстиции, а также особенности ее возникновения и развития становятся наиболее актуальными, в связи с повышением уровня преступности несовершеннолетних.

Вместе с тем в настоящее время Россия является одной из немногих стран мира, в которой ювенальная юстиция как самостоятельная система правосудия отсутствует. В последнее время, все чаще можно услышать дискуссии по поводу создания ювенальной юстиции в России, поскольку создание и развитие системы ювенальных судов для обеспечения соблюдения прав и законных интересов несовершеннолетних является одной из главных задач социальной политики государства.

Для определения основных задач и направлений деятельности государства по созданию системы ювенальной юстиции попробуем разобраться в сущности данного понятия, а также в особенностях ее возникновения и становления за рубежом.

В настоящее время среди ученых нет единого мнения о том, в чем же заключается понятие ювенальной юстиции. Так согласно мнению одних ученых понятие ювенальной юстиции связывается с судом по делам несовершеннолетних.

Другие считают, что ювенальная юстиция заключается во взаимодействии суда и правоохранительных органов с воспитательными службами с целью решения проблем детей, попавших в зону риска.

Таким образом, ювенальная юстиция - специализированная система

правосудия по делам несовершеннолетних, центральное звено которой составляет суд, тесно взаимодействующий с социальными службами как до совершения несовершеннолетним запрещенного уголовным законом деяния, так и после судебного решения.

В своем историческом происхождении и становлении понятие ювенальной юстиции прошло длительный путь. С глубокой древности в разных странах время от времени высказывались идеи о желательности и даже необходимости по-разному судить взрослых и детей, в некоторые акты включались отдельные положения, предусматривавшие несколько иные подходы к уголовному наказанию детей, нежели взрослых, однако вплоть до конца XIX века это были лишь отдельные эпизоды, которые не только не складывались в какую-либо систему, поэтому говорить о ювенальной юстиции вплоть до конца XIX столетия нельзя [1].

Впервые в мировой истории суд для несовершеннолетних появился в 1895 году в Южной Австралии, в то время являвшейся одной из колоний Великобритании, а позже ставшей одним из штатов Австралийского Союза. Вместе с тем, в отличие от ювенального суда, учрежденного четырьмя годами позже в городе Чикаго (штат Иллинойс, США), суд для несовершеннолетних Южной Австралии не обратил на себя пристального внимания юридической и неюридической общественности, не послужил отправной точкой для начала шествия ювенальной юстиции по миру[2].

По мнению известного российского ученого-процессуалиста профессора П.И. Люблинского начала XX века: «Едва ли можно назвать в современной европейской и педагогической литературе тему более модную, чем вопрос об американских судах для несовершеннолетних, выдвинувшийся с начала XX века. Идеями этого движения полны труды юристов всех европейских стран. Почти в каждом государстве теперь делаются эксперименты практического осуществления этих учреждений, причем намечаются новые типы, новые формы» [2].

Положительный опыт суда для несовершеннолетних, впервые созданного в США, учитывался и в других странах мира, когда стремились создать ювенальный суд по его подобию, и тогда, когда изначально вырабатывали модель суда по делам несовершеннолетних, определенным образом отличающуюся от модели чикагского суда. Вместе с тем исторически первым ювенальным судом является суд, учрежденный в Южной Австралии.

По пути создания самостоятельного специализированного суда, пошли не только в США, но и в ряде других государств: в Нидерландах (1901 год), в Египте (1904 год), в Венгрии (1908 год), в Канаде (1908 год), в России (1910 год), Бельгии (1912 год), Румынии (1913 год), во Франции (Закон от 22 июля 1912 года, вступивший в силу 4 марта 1914 года), в Швейцарии (1911–1919 годы — в различных кантонах по-разному) в Польше (1919 год, но полностью обособленные суды, рассматривавшие дела исключительно несовершеннолетних появились только в 1928 году), Японии (1923 год).

В ряде государств первоначально ювенальные суды создавались лишь в отдельных местностях, при этом, не охватывая своей юрисдикцией территорию страны целиком. Так, в Новой Зеландии суды по делам несовершеннолетних появились в 1925 году, но в течение длительного времени после этого на периферии дела детей рассматривали суды общей юрисдикции. Во Франции первоначально в порядке эксперимента специализированный ювенальный суд был образован только в Париже.

Рассмотренные исторические этапы становления системы судов для несовершеннолетних лишь в обобщенном виде отражают основные тенденции развития ювенальной юстиции в мире, но в отдельных странах процесс эволюции ювенальной юстиции может обладать определенной спецификой.

Рассмотрим организационную структуру и особенности функционирования системы ювенальной юстиции в различных государствах мира.

Так, в США, сложившаяся в настоящее время ситуация в сфере правосудия в отношении несовершеннолетних свидетельствует о наличии многообразия подходов в разных штатах. В некоторых из штатов ювенальная юстиция функционирует самостоятельно и осуществляется специально уполномоченными социальными службами (Агентством социальной службы, службой по работе с семьей и детьми). В случае совершения несовершеннолетними противоправного деяния они попадают в сферу ювенального суда либо в отношении них применяются специализированные реабилитационные программы, предусматривающие работу с подростками по месту жительства с целью возникновения у них интереса к какому-либо занятию либо профессии.

В некоторых штатах США законодательно закреплены положения о передаче дел с участием несовершеннолетних в конкретных случаях в обычный уголовный суд. Однако, в данном случае, когда дело может быть передано в уголовный суд для взрослых, первоначально предусматривается неформальное рассмотрение обстоятельств дела, попытки примирения с жертвой, возмещение ущерба, а также и коррекционная работа, по результатам которых, и принимается решение о возможной передаче такого дела в суд для взрослых[3].

С 60-х годов XX века в США начинает прослеживаться тенденция к сближению ювенальной юстиции с общим уголовным правосудием. Слияние ювенальной юстиции с общим уголовным правосудием, происходило в США под давлением общественности и осуществлялось двумя путями.

В рамках первого пути было решено передать дела, связанные с тяжкими преступлениями, совершенными несовершеннолетними и в отношении них, в суд для взрослых. Данным путем развития в период времени с 1992 по 1997 год воспользовались 44 штата. Другие штаты, избравшие второй путь, понизили возраст, с которого наступает полная уголовная ответственность несовершеннолетних правонарушителей.

Например, в штате Индиана начиная с 1997 года некоторые дела несовершеннолетних правонарушителей с 10-летнего возраста могут рассматриваться в обычном суде штата. Решение о передаче дела несовершеннолетнего правонарушителя в суд для взрослых в некоторых штатах принимаются прокурором. Например, в штате Флорида прокурор может выступить с инициативой о передаче дела в суд для взрослых. В других штатах такое решение принимают судьи. При этом в последнее время обращает на себя внимание тенденция ужесточения ювенальных судов, где в первую очередь принимается во внимание критерий тяжести совершенного преступления, а не причины и условия его совершения. В связи с этим все чаще в решениях судов имеют место длительные сроки наказания, и даже смертная казнь.

Кроме того, с каждым годом все большее количество дел передается на рассмотрение в суды для взрослых (порядка 10 тыс. дел в год). Причем, по мнению специалистов, это вызвано не столько ростом числа тяжких преступлений среди подростков, сколько недоверием к ювенальному суду[4].

В настоящее время исследователи отмечают три основных направления, которые предопределят будущее ювенальной юстиции в США. Такими направлениями являются: 1) отмена ювенальной юстиции; 2) развитие служб микрообществ как альтернативы институтам уголовного правосудия; 3) применение в отношении несовершеннолетних приговоров смешанного типа, одновременное использование норм ювенальной юстиции и «взрослого» правосудия.

Кроме того, в ряде штатов получают широкое распространение программы правосудия, основанные на идее служб микрообщества. Сторонники данного направления предлагают организовать работу по консультированию семей, самих подростков, созданию центров досуга; активизации школьных сообществ.

Система ювенальной юстиции во Франции в настоящее время основывается на Законе от 2 февраля 1945 года № 45-174 о нарушениях несовершеннолетних, и включает в себя все стадии правосудия от производства расследования дела до исполнения воспитательных мер и контроля за исполнением мер, принятых в отношении несовершеннолетнего. Система ювенальных судов включает в себя ювенальных судей, (магистратов), ювенальный трибунал, ювенальный суд присяжных.[5]

Во Франции система защиты прав ребенка включает в себя два основополагающих направления, целью которых являются:

1). Работа по профилактике правонарушений несовершеннолетних

2). Защита ребенка в рамках системы правосудия.

Например, обеспечением защиты нарушенных прав несовершеннолетних занимается Председатель Генерального совета, в подчинении которого находятся такие организации как служба социальной помощи детям, служба по охране материнства и детства, местная

социальная служба, служба психиатрической помощи детям и подросткам[6].

В случае совершения несовершеннолетним преступления и его последующего задержания, об этом обязательно информируется либо ювенальный прокурор, который имеется при больших ювенальных судах, либо обычный прокурор в небольших судах. Уполномоченные прокуроры встречаются с несовершеннолетним правонарушителем, после чего связываются с ювенальным судьей, для решения вопроса об изъятии подростка из семьи и помещении его под воспитательный надзор либо во временное заключение. В ходе осуществления следственных действий с несовершеннолетними обязательны участие адвоката, а также видеосъемка допросов. Кроме того, является обязательным составление специального досье на несовершеннолетнего правонарушителя, в котором отражаются его личностные характеристики и которое ведется либо судьей, либо сотрудниками службы надзора, психологами, педагогами. При этом в данном досье обязательно должны быть отражены условия жизни подростка в семье, для чего обязательно посещается место его проживания. После этого судьей выносится решение о передаче дела детскому трибуналу. Таким образом, ювенальный судья сразу же включается в изучение личности ребенка и обстоятельства, приведших его к совершению правонарушения[7].

Большое внимание во французской модели ювенальной юстиции уделяется профилактике правонарушений, поэтому ювенальные судьи имеют дело не только с отступившимися подростками, но и с попавшими в социально опасные жизненные ситуации, так называемые зоны риска, до нарушения ими закона. Ювенальный судья может предписывать либо кураторство за подростком в семье, либо поместить его в учреждение для несовершеннолетних или тюрьму.

Центральной фигурой в осуществлении правосудия в отношении несовершеннолетних во Франции является суд, в рамках которого действует прокурор Республики, наделенный полномочиями по осуществлению контроля за обстановкой в семьях правонарушителей, имеющий право ограничивать и лишать родительских прав, привлекать к уголовной ответственности родителей, которые жестоко обращаются со своими детьми. В некоторых случаях прокурор имеет право направить ребенка, нуждающегося в защите своих нарушенных прав, в другую семью, для чего им выносится постановление о временном устройстве несовершеннолетнего сроком на неделю.

К исключительной компетенции полиции и жандармерии относится расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних. Для расследования дел данной категории в составе отделов полиции созданы специальные Бригады по делам несовершеннолетних. Вместе с тем, могут быть применены меры по защите прав несовершеннолетних, например, после обращения органов полиции к прокурору, ребенок может быть передан в приемную семью.

В настоящее время в качестве перспективных направлений пенитенциарной реформы во Франции обсуждаются возможности расширения использования в отношении несовершеннолетних наказаний, альтернативных лишению свободы, а также использование электронного браслета, позволяющего контролировать местоположение осужденного, освобожденного из-под стражи.

Обращает на себя внимание опыт Казахстана в сфере ювенальной юстиции. История отправления осуществления в отношении несовершеннолетних в Казахстане и в России во многом совпадают, поскольку на протяжении длительного времени они входили в состав единого государства. Однако нынешнее состояние дел в сфере ювенальной юстиции в Казахстане и России существенно различаются.

В период с 2001 года в Казахстане стала проводиться работа по осуществлению проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане», в рамках которого в 2003 году в городе Алматы (Ауэзовский район) и Алматинской области (Карасайский район) в экспериментальном порядке были созданы специализированные организации по обеспечению прав несовершеннолетних. В качестве основной цели данного эксперимента ставилось создание механизма правосудия, позволяющего не допустить криминализации личности подростка, попавшего в зону риска, содействию социальной реабилитации ребенка-правонарушителя, недопущению отчуждению несовершеннолетнего от общества. Данный проект поспособствовал появлению специализированных социальных психологов на стороне защиты несовершеннолетних.

В сентябре 2006 года, с учетом опыта реализации проекта «Ювенальная юстиция в Казахстане», Алматинской городской коллегией адвокатов была создана специализированная ювенальная юридическая консультация[7].

23 августа 2007 года Указом Президента Республики Казахстан в городах Астане и Алматы были созданы специализированные межрайонные суды по делам несовершеннолетних, в юрисдикцию которых передавались уголовные дела, дела об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, а также гражданские дела, затрагивающие их интересы.

В данном указе основное внимание уделялось интересам детей, поскольку в нем предписывалось, что все дела в отношении несовершеннолетних должны поступать в специализированный суд, где более внимательно относятся к особенности отклоняющегося поведения подростков.

В настоящее время в Казахстане в органах полиции действуют специализированные подразделения по делам несовершеннолетних, центры временной изоляции, адаптации и реабилитации несовершеннолетних. Кроме того, существуют оперативные уполномоченные криминальной полиции по делам несовершеннолетних, специальные следователи, основным направлением деятельности которых является расследование уголовных дел о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, а

также инспекторы полиции по делам несовершеннолетних, закрепленные за образовательными учреждениями.

Рассматривая опыт зарубежных стран по отправлению правосудия в отношении несовершеннолетних, считаю в настоящее время приемлемым для Российской Федерации создание системы ювенальной юстиции, однако ее создание должно быть планомерным и включать, по крайней мере, три этапа:

1). Создание в судах общей юрисдикции специальных составов судей, уполномоченных на рассмотрение дел только в отношении несовершеннолетних преступников.

2). Создание в структуре органов внутренних дел РФ и Следственного комитета РФ подразделений, специализирующихся на работе с несовершеннолетними.

3). Создание специальных служб, направленных на работу с детьми, недопущение совершениями несовершеннолетними преступления, обеспечение досуга несовершеннолетних, мониторинг детей и их семей, попавших в социально опасные ситуации.

Список литературы

1. Золотых В.В. Проблемы и перспективы совершенствования правосудия в отношении несовершеннолетних. Ростов-на-Дону. 2008.

2. Концепция ювенального права современной России. Монография. Под ред. В.И. Жукова. М., 2011.

3. Люблинский П.И. Суды для несовершеннолетних в Америке как воспитательные и социальные центры. М., 1911.

4. Создание основы ювенальной юстиции в Москве: концепция, практика, законодательство. Аналитический доклад. Под ред. Пастухова В.Б. М., 2008.

5. Шмидт В.Р. Интеграция подростков в конфликте с законом: зарубежный опыт. М., 2007

6. Бертранд У. Защита прав несовершеннолетнего во Франции. История вопроса//Демографические и экономические аспекты ювенальной юстиции. М., 2008.

7. Автономов А.С. Ювенальная юстиция. Учебное пособие. М., НАН, 2009

УДК 316. 334.3:1

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЛАСТИ И ЦЕННОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

О.М. Ломако

Саратовский государственный университет им. Н.Г.Чернышевского, Россия

E-mail: olga-lomako@yandex.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу взаимосвязи власти и ценности в процессе их исторической трансформации. Подчеркивается, что трансформация власти связана с изменением ценности природного и социального, политического и нравственного.

Рассматривается историческое развитие типов власти в условиях формирования различных форм человеческой солидарности. Современный процесс смены дисциплинарных обществ обществами контроля обусловил необходимость новых структур власти, основанных на признании ценности взаимопонимания и диалога.

Ключевые слова: власть, ценность, социальная философия, история, цивилизация, национальное государство, общество контроля.

The Historical Transformation of Power and Value: a Social-Philosophical Aspect

O.M. Lomako

This article is devoted to the social-philosophical analysis of interrelation between the power and values in the process of their historical transformation. It is noted, that the transformation of power is associated with the change in value of natural and social, political and moral. The article discusses the historical development of the types of power in the formation of various forms of human solidarity. Modern process of changing of disciplinary societies by societies of control, caused necessity of new structures of power, based on the recognition of the value of mutual understanding and dialogue.

Key words: power, value, social philosophy, history, civilization, national state, the society of control.

Глобализация средств сообщения и коммуникаций, экономического производства и его финансирования, продажи технологий и оружия, а прежде всего – военной и экологической опасности ставит перед нами проблемы, решение которых потребует создания и расширения возможностей транснациональной интеграции. Нельзя не признать, что система управления в современных условиях не опирается ни на понятие класса, ни на понятие этноса, что порождает необходимость разработки эффективных властных структур.

В своей политической философии Жиль Делёз называет формами власти религию, государство, науку, право, общественное мнение, телевидение, но не философию. И хотя она ведет постоянные переговоры с формами власти, всё же Философия – не Власть. Поскольку Власть не довольствуется внешним миром и проникает в каждого из нас, то все мы ведём постоянные переговоры с властью [1, с. 12]. Возникающая при этом необходимость поиска ответа на вопрос: «Какой должна быть власть, чтобы обеспечить воспроизводство полноценной жизни общества?», делает очевидной обращение не только к будущему, но и к прошлому. В методологическом плане это означает, что социально-философский анализ исторической трансформации власти должен начинаться с процедуры выявления ценностного содержания отношений «природное-социальное», «политическое-нравственное».

Историческим началом проблематики взаимосвязи природного, социального и политического можно считать возникновение древнегреческих мифов о совместных действиях людей и богов. Действие и поступок были заявлены как исключительная привилегия людей, возможная только в человеческом сообществе, поэтому в совместных действиях богов и людей инициативу всегда захватывали смертные. Действовать может только человек, тогда как боги включаются в действие только тогда, когда они действуют вместе с людьми.

Человек постоянно действует, он активный участник политических процессов. Формируется мировоззрение свободного человека, способного влиять на политику государства. На смену *родовой общине* приходит *община гражданская,* выражением которой является полис – город-государство с прилегающими к нему сельскохозяйственными угодьями. Это новый вид общественной организации. Люди – существа, способные жить по закону вокруг полиса, который служил гарантией сохранения частной собственности, гарантией порядка и единства граждан. Те, кто живёт не по закону – не люди, а варвары, природа. Хочешь быть свободным, почитай закон – гласит древнегреческий афоризм. Происходит сакрализация *логоса* – единства закона, разума и слова.

Этой связью действия с общественностью можно, пожалуй, объяснить то, что аристотелевское определение человека как «животного политического», точнее, «политического живого существа», было переведено на латынь как «животное социальное» (animal sociale). Затем Фома Аквинский постулирует со всей определенностью: человек политический, то есть общественный по природе. Этим отождествлением – политического и социального – был, по сути, утрачен древнегреческий смысл политики. Собственно говоря, отличие от греческой мысли заключалось в том, что и Платон, и Аристотель несомненно знали, что человек не может жить вне общества, но как раз это не считалось ими специфической человеческой особенностью. Совсем наоборот, это было чем-то общим в жизни человека и животного, тем, что нельзя относить к специфическим качествам человеческого. Естественная, совместная общественная жизнь рода человеческого понималась как естественное ограничение, наложенное необходимостью его биологической жизнедеятельности, именно потому, что эти надобности для человеческой жизни ничем не отличаются от других форм органической жизни.

Согласно греческим представлениям, человеческую способность к политической организации надо не только отличать от социального как природного общежития, к которому принадлежат домохозяйство и семья, но даже чётко противопоставлять ему. Становление полиса и формирование политики означало, что всякий кроме своей частной жизни получал ещё и вторую жизнь, свой βίος ρολιτικός. Это значит, что каждый гражданин принадлежал отныне двум порядкам существования, и его жизнь строго делилась на то, что он называл своим собственным, и то, что являлось общим. Именно политика делает человека человеком.

Установленным историческим фактом является то, что основанию полиса предшествовало уничтожение всех союзов, опиравшихся на природно-естественное начало, т.е. на семью и кровное родство.

Быть человеком политическим, жить в полисе означало, что все дела улаживаются посредством слов, способных убеждать, а не принуждением или насилием. Принуждать других силой, приказывать вместо того, чтобы убеждать, считалось у греков до-политическим способом межчеловеческого обхождения. Это считалось обычным в жизни вне полиса, например, в обращении с домочадцами, в семейных делах, где глава семьи осуществлял деспотическую власть, а также в варварских государствах Азии, деспотическую форму правления которых часто сравнивали с организацией домохозяйства и семьи.

Не только полису, но всей античности в целом было совершенно понятно, что даже власть тирана ограничена, не абсолютна и менее полна, чем та, с какой отец семейства владел своим рабовладельческим хозяйством и домочадцами. С появлением города-государства жизнь древнего грека разделилась на два измерения. Одно из них приватное, соотносимое с домохозяйством, второе – публичное, которое соответствует пространству политического [2, с. 37-38].

Таким образом, для древнегреческого миропонимания времён полисной организации характерным являлось как противопоставление социального и природного, так и отождествление политического и нравственного. Идеалом полисной культуры стал человек политический нравственный. Власть и ценность политики можно рассматривать как следствие сакрализации Логоса – единства закона, слова и разума.

Археолого-генеалогический метод М. Фуко предполагает, прежде всего, исследование феномена политического на микроуровне. Открывая «микрофизику власти» для анализа макрополитической проблематики государства, М. Фуко противопоставляет свою точку зрения существующему представлению, согласно которому микрофизика власти ограничена интерактивно структурированными социальными отношениями, тогда как пространство государственного распространения власти описывается либо по модели права, либо по модели войны, поскольку она конституирует коллективные тела и приводит их в отношение друг с другом. Исследование «микрофизики власти» у Фуко означает, что власть это не достояние, а стратегия, т.е. совокупность механизмов, техник, тактик и действий. Именно поэтому он говорит о биовласти и биотехнологии власти как телесной зависимости индивидов от форм контроля и господства над ними в различных дисциплинарных пространствах цивилизации. Государство возникает как результат совместного действия множества механизмов и различных очагов, которые самостоятельно образуют «микрофизику власти».

В качестве такого очага Фуко рассматривает христианский пасторат как исходный пункт специфического механизма власти над людьми, как ансамбль специфических техник власти и господства, которые наследует

современное государство. С помощью этих техник государству удаётся создать такую сеть отношений, в которую индивид включается не как субъект права, а как нуждающееся в опеке живое существо, чьё благо должно быть гарантировано и преумножено. Отношение господства, основанного на пасторате, предполагает, в первую очередь, заботу господина об индивидуализированном подданном, а не создание и сохранение политического единства. Забота пастора охватывает всех без исключения. Принцип такого правления: ценность всех вместе и каждого в отдельности. В своей лекции о политике Платона Фуко актуализирует тему пастуха в греческой философии. Пасторская форма общения не является формой управления государством точно также, как «королевское искусство» не является «искусством пастуха». Последнее М. Фуко сравнивает с искусством ткача, которое состоит в том, чтобы собрать то, что существует раздельно в сообщество, основанное на дружбе и согласии [3, 215]. Деятельность, свойственная политику, это объединение, направленное на установление и поддержание порядка.

Крупные государственные формы, возникающие в Европе Нового времени прикреплены к законопослушной власти, основной задачей которой является обеспечение социального порядка как высшей ценности [4, с. 409-410]. В то время как драматизируется проблема конституирования социального порядка, и всё внимание обращается на суверенную личность, которая понимается как решение этой проблемы, вне рассмотрения оказываются мелкие, неприметные механизмы власти, в процедуры и технологии которой оказывается втянут любой индивид.

В плане понимания «биофизики власти» М. Фуко, истинной находкой для церкви стал образ отца – простой, доступный, ясный и понятный каждому. Заимствовав этот образ из учения Христа, церковь феодальных времён наделяла его чертами отца большой патриархальной семьи. Такой отец-патриарх вправе распоряжаться жизнью детей. Образ отца выполнял свою функцию – приведение народа к повиновению. Право отца наказывать своих детей считалось естественным. Не случайно И. Кант назвал человека традиционного общества несовершеннолетним по собственной вине. Несовершеннолетним человек может быть в любом возрасте, поэтому главный признак несовершеннолетия – это неспособность и нежелание распорядиться собственной жизнью. Такое вечное детство само собой предполагает образ заботливого отца. Есть отец – всевластный глава семейства. Есть король или князь – отец народа. И, наконец, есть отец всех отцов, господин над всеми господами – Отец Небесный. Казалось бы, всё самоочевидно и разумеется само собой.

С зарождением Нового времени возникает социальное пространство, нашедшее свою политическую форму в национальном государстве. Для перехода к национальному государству необходима была философия либерализма с её основным требованием избавить человека от всех форм зависимости и опеки [5, 288]. Власть отца не может исключить власти

матери, что ведёт к появлению родительского права, т.е. означает власть, ограниченную законом. Как только дети достигают возраста совершеннолетия, родительская власть над ними заканчивается.

Согласно классической римской семантике, понятие «natio», также как и «gens», противопоставляется понятию «civitas». Нации как общности, связанные прежде всего общностью происхождения, интегрированные географически – за счёт расселения и соседства, культурно – за счет общего языка, общих нравов и традиций, пока ещё существуют вне рамок какой-либо формы государственного правления, т. е. не являются политическими единицами. В средние века, также как и в начале Нового времени, эти признаки сохраняются повсюду, где понятие нации отождествляется с понятием языка. Так, Ю. Хабермас отмечает, что на нации (nationes) подразделялись студенты средневековых университетов в соответствии с их принадлежностью к тому или иному землячеству. С ростом географической мобильности понятие «нация» служило для внутреннего подразделения рыцарских орденов, университетов, монастырей, церковных соборов, купеческих поселений и т.д. При этом национальное происхождение с самого начала связывалось с противопоставлением «своего» и «чужого». С этого противополагания в виде ассиметричных понятий национальная модель вошла в европейскую историю [6, с. 204].

Результатом возникновения наций явилась трансформация новоевропейского государства в демократическую республику. Через национальное самосознание создавался тот культурный контекст, который способствовал формированию из подданных политически активных граждан. Лишь принадлежность к нации устанавливала некую солидарную связь между людьми, бывшими до сих пор чужими друг другу. Зарождалась новая форма социальной интеграции.

Демократический принцип участия формирует, наряду со статусом гражданства, новый уровень *солидарности*, основанный на праве. Прежде государство регулировало свои социальные границы лишь посредством прав на проживание в государстве. Однако проживание в государстве означало не более чем подчиненность государственной власти. В демократическом правовом государстве такая подчиненность превращается в членство граждан, которые сами становятся участниками осуществления политического господства. Таким образом, статус жителя государства изменяется на статус гражданина государства. Это означает, что политические гражданские права гарантируют теперь не только частную автономию, но - и в равной мере для каждого – автономию политическую. При этом каждый должен обладать возможностью сознавать себя автором права. В связи с этим возникает необходимость различия политико-правового аспекта образования наций и аспекта культурного.

Для политической народной мобилизации требовалась объединяющая

мировоззренческая идея, захватывающая ум и сердце человека, а не только его права и суверенитет народа. Это как раз и даёт нация. Она означает юридическую и политическую форму сплочённости жителей определенной государственной территории. Только национальное сознание, коренящееся в чувстве общности происхождения, языка и истории делает индивидов гражданами одного и того же политического сообщества и в силу этого чувствовать себя ответственными друг за друга. В нации как первой новоевропейской форме социальной интеграции, соединяется юридически конституируемая государственная форма и её культурное основание [6, 206-208].

Историческая трансформация власти как ценности происходит на разных уровнях. Так, уходят в прошлое дисциплинарные общества, им на смену приходят общества контроля, которые можно назвать постдисциплинарными. Это значит, что исчезает характерная для дисциплинарных обществ потребность в сегментации и фрагментализации социального пространства и в особой для каждого сегмента форме контроля и власти. В обществе контроля границы фрагментов и сегментов социального пространства теряют всякий смысл, поскольку теряют смысл техники изоляции и дисциплинарные практики. Общество контроля функционирует по иным принципам: тотальный контроль и мгновенная коммуникация в наступающей эпохе перманентного реформирования всех сегментов социального пространства (школы, больницы, армии, производственной сферы и т.д.) [1, с. 223].

Рождение национального государства было призвано отыскать форму власти, соответствующую историческому вызову начального периода Нового времени, способную создать новую форму социальной интеграции. Сегодня мы оказываемся перед аналогичным вызовом. Тотальная глобализация ставит перед нами проблемы, решение которых выходит далеко за национально-государственные границы. Слишком многое свидетельствует о том, что ослабление национально-государственного суверенитета будет продолжаться, что неизбежно потребует создания и расширения возможностей политического действия на уровне мультикультурного и мультисоциального пространства через поиск стратегий взаимопонимания и разработку практик диалога и переговоров.

Список литературы

1. Делёз Ж. Переговоры. СПб., 2004. 235 с.
2. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб., 2000. 437 с.
3. Foucault M. Geschichte der Gouvernementalität I. Sicherheit, Territorium, Bevölkerung. Vorlesung am Collège de France (1977/78). Frankfurt/M, 2004. 600 S.
4. Foucault M. Geschichte der Gouvernementalität II. Die Geburt der Biopolitik. Vorlesung am Collège de France (1978/79). Frankfurt/M, 2004. 517 S.
5. Перцев А.В. Почему Европа не Россия (Как был придуман капитализм). М., 2005. 384 с.
6. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб, 2001. 417с.

УДК 94(47).084.3

20-Я САРАТОВСКАЯ ПЕХОТНАЯ ШКОЛА И ОКРУЖНЫЕ МАНЁВРЫ 1923 Г.

А.В. Лукьянов
Саратовский военный институт ВВ МВД России, *Россия*
E-mail: anton230878@mail.ru

Статья посвящена особенностям участия курсантов пехотной школы в окружных манёврах войск Приволжского военного округа. Рассмотрены недостатки в организации крупных общевойсковых мероприятий и их связь с современностью.

Ключевые слова: пехотная школа, курсант, окружные манёвры, Рабоче-крестьянская Красная армия.

20th Saratov infantry school and district maneuvers 1923

A.V. Lukyanov

The article is devoted to the peculiarities of participation of students infantry school in district exercises of the troops of the Volga military district. Drawbacks in the organisation of major military activities and their relationship with modernity.

Key words: infantry school, student, district maneuvers, the worker-peasant Red army.

Гражданская война, а затем борьба с повстанчеством и бандитизмом не давали возможность в полной мере организовать плановый учебный процесс в военно-учебных заведениях (ВУЗ) молодого Советского государства. Постоянный отрыв курсантов на выполнение срочных боевых задач, несомненно оставлял положительный след в подготовке будущих командиров, но участие в боевых действиях было лишь крайней необходимостью и не давало обучаемым опыта в руководстве подразделениями. Курсанты, действуя в роли солдат, не могли изучить работу командира при подготовке и в ходе боя. Принимаемые решения не изучались коллективно, время на их обсуждение просто не было. Далеко не всегда была возможность правильно использовать все силы и средства, имеющиеся у командира и т. д.

К осени 1922 г. основные очаги восстаний и беспорядков в Поволжье были ликвидированы [1, 331] и войска Приволжского военного округа Рабоче-крестьянской Красной армии (ПриВО РККА), как и ВУЗы региона, переходят к выполнению мероприятий боевой подготовки в мирное время.

Одной из форм обучения, в те годы, являлись окружные манёвры войск (в настоящее время это общевойсковые учения) и ВУЗы, входящие в состав округов, в обязательном порядке принимали в них участие.

В 1923 г., на основании срочной секретной телеграммы командующего ПриВО от 26 июля № 11187 20-я пехотная школа [2]. привлекается к «осенним подвижным сборам» войск ПриВО в составе штатных подразделений [3, 1].

Но уже 3 августа 1923 г. секретной телеграммой окружного инспектора ВУЗов ПриВО № 342 [3, 3] на учебные заведения округа возлагались задачи по формированию сводной стрелковой дивизии, в состав которой были включены войска Государственного политического управления (ГПУ) округа. Формирование дивизии, для участия в окружных манёврах, необходимо было завершить к 29 августа 1923 г.

7-я Казанская пехотная школа и Казанские Объединённые Мусульманские курсы формировали 1-й стрелковый полк дивизии. 12-я Симбирская и 18-я Оренбургские пехотные школы – 2-й стрелковый полк. 20-я Саратовская и 18-я Оренбургские пехотные школы – 3-й стрелковый полк.

Кавалерийский полк дивизии формировали 3-я Самарская кавалерийская школа и эскадрон Казанских Объединённых Мусульманских курсов. 3-я Казанская инженерная школа стала сапёрным батальоном и выделяла личный состав в дивизионные команды связи.

Средний и старший командный состав школ был назначен на наиболее ответственные должности в дивизии. Например, начальник 20-й Саратовской пехотной школы т. Распопов на должность командира дивизии [3, 24].

Непосредственно из курсантов округа были сформированы 1-й стрелковый полк, кавалерийский дивизион и сапёрный батальон [3, 24]. 20-я Саратовская пехотная школа выделяла личный состав для комплектования 7-й и 8-й рот, управления 3-го батальона, трёх пулемётных команд и оркестра сводной дивизии. Всего – 507 человек, из них: старший командный состав – 20; младший командный состав – 71; политический состав – 1; медиков и ветеринаров – 3; красноармейцев – 43; курсантов – 369 [3, 135].

Местом прибытия военных школ округа был определён г. Самара, где находился штаб ПриВО. Выехав на пароходе из г. Саратов 23 августа 1923 г., через сутки 20-я пехотная школа, 33-й и 34-й Покровские (в настоящее время г. Энгельс Саратовской области) дивизионы войск ГПУ прибыли на сборный пункт. С 25 по 31 августа 1923 г. был проведён общий лагерный сбор ВУЗов ПриВО [3, 137]. Все части сводной дивизии были сформированы к установленному сроку и по окончании сбора курсанты приняли участи в окружных манёврах войск ПриВО.

Накануне окружных мероприятий 20-й школе была предоставлена

возможность провести свои манёвры, при этом каждый этап их проведения разбирался при участии преподавателей и курсантов. Были выявлены и отмечены как положительные стороны, так и недостатки в их проведении.

На манёврах войск округа все курсанты, кроме старшекурсников, привлекались в составе сформированных школой подразделений в должностях красноармейцев и командиров звеньев [4, 135]. Выпускники школы отдельно вели дневники манёвров, использовались для связи с соседними частями и назначались на должности командиров взводов и отделений. В целом, курсанты «получили достаточную и разнообразную практику в управлении мелкими подразделениями» [3, 91].

В то же время недостатки в подготовке и проведении окружных манёвров не позволили полностью осуществить поэтапную отработку всех видов боя с привлечением сил и средств родов войск и служб.

Штабом руководства манёвров допускалось много «различных условностей и ограничений», как в предоставлении инициативы, так и в свободе действий частей. Время на уяснение приказов и отдачу распоряжений почти отсутствовало, вследствие чего не только курсанты, но и командный состав школы был слабо ориентирован по предстоящим боевым задачам. Приказы и распоряжения из округа были не полными, а иногда и имели двоякое толкование. Дело заключалось в том, что военные академии после Гражданской войны ещё не успели подготовить нужное количество высококвалифицированных специалистов для войск, и в штабах служили не всегда те, кто того заслуживал. Являясь, в прошлом хорошими командирами батальонов и полков, они не обладали достаточными знаниями для осуществления задуманного.

Условная обстановка и местность проведения манёвров не давали возможности провести учение огневых рот полностью. Не в полной мере использовался огонь пулемётов. Командованием школы был выявлен ряд проблем в «управлении боевыми порядками роты» до атаки и при преследовании противника [3, 92].

Как отмечает начальник Саратовской пехотной школы, интерес курсантов к манёврам был «очень большой». Большинство обучаемых в Гражданской войне участия не принимало и такие крупные учения, безусловно, вызывали неподдельный интерес вчерашних городских и сельских мирных жителей.

Подводя итоги участия в окружных манёврах, начальник школы информирует Главное управление ВУЗов РККА о внесении желательных поправок в планирование и разработку манёвров округа на 1924 г.:

«1. Возможно лучше и заранее организовать манёвры;

2. Проводить их на местности, где есть возможность применения всех сил и средств;

3. Дать возможность ВУЗам принимать участие во всех видах боя. Так в прошедших манёврах не было оборонительного боя, отхода на

тыловые позиции, выхода из боя;

4. Организовать отряды из всех родов войск. Так в сводной дивизии на манёврах артиллерии не было вообще» [3, 93]».

Высказанные замечания начальника школы по организации манёвров, к сожалению, характерны и сейчас. В наши дни курсанты к общевойсковым учениям объединений не привлекаются, однако нехватка грамотных преподавателей и специалистов, имеющих войсковой опыт на различных должностях в войсках, серьёзно ощутима. Даже офицеры, закончившие военные академии и направленные, минуя войска, для прохождения службы в ВУЗы, не всегда могут правильно применить имеющиеся у них знания ввиду отсутствия закрепления теории практической деятельностью в войсках.

Планирование и проведение тактических учений с курсантами проводятся на одной и той же местности, где обстановка отличается только силами и средствами противника и своих войск. Марш-броски, как правило, осуществляются по старым маршрутам из пунктов постоянной дислокации в учебные центры и обратно.

Современный общевойсковой бой, контртеррористическая операция скоротечны и требуют от офицеров принятия «молниеносных» и правильных решений в быстроменяющейся обстановке. В условиях появления новых образцов оружия, изменения тактики действий вероятных противников и международного терроризма принятие шаблонных решений молодыми офицерами просто недопустимо.

Незнакомая местность; разнообразие вводных; срочность и сложность выполнения задач; отсутствие заранее подготовленных позиций; наличие и применение артиллерии, авиации и многое другое вызывает интерес и реалистичность на учениях, заставляет курсантов, по их окончании, анализировать свои действия, обобщать опыт и вырабатывать, вместе с преподавателем, правильные подходы в решении боевых задач.

Несомненным плюсом в подготовке будущих офицеров в наши дни является войсковая стажировка в частях, практика при вооружении и практические занятия, на которых курсанты выступают в роли руководителей и командиров подразделений.

Список литературы

1. Российский государственный военный архив (далее - РГВА). Ф. 25889. Оп. 1. Д. 114. Л. 331.

2. В 1970-90 гг. Саратовское высшее военное командно-инженерное училище ракетных войск (с 1998 г. Саратовский филиал Военного артиллерийского университета). В 2003 г. расформировано.

3. РГВА. Ф. 25172. Оп. 1. Д. 144.

4. Звено – низшее подразделение в пехоте РККА в 1920-30 гг. Входило в состав стрелкового отделения и имело от 4 до 7 человек.

УДК 111+929

КОНЦЕПТ СТАНОВЛЕНИЯ В ОНТОЛОГИЧЕСКИХ УЧЕНИЯХ ФРИДРИХА НИЦШЕ И ЖИЛЯ ДЕЛЕЗА

А.В. Магда
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: saratovrai1@gmail.com

В статье рассматривается концепт становления в онтологическом учении Фридриха Ницше. Подчеркивается, что с понятием становления тесно связаны и другие основные темы в учении немецкого философа, такие как: вечное возвращение, нигилизм, воля к могуществу. Особое внимание уделяется анализу логических и системообразующих связей, что позволяет проследить преемственность концепта становления в истории. Исследуется понятие становления в XX веке, а именно в философской системе Жиля Делеза.

Ключевые слова: становление, вечное возвращение, воля к могуществу.

The concept of becoming in the ontological doctrines of Frederic Nietzsche and Gilles Deleuze

A.V. Magda

The article discusses the concept of becoming in Frederic Nietzsche's ontological doctrine. It is emphasized, that other concepts are closely connected with the concept of becoming in the doctrine of German philosopher such as: eternal return, will to power, nihilism. Special attention is devoted to the analysis of logic and systemically important connections that can allow us to trace continuity of the concept of becoming in history. The notion of becoming is also examined in the 20th century, namely in Gilles Deleuze's ontological doctrine.

Key words: becoming, eternal return, will to power.

Мартин Хайдеггер в двухтомнике «Ницше» [1], [2], отмечает у Фридриха Ницше три главные тематические рубрики, которые в первую очередь затрагивают основной вопрос философии (вопрос о бытии): учение о воле к могуществу (власти), учение о вечном возвращении и нигилизм в контексте Европы. Кратко рассмотрим каждый из этих основополагающих концептов. Возможно главной интенцией книги «Воля к власти» является положение о том, что бытие есть становление. Такое бытие обладает характером действия и деятельности воления, а воля является волей к могуществу. Получается, что темы «воля к могуществу» и «вечное возвращение» неотделимы друг от друга. По утверждению самого

Ницше, воля к могуществу – это вечное возвращение того же самого и нужно «впечатать в становление черты бытия - вот в чем высшая воля к власти» [3, с. 342]. Европейский же нигилизм обладает своим становлением, становлением в истории. Нигилизм превращается не просто в историческое свершение, обладающее собственными этапами непрестанного возрастания и усиления, но скорее в то, что двигает историей, становится условием, стихией истории, проявившись в христианстве.

Становление укоренено в бытии, вечное возвращение - утверждение бытия в становлении. Рубрики-концепты «вечное возвращение», «воля к могуществу» и «нигилизм» постоянно переплетаются между собой, рисуя узор философии Ницше. В данной статье мы попытаемся проследить одну (а может и несколько) из возможных линий их интерпретации: становление-вечное возвращение-воля к могуществу-нигилизм в онтологическом учении Ницше а также выделить концепт становления в трудах Жиля Делеза, создавшего качественно новую современную интерпретацию учения немецкого философа.

Начнем с рассмотрения проблемы существования. В «Рождении трагедии» Ницше пишет: «Первая же философская проблема сразу постулирует мучительную и непримиримую противоположность между человеком и богом ... Лучшее и высшее благо, которого оно может достигнуть, человечество достигает лишь путем преступления, а затем ему приходится принять на себя его последствия, а именно весь захлестывающий поток страданий ...» [4, с. 54]. Получается, что существование виновато (т.к. оно страдает), но своим страданием оно искупает свою вину. Существование становится религиозным и моральным феноменом! Ницше видит в этом изысканное обесценивание существования посредством морального суда над ним.

«Одна из многих интерпретаций потерпела неудачу, но поскольку она стремилась выставить себя в качестве единственно возможной, то кажется, что существование отныне лишено смысла, что все тщетно» - напишет Ницше в «Воле к власти» [3, с. 331]. Невинность становления и всего, что есть - истина плюрального, множественного, поскольку любая вещь соотнесена с силой, которая может ее интерпретировать, а силу, в свою очередь, нельзя отделить от ее области возможностей. Вот этот способ соотносить, утверждать и является невинным. Если же вещь не дает себя интерпретировать какой-то конкретной силе и воле, то требуется другая сила и воля, которая достаточно сильна, чтобы быть способной на интерпретацию. Однако, мы сохраняем такую интерпретацию, которая соответствует нашим силам и отрицаем ту, что не походит на нашу интерпретацию. Мы оцениваем силу как «хорошую», если она воздерживается от того, что не может, и как «виновную», если сила показывает свое могущество.

Остановимся подробнее на рубрике-концепте «вечное возвращение» и роли становления. Фридрих Ницше великолепно играет с символами,

когда говорит о вечном возвращении. Им используется образ броска игральных костей. В «Так говорил Заратустра» он пишет: «Если некогда восседал я с богами за игральным столом земли и играл с ними в кости так, что земля содрогалась и растрескивалась, изрыгая потоки огня: ибо земля — это стол богов, трясущийся от новых творящих слов и шума божественных игральных костей...» — «О чистое и высокое небо надо мной! В том для меня отныне чистота твоя, что вечного паука-разума и паутины его больше нет; что ты — помост, где танцуют божественные случайности. Что ты — стол богов, куда божественные игроки бросают игральные кости...» [5, с. 112]. Таким образом, в броске игральных костей утверждается бытие становления. Вечное возвращение рушит линейность мышления в истории. Ницше с концепцией вечного возвращения перечеркивает идею всемирного бесконечного прогресса, уничтожив все ее основы. Мыслить линейно или циклически? Разница огромна. Вся классическая культура строится так, как если бы мы жили исключительно по принципам просвещения, - следовали законам разума, демократии и т.д., шли постепенно к этому свету, начиная с рождения, и до самой смерти познавали истину. Истина, которая существует при таком понимании - единственна. Идея бесконечного прогресса, которая запускает движение науки вплоть до 19 века, представляет собой линейность, линейно же проходит сквозь пространство и время. Такая идея доктринальна и схематична. Цивилизация продвигается вперед, но обречена не достигать цели. Процесс приближения к истине есть бесконечный процесс. Возникает очевидный вопрос: отчего цель движения до сих пор не достигнута, если она уже бесконечно долго виднеется перед мыслью? Да и разве можно успокаиваться *таким* движением? Подобная бесконечность закладывает в себе то, что достигнутое в определенный момент станет абсолютно малым и даже ничтожным. Необходимо избавиться от подобного гипотетического движения и установить на его место другое. Это другое движение обязано снять с разума лишний груз бесконечного прогресса.

Необходимо отдельно отметить, что согласно Ницше, вечное возвращение - это не мысль о тождестве. Скорее – это мысль о различии, принцип повторения различающегося. В вечном возвращении возвращается не единое (одно и то же), но непосредственно само возвращение является единым. И говорит оно нам о различающем и различающемся. Интерпретируя Ницше, Делез позже напишет, что возвращается не бытие, а сам возврат образует бытие в той мере, в какой он утверждается через становление и преходящее. Однако, как тогда со стороны просто циклического предположения обосновывается различие сосуществующих циклов и как может существовать различное в этом цикле? Ницше допускает существование энергии, одинаково сконцентрированной во всех центрах сил во вселенной. Таким образом, связывается воля к могуществу (также крайне важное понятие в поздней философии Ницше) и вечное возвращение. Вечное возвращение служит

выражением принципа воли к могуществу, который (принцип) обосновывает различное и его воспроизведение, различие и его повторение.

Воля к могуществу представляет собой принцип качества сил. Силам присуща иерархичность. Вообще, иерархичность – еще один основополагающий концепт в философии Ницше, и она играет не менее значительную роль, чем становление. Согласно иерархии сил, силы бывают активные и реактивные. Активность и реактивность – изначальные качества силы. Утвердительность и отрицательность – основные качества воли к могуществу. «...Воля к уничтожению, враждебность жизни, отказ от признания фундаментальных предпосылок жизни — и однако это, по крайней мере, есть и всегда будет волей» - напишет немецкий философ в книге «Генеалогия морали» [6, с. 100]. Воля к могуществу выражается через утверждение и отрицание, т.е., например, через наделение ценностью и обесценивание. Реактивные силы - тоже силы, а нигилизм в свою очередь тоже принадлежит воле к могуществу. Но различие между утверждением и отрицанием всегда находит себя в центре философии Ницше. Более того, утверждение и отрицание есть качества становление. Активные и реактивные силы находятся в сложном взаимодействии. Вся проблема динамики сил в том, что реактивные силы одерживают триумф над активными, но должно при этом особо выделить отсутствие формирования силы, превосходящую активную. Другими словами, при триумфе реактивных сил не образуется сила, которая превосходила бы активную. Триумф достигается путем вычитания и разделения, реактивная сила отделяет активную от своих возможностей. Итак, активные силы становятся реактивными и становление сил показывает себя как *становление-реактивностью.* Все вокруг показывает нам, что становление-реактивностью побеждает везде, так как мы не знаем другого становления. Реактивные силы направляют активные к воле-к-небытию, отрезая активные силы от их возможностей. Возможно ли иное становление для человека? Отчего становление-реактивностью настолько сильно присуще человеку?

Перейдем к заключительному и самому важному этапу нашего рассмотрения становления в философии Ницше: становлению-активностью. Ницше устами Заратустры говорит: «Великое отвращение к человеку — оно душило меня и заползло мне в глотку... Вечно возвращается человек, от которого ты устал, маленький человек... Увы! Человек так и будет вечно возвращаться... А вечное возвращение даже самого маленького из людей стало для меня причиной утомленности от всякого существования! Увы! Отвращение, отвращение, отвращение!» [5, с. 134]. Вечное возвращение «маленького человека» противоречит идее вечного возвращения. Но как тогда спасти идею вечного возвращения? Ницше отвечает нам: вечное возвращение спасает само себя засчет иерархии, отбора. «Если во всем, что ты хочешь сделать, ты начинаешь с вопроса к самому себе: действительно ли я хочу проделать это

бесконечное число раз, — то это и будет для тебя наиболее надежным центром тяжести» [5, с. 86]. Вечное возвращение предписывает вполне конкретные, строгие правила воле. Достаточно ли такого отбора, чтобы устранить противоречие в вечном возвращении? Противоречие устраняется через разрушение, отбор разрушающей силы. Воля же к разрушению выражает еще более древний инстинкт: волю к саморазрушению, волю к небытию. Это проясняет смысл поставленной проблемы, и теперь мы можем ответить на вопрос о существовании становления, противоположного становлению-реактивностью. Реактивные силы самоуничтожаются, заводят себя в небытие. Иначе: силы становятся активными тогда, когда реактивные силы отрицают себя. Вечное возвращение теперь создает становление-активностью. В вечном возвращении не возвращается маленький человек, отвращение Заратустры пропадает, он выздоравливает. В вечном возвращении отрицание, выступающее как качество воли к могуществу, превращается в утверждение. Жиль Делез так опишет это: «Урок вечного возвращения состоит в том, что негативное не возвращается ... Возвращается только то, что утверждает или уже утверждено. Вечное возвращение есть воспроизведение становления... В вечном возвращении бытие предстает как становление, но бытие становления предстает лишь как становление-активностью»[7, с. 51]. Нигилизм побеждает сам себя.

Выше в тексте Жиль Делез упоминался только в контексте его интерпретации философии Ницше, в частности, становления. Теперь рассмотрим становление уже в философии самого Делеза.

Делез отказывается от классической онтологии и выбирает философию становления (темы учения Ницше: становление, возращение всегда будут сопровождать мышление Делеза), он вычленяет в истории европейской философии мыслителей, которые противостоят господствующей традиции, берущей свое начало у Платона. Во время своего анализа французский мыслитель часто обращается к литературным приемам, цитирует писателей (Кэрролл). Делез пытается разрушить классическую логику бытия, предлагая взамен логику постоянного изменения.

Обратимся к работе Ж. Делеза и Ф.Гваттари «Что такое философия?»[8]. Итак, на первый взгляд: «Философия — это искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты»[8, с. 13]. Философ же выступает не только в роли «друга» концепта, но и потенциально зависит от концепта. Мы можем уточнить, что философия состоит в творчестве концептов. Творчество новых концептов выступает в роли предмета философии. Творчество подразумевает связь между концептом и тем, кто его сотворил. Философ обладает им (концептом) в потенции, обладает так же и мастерством. Концепты необходимо изобретать, утверждать, а, скорее, творить. Концепты есть ничто без подписи того, кто их сотворил, а философ в свою очередь должен сам создавать свои концепты. И пусть каждый концепт подписан, обладает своим возрастом, именем, но

концепты бессмертны и одновременно подчиняются необходимости обновления, изменения, замены, из-за чего философия имеет столь беспокойную и неровную историю. Получается, что философия не созерцание, а рефлексия и коммуникация.

Каждый концепт имеет свою историю. Если пытаться выразить это коротко, то в концепте есть части, которые происходят из других концептов. Эти другие концепты, в свою очередь, отвечали на другие вопросы и предполагали другие планы значения. Этого нельзя избежать, потому что новый концепт осуществляет новую разбивку, обретает новые очертания и обязан быть заново выкроенным. «Но, с другой стороны, у концепта есть *становление...*» - пишет Делез и Гваттари в «Что такое философия?»[8, с. 24]. Чем является это становление? Становление концепта касается отношений с другими концептами, которые располагаются в том же плане с ним. План концепта - это свойственная ему интуиция, почва, в которой скрываются их зачатки и персонажи. В плане концепты пересекаются, пригоняются друг к другу, сообща принимают свои очертания. Имея разную историю, концепты могут принадлежать к одной и той же философии и «представлять» соответствующие проблемы. «Концепту требуется не просто проблема, ради которой он реорганизует или заменяет прежние концепты, но целый перекресток проблем, где он соединяется с другими, сосуществующими концептами»[8, с. 56]. Так и есть, любой концепт разветвляется на другие концепты. И пусть иные концепты составлены по-другому, но они образуют в одном плане разные области одного плана, отвечают на совместимые проблемы. Таким образом, существует мост для перехода от концепта к концепту, находящимся внутри плана. Становление — это ризома, а не классификационное или генеалогическое древо.

Содержательный момент становления находится в симбиозах и альянсах между существами. Такие существа не связаны между собой и принадлежат к разным видам. Французский философ использует пример альянса осы и орхидеи. При таком альянсе (сосуществовании) оса не становится орхидеей, не появляется какое-либо новое образование «осорхидея», но существует блок становления, включающий в себя и осу, и орхидею. Пребывая в становлении, мы не становимся чем-то иным или кем-то иным, а стать животным не значит стать каким-то определенным животным. В рамках становления имена философов (подписи под концептами) сосуществут и способствуют переходу по различным составляющим концепта. Философия совершенно не может быть сведена к истории, поскольку философия всегда обязана отрываться от истории, чтобы заниматься утверждением концептов, при этом сами концепты уже входят в историю, а не проистекают из нее. Делез и Гваттари в своем анализе достаточно убедительно демонстрируют, что философия представляет собой сосуществование планов, а не последовательность систем, т.е. философия – становление, а не история.

Список литературы

1. Хайдеггер М. Ницше т. 1, Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2006.
2. Хайдеггер М. Ницше т. 2, Санкт-Петербург, Владимир Даль, 2006.
3. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей, Москва, Культурная революция, 2005.
4. Ницше Ф. сочинения в 2-х томах, т. 1, Москва, Мысль,1990.
5. Ницше Ф. Так говорил Заратустра, Москва, Сирин, 1991.
6. Ницше Ф. Генеалогия морали, Санкт-Петербург, Азбука-Классика, 2000.
7. Делез Ж. Ницше и философия, Москва, Ад Маргинем, 2001.
8. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия?, Санкт-Петербург, Алетейя, 1998.

УДК 070 (470. 44) (09)

«САРАТОВСКИЕ ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ» КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ САРАТОВСКОГО ПОВОЛЖЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

А.С. Майорова

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: majorova-as@mail.ru

Саратовские губернские ведомости начали издаваться в 1838 г., комплекты газеты сохранились только с 1843 года. На основании сохранившихся газет, их публикации, в которых содержится материал по истории культуры Саратовской губернии, можно разделить на три группы. Одну составляют статьи по изучению природных условий, экономики, истории Саратовской губернии, вторую — очерки о событиях жизни губернского города, третью — рекламные объявления, из которых можно узнать подробности о повседневной жизни разных слоев населения.

Ключевые слова: Саратовская губерния, газета, история культуры, повседневность.

«Saratov gubernskiye vedomosti» as a source for the stady of the cultural history of Saratov Volga region in the first half of the XIX century.

A.S. Mayorova

Saratov newspaper Gubernskiye Vedomosti (Russian: Саратовские губернские ведомости, literally "Saratov Governorate News") has first been published in 1838; today there remain complete sets of the newspaper only since 1843. The surviving newspapers present publications containing material on the cultural history of the Saratov province. These publications can be divided into three groups. One consists of articles about the natural environment, economy and history of Saratov province, the second contains essays about provincial city events, and the third comprises advertisements providing details of the daily life of different population groups.

Key words: Saratov province , newspaper, cultural history, everyday life.

При изучении истории культуры Саратовского Поволжья в первой половине XIX в. исследователь обычно сталкивается с ограниченным кругом источников, который требует значительного расширения. Одной из возможностей расширения источниковой базы является привлечение материалов местной периодической печати. Начальный этап ее существования относится ко второй четверти этого столетия. Данный период, как отмечают В. Н. Козляков и А. А. Севастьянова, — время подъема в культуре русской провинции [2, С. 140]. Одним из ярких показателей развития культурной жизни провинции, по их мнению, стало начало печатания губернских ведомостей. Положение об их издании было высочайше утверждено в октябре 1830 года. Создание газет в губерниях первоначально было направлено на усовершенствование деятельности государственного аппарата. В циркуляре министерства внутренних дел 1834 г. сказано, что газеты должны издаваться во всех губернских городах «для облегчения делопроизводства» [10, С. 273]. В губернских ведомостях предписывалось публиковать законодательные и распорядительные документы правительства и распоряжения местных властей. До начала издания губернских ведомостей подобные материалы копировались в губернских учреждениях и рассылались по уездам. Издание газет должно было способствовать сокращению штатов чиновников.

Использование газет в качестве исторических источников требует особых приемов их анализа. Поскольку газетные публикации неоднородны по жанрам и по происхождению, к ним необходим дифференцированный подход. Саратовские историки очень часто используют газетные материалы. Однако проблема их анализа пока не затрагивалась в историографии Саратовского Поволжья. Значение газетных публикаций в качестве источника по истории культуры региона в первой половине XIX в. может возрасти, если будут выработаны приемы их изучения. Применение дифференцированного подхода предполагает выделение определенных групп газетных публикаций, которые используются в исследованиях. Кроме того, историк, который обращается к газетным материалам, должен иметь представление о политической направленности печатного органа, характере деятельности цензуры в данный период времени, о личной позиции редактора и авторов, которые участвовали в создании газеты.

С этой целью необходимо обратиться к истории начального этапа издания «Саратовских губернских ведомостей». Первым и пока единственным исследованием по их истории является статья Н. Ф. Хованского [10, С. 273—190]. Она написана на основе изучения сохранившихся комплектов губернских ведомостей, архивов саратовских учреждений, а также с привлечением воспоминаний лиц, которые принимали участие в издании газеты. Хованский проделал большую работу по выявлению фактов, связанных с историей губернских ведомостей, уточнению имен редакторов и авторов газетных статей. Основное внимание историка привлекал вопрос о роли газеты в

общественной и культурной жизни губернии. Он указывает на значение работ некоторых авторов, публиковавшихся на ее страницах, для изучения природных ресурсов, экономики и истории Саратовской губернии. Однако проблема ценности всего комплекса газетных публикаций для изучения истории губернии Хованским не была затронута.

Современный саратовский исследователь М. В. Калашников в своей недавней статье рассмотрел один из драматических эпизодов в истории губернских ведомостей [1, С. 160—168] Этот эпизод связан с опубликованием в газете текстов народных песен, собранных Н. И. Костомаровым, что повлекло санкции в отношении губернских ведомостей со стороны высшего цензурного органа империи. Статья Калашникова написана на основании значительной группы источников, в том числе, и архивных.

«Саратовские губернские ведомости» начали издаваться с 1838 года.. Согласно правительственным рекомендациям, газета должна была выпускаться один раз в неделю [10, С 274, 275] Она печаталась в типографии, которая была открыта при губернском правлении в 1794 году [11, С 265, 267] Помимо материалов официального характера, в газете были предусмотрены иные публикации. В положении, утвержденном в 1837 г., в котором определялись требования к содержанию газет, имеются любопытные указания относительно состава «Прибавлений к губернским ведомостям». Эти «Прибавления» именовались неофициальной частью газеты, и должны были содержать справочную информацию о состоянии экономики в губернии, о явлениях общественной жизни, а также статьи и заметки культурно-просветительного характера [10, С 274]. При умелой редакторской работе, этот перечень мог ориентировать на создание номеров газеты, насыщенных интересными познавательными статьями и заметками. Хованский заметил, что главной трудностью при налаживании выпуска газеты оказалась проблема подбора редакторов и авторов: «Где было взять в провинции подходящих для этого людей?» [10, С. 275]

Комплекты губернской газеты за первые два года в Саратове не сохранились. Первая довольно полная подборка «Губернских ведомостей» относится к 1843 г., период с середины 40-х и до конца 50-х годов характеризуется фрагментарной сохранностью. По этой причине судить о содержании газеты очень сложно. Изучив уцелевшие комплекты и номера газеты, а также используя воспоминания современников. Хованский выяснил, что в первое десятилетие существования губернских ведомостей большую роль в становлении газеты сыграл А. Ф. Леопольдов. Он был официально утвержден на должность редактора в 1845 г., но фактически редактировал газету с 1841 года. Леопольдов редактировал ее довольно долго, но с перерывами, и ему удалось сделать газету интересной для читателей [10, С. 275-276]. По содержанию комплекта «Губернских ведомостей» за 1843 г. видно, что большое место в них занимают материалы историко-краеведческого содержания, статьи о природных ресурсах и сельском хозяйстве Саратовской губернии. Газета в то время

имела не только справочно-информационный характер, она выполняла функцию научно-популярного издания.

В 1849 г. редактором был назначен Н. И. Костомаров, скоро ставший один из самых известных русских историков. (Он находился в ссылке в Саратове с 1848 года). Костомаров не имел призвания к журналистике и относился к своим редакторским обязанностям без энтузиазма. Поэтому на следующий год губернские ведомости снова начал редактировать Леопольдов, но вскоре он уехал из Саратова [10, С. 281]. Более стабильное руководство газетой было обеспечено назначением на редакторскую должность в 1856 г. Д. Л. Мордовцева, который был выпускником Петербургского университета [3, С. 33]. По возвращении в Саратов после университета Мордовцев работал в канцелярии губернатора и был редактором губернских ведомостей (до 1861 г.) [10, С. 33], а в 1860-1864 гг. он являлся секретарем саратовского губернского статкомитета [3, С. 33].

В Саратове состоялось его знакомство с Костомаровым. Близость научных и мировоззренческих позиций Костомарова и Мордовцева отмечена современными исследователями [3, С. 33]. Среди обширного литературного наследия Мордовцева важное место занимает группа произведений, посвященных народным движениям XVII-XVIII вв., научного и беллетристического характера. Его исторические исследования, многочисленные историко-литературные произведения, публицистические очерки были широко известны русским читателям во втор. пол. XIX – нач. XX в.

Будучи талантливым историком, критиком и публицистом, Мордовцев хорошо понимал значение своей эпохи и роль газеты в формировании общественного мнения. К сожалению, номеров губернских ведомостей за 50-е гг. в Саратове сохранилось очень мало. Однако Хованскому было известно, что Мордовцев «чрезвычайно оживил» газету. Как писали сами журналисты, вторая половина 50-х гг. была временем обличений, критики российской действительности. Мордовцев вспоминал впоследствии, что почти в каждом номере газеты он «выступал с обличением всего, что требовало обличений», и каждую неделю обличаемые являлись к губернатору с жалобами. Хованский подчеркивает, что «еще до зарождения в Саратове частных органов печати обличительная литература уже существовала на страницах губернских ведомостей» [10, С. 283]. Таким образом, газета в последнее пятилетие перед реформами обрела новое содержание. Преобладающее место в ней заняли материалы публицистического характера, она превратилась в инструмент воздействия на общественное мнение.

Несмотря на неполноту сохранности комплектов газеты, на ее страницах можно найти ценные сведения о некоторых сторонах культурного процесса в Саратовской губернии в 40-е— 50-е гг. XIX века. Кроме материалов, касающихся истории газетной публицистики, в губернских ведомостях встречаем сведения, которые позволяют судить об

уровне развития некоторых отраслей знания, художественной культуры в регионе, о повседневной жизни представителей разных сословий. Обращают на себя внимание статьи и очерки исследователей, которые занимались изучением истории, археологии, этнографии, природных условий Саратовской губернии. Остановимся на некоторых работах такого характера. Крупный русский ученый-ориенталист Г.С. Саблуков, который работал в Саратовской семинарии в 1830—1849 гг., опубликовал в губернских ведомостях первые в русской историографии труды по истории Золотой Орды [5, 6]. Эти работы Саблукова достаточно хорошо известны его биографам.

Костомаров также оставил свой след в истории «Саратовских губернских ведомостей» не только как редактор, но и в качестве автора публикации. В 1854 г. в ряде номеров газеты (конечно, в ее неофициальной части) были помещены собранные им в Саратовской губернии произведения песенного фольклора под названием: «Великорусские народные песни, собранные в Саратовской губернии». Содержание некоторых из этих песен показалось крайне неприличным чиновникам высшего цензурного органа России, который осуществлял негласный надзор за печатью. (С современной точки зрения, в них нет ничего непристойного — лирический герой просто-напросто изливает свои неприязненные чувства по отношению к законной жене) [1, С. 160—168]. Несмотря на недоброжелательную оценку цензурных органов, данная публикация отмечена как один из этапов в истории фольклористики в Саратовской губернии.

В начале 1850-х гг. в газете была помещена работа А. Тихменева «О важности изучения народности вообще и в Саратовской губернии в особенности»[10]. Автором этой серии научных очерков был, вероятно, А. Г. Тихменев. Он вошел в историю Саратова благодаря своей деятельности в качестве директора городской публичной библиотеки в 1861—1862 году. Несмотря на краткий срок пребывания в этой должности, он сумел улучшить ее «книжный запас». Специалисты считают, что он был первым, кто занимался библиотекой со знанием дела. Тихменев принадлежал к саратовскому дворянству. Известно, что он учился в Петербургском университете, занимался литературно-публицистической и издательской деятельностью [4, С. 4—5]. Работа Тихменева «О важности изучения народности», опубликованная в губернских ведомостях, носит научный характер. В ней основное внимание уделяется постановке задач в изучении особенностей русского языка на территории Саратовской губернии.

Кроме статей и очерков научного содержания интересны заметки под рубрикой «Местные известия». В некоторых из них освещались события культурной жизни губернского города. В номерах газеты за 1853 г. встречается несколько заметок подобного характера. Одна из них посвящена описанию музыкального вечера, который состоялся в Саратове 8 января этого года [7]. В нем принимали участие музыканты и хористы,

всего около ста человек. В статье названы музыкальные произведения, которые исполнялись во время концерта, даны оценки мастерства исполнителей, отмечена реакция публики. Данная публикация позволяет говорить о том, что в середине XIX в. в Саратове было много любителей музыкального искусства, были и свои критики в этой области, имевшие достаточно высокий уровень подготовки. В 1856 г. под этой же рубрикой опубликован материал «о торжественных актах гимназии и двух частных женских пансионов», которые состоялись в конце учебного года — в июне. [8]. Здесь находим описания торжественных собраний, которые позволяют судить о характере подобных мероприятий. Кроме того, в статье приведены очень ценные сведения о количестве различных учебных заведений в губернии и о численности учащихся в них. Заметки и объявления о концертах в губернском городе, о прибытии на гастроли артистов можно встретить только в газетах.

Приметы повседневной жизни горожан и сельских жителей тоже находили отражение на страницах губернских ведомостей. Материал такого характера содержится в объявлениях и извещениях, которые публиковались в них. Здесь иногда встречаются краткие описания домов, которые продавались с торгов или сдавались внаем, как в городах губернии, так и в сельской местности, а также выставленного на продажу имущества. Извещения о «покражах» содержат иногда перечисления украденных предметов одежды или хозяйственной утвари. Ввиду того, что материалов о повседневной жизни представителей разных сословий в Саратовской губернии за первую половину XIX в. у нас очень мало, объявления представляют большую ценность

На основании сохранившихся номеров «Саратовских губернских ведомостей» за 40-е —50-н гг. XIX в. можно судить о том, что газеты содержат интересный, а иногда и уникальный материал по истории культуры того времени.

Список литературы

1.Калашников М. В. Дело о великорусских народных песнях Саратовской губернии (к вопросу о печати и цензуре в николаевскую эпоху) // Проблемы истории Саратовского края и документальное наследие: Материалы научных конференций Саратовского областного отделения РОИА. – Саратов, 2006. С. 160—168

2. Козляков В. Н., Севастьянова А. А. Культурная среда провинциального города // Очерки русской культуры XIX века. Т. 1. М., 1998. 125-202 с.

3.Момот В.С. Даниил Лукич Мордовцев: Очерк жизни и творчества. Ростов н/Д, 1978. 124 с.

4.Носова А.С. Старейшая в России: Саратовской областной универсальной научной библиотеке 170 лет. Саратов, 2001. 96 с.

5.Саблуков Г.С. Очерк внутреннего состояния Кипчакского царства // Саратовские губернские ведомости. 1844. № 26—-36;

6.Саблуков Г.С. Монеты Золотой Орды //Саратовские губернские ведомости. 1844. № 2, 3. Отдел второй

7.Саратовские губернские ведомости. 1853.№ 3 Отдел второй.

8.Саратовские губернские ведомости. 1856 [б. н.] Отдел второй.

9.Тихменев А. Г. О важности изучения народности вообще и в Саратовской губернии в особенности // Саратовские губернские ведомости. 1853. № 29, 30, 32,33, 36, 37.

10.Хованский Н. Ф. Саратовские губернские ведомости. (История их издания) // Саратовский край: Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып. 1. С. 273-290.

11.Хованский Н.Ф. Из истории печатного дела в Саратове // Саратовский край Исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов, 1893. Вып.1. С. 265 – 272.

УДК [94:327](47+44)|1717|+929

«НАМЕРЕНИЕ МОЕ ЕСТЬ ВО ФРАНЦИЮ». ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ ПРЕЛЮДИЯ К ВИЗИТУ ПЕТРА I В ПАРИЖ

С.А. Мезин

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: mezinsa@mail.ru

В статье рассматривается вопрос о том, как и когда во время второго заграничного путешествия у Петра I возникло намерение посетить Францию. Автор выясняет дипломатические причины визита царя в Париж в мае-июне 1717 года. Особая политическая ситуация, сложившаяся в Европе в 1716–1717 годах подтолкнула Россию и Францию к диалогу. Франция (при посредничестве прусской дипломатии) выступила инициатором русско-французских переговоров, а Пётр I принял самостоятельное решение о поездке в Париж, желая ускорить налаживание дружественных политических и культурных связей с одной из могущественнейших держав Европы.

Ключевые слова: Россия, Франция, Пруссия, Петр I, Филипп Орлеанский, Северная война.

«My intention is to go to France». Diplomatic prelude to Peter I's visit to Paris

S.A. Mezin

The article covers the issue of how and when Peter I's intention to visit France occurred during his second journey abroad. The author clarifies the diplomatic reasons of the tsar's visit to Paris in May-June, 1717. A specific political situation in Europe in 1716–1717 triggered the dialogue between Russia and France. France (assisted by the Prussian diplomacy) became the initiator of Russian- French talks, and Peter I made his own decision to visit Paris, wishing to speed up the development of friendly political and cultural ties with one of the most powerful states in Europe.

Key words: Russia, France, Prussia, Peter I, Philippe of Orleans, Northern War.

Сюда ожидают ваше величество яко мессию.
К. Н. Зотов – Петру I из Парижа 20 декабря 1716 года

Его царское величество в Париж не будет.
А. В. Макаров – К. Н. Зотову из Амстердама 1 января 1717 года

Приведенные в качестве эпиграфа строки из писем русского агента в Париже К. Н. Зотова и царского секретаря А. В. Макарова могут свидетельствовать о том, что за несколько месяцев до поездки во Францию в окружении царя не было уверенности, что этот визит состоится, и о том, что предстоящая поездка содержалась в тайне. При этом оба утверждения оказались перечеркнутыми дальнейшими событиями: Пётр I все-таки посетил Францию во время второго заграничного путешествия 1716–1717 годов, но ожидали его там отнюдь не как Спасителя.

Целью большого царского вояжа в Европу было решение политических задач, направленных на скорейшее победоносное завершение войны со Швецией. Пётр надеялся также поправить пошатнувшееся здоровье на европейских водных курортах. Посещение Парижа не входило в первоначальные планы царя [5, с. 161–162]. Как и когда у Петра I возникло намерение нанести визит правителю Франции? Каковы были причины такого решения?

Первая и главная причина вытекала из общих задач царского путешествия: дипломатические переговоры в Париже должны были облегчить России успешный выход из затянувшейся Северной войны. К этому следует добавить стремление царя увидеть одну из могущественнейших монархий Европы, игравшую важную политическую роль на континенте, известную своими достижениями в науках и искусствах – стремление, которое подпитывалось неиссякаемой любознательностью царя, его желанием заимствовать полезные плоды европейской цивилизации.

В известной мере поездка царя в Париж была следствием взаимной заинтересованности сторон, причем со стороны России политический интерес дополнялся культурным. Еще во время Великого посольства московский царь не исключал посещения Франции [8, с. 198; 11, с. 117, 132–135; 9, с. 144–158]. Участие в войнах – Северной и за испанское наследство – не способствовало политическому сближению России и Франции, но время от времени обе страны предпринимали шаги к налаживанию дипломатических отношений (миссии Балюза 1703 и 1711 годов и А. А. Матвеева 1705–1706 годов), впрочем, почти безуспешные. У русского царя в Париже появились собственные агенты (П. В. Постников, А. А. Матвеев, Г. И. Волков, Ж. Лефорт, К. Н. Зотов), которые влияли на формирование благоприятного отношения Петра к французской культуре. Некоторых французских дипломатов и государственных деятелей (Ж.-Л. Боннак, маршал д’Этре) привлекала идея сближения с Россией, которая становилась сильнейшей державой Севера. В январе 1715 года в

Петербурге открылось французское консульство во главе с де Лави.

Однако географическая удаленность, отсутствие общих политических интересов, слабые экономические связи, культурные барьеры, негативные стереотипы взаимовосприятия – всё это делало весьма проблематичным союз двух держав. Известно утверждение герцога Сен-Симона, что Пётр I желал приехать во Францию в последние годы жизни Людовика XIV, но король «весьма учтиво отклонил этот визит» [15, с. 349]. Это сообщение не подтверждается другими источниками и едва ли соответствует реальности. Несмотря на просьбы царя, 3 апреля 1715 года был подписан новый союзный договор между Швецией и Францией, по которому французский король продолжал выплачивать субсидии Карлу XII.

Политическая ситуация, сложившаяся в Европе в 1716–1717 годах, подтолкнула Россию и Францию к диалогу. 1 сентября 1715 года умер король Людовик XIV. До русского царя стали доходить известия, что регент Франции Филипп Орлеанский был «расположен войти с ним в связи и принять всякие меры, которые могли бы установить доброе согласие и взаимные торговые сношения подданных» [10, с. 500]. В это время Пётр I оказался в довольно сложном положении, грозившем дипломатической изоляцией России. Сорвался планировавшийся на лето 1716 года десант союзников (России, Дании, Великобритании) в Швецию для нанесения окончательного удара по общему противнику. Члены Северного союза (Польша, Дания, Великобритания) стали серьезно опасаться роста влияния России на Балтике. Брак герцога Мекленбургского с племянницей царя и ввод русских войск в Мекленбург вызвал резкое недовольство Вены и Лондона и общую обеспокоенность европейских держав. На глазах портились отношения царя с английским королём Георгом I, который одновременно был курфюрстом Ганновера. В то же время вчерашние враги Франции – Англия и Голландия – стали её ближайшими союзниками, но ухудшились отношения Франции с Испанией. В Швеции возник проект сепаратных переговоров с бывшими противниками (так называемый план Герца, с которым были ознакомлены французские дипломаты). Лишь противостояние между Францией и Священной Римской империей германской нации оставалось постоянным фактом европейской политики. В этой ситуации ломки старых союзов французская дипломатия решила осуществить задуманный ранее дипломатами Людовика XIV план привлечения России на свою сторону, но при сохранении военного могущества Швеции как важного противовеса Империи. Речь шла о возможном заключении французско-прусско-русского союза и дальнейшем посредничестве Франции в русско-шведских переговорах. Через прусских дипломатов России внушили пользу соглашения с Францией для заключения будущего мира. В Париже боялись, что Вена выступит единственным посредником в переговорах о мире со Швецией, что и заставило французскую дипломатию пойти на контакты с Россией.

12–17 ноября 1716 года Пётр I встречался с прусским королем

Фридрихом-Вильгельмом I (уже состоявшим в тайном союзе с регентом по договору 17 сентября 1716 года) в Гавельсберге (Хафельберге), где зашла речь о возможности русско-прусско-французского союза. Вскоре царю через прусских дипломатов сообщили о желании регента вступить в переговоры. Пётр поручил своим дипломатам (Г. И. Головкину, П. П. Шафирову и Б. И. Куракину) начать диалог с послом Франции в Голландии маркизом Пьером-Антуаном де Шатонёфом, который незадолго до этого вместе с аббатом Дюбуа заключил здесь так называемый тройственный союз Франции, Англии и Голландии. В условиях дипломатического охлаждения между Россией, Англией и Голландией новые переговоры велись в строжайшей тайне.

На первых порах речь как будто шла лишь о заключении торгового договора. Как следует из письма-инструкции, отправленного Шатонёфу 5 января 1717 года [20, p. 138–146], французский двор не забывал о своих обязательствах перед Швецией и очень опасался недовольства своих новых союзников Англии и Голландии. Поэтому Шатонёфу предписывалась величайшая сдержанность в общении с русскими дипломатами. Вместе с тем заявлялась готовность Франции выступить в качестве посредника в переговорах о мире со Швецией. Для Франции было также важно, чтобы Россия признала условия Утрехтского и Баденского договоров, которыми закончилась война за испанское наследство. Инструкция рекомендовала Шатонёфу не торопиться, обговаривая условия торгового договора, и стараться умерить политические амбиции царя. В качестве наиболее подходящего лица для переговоров среди русских назывался князь Б. И. Куракин. (Канцлер Г. И. Головкин был известен своими симпатиями к Венскому двору.) В инструкции отмечалось, что если переговоры не завершатся до отъезда царя из Голландии, их там можно продолжить с тем же князем Куракиным. Как видно, французский двор тогда не имел в виду возможности приезда Петра I во Францию.

Следующая инструкция президента Совета по иностранным делам маршала Николя дю Бле, маркиза д’Юкселля от 13 января 1717 года [20, p. 146–147] очень ясно характеризовала дипломатические предпочтения французской стороны: интересы России ставились на последнее место после интересов Англии, Голландии, Швеции и Пруссии. Маршал вновь советовал Шатонёфу действовать медленно, основываясь на имеющихся соглашениях и договорах, ждать указаний из Парижа.

Переговоры, инициированные регентом и маршалом д’Юкселлем, нашли горячего противника в лице аббата Дюбуа, который опасался за судьбу франко-английского союза. Его приверженность Англии простиралась до такой степени, что д’Юкселлю пришлось указать ему на «нестабильность английской нации» и на опасность «доверяться ей в качестве единственной опоры в ущерб дружественным отношениям с другими державами Империи и Севера» [20, p. 151]. Имелись в виду Пруссия и Россия.

Между тем царь прибыл в Гаагу 19 марта 1717 года и,

расположившись в резиденции Куракина, мог плотно заняться налаживанием русско-французского политического диалога.

Гаагские переговоры, конечно, протекали непросто. Вопрос о торговом договоре отошел на второй план, ибо именно политические вопросы вызывали разногласия. Царь не отказывался от посредничества Франции в заключении будущего мира и готов был к союзу с французским королём. Французская сторона допускала заключение союза с царём при участии Пруссии, но отказывалась гарантировать сохранение за Россией всех её завоеваний в Прибалтике. Переговоры затягивались, нетерпение царя возрастало. Наконец, прусскому представителю барону Ф.-Э. Книпгаузену, развернувшему здесь бурную деятельность, удалось уговорить русских дипломатов снять наиболее спорные требования. Русская сторона предложила более умеренные условия будущего оборонительного союза. Речь шла о том, царь гарантирует Утрехтский и Баденский договоры, не требуя никакой гарантии ни в отношении своего государства, ни в отношении своих завоеваний, зная, что нельзя требовать гарантий своих завоеваний до того времени, когда они ему будут уступлены; во-вторых, король не будет выдавать никаких субсидий шведскому королю, пока длится война между этим монархом и царем; в-третьих, французская сторона окажет содействие в достижении мира на Севере без пристрастия к шведскому королю; наконец, царю будут выдаваться субсидии в 25 тысяч экю в месяц до окончания Северной войны [20, p. 177].

Эти условия показались французскому представителю приемлемыми и были отправлены в Париж. Вслед за этим, не дожидаясь ответа регента, сам Пётр I решил направиться во французскую столицу, чтобы быстрее привести переговоры к завершению. Возможно, отправляясь в Париж, царь хотел избавиться от прусских «переводчиков и маклеров» и действовать самостоятельно [22, S. 312]. Конечно, это решение обдумывалось царем заранее. Так, уже 26 февраля он писал Савве Рагузинскому: «*я чаю, что буду во Франции*, того ради приезжай туды», но при этом высказывал опасение «буде же за слабостию своего здоровья или за чем иным во Франции не буду…» [1, л. 141]. Вопрос о визите царя во Францию обсуждался русскими дипломатами. Известно, что П. П. Шафиров был против этой поездки. Вице-канцлер полагал, что «король не вступит с царем в союз. И что, однако, все будут думать, что царь поехал во Францию для заключения союза с королём. И что это умалило бы достоинство царя…» [Цит. по: 7, с. 98].

Приняв положительное решение и передав его через Куракина французам, царь держал его в тайне. Тот же Шафиров узнал об этом лишь 13 апреля из письма царя, который предлагал ему прибыть во «Флендрию», «ибо чаю и праздник (Пасхи) тут взять; *намерение моё есть во Францию*» [2, л. 324].

Французским дипломатам решение царя было сообщено 29 марта. На следующий день маркиз Шатонёф писал своему шефу в Париж: «Царь

сегодня уезжает в Зеландию, а оттуда в Остенде, Ньюпорт, Дюнкерк, Мардик и Кале, откуда он предпримет поездку в Париж, чтобы там повидаться с королем и его королевским высочеством (герцогом Орлеанским. – *С.М.*). Князь Куракин сообщил мне об этом вчера по приказанию царя; он добавил, что царь держит свое путешествие в большой тайне, и он хотел бы, чтобы об этом не говорили во Франции до его приезда» [21, p. 120]. Таким образом, решение о поездке было принято единолично царём и не могло не вызвать некоторого удивления у французских властей, хотя они и знали, что от русского монарха можно ожидать сюрпризов: «царь любит обходные пути».

Несмотря на атмосферу строжайшей тайны, в которой происходили русско-французские дипломатические контакты, слухи о предстоящем посещении царем Франции циркулировали и в Голландии, и в Париже. Неугомонный К. Зотов, стремившийся в меру своих скромных возможностей укреплять связи между двумя странами, писал царю 8 апреля, вернувшись из портового Бреста в Париж: «слышу от всех, что ваше величество изволит посетить сию столицу» [4, л. 507]. Голландская газета «Амстердамсе Курант» 22 апреля поместила сообщение из Парижа о том, что там пребывают в сомнениях, приедет ли высокий гость в этот город, «ибо получено было известие, что его любопытство обычно ограничивается осмотром морских портов и потому он через Дюнкерк и Мардик проследует в Кале и что он еще не принял твердого решения, приедет он сюда или нет» [Цит. по: 7, с. 98].

Пробыв недолго в голландской провинции Зеландии, царь направился в Австрийские Нидерланды (современная Бельгия). Посещение этой страны, как отмечает современный исследователь, было делом скорее случайным: через эти земли вёл путь из Голландии во Францию [6, с. 21]. В начале апреля голландская франкоязычная газета «Amsterdam», сообщая о намерении Петра I совершить поездку в Южные Нидерланды (в Антверпен и Брюссель), указывала, что царь затем планирует вернуться в Амстердам [18]. Не желая вызывать подозрений у имперских властей, Пётр не раскрывал гостеприимным хозяевам дальнейших планов. Он дал понять многочисленным наблюдателям, что мысль о поездке во Францию пришла ему в самый последний момент. Царице же он писал из Антверпена 13 апреля: «И понеже во Фландрии еще много городов, которые смотреть надлежит, того ради не чаю к празднику (Пасхи. – *С. М.*) до того места доехать (до Парижа. – *С. М.*), о чем ты ведаешь» [14, с. 61–62].

Таким образом, отозвавшись на предложение французской дипломатии вступить в переговоры, Пётр I принял самостоятельное решение о поездке в Париж, где надеялся удовлетворить и свои политические цели, и свою природную любознательность. Историки традиционно называют еще одну особенную причину, побудившую Петра установить личные отношения с французским двором. В письме от 17 декабря 1716 года К. Зотов сообщал царю, что на «искусный» вопрос, «не будет ли должно угодно двору французскому если б царское величество

похотел государя царевича женить на принцессе французской, а именно на дочери дука Дорлеана для лутчей алианции крови и интереса?» – маршал д'Этре якобы отвечал, «что он вельми рад слушать такую добрую мысль и сказал, что его де царскому величеству ни в чем здесь не откажут, и дюк Дорлеан с радостию на сие будет имети соизволение». В дальнейшем якобы выяснился и ответ регента герцога Орлеанского: «Я де бы рад был, что сие сего дня учинилось» [3, л. 119об.–120]. Однако в то самое время, когда Зотов хлопотал о вторичной женитьбе овдовевшего царевича, а сам царь вел переговоры с французскими дипломатами в Гааге, выяснилось, что царевич Алексей скрылся от отца и попросил убежища у венского двора. Тем не менее, мысль о возможности брака царевны Елизаветы с юным французским королем Людовиком XV, по словам С. М. Соловьева, глубоко запала в душу Петра и не покидала его до конца жизни [16, с. 65; 12, с. 5].

Уверение, что французское правительство царю «ни в чем не откажет», было лишь проявлением французской вежливости и не выражало подлинного отношения правящих кругов к русскому гостю. Со своей стороны регент Франции «не выказывал большого энтузиазма в отношении визита царя, который ему очень досаждал» [19, p. 161]. Конечно, царя не ждали в Париже «как мессию», но этот визит обещал вызвать необычайный общественный интерес. Обе страны стремились с помощью будущего союза решить свои политические проблемы, которые пока еще имели мало точек соприкосновения. Поэтому неверным представляется мнение Н. Н. Молчанова о том, что регент «настойчиво *напрашивался* в союзники» [13, с. 337]. Кажется, не вполне права была и С. А. Фейгина (автор лучшей книги о внешней политике России в конце Северной войны), полагавшая, что «Петру *пришлось* нанести визит версальскому двору» [17, с. 145]. Предстоявшая поездка Петра I во Францию отнюдь не была вынужденной или навязанной. Она отражала вполне искреннее, хотя и несколько утопичное желание царя наладить дружественные политические и культурные отношения с одной из могущественных держав Европы.

Работа подготовлена в рамках проекта РГНФ 14-01-00207а

Список литературы

1. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 84 (Письма Петра I за 1717 г, январь-июнь).
2. Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 270. Оп. 1. № 85 (Письма Петра I за 1717 г, июль-декабрь).
3. Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 27.
4. Российский государственный архив древних актов (Москва). Ф. 9 (Кабинет Петра Великого). Отд. II. Кн. 32.
5. Брикнер А. Г. Франция и Россия при Петре Великом // Журнал Министерства народного просвещения. 1883. Июль-август. С. 161-187.
6. Вагеманс Э. Петр Великий в Бельгии. СПб., 2007. 232 с.

7. Вагеманс Э. Царь в республике. Второе путешествие Петра Великого в Нидерланды (1716–1717) / пер. с нидерл. В. К. Ронина. СПб., 2013. 356 с.
8. Гистория Свейской войны: Поденная записка Петра Великого / сост. Т. С. Майкова. Вып. 1. М., 2004. 632 с.
9. Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д. Великое посольство. Рубеж эпох, или Начало пути. 1697–1698. СПб., 2008. 696 с.
10. Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 года // Сборник Имп. Русского исторического общества. СПб., 1881. Т. 34. С. 123–398.
11. Лавров А. С. Великое посольство в донесениях французских дипломатов // Ораниенбаумские чтения: сб. научн. статей и публикаций. Вып. 1: Эпоха Петра Великого. СПб., 2001. С. 113–141.
12. Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами. Т. 13: Трактаты с Франциею. 1717–1807. СПб., 1902. 338 с.
13. Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра I. М., 1984. 440 с.
14. Письма русских государей и других особ царского семейства. Т. 1: Переписка Петра I с Екатериною Алексеевною. М., 1861. 166+XII с.
15. Сен-Симон. Мемуары. Полные и доподлинные воспоминания герцога де Сен-Симона о веке Людовика XIV и Регентстве. Избранные главы. Кн. 2. М., 1991. 520 с.
16. Соловьев С. М. Соч.: в 18 кн. Кн. IX: История России с древнейших времен. М., 1993. 671 с.
17. Фейгина С. А. Аландский конгресс. Внешняя политика России в конце Северной войны. М., 1959. 546 с.
18. Amsterdam (Suite des nouvelles). 1717. № XXIX, 9 avril.
19. Guichen, de. Pierre le Grand et le premier traité franco-russe (1682 à 1717). Paris, 1908. 299 p.
20. Recueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traits de Westphalie jusqu'à la Révolution française. T. 8: Russie / publ. …avec une introd. et des notes par A. Rambaud. Paris, 1890. 560 p.
21. Teil J. du. Le czar à Dunkerque (1717). Documents inédits tirés des Archives Étrangères, de la Guerre et de la Marine // Société historique de Dunkerque et de la Flandre Maritime. Bulletin. Dunkerque, 1902. T. 5. P. 113-189.
22. Wittram R. Peter I Czar und Kaiser. Zur Geschichte Peters des Grossen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. 646 S.

УДК 321

КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

О.А. Михайлова
Саратовский институт социального образования (филиал) РГСУ в г. Саратове, Россия
E-mail: olia-michaylova@yandex.ru

Статья посвящена рассмотрению причин коррупции органов власти Саратовской губернии в первой половине XIX в.. Подчеркивается, что обращение к истории деятельности губернских органов власти позволяет понять коррупционные проблемы современного этапа развития России,

проанализировать прошлый опыт для извлечения уроков и выявления путей решения этих проблем. Отмечается, что лишь на стыке совместных усилий власти и общества возможно эффективное решение социально-политических проблем России. Результативность мер по противодействию коррупции напрямую зависит от сотрудничества власти и общества в этом направлении.

Ключевые слова: коррупция, взяточничество, бюрократия, чиновничество, губернская администрация.

The Corruption of Bodies of Power in Saratov Province in the First Part of the XIX century

O.A. Michaylova

This article is devoted to the study of causes of corruption in bodies of power in Saratov province in the first part of the XIX century. The study underlines the fact that addressing to the history of the activity of power bodies enables us to understand corruption problems of the modern period of development of Russia, to analyze the past experience in order to draw lessons and come to decisions in solving this problem. It is noted that only combined efforts of authority and society will result in effective solving of socio-political problems of Russia. The effectiveness of measures to counteraction against corruption depends directly on the cooperation of authority and society in this area.

Key words: corruption, bribery, bureaucracy, officialdom, province administration.

В данной статье уделяется внимание рассмотрению причин коррупции в органах власти Саратовской губернии в первой половине XIX в. Коррупция. Это слово все чаще звучит в выступлениях политических деятелей, все больше внимания ему уделяют и средства массовой информации. В связи с масштабами коррупции, принявшей системный характер, появляются даже высказывания о том, что это чуть ли не национальная особенность, присущая именно России. На самом же деле это совсем не так. Весь мир прошел длинный и непростой путь организации эффективной работы в сфере борьбы с коррупцией. Сегодня понятно, что стран, свободных от нее, не существует, отличаются лишь ее уровень и масштабы. Для предотвращения негативных последствий коррупции занимающим пост президента в 2008 г. Д.А. Медведевым был утвержден Национальный план противодействия коррупции.

В документе констатируется, что: «Несмотря на предпринимаемые меры, коррупция, являясь неизбежным следствием избыточного администрирования со стороны государства, по-прежнему серьёзно затрудняет нормальное функционирование всех общественных механизмов, препятствует проведению социальных преобразований и повышению эффективности национальной экономики, вызывает в

российском обществе серьёзную тревогу и недоверие к государственным институтам, создаёт негативный имидж России на международной арене и правомерно рассматривается как одна из угроз безопасности Российской Федерации»[13].

Согласно современному российскому законодательству, коррупция - это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями,коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами; а также совершение указанных деяний от имени или в интересах юридического лица[14].

Обращение к истории позволяет понять причины тех или иных социально-политических проблем современной российской государственности, извлечь уроки и выявить пути решения проблем на современном этапе развития.

Коррупция исторически различалась по тому, происходило ли получение неправомерных преимуществ за совершение законных действий («мздоимство») или незаконных действий («лихоимство»).

Указы Александра I 1809 и 1811 гг. оставляли в силе законодательные акты Петра I и Екатерины II. Тем не менее, рост должностных преступлений в Империи показывал, что реформирование законодательства необходимо. Взяточничество и лихоимство прочно обосновалось не только в центре, но и в губерниях.

Решение этой сложной и многогранной задачи, имеющей своей конечной целью «истребление сей язвы», было возложено Николаем I на особый Комитет, учрежденный императором в мае 1826 года при Общем собрании Санкт-Петербургских департаментов Сената. В том же 1826 году было создано III отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, которое должно было заниматься в том числе злоупотреблениями должностных лиц и контролем за их деятельностью.

Важным этапом на пути совершенствования законодательства об ответственности за взяточничество и лихоимство было издание Свода Законов (1832, 1842, 1857гг), в котором этим деяниям была посвящена глава 6 раздела 5 тома 15. Статья 336 содержала перечень видов лихоимства. Таковых было три:

1) незаконные поборы под видом государственных податей;

2) вымогательство вещами, деньгами или припасами;

3) взятки с просителей по делам исполнительным и судебным.

Таким образом, Свод Законов трактовал взяточничество как составную часть лихоимства. Под взятками здесь понимались всякого рода подарки, которые делались чиновникам для ослабления силы закона. При назначении наказания лицам, уличенным в лихоимстве, применялись три

основных правила[10]:

1) не смотреть ни на чины и достоинства, ни на прежние заслуги;

2) если обвиняемый докажет, что взятки были приняты на его имя без его ведома, то наказывать того, кто принял взятку;

3) учитывать степень преступления и происшедшие от того последствия.

С 1845 г. основным законодательным актом, регулировавшим ответственность чиновников за мздоимство и лихоимство, стало «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных». Однако при этом законодательное определение этих понятий отсутствовало. Если действие, за которое получен дар, не составляло нарушения обязанностей службы, то получение вознаграждения являлось мздоимством, если же обязанности службы были нарушены — лихоимством. По Уложению, чиновник, уличенный в мздоимстве, подвергался либо только денежному взысканию, либо денежному взысканию, сопряженному с отрешением от должности. За лихоимство законодатель установил более суровые санкции, чем за мздоимство, вплоть до отдачи в исправительные арестантские отделения. Высшей степенью лихоимства законодателем было названо вымогательство (Статья 377 Уложения). Виновный в вымогательстве подвергался либо отдаче в исправительные арестантские отделения, с лишением всех особенных прав и преимуществ, либо к лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных, прав и преимуществ и отдаче в исправительные арестантские отделения на срок от 5 до 6 лет. При наличии отягчающих вину обстоятельств, виновный приговаривался к лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы на срок от 6 до 8 лет[10].

С.М. Троицкий представляет чиновничество Российской империи «в виде пирамиды, широкое основание которой составляют канцелярские служители в офицерских рангах и канцеляристы без табельных чинов. Над ними возвышался сравнительно немногочисленный слой членов разного рода присутствий, составляющих костяк чиновничества. На верху пирамиды был весьма тонкий слой сановной бюрократии во главе с монархом, обладавшим всей полнотой законодательной, исполнительной и судебной власти» [12, с. 178].

Бюрократия являлась орудием деятельности государственной власти. Б.Н. Миронов справедливо отмечает, что чиновничество было всегда ориентированно, прежде всего, на интересы государства, разумеется, как оно их понимало, и корпоративные интересы бюрократии.

Согласимся с определением бюрократии данным С.М. Троицким: «Бюрократия – особым образом организованное чиновничество…. особый слой лиц, специализирующихся на управлении государством и обладающих рядом привилегий. Возникновение бюрократии связано с утверждением абсолютизма в России в п.ч. XYIII века и дальнейшим выдвижением на историческую арену дворянства» [12, с. 5]. Слово «чиновник» в данном случае употребляется для обозначения всей

гражданско-служащей корпорации.

«Центральной пружиной бюрократического механизма являлась высшая центральная бюрократия» [8, с. 8], которая формировала общее направление государственной политики. Практическое решение множества мелких, но в то же время крайне важных социальных вопросов зависело от средних и низших государственных органов.

С созданием системы министерств завершилось организационное оформление бюрократической системы управления, усиливался правительственный контроль за деятельностью центральных и местных учреждений, укреплялись основы бюрократического порядка продвижения людей по службе. Складывается бюрократический механизм, проникнутый единством внутренней организации, что выражалось в однообразном устройстве и деятельности государственных учреждений, в формализации деятельности должностных лиц. В.В. Ивановский сравнивает государственные учреждения «с фабриками, где ежедневно идут одни и те же работы… с убийственным однообразием в приемах» [8, с. 6].

Преобладание чиновничества можно объяснить общими условиями строя. Безграмотность народа, отсутствие организованного общественного мнения и народного самоуправления, полное порабощение общественной самодеятельности способствовали развитию чиновного произвола и усилению влияния чиновников на общественные дела.

Чиновничество представлявшее собой могущественную бюрократию с течением времени только умножало численность и силы за счет вовлечения в свои ряды наиболее образованных людей. В первой половине XIX в. погоня за чинами по замечанию многих современников приняла массовый характер, человек был ценен не сам по себе, а согласно тому месту, которое он занимал в чиновной иерархии. Яркий образ бюрократа того времени дает в своих воспоминаниях Ф.Ф. Вигель: «бюрократ, коль скоро получит место сколько-нибудь видное, думает быть министром. Он делается горд, в обращении холоден… государственная польза, польза человечества никогда не приходили ему в голову… Кроме страсти властвовать и наживаться, он не имел ни слабостей, ни пороков… Как бы ни было мало занимаемое им место, он заставляет просителей дожидаться в передней, обходится с ними с высока, и даже берет взятки, как будто собирает дань с побежденных…»[1, с. 26-27].

При неудовлетворительном состоянии законодательства чрезвычайно широкая власть чиновничества переходила обычно в произвол. Важно отметить, что способы исполнения служебных обязанностей зависели не столько от предписания законов и особых инструкций, сколько от личных качеств самих чиновников и привычек, усвоенных вообще чиновничьею корпорацией.

На отношения между чиновниками накладывала свой отпечаток, помимо сословных и имущественных различий, разница в окладах высших и низших категорий государственных служащих. Материальное положение канцелярских служителей было крайне неустойчивым, жалованье

назначалось начальством из сумм, выделяемых на канцелярские расходы. Достаточная оплата труда чиновников была невозможна из-за расстроенного состояния финансовой системы. Как отмечает Ф.Ф. Вигель: «Когда в 1807 году курс на звонкую монету стал вдруг упадать, и служащие начали получать только четвертую долю против прежнего, тогда бедность сделалась вновь предлогом извинения их жадности» [1, с. 26].

До 1815 года многие чиновники с низкими окладами и особенно канцеляристы, служили кучерами, швейцарами, сторожами, лакеями. В 1815 году гражданским служащим было запрещено исполнять одновременно несколько должностей, что лишило их возможности содержать себя честным путем.

В 1830 - 50-е гг. широко процветало вымогательство денег с просителей. Взятка оказывала разлагающее влияние на государственную систему управления. Отношение к взяточничеству было различным. Б.Н. Миронов[9, с. 164-165], Л.Е. Шепелев отмечают, что взятка рассматривалась обществом как нормальная оплата за услуги. «Взяткодатели считали умеренное «подношение» чиновнику делом справедливым и естественным – дополнительным вознаграждением за малооплачиваемый труд» [15, с. 116].

С точки зрения Б.Н. Миронова если подношение выплачивалось за ускорение дела и за следование закону, оно классифицировалось как «почесть», а если подношение провоцировало чиновника на нарушение закона, то это рассматривалось как «посул» [9, с. 164]. Грань между подарком и посулом очень зыбкая. Распространенные подношения свидетельствовали о частоте нарушения закона и в то же время являлись средством преодоления волокиты, которая была вызвана обширным бумажным делопроизводством, множеством ревизующих и аппеляционных инстанций, запутанностью самого процесса.

Незащищенность чиновников в материальном положении благоприятствовала расцвету взяточничества, что стало одной из причин приведшей систему управления к разложению, в первой половине XIX века она уже не могла справляться со своими основными функциями.

Всевластие должностных лиц, чрезмерный рост письмоводства и бумажная волокита формировали безнравственного или терпимого в этом отношении человека. В такой атмосфере государственной службы служащие, не отличающиеся инициативностью и самостоятельностью в принятии решений, не могли мыслить и действовать как истинные государственные мужи, заботясь об общественной пользе.

Негативные черты сложившейся к середине XIX в. в России системы управления на наш взгляд были обусловлены тем, что она являлась политической надстройкой социально-экономической основы общества парализованной крепостническими отношениями.

В русской культуре так сложилось, что обычай преобладал над действующим законодательством. За столько веков крепостного права, в условиях которого подношения хозяину были естественными, сложились

особенности массового сознания. Традиция подарков переносилась на взаимоотношения с государственной властью, поэтому люди приносили подношения, рассматривая их не как взятку, а именно как подарок и не осознавая, что они тем самым развращают чиновников. Государственным служащим, в свою очередь, сложно было сопротивляться такому давлению, поскольку отказ от «подарка» воспринимался как обида.

В итоге к середине XIX века чиновники практически всех рангов постоянно злоупотребляли своим положением и находились при этом в страхе перед разоблачением.

Государственная власть пыталась бороться с засильем коррупции, неоднократно ставила законодательные барьеры, особенно в самом низу административной пирамиды, но всякий раз безрезультатно. Не прижились ни попытки конкурсного распределения казенных подрядов, ни иные такого же рода нововведения.

Характер деятельности губернских учреждений эффективность их работы, отношение служащих к своим обязанностям зависели от убеждений, честности, деловитости, работоспособности, понимания своих обязанностей, личных и профессиональных интересов представителей высшей губернской администрации.

А.М. Фадеев в «Воспоминаниях» писал, что найти способных чиновников было крайне сложно, выбирать было не из кого. Способные люди составляли крайнее меньшинство. Андрей Михайлович отмечал, что «в разъездах по губернии везде находил множество беспорядков от дурного чиновничества», «взяточничество и мошенничество всякого рода, казалось, было привито им в кровь» [2, с. 24]. Худшие чиновники устранялись, но искоренить пороки не представлялось возможным.

В ведомости Саратовской палаты Уголовного суда о дворянах и чиновниках находящихся под судом, дела которых не получили еще окончательного решения за 1827 - 28 гг. числится 31 человек, а в ведомости о дворянах и чиновниках бывших под судом за злоупотребления, взятки, пьянство и т.д. дела которых решены – 69 человек[3].

По свидетельству Фадеева в 1844 г. удалено чиновников от должности – 19, а предано суду – 20[2, с. 50]. Многим давался срок на исправление, эта мера была вынужденной, поскольку если бы губернаторы действовали по всей строгости, то слишком много чиновников пришлось отрешить от должности, чем общий ход дел был бы приведен в замешательство.

В.О. Жеребцов по воспоминаниям отца писал, что неимоверное взяточничество, царило тогда между чиновниками всех ведомств. Взятки брались почти открыто и это считалось явлением вполне нормальным, никого не возмущавшим. Взятки считались благодарностью за труд, недостаточно оплачивающийся государством. Берущих без вымогательства даже не считали за взяточников, такими признавали только вымогателей[5, с. 86], «…весь вопрос сводился лишь к тому, чтобы не было лихоимства, переходящего за пределы возможного» [7, с. 224].

Такое отношение к взяточничеству «…и в губернии, и в столице» [7, с. 224], не представляло возможности для его искоренения. Хотя даже со стороны военнопленных, столкнувшихся с этим явлением российской действительности, высказывались сетования на то, что «это безобразие (взяточничество) до настоящего времени не может полностью искорениться» [11, с. 154]. Так, один военнопленный долго ожидал бумаг из губернского правления для возвращения на родину, пока не узнал, что причиной задержки является чиновник, не получивший за свой труд вознаграждения[11, С.3]. После поднесения губернскому секретарю, взятки в размере 10 рулей ассигнациями дело немедленно решилось.

Взяточничество было неотъемлемой чертой бюрократической системы, ею же порожденной, оно составляло неотъемлемую часть жизни преобладающей части чиновничества, которое разработало своеобразный кодекс поведения при получении взяток. Итак, правило первое «брать - бери, но умей прятать концы и не попадайся», правило второе «приобретаемое на взятки имущество записывалось на имя жены», правило третье «требовало искусства прикрывать взятку, и на этом поприще доходили до артистических способностей» [7, с. 220].

Чиновники, не берущие взяток, были явлением совсем исключительным, чем - то вроде «белой вороны». Таким был Иван Иванович Мешков. В 1872 г., когда ему исполнилось 16 лет, он был определен копиистом в Гражданскую палату. Мешков отличался от своих сослуживцев как опрятностью в одежде, так и усердием и исправностью службы. За усердие вознаграждался начальством повышением по службе и прибавкою жалованья, что возбуждало в других чиновниках зависть и недоброжелательство[16].

Причинами взяточничества являлись неустойчивое положение чиновников и маленькое жалованье. Их «безгрешных доходов» чиновники делали сбереженья на черный день. Как отмечает Жеребцов на наличие заслуг, ни добросовестность в работе не могли чиновнику гарантировать безопасность от капризов начальства, кончающихся нередко увольнением со службы по самым ничтожным поводам, что приводило к бедственному положению всей семьи[5, с. 86].

Н.Ф. Иванов рассуждая на тему взяточничества, задается вопросом: «могло ли оно (прошлое) проходить другой дорогой? Могло… не быть взяток, если выдающиеся должности оплачивались жалованьем по 200-300 рублей ассигнациями в год? Между тем, по традициям старого времени не только мелкий чиновник, но даже всякий писец, получавший 30-40 руб. ассиг. в год непременно был женат и так же непременно имел кучу детей» [7, с. 224].

Источниками для исследования вопроса о материальном обеспечении чиновничества являются формулярные списки и штатные расписания. Анализ формулярных списков показал, что, оклад губернатора превышал в десятки раз оклад младшего чиновника губернского правления. Эта разница увеличится, если учесть, что губернаторы получали различного

рода дополнительные суммы. Губернаторы получали 1800 руб. – жалованья и 1200 руб. столовых, в то время как в формулярных списках канцелярских чиновников губернского правления встречается размер жалованья в 5 руб. серебром или указано, что жалованье выплачивается из канцелярской суммы ежемесячно, видимо решение этого вопроса было отдано на рассмотрение начальства[4].

По данным П.А. Зайончковского министерские оклады были значительно выше провинциальных. Министерский писец получал в полтора раза больше, чем, к примеру, канцелярский служитель в Саратовской губернии[6, с. 78].

Можно заключить, что достаток определял очень многое: взаимоотношения внутри чиновной корпорации, политические взгляды, культурно-ценностную ориентацию. Уровень благосостояния влиял и на социальную активность чиновников.

Начальство вело борьбу с хищениями, вымогательствами, взяточничеством творимыми служащими. Виновных били плетьми, сдавали в солдаты, отрешали от должности, штрафовали. На место уволенных выписывали и назначали других, но и эти в самое короткое время начинали действовать в духе своих предшественников и подвергались тем же карам.

Предпринятое в рамках данной статьи исследование позволяет заключить, что для оптимизации борьбы со взяточничеством необходимо было во-первых, изменять отношение к этому явлению общества, повышать уровень его политической культуры, правового сознания, чтобы оно могло выполнять функцию контроля за чиновниками; во-вторых, предпринимать меры по законодательному обеспечению противодействия взяточничеству и меры по повышению корпоративной культуры, профессионального уровня управленческих кадров.

Список литературы

1. Вигель Ф.Ф. Воспоминания. Москва, 1864. Т. 1. Ч. 2.
2. Воспоминания Фадеева А.М. // Русский архив. 1891. №2.
3. ГАСО. Ф 1. Оп. 1. Д. 68. Л. 5.
4. ГАСО. Ф. 1, 2, 28, 101.
5. Жеребцов В.О. Страницы из прошлого Саратова // Труды Саратовской Ученой Архивной Комиссии. - Саратов, Вып. 30. 1913.
6. Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
7. Иванов Н.Ф. «Рассказы из прошлого» // Земли родной минувшая судьба (Саратовская ученая архивная комиссия и документальное наследие края). – Саратов, 2007.
8. Ивановский В.В. Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903. № 8.
9. Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XYIII - начало XX вв.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правого государства. В 2 томах. - СПб., 1999. Т.1. – 550с., Т.2. – 568с.
10. Полный Свод Законов РИ (ПСЗ) — I. Т. XXX. N23651; Т.XXXI. N24807.
11. Саратовская губерния глазами пленных Великой армии: Материалы к курсу

«История Саратовского Поволжья» // Сост., всуп. ст. и коммент. канд. ист. наук В.П. Тотфалушина. – Саратов, 2009.
12. Троицкий С.М. Русский абсолютизм и дворянство в XYIII в. Формирование бюрократии. М., 1974.
13. Указ президента РФ от 13.04.2010 N 460 "О национальной стратегии противодействия коррупции и национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы».
14. Федеральный закон Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. N 273-ФЗ «О противодействии коррупции»
15. Шепелев Л.Е. Чиновный мир России XYIII – начала XX вв. СПб., 2001.
16. Мешков И.И. Записки Мешкова Иван Ивановича // Русский архив. 1905. Кн. 2. Вып. 6.

УДК 655.26(437.1)|15|(09)

КНИГОПЕЧАТАНИЕ В ЧЕХИИ ПОСЛЕ ВОССТАНИЯ 1547 ГОДА

Е.Н. Многолетняя
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: elenamnogoletnjaja@rambler.ru

В статье рассматривается развитие книгопечатания в Чехии после подавления восстания чешских сословий против династии Габсбургов в 1547 году. Автор выявляет изменения, произошедшие в условиях работы типографий, отношение королевской власти к книгопечатанию, репертуар чешских печатных книг.

Ключевые слова: история Чехии, книгопечатание, типографы, репертуар чешских печатных книг, королевская власть.

Book printing in the czech after the uprising of 1547

E.N. Mnogoletnayay

The article discusses the development of book printing in the Czech after the suppression of the uprising of the Czech estates against the Habsburg dynasty in 1547. The author reveals the changes that have occurred in the conditions of printing houses, the ratio of the Royal power to book printing, the repertoire of Czech printed books.

Key words: history of the Czech, book printing, printers, repertory of Czech book printing, the Royal power.

Поражение чешских сословий в восстании против Габсбургов в 1547 г. имело столь крупные изменения в политической жизни Чехии, которые не могли не затронуть и судьбы чешского книгопечатания. Поэтому вторая половина XVI в. как для политической жизни Чехии, так и

для книгопечатного дела стала новым, своеобразным периодом в их истории.

После подавления восстания Фердинанд I созвал сейм, на котором потребовал аннулировать все решения, принятые сеймом весной 1547 г. После принятия этих условий, король выдвинул целый ряд новых. Они значительно ограничивали привилегии сословий: сеймы впредь должны были созываться только по воле короля, областные сеймы ликвидировались, навсегда запрещалось объединение сословий в союзы, наследники короля могли быть коронованы еще при его жизни, чиновники и судьи должны были приносить присягу не только королю, но и его наследнику.

Этот период имел кардинальные отличия от предыдущего и изменившимися условиями существования и развития книгопечатания. Так как в период восстания 1547 г. печать использовалась противниками Фердинанда I в целях антикоролевской агитации, Фердинанд сразу после его подавления для ослабления оппозиции и под предлогом борьбы с ересью запретил существование типографий в Чехии. Исключение составила лишь типография Бартоломея Нетолицкого из Нетолиц, королевского топографа, находящаяся в Праге и используемая впоследствии для издания печатной продукции официального направления [10, S. 27].

Мандатом чешского короля Фердинанда I от 9 октября 1547 г., который был адресован «панам, рыцарям, владыкам и городам и всем другим обывателям и подданным нашим» книгопечатание в Чехии запрещалось. В тексте указывалось, «чтобы сразу же в тот же день, как вы получите наш мандат, во всех городах, местечках, поместьях и имениях ваших никаких типографов не было; либо же книг, трактатов и иных вещей, которые не названы, но быть могут, печатать не разрешали и в соответствии с нашим мандатом запретили и нигде издавать не разрешали, лишь только в нашей типографии, которая в Праге…» [10, S. 27].

Причина, введения столь строго запрета была объяснена в самом мандате: «… потому что допустили оскорбление в прошлое время через различного рода убеждения, печатные трактаты и песни клеветнические не только в отношении Господа Бога, Святой империи христианских добрых, порядков, но и Римского императора (имеется в виду император Священной Римской империи немецкой нации – Е.М.) и нас короля» [7, S. 5].

Необходимо сказать, что и в предыдущей период предпринимались попытки со стороны правящих кругов ограничить свободу издательской деятельности. В 1508 г. вышел Святоякубский мандат Владислава Ягеллона, который свидетельствовал о попытках реставрации католицизма, направленный против Общины чешских братьев. Мандат приказывал сжечь «все братские книги» и запретить дворянству, поддерживать издательскую деятельность общины. Фердинанд I, став чешским королем и, являясь при этом ревностным католиком, стремился ограничить распространение в Чехии некатолической литературы. Мандат

от 18 июля 1526 г. предписывал, чтобы рукописи проходили предварительную цензурную проверку у администратора католической консистории, а затем следовала дополнительная цензура готовой книги у пражского пуркмистра и коншела. С 1539 г. к этим цензурным мерам прибавилась цензура университета [8, S. 467].

Следующим мандатом - от 3 августа 1537 г. - запрещалось издание книг во всех городах, кроме Праги: «….чтобы типографы с нынешнего момента ни где в другом месте никаких книг или трактатов ни чешских, ни латинских, ни немецких в королевстве Чешском не печатали кроме в Местах Пражских … и только с позволения и бесспорного уведомления администратора Пражского Кремля или второго администратора консистории пражских утраквистов нынешних и будущих …» [10, S. 25].

Таким образом, полное запрещение книгопечатания в Чешских землях стало звеном в единой цепи мер и ограничений, которые вводились королем с целью ослабления оппозиционных сил. Последняя мера была направлена против городского сословия как мощной и непокорной политической силы.

После этого постановления книгопечатание оказалось под систематическим контролем государственных органов. В условиях чешских земель, где с момента своего зарождения книгопечатание приобрело не государственный, а частный характер, это означало создание если не государственной, то официальной типографии.

Но принятые Фердинандом I меры успеха не имели. Остановить развитие чешского книгопечатания было уже не возможно. Чешские типографы тайно печатали книги в Моравии и за рубежом (в Германии), искажая на титульных листах дату и место издания.

Ситуация заставила короля пойти на уступки, и в конечном счете, к постепенному разрешению открывать прежде запрещенные мастерские. Однако контроль над издаваемой продукцией сохранялся. Инструментом упорядочения отношений между типографом и государственной властью стала привилегия. Получивший привилегию типограф мог не предоставлять рукопись к цензуре.

Привилегия имела централизованный характер и предоставлялась для определенного места (пункта), периода времени, типографа или на определенную книгу. Первая известная нам такого рода привилегия была выдана Яну Кантору Хаду и Яну Гюнтеру 1 декабря 1549 г. [10, S. 27]. Постепенно все больше типографов стали обладателями таких привилегий.

В 1562 г. Фердинанд I подписал декрет об учреждении цензуры, возложив ее функции на нескольких высших чиновников в Чехии и Моравии, которым типографы были обязаны предоставлять на просмотр издаваемые ими книги [10, S. 35].

Но, несмотря на многочисленные препятствия чешское книгопечатание именно в 1547 – 1620 гг. достигает своего наивысшего развития и расцвета. Конечно, развитие происходило постепенно. Произведенный нами анализ печатной продукции свидетельствует о

количественном росте с 236 изданий за 1501 – 1547 гг. до 1150 изданий за период 1547 – 1620 гг. (Сведения о количестве изданий были почерпнуты из монументальной «Библиографии чешских и словацких изданий» и дополнены некоторыми материалами «Описи брненских изданий» составленной В. Докоупилом [2, 3]). Необходимо отметить, что это не все издания, которые были изданы за этот период. Мы имели возможность работать лишь с отдельными томами «Библиографии», и анализ произведен на основании выборки из этих томов. Кроме того, в современный период продолжается работа чешских исследователей по выявлению не известных ранее изданий, результатом чего стало продолжение публикаций «Библиографии», так называемое «Добавление», само ставшее продолжающимся изданием. Нам известно, по крайней мере, об одном таком томе [4]. В нем, как уже было отмечено, содержатся сведения о 80 изданиях, относящихся к периоду 1501 – 1620 гг. Иными словами, рост продукции мог быть ещё более внушительным, чем это показывают сделанные по выборке подсчеты.

Как бы то ни было, книгопечатание в Чехии продолжало развиваться, но в более стеснительных внешних условиях. За период 1547-1620 гг. нами было установлено 1144 название изданий. Религиозная литература составляет 478, литература советского характера насчитывает 663 названий.

Как и прежде, религиозная литература этого периода представлена изданиями библейских текстов: это десять отдельных изданий Библий на чешском языке и два сборника отдельных частей Священного Писания.

Издательская продукция данного периода обогатилась за счет самой разнообразной теологической и дидактической литературы. Мы встречаем в ней переводы на чешский язык сочинений св. Августина, св. Мефодия, св. Иеронима (Савонаролы), которые благодаря своим инвективам против симонии, церковной роскоши и порочности духовенства, неизменно оставались предметом широкого читательского интереса и острым оружием полемики между протестантизмом и католицизмом, начиная с времен гуситского революционного движения. В рассматриваемый нами период эта полемика имела место в условиях проводимой со стороны правящих чешских кругов политики контрреформации. Труды св. Августина представлены девятью его сочинениями среди них: "О судном дне" [3, Č. 860], "О Граде Божьем" (1584 г.), и второе издание (1589 г.) [3, Č. 863, 864], изданное в типографии Буриана Валда, а также несколько его трактатов (без указания названия) 1573 и 1583 гг. [3, Č. 867, 872.]. Сочинения св. Иеронима (Савонаролы) представлены шестью изданиями. Среди которых «Проповедь на пятидесятый псалом короля Давида». (1558 г.) [3, Č. 15229] вышла в типографии Кашпара Аргуса; кроме этого выявлено четыре издания его «Семи проповедей» (1559, 1565, 1573 и 1576 гг.) [3, Č. 15230, 15231, 15232, 15233]: первое вышло у Яна гюнтера, три последних - у Иржи Мелантриха. Сочинения св. Мефодия были представлены «Книжкой св. Мефодия мученика Божьего» (1571 г.) [3, Č.

5537], изданной у Иржи Мелантриха, и «Пророчествами» (1566 г.) [3, Č. 5538], изданными в типографии Яна Ийтчинского.

Идеологические споры этого периода проявились и в религиозной литературе. Они выливались в ожесточенную полемику в условиях теснейшего переплетения религиозной и политической борьбы в чешских землях во второй половине XVI – начале XVII в. Предметом наиболее резких нападок была Община чешских братьев. Одним из авторов такого рода политических сочинений был Вацлав Бросиус [1, S. 347]. Его памфлет против Общины «Ядро Даниила» (1589 г.) [3, Č. 1302] был издан в типографии Андреаса Грауденса. Его перу принадлежит еще одно сочинение такого же характера - «Сообщение против пикартской летучей мыши» [3, Č. 1303].

В Чехии за указанный период было издано огромное количество отдельных религиозных песен и их сборников. Нами обнаружено 72 названия таких сочинений. Это и авторские, и анонимные произведения. Авторами подобных сочинений нередко становились сами священники. Так, например, бывший гуситский священник, а затем глава консистории в Роудницах Ян Музофил был автором сочинения «Канционал на один голос, в нем собраны песни … христианского вероисповедания» (1585 г.) [3, Č. 5981], изданного в типографии Буриана Валда. Он же являлся автором и отдельной духовной песни «Песня христианская к почитанию и похвале Бога» [3, Č. 5982], изданной в Праге в типографии Яна Йитчинского.

Таким образом, в период 1957-1620 гг. наблюдается значительное расширение репертуара религиозной литературы и увеличение ее количества по сравнению с прошлым периодом - со 129 до 487 названий книг. Это было непосредственно связано с проводимой религиозной политикой со стороны правящей Габсбургской династии, стремившейся к реставрации католицизма, так называемой политикой контрреформации. Книгопечатание выступило в роли важного средства религиозной борьбы, так как позволяло представителям разных вероисповеданий доносить свои идеи широким слоям читающей аудитории.

Несмотря на новые условия, в которых развивалось чешское книгопечатание во второй половине XVI – начале XVII в. стала разнообразнее светская по характеру, издаваемая в Чехии книжная продукция. Ее состав пополняется за счет новых или до этого малораспространенных жанров.

Литература для повседневного чтения (называемая в чешских работах забавной литературой) включала самые разнообразные сочинения рыцарской эпической поэзии XIV в. [1, S. 304, 352]. Можно выделить следующие названия: «Хроника о Штильфриде и Брунцвике» [3, Č. 4498], «Хроника об императоре Юлиане» [3, Č. 4473, 4459] чешскую «Хронику о Яне Жижке» [3, Č. 4469], «Хронику о фее Мелюзине», «Хронику о Аполлонии Турском» [3, Č. 4438]. О популярности этих произведений у чешского читателя свидетельствует список книг с книжного склада,

принадлежавшего Оломоуцкому издателю Яну Оливетскому, относящийся к периоду до 1547 г., где зафиксированы более ранние издания этих произведений, нежели вошедшие в «Библиографию чешских и словацких изданий» [9, S. 105]. Это позволяет говорить о том, что эта литературная продукция вошла в сферу книгопечатания гораздо раньше, чем было принято считать, то есть не во второй половине XVI в., а уже несколькими десятками лет раньше [9, S. 105-106].

Значительного расцвета в этот период достигла литература исторического характера, что сразу же привлекло внимание издателей. Популярностью пользовались сочинения по истории самой Чехии и зарубежных стран, которые вышли из окружения знаменитого чешского издателя Даниэля Адама из Велеславина и его сотрудников. Это уже издаваемая ранее хроника Энея Сильвия и хроника Мартина Кутена в одном издании под названием «Две хроники об основании земли чешской» (1585 г.) [3, Č. 13885], а так же его собственный «Исторический календарь» (1578 и 1590 гг.) [3, Č. 58, 59]. Среди сочинений по истории других стран - созвучная настроениям того времени «Новая хроника о народе турецком» [3, Č. 4823] немецкого теолога, юриста и историка Иоганна Лёвенклау, изданная в 1594 г. в типографии Велеславина.

Было издано историческое сочинение чешского историка Прокопа Лупача из Главачова «История об императоре Карле» [3, Č. 5060] в типографии Иржи Нигрина в 1584 г.

К кругу политической литературы принадлежали также анонимные листовки и газеты, которые оперативно реагировали на современные события. От того периода сохранились некоторые «газеты». Из них мы можем узнать, «Как и чем жили те, кто ходили по Чешской земле за много лет до нас. Они сообщают нам о великих дивах и чудесах божьих, о стихийных бедствиях и ужасах войны. Сведения о людях убогих, бедствующих и жестоко убитых, о скорбном плаче земли чешской, о великих и кровавых войнах турецких и о других делах, бесчеловечных и печальных, впечатляющих и много раз невыразимо печальных…» [5, S. 12].

Период острой политической борьбы стал объектом внимания еще одного литературного жанра, нашедшего проявление в книгопечатной продукции – политической сатиры. Этой проблеме была посвящена работа монография Яна Колара «Зеркало разделенного королевства. Из политических сатир предбелогорского столетия в Чехии» [6], в которую вошли тексты самих произведений. Автор выделяет несколько отдельных видов этой сатиры: политико-сатирические песни, поэтические сочинения, прозаические, и диалоги [6, S. 14].

Помимо литературы, связанной с политической тематикой, во второй половине XVI – начале XVII в. издается огромное число всевозможной печатной продукции иного рода.

В этот период издается значительное количество учебной литературы. Продолжает пользоваться популярностью учебник Доната «De octo patribus orationis», вновь изданный в 1560, 1572-1592, и дважды - в 1580 гг.

[4, S. 183]. (В первом издании «Библиографии» мы находим указание только на издание 1562 г. [3, Č. 2072]). Шестнадцать раз была издана «Грамматика» немецкого реформатора Фридриха Милихталера. Она издавалась в крупных типографиях Яна Иржика Гюнтера (1560, 1567 гг.) [3, Č. 5474, 5477], Нигрина (1575, 1577, 1594, 1599) [3, Č. 5480, 5481, 5485, 5487], Иржи Мелантриха (1560, 1562, 1570, 1572, 1580 гг.) [3, Č. 5475, 5476, 5478, 5479, 5482].

Продолжается издание юридической литературы. Издаются сеймовые артикулы вплоть до своей смерти в 1552 г. их издает официальный типограф Б. Нетолицкий [3, Č. 296-391]. Короткое время издает Ян Косоржский (1553, 1556 гг.), И. Мелантрих (1554, с 1556 по 1567, а затем вплоть до 1582 г.), Даниэль Адам из Велеславина - с 1583 по 1587 гг. Затем привилегию получает Иржик Нигрин - он издает артикулы в 1588– 1590 гг. После них несколько лет издатели менялись: Вацлав Варина, Дачицкий, Анна Шуманова, наследники Шумана, Седлчанский, наследники Велеславина, типография Шуманова, Матей Пардубский. Последние годы (1618–1619 гг.) издавал артикулы Самуэль Адам из Велеславина, в 1620 г. они выходили уже из типографии Даниила Карла из Карлшпергка.

Издавались сборники прав: «Права и земское уложение Чешского королевства» (1592 г.) [3, Č. 14314] опубликовали в Оломоуце наследники Милихталера. «Права и устройство маркграфства Моравского » (1545 г). «Права и земское уложение королевства Чешского» (1550 г.) [3, Č. 14316] (1564, 1594 гг.) [3, Č. 14317, 14318]: два последних издания вышли из типографии Иржи Мелантриха и Даниэля Адама Велеславина.

Итак, мы можем констатировать, что книгопечатание в Чехии в 1547 – 1620 гг. продолжало устойчиво развиваться, несмотря на более стесненные условия, выражавшиеся в стремлении государей через цензурные рамки подчинить себе издательскую продукцию и контролировать ее содержательный аспект. Постановление 1547 г. является зеркальным свидетельством выдающейся роли чешского книгопечатания, как выразителя умонастроения чешского общества.

Этот период, вопреки всем ограничениям, стал временем расцвета чешского книгопечатания, поскольку оно в годы религиозных гонений стало последовательным носителем идеи религиозной свободы, национального самосознания и политических прав чешских сословий.

Список литературы

1. Dějiny česke literatury D. I. Starší česká literatura. Praha, 1959. 532 s.
2. Dokoupil V. Soupis brněnských tisků. Staré tisky do roku 1800. Brno, 1978. 640 s.
3. Knihopis českych a slovenskych tisků od doby nejstarší až do konce XVIII stoleti. Vydala Komise pro knihopisny soupis česko a slovenskych tisků až do konce XVIII. století. Praha, 1939-1967. Dil. II: Tisky z let 1501 – 1800. Č. I-IX. Čis. 32-17631. (Ссылка на библиографический источник дается на порядковый номер издания)
4. Knihopis českych a slovenskych tisků od doby nejstarši až do konce XVIII stoleti. Dodatku. V Praze, 1996. D. II: Tisky z let 1501 – 1800.Č. III. Čis.1809-3641.
5. Kohlik J. Noviny davnych stoleti. Praha, 1970. 200 s.

6. Kolár J. Zrcadlo rozděleného království. Z politických satir předbělohorského stoleti v Čechách. Praha, 1963. 314 s.
7. Pešek J. Jiři Milantrich z Atentyna: Pribeh prazskeho arcitiskare. Praha, 1991. 41 s.
8. Snemy ceske od leta 1526 až po nasi dobů. Praha, 1877. D. I. 645 s.
9. Voit P. Moravsky knihtisk prvni polovini 16 stoleti a jeho vztahy k ceskym tiskarnam. // Knihtisk v Brne a na Morave. Sbornik z konference Brno – 4 zari 1986. Brno, 1987. S. 103-115.
10. Voit P. Moravské prameny z let 1567 – 1568 k dějinám bibliografie, centzury, knihtisku a literární historie. Přispevek ke knihopisu. Č. 5. Praha, 1987. 248 s.

УДК 9(4/9)(082)

НАУКА, ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ В АНГЛИИ В ПЕРИОД РЕСТАВРАЦИИ

Т.В. Мосолкина
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: tmosolkina@mfil.ru

Статья посвящена анализу места и роли науки в английском обществе второй половины XVII века. Рассматривается отношение к ней представителей различных сословий и короля. Делается вывод о том, что в сложных условиях политических и религиозных разногласий занятия наукой позволяли англичан ощутить некоторую стабильность. И хотя в иерархичной Англии научное сообщество не было избавлено от традиционного разделения людей на знать и простонародье, наука в Англии превращается в организованную социальную силу, характеризующуюся плюрализмом и демократизмом.

Ключевые слова: наука, научное мировоззрение, наука и религия, технические изобретения.

Science, society and authorities in England in the period of Restoration

T.V. Mosolkina

The article is devoted to the analysis of the role and place of science in English society of the second half of the XVII century. Considering the relation to it of representatives of various estates and king. The conclusion is that in the complicated conditions of political and religious differences is the pursuit of science allowed the British to feel some stability. And although in hierarchical England scientific community has not been spared from the traditional separation of the people to know and cockneys, science in England into an organized social force, characterized by pluralism and democracy.

Key words: science, scientific worldview, science and religion, of the invention.

Английское общество эпохи Реставрации в социальном, политическом и конфессиональном отношениях напоминает такое явление как броуновское движение. За годы Гражданской войны и диктатуры Кромвеля многие социальные связи были разорваны, политические пристрастия развели по разным «партиям» представителей одного и того же социального слоя и даже членов одной семьи. После Реставрации к политическим и социальным разногласиям добавились сложности, связанные с религиозными пристрастиями поздних Стюартов и их сторонников. Считается, что к 1650 г. только религиозных сект насчитывалось в Англии не менее 180 [10, P. 360—632]. При этом часто разногласия между ними лежали не в области религии, а в социальной или политической сферах. В этой непростой и очень беспокойной обстановке интерес к науке стал своеобразным якорем, за который можно было зацепиться и ощутить какую-то стабильность.

В рассматриваемый период произошли важные изменения в мировоззрении людей. Протестанты, разделив области веры и знания, ориентировали науку на познание «земных вещей», то есть природы. Уважение к любому труду придавало особую ценность тем изобретениям в области науки и техники, которые могли облегчить труд. На базе этого возникает экспериментально-математическое естествознание. XVII век был для английской науки временем необычайного подъема. Это стимулировалось быстрым развитием промышленности и техники. В различных отраслях - горнодобывающей, металлургической, текстильной и других стали появляться новые механизмы и устройства. А это не могло не сказаться на развитии таких отраслей знания, как механика, гидравлика, астрономия, которая была тесно связана с навигацией. Развитие мореплавания, промышленности и военного дела побуждало исследовать основные законы плавания тел в жидкостях и движения тел вообще, а также законов гидростатики, гидродинамики, небесной механики и других законов физики [23, с.10].

В 1636 г. Ричард Норвуд с помощью телескопа измерил расстояние между Лондоном и Йорком [21, с. 173]. В XVII в. в Англии работали несколько выдающихся ботаников, среди которых можно отметить Р. Морисона, Дж. Рея, Н. Грю [26, с. 94].

Были сделаны большие успехи в изучении анатомии человека. Наибольший вклад в развитие физиологии внес У. Гарвей, который в своем труде «Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных» доказал наличие кровообращения, дал описание его большого и малого кругов. Ставя опыты с перерезкой и зажимом сосудов, Гарвей выяснил вопрос о направлении движения крови. Эти опыты вызывали большой интерес у современников, тем более что они были доступны для зрителей независимо от их образования и социального положения. В 1666 г. С. Пипс записал в своем Дневнике: «… Доктор Крун рассказал мне, что сегодня вечером в Грешем-колледже присутствовал на любопытном эксперименте: кровь одной собаки переливали (пока она не издохла)

другой, лежавшей рядом, собственную же кровь второй собаки слили тем временем на землю. Первая собака умерла на месте, другая же чувствует себя отлично и, по всей вероятности, будет чувствовать себя так же хорошо и в дальнейшем» [13, Vol. VI. Part. I. P. 60-61].

В рассматриваемое время в Англии работал и выдающийся физик, химик и богослов Р. Бойль. Им был разработан экспериментальный метод в химии, в частности химический анализ и дополнение анализа синтезом для проверки правильности результата [22, с. 125]. Бойлю также принадлежит разработка фундаментальных законов пневматики.

Английская наука эпохи Реставрации развивалась в обстановке широкого общественного интереса к научным исследованиям как в столице, так и в провинции. Так, географическое пространство научной жизни Лондона включало в себя множество разнообразных мест – дома и квартиры ученых, научные и учебные заведения (например Грэшем-колледж), лаборатории, кофейни и пабы [7, P. 59-86]. Например, в мае 1661 г. С. Пипс в Рейнской пивной слушал рассуждения математика Джонаса Мура о том, что когда-то Англия и Франция были одним континентом [14, V. II. P.105]. Или в июле 1666 г. на обеде в таверне «Папская голова» доктор Чарлтон предложил очень интересную гипотезу о том, что каждое живое существо получает от природы зубы, рассчитанные на определенную пищу. И что зубы человека предназначены не для пережевывания мяса, а для фруктов [13, Vol.V. Part.II. P.356-357]. Таверна «Папская голова», видимо была местом постоянных встреч людей, интересующихся наукой, поскольку она постоянно упоминается в Дневнике С. Пипса. Таким же постоянным местом встреч ученых была и таверна «Королевская голова». В апреле 1668 г. С. Пипс записал: «С лордом Броукнером и еще несколькими членами Королевского общества – в таверну «Королевская голова» на Чансери-Лейн; пили, ели и беседовали, и, прежде всего, я слушал объяснение мистера Гука и милорда причин благозвучия и неблагозвучия в музыке, что они связывали с вибрацией. Меня, впрочем, этот ответ не удовлетворил: нужно будет как следует подумать об этом на досуге, поискать иных, более подходящих объяснений» [13, Vol. VII. Part II. P. 362]. Интересно отметить, что аристократ лорд Броукнер и выходец из низшего сословия Р. Гук встречаются не только на заседаниях научного общества, но и в приватной обстановке, и совместными усилиями пытаются что-то объяснить мало что понимающему в науке С. Пипсу.

Единственная наука, которая требовала для демонстраций опытов специально оборудованных помещений, была медицина. С. Пипс упоминает Клуб хирургов, куда был приглашен на лекцию («нас туда пригласили, пообещав накормить обедом»). Пипс пишет: «После ужина доктор Скарборо повел нескольких своих друзей (а с ними и меня) посмотреть на покойника, здоровенного малого, моряка, которого повесили за грабеж. Из покойницкой – в отдельную комнату, где, насколько я понял, препарируют тела…» [13, Vol. III. Part.I. P. 50-51].

Для посетителей публичных экспериментов было чрезвычайно важным осознавать, что представители разных сословий, политических убеждений и вероисповеданий могут мирно обсуждать научные проблемы и приходить к соглашениям. Члены Королевского научного общества подчеркивали, что они специально придают экспериментам публичный характер, приглашая посещать их всех желающих. Лаборатории ученых должны были быть не местом конфликтов, а согласования полученных знаний.

Демонстрации экспериментов привлекали не только светских людей (от членов королевской фамилии до ремесленников), но и людей церкви, некоторые из которых видели в собрании ученых прообраз новой церкви [16, P. 319]. В мае 1661 г. Дж. Эвелин сделал запись в своем дневнике о том, что вечером вместе с членами Общества «превосходными математиками», был у короля, чтобы показать ему с помощью большого телескопа кольца Сатурна, затмение луны, Юпитер и спутники [3, P. 276]. Интерес Карла II к науке был тесно связан с политикой. Вернувшись в Англию Карл искал любые способы для укрепления своего авторитета. Одним из таких способов была политика покровительства искусствам и наукам. Карл II, помня «советы» Ф.Бэкона, который считал содействие распространению наук и ремесел одним из важнейших средств упрочения и развития государства, стремился обеспечить себе всевозможную поддержку и укрепить свою власть [24, с.5]. Кроме того, знания в эпоху Реставрации воспринимались как один из источников идеологической опасности. Поэтому король считал, что лучше держать развитие науки под своим контролем [9, P. 15].

Значительный интерес священнослужителей к научным исследованиям был связан со сложным комплексом не только социальных, но и религиозных обстоятельств, так или иначе связанных с протестантскими представлениями о «прекращении чудес» в послеапостольские времена. Р. Уэстфолл писал, что хотя английские ученые XVII в. принадлежали к разным социальным слоям, большинство из них были протестантами. Исследование природы были для них способом познания Бога [20]. Надежда многих ученых на то, что естественнонаучные исследования и эксперименты можно полностью изолировать от проблем морали и религии, оказалась иллюзорной. Р. Бойль, рассуждая о соотношении науки и религии, писал, что человек не может познать всех божественных целей, это было бы слишком самонадеянным. Он может постичь лишь «некоторые цели Бога в некоторых созданиях его, что является прямым долгом людей перед Всевышним» [2, Vol.1. P.152]. Подобная возможность открывает перед человеком несколько областей познания, тесно связанных между собой – физики, метафизики и теологии. Представители науки стремились к преодолению крайностей религиозного энтузиазма. Не случайно Т. Спрат, который сам был священнослужителем, в своей «Истории Королевского

общества», защищая Общество от критики со стороны некоторых представителей церкви, писал: «Нельзя сказать, что я не сознаю, на каком скользком месте (a slippery place) я сейчас стою» [18, P. 345].

Интерес у представителей разных сословий вызывали не только теоретические научные исследования, но и технические изобретения. Интенсивно развивающееся мануфактурное производство нуждалось во все более сложных и совершенных машинах и механизмах, что стимулировало изобретательство. Англичане проявляли необычайный интерес ко всему новому в области техники. Д. Эвелин в сентябре 1668 г. с энтузиазмом «отправился посмотреть проект сэра Элиаса Лайтона повозки с железной осью» [4, V.II. P.43], в мае 1661 г. он осматривал «превосходную машину для вязания шелковых чулок» [3, P.275], в июле этого же года пишет: «Мы испытывали наш водолазный колокол (Diving Bell) в доке Дептфорда, в котором наш член правления (Curator) продержался полчаса под водой. В августе 1668 г. Дж. Эвелин демонстрировал королю «вечный двигатель, отправленный мне доктором Стоуксом…» [4, V.II. P.43].

Популярность научных исследований в рассматриваемый период объясняется и тем, что научные знания были еще не настолько специализированными, чтобы любой образованный и интересующийся человек не мог повторить эксперимент, который он наблюдал на публичной демонстрации. Так, в августе 1666 г. С. Пипс записал: «Вскоре, как мы и договаривались, явился мистер Ривз, а за ним мистер Спонг; провел с ними целый день, до и после обеда, до 10 часов вечера; говорили об оптике, он принес раму с закрытыми ставнями, чтобы показать, как пересекаются лучи света – в темной комнате это очень красиво. Принес также фонарь с рисунками на стекле, и на стене появились причудливые очертания – красиво. Когда стемнело, видели в мою двенадцатифутовую подзорную трубу Юпитер с его кольцом и спутниками – но не Сатурн: он очень темный» [13, Vol.V. Part.II. P. 382]. В домах джентльменов появилось много научных инструментов. Например, далекие от науки люди покупают телескопы, чтобы наблюдать за звездами, читают научные труды по астрономии. Так, личный телескоп был у С. Пипса. Он и его друзья «вели долгие беседы о планетах, в частности о том, почему звезды не поднимаются и не садятся весь год в один и тот же час» [13, Vol.V. Part.II. P. 382]. Т.Б. Маколей писал, что «В несколько месяцев опытная наука сделалась всеобщей модой» [24, Т.6. С. 403]. Он также замечает, что «для репутации изящного джентльмена почти необходимо было уметь что-нибудь сказать о воздушных насосах и телескопе… главный судья Гель и лорд хранитель печати Гильфорд урывали по несколько часов от служебных занятий, чтобы писать о гидростатике» [24, с. 404]. О моде на научные исследования свидетельствуют дневниковые записи современников. Так, например, Дж.Эвелин очень гордится тем, что его дочь Мэри интересуется географией, историей и теологией [3, P. 365].

Интерес к науке объединял очень разных людей. Так, Дж. Локк был дружен с Р. Бойлем и участвовал в его экспериментах, а в 1668 г. он был избран членом Лондонского королевского общества. В то же время он был личным врачом и воспитателем в доме графа Шефстбери, и в 1683 г. даже уехал вслед за ним в Нидерланды. Занимаясь политическими делами Локк продолжал поддерживать дружбу с И. Ньютоном. В свою очередь Ньютон дружил с Ч. Монтегю, аристократом и главой казначейства после восшествия на престол Вильгельма Оранского.

Научное сообщество эпохи Реставрации было пестрым по своему социальному составу и включало в себя представителей разных социальных слоев – дворянство, торговцев и ремесленников, университетских ученых и представителей церкви. О социальной идентичности английских ученых и околонаучных кругов говорит состав Лондонского королевского общества. М. Хантер подсчитал, что в 1660 г. 50% Общества были представителями дворянства, 4% - купцы и предприниматели, остальные – выходцы из самых разных сословий и групп населения [7, P. 24]. В Лондонском Королевском Обществе в 1663 г. числилось 18 пэров, 22 баронета, 47 сквайров, 32 доктора, 2 бакалавра богословия, 2 магистра искусств [19, Vol.II. P.145]. Об этом же пишет и С. Шейпин [17, P. 179-191]. В состав руководящего Совета Королевского общества входило 12 человек. Из них 1 лорд (Броункер) 4 рыцаря, 2 доктора богословия, 3 доктора медицины и 1 доктор канонического и гражданского права (Кристофер Рен) [15, P.37]. Первым президентом Общества был лорд Уильям Броункер. В то же время, членом Общества был Роберт Гук (куратор экспериментов) – выходец из ремесленных слоев. В состав Общества с 1664 г. входил Джозеф Гленвиль, священник кафедральной церкви Батского аббатства, а также поэт Джон Драйден. При этом представители знати не просто «украшали собой» состав Общества или были его покровителями. Они вели активные исследования и проводили многочисленные эксперименты. Так, 19 марта 1661 г. Виконт Броункер и сэр Роберт Мюрей произвели эксперимент по измерению глубины дна без линя и веревки; в том же году Броункер сделал в Обществе доклад о погружении в воду деревянного шара и предложил Р. Бойлю вместе отправиться к морю и провести там эксперимент; кроме того, виконт Броункер пожелал провести эксперимент с откатом орудия. Эдвард Монтегю граф Сандвич во время своего путешествия в Лиссабон исследовал приливы и отливы, о чем представил сведения в Общество [1, V. I. P. 8, 12, 30, 78].

В рассматриваемое время многие исследователи-аристократы были тесно связаны с ремесленниками-изобретателями. Томас Спрат пишет, что ученые-теоретики получали сведения о новых изобретениях от людей разного социального положения: «Из мастерских механиков, от купцов, путешествующих по морям, от пахарей с полей, из охотничьих угодий, рыбных садков, парков и садов джентльменов» [18, P. 62-63].

Австралийская исследовательница Л.Миллиган на основании изучения биографий членов Лондонского Королевского общества сделала вывод, что типичными представителями английской научной среды 1660-х гг. были выходцы из средних слоев, торгового слоя и пуритан, роялисты, сторонники англиканства и образованные джентльмены [11, P.213-219]. В период Гражданской войны и Реставрации политическая и религиозная принадлежность многих представителей английского общества претерпевала значительные изменения. Поэтому для членов Лондонского Королевского общества принадлежность к различным политическим и религиозным течениям не играла существенной роли.

Страх перед возможностью развязывания новой гражданской войны заставлял англичан искать способы консолидации общества. Одним из таких способов была консолидация представителей разных сословий, вероисповеданий, политических пристрастий в рамках научного сообщества. Не случайно члены Королевского общества постановили исключить из тематики своих собраний споры по вопросам религии и морали. Эта позиция формировалась задолго до создания Лондонского Королевского общества. Так, в оксфордском кружке Джона Уилкинса (вторая половина 1640-х гг.) было решено, что первой целью их собраний должно стать «не более чем удовлетворение от возможности дышать вольным воздухом и от бесед друг с другом в спокойной, уединенной обстановке, не касаясь страстей и безумия этого мрачного времени» [18, P. 53]. В 1663 г. после подписания второй Хартии Р. Гук сформулировал цели и задачи Лондонского Королевского общества, согласно которым Общество должно «совершенствовать познания натуральных вещей и всех полезных искусств, мануфактур, механической деятельности, машин и изобретений посредством экспериментов (не вмешиваясь в вопросы богословия, метафизики, морали, политики…)» [5, P. 121].

Таким образом, в годы Реставрации наука в Англии превращается в организованную социальную силу, характеризующуюся плюрализмом и демократизмом. Членами научного сообщества были как представители знати, так и выходцы из рядов буржуазии и ремесленников. Несомненно, трудно предполагать, что в глубоко иерархичной Англии научное сообщество будет избавлено от традиционного разделения людей на знать и простонародье. Доказательством этого служит тот факт, что кандидаты для вступления в Лондонское Королевское общество с титулом барона и выше принимались без голосования, тогда как все остальные претенденты принимались только после тщательного изучения их научных достижений и положения в обществе [6, P. 47]. Об этом же свидетельствует и положение в Обществе Р.Гука. Не имея могущественного покровителя, он, несмотря на свои научные заслуги, так и остался на положении «куратора экспериментов», то есть представителем технического персонала. И все же, именно занятия наукой объединяли очень разных по социальному статусу людей. Организованные членами Общества научные дискуссии

изначально предполагали дистанцирование от социальных, политических и религиозных проблем. Поэтому не удивительно, что Джеймс Джейкоб считает научную революцию XVII в. самым важным преобразованием в современной истории, призванным «создать новый материальный и моральный порядок» [8, P.XVII].

Список литературы

1. Birch T. The History of the Royal Society of London, for Improving of Natural Knowledge from its First Rise. 4 vol. N-Y., 1968.
2. Boyle R. The Theological works of the Honorable Robert Boyle, Esq. L.,1715. Vol.1.
3. Evelyn J. The Diary of John Evelyn, esq., F.R.S. From 1641 to 1705-6. With Memoir. L., 1890.
4. Evelyn J. Evelyn J. The Diary of John Evelyn/ Ed. by W. Bray. L., 1901. V.I-II.
5. Gunter R.T. Early Science in Oxford/ In 14 vol. Oxford 1923-1948. Vol.6. 1930.
6. Hunter M. Science and Society in Restoration England. Cambridge, 1981.
7. Hunter M. The Royal Society and Its Fellows, 1660-1700: The Morphology of an Early Scientific Institution. Chalfont St. Giles. 1982.
8. Jacob J.R. The Scientific Revolution: Aspirations and Achievements, 1500-1700. N.Y., 1998.
9. Mendelson E. The social comstruction of scientific knowledge// The social production of scientific knowledge. Boston, 1977.
10. Merton R.K. Science, Technology and Society in Seventeenth Century England // Osiris. Bruges: St. Catherine Press, 1938. Vol. IV. Pt. 2.
11. Milligan L. Civil War Politics, Religion and the Royal Society//Past and Present 1973. Vol.59 (2).
12. Milligan L. Anglicanism, Latitudinarism and Science in Seventeenth Century England// Annals of Science. 1973. Vol.30(2).
13. Pepys S. The Diary of Samuel Pepys/ Ed. H.B. Wheatley. N.-Y., 1894. Vol. V. I-X.
14. Pepys S. The Diary of Samuel Pepys. A new and complete transcription edited by R. Lattam and W. Matthews. L., 1971. Vol.I-III.
15. Purrington R.D. The First Professional Scientist: Robert Hooke and the Royal Society of London. Basel, 2009.
16. Shapin S., Schaffer S. Leviafan and Air pump: Hobbes, Boyle and the Experimental Life. Princeton, 1985.
17. Shapin S. The Man of Science// The Cambridge History of Science. 2008. Vol. 3. Early Modern Science.
18. Sprat T. History of the Royal Society of London for the improving of Natural Knowledge. L., 1959.
19. Weld Ch.R. F History of the Royal Society with Memoirs of the Presidents. L., 1848. V.I-II.
20. Westfall R.S. Science and Religion in Seventeenth Century England. New Haven. 1958.
21. Бери А. Краткая история астрономии. М., 1946.
22. Виргинский В.С. Очерки истории науки и техники XVI-XIX веков. М., 1984.
23. Гессен Б.М. Социально-экономические корни механики Ньютона. М.-Л., 1933.
24. Маколей Т.Б. История Англии от восшествия на престол Иакова II // Полн.собр.соч. в 7 т. 1861.
25. Менцин Ю.Л. Лаборатория и парламент (У истоков современной политической культуры Запада)//Вопросы истории естествознания и техники. 1993. № 4.
26. Таннери П. Исторический очерк развития естествознания в Европе. М., 1934.
27. Таннери П. История развития биологии с древнейших времен до начала XX века. М., 1972.

УДК 821.133.1+929

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЛАСТИ В «МЕМУАРАХ» МАРИИ МАНЧИНИ

С.Ю. Павлова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: pavlovasy@info.sgu.ru

В статье на материале «Мемуаров» Марии Манчини анализируются ее взаимоотношения с французским королем Людовиком XIV и кардиналом Мазарини в свете характерных для французского аристократического общества XVII века представлений о статусе женщины, галантном поведении, соотношении государственных и частных интересов.

Ключевые слова: мемуары, французская литература XVII века, Мария Манчини, власть, статус аристократии, частная жизнь, галантность

Representatives of power in Marie Mancini's «Memoirs»

S.Yu. Pavlova

The article analyzes relationships between Marie Mancini and French King Louis XIV and Cardinal Mazarin described in her «Memoirs» in the aspect of French aristocratic society of 17th century typical views on the status of women, gallantry behavior, public and private life.

Key words: memoirs, XVIIth century French literature, Marie Mancini, power, status of aristocracy, private life, gallantry

«Мемуары» Марии Манчини, племянницы знаменитого кардинала Мазарини, были опубликованы в 1678 году в голландском городе Лейдене. Воспоминания открываются рассказом о прибытии юной итальянки во Францию и завершаются описанием ее жизни в Мадриде, где двадцати девятилетняя Мария оказалась в результате конфликта с мужем. Семейная ссора привела к тому, что мемуаристка вынуждена была сбежать из дома и, спасаясь от преследований супруга, скитаться по Европе в поисках надежного убежища. «Мемуары» представляют собой своего рода оправдательную речь, посредством которой женщина пытается доказать свою правоту в конфликте с мужем и обелить себя в глазах французского двора и короля Людовика XIV.

Родственные связи с кардиналом Мазарини и замужество за знатным итальянским коннетаблем Колонна сделало повседневным элементом жизни Марии Манчини общение с монархами, а также представителями высшей государственной и церковной власти. Среди них французские и итальянские кардиналы, министр Кольбер, герцог Савойский, адресат мемуаров герцог Брауншвейгский, правители Испании и, конечно, члены французской королевской семьи. О привычке Марии свободно чувствовать себя с высокопоставленным особами наглядно свидетельствует эпизод, в

котором она рассказывает о прибытии в Рим вскоре после замужества. На предложение просить разрешения припасть к ногам Его Святейшества папы Римского она наивно спрашивает, не придет ли он первым ее повидать. «На это, – пишет мемуаристка, – <…> мне ответили с улыбкой, что у понтификов не принято кому бы то ни было оказывать такую честь» [1, p. 123]. Церемония представления кажется Марии излишне официальной, поскольку с детства она жила в атмосфере близкого и непосредственного общения с монархом и его окружением.

Среди представителей государственной власти особую роль в судьбе мемуаристки сыграли кардинал Мазарини и французский король Людовик XIV. Остановимся подробнее на том, как она изображает свои взаимоотношения с ними. Значительное место в воспоминаниях о детстве и юности Марии занимает ее дядя. Она не была любимицей Мазарини и испытывала к нему противоречивые чувства. С одной стороны, как это следует из биографических источников и отчасти текста мемуаров, дядя обеспечил Марии достойное положение в свете и помог наилучшим образом усвоить придворные нравы. Он способствовал образованию племянницы, в том числе, привил ей интерес к государственным делам и серьезной литературе от Сенеки до Корнеля. Блеск и разносторонность ее познаний прекрасно иллюстрирует характеристика, принадлежащая герцогу Суассонскому: «Самый важный мужчина при дворе не стал бы добровольно беседовать с этой девушкой, которая была способна смело атаковать и не боялась говорить о политике с Леоном де Сервьеном, о морали с герцогом Ларошфуко, об истории с Сент-Эвремоном, о войне с виконтом де Тюренном. Она задавала вопросы и слушала ответы, полная пылкой и наивной любознательности» [4, p. 173-174].

С другой стороны, кардинал Мазарини разрушил самые честолюбивые планы Марии и нанес ей глубокую сердечную рану. Он сделал все, чтобы воспрепятствовать любви своей племянницы и Людовика XIV. Современники мемуаристки и биографы единодушны в том, что чувство Марии к французскому монарху было сильным и взаимным. Граф Бюсси-Рабютен пишет о «страсти, которую король испытывал к Марии Манчини» [2, p. 251], а мадам де Лафайет добавляет, что племянница кардинала, судя по всему, пользовалась над государем «неоспоримой властью <…> – ни одна любовница никогда не владела сердцем своего возлюбленного столь безраздельно» [5, с. 174].

Известно, что Мазарини лелеял мечту о том, чтобы одна из его племянниц стала королевой Франции. Он не противился связи Людовика XIV с Олимпией Манчини, ухаживаниям за ее сестрой Лаурой и кузинами Мартиноцци, хотел соединить его с Гортензией, но когда эта мечта приобрела реальные очертания, сделал все, чтобы воспрепятствовать любви короля и Марии. Вот как описывает противоборство между Марией и Мазарини мадам де Лафайет: «Вначале кардинал не противился этой страсти. Он полагал, что она вполне соответствует его интересам. Но затем, увидев, что племянница не дает ему отчета о своих беседах с королем и целиком завладела его умом, он начал бояться, как бы она не

приобрела чересчур большого влияния, и решил умерить этот пыл. Однако вскоре понял, что спохватился слишком поздно. Король целиком поддался своей страсти, и сопротивление, которое пытался оказать кардинал, лишь восстановило против него племянницу, подвигнув ее на разного рода враждебные действия против него» [5, с. 177].

В «Мемуарах» нет и намека на то сложное противоборство, которое вели Мария и кардинал. В качестве официальной причины запрета Мазарини на свой брак с королем мемуаристка называет государственные интересы, требовавшие союза французского монарха с испанской инфантой ради прекращения затяжной войны. Эта версия отражала позицию кардинала как официального представителя власти и соответствовала господствовавшему в абсолютистской Франции приоритету государственного над частными. Мария, будучи высокопоставленной подданной королевства, должна была принести свое чувство в жертву долгу. Однако думается, что не менее важной причиной, заставившей кардинала отказаться от грандиозных планов возведения в ранг королевы Франции одной из своих родственниц, стал характер Марии Манчини. По словам мадам де Лафайет, «она отличалась смелостью, решительностью, необузданным нравом, вольнодумством – и все это при полном отсутствии каких-либо приличий и учтивости» [5, с. 177]. Граф Суассонский, ссылаясь в своей биографической книге на одного из современников мемуаристки, добавляет, что Мария «смеялась над дядей с утра до вечера», а он в свою очередь сетовал в письме к королю на ее желание господствовать, вышучивать его советы и менять приказы [4, p. 186, 194]. По всей видимости, будущая мемуаристка стремилась сделать характер короля более самостоятельным и показать ему преимущества единоличного правления. Она «заботилась не об интересах дяди; говорят даже, что она подрывала его влияние и рассказывала королю все, что говорилось о королеве и Мазарини. Вполне вероятно, что кардинал, у которого повсюду были шпионы, знал, какое влияние племянница оказывает на короля во вред первому министру» [4, p. 175-176].

Мария не могла оставаться в неведении относительно того, что именно кардинал встал на ее пути к французской короне. Судя по отзывам современников, она активно сопротивлялась действиям дяди. Однако в ее книге отсутствуют факты, свидетельствующие против кардинала. Используя тактику умолчаний, мемуаристка конструирует образ Мазарини так, чтобы избежать поводов для выражения недовольства. На протяжении всей книги она не позволяет себе проявлять эмоции в отношении Мазарини, причем даже в тех случаях, когда явно имела на то основания. Напротив, Мария неоднократно пытается представить Мазарини в выгодном свете, например, когда рассказывает об обещании кардинала не выдавать ее замуж против воли, об особо уважительном отношении к ней после неосуществившейся помолвки монарха с Маргаритой Савойской, наконец, о разрыве отношений с Людовиком XIV.

История любви к королю занимает центральное место в воспоминаниях о юности мемуаристки. Она неизменно пишет о

французском монархе с глубоким почтением, подобающим аристократке, но отбирает биографический материал таким образом, что Людовик XIV предстает не столько в качестве носителя власти, сколько влюбленного кавалера. Так, Мария сообщает, что долгое время не могла поверить во взаимность своей сердечной склонности, но «ухаживания монарха, великолепные подарки <…>, а более всего его томный вид, вздохи и постоянная готовность [ей] услужить, не оставили никаких сомнений» [1, p. 108]. К этим проявлениям чувств впоследствии прибавились встречи и расставания, слезы, длинные и нежные письма – все то, что французские придворные считали непременными атрибутами галантной любви. Ее течение было немыслимо без развлечений и утонченных игр. Людовик XIV устраивал ради своей возлюбленной великолепные праздники. Их организаторами поочередно выступали знатные аристократы из его окружения, также непременно пылавшие страстью к какой-нибудь даме. Таким образом, весь двор был вовлечен в нескончаемую череду галантных праздников, для рассказа о которых, как пишет Мария, «понадобился бы целый том» [1, p. 109]. В своих «Мемуарах» она ограничивается лишь одним эпизодом, позволяющим увидеть утонченную галантность монарха и искренность его чувства. Мария вспоминает о прогулке в лесу, во время которой Людовик XIV нечаянно задел ее руку эфесом шпаги, а потом, чтобы загладить свою вину, «с совершенно очаровательным гневом вынул ее из ножен и отбросил». Мемуаристка признается, что не находит слов, чтобы выразить всю грациозность и достоинство поступка короля. Под ее пером он предстает образцовым галантным кавалером, способным изящно ухаживать за возлюбленной и проявлять свои чувства в наиболее совершенной форме.

Любовь Марии Манчини к королю стала не только широко известным фактом придворной истории, но и самым значимым событием ее жизни. Не став ни супругой, ни любовницей монарха, она успела почувствовать преимущества положения королевской фаворитки, ощутить свою женскую власть и взлелеять мечту о еще более значительном господстве. Хотя ожиданиям Марии не суждено было сбыться, она навсегда сохранила надежду на поддержку со стороны короля, которую он обещал ей в момент расставания. Однако все попытки мемуаристки найти в нем опору в момент тяжелых семейных неурядиц не увенчались успехом. Ее книга дает достаточно доказательств того, что в конфликте супругов Колонна французский монарх принял сторону мужа и не сдержал обещания «всегда удостаивать [Марию] знаков своего внимания, в какой бы части мира [она] ни находилась» [1, p. 118]. Пожалуй, лишь однажды, когда Мария, спасаясь от мужа, пыталась найти пристанище во французской столице, он оказал беглянке денежную помощь. Она сообщает об этом сдержанно, ни коим образом не обнаруживая своих эмоций. Однако их сохранили воспоминания современника. Французский исследователь Жерар Доско, ссылаясь на одного из свидетелей этого эпизода, пишет, что королевская милость глубоко оскорбила Марию, вызвала у нее чувство разочарования и унижения, которое точно передает горькая ирония ее восклицания: «…

дамам дают деньги, чтобы их увидеть, но никогда не дают, чтобы не видеть их вовсе!» [3, p. 223]. В «Мемуарах» Мария умело скрывает свою обиду, всячески подчеркивая свое уважительное отношение к монарху. Косвенным свидетельством ее подлинных чувств может служить только стремление минимизировать в дальнейшем информацию, касающуюся Людовика XIV. Сухое, лишенное авторского комментария изложение событий, связанных с ролью короля в судьбе Марии после отъезда из Франции, разительно контрастирует с той частью книги, где бережно воспроизводится история их любви.

Таким образом, в «Мемуарах» Марии Манчини французский король Людовик XIV и кардинал Мазарини предстают ключевыми фигурами, повлиявшим на ее судьбу. В отношении обоих отбор биографического материала осуществляется таким образом, что в поле зрения автора попадает по преимуществу частная жизнь представителей власти. Однако доминирующая интонация мемуаристки, ее суждения и оценки оказываются продиктованы их высоким государственным статусом. Мария, несмотря на родственные связи и сердечные чувства, занимает позицию почтительной придворной, умело скрывающей обиды и не прибегающей к злословию. В результате, ее собственный образ облагораживается, а образы носителей власти сглаживаются и возвеличиваются.

Список литературы

1. Mémoires de Marie Mancini/ Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. Paris: Mercure de France, 1965.
2. Bussy-Rabutin, comte de. Mémoires. Paris: Mercure de France, 2010.
3. Doscot G. Notes/ Mémoires d'Hortense et de Marie Mancini. Paris: Mercure de France, 1965.
4. Soissons, the count de. Seven Richest heiresses of France. London: J.Long, 1911.
5. Лафайет М.-М. де. История Генриетты Английской/ Лафайет М.-М. де. Сочинения. М.: Ладомир: Наука, 2007.

УДК 94(420).05+94(560)

УСТАНОВЛЕНИЕ АНГЛО-ТУРЕЦКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ: МИССИЯ У. ХАРБОРНА (1577-1588)

Л.Р. Сабитова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: Sabitovaliliya90@mail.ru

Статья посвящена анализу начальной стадии формирования стратегии Англии на Ближнем Востоке. В рамках этой темы автор рассматривает развитие дипломатических контактов Лондона с Османской империей, а также получение английской стороной торговых привилегий, способствовавших началу деятельности Левантийской компании и возможности формирования англо-турецкого политического

альянса. Особое внимание в статье уделено деятельности Уильяма Харборна - первого английского посла и торгового агента в Стамбуле.
Ключевые слова: Англия, Османская империя, Ближний Восток, Левантийская компания, дипломатическая борьба.

The beginning of anglo-turkish diplomatic relations: the mission of W. Harborne (1577-1588)

L.R. Sabitova

This article is devoted to the analysis of the first stage of the English strategy in the Middle East. Within the frame of this topic, the author traces the development of London's diplomatic contacts with the Ottoman Empire, as well as getting trade privileges, which led to the foundation of the Levantine Company, and the possibility of the formation of the Anglo-Turkish political alliance. The activity of W. Harborne, the first English ambassador and trade agent in Istanbul, is paid special attention to.
Key words: England, the Ottoman Empire, the Middle East, the Levantine Company, diplomatic confrontation.

Внимание большинства европейских государств к территории Восточного Средиземноморья (Леванта) и Ближнего Востока имеет давнюю и достаточно противоречивую историю. Данное географическое и геополитическое пространство традиционно являлось эпицентром интернационального военно-политического противостояния и экономических интересов множества народов и цивилизаций. Особую роль здесь играли торговые маршруты, связующие африканский и европейский материки с азиатским Левантом, а также с черноморскими торговыми городами. Контроль над ними обеспечивал особые приоритеты и возможности развития.

Первый всплеск интереса к региону со стороны европейцев (после падения Римской империи) относится к эпохе Крестовых походов (XI-XIII вв.). Однако крестоносцы не смогли закрепиться на территории Леванта и на Святой Земле, несмотря на попытку создания здесь своих государств и возникновение военно-религиозных орденов. С XIII в. начался процесс изгнания «святого воинства» с этой благодатной и богатой территории. Вторая волна проникновения европейцев в Восточное Средиземноморье связана с их торговой экспансией в этот регион и необходимостью установления отношений с его «хозяевами» – сначала с дряхлеющей Византией, а затем – с могущественной Османской империей.

Одним из активных участников вышеназванных событий является Англия. Страна, чьи интересы – политические и экономические - на Ближнем Востоке определились отнюдь не сразу, стремилась неуклонно навёрстывать своё отставание от конкурентов-европейцев. Такая стратегия полностью себя оправдала: во второй половине XIX столетия, к моменту

становления европейских колониальных империй, здесь доминировала именно эта страна. По этой причине представляется небезынтересным проследить начальный этап формирования английской региональной стратегии, а также проанализировать её первые достижения на этом пути. Важно, что начальные размышления представителей английской правящей элиты в направлении развития самой широкой «морской стратегии» были озвучены уже в момент окончания Столетней войны с Францией (1337-1453). Отчётливые следы этих размышлений прослеживаются на страницах так называемой «Маленькой книжечки об английской политике» [1, с. 49-58]. Ее автор прямо говорит о бесперспективности ведения континентальных войн и о необходимости расширять торговые связи, в том числе на самом прибыльном – восточном – направлении.

Изначально торговля англичан с Востоком велась через венецианцев, генуэзцев и флорентинцев. Все торговые пути с Востока в Европу шли через территорию Леванта: через Каспий на Черное море, через Персию в Алеппо (Сирия) и через Красное море в Александрию (Египет). Затем маршруты соединялись в Венеции, после чего товары растекались по Европе. Такая система существовала с 1317 г. Венецианские суда - «фландрские галеры» - регулярно доставляли восточные товары на север, в том числе и в Англию.

С середины XV в. английские купцы стали осуществлять попытки самостоятельно проникнуть в Средиземное море и торговать с Левантом напрямую – оловом, свинцом, шерстью и сукном, взамен получая вина и специи. Но богатые и влиятельные Итальянские республики (Венеция, Генуя) быстро воспротивились нарушению своей торговой монополии. Впрочем, к этому времени в структуре левантийской торговли также наметились важные сдвиги, связанные с усилением Османского государства. Его позиции заметно усилились после захвата Константинополя (1453). С этого момента османы заявили о своих претензиях на ведущую роль в Восточном Средиземноморье. Помимо этого влияния венецианцев в Леванте было ослаблено состоявшимся на рубеже XV-XVI столетий открытием португальцами обходного морского пути из Европы на Восток, в Индию, через мыс Доброй Надежды. Не меньшую торговую активность в регионе, чиня препятствия англичанам, начала проявлять и Голландия. С учётом возникших осложнений английским купцам было по-прежнему проще перекупить восточные товары, чем подвергать свои суда опасностям в «чужом» Средиземном море.

Лишь в царствование Генриха VII Тюдора (1485-1509) вновь стали встречаться упоминания об английских торговых кораблях из Саутгемптона и Бристоля, перевозящих сукно на Крит, Кипр и в Сирию, взамен привозящих за Ла-Манш ковры, ароматические масла, специи, шелк. В 1513 году, в начале правления Генриха VIII, на Ближнем Востоке, во владениях турецкого султана, появляются первые английские консулы,

пожизненно назначаемые своим королем, но, в основном, итальянского происхождения. Еще до установления официальных отношений между Османской империей и елизаветинской Англией отдельные купцы получали привилегии торговать во владениях Сулеймана Великолепного [13, с. 5].

Пока Англия могла получать товары с Востока через посредников или с помощью периодических контактов со средиземноморскими территориями, установления официальных отношений с Османской империей не требовалось. Однако ко второй половине XVI века получение собственных торговых привилегий и дружба с султаном стали для англичан весьма желательными. Переменам в настроениях предприимчивых островитян способствовали события в Европе. В 60-е гг. у них ухудшились отношения с голландскими купцами, сосредоточивших свои усилия на поддержке освободительного движения в остававшихся ещё испанскими Нидерландах. В это же время Филипп II Испанский, враг английской королевы Елизаветы I, присоединил к своим владениям, после заключения брака с португальской инфантой, Португалию, еще одно связующее звено с Левантом. Но особенно сильное влияние на ситуацию оказал франко-турецкий договор о Капитуляциях 1535 г., в котором Сулейман Великолепный предоставил французам ряд торговых привилегий. В частности, султан предоставлял им возможность торговать на своих землях, уплачивая такие же пошлины, как и местные торговцы. Договор распространял на территорию Османской империи юрисдикцию французских консульских судов с обязательством для подданных султана выполнять предписания консулов. Все корабли христианских государств, за исключением венецианских, обязаны были нести французский флаг в качестве гарантии защиты. Кроме того, подданным Франциска I в Османской империи предоставлялась полная религиозная свобода с правом доступа к «святым местам» в Иерусалиме, что было равнозначно установлению покровительства Франции над всеми католиками Ближнего Востока [3, с. 283-294].

Успех континентального соседа сильно обеспокоил англичан, которые отныне должны были вести торговые операции через французских агентов. Для королевы Елизаветы было крайне важно обеспечить полную самостоятельность английской торговли, в том числе на Ближнем Востоке, и получить собственные Капитуляции от Порты. Помимо этого, она вынашивала еще один план – заполучить султана в качестве союзника против Испании. Момент был весьма благоприятный – после поражения в битве при Лепанто (1571) турки, конечно, жаждали реванша.

Для исполнения вышеперечисленных задач в 1577 году в Стамбул был направлен агент Уильям Харборн. Появившись при султанском дворе, он изложил предложения своей королевы: «жить в мире, и просить разрешить всем английским подданным торговать в османских владениях под своим флагом» [4, с. 884]. Однако получить такое право для своей

страны ему оказалось не так-то просто. За действиями Харборна в Стамбуле пристально следил французский посол – барон М. де Жерминьи, имевший возможность регулярно отправлять сообщения о текущих делах своему правительству. Появление агента королевы Елизаветы его насторожило. Разумеется, хитрый и осторожный француз не собирался сдавать занятых позиций - французские дипломаты давно считались при османском дворе весьма влиятельными и уважаемыми персонами. Не собирался он также идти на прямую конфронтацию. Как истинный дипломат, он старался заверить Харборна в абсолютной ненужности получения прав на торговлю под английским флагом, ибо французский флаг, по его утверждениям, вполне гарантировал надежную защиту. Его слова вскоре получили весьма убедительное подтверждение – незадолго до этого, английские моряки попали в неприятную ситуацию в одном из турецких портов, и Жерминьи использовал свой авторитет, чтобы уладить дело. Султанскому правительству он объяснил своё покровительство тем, что между его сувереном и английской королевой самые добрые отношения.

Таким образом, Харборн стал «должником» своего соперника – влиятельного французского посла. Впрочем, такое положение дел англичанина не устроило. Он постарался установить дружеские, доверительные отношения с великим визирем – Мухаммедом Соколлу, с тем, чтобы оказывать прямое влияние на высокопоставленного придворного. Это не ускользнуло от внимания Жерминьи, который, на сей раз, пошел в открытое наступление, пытаясь убедить турок в бесполезности установления отношений с Англией, как государством географически далеким от Порты, и не державшего флота в Средиземном море. Аналогичные доводы прозвучали и в письмах султану самого французского короля – Генриха III, считавшего, что разрешение англичанам торговать под собственным флагом явится прямым нарушением Капитуляций 1535 года.

Несмотря на интриги французов, Харборн, сумевший, помимо великого визиря, привлечь на свою сторону наставника самого султана, все-таки получил для своей страны искомое разрешение – 22 статьи договора подтвердили привилегии английских подданных во владениях Османской империи. При этом Мурад III написал письмо французскому монарху, заверив его в нерушимости положений, закрепленных во франко-турецком договоре, и обещал не идти на дальнейшие уступки англичанам [6, с. 309].

Выполнив свою основную задачу, в 1579 году Харборн вернулся в Англию. В это же время группой лондонских купцов была создана Турецкая, или Левантийская компания. В 1581 г. Елизавета I выдала им патент на право торговли во владениях «Великого Сеньора».

Теперь, когда Англия установила официальные отношения с Портой, требовалось отправить в Стамбул дипломатического представителя.

Persona grata, по общему мнению королевы и султана, был объявлен все тот же Харборн. Весной 1583 года он снова прибыл в турецкую столицу, где был милостиво принят османским правителем.

Новая дипломатическая миссия Харборна оказалась столь же сложной, как и ранее. Помимо того, что он был наделён полномочиями посла, этот человек продолжал оставаться торговым агентом. Стоит особо подчеркнуть: несмотря на то, что он был назначен на свой пост королевой, он получал жалованье и средства на продвижение английских экономических интересов от Левантийской компании. Небезынтересно отметить, что такое совмещение обязанностей продолжалось до 1804 г., когда по причине резко возросшей политической важности ближневосточного и восточносредиземноморского региона британское правительство посчитало целесообразным назначать своего специального представителя для выполнения чисто дипломатических функций [5, с. 438]. Пока же, Харборн первым делом начал осуществлять назначения на консульские должности в египетских и сирийских портах, рекомендуя подчиненным «следить за неблагонадежными и скользкими венецианцами и французами» [9, с. 9].

Делая немало для развития английской торговли в Леванте, Харборн приступил к исполнению важной политической задачи, которая заключалась в стремлении склонить султана к военному союзу с Англией против Испании. Заслуживает особого внимания тот способ, каким Харборн и сама Елизавета I в своих письмах старались убедить Мурада III открыто выступить против Испании, ударив в тыл Филиппа II. Следует подчеркнуть, что предложение было сделано туркам весьма заманчивое. Ведь в глазах мусульманского правителя католическая Испания (как и его постоянный враг - Священная Римская империя) были олицетворением самых закостенелых неверных «идолопоклонников». Ну, а Елизавета, являясь дочерью и наследницей Генриха VIII, как известно, выступала в качестве главы англиканской церкви, не признававшей главенство Ватикана. Таким образом, английские протестанты и мусульмане вполне могли оказаться в одном лагере. Однако сама идея была крайне необычной и изрядно встревожила многих дипломатов-европейцев при османском дворе. Так, венецианский посол Дж. Моросини в 1585 году даже опасался, что английская королева, сама законность прав которой на престол была, с точки зрения многих католических государей, весьма сомнительной, не остановится ради выгоды ни перед какими препятствиями и даже будет держать иноверца-султана в курсе всех европейских дел [6, с.306].

Тем временем, открытое столкновение между Англией и Испанией было уже неизбежным. Казнь в Англии королевы Шотландии, католички Марии Стюарт, ускорила разрыв и действия «Непобедимой Армады». Однако испанский флот в 1588 году был разгромлен эскадрой Ф. Дрейка. Ошеломившая всех европейцев победа сразу подняла международный авторитет Англии, в том числе и в военном отношении. Однако даже в

этой ситуации добиться открытого выступления Османской империи на своей стороне Англии так и не удалось. Мурад III постоянно ссылался на отвлекающие его войны с Персией. Впрочем, явно внимая увещеваниям Харборна, он не стал продлевать примирительное соглашение с Испанией, заключенное после Лепанто [2, с. 465].

Таким результатом завершилась миссия У. Харборна. Безусловно, большой заслугой английского дипломата стала обретённая англичанами свобода торговли под собственным флагом. Левантийская компания, защиту интересов которой он неуклонно осуществлял, вскоре бросила вызов лидирующим позициям Франции. Более двух столетий английская торговая компания активно действовала в регионе, уступая по важности лишь Ост-Индской. Не менее важно отметить, что договор о торговых привилегиях, заключенный усилиями Харборна и закрепивший за Англией самостоятельную роль в Восточном Средиземноморье, стал впоследствии основой для последовательного роста ее политического влияния в Восточном Средиземноморье. Впрочем, удачливый Харборн потерпел и весьма болезненную неудачу: он так и не смог добиться заключения англо-турецкого военного соглашения.

Список литературы

1. Маленькая книжечка об английской политике / пер. со среднеангл. Брянск: «Курсив», 2012.
2. Barton E., Pears E. The Spanish Armada and the Ottoman Porte // The English Historical Review, 1893. Vol. 8, No. 31 P. 439-466.
3. Charrierre E. Nègotiations de la France dans le Levant ou Correspondances, Mèmoires et Actes Diplomatiques. Paris, 1848-1860. Vol. 1.
4. Charrierre E. Nègotiations de la France dans le Levant ou Correspondances, Mèmoires et Actes Diplomatiques. Paris, 1848-1860. Vol.3.
5. Childs R. J. The evolution of British diplomatic representation in the Middle East // Journal of The Royal Central Asian Society, 1939. Vol.26, №4. P. 634-647.
6. Horniker A. L. William Harborne and the Beginning of Anglo-Turkish Diplomatic and Commercial Relations // The Journal of Modern History, 1942. Vol. 14, No. 3. P. 289-316.
7. Horniker A. L. Anglo-French Rivalry in the Levant from 1583 to 1612 // The Journal of Modern History, 1946. Vol. 18, No. 4. P. 289-306.
8. Parker K. Early Modern Tales of Orient: A Critical Anthology. London: Routledge, 1999.
9. Rowlinson H.G. The Embassy of William Harborne to Constantinople, 1583-1588 // Transactions of the Royal Historical Society, 1922. Vol.4 №5. P. 1-27.
10. Skilliter S.A. The organization of the first English embassy in Istanbul in 1583 // Asian Affairs, 1979. Vol.10, No.2, P. 159-165.
11. Steensgaard N. Consuls and nations in the Levant from 1570 to 1650 // Scandinavian Economic History Review, 1967. Vol.15 №1-2. P.13-55.
12. Willan T. S. Some Aspects of English Trade with the Levant in the Sixteenth Century // The English Historical Review, 1955. Vol. 70, No. 276. P. 399-410.
13. Wood A.C. A History of the Levantine Company. Oxford University Press, 1935.

УДК 321

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА АЗЕРБАЙДЖАНА 1991 – 1994 ГГ. БОРЬБА ЗА «КОНТРАКТ ВЕКА»

И. Е. Сидоров
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: isidorov1991@gmail.com

Статья посвящена энергетической политике Азербайджана в самые сложные для государства годы с 1991 по 1994 гг. Подчеркивается мысль о том, что в политике первых руководителей Азербайджана, несмотря на все отличия, важнейшим направлением являлось установление контактов с западными энергетическими корпорациями, так как только энергетический сектор мог вывести страну из затягивающегося кризиса. Данную цель удалось достигнуть только президенту Гейдару Алиеву, чей приход к власти вызывает немалое количество вопросов, особенно учитывая его активные дипломатические контакты с Россией и Ираном. В статье также делается вывод о том, что в дальнейшем нефтяной фактор стал важным дипломатическим рычагом Азербайджанской Республики.

Ключевые слова: Азербайджан, транснациональные корпорации, А. Эльчибей, Г. Алиев, С. Гусейнов, Россия, Иран, Турция, США.

Azerbaijan energy policy in 1991 - 1994. Struggling for "Contract of the Century"

I.Y. Sidorov

The article is devoted to Azerbaijan's energy policy in the most difficult years for the state from 1991 to 1994. It emphasizes the idea that politics of the first Azerbaijan leaders despite all the differences had one important goal - to establish contacts with western energy corporations, as only energy sector could lead the country out of tightening crisis. Only President Heydar Aliyev, whose rise to power has a considerable number of issues, especially his active diplomatic contacts with Russia and Iran, had achieved this goal. The article also concludes that afterwards oil factor became an important diplomatic approach of the Azerbaijan Republic.

Key words: Azerbaijan, transnational corporations, A. Elchibey, H. Aliyev, S. Huseynov, Russia, Iran, Turkey, United States.

В первые годы независимого существования (с 1991 по 1994 гг.) перед руководством Азербайджана стояло несколько важнейших проблем, от успешного разрешения которых зависела дальнейшая судьба государства. В круг данных вопросов входили: прежде всего конфликт с Арменией, внутриполитическая нестабильность, экономический и социальный кризис,

поиск внешнеполитических партнёров и выстраивание самостоятельной внешнеполитической доктрины. Именно последняя из указанных проблем стала важнейшей для руководства Азербайджана, так как самостоятельно справиться со всем объемом задач оно не могло. Серьезным внешнеполитическим козырем Баку безусловно являлись его нефтегазовые запасы Каспийского моря, которые в начале 1990-х оценивались как крайне перспективные. Однако их разработка требовала технологий и средств, которых не было даже в СССР, в связи с чем требовалось в кратчайшие сроки найти зарубежных инвесторов.

Сложился своего рода замкнутый круг: внутренние и внешние государственные проблемы можно было решить используя инвестиции в нефтяной фактор, но для того чтобы привлечь инвесторов необходимо было как-то решить хотя бы часть внутренних и внешних проблем. Именно этим и занимались первые руководители Азербайджана, чье правление наглядно отражает основные направления внешней политики Баку в первые годы независимого существования. Первый президент Азербайджана, Аяз Муталлибов, был представителем старой номенклатурной элиты и стремился сохранить ориентацию Азербайджана на России, наладить отношения с ближайшими соседями – Ираном и Турцией. Однако всем было очевидно, что старый порядок отжил, Россия сильно подорвала своей авторитет не только как мировая держава, но и как партнер Азербайджана из-за позиции Москвы по Карабахскому конфликту, отношения с Турцией и Ираном, несмотря на культурно-этническую близость этих государств и Азербайджана, не могли помочь в решении важнейших экономических задач, стоявших перед государством. Принимая во внимание данные обстоятельства, Муталлибов старался наладить контакты с нефтяными корпорациями с первых дней своего президентства.

Уже к 1990 г. азербайджанское правительство вело переговоры с несколькими крупными нефтяными компаниями, такими как British Petroleum, Statoil, Amoco и Unocal, а зимой 1991 года были предприняты конкретные шаги по созданию условий для начала разработок нефти на Апшеронском полуострове. Руководство СССР решило учредить международное предприятие совместно с «Каспморнефтегаз» по разработке месторождений Апшерона и, несмотря на отсутствие опыта в данной сфере и плохую рекламу, ряд крупных корпораций были заинтересованы в участии в данном проекте. В июне 1991 г. тендер выиграла американская корпорация Amoco (45 % доля), также к проекту присоединились BP, Statoil, Unocal, McDermott, Remco. Несмотря на внутренние потрясения, происходившие в этот период в Азербайджане, и на войну с Арменией, данный проект оставался актуальным, и к 1992 г. уже выбирались маршруты доставки азербайджанской нефти на мировые рынки.

Нерешительная и консервативная внешняя политика, неудачи в карабахском конфликте, а именно потеря Ходжалы, Шуши и провал

переговоров в Тегеране по урегулированию конфликта привели к взрыву народного недовольства, воспользовавшись чем, к власти в Азербайджане пришел Народный Фронт Азербайджана во главе с Абульфазом Эльчибеем, который подверг внешнюю политику Азербайджана значительным изменениям. В отличие от своего предшественника, номинально Эльчибей не намеревался зависеть от кого-либо в своей внешней и внутренней политики, особенно от России или Ирана. Однако реально в своей внешнеполитической концепции новый президент Азербайджана взял курс на Евро-Атлантическую интеграцию, причем откровенно антииранской и антироссийской направленности. Главным проводником Азербайджана в мир западной демократии должна была стать Турция, которая была объявлена родственным государством.

Правительство НФА имело весьма неустойчивые позиции внутри государства, его лидер Эльчибей не подходил на роль объединителя азербайджанских земель и спасителя нации, продолжала ухудшаться обстановка на карабахских фронтах, экономическое положение государства ухудшалось, возрастала активность внутренней оппозиции. Теперь нефтяной договор с западными корпорациями, в котором видели спасение азербайджанского народа и государства, должен был спасти шаткое положение президента Эльчибея и его правительства, чем он активно занимался в период своего президентства. После того как 7 сентября 1992 г. с компаниями BP и Statoil был заключен прелиминарный договор на разработку месторождений «Достлуг» и «Шахдениз», а в марте 1993 г. был заключен второй прелиминарный договор между Государственной Нефтяной Компанией Азербайджана (ГНКАР) и компаниями BP и Statoil, уже была назначена конкретная дата подписания окончательного договора и последующего визита Абульфаза Эльчибея в Великобританию. Кроме того, в октябре 1992 г. был подписан еще один договор с корпорацией Penzoil о предоставление ей прав на разработку месторождения «Гюнешли». В начале 1993 г. правительство Эльчибея инициировало внутриэкономические реформы, целью которых являлось обеспечить беспрепятственное вливание инвестиций в экономику Азербайджана.

Спустя некоторое время азербайджанское руководство изменило свой подход к нефтяной политике, было принято решение об объединение всех трех проектов в один крупный, о чем ГНКАР уведомила BP, Amoco, Statoil и Penzoil, что в принципе было воспринято корпоративным руководством сдержанно, однако никто не заявил о выходе из проекта. Более того, BP уступила часть своей доли турецкой нефтяной корпорации Turkish Petroleum, решение о включение в состав которой было скорее вызвано пан-турецкими настроениями, господствовавшими тогда в Азербайджане. Теперь речь шла о разработке сразу трех месторождений: «Азери», «Чираг», «Гюнешели», учреждалось совместное предприятие 50 % уставного капитала в котором принадлежало нефтяным корпорациям, с наибольшей долей у BP. Проект привлек новых инвесторов в лице Total,

ЛУКойл и Национальной Иранской Нефтяной Компании, однако по политическим причинам Баку отказал этим компаниям в присоединении, из-за чего впоследствии правительству НФА пришлось заплатить большую цену.

Стоит отметить, что при выборе маршрута транспортировки добываемых ресурсов также преимущественное значение играл политический фактор. Иранский и российский маршруты – наиболее выгодные с экономической точки зрения, были отвергнуты американскими корпорациями. Предпочтение было отдано турецкому маршруту, но при его реализации так же возник ряд проблем. Во-первых, с экономической точки зрения, прокладка нефтепровода через территорию со сложным рельефом представляло определенную трудность. Во-вторых, главная проблема этого маршрута состояла в том, что нефтепроводу из Азербайджана в Турцию пришлось бы неизбежно пересечь либо Армению, либо Иран, либо Грузию, а каждая из этих стран считалась политически неудобной. Примечателен тот факт, что прокладка трубопровода открыла правительству НФА уникальную возможность мирного урегулирования с Арменией, путем включения ее в консорциум в качестве государства транзитера. Это способствовало бы и ослаблению влияния Москвы на Армению. Возник даже план мирного урегулирования, который получил название «план Гоббола». 12 июня 1993 г. между ГНКАР и представителями консорциума была подписана декларация о совместной разработке месторождений «Азери», «Чираг», «Гюнешели» и через две недели в Лондон должен был прибыть сам Эльчибей, для подписания окончательных договоренностей. Но данному событию было не суждено сбыться.

В Азербайджане, в связи с новыми поражениями от Армении, снова стало крайне нестабильно. Отправленный в отставку Эльчибеем Сурат Гусейнов, бывший заместитель премьер-министра и полномочный представитель президента Азербайджана в Нагорном Карабахе, поднял антиправительственный мятеж. После того как 25 мая 1993 г. РФ вывела свою воздушно-десантную базу из Гянджы, где с февраля 1993 г. Гусейнов обосновался с верными ему людьми, все российское вооружение оказалось в его руках. Попытки терявшего контроль над ситуацией Эльчибея подавить мятеж не увенчались успехом, зачастую военное руководство либо отказывалось вести братоубийственные бои, либо присоединялось к Гусейнову, в котором видели реальную силу. 10 июня Сурат Гусейнов двинул свои войска на Баку, при этом сам остался в Гяндже. За день до этого, по приглашению Эльчибея, в Баку прибыл Г. Алиев, единственное лицо, на которое еще возлагались надежды на вывод страны из кризиса. 15 июня азербайджанский парламент избрал его председателем меджлиса, в ночь с 17 на 18 июня, президент Эльчибей бежал в Нахичевань. Фактически с этого момента реальная власть в Азербайджане сконцентрировалась в руках Г. Алиева.

Существует огромное число конспирологических теорий,

относительно того, что мятеж Сурета Гусейнова, который фактически положил конец правлению Абульфаза Эльчибея, был спланирован и имплементирован Г. Алиевым намеренно, для возвращения себе власти. Есть более далеко идущие предположения относительно того, что Народный Фронт Азербайджана состоял преимущественно из людей верных Алиеву, а беспорядки в Баку и Сумгаите, спровоцировавших дальнейшее противостояние Армении и Азербайджана, также были плодом усилий Г. Алиева и верных ему людей. На данный момент сложно установить истинность данных предположений, но история Азербайджана в 1991 – 1994 г. действительно наталкивает на определенные размышления. По международным контактам Г. Алиева, предшествующим данным событиям, можно отчетливо отследить роль России в произошедших событиях и важную роль Ирана, который имел определенное влияние на взбунтовавшееся талышское меньшинство и прекратил оказывать поддержку Армении в конфликте, оказав протекцию Азербайджану. И Москва, и Тегеран рассчитывали получить определенные выгоды, прежде всего в энергетическом секторе, однако у Г. Алиева было свое видение ситуации.

Г. Алиев понимал, что от нефтяного контракта зависит дальнейшая судьба государства и его собственная политическая карьера, именно поэтому, не желая повторять ошибки своих предшественников он делает внешнеполитический выбор в пользу стран запада. И не смотря на то, что Г. Алиев с самых первых дней старался проводить многовекторную и весьма гибкую внешнюю политику, его выбор был очевиден. Россия, и в особенности Иран, получили гораздо меньше того, на что они рассчитывали, что в итоге сильно испортило ирано-азербайджанские отношения.

После того как азербайджанскому руководству удалось стабилизировать обстановку внутри государства, а также после периода внутренних обсуждений, проведения научно-исследовательских работ и переговоров, президент Азербайджана 4 февраля 1994 г. издал указ о возобновлении переговорного процесса между ГНКАР и энергетическими корпорациями. После четырех раундов переговоров в Баку, Стамбуле и Хьюстоне, 20 сентября 1994 г. во дворце «Гюлистан», Азербайджан заключил с 12 крупными нефтяными компаниями из 8 стран мира, ставшее знаменитым под именем «Контракт Века», соглашение относительно разработок глубоководных месторождений «Азери – Чираг – Гюнешли». Российская компания ЛУКойл получила в нем 10 % долю, ИННК не получила ничего.

Гейдар Алиев выступил в качестве маккевиалистского государя, способного к решительным действиям и беспринципности, в момент, когда нация находилась на пороге гибели. Умело воспользовавшись достижениями предшественников, он смог обеспечить своему государству несколько десятилетий экономического роста. В дальнейшем нефтяная политика успешно использовалась азербайджанскими лидерами для

удержания власти, манипулирования обществом и проведения внешнеполитического курса. Умело балансируя между энергетическими интересами России, США, Ирана, Турции и Израиля, Азербайджан долгое время успешно решал свои внутренние и внешние проблемы и занимал важное место на международной арене. Однако последние события, связанные с уменьшением нефтяной добычи и налаживанием отношений между Ираном и Западными странами, поставили в Азербайджан в сложное положение.

Список литературы

1. Алиева И. Г. Каспийская нефть Азербайджана. М.: Известия, 2003.
2. Гусейнов В. Политика у порога твоего дома. Избранные публицистические и аналитические статьи (2000 – 2008 гг.). М.: Красная звезда, 2008. 468 с.
3. Полухов Е. «Контракт века» (Проблема в исторической ретроспективе) // Международная Ассоциация Кавказских Региональных Исследований. Том 2. № 1. 1997. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/crs/rus/R02-005.html
4. Hunter Sh. Iran foreign policy in post-soviet era. Santa Barbara: Praeger, 2010. 332 p.
5. Ramezanzadeh A. Iran's Role as Mediator in the Nagorno-Karabakh Crisis // Contested borders in the Caucasus. 1996. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/ContBorders/eng/ch0701.htm
6. Efron S. President Flees as Azerbaijan Rebels Advance // Los Angeles Time. June 19. 1993. URL: http://articles.latimes.com/1993-06-19/news/mn-4707_1_rebel-army
7. Cornel S. Small nations and great powers. A study of ethnopolitical conflict in the Caucasus. London: Curzon Press, 2001. 490 p.
8. Azerbaijan – NATO: 15 years of partnership. The Mission of Azerbaijan to NATO.

УДК 94(47).083

ВЗАИМООБУСЛОВЛЕННОСТЬ РАСШИРЕНИЯ РОССИИ НА ВОСТОК И ЕЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА В ИДЕОЛОГИИ «ВОСТОЧНИЧЕСТВА»

В.В. Суворов

Саратовский государственный медицинский университет им. В.И. Разумовского, Россия

E-mail: valeriy_s@inbox.ru

Российское самодержавие представлялось идеологам «восточничества» источником особого родства, ключевым фактором, обеспечивающим авторитет России в глазах восточных народов. Авторитет России на Востоке в свою очередь должен был способствовать быстрому и мирному расширению ее влияния в Азии, а в дальнейшем и расширению границ. Само же самодержавие в России стало следствием давнего воздействия восточных традиций на российскую политическую систему.

Ключевые слова: Восточничество, Э.Э. Ухтомский, П.А. Бадмаев, самодержавие, Дальний Восток

Interdependence Russia's political structure and its expansion in the east in ideology "vostochnichestva"

V.V. Suvorov

Russian autocracy presented ideologists of "vostochnichestvo" as a source of particular kinship, a key factor in ensuring Russia's prestige in the eyes of the eastern nations . Russia's prestige in the East, in turn, was to facilitate the rapid and peaceful expansion of its influence in Asia, and expand the boundaries in the future. The autocracy in Russia was the result of long-time exposure to Eastern traditions on the Russian political system .

Key words: Vostochnichestvo, E.E. Ukhtomsky, P.A. Badmaev, autocracy, Far East

Появление в конце XIX – начале XX вв. идеологии «восточничества», главным выразителем которой был публицист, общественный деятель, востоковед князь Э.Э. Ухтомский, стало ярким выражением поворота к Востоку в интеллектуальной и духовной жизни российского общества [1, 78-80]. Идейной основой этой системы взглядов было расширение территории и влияния России на Востоке за счет предполагаемой культурно-исторической близости России и Азиатских государств и авторитета российского государства у восточных народов, а отличительной особенностью выступал исключительно мирный способ достижения этой цели. Такой подход несколько сближает взгляды князя Ухтомского с идеями С.Ю. Витте, который также делал ставку на мирное проникновение за счет установления экономического присутствия в Дальневосточном регионе. Ухтомский не отрицал значимость экономического влияния, и сам принимал активное участие в осуществлении этих планов, однако в своих работах акцентировал внимание на ряде особенностей России и стран Азии, делавших их близкими и похожими. Особое внимание отводилось государственному устройству России и азиатских стран.

Несмотря на различные оценки политических взглядов Ухтомского, существующие среди исследователей, вплоть до отнесения его либералам, нужно признать, что до конца жизни он оставался сторонником самодержавия[2], [3]. При этом он осознавал необходимость его обновления и выступал с умеренной критикой неприемлемых для него сторон общественной и государственной жизни. Стремление к реформам было основано не на западных либеральных идеалах, которые подвергались Ухтомским критике, а на важных, по его мнению, русских традициях, прежде всего духовности и нравственности, истоки которых, как он считал, находятся в периоде Древнерусского государства.

Однако нужно отметить, что кроме традиционных консервативных ценностей и идеалов, на которые опирались и многие другие консерваторы, важнейшим фактором определявшим значимость самодержавия, по мнению Ухтомского, была его роль в продвижении России на Восток.

В расширении исключительно мирным путем влияния и установлении господства России в Азии главную роль должен был играть авторитет Российского государственной власти, основанной на самодержавии. «Самодержавие» и религиозное почитание царя, несущие в себе не только политический, но и духовный смысл, представлялось Ухтомскому источником глубинного родства, ключевым фактором, который и обеспечивал авторитет России в глазах восточных народов: «Восток верит не меньше нас и совершенно подобно нам в сверхъестественные свойства русского народного духа, но ценит и понимает их исключительно, поскольку мы дорожим лучшим из завещанного нам родной стариной, Самодержавием. Без него Азия не способна искренне полюбить Россию и безболезненно отождествиться с нею» [4, 33].

По мнению Ухтомского, на Востоке сформировался народный идеал государей-самодержцев, в которых должна «жить и «творить благо» близкая к совершенству душа, уже прошедшая длинный ряд обуславливавших одно другое перерождений и нравственных испытаний» [5, 83]. Поэтому в представлении целого миллиарда сознательно убежденных людей верховным правителем является только «Помазанник Божий». Так, Индусы видят в нем воплощение Шивы или Кришны-Вишну, китайцы – отражение Неба, монголы и тибетцы – творческий луч от существа Будд. Всех объединяет идея: «Престол и скипетр по воле неисповедимым судеб могут становиться уделом и неотъемлемым атрибутом лишь избранных исключительных натур…»[5, 83]. Поэтому, когда народы Востока осознают основы российской Верховной власти, они становятся духовно едиными с Россией.

Истоки особого отношения Востока к русскому самодержавию, легшего в основу идей Ухтомского, объясняются исторической памятью восточных народов и происходят из глубины «нашего средневекового прошедшего»: «после тягчайшего унижения и потоков крови христианская Русь начала складываться в стройное целое… ее могучие Князья, ее богоугоднейшие святители заставили себя уважать восточными государями… При владычестве Чингисханидов… «великие печальники и молитвенники за землю русскую» духовно нам завоевали симпатии азиатских народов» [6, 214-217]. Ухтомский отмечает, что «раз упало на такую восприимчивую почву, как фантазия и чувство восточного человека, – никогда не забывается, но дает ростки и плоды» [6, 217], поэтому мы сильны на Востоке «не только былою и настоящею казацкой удалью, не только условной подготовленностью вести (от чего Боже упаси!) войну, – а главным образом и почти, можно сказать, исключительно: доброй вестью, облетевшей и облетающей азиатский материк о проведенной жизни и делах представителей давно угасшего поколения» [6, 217].

По мнению князя, попадающие под власть Запада восточные народы с надеждой смотрят на Россию, зная о могуществе Белого Царя, «у ног которого покоится целая родная ему Азия». Их привлекает то, что «в вопросах внешней не колониальной, а исключительно территориальной

политики России не нужны тот мишурный блеск, за которым по-детски гонятся менее ее уверенные в конечном успехе предприимчиво-беспокойные нации Запада» [5, 31].

Об особом отношении к российскому монарху на Востоке говорил также П. Бадмаев, относимый также к сторонникам «восточничества». В записке Александру III он писал: «Народы Азии искали покровительства, защиты, дружбы и подданства России. Они относились и ныне относятся с энтузиазмом к царствующему в России дому и беспредельно преданы ему. Весь Восток симпатизирует России, и русского царя называют на Востоке как русские подданные – инородцы, так и чужеземцы Белым Царем – Богатырем». Причиной этому послужило то, что «разрозненная Россия во время удельно-вечевой системы была застигнута врасплох полчищами татар и других мелких народов… предводительствуемых монголами» [7, 58-59].

Почет и уважение, с которым встречали наследника Николая Александровича в восточных странах во время его путешествия, убеждали Ухтомского в высоком авторитете российской самодержавной власти на Востоке. Ухтомский считал, что восточным народам была свойственна потребность в твердом правлении, а Китай по своим политическим традициям оказывается в большей степени, чем другие восточные страны, похожим на Россию: «Цари Китая искони стоят так близко к толпе и за раз, так недосягаемо высоко над нею, что однородность положения создалась и доныне сохранилась лишь в России» [6, 141]. Находясь в 1897 г. в Китае, Ухтомский писал в одном из писем, что «при патриархальности местного строя все, непосредственно исходящее от личности Государя, для азиатов сугубо важно и дорого» [8, 10]. Этим он объяснял почет и роскошность приема, оказанных ему, хотя он не имел высоких должностей, но был приближен к императору.

Заявляя позицию издаваемой Ухтомским с 1896 г. газеты «Санкт-Петербургские ведомости», князь подчеркивал, что Восток «сознает … свое глубокое духовное сродство с молодою, здоровою, самобытною Россией, светлым олицетворением и желанным символом которой является Самодержавный Белый Царь» [9]. Так, по мнению Ухтомского, народы Азии инстинктивно тянутся к русскому самодержцу. Эта тема повторяется и в более поздних его публицистических работах. Ухтомский считал, что жители Тибета и Монголии стремятся перейти под покровительство России: «Переходная ступень между нами и китайцами – монголы убежденно и бесповоротно усвоили этот взгляд на Россию и ее Верховного вождя… Тибетцы, поддерживающие весьма тесную связь с нашими бурятами, мало-помалу глубоко проникаются тождественными мыслями» [5, 49]. А в письме к императору (26 мая 1900 г.) он прогнозировал, что этот «странный монголо-тибетский мир с каждым годом отныне призван привлекать все большее внимание России» [10, 35]. Однако в то же время он отмечал, что «остальные подданные богдыхана – инертная пока масса…»[5, 49].

Необходимо отметить и обратную связь. Еще начиная с Н. М. Карамзина, ученые и публицисты отмечали, что российское самодержавие было самым важным наследием азиатского прошлого. Касаясь происхождения самодержавия в России, Ухтомский отмечал, что именно благодаря Азии, которая «крушила и обновляла» русское государство, «русское мировоззрение выработало образ Христианского Самодержца, поставленного провидением превыше суеты земной, средь сонмища иноверных, но сочувствующих ему народностей» [6, 32]. Власть и сам образ самодержца в представлении Ухтомского «освящались» высшей религиозной идеей, что было характерно для российского консерватизма в целом. Сохранение традиций, по мнению Ухтомского, обеспечивало России ее положение как великой державы, стоящей в одном ряду с европейскими государствами, а «изменившая этим основам Россия – не более как названная, запоздалая и … ненужная гостья в семье европейских народов» [9].

Так, самодержавие и религиозное почитание царя, несущие в себе не только политический, но и духовный смысл, представлялись идеологам «восточничества» источником глубинного родства, ключевым фактором, который сближал и обеспечивал авторитет России в глазах восточных народов. Авторитет России на Востоке в свою очередь должен был способствовать быстрому и мирному расширению ее влияния в Азии, а в дальнейшем и расширению границ. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что само самодержавие в России является следствием давнего воздействия восточных традиций на российскую политическую систему.

Список литературы

1. Суворов В.В. Место «восточничества» в российской общественной мысли // Власть. 2012. № 12. С. 78-80.
2. Суворов В.В.КНЯЗЬ Э.Э. Ухтомский о государственном устройстве России в период революции 1905-1907 гг. // Власть. 2011. № 1. С. 137-139;
3. Суворов В.В. Политические убеждения Э. Э. Ухтомского // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Т. 11. № 2-2. С. 31-34.
4. Ухтомский Э. Э. Ухтомский Э.Э. Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890 – 1891). СПб.; Лейпциг, 1895-1897. Т. III. Ч. 5. С. 33.
5. Ухтомский Э.Э. К событиям в Китае. Об отношении Запада и Востока к России. СПб., 1900. С. 83.
6. Ухтомский Э.Э. Путешествие… Т. II. Ч. 3. С. 214–217.
7. Записка Бадмаева Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке // (Архив тибет. врача Бадмаева). Л., 1925. С. 58–59.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 543. Оп. 1. Д. 171. Л. 10 об.
9. Ухтомский Э. С.-Петербург, 1 января 1896 г. // Санкт-Петербургские ведомости. 1 (13) янв. 1896. № 1.
10. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1370. Л. 35-35об.

УДК 321.01:1

ВЛАСТЬ И ПОРЯДОК В ЗЕРКАЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В.Б. Устьянцев
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: ystvb@mail.ru

Впервые структура психологического пространства власти представлена в качестве теоретической модели, включающей: «ось» персонификации, «ось» малых групп и «ось» политического порядка. С позиций предложенной модели обсуждается динамика пространственно-психологического взаимодействия лидеров с властными элитами.

Ключевые слова: власть, порядок, политическая психология, пространство власти.

Power and order in the mirror of political psychology

V.B. Ustjantsev

For the first time the structure of psychological space of power is represented as a theoretical model which includes the axis of personalization, the axis of small groups and the axis of political order. From the point of view of this model the dynamics of space and psychological interaction of leaders with elite.

Key words: power, order, political psychology, space power.

Отношения людей к власти в последние десятилетия все чаще перемещаются в сферы социальной и политической психологии, массовых политических настроений, эмоций, переживаний, которые институализируясь в политических структурах могут оказывать заметное влияние на ход политических реформ в России. Сегодня приходится сталкиваться с тем фактом, что психология власти все еще остается «черным ящиком» для социально-политических наук. Академическая наука долгие годы выделяла и исследовала в пространстве политической жизни системы и организации, изучала институциональные связи, замыкающиеся на партиях, «инспекциях», государстве, оставляя в тени постоянно пульсирующее психологическое пространство власти, где самым причудливым образом переплетались личные амбиции партийных лидеров и корпоративные интересы партийной и государственной номенклатуры, стереотипы поведения чиновников огромного бюрократизированного аппарата и массовые политические настроения людей, кристаллизирующиеся в отношении к власти, политическому порядку.

Выяснение роли психологии людей в реализации власти в функционировании политического пространства предполагает анализ проблемного поля политического порядка. В бюрократизированном обществе «порядок» возведен в высшую ценность политической жизни и ассоциируется с жестким нормированием общественной и личностной среды, с четким исполнением установленных государством предписаний. За многообразием терминов: «порядок формирования правительства», «охрана правопорядка», «порядок оформления документов» - складывалась регламентация всех сторон жизни общества и образа жизни индивида, незримо присутствовало всевидящее око государства. Нарушение установленного порядка ассоциировалось в массовом сознании с преступлением перед обществом и сопровождалось ожиданием неизбежных санкций. В системе политических ценностей преобладала нормативная направленность, работающая на политический порядок, установленный партийной и государственной номенклатурой и законодательной властью.

Анализируя тенденции формирования политической психологии институционального типа, следует учитывать, что в пространстве политики существовали политические настроения, чувства, эмоции, не поддающиеся контролю властей. Психологические состояния личностей и социальных групп, не контролируемые политическим порядком, присущи самым различным обществам. Американский психолог Т. Шибутани справедливо утверждает, что «многие законы затруднительны для проведения в жизнь, и даже при тоталитарной диктатуре популярные представления развиваются независимо от официальных взглядов» [1, с. 334]. В обществе с сильным режимом власти вождя и жесткими средствами государственного контроля за жизнью граждан и общественных организаций вне зоны действия политического закона остаются семья, бытовая сфера, культурные традиции, общечеловеческие ценности. В этих сферах образуется свой порядок общественной жизни, особые социальные ниши, где личность, социальные общности находят защиту от влияния политических структур и политической демагогии.

Заорганизованное общество неизменно опирается на низкий уровень правовых знаний, всячески стремится сохранить «притупленность правосознания» слоев общества, представляющих потенциальную опасность режиму личной власти. На эту черту российского самодержавия обращали внимание русские юристы. В начале XX века Б.А. Кистяковский в статье «В защиту права (задачи нашей интеллигенции)», опубликованной в 1909 году в журнале «Вехи», писал: «Притупленность правосознания русской интеллигенции и отсутствие интересов к правовым идеям является результатом застарелого зла – отсутствия какого бы то ни было правового порядка» [2, с. 176]. Отмечая деформации правопорядка в обществе, где власть монополизирована властной элитой, Б.А. Кистяковский связывает жесткую регламентацию общественных связей с природой политического порядка, основанного на политическом насилии. Своими истоками

правовой нигилизм сталинского тоталитарного режима уходит в правовую практику российского полицейского государства. Политическое инакомыслие и действия оппозиции по отношению к существующему строю квалифицируются в заорганизованном обществе в нормах права и довольно часто расцениваются как условные уголовно наказуемые преступления.

Методично распространяя нормы политического порядка на самые различные стороны общественной жизни, активно способствуя воссозданию усредненного типа личности в сферах общественного производства, социального управления, образования, культуры, субъект политической власти оказывается жертвой собственных стереотипов политического мышления. Одномерные лидеры в верхних эшелонах власти и в местных органах управления оказываются беспомощными в оценке нестандартных политических ситуаций.

В гражданском обществе отражение власти в политической психологии принимает иные формы. Сложившийся порядок открывает реальный доступ к власти различным социальным группам, способный путем выборов и сильнодействующих норм обеспечить политическую стабильность общества и сохранить демократические традиции. В предельно широком смысле политический порядок выражает особый способ взаимосвязи власти и общества, возникший в результате совпадения основных потребностей и интересов субъектов политической власти и населения в достижении политического суверенитета. Предметно-практическую сферу порядка составляют политические институты, система правления с ее атрибутами власти, политические нормы, призванные сохранять сложившиеся в обществе властные отношения. Политическую сферу порядка образуют субъекты политики, стремящиеся в совместных действиях укрепить или, наоборот, подвергнуть изменениям действующую систему политических отношений. В условиях демократизации политического порядка в российском обществе наблюдается институализация гражданских ценностей, которая «сопровождается активной наработкой нравственных регулятивов в самых различных областях, формированием корпоративных и профессиональных моральных принципов регулирования…задающих нравственную матрицу и шкалу ценностей» [3, с. 385].

Вместе с тем, всякий политический порядок, включая порядок гражданского общества, внутренне противоречив. С одной стороны, он дает возможность регулировать корпоративные притязания различных социальных групп к власти путем ориентации их поведения на сложившиеся политические нормы, традиции, образцы, законы, сохраняя целостность общества. С другой, эта возможность всегда предполагает открытое либо скрытое принуждение, персонифицированное в особых группах людей, стоящих на защите порядка. Способность политического порядка сводить индивидуальную деятельность к групповой и через нее к гражданской деятельности с ее общечеловеческими ценностями довольно

часто в истории наталкивается на стремления субъектов политики создать политический порядок, подменяющий гражданское начало групповыми корпоративными интересами.

Одним из первых ученых, попытавшихся проанализировать эти противоположные свойства политического порядка в категориях ценностного подхода был Макс Вебер. В его понимании легитимность порядка «может быть гарантирована только внутренне, а именно: 1) чисто аффективно: эмоциональной преданностью; 2) ценностно-рационально: верой в абсолютную значимость порядка в качестве выражения высочайших непреложных ценностей (нравственных, эстетических или каких-либо иных); 3) религиозно: верой в зависимость блага и спасения от сохранения данного порядка» [4, с. 639]. Теоретическим основанием для этих рассуждений выступает идея, что всякий общественный, в том числе и политический порядок имеет смысл в обращенности к человеку, его сознанию. Власть, лежащая в основе порядка, положительно оценивается и принимается человеком и только после этого из внешней силы, довлеющей над ним, превращается во внутренние установки политической деятельности. Осознание ценности порядка может осуществляться на уровне переживаний и веры. Впрочем, существует и противоположное состояние связи «государственная власть – человек», когда государство навязывает властную волю индивиду, применяя весьма широкий арсенал средств для утверждения политического порядка. В этом случае демонстрация мощи государственной власти в самых различных формах, включая военные парады, громкие судебные процессы над «инакомыслящими» или идеологические кампании борьбы с «врагами нации», преследует вполне конкретную цель – подчинить волю индивида господствующей воле государства. Такое государство для индивида остается внешней силой, порядком, навязанным из вне. Авторитет власти, насаждаемый насильно, включая психологическое давление, перестает быть ценностью для человека.

Определив истоки психологического пространства власти, следует обозначить его основные уровни. Естественно, что носителями психологического пространства, определяющими его границы, плотность, уровни, выступают социально-психологические общности людей, вовлеченные в политическую жизнь и особым образом выражающие свое отношение к власти. Поэтому и исходный биполярный уровень психологического пространства политической власти образуют социально-психологические общности «мы» - «они». Благодаря своей элементарности эти общности объединяют самые различные политические силы, социальные группы, слои. Психологическое «мы» может возникать в недрах враждебного окружения. Угнетаемые группы «мы» (маргинальные слои общества) противостоят политическим силам и институтам власти, которые выражены в массовой психологии как враждебные «они». Социально-психологическая общность «мы» отличается достаточно простыми, сходными мотивами поведения, установками, настроениями,

обращенными к власти. Эмоциональная преданность недифференцированной массы людей «своей», «нашей» власти сопровождается демонстративным непринятием «чужой» власти, чужого порядка, чужих норм. «Мы» выталкивает политические сомнения, враждебные чувства вовне. Источником политической опасности, агрессии, войны в политической психологии становятся «они». Довольно часто смутное, слабо персонифицированное «они» на уровне социальной психологии встает преградой на пути к цели, мистифицируется, вызывает массовое негодование.

Другой уровень психологического пространства политической власти обнаруживается в процессе персонификации политической жизни. Политика может быть обезличенной, закрытой пеленой коллективной ответственности или безответственности, но существование политики без личностей невозможно. Политическое пространство власти, персонифицированное в личности приобретает у разных индивидов различные психологические оттенки: от мощного психологического стремления к первенству, чувству престижа, желанию доминировать над чужой волей у одних типажностей до политической усталости, инфантильности, готовности подчиниться чужой воле – у других. В этом пространстве есть свой силовой центр притяжения – стремление к власти.

Внутренний властный потенциал индивида в сочетании с властно-принудительными полномочиями, полученными от общества, приводит к утверждению личности политика. Доминирование властной воли политика над волей других людей происходит в реальном и многоликом пространстве. Образуется несколько социально-психологических контактных зон (или осей) такого пространства. *Ось персонификации* политической власти очерчивается при воплощении властного потенциала личности в конкретную социальную роль «вождя», «государственного деятеля», «лидера партии». Внутреннее «Я» и внешний мир властных отношений постоянно контролируются в психологическом пространстве личности состоянием самовластии или силой воли. Как психологический феномен самовласть выражает способность личности подчинять свой мир эмоций, чувств, стремлений социально-значимому «образу политика». Самовласть открывает путь к созданию особой психологической оболочки личности, к достижению личной власти в малом политическом пространстве восстановить иные черты психологического пространства личной власти. Эту сферу психологического пространства чаще всего называют *осью малых групп*. Социально-психологические качества личности политика формируются, прежде всего, в ближайшем политическом окружении. Контакты с единомышленниками, союзниками способны создать мощную психологическую поддержку лидеру. Общение с политическим противниками способно, вопреки желаниям политических антиподов, усилить, развить психологический образ лидера либо, наоборот, подавить его властную волю, лишить его лидерских способностей.

Ключевые проблемы психологии власти раскрываются во взаимоотношении лидера с группой, организованной во властвующую элиту общества. В психологическим поле личной власти лидера прослеживаются эндогенные (внутренние) психологические факторы, направленные на структуру элиты, и экзогенные (внешние) социально-психологические факторы деятельности лидера как персонифицированного выразителя властвующей элиты. В зависимости от строения элитарной общности психологические факторы приобретают различное содержание, изменяют механизмы реализации властных отношений.

От ценностных ориентаций властной элиты, созданной этой элитой картины мира, зависит ценностная позиция ее лидера. «В ситуации, когда картина мира правящей элиты кардинально отличается от картины мира общества, теряет эффективность, создается конфликт по известной схеме, когда «верхи не могут, а низы не хотят» [5, с. 71]. Консолидируя правящую элиту, уходящую с исторической сцены, выражая ее интересы, лидер становится заложником элитарного сознания, а его деятельность обречена на поражение.

Взаимодействие лидера и элиты отличается многомерностью, где внешние и внутренние факторы приобретают различные исторические и социальные оттенки. Особенно ярко это проявляется в условиях гражданского порядка. Анализируя составляющие черты современного лидерства, американский исследователь М. Херманн выделяет несколько социальных ролей лидера во внешней среде, которые влияют на его психологический облик. Лидер-«флагман», определяющий цели и направления действий своей группы, готовый нести ответственность за происходящее. Лидер-«торговец», умеющий понять то, чего хочет группа, и готовый помочь ей в достижении своей цели. Лидер-«кукла» - группа направляет его действия, приводит в движение личные качества для достижения корпоративных целей. Близкий по социальной роли лидер-«агент» - готовый реализовать интересы своей группы в соответствии с возникшей политической ситуацией[6, P.124]. Нетрудно заметить в этой классификации крен в сторону снижения личной власти и самодеятельности политического лидера и выдвижение на первый план политических приоритетов группы. Лидер перестает быть самодовлеющей политической ценностью и стремится сохранить и представить в общественной жизни ценности своей политической общности.

Названные тенденции реализуются еще в одном измерении психологического пространства власти – *оси политического порядка*. Здесь раскрывается социально-психологическая связь личности с государственной властью, системой политического устройства, выработанными нормами и стандартами политической жизни. В XX столетии центром политического порядка неизбежно становились институты власти. В этом эпицентре приоритеты повседневной

человеческой личности отчуждались системой или контролировались государственной властью. Личность государственного деятеля, политика, стоящего на вершине власти, символизировала политический порядок, выражала его предельную персонификацию. Навязанный обществу с помощью государства авторитет отдельной личности может переходить в режим личной власти.

Психология и символы вождизма уходят с исторической арены под влиянием бурных исторических событий, радикальных изменений политического порядка. На смену культа «сильной власти» заорганизованного общества приходит сила закона правового государства. В гражданском обществе XXI века общепризнанной ценностью личности политика является его стратегическое мышление, психологическая и социально признанная способность к сотрудничеству, взаимодействию с различными политическими общностями и институтами власти.

Список литературы

1. Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 334.

2. Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л., 1990. С. 176.

3. Гражданское общество в эпоху тотальной глобализации. Симферополь: ИТ «Ариал». 2011. С. 385.

4. Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 639.

5. Психология восприятия власти. Под ред. Е.Б. Шестопал. – М.: Изд-во «Социально-политическая мысль». 2002. С. 71.

6. Political psychology contemporary and issues San Francisco L: Jossy-Bass Inc., 1986. P.124.

УДК 342.722.1

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ПРИНЦИПА РАВЕНСТВА НЕЗАВИСИМО ОТ ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Д.Д. Храмушина

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: xp.daria@gmail.com

Статья посвящена анализу становления конституционного принципа равенства независимо от происхождения. Прослеживается процесс его эволюции. Описывается историческое возникновение расслоения общества в российском государстве на классы и сословия, различия в их правах и обязанностях.

Ключевые слова: история, сословия, принцип равноправия, происхождение человека, государство.

The historical development of the principle of equality regardless of origin in Russia

D.D. Khramushina

The article is devoted to the analysis of formation of the constitutional principle of equality regardless of their origin. Traced the process of its evolution. Describes the historical emergence of stratification in the Russian state on the classes and estates, differences in their legal rights and obligations.

Key words: history, estates, the principle of equality, the origin of man, the state.

Российским государством пройден длинный путь от времен общественного деления по происхождению к законодательному закреплению равенства граждан. Становление принципа равенства независимо от происхождения имеет под собой глубокие исторические корни, затрагивает само понятие происхождения государства.

Процессы классообразования у восточных славян происходили на фоне формирования племенных союзов, распада большой семьи и перерастания родовой общины в сельскую (соседскую). Известную роль в ходе образования государства играли неразвитые рабовладельческие отношения. Форму общественных отношений славян в VII-VIII веках определяют как военную демократию, когда все члены (мужчины) племенного союза участвовали в обсуждении важнейших проблем. [1, с. 14] Данный этап можно охарактеризовать относительным равенством прав и обязанностей граждан. В то же время необходимо отметить, что женщины в отличие от мужчин не допускались до участия в решении основных вопросов управления общиной.

Дальнейшее постепенное имущественное расслоение общества и различные военные походы приводили к возвышению и выделению верхушки племенных союзов, к которой сначала относились вожди и их ближайшие сподвижники, а затем князь и его дружина. Нападения и завоевания одних племенных союзов другими также порождало деления на класс завоевателей и порабощенных. Позднее с появлением государственности у восточных славян указанное неравенство было закреплено в виде тех или иных прав, которые гражданин получал по рождению. При этом фактически положение в обществе и род занятий в системе общественного разделения труда стали переходить от отца к сыну, хотя однозначного законодательного закрепления для этого еще не требовалось.

Изучая историческое развитие принципа равенства независимо от происхождения, имеет смысл рассмотреть становление института стратификации российского общества: его классов и сословий.

С образованием Киевской Руси указанная стратификация значительно ускорилась. Формирование правящего класса привело к появлению сложных отношений сюзеренитета-вассалитета. Управление основными

делами государства практически полностью перешло к князю и его дружине.

Дружина князя дифференцировалась по возрасту и социальному положению на «старшую» и «младшую». Бояре из боевых соратников князя превратились в землевладельцев, его вассалов и вотчинников. В XI-XII веках происходит оформление боярства как особого сословия и закрепление его правового статуса. [1, с. 23]

Княжеский совет стал высшим органом власти, выполнявшим законодательные, исполнительные и судебные функции на территории Древней Руси и затем в Московском княжестве (с X в.). В него входили приближенные к великому князю бояре. Как правило, без обсуждения вопросов на указанном совете князь не принимал ни одного решения. [2, с. 150]

Таким образом, на данном этапе развития российского государства можно констатировать, что подавляющее число граждан устранялось от управления делами государства и было вынуждено выполнять те обязанности и повинности, которые устанавливались для них более знатными и богатыми по происхождению сословиями. В то же время, учитывая, что жесткое законодательное закрепление социального и имущественного расслоения в российском государстве было оформлено позднее, возможности перехода из одного сословия или рода занятий в другое теоретически оставались.

Первыми источниками, обозначающими классы на Руси, являются наиболее ранняя из дошедших до нас летописных сводов - Повесть временных лет, отображающая закрепление в Киеве князя, а, соответственно, власти и властного класса (дружины) и выдающийся памятник феодального права - светский судебник «Русская правда» Ярославичей. Этот сборник правовых норм Киевской Руси обозначает деление общества на три социальные группы, каждая из которых также делится внутри себя. Знать была представлена в лице князя и приближенных дружинников, а тиуны и огнищане (княжьи мужи) занимали свое привилегированное положение, являясь высокопоставленными княжескими и боярскими слугами, при этом за убийство княжьего тиуна или огнищанина было определено денежное возмещение вдвое выше, чем за простолюдина. Рядовые свободные жители были представлены мужами - свободными мужчинами, которые в свою очередь могли заниматься торговлей (купчина), быть сборщиками штрафов (мечник), а также быть в составе боевой дружины. Зависимое население, в свою очередь, также подразделялось на привилегированный (княжеские сельский и ратайные старосты) и низший класс холопов, смердов, рядовичей и закупов.

Таким образом, закон наделял жителей в зависимости от их положения в обществе разными правами, определяя различие того или иного класса по свойству отношений, в котором они стояли к верховной власти. Необходимо отметить, что сама человеческая жизнь оценивалась

по-разному, и в зависимости от происхождения, за убийство людей из разных страт устанавливалась различная ответственность. Также по-разному, в зависимости от происхождения человека в рамках судебного процесса ценились его свидетельские показания. Так, показания человека низшего происхождения по факту подвергались сомнениям по отношению к показаниям человека более высокого привилегированного сословия.

С началом удельных времен XII-XV вв. русские княжества вышли из-под власти Киева. Это не могло не повлиять на появление новой терминологии в социальном расслоении: удельные князья, бояре, боярские дети и дворяне, люди черные, закладни, челядь. Основанием общественного деления того времени было разграничение сословий по характеру отношения к князьям и повинностям, определяемым по имущественному состоянию лиц. Людей по имущественному цензу условно можно было разделить на три категории: класс свободных людей, владеющих землей на праве собственности и эксплуатирующих крепостных рабочих и холопов; класс людей, не имеющих во владении земли и самостоятельно трудящихся на казенных или частных землях; класс лично несвободных людей.

Со временем договорные сословные обязательства превращаются в обязанность перед государем. Меняется характер выгод и привилегий: отныне служилые обязаны служить, а тяглые люди обязаны платить удельным князьям. Род повинностей определялся экономическим положением сословия. Ограничивалась только личная свобода бояр, которую променяли они на поместья. Теперь бояре не могли уже по своему желанию служить или не служить; получая поместье от князя, они должны были ему служить. [3, с. 27] То есть отныне даже привилегированные сословия из неких союзников и партнеров становились государевыми подданными. В каком-то смысле это являлось понижением статуса высших классов и одновременным укреплением авторитета власти.

В целом стратификация общества того времени обуславливалась именно понятием "происхождение", в первую очередь, в контексте обладания землями, которые передавались по наследству, определяя безземельные неслужилые состояния и классы крупных и мелких землевладельцев. Владение землей было необходимым условием отбывания ратной службы, которая была пожизненной и потомственной обязанностью. Потомки высших сословий, в частности, удельных бояр, сохраняли помимо земель еще и властные полномочия от своих предков. Служебная годность также определялась происхождением: авторитетом и родовитой фамилией.

Необходимо отметить, что человеческая честь также оценивалась по-разному в зависимости от сословия. Так, существовало наказание за оскорбление лица действием или словом, именуемое "бесчестьем". Наказание (денежный штраф, тюремное заключение и т.д.) назначалось в зависимости от двух условий: чин того, кого обидели и чин обидчика. Уже в Судебнике 1550 г. встречаем сложный тариф денежных штрафов за

бесчестье людей разных чинов, который был еще более развит Уложением 1649 г. Судебник, между прочим, назначал 5 руб. пени за бесчестье "доброго боярского человека", т.е. лучшего служилого холопа, ходившего в походы с господином, тогда как бесчестье свободного крестьянина оплачивалось впятеро дешевле. [4, с. 173]

Ни о каком равенстве между людьми независимо от происхождения на данном этапе развития российского государства говорить не приходится. Со времен образования Древнерусского государства происхождение человека стало во все большей степени определять его права и обязанности по отношению к другим гражданам и социальное положение в обществе, а сословная классификация общества стала играть ключевую роль при формировании органов государственной власти и управления. В дальнейшем юридическое закрепление сословного расслоения русского общества продолжилось в рамках принятия Судебника 1497 года, который регламентировал начавшееся закрепощение крестьян.

Важные изменения в правах крестьян внесло Уложение 1649 года, которое признавало их членами русского общества. Показания крестьян принимали наравне с духовенством, дворянами и купцами, признавая крестьян свидетелями. Также они могли сами быть истцами и ответчиками в суде.

При рассмотрении становления принципа равенства независимо от происхождения нельзя не упомянуть об институте местничества. В соответствии с принципами местничества, именно знатность фамилии, родовитость, а не личные заслуги и выслуга имели значение при распределении должностей. Подбор служилых людей по знатности, а не по личным способностям и талантам зачастую приводил к тому, что на военной службе вместо самой службы возникали непримиримые споры о том, кто знатнее и родовитее. Родовые счеты принимались во внимание и в суде. Исчезло местничество с лица русской земли, оставив по себе слабые следы в народной литературе и в уцелевших исторических памятниках: дворцовых разрядах и родословных книгах, которые сохранились в некоторых боярских родах. [5, с. 60]

К середине XVI века сформировались основные государственные и политические институты сословно-представительной монархии. Известное ограничение царской власти существовало, прежде всего, в силу привилегированного положения родовитой боярской аристократии, которая отстаивала свое право на участие во власти через Боярскую Думу. Боярская дума в этот период – высшее представительное учреждение, состоящее из наиболее знатных представителей феодальной аристократии. Состав Боярской думы постепенно расширялся: в XVI веке – 21 человек, в начале XVII (1613) – 40 человек и к концу века – 97 человек. [6, с. 77]

В тот же период продолжался процесс образования иных крупных сословных групп, которые затем в период существования Российской Империи оформились в следующие сословия: дворянство, духовенство,

купечество, разночинцев, мещанство, казачество и крестьянство, которое также делилось на лично свободных однодворцев и черносошных крестьян, а также на зависимых от феодалов удельных и крепостных крестьян. Каждое сословие в свою очередь внутри себя также подразделялось, образовывая сложную раздробленную цепочку различных сословных групп. На данном этапе существовала четкая юридически закрепленная регламентация прав и обязанностей граждан в зависимости от принадлежности к тому или иному сословию и происхождению человека. В тот или иной период времени границы и возможности перехода из одного сословия могли немного упрощаться или, наоборот, осложняться. Так, благодаря введению Табели о рангах Петром I, стало возможным получение дворянства недворянами, для этого было необходимо получить чин низшего XIV класса. Согласно Табели, дворянство делилось на личное и потомственное.

В целом петровские реформы касательно стратификации общества заслуживают отдельного внимания. Основным наименованием всех категорий благородного служилого сословия становится шляхетство. Каждый член шляхетства от рождения был равен остальным, а отличия можно было получить, лишь продвигаясь по службе. Отныне все дворяне, каких бы родов ни были, обязаны служить, и происхождение (в том числе знатность фамилии) более не принималась во внимание при назначении на должности. В частности, Е.Н.Волчанецкая в своей работе пишет: "Пётр I приближал этих худородных людей к себе, обращая внимание на их способности к государственной службе и к военному делу, а не на то, какого они были рода, знатного или незнатного." [5, с. 56] Это послужило тому, что множество дворян при проведении подушной переписи вступили в новую сословную категорию крестьян однодворцев, которые не были обязаны служить и учиться, однако имели право на землю и владение крепостными. При вступлении в брак дворянам требовалось знание грамоты, арифметики и геометрии (помимо прочих условий, обязательных для всех сословий, состоящих из лично свободных людей). Однако условие наличия образования для дворян было не только обязанностью, но и привилегией, наравне с правом свободно торговать хлебом, владеть заводами и фабриками. Были введены дворянские титулы: «граф», «барон», которые по сути не предоставляли никаких привилегий, являя собой лишь почетное наименование. «Как правило, этими титулами награждались только видные вельможи». [7, с. 151] Важным элементом петровских реформ было распространение воинской повинности на низшие классы, обусловленное подготовкой к войнам. Гулящие люди, холопы и крепостные крестьяне слились в сословие крепостных людей. Владельцы крепостных душ стали ответственными за оплату податной повинности с крепостных людей. С 1767 года официально стало разрешено продавать крестьян без земли и с разлучением семей, телесные наказания для них не были регламентированы законом и зависели только от воли помещика.

Тенденция к разрушению чиновного склада общества петровского времени подкреплялась распространением повинностей, которые становились общеобязательными, на все больший объем классов. Однако практически сразу после смерти Петра I обязанностей у высших сословий становилось все меньше, а привилегий больше. Законодательно привилегии дворянства в полном разнообразии были отражены в Жалованной грамоте дворянству, которая в том числе разрешила однодворцам доказывать своё дворянское происхождение. Многое, над чем работал Пётр I, было разрушено в закреплении для дворян свободы службы и её оставления и иных широких возможностях. Судить дворян имели право только на специально созданных для них уездных судах, которые соответствовали их сословию. Существовали Родословные книги, куда вписывали дворян, распределяя по категориям. Юридически все категории дворянства (действительное, военное, гражданское, титулованное, иностранное) были равны, однако существовали понятия, к какому происхождению было принадлежать почётнее.

При Елизавете Петровне появилось название нового сословного статуса – мещане, статус которых закреплялся в проекте положения «О среднем роде людей» 1769 г. К мещанам относились в основном ремесленники, мелкие домовладельцы, торговцы, то есть те категории городского населения, которые приносили немалую пользу государству, в том числе благодаря их податям. Мещане обладали широкими личными и имущественными правами, освобождались от общественных работ и их запрещалось переводить в крепостное состояние. [7, с. 208]

Значительным событием в развитии принципа равенства граждан вне зависимости от происхождения стала отмена крепостного права Александром II в 1861 году. Между тем, в их положении до революции еще сохранились многие остатки крепостничества: им затруднён был доступ к образованию, крестьянское звание считалось низшим, с крестьянами обращались на "ты", а не так давно их можно было даже подвергать телесному наказанию. [8, с. 5] Ко времени правления Александра II также относят ликвидацию многих дворянских привилегий, в том числе отмену сословных судов и преимущественное право занимать определенные должности. Все стали равны перед судом и в суде, т.е. одинаково судиться и одинаково может быть судьею как Рюрикович или генерал-адъютант, так и купец, мещанин и крестьянин. [9, с. 9] В то же время сословное расслоение общества, значительно ущемлявшее в правах подавляющее большинство российских граждан, просуществовало в России вплоть до Октябрьской Революции 1917 года, хотя отдельные попытки наделить граждан более широкими имущественными и политическими правами предпринимались неоднократно.

В начале XX века после Высочайшего Манифеста от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» власть самодержавного государя в Российском государстве была ограничена

Государственной Думой. Государственная Дума с широкими властными полномочиями формировалась исключительно на основе выборов. Устанавливались два вида избирательных округов: губернские и городские. Однако следует иметь ввиду, что наряду с Государственной Думой правом принимать законы фактически также наделялся Государственный совет, который являлся как бы сдерживающей «думцев» палатой парламента. [10, с. 35] Госсовет формировался наполовину из членов, назначаемых царем, а наполовину – из выборных членов (6 человек избирал Синод, по члену – от губернских и земских собраний, 18 – от дворянских обществ, 6 – от Академии наук и университетов, 12 – от промышленности и торговли). [6, с. 150]

Окончательно все сословные привилегии и ограничения были ликвидированы в 1917 году Декретом ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», который провозгласил равенство граждан. На первый взгляд, все граждане уравнивались в своих правах и обязанностях вне зависимости от происхождения. Однако последующее формирование советской политической системы стало носить четко выраженный классовый характер. Классовый подход реализовывался открыто и непосредственно. В то же время, находясь под сильнейшим воздействием структур Коммунистической партии, представительные органы власти - Советы - в отличие от всех предыдущих российских органов власти и управления в значительной степени все же представляли социальные, культурные и иные интересы населения, инициировали решение важных жизненных проблем советских людей.

К тому же положение Советов в системе государственной власти СССР не было одинаковым на протяжении советской эпохи. В первые советские годы Советы носили четко выраженный классовый характер и назывались «Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов», тем самым полностью исключая представительство многих других социальных групп. Тем более, что под «крестьянством» подразумевалось беднейшее крестьянство, отторгалось кулачество и большая часть середняков. В двадцатые-тридцатые годы, когда новая политическая система, основанная на марксистско-ленинской идеологии, достаточно упрочилась, Советы стали восприниматься в качестве формы распространения пролетарско-большевистской власти на деревню и подчинения крестьянства интересам города и прежде всего новой бюрократии. Таким образом, в советское время общество также было распределено на примерно следующие категории: интеллигенция и служащие, пролетариат (рабочий класс), крестьяне.

Позднее в 1960-80-е годы система Советов стала представлять достаточно равномерно все слои общества и тем самым выполнять, хотя и в ограниченном виде, функции представительной демократии. Но только с принятием Конституции 1993 года в России можно говорить о реальном закреплении принципа равенства граждан независимо от происхождения.

Список литературы

1. Исаев И.А. История государства и права России. М.: Юристъ, 2006.
2. Пашков Б.Г. История государственности России. Справочник. Том I. Россия. Российская империя. М., 2009.
3. Яблочков М.Т. История дворянского сословия в России. СПб.: Типография А.М.Котомина, 1876.
4. Ключевский В.О. История сословий в России: Лекции орд. проф. В.О.Ключевского. М., 1887.
5. Волчанецкая Е.Н. Местничество в древней Руси. М.: Т-во И.Д.Сытина, 1907.
6. Отечественная история государства и права: Курс лекций. Под ред. Ю.М.Понихидина. Саратов: Изд-во СГАП, 2002.
7. Таланин В.И. Русские сословия: история и современность. Запорожье: Запорожский нац. ун-т, 2006.
8. Горев Б.И. Сословие, класс, партия. Петроград: Рабочая б-ка, 1917.
9. Плансон А.А. Сословия в древней и современной России, их положение и нужды. СПб.: издание книгопродавца В.И.Губинскаго, 1899.
10. Парламентское право России: Учеб. пособие. / Под ред. Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2003.

УДК 614.3 (09) (470. 44) |18/19|

ИЗ ИСТОРИИ САНИТАРНОГО СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В САРАТОВСКОМ ПОВОЛЖЬЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

В.А. Чолахян

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: vcholakhyan@yandex.ru

Статья посвящена истории становления и развития санитарной службы и медицинского обслуживания в Саратовском Поволжье в дореволюционный период. С появлением земских учреждений в регионе зарождается система здравоохранения и санитарного контроля. Открытие Саратовского университета способствовало некоторому увеличению лечебных учреждений и медицинского персонала.

Ключевые слова: санитарное состояние, медицинское обслуживание, здравоохранение, земские больницы, врачи.

From the history of sanitation and development status of medical care in Saratov volga region in late XIX - beginning of XX centuries

V.A. Cholakhyan

The article is devoted history of formation and development of health services and medical care in Saratov Volga in the pre-revolutionary period. With the advent of zemstvo institutions in the region arises health care system and

health control. Opening SSU led to some increase in medical institutions and medical personnel.

Key words: health status, medical care, health care, district hospital, doctors.

В конце XIX – начале XX вв. система охраны здоровья населения в России находилась на начальной стадии формирования. По всем показателям доступности медицинской помощи страна отставала от развитых европейских государств. Санитарный надзор существовал лишь в зачаточной форме, и то в крупных городах. Поэтому уровень общей и, в особенности, младенческой смертности в России был намного выше, чем в большинстве европейских стран. Общий коэффициент смертности в конце 1890-х гг. составлял примерно 35 промилле, тогда как в Скандинавских странах он был менее 17, в Англии – 19, во Франции – 22, в Германии – 24. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении немногим более 27 лет для мужчин и 29 для женщин [1, с. 99]. Современники отмечали, что высокая смертность в России по сравнению с другими странами «не может быть объяснена ни разницей в возрастном составе, ни усиленной рождаемостью, но указывает на низкое положение страны в культурно-санитарном отношении» [2, с. 225].

Возникновение в России системы доступной для населения медицинской помощи можно приурочить к 1864 г., в связи с созданием института земских врачей, обслуживавших крестьян за счёт органов местного самоуправления – земств. С 1866 г. начинается развитие фабрично-заводской медицины, согласно закону от 26 августа, обязавшего предпринимателей устраивать клиники в соответствии с числом работников. Позднее, по Городовому положению 1870 г. и 1892 г., на городское управление была возложена обязанность оказания медицинской помощи населению, аналогично той, которая обеспечивалась земскими врачами на селе.

Изучением санитарного состояния Саратовской губернии занимались научные общества «Беседа саратовских врачей» и «Саратовские санитарные врачи», возникшие в конце 1850-х гг. Члены этих обществ собирались ежемесячно, обсуждали медицинские вопросы и наблюдения из практики. После открытия в Саратове медицинского факультета Императорского Николаевского университета в 1909 г. главной клинической базой вуза становится Александровская больница. Земство с большим энтузиазмом восприняло идею сотрудничества с медицинским факультетом. В 1912 г. в Саратовском университете была создана кафедра гигиены с эпидемиологией под руководством профессора В. А. Арнольдова, а с 1914 г. при кафедре стала функционировать гигиеническая лаборатория, которая занималась изучением состояния водоснабжения и разработкой научных основ гигиены окружающей среды в регионе.

Санитарное состояние Саратова на рубеже веков, как и большинства приволжских городов, было неудовлетворительным. Причина этого

заключалась в том, что удаление городских нечистот и всяких отбросов производилось неудовлетворительно. Существовавшие в городе овраги Белоглинский и Глебучев способствовали ещё большему антисанитарному состоянию, так как местные жители пользовались ими как свалочным местом для нечистот. Из-за этого в прилегающих к оврагам кварталах всегда наблюдалась наибольшая заболеваемость различными заразными болезнями. Санитарный врач И. Н. Матвеев называл овраги «очагами заразы»: на них приходилось почти половина заразных болезней в городе. Кроме оврагов, такими «очагами» являлись ночлежные дома. Одна из причин ежегодно повторяющейся в то время эпидемии возвратного тифа в Саратове заключалась в грязном содержании ночлежных домов, «приютов бедного и безработного люда» [3, с. 63, 77].

Ведущую роль в становлении и развитии санитарного бюро, а в дальнейшем и санитарной службы в Саратовской губернии в последней четверти XIX столетия сыграло общество санитарных врачей, которое возникло в недрах физико-медицинского общества в 1875 г. В этот период членами общества впервые было проведено медико-статистическое исследование по изучению эпидемий оспы, холеры, чумы, дифтерии и разработаны методы борьбы с инфекционными заболеваниями в Саратовской губернии [4, с. 176]. В начале мая 1903 г. начал свою деятельность Отдел народного здравия (санитарное бюро) при Саратовской губернской земской управе под руководством Н. И. Тезякова. Этот отдел занимался изучением общей заболеваемости населения Саратовской губернии, установлением её характера, размеров и т.д. [5, с. 15].

Социально-экономическая отсталость России, низкий уровень грамотности и образования, религиозное мировоззрение большинства населения определяли в целом пренебрежительное отношение в обществе к состоянию здоровья, биологической продолжительности жизни человека. Это отражалось, прежде всего, на качестве жилья, санитарии, и гигиены, медицинского обслуживания, питании городских жителей. Следствием такой ситуации являлся высокий уровень смертности людей от заболеваний органов пищеварения, дыхания и остроинфекционных болезней. К примеру, врачебные осмотры тифозных больных Саратова во второй половине XIX в. на дому показывали, что причинами распространения эпидемии являлась крайняя бедность и плохие гигиенические условия, в которых жило население [6, с. 10].

Сильное развитие эпидемий и заболеваемости в Саратове и отсутствие организованной борьбы с ним привело к 1894 г. к решению установить в городе районный участок с постоянно действующей амбулаторией. Все городские лечебные заведения разделялись на два разряда: для стационарного лечения и приходящих больных. К первым относились: городская больница, родильный дом при ней и больница для хроников. Ко вторым – семь амбулаторий: одна при городской больнице и 6 в разных частях города. По свидетельству врачей, в помещениях для амбулаторий отсутствовали разные приспособления и удобства, необходимые для

лечебного заведения [7, с. 97, 105-106].

Плата за больничное лечение составляла 7-15 руб. в месяц и была примерно равна месячному заработку рабочего, прислуги, мастерового. Остальные члены семьи, жившие за счет его заработка, были обречены на голод и нищету в период заболевания кормильца семьи. В то же время, содержание больничных учреждений более чем втрое превышало плату, получаемую с больных [8, с. 99].

Медицинский персонал амбулаторий состоял из врача, заведующего амбулаторией, двух фельдшериц или фельдшеров и санитарки. Прием осуществлялся ежедневно, кроме воскресенья и праздничных дней, с 9-12 дня, но на деле длился дольше. Каждый больной заносился в особую карточку. По рецепту в аптеке при амбулатории изготавливали лекарство и выдавали больному бесплатно. Женщины обращались за помощью в амбулатории чаще, чем мужчины. Кроме медицинской помощи в амбулаториях, врачи посещали бедных больных и на дому. В 1906 г. врачи 3-х амбулаторий сделали более 1015 посещений и осмотрели 796 чел. [9, с. 120].

Отрицательное воздействие на здоровье горожан оказывали некачественные продукты – бракованное на скотобойнях мясо, недоброкачественное молоко и молочные продукты, хлеб, рыба и т.д. Такие продукты продавались по низким ценам и охотно покупались рабочими, ремесленниками, мастеровыми и др. Бедная семья тратила на питание основную часть своего бюджета, и часто использовала возможность приобретать дешёвые продукты. Всё это способствовало ослаблению, быстрому физическому истощению организма и нередко становилось причиной повышенной заболеваемости и смертности. По этой причине в городах широкое распространение получили болезни органов пищеварения, в том числе и инфекционного характера. В большинстве случаев подвержены им были рабочие, низшие категории служащих, студенты, прислуга, нищие и другие неимущие группы населения. Питание рабочих по уровню калорийности и содержанию питательных веществ, как правило, не отвечало физиологическим нормам.

Пища рабочих, ремесленников, мастеровых отличалась меньшим количеством питательных веществ, хорошо усваиваемых организмом. В питании служащих, чиновников, торговцев, фабрикантов преобладали продукты животного происхождения. Во всех экономических группах наблюдалось повышенное употребление хлебных продуктов. Постоянный недостаток в пище питательных продуктов, витаминов и т.д., особенно в низшей экономической группе горожан, ослаблял защитные функции организма. Такое питание усиливало распространение остроинфекционных заболеваний, а также болезней органов дыхания и пищеварения.

Средняя площадь одного врачебного участка в 1913 г. составляла в 15 губерниях Европейской части России 400-500 кв. верст, а в 14 губерниях – более 1 тыс. кв. верст. Если учесть крайне малочисленные кадры медицинских работников, нехватку транспортных средств, то можно

сказать, что врачебная помощь большинству населения практически была недоступна [9, с. 17]. В 10 губерниях примерно на 10 тыс. чел. приходился один врачебный участок, в 16 губерниях – на 22-29 тыс. чел., в 9 губерниях – более чем на 30 тыс., а в 12 губерниях – более чем на 50 тыс. населения. В 1913 г. на 10 тыс. жителей приходилось менее 2 врачей. Земские врачи совмещали при этом почти все медицинские специальности [11, с. 3-4]. Это приводило к тому, что, ввиду отсутствия обученного медицинского персонала, люди зачастую обращались к повивальным бабкам и знахарям. Первых к началу XX в. в Саратовской губернии насчитывалось 119, а вторых – 148 [12, с. 418].

В уездах Саратовской губернии ситуация с медицинским обеспечением складывалась не лучшим образом. Здесь также большая роль в распространении медицинского обслуживания принадлежала земству. В Аткарском уезде насчитывалось 5 больниц, содержащихся исключительно за счёт земств. При каждой из них имелись аптека и амбулатория. Помимо этого вольные аптеки имелись в городе и двух крупных сёлах. Больные Аткарского уезда принимались без какой-либо платы, а жители иных мест платили от 24 до 40 коп. Амбулаторным больным лекарства давались бесплатно. Больница г. Аткарска размещалась в деревянном здании и была рассчитана на 35 кроватей. В Балашовском уезде имелось 8 больниц, в Петровском–5, Хвалынском–5, в Вольском–3, в Царицынском, Кузнецком и Сердоском уездах – по 4. При каждой имелась амбулатория и аптека [13, с. 1-2, 15, 31, 51. 54, 87, 91]. Все они содержались за счёт земств.

Расширение медицинской помощи населению требовало интенсивной подготовки среднего медицинского персонала. При недостатке дипломированных врачей фельдшеры вели в известной мере самостоятельную работу. В 1910 г. в стране имелось, наряду с врачебными участками, еще 4,6 тыс. фельдшерских пунктов, из которых 2,7 тыс. принадлежало земству [14, с. 4].

О неудовлетворительном состоянии многих отраслей медицины в дореволюционный период свидетельствует тот факт, что практически отсутствовала система по охране женского здоровья. Стоматологические кабинеты имелись лишь в крупных городах, однако их количество не могло удовлетворить всех нуждающихся. К тому же их услугами могли пользоваться только достаточно обеспеченные горожане [15, с. 2].

Одной из главных проблем медицинского обслуживания и развития здравоохранения в дореволюционной России являлся недостаток лечебных учреждений и медицинского персонала. Так, по данным переписи 1897 г., всех врачей в Российской империи насчитывалось около 17 тыс. чел., а в 1912 г. гражданских врачей – 22,8 тыс., фельдшеров – 28,5 тыс., что явно было недостаточно для населения страны [16, с. 3]. Например, в 1912 г. в Петровском уезде Саратовской губернии Петровский врачебный участок, открытый ещё в 1864 г., и состоявший из трёх волостей в 900 кв. верст, обслуживал 27 385 чел. (13026 муж. и 14359 жен.). Здесь имелась больница на 35 коек и оказывалась амбулаторная помощь [17, с. 56]. В 1913 г. в

Саратовской губернии имелось 91 лечебное заведение, в которых работали 491 врач и 713 фельдшеров. На одного врача в городах губернии приходилось 2548 чел. [18, с. 418].

В 1914 г. в Саратовской губернии числилось 443 врача, в том числе в городах – 328 и 115 в уездах. В Саратове насчитывалось 239 врачей (в том числе женщин – 28), в Аткарске – 7 (1 жен.), в Балашове – 10 (1 жен.), в Вольске – 13 (1 жен.), в Камышине – 10 (3 жен.), в Кузнецке – 7 (1 жен.), в Петровске – 6 (1 жен.), в Сердобске – 4 (1 жен.), в Хвалынске – 6 (1 жен.), в Царицыне – 26 (3 жен.) [19, с. 24].

По данным статистического обзора за 1914 г. в Саратовской губернии состояло 224 фармацевтов, из которых в городах 182 и 42 в уездах. Аптекарских участков в губернии насчитывалось 105, фельдшеров и фельдшериц – 700, из них 300 в городах и 400 в уездах. Повивальных бабок числилось 148, из них 114 в городах и 34 в уездах. Дантистов и зубных врачей в указанный год имелось 110. Получалось, что один врач приходился на 1750 чел. в городах и 23945 чел. в уездах, а фельдшер, соответственно, в городах – на 1914 чел., а в уездах – 6884 чел. Всего в Саратовской губернии насчитывалось 185 лечебных заведений с 3875 кроватями: одно лечебное заведение приходилось на 17989 чел., а 1 кровать – на 858 чел. [20, с. 24].

Таким образом, в конце XIX – начале XX вв. в Саратовском Поволжье происходило постепенное становление системы санитарного контроля и медицинского обслуживания. Однако значительная часть населения, особенно в уездах, не могла пользоваться медицинской помощью.

Список литературы

1. Покровский В., Рихтер Д. Население России // Россия. Энциклопедический словарь Изд. И. Брокгауз и И. Эфрон. СПб., 1898. С. 99.

2. Хлонин Г., Эрисман И. Современное санитарное состояние России // Россия. Энциклопедический словарь. Изд. И. Брокгауз и И. Эфрон. СПб., 1898. С. 225.

3. Матвеев И. Н. г. Саратов в санитарном отношении в 1906 году. Отчет санитарного врача. Саратов, 1908. С. 63,77.

4. Райкова С. В., Завьялов А. И., Луцевич И. Н., Мясникова И. В. Научно-практический вклад общества санитарных врачей в развитие здравоохранения и становление санитарной службы в Саратовской губернии в конце XIX – начале XX века. // Саратовский научно-медицинский журнал. 2011. Т. 7, № 1. С. 176. // http://www.ssmj.ru/system/files/201101_176-182.pdf

5. О деятельности отделения народного здравия при Саратовской губернской земской управе с 1903 по 1908 г. Доклад IX губернскому съезду врачей и председателей земских управ Саратовской губернии. С. 1, 5.

6. Матвеев И. Н. Указ. соч. С. 10.

7. Там же. С. 97, 105-106.

8. Там же. С. 99.

9. Там же. С. 120.

10. Дробижев В. З. Демографическое развитие страны советов (1917 – середина 20-х годов) // Вопросы истории. М., 1986. №4. С. 17.

11. Морозов С. Д. Организация медицинской помощи, рождаемость, смертность, заболеваемость и продолжительность жизни в России. (1897-1917гг.). // Проблемы

демографии, медицины и здоровья населения России: история и современность. Материалы IV международной научно-практической конференции. Пенза, 2007. С. 3-4.
12. Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 418.
13. Моллесон И. И. Организация и распределение земской и думской врачебной помощи в Саратовской губернии к январю 1890 г. Саратов, 1892. С. 1-2, 15, 31, 51. 54, 87, 91.
14. Морозов С. Д. Указ. соч. С. 4.
15. Коммуна от 24 марта 1920 г.
16. Морозов С. Д. Указ. соч. С. 3.
17. ГАСО. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1382. Л. 56.
18. Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967. С. 418.
19. Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. С. 24.
20. Там же.

УДК 9(410.III)

ПУТЬ ИЗ ГРАФСТВА В ЛОНДОН: К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ В АНГЛИИ XIV–XVI ВЕКОВ

Л.Н. Чернова
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: larisachernova@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению одного из аспектов проблемы социальной мобильности в Англии XIV–XVI вв. Автор выявляет географию, а также конкретные пути и механизмы пополнения элитарного купечества Лондона за счет представителей нового дворянства: семейную солидарность, обучение в ливрейных компаниях, заключение браков с дочерьми и вдовами олдерменов. Приводимые факты могут служить яркой иллюстрацией того, как складывался союз джентри и купеческой элиты Лондона в переходную эпоху XIV–XVI столетий.

Ключевые слова: Лондон XIV–XVI вв., социальная мобильность, правящая элита, олдермены, купечество, джентри, ливрейные компании, матримониальная политика.

Way from the county to London: to the question about social mobility in England the XIV–XVI centuries

L.N. Chernova

The article is devoted to consideration of one of aspects of a problem of social mobility in England the XIV-XVI centuries. The author reveals geography, and also concrete ways and mechanisms of replenishment of elite merchants of London at the expense of representatives of the new nobility: family solidarity, training in the livery companies, the conclusion of marriages

with daughters and widows of aldermen. The given facts can serve as a bright illustration of how there was an union of gentry and a merchant elite of London during a transitional era of the XIV–XVI centuries.

Key words: London at the XIV–XVI centuries, social mobility, ruling elite, aldermen, merchants, gentry, livery companies, matrimonial policy.

Исследователи, изучающие историю Англии и английских городов XIV–XVI вв., единодушно признают высокую географическую и социальную мобильность общества [13, с. 68-69] (вследствие сокращения населения, особенно после Черной смерти, увеличения земельного рынка, экономических трудностей, с которыми столкнулось манориальное хозяйство, социального расслоения земельных собственников, усугубленного последствиями Столетней войны, роста цены на землю в XVI в. и пр. [4, с. 17-18]) и установление (уже с начала XIII в.) союза городской купеческой верхушки и английского дворянства, составлявшего одну из важнейших особенностей социально-политического развития этой страны. М. А. Барг отмечал, что социальная структура общества в Англии отличалась удивительной пестротой и переплетением имущественных и сословных статусов людей. Имущественное состояние, образовательный ценз, должность и просто материальные возможности человека вести образ жизни «джентльмена» оказывались достаточным основанием, чтобы в общественном мнении данный человек был принят за «благородного». Отсюда проистекала одна из характерных черт английского общества – интенсивная социальная мобильность, наиболее отчётливо проявлявшаяся на уровне графств – среднего и мелкого дворянства, с одной стороны, и преуспевающих бюргеров – с другой [11, с. 68-69, 73].

Особенно притягательным для иммиграции из графств был Лондон – один из средневековых «мегаполисов», с многоотраслевым хозяйством, центр международной торговли, управление которым находилось в руках богатейших купцов из «Двенадцати Больших ливрейных компаний» – олдерменов. По наблюдению К. Платта, состав городского управления в значительно меньшей степени зависел от выходцев из собственно Лондона, а пополнялся «лучшими талантами», прежде всего, из Восточной Англии и Центра [6, с. 117]. В данном контексте заслуживают внимания сведения, приводимые П. Рэмси: в 1480–1660 гг. из 170 мэров, возглавлявших столичный муниципалитет, только 14 по рождению были лондонцами; а из 403 купцов, составивших завещания, менее 10% родились в Лондоне; из 389 владельцев лавок и розничных торговцев – менее 4% [7, с . 110].

Как показывают наши источники, наибольшее число олдерменов XIV–XVI вв. – это выходцы из Восточной Англии, включающей графства: Кембриджшир, Линкольншир, Норфолк, Суффолк, Хантингдоншир и Эссекс. К данному региону тесно примыкает Юго-Восточная Англия – графства: Бэдфордшир, Бэкингемшир, Беркшир, Кент, Миддлсекс,

Оксфордшир, Суррей, Суссекс и Хартфордшир. Обращает на себя внимание практически полное отсутствие представителей Юго-Запада Англии, скорее всего, тяготевших к Бристолю. По мнению П. Рэмси, высшее купечество Лондона формировалось в основном за счет трех округов: центральных графств, особенно Стаффоршира и Шропшира, четырех восточных графств, расположенных южнее Йоркшира, и графств, окружающих Лондон [7, с. 110].

Определенная часть столичных олдерменов вела свое происхождение от землевладельческих фамилий различных английских графств. При этом в город уходили, как правило, младшие сыновья землевладельцев, прежде всего мелких дворян. В частности, Адам Фрэнси, торговец предметами роскоши (мерсер) XIV в., олдермен 1352–1375 гг., дважды избиравшийся мэром Лондона, представлявший интересы столицы на шести парламентских сессиях [2, с. 387], в лучшем случае был третьим по счету сыном, которому предстояло попытать счастье в городе. А принадлежал он, видимо, к широко разветвленному семейному клану Фрэнси, представители и ветви которого имелись в нескольких графствах: Линкольншире [5, с. 4], Ланкашире [5, с. 5-6] и Йоркшире [5, с. 4-5]. Также третьим сыном сэра Уильяма из местечка Паунтли в Глостершире был Ричард Уиттингтон, олдермен 1393–1423 гг., мерсер. Владения сэра Уильяма включали мелкий манор Паунтли с годовым доходом в 8 марок и небольшую собственность в местечке Соллершоп в Херефордшире [9, с. 374]. Ясно, что столь незначительные владения не могли обеспечить достойную жизнь трем сыновьям сэра Уильяма, и Ричард, как младший из сыновей, вынужден был отправиться на поиск лучшей доли в Лондон. Здесь он впервые появился в 1379 г. и на протяжении 40 лет «творил свою судьбу и управлял ею, создавая богатство в трех основных сферах своей деятельности: как торговец предметами роскоши, как королевский финансист и как экспортер шерсти» [1, с. 199]. Карьера Ричарда Уиттингтона в Лондоне была стремительной и успешной: уже в первые 10 лет своего пребывания в столице он мог свободно оперировать суммами свыше 2 тыс. ф., а через 14 лет после появления на страницах анналов лондонской истории был избран олдерменом [1, с. 199]. «Коллега» Ричарда Уиттингтона по компании мерсеров и олдермен 1426–1446 гг. Томас Уэндесфорд был младшим сыном сэра Джона, землевладельца из графства Йоркшир [9, с. 372]. Бакалейщик Уильям Кэпелл, олдермен 1435-1451 гг., значится как второй сын сэра Джона из Лестершира [9, с. 328]. Младшим из 11-ти сыновей землевладельца из Кента, дворянина незнатного происхождения, был лондонский галантерейщик и олдермен 1567–1571 гг. Генри Бэчер [10, с. 80]. Три брата Ишем – Грегори, Джон и Генри, достигшие больших успехов в Лондоне, создав семейную компанию, отличительной чертой которой являлась торговля дорогим итальянским текстилем, родились в селении Рингстед, графство Нортхемптон, в период между 1520 и 1530 гг. и были соответственно четвертым, пятым и шестым

мальчиками в семье эсквайра [8, с. 167].

На уход в город младших отпрысков землевладельческих семейств толкали слишком малые размеры получаемого наследства и доходы, которые не могли обеспечить подобающий их положению образ жизни. Не будем забывать, что в рассматриваемый период по букве права все еще соблюдался принцип единонаследия родовых владений земельных собственников. Поэтому младшие сыновья дворян зачастую вынуждены были искать для себя иные источники доходов. Ситуация облегчалась тем, что английские мелкие и средние вотчинники были широко и повсеместно втянуты в товарно-денежные отношения, будучи связанными с так называемой «новой вотчиной», возникавшей с XIV в. Они продолжали вести домениальное хозяйство, основанное на применении наемного труда, сочетали зерновое производство с товарным животноводством, эксплуатацией мельниц, солодовен, маслобоен и других аналогичных предприятий. Это было так называемое «новое дворянство» – джентри (как правило, в сословном отношении к ним принадлежали те, кто в источниках манориальной истории фигурирует как рыцарь – knight, эсквайр – esquire, просто джентльмен – gentleman, оруженосец – armiger и т.д.), умело приспособившееся к изменившимся условиям, стремившееся всячески повысить доходность своих владений [3, с. 1-5]. Для таких землевладельцев город не был чем-то далеким и незнакомым. Они успешно сочетали торговые занятия и предпринимательскую деятельность с эксплуатацией имевшейся в их распоряжении земли, осуществляя торговлю хлебом, сыром, мясом, шерстью и другой сельскохозяйственной продукцией. Джентри представляли собой «социальный гибрид» дворянина-землевладельца и предпринимателя, соединяя в доходной части своего бюджета земельную ренту и предпринимательскую прибыль [14, с. 98]. М. В. Винокурова отмечает, что в XVII в. коммерческая предприимчивость нового дворянства была не только очевидна, но и передавалась по наследству, в результате чего в указанное время возникали целые кланы коммерчески настроенных джентри, занятых в делах Лондонского Сити, Компании купцов-авантюристов, Средиземноморской торговле. В наиболее престижных купеческих компаниях столицы сыновья джентльменов, «выходцев из села», составляли от 16 до 30% [12, с. 48].

Каков был путь выходца из графства к вершине социально-экономического и административного могущества в Лондоне? Познакомимся поближе с некоторыми олдерменами.

Обратим внимание на фактор семейной солидарности. Как правило, приходившие в XIV–XVI вв. в Лондон отпрыски сельских джентри не были первопроходцами, в одиночестве проторявшими тернистый путь в столице. В частности, чуть ранее или, быть может, одновременно с Адамом Фрэнси в Лондоне оказались Саймон Фрэнси из Йоркшира, тоже мерсер, впоследствии богатейший финансист, олдермен и мэр столицы в 1355–1356

гг. [5, с. 4-5], а также Эллис и Ричард Фрэнси из Линкольншира, также торговцы предметами роскоши. О далеко не последней роли Ричарда в столичном социуме свидетельствует хотя бы то, что после кончины в 1374 г. он был похоронен в часовне известной лондонской церкви св. Ботольфа на Олдгейт [5, p. 4]. Достоверно установленным фактом являются тесные деловые связи (прежде всего, кредитные сделки и операции с недвижимостью), существовавшие между всеми перечисленными выше Фрэнси. В целом же в 40-х гг. XIV–XV вв. в деловом мире Лондона и его муниципалитете активно действовали, по меньшей мере, 10 человек из многочисленного семейного клана Фрэнси. Среди них были торговцы предметами роскоши и вином, ювелиры, трое из которых возглавляли корпорацию Сити в качестве мэров [2, с. 398].

Очевидно, что для значительной части выходцев из землевладельческих фамилий различных графств деятельность в Лондоне начиналась с прохождения ученичества в той или иной ливрейной компании. Лайонел Дакет, происходивший из землевладельческой семьи из графства Ноттингемшир, был определен в ученики к лондонскому торговцу предметами роскоши Джону Колету. В 1537 г. получил статус фримена; четырежды избирался старшим мастером лондонской компании мерсеров; стал купцом-авантюристом, торговал сукном и вином, покупал секуляризованные земли, предоставлял займы короне, активно участвовал в деятельности Московской компании, в организации экспедиций в Гвинею, в разработке Королевских рудников [10, с. 92]. Не менее успешной была карьера Фрэнсиса Банэма, происходившего из графства Хантингдоншир. Отец определил его учеником в компанию суконщиков Лондона. В 1541 г. Фрэнсис стал фрименом; дважды избирался старшим мастером своей компании; был участником Московской компании, торговал сукном, субсидировал корону. Умер весьма состоятельным человеком: оставил недвижимость в Лондоне, Суррее, Эссексе и Уэльсе, а также движимое имущество на сумму в 2200 ф. [10, с. 79]. Около 1537 г. Грегори Ишем поступил в обучение к купцу Уильяму Челшему и оказался в компании мерсеров, в 1546 г. став ее полноправным членом [8, с. 169]. Джон Ишем оказался в Лондоне 19 июня 1542 г., в день св. Петра, и стал учеником в компании мерсеров, где «…учился 9 лет…» [8, с. 170]. Самый младший из братьев Ишем, Генри, обучался сначала у Джорджа Хикфорда, мерсера средней руки, а затем перешел к брату Грегори и оставался под его началом до получения звания мастера в 1555 г. [8, с. 169].

Эффективным и широко распространенным инструментом, при помощи которого осуществлялась интеграция новичка в купеческий социум столицы, был Брак с горожанкой – дочерью или вдовой лондонского купца. Закрепиться в столичном обществе Адаму Фрэнси помогла не только семейная солидарность и поддержка родственников. К маю 1359 г. он женился на лондонской девушке по имени Эгнис, принадлежавшей к одной из купеческих фамилий Лондона, скорее всего,

торговцев предметами роскоши.

Немаловажную роль брак сыграл в судьбе о братьев Ишем. В декабре 1548 г. Генри женился на одной из двух дочерей Мэтью Дэйла из компании торговцев галантерейными товарами, купца-авантюриста. Если верить «Жизнеописанию Джона Ишема», супруга принесла ему хорошее наследство. А сам Джон Ишем в возрасте 26 лет женился на Элизабет Бакер, весьма состоятельной вдове Леонарда Бакера, горожанина и купца Лондона, и дочери Николаса Бакера, горожанина, оружейника [8, с. 169]. Благодаря женитьбе Джон получил внушительное состояние. Согласно брачному соглашению, ему перешла в управление недвижимость Леонарда Бакера: поместье в Оксфордшире, шесть домов в Лондоне, в том числе дом на Иронмангер-стрит, в котором жили Леонард и Элизабет. Движимое имущество Бакера оценивалось в 1787 ф. 10 ш. 8 п. «в товарах и кредитах» и 235 ф. 3 ш. 9 п. наличными [8, с. 170-171]. Эта весьма солидная сумма денег, – замечает автор «Жизнеописания», – «весьма кстати перешла к Джону Ишему», у которого почти «ничего не было своего… до брака» [8, с. 171].

Приведенные факты не только показывают конкретные пути и механизмы пополнения и обновления элитарного купечества Лондона за счет представителей нового дворянства, но и могут служить яркой иллюстрацией того, как складывался союз джентри и торговой верхушки Лондона в переходную эпоху XIV–XVI столетий.

Список литературы

1. Barron C. M. Richard Whittington: the Man behind the Myth // Studies in London History / ed. by A. Hollaender and W. Kellaway. L., 1969.

2. Beaven A. B. Aldermen of the City of London: in 2 vols. L., 1908. V. 1.

3. Mingay G. E. The Gentry: The Rise and Fall of a Ruling Class. L.; N. Y., 1976.

4. O'Connor S. J. Adam Fraunceys and John Pyel: Perception of status among merchants in Fourteenth-Century London // Trade, devotion and governance. Papers in later medieval history / ed. by D. Clayton, R. Davies and P. McNiven. Stroud, 1994.

5. O'Connor S. J. Biographical background: Adam Fraunceys // Calendar of the Cartularies of John Pyel and Adam Fraunceys / ed. by S. J. O'Connor. V. 2.

6. Platt C. The English Medieval Town. L.; Toronto; Sydney; N. Y., 1979.

7. Ramsey P. Tudor Economic Problems. L., 1966.

8. The Life of John Isham (Appendix II) // Isham, John. John Isham, Mercer and Merchant Adventurer: Two Account Books of a London merchant in the reign of Elizabeth I / ed. by G. D. Ramsey. Gateshead, 1962.

9. Thrupp S. The merchant class of the medieval London (1300-1500). Chicago, 1948. Appendix.

10. Willan J. The Muscovy Merchants of 1555. Manchester, 1953.

11. Барг М. А. Великая английская революция в портретах ее деятелей. М., 1991.

12. Винокурова М. В. Мир английского манора. По земельным описям Ланкашира и Уилтшира второй половины XVI – начала XVII в. М., 2004.

13. Всемирная история: в 6 т. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока / отв. ред. П. Ю. Уваров. М., 2012.

14. Лавровский В.М., Барг М.А. Английская буржуазная революция. М., 1958.

УДК: [94:327] (73+560)

«КТО ПОТЕРЯЛ ТУРЦИЮ?»: АНКАРА И НЕОКОНСЕРВАТОРЫ ДЖ. БУША-МЛ.

А.С. Шенин
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: shenin.andrei@gmail.com

Статья посвящена анализу американо-турецких отношений в период второго президентства Дж. Буша-младшего. Особое внимание уделяется фактору взаимодействия сторон в курдском вопросе. Указывается, что ухудшение отношений между странами было связано с желанием Вашингтона заставить Анкару участвовать в геополитических проектах. Подчеркивается, что американская политика формировалась в условиях получения демократами большинства в Конгрессе и ослабления неоконсервативной составляющей администрации.

Ключевые слова: Дж. Буш-мл., администрация США, неоконсерватизм, Р. Эрдоган, курды, Ирак, исламизм.

«Who Lost Turkey?»: Ankara and G. Bush Jr. Neoconservatives

A.S. Shenin

The article is devoted to analyzing the American-Turkish relations during the G. Bush Jr. second presidential term. The special emphasis is made on the interactions of both sides in the “Kurd issue”. It is pointed out that the worsening of relationships between two countries was related with the Washington’s attempts to force Ankara to take part in its geopolitical projects. It is underscored that the American policy formed when the Democrats got the majority in the Congress, and the neoconservative component within the administration weakened.

Key words: G. Bush Jr., U.S. administration, neoconservatism, R. Erdogan, Kurds, Iraq, Islamism.

К концу первого срока президента Буша-мл. американо-турецкие отношения переживали сильный спад. Он был связан с несколькими причинами (исламизация турецкого общества, несогласие с американскими планами в Ираке, санкции против Ирана и т.д.) Однако самой заметной было то, что Пентагон отказывался помочь Турции в борьбе с Рабочей партией Курдистана.

Надо сказать, что просьбу турок поддерживали даже представители Белого дома, которые пытались уговорить американский генералитет принять малозначительные меры, которые не повредили бы имиджу администрации Буша-мл. перед выборами, но отправили бы

положительный сигнал в Анкару. Однако в Пентагоне наотрез отказывались от борьбы с РПК, поскольку в условиях, когда американские войска «увязли» в других частях Ирака и несли большие потери, было глупо добавлять к числу своих противников еще пять тысяч опытных боевиков. К тому же, после начала партизанской войны в Ираке позиции неоконсерваторов серьезно ослабли и подобные инициативы по расширению фронта военных действий воспринимались крайне настороженно[1].

Возможность делать более решительные шаги по преодолению разрыва с Анкарой Белый дом получил только после победы Буша-мл. на президентских выборах в 2004 г. В Вашингтоне официально признали, что у США нет более сильного союзника на Ближнем Востоке, чем Турция, которая оставалась ключевым фактором безопасности, стабильности и гарантом реформ в регионе[2]. В целом, администрация была готова к тому, чтобы помочь союзнику в борьбе с РПК, но взамен Вашингтон хотел получить серьезные уступки.

Нежелание Анкары двигаться навстречу заставили администрацию Буша-мл. прибегнуть к открытому давлению на турецкое правительство. Так, угроза США перевести военные логистические поставки в Болгарию или на Кипр заставила Анкару разрешить американским самолетам выполнять «гуманитарные миссии» в Афганистане и Ираке, используя авиабазу Инджирлик[3]. Вдобавок, под давлением администрации премьер-министру Турции Р. Эрдогану пришлось отправиться с дружественным визитом в Израиль, который он еще несколько месяцев называл «государством, спонсирующим терроризм» из-за действий Тель-Авива против Палестины[4]. Только после этих уступок Анкары, Буш-мл. согласился принять Эрдогана в Белом доме, чтобы обсудить важные для Турции вопросы борьбы с РПК и энергетического транзита, связанного с пуском нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД)[5].

В течение 2005 г. Вашингтон активно пытался «обменять» поддержку в борьбе с РПК на поддержку Турции в сдерживании ядерной программы Ирана. В публикациях консервативной газеты «Вашингтон Таймс» эксперты подчеркивали, что иранский «ядерный вопрос» станет для Турции таким же испытанием, как для США «курдский вопрос»[6]. Анкара, в свою очередь, была крайне заинтересована в решении проблемы РПК перед парламентскими и президентским выборами в июле 2007 г. Террористические атаки со стороны курдской группировки «Соколы свободы Курдистана»[7] серьезно подрывали авторитет правящей «Партии справедливости и развития» перед избирателями, поэтому Анкара пошла на уступки по вопросу ограничения иранской ядерной программы[8].

Однако ответные действия Вашингтона оказались куда более осторожными, чем его обещания. Белый дом не торопился давать согласие на военные операции против террористов, все еще сомневаясь в готовности Турции поддержать санкции против Ирана[9]. 25 апреля 2006 г. во время визита в Анкару госсекретарь К. Райс пыталась еще раз

заручиться поддержкой Турции в «иранском вопросе», предложив взамен реальной военной поддержки создать трехсторонний консультативный орган с участием Ирака[10]. Ее идея вызвала негодование в Турции, но не имея других возможностей заручиться поддержкой Вашингтона, Анкара была вынуждена согласиться на переговоры[11].

Колебания и неуступчивость Турции по разным вопросам сильно беспокоили Вашингтон. Ввиду противоречивых сигналов из Анкары по вопросу поддержки санкций по Ирану, администрация добавила в турецкую повестку дня дополнительный «скрытый пункт» – укрепление связей с военной верхушкой Турции. Однако накануне промежуточных выборов в Конгресс администрация Буша-мл. предпочла не предпринимать принципиальных шагов по изменению формата американо-турецкого партнерства[12].

В ноябре 2006 г. итоги выборов показали, что американский народ больше не верит в идеи неоконсерваторов. Демократы одержали уверенную победу, получив большинство в Палате представителей – 232 места против 203 у республиканцев, и добившись равновесия в Сенате. Изменение баланса сил на Капитолийском холме угрожало привести к изменениям во внешней политике вообще и на турецком направлении в частности.

Хотя республиканец Д. Бертон, выступая в комитете по иностранным делам, заверял, что у демократов и республиканцев нет расхождений в отношении Турции[13], на деле вышло иначе. Раскол намечался даже внутри республиканской партии. В частности, ряд политиков, среди которых были представители традиционалистского направления (Д. Уилл, У. Бакли-мл.), палеоконсервативного крыла (П. Бьюкенен) и неоконсервативной группировки (Д. Фрум, М. Лидин, Р. Перл, М. Бут, Д. Муравчик, М. Рубин, Н. Эберстадт) раскритиковали Буша за результаты по демократизации Ближнего Востока[14]. Многие эксперты из демократических и республиканских «мозговых центров» прямо заявляли в своих работах, что Запад практически «потерял» Турцию, которая из союзника постепенно превращалась в противника США. Экс-госсекретарь США М. Олбрайт, подчеркивала, что у неоконсерваторов, в отличие от Клинтона, «не хватило чувствительности» в вопросе выстраивания отношений с Турцией[15].

Убедившись в неготовности администрации помогать в борьбе с курдами, премьер-министр Эрдоган перешел к более решительным действиям, угрожая односторонней военной операцией на территории северного Ирака, чем крайне обеспокоил своих коллег в Вашингтоне[16]. Опасаясь выхода ситуации из-под контроля, в январе 2007 г. Буш-мл. принял решение увеличить группировку американских войск в Ираке на 20 тыс. человек, пытаясь, таким образом, удержать Анкару от военных действий. Однако из-за сопротивления демократов в Палате представителей в Ирак были направлены лишь пять армейских бригад и две бригады морской пехоты, которые в основном были

передислоцированы в район Багдада, а не на север страны, как ожидали в Турции[17].

Регулярные провалы американской политики, обострившаяся межпартийная борьба и отсутствие четкой стратегии в отношении Турции в США привели к тому, что правительство Эрдогана постепенно изменило вектор внешней политики с Запада на Восток. Анкара укрепила отношения с Сирией и Палестиной, сопротивлялась санкциям в отношении Ирана, жестко критиковала Израиль[18]. Растущие связи с восточными странами оказывались для Анкары существенно выгоднее как с экономической, так и с политической точек зрения.

Глядя на растущую политическую самостоятельность правительства Анкары, в Вашингтоне приняли решение поменять вектор двустороннего сотрудничества. Во время выступления на слушаниях в Конгрессе заместитель госсекретаря Д. Фрайд заявил, что теперь ключевое место в списке приоритетов двустороннего партнерства будет отведено энергетическому сектору[19]. Таким образом, правительство США заявило об изменении роли Турции во внешней политики с потенциального регионального лидера под протекторатом США на ключевой транзитный центр, формирующий непосредственные связи между каспийскими и центрально-азиатскими энергетическими запасами и мировыми рынками. В рамках акцентирования внимания на энергетическом сотрудничестве между США и Турцией, Вашингтон запланировал тайную операцию с участием американского спецназа с целью обезопасить трубопроводы от атак курдских террористов и поощрить Анкару[20].

В целом, в первой половине 2007 г. действия администрации Буша-мл. были целиком направлены на восстановление отношений с Турцией. Анкара, в свою очередь, также была заинтересована в усилении энергетического сотрудничества с США. Наблюдателям казалось, что в американо-турецких отношениях наступил долгожданный период взаимовыгодного партнерства. Однако в сентябре того же года Буш-мл. неожиданно развернул американскую внешнюю политику «спиной к Турции» ради политических очков для Республиканской партии на предстоящих в 2008 г. выборах. В частности, он объявил о выводе 30 тыс. американских солдат из Ирака, а 26 сентября Сенат принял резолюцию по федерализации Ирака, которая должна была стать финальным аккордом военной кампании США[21]. Этот документ, фактически поддерживавший создание Курдистана, стал серьезным препятствием для развития американо-турецких отношений[22].

Непоследовательность американской политики привела также к отказу Анкары от планов по размещению мобильного радиолокационного комплекса «X-Band» на территории Турции[23]. Несмотря на обещания материальной помощи для модернизации армии и инвестиции в военный сектор на сумму более 1 млрд. долл., Турция отказалась от участия в любых военных проектах, если они не касались сотрудничества в рамках НАТО[24].

Таким образом, можно сказать, что к концу президентства Дж. Буша-мл. у неоконсерваторов отсутствовала долгосрочная стратегия в отношении Анкары, а их политика «перевернула вверх ногами» расклад сил внутри Турции[25]. В частности, бывшие прозападные кемалистские круги стали все чаще высказываться против союза с США и ЕС, в то время, как бывшие исламисты, наоборот, наладили устойчивые связи с Брюсселем и Вашингтоном[26]. К тому же, нестабильность американской политики в отношении Турции способствовала развороту внешней политики Анкары в сторону восточных стран, похоронив идею демократов о гегемонии Турции на Ближнем Востоке под контролем США.

Список литературы

1. Sachs, S. U.S. Tells Turks It Won't Fight Kurds // The New York Times. 2005. January, 12. P.10.; Kapsis, J. From Desert Storm to Metal Storm: How Iraq Has Spoiled US-Turkish Relations // Current History. November, 1. 2005. P.380.

2. U.S. House of representative. Hearing before the committee on Europe and emerging threats of the committee on international relations. The state of US-Turkey relations. Testimony of Robert Wexler. 2005. May, 11.

3. Editorial. Erdogan to Let Planes Use Baseturkey Aims for Better U.S. Ties // The Washington Times. 2005. April, 12; Zaman, A. Turkey Oks Expanded U.S. Use of Key Air Base // Los Angeles Times. 2005. May, 3.P.2.

4. Meixler, L. Turkey Eager to Fix Ties with Europe, U.S. // The Record. 2005. May, 1.

5. Zaman, A. Turkey Oks Expanded U.S. Use of Key Air Base.

6. Gaffney, F. «No» to Islamist Turkey // The Washington Times. 2005. September, 27.; Boustany, N. Returning to Turkey With Keen Insight on Democracy in America // The Washington Post. 2005. October, 12.P.13.; Pantucci, R. Trans-Atlantic Lesson // The Washington Times. 2005. October, 19.

7. Сергеев, В. Соколы свободы взрывают своих [электронный ресурс] // Интернет-издание Газета.ru (официальный сайт). 2006. Сентябрь, 13. URL:http://www.gazeta.ru/2006/09/13/oa_215806.shtml (дата обращения 17.08.2013).

8. Schleifer, Y. Caught in the Fray: Turkey Enters Debate on Iran's Nuclear Program // The Christian Science Monitor. 2006. February, 2.P.5.

9. Ibid.

10. Гурьев, А. О ситуации в Турции (апрель 2006) [электронный ресурс] // Институт Ближнего Востока (официальный сайт). 2006. Август, 2. URL: http://www.iimes.ru/?p=4790 (дата обращения 17.08.2013)

11. Там же.

12. Roundup of Turkish Press Comment on USA's Rice visit // BBC Monitoring European. 2006. April, 26; Симонов, В. Выборы в Конгресс: Что решит Америка? [электронный ресурс] // РИА Новости (официальный сайт). 2006. Октябрь, 1. URL: http://ria.ru/analytics/20061101/55293460.html#ixzz2lvIxTXUp (дата обращения 19.08.2013)

13. House of Representatives. The Committee on Foreign Affairs. U.S.-Turkish Relations and The Challenges Ahead. Testimony of Dan Burton. 2007. March, 15.

14. Podhoretz, N. Is the Bush Doctrine Dead? // Commentary. 2006. September, 1. P.17.

15. Knowlton, B. Rice Faces a Key Test in Visit to Turkey // International Herald Tribune. 2005. February, 2.

16. Daloglu, T. Don't Protect the PKK // The Washington Times. 2007. February, 20; Гурьев, А. О ситуации в Турции (январь 2007) [электронный ресурс] // Институт

Ближнего Востока (официальный сайт). 2007. Февраль, 1. URL: http://www.iimes.ru/?p=5426 (дата обращения 21.08.2013)

17. Рост численности войск США в Ираке может ускориться [электронный ресурс] // IIP Digital. Embassy of USA (официальный сайт). 2007. Январь, 29. URL: http://iipdigital.usembassy.gov/st/russian/texttrans/2007/01/20070129091224mvyelwarc0.7054865.html#axzz2m0v0W6ze (дата обращения 22.08.2013)

18. Sheridan, M. Turkey's Foreign Policy Moves Raise Concern in West and at Home // Washington Post. 2010. June 7. P.1.

19. House of Representatives. The Committee on Foreign Affairs. U.S.-Turkish Relations and The Challenges Ahead. Testimony of Daniel Fried. 2007. March, 15.

20. Novak, R. Bush's Turkish Gamble // Washington Post. 2007. July, 30. P.15.

21. U.S. Senate. A concurrent resolution expressing the sense of Congress on federalism in Iraq.. Introduced Res.37, 110th Congress. June 7, 2007. Washington D.C., 2007.

22. Daloglu, T. The Energy Matrix ; Turkey is Key Connector // // The Washington Times. 2007. September, 18.

23. Enginsoy, U. Gates, Turkish leaders held missile defense talks, US says // Turkish Daily News. 2008. March, 12.

24. Batur, N. Füze kalkanında biz olmayacağız [электронный ресурс] // «Sabah» (официальный сайт). 2008. Nisan, 16. URL: http://arsiv.sabah.com.tr/2008/04/16/haber,C2C9DA7855534D6C9E828CAD85188202.html (дата обращения 27.08.2013)

25. Editorial. Kurdish Conflict the U.S. Nods and Winks while Turkey Attacks // Pittsburgh Post – Gazette. 2007. December, 21.

26. Taspinar, O. Turkey’s Middle East Policies Between Neo-Ottomanism and Kemalism // Carnegie Papers From the Carnegie Middle East Center. 2008. N10.

УДК 370.5(470.44)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭНЕРГОТРАНЗИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА УКРАИНЫ (НА ПРИМЕРЕ НЕФТЕПРОВОДА ОДЕССА-БРОДЫ)

С.Ю. Шенин

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия

E-mail: shenins@yahoo.com

Статья посвящена изучению истории появления и функционирования крупнейшего украинского нефтепровода Одесса-Броды. Подчеркивается, что создавался проект под влиянием западных стратегических планов и желания в эти паны включиться. В конечном итоге, неправильный подход и неточные расчеты привели не только к потери инвестированных в проект денег, но и к усилению вмешательства других стран во внутренние дела Украины.

Ключевые слова: Украина, нефтепровод, Каспий, транснациональные корпорации, США, Европейский Союз.

Problems and Prospects of the Ukrainian Energy Transit Potential (the Odessa-Brody pipeline case)

S.Y. Shenin

The article is devoted to studying the history and functioning of the largest Ukrainian pipeline Odessa-Brody. It is emphasized that the project was made up under the influence of the western strategic plans and desire to be integrated into these plans. After all, the wrong approach and incorrect calculations resulted in the loss of invested money and growing intervention of the foreign powers into the Ukrainian internal affairs.

Key words: Ukraine, pipeline, Caspian sea, transnational corporations, United States, European Union.

Украина как молодое независимое государство, возникшее на обломках СССР, оказалась очень уязвимой не только в плане формирования эффективных государственных институтов (это общая проблема для всех стран постсоветского пространства), но и с точки зрения поисков своего места в региональной (не говоря о глобальной) системе разделения труда. Эти поиски стали крайне острой проблемой для украинской элиты после того, как в середине 1990-х гг. к ней окончательно пришло осознание, что Запад, Европа и Америка не горели желанием вытаскивать «незалежную» из той экономической пропасти, куда она очень быстро и бесповоротно скатывалась.

Конечно, администрация Клинтона постоянно объявляла «серьезные инициативы» с целью оказания помощи Украине, которую сначала заставили включиться в программу Нанна-Лугара по ликвидации ядерного наследия СССР, потом, с 1995 г., объявили о начале «шокотерапевтической» фазы реформ и т.д. Тем не менее, на примере соседней России украинская элита видела результаты таких инициатив и не очень на них рассчитывала. Поэтому украинское руководство пыталась использовать другие естественные плюсы для своего развития. Одним из таких плюсов представлялось очень выгодное геоэкономическое узловое положение на евразийском континенте – через Украину продегает кратчайший путь поставок энергоресурсов из Азии в Европу, что подтверждалось, например, прохождением через ее территорию нефте- и газопроводов из России в Европу.

Особенно перспективным представлялось использование этого «плюса» после того, как в середине 1990-х гг. в США и Европе активно заговорили об углеводородных «несметных богатствах» Каспия. Так, американские правительственные эксперты и специалисты из «мозговых центров» (например, «Херитидж Фаундэйшн») утверждали, что Каспий – это «второй Персидский залив», который в своих недрах содержит более 200 млрд. баррелей нефти. Крупнейшие западные корпорации готовились начать разработку этих богатств, правда, проблема их транспортировки на мировой рынок на тот момент не была решена.

Не использовать «каспийский бум» было бы недальновидно. Только что избранный молодой и энергичный президент Украины Леонид Кучма предложил построить нефтепровод, который мог по кратчайшему маршруту доставить каспийскую нефть на европейские нефтеперерабатывающие заводы (НПЗ). Предполагалось, что азербайджанскую (а потом и казахстанскую) нефть будут доставлять танкерами в Одессу, а оттуда по построенному трубопроводу будут перекачивать в магистральную «Дружбу» около города Броды в Львовской области. При этом расчет делался на то, что Россия в условиях кризиса будет продолжать снижать добычу нефти и «Дружба» будет недогружена. В крайнем случае, если магистраль не сможет принять дополнительную нефть, то трубопровод Одесса-Броды (ОБ) можно будет продолжить до польской границы, чтобы доставлять сырье на польские НПЗ и переправлять дальше в Европу или Скандинавию через гданьский порт.

Украинское правительство начало строительство нефтепровода Одесса-Броды в 1996 г., т.е. сразу после того, как в США был принят закон о санкциях против Ирана (Iran-Libya Sanctions Act – ILSA), который означал, что наиболее короткий, выгодный и хорошо обеспеченный инфраструктурой иранский маршрут, который поддерживался западными, в первую очередь, американскими корпорациями, был надежно заблокирован. Планировалось, что эксплуатационная длина трубопровода ОБ составит 667 км, а проектная мощность была заложена в 14,5 млн тонн прокачиваемой нефти в год. Финансирование строительства полностью взяло на себя правительство Украины, которое предполагало потратить 100 млн долл. Сумма небольшая, но учитывая плачевное состояние экономики страны, едва подъемная.

Каспийские нефтедобывающие страны (Азербайджан и Казахстан) инициативу по строительству вроде бы приветствовали, но никаких гарантий наполнения трубы не давали. Западные страны, особенно европейские, также одобряли это строительство, поскольку поддерживали сам принцип диверсификации поставок углеводородов с Каспия, возможность обойти российскую территорию, а также указывали на необходимость избежать увеличения «танкерного давления» на Босфор, против чего постоянно протестовали турки [1].

Однако, пока строительство трубопровода на Украине неспешно разворачивалось, для транспортировки казахской нефти с Тенгиза начал строить свой трубопровод российский консорциум КТК. Кроме того, США разработали и даже подписали все межправительственные документы на строительство другого нефтепровода с Каспия на Запад – Баку-Тбилиси-Джейхан (БТД). Этот трубопровод должен был строиться в рамках американской стратегии «великого шелкового пути», смысл которой заключался в создании энергетического коридора Восток-Запад в обход России, т.е. в том, чтобы снизить зависимость стран Прикаспия от Москвы.

В случае постройки КТК и начала реального строительства БТД смысл существования нефтепровода Одесса-Броды оставался, только если

вся каспийская нефть (азербайджанская, казахская и туркменская) не поместится в американскую и российскую трубы (варианты с китайским направлением тогда не рассматривались). А это могло произойти только в том случае, если прогнозы запасов в 200 мрд. баррелей оправдаются, а также будет улажена проблема статуса Каспия и построен транскаспийский трубопровод.

В мае 2001 г., когда ОБ уже достраивался, шансы на его состоятельность выросли в связи с объявлением администрацией Дж. Буша-мл. новой энергетической стратегии, которая уделила очень большое внимание каспийскому региону и диверсификации доставки углеводородов на мировой рынок.

Тем не менее, когда в 2002 г. объект был достроен и лично Кучмой был торжественно сварен последний стык, нефти для загрузки в него не нашлось (кроме символического первого танкера – 5 августа 2002 г. в морском нефтяном терминале "Пивденный" был обслужен танкер с 100 тыс. тенгизской нефти на борту). Все, что добывалось в Азербайджане и в Казахстане шло в Новороссийск по уже построенной инфраструктуре и отправлялось танкерами через Боспор в Средиземное море.

С 2002 по 2004 гг. трубопровод ОБ ржавел, несмотря на очень громкую кампанию, развернутую ЕС и США по пропаганде возможностей объекта, по вопросу о том, что сам факт его существования свидетельствовал о выборе прозападной ориентации Украиной. Ни Казахстан, ни Азербайджан, ни западные нефтяные ТНК не хотели брать на себя никаких обязательств по транспортировке углеводородов через Одесса-Броды. И уже совсем бессмысленно объект стал выглядеть после начала строительства БТД в апреле 2003 г., наполнить который при очень скромных темпах роста добычи нефти на Каспии было крайне сложно, ибо пропускная способность БТД – 50 млн. т. в год, а это все, что добывалось в Азербайджане.

Конечно, США теоретически могли изначально сделать ставку не на БТД, а на ОБ, чтобы достичь тех же стратегических целей – направить нефть с Каспия в обход России и Боспора. Однако для Вашингтона принципиальным моментом было собрать группировку надежных союзников на южных рубежах России – Азербайджан, Грузию и Турцию, а также добавить к ней Израиль в качестве основного потребителя каспийской нефти. Поэтому США не были напрямую заинтересованы в нефтепроводе ОБ, и он был обречен оставаться «резервным направлением».

Естественно, что Кучма, который планировал включиться в западные стратегические планы со своим детищем и зарабатывать для страны около 90 млн. долл. в год, был страшно разочарован, его жестко критиковали в СМИ либо за некомпетентность, либо за «вредительство». Ржавеющий нефтепровод превратился в фактор его дискредитации, что особенно болезненно выглядело в свете надвигавшихся в 2004 г. выборах.

Отчаявшись получить нефть от каспийских республик для поставки в

Европу, он ухватился за предложение, сделанное ему в начале 2004 г. российской ТНК-ВР о реверсной прокачке углеводородов из трубопровода «Дружба», который уже переполнялся, в направлении Одессы для транспортировки танкерами через Боспор (о желании прокачивать сырье в реверсном режиме заявили еще две российские корпорации - "Лукойл" и "Юкос".). На Западе это намерение вызвало серьезный резонанс – газеты писали, что реверса нельзя допустить, ибо построив трубопровод из Азии в Европу, Украина окончательно выбрала западную ориентацию, а США и ЕС должны сделать все, чтобы она сохранила эту ориентацию.

В результате, правительство США в лице заместителей госсекретаря Э. Джоунс и С. Пайфера предупредило Кучму, что русский план – это зависимость от Москвы и угроза разлива нефти в Боспоре. Кроме того, даже краткосрочное использование Одесса-Броды в реверсном режиме приведет к потере статуса каспийского транзитера, ибо имевшийся небольшой объем нефти будет транспортироваться по другим каналам. Наконец, было указано, что Украина сама виновата в отсутствии контрактов – надо активнее вести переговоры с корпорациями [2].

Реагируя на критику, вице-премьер А. Клюев провел несколько раундов переговоров с американскими партнерами, в результате которых 3 февраля 2004 г. украинское правительство получило предложение от ТНК «Шеврон-Тексако», которая обещала поставить нефть в ОБ из Казахстана. Однако очень быстро и Казахстан, и Азербайджан подтвердили, что у них нет нефти для транспортировки по маршруту Одесса-Броды[3].

Кучма был в ярости. Он уволил чиновников правительства, ответственных за каспийское направление, и 8 июля 2004 г. подписал соглашение о реверсном использовании ОБ с российской ТНК-ВР, которая пообещала в 2005–2007 гг. прокачивать по трубопроводу ежегодно около 9 млн. т нефти марки Urals. Прибыль Украины от этих поставок оценивалась в 92 млн. долл. Реверсная прокачка началась осенью 2004 г.

Хотя сделка была достаточно выгодна (учитывая отсутствие других вариантов), Кучма понимал, что Запад будет требовать отказаться от реверсного режима. Поэтому уже 12 июля он предпринял следующий шаг, который должен был сделать трубопровод по-настоящему важным и жизнеспособным – он одобрил создание украинско-польского консорциума «Сарматия» для продолжения строительства трубы до Плоцка и Гданьска. Стоимость проекта составляла 500 млн. долл. Украинское правительство надеялось, что соединение трубопровода с европейскими системами могло вызвать интерес у владельцев нефти в каспийских странах.

Правда, Кучма не смог воспользоваться «реверсными» деньгами. Уже в декабре 2004 г. он был смещен со своего поста «оранжевой» командой, за которой явственно просматривались интересы ЕС и США. Новый президент Украины Виктор Ющенко назвал нефтепровод «Одесса-Броды» «одним из самых удачных энергетических проектов страны» и заявил о намерении переориентировать его на поставки каспийской нефти в Европу.

Ющенко и президент Польши Квасьневский договорились срочно достроить нефтепровод до Гданьска. Затем премьер Юлия Тимошенко заявила о готовности прекратить реверс и пустить в нефтепровод казахскую нефть в направлении Европы[4].

После этих заявлений «оранжевыми» руководителями страны было предпринято несколько попыток заставить Одесса-Броды работать в аверсном режиме. Однако, несмотря на постоянные «заверения в уважении», ни Польша, ни ЕС денег на достройку нефтепровода так и не дали, поскольку всем было очевидно, что это очень рискованное мероприятие, и удлинение ОБ не гарантировало поставок необходимых объемов нефти для прокачки в сторону Европы. Действительно, время от времени Азербайджан и Казахстан под давлением США заявляли о готовности дать нефть для ОБ, но затем обязательно находили возможность отказаться от своих обязательств. Соответственно, весь период правления В. Ющенко правительство предпочитало пользоваться плодами «реверсного» использования нефтепровода, получая деньги от ТНК-ВР.

Как ни странно, ситуацию изменил «пророссийский» президент В. Янукович. В середине 2010 г. эксплуатация нефтепровода в реверсном режиме была прекращена. С ноября того же года начались попытки прокачки венесуэльской (а по сути, азербайджанской) нефти в Белоруссию в рамках двухлетнего контракта. Однако вместо плановых 4 млн. т. в год в 2011 г. удалось прокачать только 1 млн. т. С конца 2011 г. поставки по этому контракту также были прекращены. В том же 2011 г. украинское правительство попыталось прокачать большую партию азербайджанской нефти для НПЗ в Чехии, но наткнулось на сопротивление Словакии. В результате нефть была переработана на территории Украины с большими убытками. Одновременно, Польша и «Сарматия» от идеи достроить Одесса-Броды до Гданьска окончательно отказались[5].

В конце 2013 г. нефтепровод опять был подготовлен к транспортировке нефти в реверсном режиме для прокачки российской нефти для Одесского НПЗ, входящего в принадлежащую Сергею Курченко группу компаний «ВЕТЭК». Хотя в Киеве в декабре началась очередная революция, в феврале 2014 г. Одесса-Броды снова заработал в реверсном режиме.

Таким образом, на примере нефтепровода Одесса-Броды можно увидеть, что большие деньги, инвестированные в плохо просчитанные политические, проекты, особенно, в государстве с неустоявшимися властными институтами, формируют дополнительные риски для страны, стимулируют ее нестабильность и внешнее вмешательство в ее внутренние дела.

Список литературы

1. Eu/Ukraine: Chernobyl Power Station Closure Deferred? // European Report November 4, 2000 (http://www.highbeam.com/doc/1G1-66668811.html)

2. USA tells Ukraine it is interested in Caspian oil pipeline. Interfax news agency //

BBC Monitoring Former Soviet Union. January 23, 2004.
3. Ukraine opts for Western oil pipeline strategy. UNIAN news agency // BBC Monitoring Newsfile. February 4, 2004.
4. Лучшие друзья Москвы: Украина будет качать венесуэльскую нефть в Белоруссию (http://regnum.ru/news/polit/1335270.html)
5. «Одесса-Броды» стал жертвой неэффективной политики // Экономические известия (http://ekonomika.eizvestia.com/full/odessa-brody-stal-zhertvoj-neeffektivnoj-politiki)

УДК 321

ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ ВО ФЛОРЕНТИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ГУМАНИЗМЕ

И.Я. Эльфонд
Саратовский социально-экономический институт Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, Россия
E-mail: iyelfond@mail.ru

Статья посвящена анализу проблемы свободы во флорентийском гражданском гуманизме. Автор доказывает наличие эволюции в трактовке данного понятия на протяжении 15 века и утверждает, что изменения во флорентийской коммунальной республике определили новую трактовку категории свободы как моральной категории и отказ от понимания свободы как важнейшей политической ценности государства.

Ключевые слова: гражданский гуманизм, свобода и равенство, этика, республика и тирания.

The problem of liberty in Florentine civic humanism.

I.Ya. Elfond

The paper deals with the problem of liberty in civic humanism, The author suggest the concept of evolution in interpretation of that category during 15-th century and insist that changes in Florentine commune after 1534 determinate new treatment of liberty as an moral category rather than the main political value of state.

Key words: civic humanism, liberty and equality, ethics, republic and tyranny.

Понятие «гражданский гуманизм», введенное уже более полувека назад Г. Бароном [1-5] стало определяющим для целого направления флорентийского гуманизма. Концепция Барона отразилась в трудах Э. Гарэна, Л. Мартинеса, К. Бека, К. Варезе, Дж. Вазоли, Н. Рубинстайна и др. [13, 14, 24, 16, 6, 7, 19, 20, 18] и данное направление достаточно детально исследовалось в нашей литературе – от социальных до исторических концепций [21-23, 27-29]. Однако, сама проблема свободы,

анализ эволюции понятия, которое является принципиально важным для всех теоретиков гражданского гуманизма, как-то мало привлекала специального внимания исследователей [17], хотя в свое время Р. Уоткинс издала подборку текстов «Гуманизм и свобода» в переводе на английский язык [15]. Между тем, понятие «свобода» (libertas, ελεφτέρια) являлось своего рода краеугольным камнем в политической теории гражданского гуманизма и нашло свое отражение не только в политических и исторических концепциях, но и в этике гражданского гуманизма.

Уже в первых же сочинениях, в которых прослеживаются идеи гражданского гуманизма, то есть в «Инвективе против Антонио Лоски» К. Салютати и «Восхвалении города Флоренции» Л. Бруни наблюдается одинаковый подход не только к проблеме свободы, но и к трактовке самого понятия «свобода». Для Салютати свобода является категорией как этической, так и политической. В его представлении «свобода самое сладостное из благ, она представляет собой Божественный дар, который и называют свободой» [26, с. 135]. Но все же для гуманиста именно этот божественный дар – важнейшая политическая характеристика, наличие или отсутствие которой определяет характер общества, его бытия и общественной морали. Свобода для Салютати – не воля, не вседозволенность бытия одного лица в обществе. Свобода определяется им точно – для нее характерно и определенное добровольное принуждение, он говорит о «сладкой узде законов», и комментирует это определение; согласно ему свобода состоит в том, чтобы «жить согласно праву и подчиняться на распространяющихся на всех законам» [26, с.134]. Таким образом, свобода, равенство и право в трактовке Салютати сплетены воедино, и его понимание категории «свобода» предполагает и включает добровольное согласие человека подчиняться праву, одновременно приобретая равные юридические права. Именно этот последний момент обеспечивает торжество равенства в обществе, где наличествует свобода. В силу этого свобода приобретает еще одну ипостась: свобода оказывается «стражем законов» [26, с.128.].

Этот неразрывный комплекс трех политических принципов организации общества и определяет содержание политической свободы, а наличие ее согласно концепции гуманиста обуславливает превосходство государства и общества, где восторжествовали подобные политические принципы, над всеми прочими. Именно на этом теоретическом постулате и базируется прославление Флорентийской республики как государства, в котором политическая свобода торжествовала издавна. Данный тезис дополняется подчеркиванием исторической основы политической организации республики, поскольку родоначальником политической свободы объявляется Древний Рим. Салютати декларирует (тем самым доказывая еще одно преимущество политического строя Флоренции) прямое происхождение этого строя от республиканского Рима. В его изображении быть флорентийцем означает также «быть по происхождению и по закону гражданином Рима, а, следовательно, свободным и не рабом» [26, с.135].

Тем самым автор подводит читателя к выводу и о превосходстве Флорентийской республики над всеми другими итальянскими государствами, в том числе и сохранившими республиканский строй: «да разве ты видел в Италии или каком либо ином крае свободу, которая была бы полнее и совершеннее флорентийской свободы» [26, с.129]. Тем самым Салютати не просто закладывает в теории гражданского гуманизма основы представлений о политической свободе, но и неразрывно связывает ее с доказательством превосходства политического устройства Флорентийской республики. Отсюда вытекает и логический вывод о том, что флорентийцы «тверды в своей решимости всеми силами и средствами защищать ее как свою жизнь, мало того – больше жизни, чтобы это лучшее наследство, полученное нами от предков, с Божией помощью передать нашим потомкам целым и невредимым» [26, с.128].

Идеи, высказанные Салютати в инвективе, нашли свое дальнейшее развитие в концепции его ученика Л. Бруни. Бруни считается признанным главой гуманистов первой половины XV в., ведущим идеологом гражданского гуманизма, а его творчество неразрывно связано с данным направлением. Даже в своей трактовке этических проблем он шел от позиции гражданственности, решение проблемы свободы обусловило содержание его гуманистической концепции. Трактовка им понятия свободы во многом определяла лицо гражданского гуманизма. Согласно трактовке Бруни свобода – понятие прежде всего политическое, но в то же время и обязательное условие самого человеческого бытия: «все мы должны стремится к свободе в такой же степени как стремимся к жизни» [9, p. 82]. Уже в «Восхвалении города Флоренции (1403) он детально рассуждает о политических приоритетах флорентийского общества и главным из них называет свободу: согласно ему, «флорентийцы больше остальных прославляют свободу и крайне враждебны тиранам» [10, p. 245]. Более того, свобода является имманентно присущим для менталитета флорентийцев качеством, и потому-то Флоренция обрела особую историческую миссию защитницы всей Италии. Согласно Бруни «бороться за свободу Италии для нее является привычным», а потому Италия ей многим обязана, поскольку «неоднократно благодаря этому народу вся Италия была освобождена от опасности рабства» [10, p. 246]. Это еще более сближает Флоренцию с Древним Римом, поскольку, утверждает Бруни, римляне также «против врагов сражались за свободу Италии».

Свобода провозглашается обязательным и необходимым условием самого существования флорентинцев; именно по этой причине «свобода, без которой, по мнению народа, он не мог бы жить», определяет общественное бытие и характер политической организации. Этот политический принцип является неразрывно связанным со справедливостью, равенством и правом, которые выступают как некий гарант торжества принципа свободы в государстве. Только благодаря этому гаранту «свобода процветает, и свято сохраняется в государстве справедливость» и «во всех делах преобладают народ и свобода» [10, p.

260]. Именно торжество этих политических принципов и показывает политическое превосходство флорентийского государства и нравственное торжество самих флорентийцев «нигде так не процветает полная свобода и не уравнено положение великих и малых» [10, p. 262].

Таким образом, Бруни усложняет конструкцию Салютати. Для его учителя свобода сочеталась с равенством и правом, и именно этот комплекс трех политических принципов обеспечивал превосходство Флоренции и определял характер политической организации коммуны. Бруни полагал, что сама свобода обеспечивается наличием не двух, а трех других принципов и добавлял к ним принцип справедливости (категория, которая им относится также и к этике). А поскольку на этих трех принципах базируется общественный строй республики и институциональные органы власти, то следует считать, что гуманист полагал свободу более высоким принципом и полагал, что она не может существовать и инкарнироваться в политических учреждениях, если в наличии нет справедливости, права и равенства.

Интерпретация Леонардо Бруни исторического прошлого во многом также основана на трактовке им понятия политической свободы. Поэтому особое значение в его историческом повествовании приобретают события, связанные с политической трансформацией общества. Он неразрывно связывает процветание и мощь отдельных государств с верностью соблюдения ими принципа свободы. Наиболее основательно данная проблема рассматривается при анализе эволюции политического строя Древнего Рима – от республики к принципату. Согласно Бруни, все величайшее дела древнего Рима относились ко времени процветания свободы, то есть к эпохе торжества республики, когда «процветала святая и незыблемая свобода» [10, p. 262]. В его трактовке с этим периодом связаны величайшие достижения Рима: «дело, и имя империи возникли под властью консулов, диктаторов и военных трибунов, которые являлись должностными лицами свободного народа» [9, p. 22]. Принципиальный отказ от культа свободы и определяет упадок государства и общества. Бруни в своем историческом объяснении следует четкой идее – «начало упадка римской империи следует относить примерно к тому времени, когда Рим, утратив свободу, начал рабски покорствовать императорам» [9, p.14]. Именно отказ от свободы как важнейшей основы самого существования римского общества при переходе от республики к принципату определяет все бедствия позднего Рима: «свобода отступила перед императорским титулом, а вслед за ней исчезла и доблесть» [9, p.14]. Этим он и объясняет и успехи варварских вторжений, и само падение Рима. Следует отметить, что при разработке этой концепции Бруни отталкивается от исторического объяснения Тацита.

Трактовка гуманиста античной истории распространяется им и на оценки эпохи средневековья. Даже подъем и расцвет средневековых итальянских городов он связывает исключительно с их жаждой свободы, с тем, что «постепенно итальянские города стали стремиться к свободе» [9,

p. 25]. Наличие свободы Бруни провозглашает имманентным свойством правильно организованного государства независимо от эпохи и политического строя. Неслучайно описание его времени установления «Ordinamenti della guistitia», т.е. важнейших в истории Флорентийской республики законов, связывается им с анализом понятия «свобода». Для Бруни (в этом его отличие от других теоретиков гражданского гуманизма), как уже отмечалось, свобода сама по себе просто не существует, воплощается только в случае торжества трех принципов - сочетания равенства, права и справедливости. А в силу этого она может наличествовать в обществе только в определенных условиях, при сохранении власти народа; в силу чего «свобода удерживается народом при соблюдении двух условий: при сохранении законности и справедливости». Более того, господство закона объявляется им обязательным условием торжества политической свободы: «Насколько долго эти законы в силах обладать в городе властью большей, чем могущество отдельных граждан, настолько долго в нем сохраняется и свобода» [9, p. 82].

Более того, сама республика может торжествовать только при сохранении свободы и принципа равенства. Речь Джано делла Белла представляет собой анализ именно условий консервации свободы в государстве. Мнение гуманиста однозначно – при условии соблюдения эгалитаризма обеспечивается и наличие свободы для всех граждан. «чем больше в одиночестве размышлял я о республике, тем больше утверждался в том мнении, что неизбежно либо сбавить спеси у знатных, либо полностью утратить свободу» [9, p. 82]. В случае же нарушения этого паритета, свобода превращается в миф, в политическую декларацию или просто демагогию, и рассуждения по этому поводу лишь прикрывают недостойную общества картину: «сносим в действительности постыдное рабство при сохранении пустого титула прекрасной свободы» [9, p. 82]. Свобода уничтожается в результате полного упадка законов и правосудия. Таким образом, принцип свободы трактуется Бруни специфически, он рассматривает ее исключительно как политическую категорию, как важнейший политический принцип организации общества и гарант сохранения республиканского строя, но не изолированно. Для гуманиста свобода неразрывно связана в политической организации социума с правом и справедливостью, которые в свою очередь могут существовать только при наличии юридического равенства. Выстраивается, таким образом, иерархия политических принципов, на вершине которой находится именно свобода.

Эту точку зрения гуманист сохранил и впоследствии. Так, при описании флорентийских политических порядков он отмечает неразрывную связь права и равенства: «наши законы направлены исключительно на то, чтобы для всех граждан действительно сохранялось равенство друг перед другом, а также равноправие (paritas et equalitas)» [8, p. 183]. Именно в этом (то есть в равенстве и эгалитаризме) по убеждению

гуманиста «заключается подлинная и истинная свобода» [8, p. 183]. Впоследствии, когда гуманист убедился в утрате этой системы соотношения политических принципов, он даже не упоминает о свободе. В его описании от 1439 г. положения дел в республике, адресованном Георгию Трапезундскому, само слово ελεφτέρια - свобода встречается лишь один раз и отнюдь не в связи с характеристикой реального республиканского строя Флоренции, а скорее при описании менталитета флорентийцев: «мы восхваляем свободу и охраняем словом и делом ее как главную цель бытия государства» [12, p.88]. Еще за двенадцать лет до этого сочинения он высказался о торжестве свободы в государстве несколько иначе. В речи на похоронах Нанни Строцци (1427) Бруни по-прежнему апологетизирует коммунальную демократию и утверждает ее реальное существование. Именно она обеспечивает свободу и равенство флорентийцев: «Все мы наслаждаемся одинаковой свободой, повинуемся только одному закону и свободны от страха перед любым человеком» [17, p. 449]. Ситуация, как и оценки гуманиста существенно изменились. В его оценках прошлого Флоренции помимо апологетики свободолюбия республики, заметны охранительные мотивы:

Трактовку категории «свобода» как политической и социальной впоследствии развивает и видоизменяет в своем «Диалоге о свободе» А. Ринуччини. Как и его предшественники, рассматривает ее неоднозначно, но в его трактовке больше, чем Бруни и Салютати, связывает ее с этикой, точнее с проблемой выбора. Ринуччини подчеркивает имманентную связь человеческой природы с обществом. В его трактовке именно свобода выбора и дает человеку возможность решения вопроса о том, как именно ему жить. Таким образом, политическая категория гражданского гуманизма выступает в большей мере как этическая. Он представляет себе свободу как возможность, зародыш этой возможности «заложен от природы в нормальных душах» [25, с. 168]. Свобода в результате предстает как природная потенция, развитие которой зависит от самого человека. Более того, он подчеркивает и соответствие любви к свободе природным общим задачам. И распространяет ее на все живые существа: «прекрасный божий дар любовь и стремление к свободе свойственны от природы не только людям, но даже диким животным, которые предпочитают терпеть на свободе голод и любые невзгоды, чем при полном изобилии находиться в оковах и неволе» [25, с. 167]. Тем более наличие свободы представляется ему главным основанием человеческого бытия, неразрывно связанным с благоденствием человека «отличие свободы от счастья не столь уже не столь уж велико» [25, с. 168]. С этикой связывает трактовку свободы и доказательство связи ее с другими гражданственными добродетелями, в частности свобода провозглашается «проявлением мужества». Поэтому-то свобода определяется Ринуччини как сама «возможность жить», как обязательное и необходимое условие даже физического существования человека. Определяется же отношение к свободе каждого человека дарованной ему свыше свободой выбора и

свободой воли. Согласно воззрениям Ринуччини «тот, кого называют свободным, может пользоваться или не пользоваться свободой по своей воле» [25, с.167].

Трактовка проблемы свободы в этическом плане подводит гуманиста к его выводам относительно политической свободы. Политическая же свобода понимается Ринуччини очень четко, без расплывчатости и эмоциональных всплесков; по его убеждению, «свобода – некая возможность вольно жить в рамках государственных законов и обычаев» [25, с.167.]. Тем самым в новых исторических условиях А. Ринуччини развивает трактовку понятия свобода, изложенную его предшественниками. Политическим основанием свободы личности гуманист считает равенство, по его мнению «равенство граждан – величайшая основа свободы» [25, с. 174.]. Для него равенство оказывается неразрывно связано с правом и заложено в основе общественного порядка, подкрепленного силой закона. Он разделяет точку зрения своих предшественников: свобода, по его убеждению, неразрывно связана с правом. При этом он полагает, также, как и Салютати, что свобода не является волей и ее реализация в обществе связана с определенными ограничениями, а потому делает вывод о том, что «высшая свобода, когда мы подчиняемся законам, чтобы быть свободными» [25, с. 170].

От теоретиков гражданского гуманизма Ринуччини отличает идея о предпочтительности созерцательной жизни. И Салютати и Бруни (да и другие последователи этого направления) четко декларировали приоритет активной жизни. Однако, решение Аламанно Ринуччини о предпочтительности выбора между созерцательной и активной жизни в пользу созерцательной не является, судя по всему, отказом от позиций предшественников по гражданскому гуманизму, и объясняется поиском выбора в меняющихся политических условиях – ликвидации политической свободы в государстве и установлении тиранической власти (для Ринуччини власти Медичи). Уход в сферу размышлений он трактует также как реализацию принципа свободы, в данном случае свободы выбора, из активной гражданственной свободы и служения обществу, как полагает Ринуччини, гражданин проявляет стремление сохранить свободу, но свободу духовную, поскольку «свободный и возвышенный дух не избегает опасности и не боится угроз».

Город – колыбель политической свободы утрачивает ее в результате установления власти узкого круга или даже одного гражданина (в данном случае К. Медичи), а потому, утверждает Ринуччини, свобода меняет свое местонахождение. По этой причине, настаивает гуманист, «свобода более истинна в подобном уединении, чем в городе» [25, с. 163].

Из подобных установок делается актуальный вывод, политическая же свобода Флоренции в трактовке Ринуччини остается в прошлом, но ее светлый идеал сохраняется в сфере духовной жизни. Однако, исторически принцип свободы и по мнению Ринуччини торжествовал в общественном строе Флоренции и политических установлениях республики в былые

времена. Отсюда его конечный вывод: «Флорентийское государство всегда было защитником свободы и до того ревностным, что повсюду можно видеть слово свобода, написанное золотыми буквами на государственных штандартах» [25, с. 165].

Таким образом, эволюция понимания и трактовки категории свободы во многом определялась в гуманистической среде изменениями в политическом строе итальянского общества и в частности Флорентийской республики – колыбели гражданского гуманизма. Гражданский гуманизм культивировал свободу как одну из важнейших политических категорий, как основу демократической республики. Именно с уверенностью в торжестве этого принципа в республике была связана идеализация институциональной истории Флоренции и исторически сложившегося государственного строя., так что можно говорить о конструировании новой модели идеального государства: коммунальной республики, основанной на политических принципах права, равенства и справедливости в целях достижения свободы как формообразующего начала государства.

Утрата же коммунальной демократии принесла изменения в трактовке этой категории, рассмотрению ее скорее как категории этической. К 70 гг. XV века политическая трактовка категории «свобода» использовалась уже только применительно к прошлому флорентийского государства, хотя от апологии свободы идеологи гражданского гуманизма никогда не отрекались. Однако гуманисты от глубокой убежденности в наличии торжества принципа свободы в коммунальной демократии (прежде всего во Флорентийской республики) постепенно перешли к ностальгической тоске по утраченным идеалам и культивированию свободы как высшего свойства, присущего человеку.

Список литературы

1. Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni. Chicago, 1968.
2. Baron H. Humanistic and political literature in Florence, Milan and Venice in early Quattrocento. Cambridge (Mass.),.1955.
3. Baron H. Moot problem of Renaissance interpretation //Journal of history of ideas. XIX. 1958. № 1
4. Baron H. The crisis of early Italian Renaissance. Civic humanism and republican liberty in the age of classicism and tyranny. Princeton, 1955. V.I-II.
5. Baron H. The social background of political liberty in the early Italian Renaissance //Comparative studies in society and history. 1960. July. P. 440-451.
6. Bec C. Cultura e societa à Firenze nell' età della Rinascenza. Roma, 1981.
7. Bec C. Les marchands écrivains. P., 1967.
8. Bruni L. Epistola ad imperatorem Sigismundi ///Ed. H.Baron //Humanistic and political literature in Florence, Milan and Venice in early Quattrocento. Cambridge, 1955.
9. Bruni L. Historiarum florentini populi lidri XII. Citta di Castello, 1926.
10. Bruni L. Laudatio florentinae urbis /Ed H. Baron //Baron H. From Petrarch to Leonardo Bruni. Chicago, 1968.
11. Bruni L. Oratio funebris //Rubinstein N. Florentine studies. L., 1968.
12. Bruni L. Περι τησ των φλωρεντνων πολιτέιας /Hrsg. K. Neumann. Frankfurt am Mein, 1822.

13. Garin E. L'umanesimo italiano. Filosofia e vita civile nel Rinascimento. Roma, 1994.
14. Garin E. Umanisti, artisti, scienziati. Roma, 1989.
15. Humanism and liberty. Writings on freedom from fifteenth-century Florence. Columbia, 1978.
16. Martines L. Power and Imagination City states in Renaissance Italy. New-York, 1980.
17. Rubinstein N. Florentina libertas //Rinascimento. Vol. XXVI. Firenze, 1986. P. 3-26.
18. Varese C. Storia e politica nella prosa del Quattrocento. Torino, 1961.
19. Vasoli C. Il concetto del Rinascimento // Il Rinascimento. Aspetti e problemi attuali. 1982.
20. Vasoli C. Studi sulla cultura de Rinascimento. Manduria, 1968.
21. Брагина Л.М. Идеи гражданского гуманизма в речах флорентийских магистратов //Средние века. Вып. 47. М., 1984. С. 46-71.
22. Брагина Л.М. Итальянский гуманизм эпохи Возрождения. М., 2002.
23. Брагина Л.М.Итальянский гуманизм. Этические учения XIV-XV вв. М., 1977.
24. Гарэн Э. Проблемы итальбянского Возрождения. М., 1986.
25. Ринуччини А. Диалог о свободе /Пер. М.М. Ощепковой // Сочинения итальянских гуманистов XVвека. М., 1985.
26. Салютати К. Инвектива против Антонио Лоски из Виченцы //Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М.: Наука, 2004.
27. Эльфонд И.Я. «Восхваление города Флоренции» как источник для изучения историко-политической концепции гуманиста Леонардо Бруни // Проблемы всеобщей истории. Сб. науч. трудов. М., изд-во МГУ, 1976. С. 286-305.
28. Эльфонд И.Я. Влияние политических идей античности на становление гражданского гуманизма (на примере проблемы тирании) // Проблемы политической социальной и культурной истории средних веков и раннего нового времени. СПБ, Алетейя, 2005. С. 268-284.
29. Эльфонд И.Я. Политический опыт итальянских коммун в общественной мысли Франции XVI века // Средневековый город. Саратов, изд-во Сарат.ун-та, 2000. Вып. 14. С. 90-101.

УДК 338.43(47044)(09)|1965/1975|

ОСОБЕННОСТИ СПЕЦИАЛИЗАЦИИ И КОНЦЕНТРАЦИИ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА В 1970-1980 ГОДЫ (НА МАТЕРИАЛАХ ПОВОЛЖЬЯ)

С.А. Яковлев
Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия
E-mail: lazan4ina@yandex.ru

В статье на основе нормативных документов, архивных материалов, статистических данных и периодической печати, анализируется процесс организации сельскохозяйственного труда и производства в Поволжье на базе технической модернизации, специализации, концентрации, межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.

Ключевые слова*:* Сельское хозяйство, техника, концентрация, специализация, объединения, сельскохозяйственная зона, межхозяйственная кооперация, агропромышленная интеграция.

Features of the specialization and the concentration of the agriculture production in 1970-1980 years (Middle-Volga region)

S.A. Yakovlev

The article, on the basis of regulatory documents, archives, statistics and periodicals, analyzes the process of organization of agricultural labor and production in the Middle-Volga region on the basis of technical modernization, specialization, concentration, cooperation of different branches of agriculture and agricultural industry integration.

Key words*:* Agriculture, technique, concentration, specialization, unit, agricultural zone, different branches of agriculture, agricultural industry integration.

Техническое перевооружение, индустриализация процессов сельскохозяйственного производства, сопровождавшие перевод сельского хозяйства страны на рельсы интенсификации в годы восьмой пятилетки, существенно повлияли на развитие производительных сил колхозов и совхозов. Появление новой сельскохозяйственной техники, наращивание механизации и электрификации потребовали новых организационных форм и, прежде всего, концентрации и разделения труда на селе.

Старт новому этапу совершенствования организационных форм дало постановление ЦК КПСС от 28 мая 1976 года “О дальнейшем развитии специализации и концентрации сельскохозяйственного производства на базе межхозяйственной кооперации и агропромышленной интеграции.[1,с.481]

Было признано необходимым в интересах наиболее эффективного использования земли, капитальных вложений, техники, трудовых ресурсов проводить специализацию колхозов и совхозов и углубление концентрации сельскохозяйственного производства.

Особенности этого процесса в 70 — 80 годы состояли в том, что концентрация производства предусматривала создание новых форм межотраслевых связей, влекущих за собой изменения в структуре и характере производства на основе специализации, межхозяйственной кооперации и индустриализации.

Было намечено несколько основных направлений для достижения перехода от многоотраслевой экономики к экономике специализированного производства: во-первых, размещать сельскохозяйственное производство по регионам страны, а также внутри областей, краев, республик с учетом сложившихся природно-экономических условий; затем провести специализацию самих хозяйств, устраняя многоотраслевой характер их деятельности; сконцентрировать основные отрасли сельскохозяйственного производства как внутри одного

хозяйства в результате его специализации, так и в масштабе региона на основе межколхозной кооперации. Главным условием всех этих преобразований оставалось качественное улучшение сельскохозяйственной техники, насыщение ею колхозов и совхозов, увеличение энерговооруженности всех звеньев производства сельхозпродуктов, подготовка квалифицированных кадров.

Специализация республик и регионов исторически сложилась уже давно. Определились районы производства зерна, хлопка, льна, сахарной свеклы и других технических культур, овощеводства и скотоводства. Следующий шаг — провести в хозяйствах этих зон углубленную специализацию и концентрацию производства. Здесь намечались три основные направления: отраслевое, предметное и постадийное. Первое направление — отраслевая специализация, когда в хозяйстве, где производилось всего понемногу, складывается одна — две товарные отрасли, определяющие его хозяйственное лицо и его экономику. Например, зерновые совхозы Поволжья, овощеводческие хозяйства вокруг крупных промышленных центров и т.д. Наряду с главным производством такие хозяйства успешно занимались дополнительными отраслями. Так, в зерновых совхозах Поволжья наряду с основным зерновым производством развивалось животноводство.

Углублением, развитием отраслевой специализации являлась предметная специализация, т.е. хозяйства специализировались не только по отраслям, но и по производству определенных видов продукции, возделыванию той или иной сельскохозяйственной культуры, выращиванию того или иного вида животных. Так сложились колхозы по выращиванию овец или свиней, по производству молока или выращиванию сахарной свеклы и т.п.

В связи с этими двумя направлениями развивалось и третье: постадийная специализация. Этот технологический тип специализации наиболее широкое распространение получил в животноводстве, когда одни колхозы специализировались на производстве племенного скота, другие — на репродукции молочного стада, третьи на откорме, четвертые на производстве молока.

В Куйбышевской области углубленная специализация была проведена на основе всестороннего и глубокого изучения приодно-экономических условий районов и сложившейся в хозяйствах специализации.

Здесь образовались три зоны. В первой преобладало производство зерна, технических культур, свинины. В эту зону вошли 7 районов. Вторая зона — пригородная. Ее цели — производство овощей, картофеля, молока, мяса, птицы для нужд областного центра. Третья зона включала 9 районов. В ней развивалось производство товарного зерна, мясо-молочное скотоводство, овцеводство. [2,с.2,4,5,26,27,]

В Куйбышевской области в годы девятой пятилетки вступили в строй 12 комплексов по производству молока, 13 — по производству говядины и свинины, 1 бройлерная фабрика. Все специализированные хозяйства в 1975 году произвели 94% яиц, 57% свинины, 47% молока, 48% шерсти. [3,с.2]

Аналогичные процессы осуществлялись в годы восьмой и девятой пятилеток в Саратовской области. Основная отрасль этой области — производство зерна. Его выращиванием занимались все районы. А вот возделывание других культур было распределено по зонам в соответствии с их климатическими и экономическими условиями. Так, посевы горчицы стали проводить только в четырех, а не в шестнадцати районах, как прежде, лен — в пяти районах, бахчевые — в четырех (ранее в 34). Этими культурами занимались специализированные хозяйства. В Саратовской области в эти годы были созданы такие объединения как “Овощепром” и “Плодпром”. В хозяйствах этих трестов выращивалось до 80% всех овощей и картофеля и 95% плодов и ягод. Семеноводство культивировалось в хозяйствах объединения “Саратовсемпром”. В заволжских районах развивалось животноводство, в основном, овцеводство. Вокруг городов Саратов и Энгельс были созданы овощеводческие, молочные хозяйства, а также птицеводческие фермы и фермы по производству яйца. [4,с.2]

В Ульяновской области разделение на специализированные зоны произошло в годы восьмой пятилетки. Всего образовалось 4 зоны. Только в одной южной правобережной зоне выращивали зерно, а также занимались производством мяса. Достаточно широко было развито выращивание сахарной свеклы. Это производство было сосредоточено в шести районах области. В других зонах хозяйства специализировались на производстве мяса, молока, картофеля и конопли. В одной из зон основной культурой стал подсолнечник. Вблизи крупных населенных пунктов к концу девятой пятилетки были созданы несколько совхозов по откорму крупного рогатого скота треста “Скотопром”. Производством свинины в области занимались 14 специализированных совхоза треста “Свинпром”, десять хозяйств треста “Птицепром” занимались производством яйца и мяса птицы. [5,с.2]

Организация районного специализированного хозяйственного объединения в начале 1974 года в Похвистневском районе, куда вошли 3 специализированных хозяйства по откорму крупного рогатого скота, производству свинины, выращиванию телок, межколхозный комбикормовый завод и 17 колхозов-поставщиков молодняка, дала возможность в конце года “Райспецхозобъединению” сдать государству 19679 центнеров мяса в том числе 8447 центнеров говядины, что превышало план на 30%. При этом себестоимость одного центнера привеса крупного рогатого скота составила 95,6 рублей, свиней — 91,6 рублей, тогда как в неспециализированных хозяйствах себестоимость составила соответственно 138,3 и 114 рублей. [6 с.6]

В годы восьмой пятилетки в Волгоградской области окончательно сложилось 5 основных сельскохозяйственных зон. В северо-западной зоне, куда входило 11 районов, было развито, в основном, зерно-скотоводческо-свиноводческое направление с развитым производством семян подсолнечника. В центральной зоне направление было зерно-скотоводческое с развитым свиноводством. В пригородной зоне, где сосредоточилось около 40% орошаемых земель области, хозяйства

специализировались на производстве зерна, овощей, мяса, в дальнейшем ее планировалось преобразовать в овоще-молочную зону. Южная зона имела специализацию зерно-скотоводческую с развитым овцеводством, свиноводством и производством семян горчицы. В заволжской зоне ведущей отраслью было животноводство, тонкорунное овцеводство, мясо-молочное производство, в растениеводстве здесь преобладало производство зерна и семян горчицы. [7,с.47-54]

Астраханская область была одним из крупнейших районов по поставке овощей и бахчевых культур в стране. Выращиванием овощей занимались в Наримановском, Хараболинском Ахтубинском районах, а арбузов в Лиманском районе. В девятой пятилетке одной из доминирующих отраслей в растениеводстве стало рисоводство. Оно развивалось в Камызякском, Черноярском, Харабалинском и Владимирском районах. В этот период были созданы специализированные рисоводческие совхозы “Коммунар”, “Картубинский” и “Ушаковский”. Из животноводческой продукции первое место в Астраханской области занимало овцеводство, главным образом тонкорунное и полутонкорунное. Оно распространялось на обширных пастбищах северных и центральных районов области. [8,с.7,16,64]

В стране с весны 1976 года, стали строиться современные промышленные комплексы и птицефабрики, реконструироваться и расширяться ранее существовавшие животноводческие фермы, которые оснащались новейшим технологическим оборудованием, заметно сокращающим долю ручного труда. Возникали колхозы и совхозы, специализирующиеся на производстве яиц, кур, на выращивании молодняка или откорме крупного рогатого скота. На этой основе совершенствовались внутрихозяйственные, межхозяйственные и другие формы специализации. [9,с.481]

В молочном производстве и птицеводстве стали выделять племенные заводы, молочные хозяйства по выращиванию первотелок, доращиванию молодняка, откорму скота на мясо. В Куйбышевской области появились специализированные молочно-товарные хозяйства в Волжском, Савропольском, Сызранском, Красноярском, Безенчукском, Кинель-Черкасском районах. Успешно работали четыре птицефабрики треста “Птицепром”, трест “Плодопром”, в котором развивалась внутриотраслевая специализация.

В этом плане высокой эффективности в 1980 году добился совхоз “Комсомолец” Кинель-Черкасского района, где среднесуточные привесы свиней были в 2,5 раза выше, а затраты кормов на один центнер привеса в1,5 раза, себестоимость свинины в 1,4 раза ниже, чем в неспециализированных хозяйствах. [10,с.32]

В совхозах “Молодая гвардия”, “Черноволский”, “Смышлеевский” и других были созданы молочно-товарные фермы промышленного типа на 1000 — 1600 голов. На молочном комплексе совхоза “Смышлеевский” от каждой коровы надаивали в 1980 году по 3200 — 3400 кг молока, в то же время, в неспециализированных хозяйствах, каждая корова давала

максимум 2400 — 2500 кг молока в год, или в 1,4 раза меньше. На производство одного центнера молока на молочном комплексе затрачивали 3,9 человеко-часов, что было в 2 раза меньше, чем в неспециализированных хозяйствах. Если в области производство молока было в целом убыточным, то в совхозе “Смышлеевский” уровень рентабельности достигал 33%.[11,с.32]

На откорме крупного рогатого скота в Куйбышевской области специализировались 15 совхозов и 14 колхозов. [12,с.64] Преимущества специализации наглядно проявилось в работе совхоза “Степной”, где себестоимость привеса была в 2 раза, затраты кормов в 1,3 раза, затраты труда на получение 1 центнера привеса в 3 раза меньше, чем в целом по области. Уровень рентабельности здесь составил 74%, тогда как в других хозяйствах области эта отрасль являлась убыточной. [13,с.32]

В Волгоградской области скотоводство развивалось в 12 хозяйствах, причем в колхозах и совхозах пригородных зон — молочно-мясное, а в более удаленных — мясное, овцеводство и т.п. Производство яйца было сосредоточено в совхозе “Серебряковский”, свинины — в колхозах “Красный партизан”, “Рассвет”, совхозе “Реконструкция”.[14,с.76]

В животноводстве стали появляться межхозяйственные объединения: откормочные, молочные, свиноводческие комплексы, племенные хозяйства, станции искусственного осеменения. Позже стали организовываться межколхозные комбикормовые заводы, комплексы по производству кормов, белково-витаминных добавок.

В Куйбышевской области к началу 10-й пятилетки действовало 11 межхозяйственных объединений по доращиванию и откорму крупного рогатого скота и производству свинины, в которые входили 162 колхоза и совхоза. [15,с.33] В 120 межхозяйственных, агропромышленных предприятиях и объединениях в эти годы производилось 53% товарного картофеля, 96% овощей, 85% плодов и ягод, около 70% свинины, почти 60% мяса птицы, 27% яиц и 11% товарного молока. [16,с.443]

Аграрно-промышленное кооперирование позволило объединить усилия хозяйств, создать крупные предприятия индустриального типа. Появились объединения, хозяйства-заводы, аграрно-индустриальные комбинаты. Стали вовлекаться в кооперирование заготовительные, торговые, промышленные предприятия. В 11-й пятилетке сформировался один из первых в стране крупных территориальных агропромышленных комплексов пригородного типа “Куйбышев-плодовощхоз”, в состав которого помимо объединений “Жигули” и “Кряж”, снабжавшие город овощами, картофелем, фруктами вошли 10 совхозов бывшего треста молочно-картофелеводческих совхозов, треста “Плодпром” в составе 13 совхозов и двух плодопитомников, совхоз “Большевик” Сызранского райисполкома и совхозы объединения Россемовощ Министерства сельского хозяйства РСФСР. [17,с.153,172]

В Саратовской области в Ершовском районе в 9-й пятилетке был введен в строй межколхозный откормочный комплекс на 20 тысяч свиней и комплекс по откорму крупного рогатого скота. А в 10-й пятилетке в

области было создано 53 межхозяйственных предприятия по производству мяса. [18,с.2]

В Волгоградской области в 1975 году кооперированием было охвачено 200 колхозов и совхозов, а в 1978 году действовало уже 48 межхозяйственных предприятия по производству мяса, молока и по выращиванию племенного молодняка. [19,с.2,44]

Создание крупных животноводческих комплексов определило предпосылки для развития кормопроизводительной отрасли. В нее вошли хозяйства, специализирующиеся на выращивании кормовых культур, заводы по выпуску комбикормов, биопрепаратов, кормовых дрожжей и т.п.

Дальнейшее углубление специализации потребовало кооперирования предприятий не только сельского хозяйства, но и промышленности, предприятий сферы торговли, строительства, транспорта, то есть сельскохозяйственное производство стало превращаться в единый технологический процесс от выращивания сельскохозяйственной продукции до реализации ее в переработанном виде.

Список литературы

1.Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник документов. М., 1978, с. 481.

2. Волжская коммуна. 1966, 7 января. с.2; Слепышев П.А. Специализация в сельскохозяйственном производстве. Куйбышев. 1974, с. 4, 5; Аверкиев А.С., Бузаев Н.С., Радбиль М.Н. Специализация и эффективность сельскохозяйственного производства. Куйбышев. 1972, с. 26, 37.

3.Волжская коммуна. 1975, 26 декабря, 31 декабря. с.2

4.См. Коммунист. 1976, 17 января. с.2

5.Ульяновская правда. 1975, 29 июня. с.2

6.Степные просторы. 1976, №3, с. 6.

7.См:Иващенко П.И., Шабунин П.А. Что дает нам специализация? Волгоград. 1973, с. 47 — 54.

8.См. Тимофеева Л.Д. Отрасли народнохозяйственной специализации промышленности и сельского хозяйства Астраханской области. Автореферат канд. геогр. наук. М. 1973, с. 7, 9; Челобанов Н.В. Сельское хозяйство Астраханской области. Волгоград. 1968, с. 64.

10.См. Ленинская аграрная политика КПСС. Сборник важнейших документов (март 1965 — июнь 1976 гг.). М., 1978, с. 481.

11.Система ведения сельского хозяйства Куйбышевской области на 1986—1990 гг. Куйбышев. 1984, с. 32.

12. Система ведения сельского хозяйства Куйбышевской области на 1986—1990 гг. Куйбышев. 1984, с. 32.

13.См. Аверкиев А.С., Будаев Н.С., Раббиль М.Н. Специализация и эффективность сельскохозяйственного производства. Куйбышев. 1972, с. 64, 81.

14.Система ведения сельского хозяйства Куйбышевской области на 1986—1990 гг. Куйбышев. 1984, с. 32.

15.См. Иващенко П.И., Шабунин И.А. Что дает нам специализация производства? Волгоград. 1973, с.76.

16.Система ведения сельского хозяйства Куйбышевской области на 1986—1090 гг. Куйбышев. 1984, с.33.

17.Очерки истории Куйбышевской организации КПСС. Куйбышев. 1983, с. 443.

18.См. Коммунист. 1976, 8 февраля с.2; Коммунист. 1978, 6 октября. с.2

19.Волгоградская правда. 1976, 31 января с.2; Волгоградская область в 10-й пятилетке. Волгоград. 1979, с. 44.

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 6
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Алебастрова А.А. Интерсубъективность личности в эпоху постмодерна……3

Аракчеева М.Б., Завгородный А.И. Производство человеческого капитала в современном социальном пространстве……9

Везиницына С.В. Государственная кадровая политика в современной России: особенности реализации и механизмы совершенствования…..….14

Гализдра А.С. Аксиологические параметры деловой культуры неолиберализма…….21

Данилов С.А. Институт доверия: горизонты концептуализации……..26

Дорошин И.А. Экономическая «неуверенность»: конкуренция и риски религиозного поведения……...28

Жадан И.Э. Человеческий капитал как экономическая категория современного информационного - инновационного общества……...34

Завгородный А.А. Общественный идеал как ядро духовного ресурса современного российского общества……..41

Иванова И.Н., Миронова Р.Е. Ценности личности в структуре человеческого капитала……45

Калинина Е.В., Верещагина Л.С. О методологии оценки результатов труда в системе управления персоналом……52

Коновалова Т.Л. Общественные блага как фактор развития человеческого капитала……...59

Найдёнова М.В. Социальные вопросы развития персонала транспортной отрасли ……..…66

Орлов М.О. Человеческий капитал: постклассическая интерпретация……...68

Петрова В.В. Э. Мах и А. Эйнштейн: возникновение новой физики……74

Погрешаева Т.А. Самоформирование человека в социальном развитии общества……84

Посунько Ж.О. Структурные профили социального пространства….89

Соколова Д.М. Человеческий капитал как ресурс глобального общества: поиск новых форм социальной субстанции……..…...94

Смирнова Т.В. Особенности реализации человеческого капитала в пожилом возрасте……100

Трошина Н.В. Экстремизм как форма проявления агрессии и насилия в современном обществе……..……105

Фролова С.В., Кайргалиева Э.К. Приверженность своей стране и этнокультурная интегрированность образной сферы представителей России и Казахстана…….……...…110

Хворостухина А.И., Орлова М.М. Исследование качества жизни в клинической практике……114
Черевичко Т.В. Инновационный человеческий капитал: основные факторы развития……119
Яхварова Е.В. Анализ конкурентоспособности человеческих ресурсов России……...124

РАЗДЕЛ 7
ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ВЛАСТИ, ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И БИЗНЕСА

Бакуменко В.Д. К вопросу развития теории и методологии принятия государственно-управленческих решений……...129
Барашков Г.М. Модель взаимодействия власти, бизнеса и институтов гражданского общества в современной России……..……....138
Белокрылов К.А. Место и роль гражданского общества в обеспечении транспарентности удовлетворения потребностей общественного сектора……..…146
Бердникова Е.В. Обжалование гражданами решений и действий государственных органов в системе общественного контроля за избирательным процессом……..153
Вилков А.А. Возвращение к смешанной избирательной системе на выборах в государственную думу как фактор взаимодействия власти, бизнеса и гражданского общества……..…158
Головченко А.В. Организационная и идейная инверсии либерализма в рамках партийного проекта «Единой России»……..…165
Головченко В.И. К вопросу о роли и месте партийной элиты в политической жизни страны в эпоху модернизации……..…..170
Данилов М.В. Человек в условиях политизации общества: его роли и статусы……..175
Жовнирчик Я.Ф. Концептуальные основы государственного регулирования комплексного и сбалансированного развития регионов Украины в условиях усиления межрегиональных экономических связей……181
Засимов И.Ю., Потапенко Е.Г. О необходимости модернизации российской правоохранительной системы……...189
Иванова Е.М. Оценка результативности политического участия личности……...194
Комкова Г.Н. Защита конституционным судом РФ экономической стабильности государства……...199
Кравченко Н.Ю., Курганова С.В. Некоторые проблемы гражданской идентификации: новые социальные феномены……203
Михайлова Н.А. Правовые основы системы оплаты труда работников бюджетной сферы (региональный аспект)……209

Никулина О.М. Проблемы реализации и ответственности родителей за воспитание детей……..…217
Потапенко Е.Г. Региональное правотворчество (вопрос предметной компетенции субъектов РФ)……...223
Романова Н.М. Вовлечение современной молодежи в криминальную деятельность: социально – психологические аспекты…..228
Семенова В.Г. Выборы высшего должностного лица субъекта РФ: возможности и пределы политической конкуренции……..234
Сергеева Е.В. Коммуникация риска в политическом дискурсе……...240
Серов Д.В. Формирование 5-й дивизии польской армии на территории Саратовской области в августе-декабре 1941года……...248
Усаченко Л.М. Социальное партнерство органов государственной власти и неправительственных организаций……..……..…253
Фадеева В. А. Учреждение института уполномоченного по защите прав предпринимателей в России……..261
Червякова О.В. Государственное управление в контексте глобализационных влияний……..……..…265

РАЗДЕЛ 8
РЕСУРСНЫЙ КОНТЕКСТ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аникин Д.А. Социальная память как символический ресурс: сетевые основания…….276
Бегинина И.А. Политическое сознание современной саратовской молодежи……..…281
Волгина Н.Д. Повышение компетенции россиян в работе с информационными ресурсами как основа национальной безопасности……....289
Ивченков С.Г. Страхи студентов СГУ: результаты социологического исследования……295
Конаков Д.Н. Современное общество как общество риска……302
Могилевич Б.Р. Социологический контекст межкультурной коммуникации……..307
Покатов Д.В. Трансформация моделей управления регионами России в постсоветский период……..…312
Никифоров Я.А. Социальные изменения в экономической сфере общественной жизни в трудах Н.Г. Чернышевского……...317
Ситникова С.В., Шахматова Н.В. Ценностные ориентации как основа жизненного самоопределения молодежи……..323
Усова М.В. Институциональные аспекты деятельности СМИ в сетевом обществе ……..…….330

Раздел 9
ЧЕЛОВЕК, ВЛАСТЬ, ОБЩЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Адамова Л.Г., Сафронов Ю.А. Страхование от огня в городах Саратовской губернии в последней четверти XIX — начале XX вв……337

Аникин Л.С. Муниципальная власть: противоречивое становление……..344

Бажанова А.И. Кризис идентичности в современной России и связанные с ним риски……..…349

Белов К.В. Военный реформатор Д. А. Милютин: инновации в сфере подготовки нового офицерского корпуса…….352

Галямичев А.Н. Социально-политическая история средневековой Праги в зеркале архитектуры: два шедевра чешской готики и судьбы государства и общества……..362

Герман А.А. Саратовские немцы в годы первой мировой войны и в советское время……...367

Гузеев Д.А. Развитие военно-учебных заведений Внутренних Войск МВД СССР в период реформирования военного образования (1966-1973 годы)……374

Дыльнова З.М., Калинникова М.В. Социальные риски развития предпринимательства в Поволжском регионе……..380

Исаева О.С. Традиция органицизма в русской философской мысли: к анализу социально-философского учения классического евразийства……..383

Киясов С.Е. Независимость США: масонский след……390

Корнев В.П. Н.Г. Чернышевский в исторической ретроспективе: взгляд статистика……395

Кочуков С.А. Отношение к русско-турецкой войне 1877-1878 гг. как фактор дифференциации и эволюции общественного движения……..402

Кочукова О.В. Кризис общественного сознания в России середины 1850-х гг. в отражении дневниковых записей современников……..…407

Крамаров А.О. Особенности возникновения и становления ювенальной юстиции за рубежом…….……415

Ломако О.М. Историческая трансформация власти и ценности: социально-философский аспект…….422

Лукьянов А.В. 20-я Саратовская пехотная школа и окружные манёвры 1923 г……429

Магда А.В. Концепт становления в онтологических учениях Фридриха Ницше и Жиля Делеза…….433

Майорова А. С. «Саратовские губернские ведомости» как источник для изучения истории культуры Саратовского Поволжья первой половины XIX века……439

Мезин С.А. «Намерение мое есть во Францию». Дипломатическая прелюдия к визиту Петра I в Париж……..…445
Михайлова О.А. Коррупция в органах власти Саратовской губернии в первой половине XIX в……..452
Многолетняя Е.Н. Книгопечатание в Чехии после восстания 1547 года……461
Мосолкина Т.В. Наука, общество и власть в Англии в период реставрации……..…468
Павлова С.Ю. Представители власти в «Мемуарах» Марии Манчини……...476
Сабитова Л.Р. Установление англо-турецких дипломатических отношений: миссия У. Харборна (1577-1588)……..480
Сидоров И. Е. Энергетическая политика Азербайджана 1991 – 1994 гг. Борьба за «Контракт века»…….487
Суворов В.В. Взаимообусловленность расширения России на восток и ее государственного устройства в идеологии «восточничества»……...492
Устьянцев В.Б. Власть и порядок в зеркале политической психологии……...…497
Храмушина Д.Д. Историческое развитие принципа равенства независимо от происхождения в российском государстве…….503
Чолахян В.А. Из истории санитарного состояния и развития медицинского обслуживания в Саратовском Поволжье в конце XIX – начале XX вв……511
Чернова Л.Н. Путь из графства в Лондон: к вопросу о социальной мобильности в Англии XIV–XVI веков……517
Шенин А.С. «Кто потерял Турцию?»: Анкара и неоконсерваторы Дж. Буша-Мл…… ……...523
Шенин С.Ю. Проблемы и перспективы энерготранзитного потенциала Украины (на примере нефтепровода Одесса-Броды)……..528
Эльфонд И.Я. Проблема свободы во флорентийском гражданском гуманизме……..…534
Яковлев С.А. Особенности специализации и концентрации сельскохозяйственного производства в 1970-1980 годы (на материалах Поволжья)……..…542

Научное издание

«Современное общество: человек, власть, экономика»

Сборник трудов Международной научной конференции
«Современное общество: человек, власть, экономика»
Разделы 6-9

Саратов, 4 апреля 2014г.

Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Подписано в печать 01.10.2014
Гарнитура Times. Печать Riso.
Усл. печ. л. 34,69. Тираж 500 экз. Заказ 0444

Издательский центр «Наука»
410600, Саратов; Пугачёвская, 117, к.50

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ИП «Экспресс тиражирование»
410005, Саратов; Пугачёвская, 161, офис 320 ☎ 27-26-93